

ИСТОРИЯ КРЫМА

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ КРЫМА

В ДВУХ ТОМАХ

Ответственный редактор
А. В. Юрасов

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ КРЫМА

ТОМ I

КУЧКОВО
ПОЛЕ

Москва
2017

УДК 94(1-924.71)
ББК 63.3(4Укр-6Кры)
И90

Редакционная коллегия:

А. В. Юрасов (отв. редактор), Л. В. Мельникова (отв. секретарь),
А. И. Айбабин, П. Г. Гайдуков, С. П. Карпов, А. В. Мальгин,
А. А. Масленников, Ю. А. Петров

История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. — М.: Кучково поле, 2017. Т. 1. —
И90 600 с.: 38 с. ил.; 8 л. цв. ил.

ISBN 978-5-9950-0870-5
ISBN 978-5-9950-0871-2 (т. 1)

Коллективная монография представляет собой первое обобщающее научное исследование по истории Крыма от его первоначального заселения человеком до возвращения в состав России в марте 2014 г. На основе достижений отечественной и зарубежной историографии, письменных (опубликованных и архивных), археологических и других источников авторы комплексно рассматривают прошлое Крымского полуострова в широком контексте исторического развития Восточной Европы и России. В разные периоды истории Крыма показаны социально-экономическое и общественно-политическое развитие края, этнодемографический состав, духовная и материальная культура населения, а также место полуострова в международных отношениях и крупных вооруженных конфликтах. Особое внимание уделено историческим связям Крыма и России, дискуссионным и малоизученным вопросам в истории полуострова.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнологов, политологов, культурологов, преподавателей гуманитарных дисциплин высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей России.

УДК 94(1-924.71)
ББК 63.3(4Укр-6Кры)

В оформлении обложки использована фотография христианской базилики, раскопанной в Херсонесе в 1935 г.

ISBN 978-5-9950-0870-5
ISBN 978-5-9950-0871-2 (т. 1)

Тираж 500 экз.

© Институт российской истории РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Фонд «Связь Эпох», дизайн-макет, 2017
© ООО «Кучково поле», 2017

Оглавление

Введение (А.В. Юрасов, А.В. Мальгин)	11
РАЗДЕЛ I. Крым в древности	
ГЛАВА 1. Природа Крымского полуострова (Б.А. Вахрушев)	19
§ 1. Географическое положение	19
§ 2. Рельеф и геологическое строение	20
§ 3. Поверхностные воды	22
§ 4. Растительный и животный мир	25
§ 5. Изменения ландшафтов	29
ГЛАВА 2. Древнейшая предыстория Крыма (палеолит, мезолит, неолит). Ок. 1 млн (?) — 7/6 тыс. лет назад (К.Н. Гаврилов)	32
§ 1. Первоначальное заселение Крыма. Памятники среднего палеолита, мустьерские культуры Крыма (ок. 1 млн (?) — ок. 30 тыс. лет назад)	32
§ 2. Верхний палеолит (ок. 36 тыс. — ок. 12 тыс. лет назад)	37
§ 3. Мезолит (ок. 12 тыс. — ок. 6,5 тыс. лет назад)	39
§ 4. Неолит (7/6 тыс. лет назад)	43
ГЛАВА 3. Крым в эпоху энеолита и бронзы. V–II тыс. до н. э. (Т.А. Копьева)	45
§ 1. Энеолит (вторая четверть V— последняя четверть IV тыс. до н. э.)	45
§ 2. Эпоха ранней бронзы (последняя четверть IV тыс. до н. э. — первая половина III тыс. до н. э.)	47
§ 3. Эпоха средней бронзы (вторая четверть III тыс. до н. э. — XVI в. до н. э.)	51
§ 4. Эпоха поздней бронзы (XV–X вв. до н. э.)	54
ГЛАВА 4. Восточный Крым в античную эпоху. Боспорское царство. VI в. до н. э. — III в. н. э. (А.А. Завойкин, С.Ю. Сапрыкин)	58
§ 1. Боспорское государство в VI–II вв. до н. э.	58
§ 2. Боспорское царство в конце II в. до н. э. — середине III в. н. э.	77

ГЛАВА 5. Античный Херсонес и Западный Крым. VI в. до н.э. — III в. н.э. (<i>С. Ю. Сапрыкин</i>)	92
§ 1. Херсонес и Западный Крым в VI–IV вв. до н.э.	92
§ 2. Херсонес Таврический в эллинистическое время	102
§ 3. Херсонес Таврический и Митридат VI Евпатор	107
§ 4. Херсонес и Римская империя	111
ГЛАВА 6. Варварский Крым в эпоху античности. VII в. до н.э. — середина III в. н.э. (<i>С. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев</i>)	121
§ 1. Киммерийцы, тавры и ранние скифы	121
§ 2. Крымская Скифия в III в. до н.э. — середине III в. н.э.	137
РАЗДЕЛ II. Крым в средневековье	
ГЛАВА 7. Крым в период германских и аланских миграций. Середина III — IV в. (<i>А. И. Айбабин</i>)	151
§ 1. Боспорское царство	151
§ 2. Равнинный и Горный Крым	166
§ 3. Херсонес	174
ГЛАВА 8. Крым в эпоху Великого переселения народов (<i>А. И. Айбабин</i>)	183
§ 1. Боспорское царство	183
§ 2. Равнинный Крым	190
§ 3. Юго-Западный Крым	192
§ 4. Херсонес	195
ГЛАВА 9. Крым в VI–VII вв. (<i>А. И. Айбабин</i>)	201
§ 1. Ранневизантийский Херсон в VI–VII вв.	201
§ 2. Область Дори в период правления Юстиниана I	212
§ 3. Архонтии и Климаты Херсона в Юго-Западном Крыму	220
§ 4. Боспор и Восточный Крым	227
§ 5. Равнинный Крым	234
ГЛАВА 10. На границе Византийской империи и Хазарского каганата. Конец VII — IX в. (<i>А. И. Айбабин</i>)	236
§ 1. Боспор и Равнинный Крым под властью Хазарского каганата	236
§ 2. Хазарская Сугдея	247
§ 3. Борьба Византии и Хазарского каганата за Херсон	250
§ 4. Готия в составе Хазарского каганата	254
§ 5. Фема Херсона	261
ГЛАВА 11. Таврика в X — первой половине XIII в.	266
§ 1. Херсон (<i>В. В. Майко, А. Г. Герцен, А. И. Айбабин</i>)	267
§ 2. Города Готии (<i>В. В. Майко, А. Г. Герцен</i>)	276
§ 3. Сугдея и Боспор (<i>В. В. Майко, А. Г. Герцен</i>)	281
§ 4. Печенеги и половцы (<i>В. В. Майко, А. Г. Герцен</i>)	287

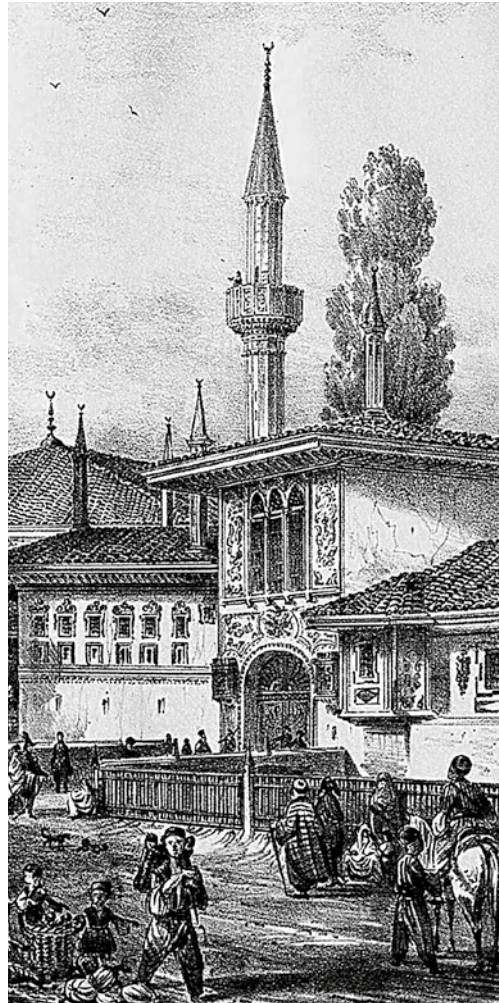
ГЛАВА 12. Крымский улус в составе Золотой Орды.	
Середина XIII — первая половина XV в.	294
§ 1. Первый период джучидского освоения Крыма (1223–1260 гг.) (А. Г. Герцен, И. В. Зайцев)	294
§ 2. Становление Крымского улуса (1260-е—1314 г.) (А. Г. Герцен, И. В. Зайцев)	295
§ 3. Правление хана Узбека и его преемников (1312–1357 гг.) (А. Г. Герцен, И. В. Зайцев)	299
§ 4. Эпоха смут, междоусобиц и временных взлетов (1359–1441 гг.) (А. Г. Герцен, И. В. Зайцев)	302
§ 5. Княжество Феодоро (А. Г. Герцен)	306
ГЛАВА 13. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму (С. П. Карпов)	314
§ 1. Венеция и Генуя в Причерноморье после Четвертого крестового похода	314
§ 2. Возникновение Каффы	316
§ 3. Каффа — главный центр Генуэзской Газарии	320
§ 4. Генуэзская экспансия в Крым во второй половине XIV — начале XV в.	323
§ 5. Закат Генуэзской Газарии	326
§ 6. Управление и топография Генуэзской Каффы	329
§ 7. Население Генуэзской Каффы	333
§ 8. Юридический статус и управление Каффы и Генуэзской Газарии	337
§ 9. Города Генуэзской Газарии	344
§ 10. Экономика Генуэзской Газарии	346
§ 11. Вера и церковь в Генуэзской Газарии	353
§ 12. Культура Генуэзской Газарии	355
§ 13. Повседневная жизнь Генуэзской Каффы	357
§ 14. Венецианцы в Крыму	359
 РАЗДЕЛ III. Крымское ханство. 1441–1783 гг.	
ГЛАВА 14. Образование Крымского ханства (И. В. Зайцев)	365
§ 1. Происхождение династии Гиреев. Хаджи-Гирей и его деятельность	365
§ 2. Преемники Хаджи-Гирея и утверждение Менгли-Гирея	374
§ 3. Османское завоевание Южного берега Крыма в 1475 г. Османские владения в Крыму	379
ГЛАВА 15. Крымское ханство во второй половине XV — XVII в.	
Политическая история и международные отношения	392
§ 1. Политическая история Крымского ханства в XVI–XVII вв. (И. В. Зайцев)	392
§ 2. Внешняя политика Крымского ханства во второй половине XV — XVI в. (И. В. Зайцев)	405

§ 3. Русско-крымские отношения в XVI в. (<i>А. В. Виноградов</i>)	411
§ 4. Русско-крымские отношения в Смутное время (<i>Д. В. Лисейцев</i>)	422
§ 5. Крымское ханство, Речь Посполитая, украинское казачество и Русское государство в XVII в. (<i>И. В. Зайцев</i>)	426
§ 6. Крымские походы В. В. Голицына 1687 и 1689 гг. (<i>И. В. Зайцев</i>)	432
§ 7. Крымское ханство и народы Кавказа (<i>И. В. Зайцев</i>)	434
ГЛАВА 16. Государственный строй, общественные структуры, экономика (<i>И. В. Зайцев</i>)	439
§ 1. Государственный строй	439
§ 2. Социальные отношения	444
§ 3. Военная организация	447
§ 4. Исламские государственно-религиозные институты	451
§ 5. Экономика	457
ГЛАВА 17. Народы и религии, культура (<i>И. В. Зайцев</i>)	466
§ 1. Тюркские народы. Ислам. Культура ислама	466
§ 2. Христианские народы. Православие и инославие. Культура крымских христиан	475
§ 3. Караимы, евреи, цыгане. Иудаизм. Культура караимов и цыган	482
ГЛАВА 18. Крымское ханство от Константинопольского мира до присоединения к России. 1700–1783 гг. (<i>Р. Т. Дейников</i>)	485
§ 1. Крымское ханство в первой трети XVIII в.	485
§ 2. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и ее последствия для Крымского ханства	488
§ 3. Крымское ханство между двумя русско-турецкими войнами	500
§ 4. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и независимость Крымского ханства	506
§ 5. Конец турецкого сюзеренитета над Крымским ханством и попытка османского реванша в регионе	515
§ 6. Политика «модернизации» Шагин-Гирея и падение Крымского ханства	524
Список сокращений	539
Указатель имен	543

ТОМ I

ИСТОРИЯ КРЫМА

Введение

Историческую судьбу Крыма во многом определили уникальное географическое положение и природно-климатические условия, ставшие причиной постоянной борьбы за него различных государств и народов, оставивших полуострову богатое и разнообразное культурное наследие. На протяжении столетий Крым являлся местом проживания представителей многочисленных этнических групп, площадкой для встречи цивилизаций и диалога культур. В разные периоды истории территория всего полуострова или отдельные его части нередко изменяли свою государственную принадлежность. Здесь возникли и прекратили свое существование античные города-государства, Боспорское и Позднескифское царства, княжество Феодоро, итальянские торговые фактории, Крымское ханство. На этот благодатный край распространяли свое влияние Понтийское государство, Римская империя, Византия, Древняя Русь, Османская империя. Важнейшим событием в истории Крымского полуострова стало его вхождение в конце XVIII в. в состав Российской империи. С этого времени Крым и Россия связаны неразрывными экономическими, политическими и культурными узами.

История Крыма привлекает внимание исследователей с середины XVIII в. За два с половиной столетия введены в научный оборот многие письменные, археологические и другие источники, написаны тысячи трудов, посвященных изучению прошлого полуострова. Наряду с исследованиями отдельных периодов и эпох, конкретных тем и сюжетов предпринимались попытки подготовки исторических сочинений, излагающих общую историю Крымского полуострова.

Первые труды, в которых европейский читатель мог познакомиться с историей Крыма с древности и до современной ему эпохи, появились в 1770–1780-е гг., когда полуостров стал ареной соперничества Российской и Османской империй. В очерке «Крымское ханство» шведского историка и лингвиста, профессора Галле-Виттенбергского университета И. Э. Тунманна (1746–1778)¹ и «Истории Крыма, Малой Тартарии и других провинций, ставших предметом недавних споров между Россией и Оттоманской Портой, с точным описанием обычаев и костюмов их народов, последних событий, а также произведений, могущих служить в европейской торговле» итальянского писателя, историка и издателя Ф. Бекаттини (1743–1813)² впервые, наряду с географическими и этнографическими описаниями, дается представление о древней и средневековой истории полуострова в контексте

¹ *Tunmann Johann Erich. Der Krimische Staat // Büsching Anton Friedrich. Erdbeschreibung oder Universal Geographie* (Т. 1–11. Гамбург, 1754–1792); *Тунманн И. Э. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. Симферополь, 1936; переизд.: Симферополь, 1991.*

² *Becattini F. Storia della Crimea, Piccola Tartaria ed altre provincie circonvicine soggetto delle recenti vertenze tra la Russia e la Porta ottomana: Con un esatto ragguaglio delle*

исторического развития Европы и Востока. Если труд И. Э. Тунманна давно занимает почетное место в историографии Крыма, то книга Ф. Бекаттини до сих пор не переведена на русский язык и практически неизвестна отечественным исследователям.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. первым обобщающим трудом по истории полуострова стало сочинение профессора Виленского университета, римско-католического епископа Луцка поляка Адама Нарушевича (1733–1796) «Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен», изданное на русском языке в Киеве в 1788 г.¹ За год до выхода издания в свет автор преподнес свой труд на польском языке («Tawryka, czyli wiadomości starozytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krupci») императрице Екатерине II. Он впервые предложил общую периодизацию истории Крыма с древнейших времен до присоединения Крымского полуострова к России, основанную в соответствии с его концепцией на изменениях, связанных с завоеваниями Крыма и «господством» на полуострове того или иного народа или государства. Однако в труде А. Нарушевича представлен лишь самый общий обзор истории Крыма.

Более подробную историю Крымского полуострова в течение пятнадцати лет составлял близкий к светлейшему князю Г. А. Потёмкину историк и писатель, католический епископ Станислав Богущ-Сестренцевич (1731–1826). В его двухтомной «Истории царства Херсонеса Таврийского», изданной в 1800 г. в Брауншвейге на французском языке, а затем в 1806 г. в Санкт-Петербурге на русском, содержится последовательное изложение событий с древности до присоединения Крыма к России². Автор дает обзор источников по крымской истории начиная с античности, особое внимание уделяет этногенезу местных народов (скифов, готов и др.) и русским интересам на полуострове, ставит целый ряд новых проблем в изучении истории Крыма.

В 1833 г. по поручению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова работу над фундаментальным историко-этнографическим описанием Крыма начал академик Петербургской академии наук П. И. Кеппен (1793–1864). Издание планировалось осуществить в четырех томах, однако свет увидел в 1837 г. лишь первый том «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (так называемый «Крымский сборник»), включавший первое обстоятельное систематическое описание археологических памятников Крыма, их местонахождения и состояния³.

---

usanze, costumi di quel popoli, ultime loro vicende, e produzioni del paese inservienti al commercio d'Europa / Di Francesco Becattini, prof. Venezia, 1785.

¹ *Нарушевич А.* Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Сочинение Польского епископа Адама Нарушевича, переведенное с польского языка на российский. Киев, 1788.

² *Сестренцевич-Богущ С.* История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. Т. 1–2. СПб., 1806.

³ *Кеппен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

В начале XX столетия Императорская археологическая комиссия опубликовала книгу выдающего византиниста, автора «Истории Византийской империи» Ю. А. Кулаковского (1855–1919) «Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк». По словам автора, «очерк задуман и исполнен не как исследование, а как результат исследования. В нем сопоставлены с возможной краткостью достоверные и критически проверенные факты в исторической последовательности эпох и преемства этнических и культурных воздействий на жизнь этой части русского государства»¹. Ю. А. Кулаковский охарактеризовал историю Тавриды с начала греческой колонизации до присоединения Крыма к России. В отличие от предшественников ученый в своих выводах опирался не только на письменные источники, но и на материалы археологических раскопок.

Уже в советское время, в 1936 г., известный крымский историк, археолог и краевед Н. Л. Эрнст (1889–1956) в предисловии к новому изданию очерка Н. Э. Тунманна «Крымское ханство» отмечал необходимость создания обобщающей истории Крыма: «Мы на сегодняшний день не можем похвалиться, что имеем хорошее связное изложение всей истории Крыма. Скажем прямо, мы все еще не имеем пока никакого, даже плохого»².

После окончания Великой Отечественной войны вопрос о подготовке обобщающего труда по истории Крыма по инициативе Крымского обкома ВКП(б) обсуждался на Объединенной научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, состоявшейся в мае 1952 г. в Симферополе. В докладах участники сессии единодушно осудили «буржуазную» трактовку, представлявшую Крым тавро-скифским, греческим, готским, татарским. В решении сессии были поставлены конкретные задачи создания новой этнической истории Крыма: «На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов как варианты реакционной норманнской теории. Широко и всесторонне изучать историю проникновения славян и славянские поселения в Крыму... Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма»³.

Однако в результате было продолжено начатое в 1951 г. издание популярных «Очерков по истории Крыма» бывшего партийного работника, краеведа П. Н. Надинского (1896–1961)⁴. В изложении автора, незнакомого ни с методами исторического исследования, ни с письменными источниками, история полуострова предстает как непрерывная борьба местных аборигенов (восходящих к тавро-скифскому населению) с различными иноземными захватчиками, приходящими как с запада (греками, римлянами, византийцами, генуэзцами и т. д.), так и с востока (печенегами, половцами, татарами и турками), в ходе которой местное, родствен-

¹ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1906. С. II.

² Тунманн И. Э. Крымское ханство. С. 7.

³ Решение объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. Симферополь, 1952. С. 3.

⁴ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1–4. Симферополь, 1951–1967.

ное славянам (скифы — их предки) население всегда тянулось к «братской Руси», и это тяготение завершилось в 1783 г. историческим «воссоединением Крыма с Россией»¹. В соответствии с этой концепцией давались оценки отдельным периодам древней и средневековой истории Крыма, о характере которых свидетельствуют названия разделов: «Борьба скифов против колонизаторов» (эпоха античных городов-государств), «Вторжение римских оккупантов», «Византийская экспансия», «Разбойничьи набеги крымских татар» и т. д. «Татаро-турецкое владычество в Крыму» автором определялось как «самая мрачная страница его истории»².

Труд П. Н. Надинского вышел значительным тиражом в 15 тыс. экземпляров. Однако практически сразу после публикации эта работа вызвала решительное неприятие большинства ученых-историков, оценивших ее резко отрицательно, чему способствовала смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. и начавшаяся во второй половине 1950-х гг. десталинизация общественно-политической жизни.

В 1974 г. очерк общей истории Крыма был помещен в томе «Крымская область», изданном в серии «История городов и сел Украинской ССР», подготовку которой осуществлял Институт истории Академии наук УССР³. В данном очерке преимущественное внимание уделялось успехам социалистического строительства, но и более ранние периоды истории Крымского полуострова также нашли определенное отражение.

В годы «перестройки», когда в СССР происходило переосмысление представлений о прошлом, небольшой обобщающий очерк истории Крыма подготовили в Институте истории СССР АН СССР. В частности, в этой работе были освещены темы, в предшествующие десятилетия по политическим причинам недостаточно изучавшиеся, — Крым в эпоху Золотой Орды, Крымское ханство и др.⁴

После распада Советского Союза, когда Крым находился в составе постсоветской Украины, на протяжении 1990–2000-х гг. стали появляться научно-популярные издания, содержавшие, как правило, очерки истории Крымского полуострова, рассчитанные на массового читателя, в том числе и на украинском языке⁵. В этих изданиях использованы новые архивные документы, прежде всего по исто-

¹ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Симферополь 1951. Ч. I. С. 93.

² Там же. С. 75.

³ История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Киев, 1974. Т. 26: Крымская область.

⁴ Крым: прошлое и настоящее / отв. ред. С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров. М., 1988.

⁵ *Дюличев В. П.* Рассказы по истории Крыма. Симферополь, 1996; *Он же.* Крым. История в очерках. Симферополь, 2005; *Он же.* Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2006; *Андреев А. Р.* История Крыма. М., 2000; Крым сквозь тысячелетия / сост. Э. Б. Петрова. Симферополь, 2004; История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках) / ред. Л. В. Боброва. 2-е изд. Симферополь, 2006; Крым от древности до наших дней / рук. работы В. Б. Костюкевич, ред. Э. Б. Петрова. Симферополь, 2010; *Прохоров Д. А., Храпунов Н. И.* Краткая история Крыма. Симферополь, 2013; *Возгрин В. Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. Симферополь, 2013; *Сергийчук В.* Український Крим. Київ, 2001; *Крисаченко В. С.* Історія Криму від найдавніших часів до кінця XVIII ст.: навчальний посібник. Київ, 2007.

рии Крыма в XX в. Вместе с тем авторы некоторых публикаций не избежали влияния политической или коммерческой конъюнктуры.

В августе 2013 г. Совет министров Автономной Республики Крым ставил перед местными историками задачу создания обобщающего труда с целью «объективного изложения событий и фактов истории Крыма, а также консолидации крымского общества»¹. Однако эта инициатива крымских властей не была реализована.

С возвращением Крымского полуострова в состав России в марте 2014 г. в нашей стране и за рубежом заметно возрос интерес к его исторической судьбе. Уже в следующем году появилась научно-популярная книга «История Крыма», подготовленная под эгидой Российского военно-исторического общества, в которой в доступной широкому читателю форме представлены основные вехи прошлого полуострова².

История Крыма привлекла внимание украинских историков, в 2014 г. издавших объемный труд «Крым: взгляд через века. История в вопросах и ответах»³. В ряде разделов этой коллективной монографии без достаточного обоснования предлагается пересмотреть существующие в историографии оценки национальных движений в Крыму в период Российской революции и Гражданской войны 1917–1922 гг., истории Крыма в годы Великой Отечественной войны, передачи Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г. и др.

Тогда же вышла «первая книга на английском языке, прослеживающая обширную историю Крыма с доисторических времен до современности», написанная известным канадским исследователем П. Р. Магочи. Особое внимание автор уделил влиянию этнического фактора на политическую историю Крымского полуострова⁴.

Несмотря на давнюю историографическую традицию изучения истории Крыма, в российской и зарубежной исторической науке на сегодняшний день отсутствует научное исследование, целостно и системно освещающее прошлое полуострова в широком контексте исторического развития Восточной Европы и России. События «крымской весны» сделали подготовку такого труда особенно актуальной.

Перед авторским коллективом стояла непростая задача написания первого обобщающего научного труда по истории Крымского полуострова с древнейших времен до современности на основе комплексного подхода, предполагающего использование достижений отечественной (дореволюционной, советской, постсоветской и современной) и зарубежной исторической науки, археологии, демо-

¹ Анатолий Могилев предложил издать трехтомный научный труд об истории Крыма [Электрон. ресурс] // Новости Крыма. 2013. 9 ноября. URL: <http://crimea-news.com/society/2013/11/09/781.html> (дата обращения: 13.04.2017).

² История Крыма / Российское военно-историческое общество. М., 2015; см. также: Санин Г. А. Крым. Страницы истории. М., 2015.

³ Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / відп. ред. В. А. Смолій; упорядн. Г. В. Боряк; НАН України. Інститут історії України. Київ, 2014.

⁴ Magocsi P. R. The Blessed land: Crimea and the Crimean tatars. Toronto, 2014.

графии, политологии и других смежных дисциплин в области изучения отдельных эпох и проблем истории Крыма и сопредельных территорий.

В исследовании широко привлекаются опубликованные источники и документы, выявленные в РГАДА, РГИА, РГВИА, РГА ВМФ, ГА РФ, РГАСПИ, РГАЭ, ГАРК, АВПРИ, РГВА, РГАЛИ, ЦАМО, ЦГАВО Украины, ЦГАООУ, ГАОО, ЦГА РУз, Федеральном военном архиве (ФРГ), Бахметевском архиве отдела редкой книги и рукописей Библиотеки Колумбийского университета (США), Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Станфордском университете (США) и других архивных учреждениях. Многие из архивных документов впервые вводятся в научный оборот.

В книге в хронологической последовательности представлены все периоды истории Крымского полуострова от первоначального заселения человеком до важнейшего события его новейшей истории — возвращения в состав России в марте 2014 г. В книге имеются пять основных разделов: «Крым в древности», «Крым в средневековье», «Крымское ханство», «Крым в составе Российской империи», «Крым в XX — начале XXI в.». Характеризуя разные эпохи в истории полуострова, авторы стремились на основе имеющихся источников и литературы показать этнодемографический состав населения, экономику, социальные отношения, общественно-политическое развитие, духовную и материальную культуру жителей Крыма. Особое внимание обращалось на исторические связи Крыма и России, дискуссионные и малоизученные вопросы в истории полуострова.

Авторский коллектив «Истории Крыма» включает сотрудников Института российской истории РАН, Института археологии РАН, Института археологии Крыма РАН, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Центрального музея Тавриды, Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь-Скифский», других научных организаций и учебных заведений.

Подготовка настоящего труда в 2015–2017 гг. являлась одним из приоритетных проектов Российского исторического общества и Института российской истории РАН. Редколлегия и авторский коллектив выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку данного научно-исследовательского проекта, осуществленного в рамках целевого конкурса «Крым в экономике, истории и культуре России».

Надеемся, что первая научная обобщающая «История Крыма» привлечет внимание не только специалистов — историков, археологов, этнологов, политологов, культурологов, но и преподавателей гуманитарных дисциплин высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей России.

Также выражаем надежду, что представляемая книга будет способствовать продолжению изучения истории Крымского полуострова, постановке новых проблем, использованию неизвестных источников, исследованию малоизученных вопросов и тем.

РАЗДЕЛ I

**КРЫМ
В ДРЕВНОСТИ**

Глава 1

Природа Крымского полуострова

Б. А. Вахрушев

В Крыму на относительно небольшой территории встречаются и взаимодействуют умеренный и субтропический ландшафтные и климатические пояса, море и суша, горы и равнины, горные леса и степи, соленые озера и грязевые вулканы, карстовые пещеры с источниками высококачественных питьевых вод и засушливо-аридные полупустынные районы и прочее. Это обусловило ярко выраженную контрастность и рубежность природы полуострова.

§ 1. Географическое положение

Крымский полуостров располагается на южных рубежах России, на равном удалении от Северного полюса и экватора (примерно по 5 тыс. км), между 44°–46° северной широты и 32°–36° восточной долготы. Площадь полуострова — 26,8 тыс. км², протяженность с севера на юг, от Перекопского перешейка (46°15′ северной широты) до мыса Сарыч (44°23′ северной широты), — 207 км, с запада на восток, от мыса Прибойный (32°29′ восточной долготы) до мыса Фонарь (36°39′ восточной долготы), — 324 км.

Перекопский перешеек соединяет Крым с материком. Большая часть Крымского полуострова омывается водами Черного моря, и только северо-восточное побережье — Азовским морем и его мелководным заливом (лагуной) Сивашом. Акватория залива отделена от моря грандиозным (113 км) надводным береговым баром — Арабатской стрелкой. На востоке располагается Керченский пролив (шириной в наиболее узком месте около 3 км), отделяющий Крым от Кавказа и части света: Европу и Азию.

Общая протяженность берегов Крымского полуострова составляет около 2550 км. Они изобилуют заливами, бухтами, полуостровами и мысами, т. е. еще не подвержены длительному абразионно-аккумулятивному выравниванию, что говорит об их относительной геологической молодости. Наиболее крупные полуострова — Керченский на востоке и Тарханкутский на западе. Заливы — Арабатский, Казантипский (Азовское море), Феодосийский, Каламитский и Каркинитский (Черное

море). Ширина Черного моря от южной оконечности Крыма до ближайшей точки Малоазийского побережья (мыс Кормие) — 267 км, что не являлось серьезным географическим препятствием в прошлом: в античную эпоху (I в. н. э.) галера, особенно при попутном ветре, преодолевала это расстояние за одни-два суток.

§ 2. Рельеф и геологическое строение

Территория Крыма разделяется на две неравные по площади, но сопряженно развивающиеся части: Равнинный и Горный Крым.

В пределах Равнинного Крыма выделяются несколько различных по рельефу частей: Северо-Крымская низменность, Центрально-Крымская равнина, Тарханкутский и Керченский полуострова.

На севере полуострова расположена Северо-Крымская плоская, местами слабоволнистая низменная равнина, или Присивашская низменность. Ее монотонный облик нарушается пологими с широкими днищами балками, многочисленными древними курганами и изрезанными берегами Сиваша.

Центральная часть Равнинного Крыма представлена возвышенной аккумулятивной равниной. Приподнятая в середине, к западу и востоку она переходит в Альминскую и Индольскую низменности. К югу Центрально-Крымская равнина плавно повышается и переходит в северный структурный склон Внешней куэстовой гряды.

На западе Равнинного Крыма находится Тарханкутский полуостров, большую часть которого занимает возвышенная равнина из миоцен-плиоценовых известняков. На северо-востоке полуострова находится Джангульское оползневое побережье: причудливое нагромождение смещенных блоков известняков, каменных хаосов, небольших скалистых островков, кустарниковых зарослей, образующих укромные убежища для птиц и животных.

Более сложным строением отличается Керченский полуостров. В его пределах большинство исследователей выделяют две морфоструктурные области (юго-западную и северо-восточную), разделенные Парпачским гребнем чокрак-караганских известняков¹.

Большую роль в развитии рельефа Керченского полуострова сыграл грязевой вулканизм. Здесь же имеют место серные источники с выходами нефти. В начале плейстоцена возник Керченский пролив.

Крымские горы являются западной частью Крымско-Кавказского горноскладчатого региона. Располагаясь на юге полуострова, они состоят из трех параллельных друг другу гряд: Главной и двух Предгорных (Внутренней и Внешней), слагающих северный макросклон всего горного массива. Их общая площадь — около

¹ *Благоволит Н. С.* Керченско-Таманская область // Горные страны Европейской части СССР и Кавказ. М., 1974. С. 81.

6 тыс. км², длина с юго-запада на северо-восток — 180 км, максимальная ширина в центральной части — 45–50 км.

Главная гряда вздымается над Южным берегом Крыма мощным, высотой от 600 м, обрывом верхнеюрских известняков. Она протянулась пологой дугой от Караньских высот и мыса Айя близ Балаклавы на западе до Феодосийского залива на востоке. На западе, между мысом Айя и Ай-Петринской яйлой, эта гряда состоит из ряда изолированных известняковых горных массивов и невысоких гряд, которые разделяют крупные межгорные котловины: Варнаутская, Байдарская, Узунджинская и др.

Центральная часть Главной гряды, от Байдарского перевала на западе и до долины реки Танасу на востоке, представляет собой ряд платообразных горных массивов, сложенных верхнеюрскими известняками, вершинная поверхность которых носит местное название «яйла» (с тюркск. — пастбище). С запада на восток выделяются Ай-Петринская, Ялтинская, Никитско-Гурзуфская, Бабуганская (с высшей точкой Крымских гор — горой Роман-Кош, 1545 м), Чатырдагская, Демерджинская, Долгоруковская и Карабийская яйлы. Это область развития классического среднегорного карста средиземноморского типа. На Долгоруковской яйле расположена длиннейшая в известняках карстовая пещера Крыма и Восточной Европы — Красная (более 23 км), а на Караби-яйле — глубочайшая карстовая шахта Крыма Солдатская (–514 м).

Восточный участок Главной гряды тянется на 75 км от долины реки Танасу до Феодосийского залива. Он имеет несколько иной морфологический облик. Здесь преобладают низкогорные узкие хребты, небольшие горные массивы, иногда увенчанные скалистыми известняковыми гребнями. Водораздельное положение на участке занимают горы Кок-Таш (804 м), Ливаз-Кая (872 м), Сургут-Оба (954 м), Эчки-Даг (670 м). К востоку водораздел несколько смещается от моря к северу и проходит по хребту Туар-Алан (784 м). Не доходя до Феодосии, Главная гряда заметно снижается и распадается на ряд изолированных холмов и холмистых гряд: Янышарский (195 м), Тепе-Оба (289 м) и др.

Примечательными орографическими элементами Восточной части Главной гряды являются Карадагская вулканическая группа приморских эрозионно-денудационных гор (575 м) и Агармышский горный массив верхнеюрских известняков (727 м).

Предгорные гряды — Внутренняя и Внешняя (или вторая и третья), сложенные верхнемеловыми и палеоген-неогеновыми известняками и мергелями, на протяжении 120 км окаймляют с севера Главную гряду. Их ширина составляет 20–30 км.

Внутренняя предгорная куэстовая гряда начинается от Инкерманских высот и заканчивается у Старого Крыма, севернее горного массива Агармыш. Наибольшую выраженность в рельефе она получила в районе Бахчисарая, где ее высота достигает 500–550 м, а также к северо-востоку от Белогорска — гора Белая скала (343 м) и гора Кубалач — высшая точка Внутренней гряды (739 м). В районе Бахчисарая развиты платообразные останцовые горы: Мангуп-Кале (583 м), Чуфут-Кале (564 м) и др.

Внешняя предгорная гряда начинается от мыса Фиолент и Сапун-горы (близ Севастополя). Восточнее Симферополя она постепенно снижается, распадаясь на ряд изолированных возвышенностей, и в районе Белогорска практически сливается с предгорной равниной. У Бахчисарая она достигает высоты 352 м при средней высоте 250 м. Южный склон обрывистый, однако менее выражен, чем во Внутренней гряде, северный — пологий с падением 3–4°.

Морфологию Внутренней и Внешней предгорных гряд осложняют долины рек, стекающих с Главной гряды. Пересекая Южную продольную депрессию, они расширяются, оформляются террасовыми комплексами, а при пересечении куэстовых предгорных гряд приобретают ущелевидный облик и носят название «долины прорыва». В основании куэстовых обрывов развиты многочисленные гроты различной морфологии и размеров. Здесь же, в обнажениях верхнемеловых известняков и мергелей, в изобилии встречаются стяжения кремней, достигающих размеров 10 и более сантиметров. Эти обстоятельства были весьма привлекательны для древнего населения полуострова.

На южном макросклоне Крымских гор, в диапазоне высот от 0 до 600 м над уровнем моря, располагается Южный берег Крыма. Горы Аю-Даг, Кастель, Чамны-Бурун, Плака и другие, известняковые хребты, круто спускающиеся к морю и образующие скалистые мысы Могаби, Ай-Тодор, Никитский, Лименский и т. д., огромные смещенные известняковые массивы Парагильмен, Адалары, Красный камень, Джаневез-Кая, Кошка на фоне эрозионного мелкогорья и возвышающегося на севере известнякового бастиона Главной гряды создают неповторимую пейзажность его рельефа. Начинаясь у мыса Айя и заканчиваясь у Карадага, Южный берег Крыма имеет ширину от 2 до 20 км.

§ 3. Поверхностные воды

Гидрографическая сеть Крыма включает 1657 рек и временных водотоков. Однако только две реки, Салгир и Чатырлык, имеют площадь бассейна более 2 тыс. км². Все остальные относятся к типу малых горных рек с паводковым режимом от интенсивных летних дождей. Весенний паводок обеспечивается бурным таянием снега в горах, на который накладываются ливневые осадки. В течение зимы повышение руслового стока происходит во время неоднократных оттепелей¹.

По обеспеченности поверхностными водами Крымский полуостров делится на две неравные части: Горный и Равнинный (Степной) Крым.

Если Горный Крым является областью питания большинства рек, то Равнинный Крым — область потери стока. Средняя густота речной сети в Крыму — 0,22 км/км², на северном и южном макросклонах Крымских гор достигает 0,7–1,0 км/км² и 0,1–0,2 км/км² — в Равнинном Крыму².

¹ Олиферов А. Н., Тимченко З. В. Реки и озера Крыма. Симферополь, 2005. С. 38 и след.

² Подгородецкий П. Д. Крым: природа. Симферополь, 1988. С. 80.

На Керченском и Тарханкутском полуостровах и в Присивашье поверхностные водотоки представлены в основном балками, оврагами и сухоречьями¹. Большинство исследователей отмечают, что общий рисунок гидрографической сети Крыма отражает особенности его морфоструктуры². В связи с этим выделяются водотоки южного и северного макросклонов Крымских гор, Равнинного Крыма и Керченского полуострова³.

Реки южного склона короткие, имеют большие уклоны русла и высокие скорости течения. Продольные профили не выработаны, часто встречаются водопады. Среди рек выделяются Хастабаш (длиной 3,7 км), Учансу (7 км) с самым высоким в Восточной Европе одноименным водопадом (98 м) и Дерекойка (9 км), впадающие в Ялтинский залив, Авунда (7,6 км) в Гурзуфе, Улу-Узень Западный (12 км) с водопадом Головкинского и Демерджи (13 км), впадающие в море у Алушты, а также Улу-Узень Восточный (12 км) с водопадом Джур-Джур у Солнечногорского и др.

Реки северного склона более крупные. В центральной части Крымских гор берет свое начало (после слияния рек Ангары и Краснопещерной) главная река полуострова — Салгир (204 км). К западу от долины Салгира стекают реки Альма (79 км), Кача (64 км), Бельбек (55 км), Черная (35 км). К востоку — реки Зуя (49 км), Бурульча (76 км), наиболее полноводная река Крыма Бююк-Карасу (86 км), Индол (22 км).

Сток рек неравномерен, характерен паводковый режим. Часть рек формируют селеопасные бассейны. Практически все реки Крымских гор берут свое начало от карстовых источников, подножий обрывистых склонов верхнеюрских известняков. Их насчитывается более 2,6 тыс., они представлены, как правило, пещерами-источниками — конечными звеньями крупных карстовых гидрологических пещерных систем, по которым протекают подземные реки⁴.

На территории Равнинного Крыма водотоки представлены в основном широкими балками и сухоречьями. Балки имеют пологие склоны и широкие днища с руслами временных водотоков. Для них характерен длительный безводный период, нарушаемый зимне-весенним половодьем при таянии снега или ливневыми паводками в летний период. Некоторые балки вскрывают грунтовые воды в виде небольших источников, дающих начало ручьям. Сухоречья — это древние долины рек, стекавших в начале четвертичной эпохи с Крымских гор. В их днищах залегают мощные толщи древнеаллювиально-пролювиальных отложений (песок, гравий, галечники), в которых существует подрусловый подземный сток, имеющий важное значение при устройстве колодцев в засушливой степной зоне.

¹ Олиферов А. Н. Речной сток // Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий. Симферополь, 2009. С. 79.

² Там же.

³ Олиферов А. Н. Гидрографическая характеристика рек // Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий. С. 428–429.

⁴ Дублянский В. Н., Дублянская Г. Н. Карстовая республика. Симферополь, 1996. С. 15.

Наиболее крупная река (точнее, сухоречье) Равнинного Крыма — Чатырлык. Ее длина — 106 км, площадь бассейна — 2250 км². Истоки находятся на Тарханкутско-Евпаторийской возвышенности. Впадает Чатырлык в Каркинитский залив Черного моря у города Красноперекопска. Ниже истока русло реки пересыхает, и только в нижнем течении она снова приобретает черты реки.

В Крыму насчитывается более 300 озер. Большинство из них расположено в прибрежно-морских низменных ландшафтах. Преобладают озера (лиманы), отделенные от моря песчаными пересыпями. Их глубина редко превышает 1 м. Питание осуществляется путем фильтрации морских вод через пересыпи и поверхностным стоком из впадающих в них балок и сухоречий.

Некоторые озера образовались в устьях крупных балок и древних рек при поднятии уровня Черного и Азовского морей. Почти все озера, расположенные на морском побережье, соленые. Концентрация солей в их водах достигает 25–27%. Озера объединяются в несколько групп: Перекопская, Тарханкутская, Сакско-Евпаторийская, Керченская.

Континентальные водоемы питаются водами поверхностного и подземного стоков. К ним относятся озера Перекопской и частично Керченской группы (озера Марфовское, Ачи, Карочь, Киркояшское и др.). Среди морских водоемов можно выделить две подгруппы. Первая включает лиманы и заливы, лишь частично отделенные от моря косами или пересыпями с проймами (Сиваш, Донузлав и др.). Ко второй относятся водоемы, потерявшие связь с морем, от которого их отделяют сплошные песчаные пересыпи. Через них происходит определенная фильтрация в озеро морских вод. К этой подгруппе относятся большинство озер Крыма, в том числе и наиболее крупные: Сасык (площадь 75 км²), Айгульское (38 км²), Донузлав (48 км²), Акташское (27 км²), Тобечикское (19 км²), Узунларское (21 км²), Чокракское (9 км²), Красное (23 км²), Кирлеутское (21 км²) и др. На соленых озерах Крыма с древних времен существуют соляные промыслы.

Развитие соленых озерных водоемов Крыма связано с четвертичным периодом, так как в геологическом строении озерных котловин и побережий участвуют позднеплиоценовые и четвертичные отложения. Согласно А. И. Дзенс-Литовскому, толща лиманных и озерных илов, наполняющих котловины озер, относится к концу последнего ледникового периода (10–15 тыс. лет назад)¹. Повышение уровня Азово-Черноморского бассейна, связанное со значительным увеличением речного стока после таяния ледников, привело к вторжению морских вод в устья рек, балок и древних сухоречий.

Образованные здесь многочисленные заливы и бухты благодаря наличию вдольберегового потока наносов в Азовском и Черном морях начали отделяться косами, а затем и пересыпями от открытого моря. Этот процесс продолжается и в историческое время, что привело к несоответствию изображений на старых

¹ Дзенс-Литовский А. И. Геологический возраст донных солевых отложений минеральных озер // Природа. 1936. № 12. С. 106–110.

географических картах и данных летописных источников с современными очертаниями побережий Крыма.

§ 4. Растительный и животный мир

Флора и растительный покров полуострова отличаются высоким разнообразием, особенно в горной его части. В целом в природной флоре Крымского полуострова, согласно последним данным¹, насчитывается 2536 видов сосудистых растений, представленных 127 семействами и 760 родами. Наиболее многочисленным является отдел цветковых, содержащий 2482 вида. Преобладают семейства сложноцветных, злаковых и бобовых. К особенностям флористической характеристики любой территории относится также число эндемиков. До появления последней публикации эндемизм полуострова оценивался достаточно высоко: крымский эндемичный элемент составлял 250 видов, т. е. 9%². В настоящее время отмечаются всего лишь 106 крымских эндемиков (4,18%). По большинству оценок одна половина современной флоры полуострова имеет средиземноморский ареал, другая преимущественно тяготеет к Циркумбореальной флористической области. Есть сведения, что 12 видов исчезли из флоры за последние 20 лет. В Красную книгу Крыма (2015) занесены 297 видов сосудистых растений.

Для Равнинного Крыма, принадлежащего к степной зоне Евразии, характерно господство степного типа растительности, который представлен подтипами настоящих (ковыльные, ковыльно-типчаковые, ковыльно-типчаково-житняковые сообщества), пустынных (полынно-типчаковые, ковыльно-полынно-типчаковые фитоценозы) и луговых (разнотравно-ковыльные, разнотравно-типчаково-ковыльные, разнотравно-злаковые сообщества) степей. Настоящие степи наиболее красивые аспекты дают в мае — начале июня (в период цветения ковылей, тюльпанов, птицемлечников), луговые раскрашиваются цветущим разнотравьем в июне. Степные сообщества в своем произрастании приурочены к южным черноземам и темно-каштановым почвам. На Тарханкутском и Керченском полуостровах изредка встречаются кустарниковые степи с шиповником, терном, боярышником.

Поскольку почвенный покров Крыма формировался нередко на продуктах разрушения и выветривания известняков, большие территории заняты почвами, содержащими по профилю заметное количество щебня. На них формируются петрофитные варианты степей, в структуре которых заметную роль играют полукустарнички: дубровники, тимьяны, дроки, вероники, солнцезвезды и т. д. Петрофитные степи наиболее типичны для Тарханкутского полуострова, севера Керченского полуострова и для крымского предгорья. Практически исчезли к настоящему вре-

¹ Ена А. В. Природная флора Крымского полуострова. Симферополь, 2012. С. 201–202.

² Голубев В. Н. Биологическая флора Крыма. Ялта, 1996. С. 109.

мени, но в прошлом на песчаных местообитаниях встречались псаммофитные варианты степей с ковылем днепровским (*Stipa borysthenica*)¹.

На самом севере равнинной части, по берегу Сиваша, а также вдоль бережий лиманов и соленых озер встречаются засоленные почвы — солончаки с развитой на них специфической галофитной растительностью. Она представлена сообществами бедного флористического состава из солероса европейского (*Salicornia europaea*), сведы простертой (*Suaeda prostrata*), сарсазана шишковатого (*Halocnemum strobilaceum*), галимионе бородавчатой (*Halimione verrucifera*) и других, оптимально приспособившихся к жизни на экстремальном экотопе.

На южном макросклоне Крымских гор (0–600 м над уровнем моря) произрастают леса, редколесья и кустарниковые сообщества. Леса из дуба пушистого (*Quercus pubescens*) встречаются в нижнем лесном поясе южного бережья, поднимаясь до 450–600 м над уровнем моря. Они также типичны для лесостепной зоны крымских предгорий северного макросклона, где в их составе присутствуют два вида дуба — скальный (*Quercus petraea*) и пушистый. В растительных сообществах южного склона встречаются также грабинник (*Carpinus orientalis*), можжевельник высокий (*Juniperus excelsa*), фисташка туполистная (*Pistacia mutica*). Кустарниковый ярус выражен слабо и состоит из можжевельника колючего (*Juniperus oxycedrus*), скумпии (*Cotinus coggygria*), кизила (*Cornus mas*). Травянистый ярус сильно разрежен, чаще всего сформирован различными видами осок (*Carex cuspidata*, *C. hallerana*, *C. michelii*) и субсредиземноморским разнотравьем.

К редколесьям южного склона принадлежат фитоценозы с доминированием можжевельника высокого (*Juniperus excelsa*) и фисташки туполистной (*Pistacia mutica*), второстепенные виды совпадают с видами пушистодубовой формации. Из кустарниковидных сообществ значимы формации ладанника крымского (*Cistus tauricus*), держи-дерева колючего (*Paliurus spina-christi*) и жасмина кустарникового (*Jasminum fruticans*). Как правило, они присущи эродированным щебнистым склонам. Все перечисленные лесные и кустарниковидные фитоценозы или разрушены человеком в процессе освоения этого региона, или их структура сильно изменена.

Выше 600 м над уровнем моря и почти до границы с яйлами (1100 м над уровнем моря), на южном макросклоне, на сухих малоразвитых щебенчатых почвах сформировались монодоминантные леса из сосны крымской (*Pinus pallasiana*). В средней части пояса они имеют высокий бонитет: высота — 20–25 м, диаметр ствола — 60 см (иногда до 1 м). Кустарники произрастают отдельными группами. Среди травянистых растений в сосновых лесах преобладают сухолюбивые и светлюбивые виды.

Выше лесов из сосны Палласа начинают встречаться единичные экземпляры сосны Коха (*Pinus kochiana*). По мере увеличения высоты она начинает преобла-

¹ Вахрушева Л. П. Экосистемы // Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий. С. 128–141.

дать, а также в травостое появляются более влаголюбивые растения. Леса из сосны Коха типичны и для северного макросклона, но здесь их структура более приближается к структуре горных редколесий.

В горах Крыма встречаются разнообразны́е экосистемы: лесостепные, лесные, горные луговые степи, горные луга. К нижнему поясу северного макросклона (200–350 м над уровнем моря) приурочены лесостепные сообщества. Они слагаются фитоценозами из дубов пушистого и скального в сочетании с фитоценозами луговых или (в самых засушливых условиях) настоящих степей.

С высоты 350 и до 650 м над уровнем моря на северном макросклоне произрастают дубовые леса. Их доля составляет 60–68% площади, занятой в Горном Крыму лесами. Основные лесообразующие породы — дубы пушистый и скальный, изредка дуб черешчатый (*Quercus robur*). Дуб черешчатый, по-видимому, в прошлом образовывал растительные сообщества в сочетании с луговыми степями.

Экосистемы буковых лесов (*Fagus sylvatica* ssp. *moesiaca*) занимают примерно 14% всей лесной площади Крыма. Они встречаются на северном и южном макросклонах Крымских гор (450–1400 м над уровнем моря). Наилучшее развитие этот тип леса имеет на высоте 600–800 м над уровнем моря. Здесь бук достигает высоты до 28–30 м при диаметре ствола 60–70 см. Бук обычно образует смешанные фитоценозы с грабом обыкновенным, кленами Стевена и полевым, липой. Только на высотах 1100–1380 м над уровнем моря формируются настоящие буковые леса — чистые заросли шириной 200–300 м. На границе с яйлой буковый лес превращается в криволесье, но иногда граница между яйлой и буковым лесом достаточно резкая, и высокоствольные буки подходят прямо к бровке яйлы. Формации буковых лесов приурочены к темно-бурым лесным сухим и свежим почвам, имеющим мощность до 200 см. Кустарники могут произрастать лишь единично и представлены следующими видами: бирючиной обыкновенной, скумпией и кизилом, иногда тисом ягодным (*Taxus baccata*). Травянистая синузия почти отсутствует.

Зональной растительностью крымских яйл являются горные луговые степи. В прошлом это район интенсивного пастбищного использования. Растительность и флора крымских яйл уникальны по своим природным особенностям, богаты редкими, эндемичными и реликтовыми видами и характеризуются в основном мало нарушенной структурой, развитым степным дерном, который обладает необходимыми водосберегающими и почвозащитными свойствами.

Современный **животный мир** Крымского полуострова отличается от прошлых исторических эпох, когда Крым имел более широкие сухопутные связи с прилегающей сушей, некоторой видовой обедненностью. Это связано также и с интенсивным хозяйственным освоением полуострова.

Всего в Крыму обитают 55 видов млекопитающих¹, 336 видов птиц², 14 видов пресмыкающихся, шесть видов земноводных. Кроме того, в пресных водоемах насчитывается 30 видов рыб.

¹ Костин Ю. В., Дулицкий А. И. Птицы и звери Крыма. Симферополь, 1978. С. 5.

² Бескаравайный М. М. Птицы Крымского полуострова. Симферополь, 2012. С. 6.

Равнинная часть Крыма бедна пресными водоемами и древесно-кустарниковой растительностью. Животным в преобладающем здесь степном экотопе приходится приспосабливаться к жаркому и сухому лету и достаточно холодной и малоснежной зиме. Уже в июне — июле травяной покров в степи выгорает, временные водоемы пересыхают. С зимой приходят резкие колебания температур воздуха от -30 до $+10$ °С, мокрый снег с гололедом, холодные ураганные ветра до 25–30 м/с.

Среди грызунов широко распространены суслик малый, степная мышовка, обыкновенный хомяк, общественная полевка и др. Грызуны составляют основную кормовую базу таким хищникам, как степной хорек, лисица обыкновенная, перевязка и белозубка белобрюхая. Крымскими космополитами, обычными для всех частей полуострова, являются еж европейский, заяц-русак, малая белозубка, домовая и лесная мыши, серая крыса и ласка.

Особенно богат в Крыму мир птиц (60% орнитофауны Европы и 80% прилежащей к полуострову суши). Шире всех представлена группа водоплавающих и околоводных птиц (60 видов). На песчаных островах, косах, пересыпях, поросших кустарниково-древесной растительностью, прибрежных степных участках и береговых обрывах гнездятся большая поганка, лебедь-шипун, большой баклан, виды цапель, кряква, пеганка, лысуха, черноголовая чайка, чайка-хохотунья, огарь, хохлатый баклан, береговая ласточка, болотная сова.

Мягкий климат Крыма и незамерзающее Черное море сделали полуостров излюбленным местом зимовки многих (около 190) видов птиц. Традиционными районами массовой зимовки являются Сиваш и Каркинитский залив. Здесь наиболее многочисленны лысуха, лебедь-шипун, утки, чайки и др.

Для степных местообитаний Крыма характерны краснозобая казарка, серый и белолобый гуси, серая куропатка, стрепет, дрофа (традиционное место зимовки — юг Керченского полуострова), журавль-красавка, жаворонок, степной орел, пустельга, степной лунь и др.

Из пресмыкающихся нередки степная гадюка (единственная ядовитая змея Крыма), уж, крымская и прыткая ящерицы, желтопузик, полоз.

Горный Крым более богат видами животных, чем степной. В горных лесах обитают благородный олень, косуля, кабан, из грызунов — белка-телеутка, лесная и желтогорлая мышь, обыкновенная полевка. В пещерах и гротах живут 16 видов летучих мышей. Из хищников встречаются особые подвиды барсука, каменной куницы, лисицы, а также ласка.

Видовой состав птиц в горах беден. Наиболее часто встречаются дятлы, синицы, сойки, черные дрозды, славки, пеночки, горлинки, витютини и др. Из хищных птиц распространены канюки, ястребы, сова-неясыть, а также некогда многочисленные, но сейчас стоящие на грани вымирания орел-могильник, черный гриф и белоголовый сип.

На Южном берегу Крыма особо выделяются крымский геккон, эндемичная крымская жужелица, цикады, большой змеевидный желтопузик и леопардовый полоз.

Основные черты растительного и животного мира оформились примерно 5 тыс. лет назад. К этому времени вымерли животные неогенового периода, жившие во влажную и теплую эпоху: жирафы, антилопы, безрогие носороги. Им на смену пришли жители более суровых природных условий: верблюды, южные слоны, пещерные медведи. Во время четвертичных оледенений в Крыму были распространены заяц-беляк, рысь, северный олень, россомаха, мамонт, антилопа, сайгак, песец, полярная сова и др.

§ 5. Изменения ландшафтов

При характеристике истории освоения Крыма необходимо помнить, что современная природа полуострова — очертания побережий, гидрографический рисунок речной сети, климат, почвенно-растительный покров и животный мир — есть результат длительной эволюции ландшафтов всего Причерноморского региона. Динамические системы ландшафтов отражают результат трех основных одновременно протекающих процессов: естественное саморазвитие, новейшие и современные тектонические движения, изменения климата и связанные с ними колебания уровня прилегающих морей, а для последнего тысячелетия — и все возрастающее воздействие хозяйственной деятельности человека.

Скорость и направленность вертикальных тектонических движений в голоцене существенно не изменялись. Положительные геологические структуры Крыма — антиклинали Керченского и Тарханкутского полуостровов, Крымские горы — испытывают поднятие 2,0 мм, 1,5 мм, свыше 3,0 мм в год соответственно. Наиболее активно погружаются побережья Азовского моря и Сиваша (от 0,2 до 1,0 мм), Каламитского (0,7 мм) и Каркинитского (1,0 мм) заливов, Южного берега Крыма (1,4 мм)¹. Значительные изменения в ландшафтах произошли на территориях, подверженных погружению и подтоплению.

Начало антропогенного периода (1,2–1 млн лет назад) ознаменовалось постепенным похолоданием климата. Равнинный Крым занимали степные ландшафты с древесно-кустарниковыми зарослями в речных долинах и балках. В степях паслись многочисленные табуны диких лошадей, бизонов, верблюдов. В долинных лесах жили южные слоны, большерогие олени и др. В широколиственных лесах Горного Крыма обитали муфлоны, благородные олени, пещерные гиены и львы, гигантские пещерные медведи.

В эпохи древних оледенений климат становился более суровым. Площадь лесов Горного Крыма резко сокращалась. Поверхности высоких яйл заняли многочисленные перелетывающие офирнованные снежники и маломощные котловинные и горно-долинные ледники². На их окраинах обитали крупные аргали, козерогии, полярные совы и др. В Предгорье распространилась холодная березовая

¹ Палиенко В. П. Новейшая геодинамика и ее отражение в рельефе Украины. Киев, 1992. С. 23.

² Вахрушев Б. А., Амеличев Г. Н. К вопросу о возможности оледенения Крымских гор // Физическая география и геоморфология. Киев, 2001. Вып. 40. С. 139–153.

лесостепь. В Крым переселились выносливые к холодному климату бурый медведь, рысь, россомаха и заяц-беляк, заходили при кочевках северные олени. В горах и на равнинах Крыма находили себе убежище огромные мастодонты.

В конце плейстоцена климат стал теплее — наступил послеледниковый период. В период Валдайского материкового оледенения уровень Черного моря был на 80–90 м ниже современного. На месте юго-западной части Черного моря, Сиваша и Азовского моря располагалась плоская лугово-степная равнина с пресными озерами и широкими палеодолинами рек Дуная, Днестра, Днепра, Дона и Кубани, заболоченными и покрытыми лесом. Объединенная дельта первых трех рек располагалась близ современного Крыма (у Севастополя), а Дона и Кубани — южнее Керченского пролива.

18–12 тыс. лет назад в результате таяния льдов Валдайской ледниковой эпохи усилился сток речных вод в котловину Черного моря, уровень которого стал относительно быстро повышаться и к середине голоцена (5–3 тыс. лет назад) достиг современного уровня. Морские воды покрыли северо-западный шельф Черного моря и котловину Азовского моря. В дальнейшем не наблюдались единовременные повышения или понижения уровня Циркум-Понтийского бассейна. Однако в связи с разнонаправленными тектоническими движениями отдельные участки побережья испытывали поднятие или опускание (портовые сооружения некоторых античных поселений погружались до 5 м под уровень моря, а некоторые поднимались до 3 м над ним)¹.

С изменением уровней Черного и Азовского морей тесно связано и происхождение Сиваша. В начале голоцена залив состоял из двух отдельных бассейнов — озера Бук на западе (упоминается в античных источниках) и залива Азовского моря на востоке. Залив моря, постепенно расширяясь, соединился с озером Бук, а около 800 лет назад, после образования Арабатской стрелки, Сиваш в общих чертах приобрел современный облик. Присивашские лесостепные ландшафты в течение энеолита и бронзы (V–II тыс. до н. э.) были самыми обитаемыми после предгорья местностями в Крыму.

В течение всего голоцена, по мере подъема уровня моря, на прибрежных низменностях происходила замена степных, луговых и лесостепных ландшафтов солонцово-солончаковыми и полынно-степными комплексами. Вместе с этим затопливались устья рек и балок. Отделяясь от моря косами и пересыпями, они образовали озера-лиманы, значительно изменившие очертания берегов. В связи с этим возникли определенные разночтения в установлении местоположения многих географических объектов ранних исторических эпох.

В Равнинном Крыму получили распространение разнотравно-злаковые степи, проникшие сюда еще в плейстоцене. Граница лесов была ниже современной. В позднем голоцене здесь широко распространились буковые, грабово-

¹ *Островский А. Б., Измайлов Я. А., Балабанов И. П.* Новые данные о палеогидрогеологическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 131–140.

буковые леса, а на Южном берегу — дубово-можжевельные шибляки и леса из сосны крымской.

Важным фактором эволюции и динамики ландшафтов последней четверти голоцена является хозяйственная деятельность человека. Древнее освоение Крыма было незначительным, что не приводило к существенному преобразованию ландшафтов. И даже в эпоху энеолита, во время перехода в Крыму к производящей экономике, когда животноводство и мотыжное земледелие стали ведущими в хозяйстве, антропогенная нагрузка на ландшафты не была серьезной. По результатам изучения более 680 курганов, на территории Крыма обитали тогда всего около 1050 человек¹.

Однако в эпоху раннего железа (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.), особенно с начала греческой колонизации полуострова в VI в. до н. э., резко возросла нагрузка на ландшафты речных долин и приморских территорий. Значительные изменения произошли на Керченском полуострове в границах Боспорского государства, являвшегося крупнейшим поставщиком зерна в античную эпоху. Здесь были резко расширены пахотные угодья, заменившие степные ландшафты.

В раннем средневековье началась повсеместная и достаточно длительная ренатурализация ландшафтов. Таким образом, в течение тысячелетий в Крыму не было социально-экономических условий, которые привели бы к коренным изменениям природы полуострова. И только в конце XIX в. началось интенсивное замещение естественных ландшафтов антропогенными, резко усилившееся с середины XX в.

---

¹ Подгородецкий П. Д. Историческая физическая география. Симферополь, 2015. С. 87.

Глава 2

Древнейшая предыстория Крыма (палеолит, мезолит, неолит).

Ок. 1 млн (?) — 7/6 тыс. лет назад

К. Н. Гаврилов

§ 1. Первоначальное заселение Крыма. Памятники среднего палеолита, мустьерские культуры Крыма (ок. 1 млн (?) — ок. 30 тыс. лет назад)

Древнейший период заселения человеком Крымского полуострова до сих пор практически не изучен. Между тем в это время Крым уже должен был быть обитаемым. В непосредственной близости от Крыма, на территории Таманского полуострова, известны раннепалеолитические памятники, каменные индустрии которых могут сопоставляться с индустриями олдована¹. В самом Крыму к нижнему палеолиту предположительно могут быть отнесены находки, полученные во время сборов с поверхности в нескольких пунктах на Южном берегу Крыма, а также в окрестностях Севастополя.

На основании технико-морфологических признаков В. Н. Степанчук относит эти комплексы к галечным и микролитической индустриям². Среди галечных комплексов наиболее представительна коллекция местонахождения Гаспра. Исследователями допускается возраст находок между дунай-гюнцем и гюнц-минделем. На Южном берегу Крыма был также открыт ряд аналогичных местонахождений — Ай-Петри, Эчки-Даг и др.³ К так называемой микролитической индустрии

¹ Щелинский В. Е. Новая раннепалеолитическая стоянка на Таманском полуострове (Южное Приазовье). Палеолит и мезолит Восточной Европы. К 60-летию Х. А. Амирханова. М., 2011. С. 37–58; *Он же*. Кермек — стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А. П. Деревянко*. Новосибирск, 2013. С. 153–171; *Он же*. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб., 2014.

² Степанчук В. Н., Рековец Л. И. Нижний палеолит Украины // *Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии*. СПб., 2010. С. 160–171.

³ Клюкин А. А., Корженевский В. В., Щелинский А. А. Эчки-Даг. Симферополь, 1990; Щелинский А. А., Клюкин А. А. Раннепалеолитическая галечниковая культура Крыма // *КСИА*. 1992. Вып. 206. С. 104–108; Zuk S. About the Early Palaeolithic of the Crimea // *PE*. 1995. № 7. P. 47–58.

В. Н. Степанчук относит коллекцию артефактов, собранную с поверхности на мысе Маячном¹. Прямых данных о возрасте материалов раннепалеолитического облика в настоящее время пока нет. Однако, учитывая результаты раскопок памятников олдована на Таманском полуострове, можно предполагать, что первоначальное освоение первобытным человеком территории Крымского полуострова началось не позднее 1 млн лет назад.

Средний палеолит до настоящего времени остается самой древней археологической эпохой, широко представленной общепризнанными достоверными памятниками, общее количество которых сейчас перевалило за сотню.

Г. А. Бонч-Осмоловский² был первым, кто разделил крымские технокомплексы с двусторонней и односторонней обработкой заготовок, а также выделил зубчатый вариант каменной индустрии, вокруг оценки специфики которых ведутся постоянные дискуссии. Первые два варианта получили в дальнейшем названия «крымский микок» и «западно-крымское мустье», или «леваллуа/мустье». Реальность выделения этих разновидностей была подтверждена в 1950-е гг. раскопками таких памятников, как Бахчисарайская, Холодная Балка, Кабази I и Староселье.

Среднепалеолитические стоянки Крыма с сохранившимся культурным слоем в настоящее время сосредоточены в горной части полуострова. В большинстве своем они представлены скальными навесами и гротами, в единичных случаях — стоянками открытого типа, значительное количество памятников — многослойные стоянки. В настоящее время на основании результатов изучения биостратиграфии памятников, привлечения данных спорово-пыльцевого анализа, малакофауны и других источников, а также с учетом полученных радиоизотопных, ОСЛ- и ТЛ-датировок общая продолжительность существования среднего палеолита определяется периодом от 120 до 30/26 тыс. лет назад³.

Очень важным является установленный факт синхронности поздних среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических стоянок. Это сосуществование фиксируется в периоде между 36 и 31 тыс. лет назад. В литературе дискутируется вопрос о том, насколько поздно «задержались» неандертальцы на этой территории и каковы причины этого исторического явления⁴. Во всяком случае Крым может рассматриваться в качестве своеобразного «рефугиума» для позднего неандертальского населения. Интересно, что аналогичные факты зафиксированы, например, на территории Иберийского полуострова.

¹ Степанчук В. Н., Рековец Л. И. Нижний палеолит Украины. С. 160–171.

² Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. М.; Л., 1940.

³ Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006; Chabai V. P., Richter J., Uthmeier T. Kabazi V: Interstratification of Micoquian and Levallois-Mousterian camp sites. Simferopol; Cologne, 2008. (Palaeolithic sites of Crimea; Vol. 3, part 2); Чабай В. П. Доля останніх неандертальців Східної Європи // Археологія. 2012. № 3. С. 5–26.

⁴ Степанчук В. М., Ковалюх М. М., Пліхт Й. ван дер. Радіовуглецевий вік пізньоплейстоценових палеолітичних стоянок Криму // КДУ. 2004. № 5. С. 34–61; Чабай В. П. Доля останніх неандертальців Східної Європи. С. 5–26.

Начиная с 1970-х гг. индустрии с бифасами традиционно делились на три группы, которые рассматривались как археологические культуры. В начале 2000-х гг. В. П. Чабай обосновал точку зрения о принадлежности бифасиальных комплексов к традиции крымского микока, с выделением вариантов типа Ак-Кая, Староселье и Киик-Коба¹. После новых раскопок и введения в научный оборот микокских материалов — таких памятников, как Заскальная V и VI, Пролом I и II, Бурган-Кая III, Сюрень I, Чокурча I, Кабази II и V, Караби Тамчин, — стало понятно, что общая картина вариативности крымского микока еще более мозаична². Каменная индустрия крымского микока характеризуется двусторонней обработкой орудий, имеющих плоско-выпуклое (ножи, скребла) и двояковыпуклое (различные наконечники) сечение. Раскалывание камня происходило путем редукции нуклеусов радиального и параллельного снятия заготовок, без использования техники леваллуа. Различия между вариантами микокских индустрий проявляются как в статистике, отражающей представленность тех или иных типов орудий и заготовок, так и в наличии/отсутствии или в размерности отдельных типов. Объяснения этой вариативности различны: от реальности существования нескольких культурных традиций в рамках крымского микока³ до влияния таких факторов, как длительность обитания на том или ином памятнике, степень удаленности стоянок от источников сырья, функциональная специфика поселения, конкретные особенности технологии расщепления, зафиксированные на каждой конкретной стоянке⁴.

Леваллуазские индустрии Крымского полуострова отличаются от микокских как использованием леваллуазской техники раскалывания камня, так и отсутствием среди орудий бифасов. Основываясь на данных о возрасте памятников и технологических признаках их каменного инвентаря, В. П. Чабай отнес леваллуазские памятники к двум стадиям развития. В индустриях ранней стадии присутствуют как леваллуазские, так и пластинчатые сколы, тогда как на поздней стадии пластинчатые сколы преобладают среди заготовок. Набор орудий на памятниках этого круга в целом характеризуется сходным набором категорий, вне зависимости от возраста стоянок. Среди предметов со вторичной обработкой преобладают простые и двойные скребла, в равных долях представлены конвергентные скребла и острия. К опорным памятникам крымского леваллуа/мустье относятся стоянки западной части Горного Крыма: Кабази II–II и Кабази II–IIa, Кабази V (III/з и IV), Караби Тамчин (сл. II/2 и III), Шайтан-Коба.

Зубчатое мустье Крыма представлено немногочисленными комплексами, к которым относятся нижний слой грота Киик-Коба и третий слой стоянки Ста-

¹ Чабай В. П., Демиденко Ю. Э., Ештушенко А. И. Палеолит Крыма: методы исследований и концептуальные подходы. Киев, 2000.

² Demidenko Yu. E. Middle Palaeolithic industrial variability and tool treatment debitage diversity: some intercorrelation studies for the Crimean Micoquian // *Anthropologie*. 2015. Vol. LIII/1–2. P. 127–155.

³ Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины.

⁴ Чабай В. П. Средний палеолит Крыма. Симферополь, 2004; Demidenko Yu. E. Middle Palaeolithic industrial variability...

роселье. Технология раскалывания камня характеризуется использованием многоплощадочных бессистемных нуклеусов, а также одноплощадочных нуклеусов параллельного снятия укороченных пропорций. В результате их утилизации получались короткие массивные отщепы с крупными ударными площадками и ударными бугорками, что свидетельствует о достаточно простой технике раскалывания. Целенаправленное производство пластин отсутствует. Отщепы со вторичной обработкой покрыты краевой ретушью, широко представлены предметы с зубчатым и выемчатым краями. Среди скребел преобладают простые формы. Острия весьма редки. В. Н. Гладиллин в 1970-е гг. отметил сходство этой разновидности среднепалеолитических каменных индустрий с так называемыми «тейжскими» комплексами Молдавии¹, эту точку зрения, с известными оговорками, допускал в начале 2000-х гг. Ю. Э. Демиденко².

Начало систематических исследований палеолита в Крыму сразу же привело к открытию неандертальских погребений, сделанному Г. А. Бонч-Осмоловским в Киик-Кобе в 1924 г. Им были обнаружены костные останки взрослого индивидуума и ребенка. Первый палеоантроп находился в прямоугольной яме размерами 210 × 80 × 54 см. Яма частично была прорыта в толще суглинка, который подстилал культурный слой, и частично врезана в скалистую основу грота. Скелет сохранился не полностью. В западной половине могильной ямы были зафиксированы в анатомическом порядке кости правой голени и обеих стоп. Остальные костные остатки — два запястья, две пяточные кости, пять фаланг, 18 костей кисти руки и один зуб — были переложены, по всей видимости, в процессе выкапывания другой ямы, которая относится к верхнему культурному слою стоянки. Г. А. Бонч-Осмоловский реконструировал положение погребенного по сохранившимся в положении *in situ* костям. По его мнению, умерший был положен в могильную яму на правый бок, со слегка подогнутыми ногами. Детский скелет был зафиксирован в непосредственной близости от могильной ямы, в 30 см от ее северного угла, на скальном основании грота. Сохранились почти все части скелета кроме костей черепа и зубов. Ребенок был погребен на левом боку. Следов могильной ямы отыскать не удалось, однако Г. А. Бонч-Осмоловский предположил, что детское погребение могло быть связано с верхним культурным слоем Киик-Кобы. Палеоантропологическое исследование костных остатков в разное время проводили Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. Влчек, Д. Г. Рохлин, В. П. Якимов. По мнению Д. Г. Рохлина, кости взрослого неандертальца принадлежали женщине 35 лет, ростом 155–159 см. Возраст погребенного ребенка — предположительно 6–8 месяцев.

Открытие мустьерских погребений стало выдающимся событием в истории изучения каменного века не только для Крымского полуострова и всего СССР,

¹ Гладиллин В. Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.

² Демиденко Ю. Э. Проблемы эпохальной и индустриальной атрибуции комплексов находок типа нижнего слоя грота Киик-Коба в Крыму // *Stratum Plus*. 2003–2004. № 1. С. 271–300.

но и для Северной Евразии в целом. Однако новые находки подобного рода были сделаны в Крыму значительно позднее.

24 сентября 1953 г. А. А. Формозов заложил шурф на стоянке Староселье, в котором был обнаружен скелет ребенка¹. Могильную яму проследить не удалось, скелет залегал в вытянутом положении, сохранность костей, в отличие от находок из Киик-Кобы, была хорошей. Практически сразу встал вопрос о возрасте этого захоронения. Для изучения погребения на место раскопок в Староселье прибыла специальная комиссия в составе ведущих отечественных специалистов в области первобытной археологии и палеоантропологии — Я. Я. Рогинского (председателя), С. Н. Замятнина и М. М. Герасимова. М. М. Герасимовым были проведены консервация костей ребенка и извлечение скелета монолитом. Он же реставрировал череп. Комиссия пришла к выводам, что культурный слой стоянки не имеет следов впуска более поздней могильной ямы, возраст ребенка определяется в пределах от 1,5 до 3 лет, костные остатки сочетают в себе как неандертальские, так и современные сапиентные (кроманьонские — в терминологии того времени) признаки, с преобладанием последних. Старосельская находка вызвала оживленную дискуссию, связанную с обсуждением проблем происхождения людей современного физического облика, а также вопросов сосуществования так называемых кроманьонцев и неандертальцев. Оценке эволюционного статуса ребенка из Староселья был посвящен целый ряд публикаций².

В результате новых раскопок, которые проводились на Старосельской стоянке в 1992–1995 гг., были открыты два погребения взрослого и ребенка³. Вместе с костями залегали фрагменты татарской керамики XVIII в. Ориентировка, а также поза взрослого индивидуума, свидетельствовавшие о мусульманском обряде погребения, полностью совпадали с ориентировкой и позой старосельского ребенка. Таким образом, находка из Староселья была вычеркнута из перечня среднепалеолитических погребений Крымского полуострова.

В 1970 и 1972 гг. Крымская палеолитическая экспедиция под руководством Ю. Г. Колосова и В. Ф. Петруня обнаружила при раскопках стоянки Заскальная V и VI отдельные кости неандертальцев. А 13 августа 1973 г. на стоянке Заскальная VI было открыто детское погребение. Ребенок был погребен лежащим на левом боку, в слегка скорченном положении, тело его ориентировано головой на юг.

Все погребения неандертальцев были найдены на стоянках, относящихся к крымскому микроку. Эта традиция является единственной, существующей на всем протяжении среднего палеолита Крыма, и, очевидно, может рассматриваться

¹ Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. М., 1958. (МИА; № 71).

² Черкасов А. В. Антропологические останки палеолита в Крыму: к истории и историографии изучения // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 136–142.

³ Marks A. E., Demidenko Yu. E., Monigal K., Usik V. I., Ferring C. R. Burke A., Rink J., McKinney C. Starosele and the Starosele child: New excavations, new results // Current Anthropology. 1997. Vol. 38(1). P. 112–123.

как автохтонная культура, в отличие от леваллуа/мустье. К сожалению, антропологический облик создателей леваллуазских индустрий нам неизвестен, как неизвестен и достоверный облик носителей ранневерхнепалеолитических культурных традиций — селетской и ориньякской, которые сосуществовали с мустьерскими.

Неандертальское население Крыма вело образ жизни охотников и собирателей. Основными промысловыми видами животных были лошадь и сайга. Очевидно, в пищу шли и растения, и моллюски. Остатки последних регулярно находились при раскопках среднепалеолитических поселений.

§ 2. Верхний палеолит (ок. 36 тыс. — ок. 12 тыс. лет назад)

На территории Крыма для верхнего палеолита известно сравнительно небольшое количество стоянок и местонахождений. По известным к настоящему времени данным, экономика сообществ того времени продолжала оставаться охотничье-собираательской, основным промысловым видом животного была сайга. Охотились также на лошадь, бизона, гораздо реже на оленя. На верхнепалеолитических стоянках были также зафиксированы кости рыб и птиц.

Один из ключевых памятников той эпохи, открытый еще К. С. Мережковским, — стоянка Сюрень I. Вплоть до 1980-х гг. Сюрень I и другая стоянка, Аджикоба, долгое время оставались единственными опорными памятниками верхнего палеолита Крыма. Нынешняя характеристика крымского верхнего палеолита опирается на материалы всего трех весьма важных в научном отношении памятников — Буран-Кая III, Сюрень I и Вишенное II.

По мнению Ю. Э. Демиденко, верхнепалеолитические индустрии Крымского полуострова могут быть отнесены к следующим разновидностям: «восточный селет», протоориньяк, южнокавказский ранний верхний палеолит, поздний/развитой ориньяк, поздний граветт, эпиграветт и финальный эпиграветт.

Индустрия «восточного селета» была зафиксирована в слое С стоянки Буран-Кая III, радиоуглеродный возраст — 36 тыс. лет назад. Материальная культура характеризуется обработанными с двух сторон листовидными наконечниками с двояковыпуклым сечением, трапециями с двусторонней ретушью, скребками, в том числе веерообразными, костяными стержнями. Как считают В. П. Чабай и Ю. Э. Демиденко, крымский селет мог возникнуть в результате миграции населения в Крым с севера носителей традиций костенковско-стрелецкой культуры¹. Однако, по мнению А. Н. Рогачева и М. В. Аниковича, сама стрелецкая культура происходит от крымской индустрии с бифасами, т. е. от крымского микока — в современной терминологии. Очевидно, что крымский селет и костенковско-стрелецкая культура принадлежат к близкородственным в генетическом отношении феноменам, поэтому нельзя исключать их одновременного возникновения.

¹ Чабай В. П. Средний палеолит Крыма; Demidenko Yu. E. The Early and Mid Upper Palaeolithic of the North Black Sea region: an overview // Quarter. 2008. Vol. 55. P. 91–106.

Протоориньяк представлен на стоянке Сюрень, горизонты I-H и G, и датируется временем древнее 31 тыс. лет назад. Каменная индустрия характеризуется преобладанием среди продуктов расщепления пластин, которые снимались как с регулярных призматических нуклеусов, так и с кареноидных. Среди предметов с вторичной обработкой диагностичными и одновременно самыми массовыми являются микропластинки Дюфур с альтернативной ретушью и острия типа Фон-Ив. Среди скребков присутствуют кареноидные формы, а также массивные формы с выделенной при помощи выемок рабочей частью, имеются скребки на пластинах. Резцы характеризуются преобладанием ретушных форм и предметов с рабочей частью на углу сломанной заготовки.

Каменная индустрия стоянки Сюрень I-F относится уже к позднему/развитому ориньяку и датируется периодом от 30 до 26 тыс. лет назад. Как и на более ранних стадиях, в этом комплексе в каменной индустрии представлены изогнутые микропластины, снятые как с регулярных, так и с кареноидных нуклеусов, которые традиционно атрибутировались как резцы и скребки карене. Среди скребков присутствуют также орудия с выделенной при помощи выемок рабочей частью, однако резцы характеризуются преобладанием двугранных форм. Пластинки с ретушью представлены типами Рок де Комб и Дюфур, а также типом псевдо-Дюфур.

Протоориньяк и развитой ориньяк Сюрени I имеет широкие аналогии среди памятников Западной и Центральной Европы. По мнению Ю. Э. Демиденко, носители этой традиции появились в Крыму в результате миграции населения, которая началась на западе Европы и прошла через центр континента по так называемому Нижнедунайскому коридору.

Так называемый южнокавказский вариант раннего верхнего палеолита Крыма зафиксирован на стоянке Буран-Кая III, слои 6–5–6–1/5–2¹, и датируется периодом от 35 до 31 тыс. лет назад. Каменная индустрия характеризуется производством узких изогнутых пластинок и микропластин, снимавшихся с торцовых нуклеусов на отщепах и обломках или с многофасеточных резцов. Эти заготовки обрабатывались притупляющей ретушью, в том числе для получения многочисленных острий. Кроме каменных изделий на стоянке Буран-Кая III были найдены многочисленные костяные орудия и украшения. Материальная культура этого памятника имеет значительное сходство с синхронными памятниками Северо-Западного Кавказа (пещера Мезмайская, сл. 1С-1А), а также со стоянками Западного Закавказья (Ортвала Клде, сл. 4d и 4c; Дзудзуана, сл. D), что дало основание Ю. Э. Демиденко постулировать положение о проникновении в Крым в это время мигрантов из Закавказья.

Комплекс позднего граветта представлен коллекцией третьего культурного слоя (раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского) и горизонта D стоянки Сюрень I. Предполагаемый возраст — период между 23 и 20 тыс. лет назад. Среди культурно-специфических типов этой индустрии — граветтские острия с ретушированным основанием,

¹ *Yanovich A., Pean S., Crepin L., Laznickova-Galetova M., Prat S., Prysajnik V.* Upper Palaeolithic settlements in Buran-Kaya 3 (Crimea, Ukraine): new interdisciplinary researches of the layers 5–2, 6–1 and 6–2 // *Archeological Almanac*. 2009. Vol. 20. P. 187–202.

фрагменты пластинок и микропластины с притупленным краем, два наконечника с боковой выемкой, изготовленных на пластине и пластинке соответственно. Основными заготовками для изготовления орудий являлись пластины, снимавшиеся со специально подготовленных двуплощадочных призматических нуклеусов. Ю. Э. Демиденко связывает появление граветтской культурной традиции с миграцией населения из сопредельных территорий Восточно-Европейской равнины во время максимума позднеледниковья.

Поздняя пора верхнего палеолита в Крыму представлена несколькими памятниками, которые по технико-типологическим признакам могут быть разделены на две группы. В качестве комплексов, типичных для этих групп, исследователями выделяются второй слой стоянки Сюрень I, с одной стороны, и стоянка Вишенное II — с другой. Сюреньская индустрия характеризуется снятием пластинчатых заготовок с коротких одноплощадочных нуклеусов, использованием крутой притупляющей ретуши для обработки пластинок и микропластин. Среди орудий имеются острия микрограветт, микропластины-«четырёхугольники» с притупленным краем, немногочисленные резцы и скребки. Комплекс стоянки Вишенное II также характеризуется использованием в качестве заготовки коротких пластин, однако снимавшихся с двуплощадочных нуклеусов. Острия с притупленным краем представлены предметами подтреугольных очертаний с ретушированным прямым или скошенным основанием. Пластинки с притупленным краем относятся к «четырёхугольникам». Точный возраст эпиграветтских памятников неизвестен, так как для них отсутствуют радиоуглеродные датировки. Их хронологическая позиция определяется на основе аналогий, прослеживаемых между крымскими памятниками и стоянками, расположенными в бассейне Днестра и шире — в Восточных Карпатах. Стоянки, имеющие сходство с комплексом Сюрени I (Аджи-Коба, Заскальная IX и предположительно грот Скалистый, а также стоянки Скалистое I и Бодрак), относятся Ю. Э. Демиденко ко времени 19–15 тыс. лет назад. В свою очередь, памятники, аналогичные стоянке Вишенное II (Биюк-Карасу III, IV и IX), относятся А. А. Яневичем к более позднему периоду — 12–10 тыс. лет назад¹.

Таким образом, по мнению исследователей верхнего палеолита Крыма, население полуострова в это время формировалось за счет неоднократных миграций, которые шли как с территории нынешней материковой Украины, с северо-запада и севера, так и с территории Западного Кавказа.

§ 3. Мезолит (ок. 12 тыс. — ок. 6,5 тыс. лет назад)

Начало мезолита в Крыму, как и на остальной территории Европы, совпало с началом современной геологической эпохи — голоцена. Климатические условия, несмотря на имевшие место при переходе от плейстоцена к голоцену колебания,

¹ Яневич А. А. Новая финальнопалеолитическая стоянка Вишенное 2 в Крыму // Пізнью-палеолітичні пам'ятки центру Північного Причорномор'я. Херсон, 1992. С. 20–31.

приблизились к современным. Изменился видовой состав промысловых животных, среди них наиболее распространенными стали благородный олень, кабан, сайгак, косуля. Вероятно, существовало и рыболовство. Эти процессы сопровождались изменениями в экономике древних сообществ, которые вели к возникновению уже в неолите производящих видов хозяйства. В культурных слоях стоянок были найдены кости первых домашних животных — собак.

Мезолитические памятники Крыма характеризуются прежде всего выразительными сериями геометрических микролитов в каменном инвентаре стоянок. Состав микролитов меняется с течением времени. На раннем этапе наиболее характерной диагностичной формой являются сегменты, в позднем мезолите доминирующим типом становятся трапеции, которые присутствуют и на более ранних памятниках, но не относятся к доминирующей форме. В 1980-е гг. мезолит Горного Крыма характеризовался в качестве отдельной культуры, в развитии которой выделялись шан-кобинский и мурзак-кобинский этапы, и отличался от мезолита степных районов полуострова¹. Однако в настоящее время картина развития мезолита Крымского полуострова выглядит более сложной. В результате проведенных в 1990–2000-е гг. работ исследователями постулируется развитие нескольких культурных традиций не только для Горного, но и для Степного Крыма, некоторые из которых частично сосуществуют друг с другом². Для мезолитического времени выделяются следующие индустрии: шан-кобинская, тау-бодракская, свидерская, кукрекская, шпан-кобинская и мурзак-кобинская.

На стоянке Шан-Коба были исследованы шесть культурных слоев. В самых древних слоях удалось зафиксировать каменную стенку, возведенную для защиты площадки от холодного ветра под навесом, а также расчистить остатки кострища, достигавшего в поперечнике 60 см. Каменный инвентарь характеризуется пластинчатым раскалыванием, нуклеусы (призматические и конические резцы) преимущественно ретушные. Среди микролитов преобладают сегменты, как правило, крупных размеров. Трапеции также присутствуют, отличаясь относительно крупными размерами. Шан-кобинская индустрия, по данным В. А. Манько, существует в Крыму в период бёллинга — бореала, т. е. от времени не позднее 12,7 тыс. лет назад до примерно 8 тыс. лет назад. В Горном Крыму выделяется также тау-бодракская индустрия, которая по многим показателям аналогична шан-кобинской. Основным отличием тау-бодракского варианта является применение микрорезцовой техники при изготовлении геометрических микролитов. Наиболее полно материал тау-бодракского комплекса представлен в коллекции из раскопок грота Скалистого, проводившихся в 2004–2007 гг. В. А. Манько и А. А. Яневичем. Тау-бодракская индустрия возникает позднее шан-кобинской, но не позднее времени 12,3 тыс. лет назад. Шан-кобинская и тау-бодракская ин-

¹ *Телегин Д. Я.* Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1: Первобытная археология. С. 83–108.

² *Манько В. О.* Хронологія фінальнопалеолітичних — неолітичних крем'яних індустрій Криму. Київ, 2011. С. 227–229.

дустрии маркируют собой процесс перехода от финальной стадии верхнего палеолита к собственно мезолиту.

Стоянка Мурзак-Коба была исследована С. Н. Бибиковым в одноименном гроте¹. Памятник является многослойным. В каменном инвентаре основной заготовкой были пластины, снятые в большинстве случаев с конических нуклеусов. Многочисленны пластины с выемками. Среди скребков выделяется серия предметов укороченных пропорций. Резцы представлены преимущественно ретушными формами. Среди микролитов преобладают трапеции небольших размеров, с крутой ретушью. Сегментов значительно меньше, они имеют удлиненные пропорции. Единично представлены треугольники, косые и сегментовидные острия. В инвентаре памятника имеются также костяные предметы, среди которых — многозубые гарпуны, шилья, наконечники стрел, иглы с ушком, подвески. В настоящее время в Крыму известна серия памятников, каменный инвентарь которых относится специалистами к мурзак-кобинской индустрии. Один из наиболее представительных комплексов был зафиксирован при раскопках стоянки Ласпи VII. Формирование этой традиции связывают с процессами неолитизации под влиянием культурных импульсов, а возможно, и переселения носителей соответствующих культурных традиций из Месопотамии². Мурзак-кобинская индустрия возникает примерно 8,1 тыс. лет назад и продолжает существовать до 6,5 тыс. лет назад, сосуществуя с неолитической таш-аирской культурой.

В гроте Мурзак-Коба были открыты погребения мужчины и женщины. Умершие в вытянутом положении были положены на спину. Возраст женщины оценен антропологами в 20–25 лет, мужчины — 40–50 лет. У погребенной в Мурзак-Кобе женщины были при жизни ампутированы фаланги пальцев. Еще одно погребение было обнаружено в гроте Фатьма-Коба. Оно отличалось от мурзак-кобинских положением тела покойника: на правом боку, в скорченном положении³.

Крымский свидер выделяется по материалам стоянки Сюрень II, отложения которой содержали два культурных слоя. Собственно свидерский комплекс был зафиксирован в нижнем слое. Основной заготовкой являются крупные широкие пластины, снимавшиеся с конических одноплощадочных и призматических двуплощадочных нуклеусов. На этих пластинах изготавливались скребки и резцы, в большинстве своем ретушные, а на больших и средних пластинах — иволистные наконечники, у которых перо и черешок обрабатывались плоской ретушью. Предметы этой категории составляют вторую по численности серию орудий. Присутствуют острия федермессер, пластины со срезанным ретушью концом, пластины с притупленным краем. Геометрические микролиты представлены единичными экземплярами. Крымский свидер известен исключительно в Горном Крыму и сосуществует с поздней шан-кобинской индустрией. Традиционно считалось, что

¹ Бибиков С. Н. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // СА. 1940. № 5. С. 159–178.

² Манько В. О. Хронологія фінальнопалеолітичних — неолітичних крем'яних індустрій Криму. С. 195.

³ Телегин Д. Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР. М., 1989. С. 106–124.

свидерские памятники на территории полуострова появились в результате миграции населения с севера, с территории современной Украины. Однако, по мнению В. А. Манько, развитие крымского свидера отражает общие закономерности, фиксируемые в эволюции каменных индустрий памятников Восточного Средиземноморья, относящихся к периоду докерамического неолита В¹. Время существования этой индустрии определяется периодом от второй половины пребореала (около 9,5 тыс. лет назад) до рубежа бореала/атлантикума (около 8 тыс. лет назад).

В Степном Крыму мезолит представлен памятниками кукрекской культуры, в том числе эпонимной многослойной стоянкой Кукрек. В отличие от мезолита Горного Крыма в кукрекской культуре широко была развита отщеповая техника, однако отмечена и техника пластинчатого расщепления с использованием карандашевидных нуклеусов. На отщепах изготавливались преимущественно резцы и скребки. Геометрических микролитов очень мало. Диагностическими типами для этой культуры являются специфические резцы и вкладыши кукрекского типа. Они изготавливались из пластин, у которых специально обламывались концы, таким образом получались прямоугольники длиной 2–4 см. Часто такие прямоугольники обрабатывались плоской ретушью, нанесенной на брюшко. Кукрекская культура в первой половине своего периода существования относится к позднемезолитическому времени и, помимо Крыма, была распространена на территории Приазовья. В. А. Манько прослеживает влияние на кукрекскую культуру со стороны традиций Среднего Востока. Автор даже допускает миграцию населения в Крым из Месопотамии, что, собственно, и привело к возникновению кукрекской культуры. Именно с ней связывается процесс неолитизации не только крымского мезолита, но и мезолитических культур Северного Приазовья.

По мнению этого же автора, взаимодействие населения — носителей кукрекской и тау-бодракской культурных традиций — привело к возникновению на рубеже пребореала и бореала еще одной культуры на территории Крыма — шпанкобинской. Название данная традиция получила по имени эпонимного памятника Шпан-Коба, который исследовался в 1988–1989 гг. А. А. Яневичем. Стоянка расположена на Долгоруковской яйле и содержит шесть культурных слоев. Специфической чертой шпанкобинской индустрии является присутствие в каменном инвентаре серий предметов с притупленным ретушью краем, к которым относятся как пластинки, так и остря, а также треугольники. При оформлении этих вещей широко использовалась микрорезцовая техника. Основной тип заготовки — пластина.

Комплексы микролитов шпанских, кукрекских, частично шанкобинских, а еще ранее эпиграветтских памятников аналогичны микролитическим комплексам стоянок Степной Украины, что, по мнению Д. Я. Нужного, свидетельствует о периодических инфильтрациях населения в Крым с севера².

¹ Манько В. О. Хронологія фінальнопалеолітичних — неолітичних крем'яних індустрій Криму. С. 158.

² Нужний Д. Ю. Мікролітична метална зброя фінальнопалеолітичних і мезолітичних мисливців гірського Криму // Археологія. 1999. № 1. С. 5–25.

§ 4. Неолит (7/6 тыс. лет назад)

Особенностью неолитических стоянок Крыма является то, что они бедны находками керамики¹. По этой причине исследователями, начиная с С. Н. Бибикова, особое внимание уделялось анализу каменного инвентаря.

По технико-типологическим характеристикам каменных индустрий памятники неолита, расположенные в горной и степной части полуострова, различаются между собой. Горнокрымские памятники располагаются на яйлах первой гряды, а также в районе второй гряды, на различных пригодных для обитания участках: пещерах, навесах, открытых площадках у рек. Исследователями в 1970–1980-х гг. были выделены ранний и поздний этапы в развитии неолита на этой территории. Для индустрий раннего этапа характерно наличие среди геометрических микролитов сегментов с дугой, обработанных плоской ретушью, а также трапеций с ретушью, частично заходящей на спинку. Керамика представлена шиподонными сосудами с прямыми или слабосогнутыми венчиками, толстыми стенками и примесью толченой ракушки в тесте². Каменный инвентарь поздненеолитических стоянок отличается присутствием сегментов и трапеций, спинки которых полностью обработаны плоской ретушью. Среди керамических сосудов появляется остро- и круглодонная посуда с более тонкими, по сравнению с ранним этапом, стенками. В тесто помимо толченой ракушки, известняка и мелкого кварцевого песка добавлялись растительные примеси. В результате обжига они выгорали, и посуда становилась пористой. Верхняя часть посуды украшалась врезными линиями, наколами, реже — гребенкой. В конце неолита появилась плоскодонная керамика. Орнамент наносился по краям венчиков или под ними в виде насечек или ямок, которые образовывали на внутренней стороне стенок пояс «жемчужин».

Эта периодизация оставалась общепринятой вплоть до второй половины 1990-х гг. Однако необходимо подчеркнуть, что это членение было произведено исключительно на основе типологии каменных изделий.

Среди ранненеолитических памятников выделяется стоянка Ат-Баш, расположенная на Айпетринской яйле. Памятник исследовался Б. С. Жуковым в 1927 г., который зафиксировал во время раскопок остатки кострища, связанное с ним скопление камней в виде овала размером в поперечнике около 2,5 м, а также кремневые изделия и фрагменты керамики.

Одной из самых известных стоянок крымского неолита является известное скальное убежище Таш-Аир I, исследовавшееся Д. А. Крайновым в 1938–1940 гг. Памятник расположен на правом берегу реки Качи у с. Передущельное. Д. А. Крайнов выделил на памятнике девять культурных слоев, шесть нижних из которых относятся к неолиту. Наиболее богатый находками слой VI содержал остатки нескольких очагов, многочисленные кремни, кости животных, раковины моллюсков *Helix*. К позднему неолиту относится слой Va, в котором помимо многочисленных

¹ Телегин Д. Я. Неолит Крыма. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 44–48.

² Колосов Ю. Г. Неолит Крыма // Археология Украинской ССР. Т. 1. С. 150–156.

кремневых орудий были найдены изделия из кости — шилья, иголки, изделия из рога косули, плитки из обработанных клыков кабана, кости животных с нарезками и насечками. Костные остатки животных принадлежат следующим видам: олень, косуля, дикий кабан, заяц, конь, осел, крупный и мелкий рогатый скот, птицы. По мнению В. А. Манько, таш-аирская индустрия являлась местным феноменом и возникла примерно 10 тыс. лет назад на базе шан-кобинской индустрии. Ее существование совпало с существованием неолита в Горном Крыму и, возможно, продолжало развиваться в энеолитическое время¹.

Анализ остеологических материалов неолитических памятников Горного Крыма позволил сделать вывод о преобладании в хозяйстве охоты на диких животных. Скотоводство играло, по всей видимости, вспомогательную роль. Большие скопления ракушек свидетельствуют также о значительной роли собирательства.

Неолитические стоянки Степного Крыма представлены в основном памятниками позднего этапа развития кукрекской культуры. Они зафиксированы в Северо-Западном Крыму и на территории Керченского полуострова. На северо-западе Крыма к позднекукрским стоянкам относятся стоянки Ишуньская и Долинка, на Керченском полуострове — Луговое I², Алексеевская Засуха, Фронтное I и III и др.³

Особо необходимо отметить могильник у с. Долинка. Памятник исследовался А. А. Щепинским и датируется рубежом V–IV тыс. лет до н. э. В большой могильной яме раскопками были зафиксированы скелеты, уложенные в несколько ярусов. Покойники погребены на спине, с подогнутыми ногами. Тела были окрашены охрой. В могиле найдены многочисленные украшения из просверленных зубов оленя, а также мелкие костяные бусы⁴.

¹ Манько В. О. Хронологія фінальнопалеолітичних — неолітичних крем'яних індустрій Криму. С. 225–226.

² Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.

³ Колосов Ю. Г. Неолит Крыма. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

Глава 3

Крым в эпоху энеолита и бронзы. V–II тыс. до н. э.

Т. А. Копьева

§ 1. Энеолит (вторая четверть V — последняя четверть IV тыс. до н. э.)

ЭНЕОЛИТ, или халколит (V–IV тыс. до н. э. — по терминологии культур Ближнего Востока и Дунайского региона), характеризуется широким использованием кремневых орудий наряду с применением изделий из меди. В эпоху энеолита степная зона юга Восточной Европы входила в ареал распространения влияний высококоразвитых культур Подунавья и центра их металлообработки. Однако медных изделий V тыс. до н. э. на полуострове почти не обнаружено. В целом энеолит Крыма все еще исследован недостаточно и представлен малочисленными памятниками¹. Территория полуострова, прежде всего степные районы, выглядит малозаселенной. Возможно, такая ситуация объясняется экологическим фактором. Памятники разделены на три локальные группы — южнобережную, горную и степную.

Южнобережную группу представляют стоянки, относимые к типу «раковинных куч»: Ласпи I, Изумруд, Эра I, Форос, Ореанда, Гурзуф, Жуковка, Пятиречь и др. Для определения их возраста имеется радиоуглеродная дата материалов Гурзуфской стоянки: 2635 ± 90 до н. э. Таким образом, с учетом калиброванного метода время ее бытования — первая половина IV тыс. до н. э.² Культурные напластования состояли из морских раковин и включали фрагменты керамики, кремневые орудия, кости животных, птиц, рыб, угольки, а также лепные тонкостенные горшки с серой, коричнево-серой, желтовато-серой или красноватой поверхностью, выпуклыми боками, высокой, с отогнутым венчиком горловиной, округлым или уплощенным дном. Орнамент на них врезной или выполнен штампом в виде рядов зигзага и елочного узора. Но встречается и с насечками, вдавлениями, жемчужинами.

¹ Энеолитические памятники Крыма А. А. Щепинский разделил на ранние и поздние. Ранняя группа представлена в настоящем разделе. Поздняя включала стоянки и погребения кеми-обинской культуры, рассматриваемые в современных исследованиях в рамках раннего бронзового века.

² Щепинский А. А. Ранний энеолит Крыма // Археология Украинской ССР. Т. 1. С. 320–324.

Кремневые орудия включали скребки, ножевидные пластины, проколки, наконечники стрел с двусторонней плоской ретушью. В слое раковин представлены мидии, устрицы, морская улитка *Patella*, а также кости рыб и крабов.

Стоянки горнолесной зоны — слой Vб памятников Таш-Аира I, Дружное, верхний слой — Фатьма-Кобы по керамике имеют близкие параллели с южнобережными стоянками «раковинных куч». Исследованы памятники с материалами энеолита у Симферопольского водохранилища и Курцы I. Находки здесь представлены каменными шлифованными рубящими орудиями, кремневыми нуклеусами разных типов, призматическими пластинами, в том числе в виде вкладышей, сегментов и трапеций с покатой ретушью. Встречаются двусторонне обработанные орудия — наконечники стрел, дротиков, ножи, вкладыши серпов. А. А. Щепинский проследил две параллельные линии развития крымского энеолита: курцовскую и кая-арасинскую, различия между которыми заключаются в технологии изготовления керамики и ее орнаментации. Если в первой посуда имеет плотную структуру, темный цвет и украшена геометрическим узором, то во второй она тонкостенная, с включениями известняка или ракушки, слабо обожжена, как правило, с заглаженной или подлощенной поверхностью. Несложный орнамент в виде резных линий присутствует редко. Вероятно, население данных стоянок принимало участие в формировании памятников кеми-обинского типа.

Степная группа включает единичные погребения и стоянки. Захоронения совершены в неглубоких овальных ямах, сильно скорченный костяк сплошь окрашен красной охрой, руки согнуты в локтях, преобладает восточная ориентация (курган 1 у с. Рисовое, курганы 9 и 10 у с. Танковое). Погребальный инвентарь: кремневая ножевидная пластина, изделия из кремня, камня, костяные пронизи. Данные признаки погребального обряда связывают рассматриваемые захоронения с памятниками степного энеолита второй половины V тыс. до н. э. юга Восточной Европы и Предкавказья¹. Похожие памятники имеются и в Прикубанье².

Стоянки времени энеолита (полуостров Карача-Китай) и отдельные находки (обломок тесла из нефрита, орудия на кремневых отщепках, фрагменты лепной керамики с включением толченых раковин) обнаружены в Присивашье.

Характер материальной культуры энеолитических памятников Крыма свидетельствует, что хозяйственная деятельность населения в разных географических зонах имела свои особенности. Стоянки, как правило, были открытого типа. В горной местности использовались скальные навесы. В предгорьях основу хозяйства составляли скотоводство (вероятно, отгонного типа) и земледелие; в горах немаловажную роль играла охота. По мнению Г. М. Булова, энеолитические стоянки «раковинных куч» представляют сезонные лагеря специальных промысловых групп «за дарами моря», постоянно проживавших в горной зоне.

¹ Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969. С. 57–60.

² Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 92–166.

§ 2. Эпоха ранней бронзы (последняя четверть IV тыс. до н. э. — первая половина III тыс. до н. э.)

Эпоха бронзы определяется широким распространением изделий на медной основе с искусственными присадками мышьяка и олова. Существует мнение, что эпоха бронзы связана именно с применением оловянистых бронз, которые на Ближнем Востоке появляются в III тыс. до н. э. Сплавы с присадками мышьяка имели широкое хождение в Передней Азии и на Кавказе в IV тыс. до н. э. В эпоху бронзы на территории Крыма последовательно происходила смена археологических культур, входивших в крупные культурно-исторические общности. Ареал этих общностей был связан с Северным Причерноморьем, Поволжьем и Предкавказьем.

ЯМНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ (IV ТЫС. ДО Н. Э. — XXXII–XXIV ВВ. ДО Н. Э.). Формирование этой крупнейшей общности культур связано с территорией юга Восточной Европы и Предкавказьем. Выделяются два этапа ямной культуры. Древнеямная культура по времени соответствует майкопско-новосвободненской общности Предкавказья и датируется IV тыс. до н. э. Она сформировалась под влиянием майкопских племен Северного Кавказа. Позднеямная культура соотносится с памятниками средней бронзы Предкавказья и датируется первой половиной III тыс. до н. э. Племена позднеямной культуры освоили колесный транспорт. Они были подвижным народом, который занимался пастушеством и охотой. Множество курганов в Каспийско-Причерноморских степях были возведены именно племенами ямной культуры.

В ямной культурно-исторической общности выделены девять локальных вариантов, в том числе Крымский. В ее развитии намечены три периода — этапа¹. На первом — распространены захоронения в грунтовых ямах, в классической ямной позе (на спине, с подогнутыми ногами и откинутыми, слегка согнутыми в локтях руками, обильно посыпанные красной охрой) с восточной ориентировкой. Заупокойный инвентарь включал остродонные и округлодонные лепные сосуды с высоким горлом, резным, накольчатым или штампованным орнаментом, изделия из раковин, кости и камня. В Крыму ямные погребения распространены в северной степной зоне и обычно, за исключением детских, вовсе не содержат инвентаря.

На втором этапе число погребений увеличивается, наряду с обычными фиксируются уступчатые ямы с расширяющимися ко дну стенками. На уровне заплечиков яма перекрывалась деревянными плахами, жердями или каменными плитами. Положение покойного — скорченное на спине, на боку и на спине с разворотом на бок. Преобладающая ориентировка — северо-восточная, восточная. Погребальный инвентарь содержал лепные округлодонные сосуды с короткой гор-

¹ Мерперт Н. Я. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы: Автореф. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 17–39.

ловиной (в орнаментике появляется шнуровой узор), а также горшки с уплощенным дном, кремневые наконечники стрел и дротиков, серпы, бронзовые черенковые ножи, костяные проколки, украшения из костяных молоточковидных булавок с цилиндрическим стержнем, пронизи, амулеты из раковин и клыков хищников, бронзовые бляхи с пуансонным орнаментом. Ямные племена наряду с районами степи осваивали Крымское предгорье.

На третьем этапе захоронения совершались как в просторных ямах, так и в небольших могилах боченковидной в плане формы. Погребения являлись впускными в более ранних курганах, иногда располагаясь как бы по дуге. Установлены три типа труположения с преобладанием северо-восточной ориентации. Посыпка охрой встречалась не так часто. Инвентарь состоял из лепных сосудов горшковидной формы с плоским дном, украшенных оттисками гребчатого штампа, молоточковидных булавок с коническим стержнем и других характерных артефактов.

Крымские степные курганы расположены вдоль водоразделов, на возвышенном участке местности. Высота насыпей колеблется от 0,5 до 6 м, в отдельных из них выявлено до 16 могил. Особенностью курганного строительства являлось устройство кольцевых ровиков. Ровик обрамлял основное захоронение, расположенное в центре. Диаметр ровиков — от 15 до 30 м, некоторые из них имели от одного до трех разрывов-проходов с плавно закругленным краем. В кургане у с. Вишенное ровик имел два разрыва-прохода. На северном участке ровик напоминал очертания змея. О ритуальном назначении ровиков свидетельствуют и найденные в их заполнении кости быка и домашних животных, фрагменты зернотерок. Культ быка был широко распространен в древнем мире, он прослеживается у всех племен ямной культуры. Так, навершие посоха в виде стилизованной головы быка найдено в погребении племенного вождя из Предгорного Крыма¹.

Признаки социальной дифференциации в обществе усиливаются на втором этапе, тогда же нарастают инокультурные влияния и миграционные процессы. Контакты с располагавшейся восточнее ямной культурой Предкавказья и, возможно, миграцию с Предкавказья отдельных групп населения фиксируют захоронения в больших и широких уступчатых ямах с характерным для этой культуры положением костяка, иногда с деталями повозок. Импорт керамической посуды прослежен из районов трипольской (усатовской) культуры, культуры шаровидных амфор, буджакской культуры.

Основу экономики населения составляло комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Ремесленное производство осуществлялось внутри родовых общин, исключение, вероятно, составляла металлообработка.

КЕМИ-ОБИНСКАЯ КУЛЬТУРА (3200?–2400 ГГ. ДО Н. Э.). Культура ящичных гробниц (раннего бронзового века) была выделена А. А. Щепинским на основе захо-

¹ Щепинский А. А. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 9. С. 70–72.

ронений, совершенных в каменных и деревянных ящиках¹. В Крыму памятники этой группы распространены неширокой полосой вдоль прибрежной зоны Черного моря — от Керченского полуострова на востоке до Тарханкутского полуострова на западе, включая предгорные и горно-лесные районы. Типологически близкие памятники известны в Северо-Западном Причерноморье, Нижнем Поднепровье и на Таманском полуострове. Актуальна проблема культурного размежевания кеми-обинской и ямной культур. К кеми-обинским памятникам А. А. Щепинский относил стоянки, подкурганые захоронения и каменные стелы.

Особый интерес представляют погребальные сооружения, которых известно около 90. Каменных ящиков — 60, из них 35 имели изнутри орнамент на стенках². В конструктивном плане они делятся на ящики, составленные из четырех плит, ящики из нескольких плит, ящики из различного числа плит, не образующих строго прямоугольную конструкцию. В количественном отношении преобладают первые. Отдельные гробницы (Долинка, Старый Крым) отличались тщательностью исполнения, наличием пазов на плитах и заделкой щелей между ними.

В плане ящики прямоугольные и трапециевидные; в разрезе, за небольшим исключением, — трапециевидные, за счет наклона стенок. Пол в 14 ящиках сложен из плит, в 10 ящиках засыпан речной галькой. Отмечались также следы коричневой органической подстилки. Перекрытие ящиков состояло из одной или нескольких плит, иногда в местах их стыков со стенками выбирались специальные пазы.

Кроме того, в 20 курганах учтено около 25 деревянных ящичных гробниц. Для них характерны каменные заклады в виде перекрывавшего их купола. Сами же гробницы устроены на древнем горизонте. Высота таких закладов — от 1,1 до 2,2 м (Кеми-Оба), диаметр — от 4 до 10 м. Кладка производилась насухо, обычно с перевязкой рядов, или «чешуйчатая». Купола над каменными ящиками встречаются в единичных случаях.

Внутренние размеры ящиков варьируются от 0,34 × 0,3 м до 2,0 × 1,68 м. Самые миниатюрные из них считаются жертвенниками, или кенотафами. Высота ящиков — от 0,4 до 1,3 м, в кургане у с. Вилино она составляла 1,96 м. Положение покойника чаще всего скорченное, на боку. Преобладает северо-восточная и восточная ориентировка. В трех ящиках находились по четыре костяка, в семи — по два, и четыре ящика содержали детские скелеты.

Погребальный инвентарь состоял из кремневых пластин, наконечников стрел, фрагмента ножа, скребков, каменных дисковидных терочников, парных желобчатых плиток, ступки и песта. В деревянных ящиках выявлены четыре полированных сверленных каменных топоров и костяное кольцо. В разрушенном ящике кургана у с. Уютное найдена каменная булава уплощенно-грушевидной формы.

¹ Щепинский А. А. Памятники Кеми-Обинской культуры. Запорожье, 2002. (Свод археологических источников; вып. 3). С. 14–25.

² Колотухин В. А. Курган № 1 у села Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 223–242.

Украшения представлены в одном каменном ящике (Старый Крым), где вместе с костяными найдены бусы из аргиллита, гагата и сердолика. Особый интерес вызывает комплекс из каменного ящика у с. Долинка, включавший медные и бронзовые предметы — нож, топор, тесло, долото и двурогую вилку. Топор и вилка отлиты из чистой меди, тесло, нож, долото — из мышьяковистой бронзы¹. В гробнице у с. Белинское найдена проволочная серьга в 2,5 оборота из белого металла. Коллекция керамических сосудов малочисленна и происходит из трех деревянных гробниц и 14 каменных ящиков. Представлены разные ее формы, характерной особенностью является лощение. Из трех могил происходят обломки сосудов, использовавшихся в качестве емкостей для охры.

В Крыму искусство эпохи бронзового века связывают прежде всего именно с кеми-обинской культурой. Более половины исследованных каменных гробниц имели расписные стенки, четыре — орнамент, выполненный в технике углубленного рельефа. Для росписей использовались три краски — белая, черная и разные оттенки (от алого до коричневого) красной, в одном случае стенки ящика имели синий фон. На стенках с гравировкой нанесены красной краской отдельные «знаки». Орнамент геометрический — в виде точек, прямых и ломаных линий, из которых образованы фигуры из углов, крестов, овалов, дуг, окружностей и ромбов. Существует мнение о воспроизведении в этих росписях изображений на коврах, которыми обычно украшались жилища².

Каменные антропоморфные стелы являются простыми, схематично выполненными изваяниями и высокохудожественными стелами с гравировкой. Выделяются стелы из Казанков, Верхоречья, Тиритаки. Выгравированные на стелах изображения предметов и сюжетных сцен связаны с календарными обрядами. Аналогичная символика представлена на прямоугольной стеле из Бахчи-Эли. В Крыму также известны и менгиры.

В идеологических представлениях племен кеми-обинской культуры можно предположить существование культа предков, почитания огня, животных, обрядов, связанных с аграрными культурами. Тип хозяйственной деятельности характеризуется как скотоводческо-земледельческий. Среди несложных ремесел выделялась металлообработка. Вспомогательную роль играла охота.

Кеми-обинская культура принадлежит к географически широкому кругу мегалитических культур, ее тесные контакты с ямным населением обусловили типологически близкий инвентарь, тогда как керамический комплекс отличается самобытностью. Отмечены культурное влияние и связи с майкопско-новосвободненской общностью, усатовской культурой, позднее — дольменной и катакомбной.

¹ Корневский С. Н. О металлических ножах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.

² Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 84.

§ 3. Эпоха средней бронзы (вторая четверть III тыс. до н. э. — XVI в. до н. э.)

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ (XXVIII–XX ВВ. ДО Н. Э.). РАННЯЯ КАТАКОМБНАЯ ГРУППА (XXVIII–XXV/XXIV ВВ. ДО Н. Э.). На раннем этапе развития катакомбные памятники охватывали территории, прилегающие к Восточному, Северному и Северо-Западному Приазовью. В Крыму они представлены 91 подкурганном погребением, в основном в степных районах Присивашья, и единичными — в западной и предгорной частях полуострова. Все погребения — впускные в ранние насыпи, которые, обычно располагаясь дугой, одинаково удалены от ее центра.

Основным видом погребального сооружения являлась катакомба — шахто-камерная гробница. В Крыму в основном фиксируются Т-образные в плане катакомбы, Н-образные катакомбы, подбойные и уступчатые могилы единичны. Колодцы имеют наклонное дно в сторону камеры, иногда ступеньки и заплечики. В катакомбе № 18 кургана Западнодонузлавский вход был закрыт антропоморфной стелой. Колодец и камера обычно соединены посредством длинного или короткого лаза (или ступени). Покойник в скорченном положении, как правило, размещался по центру довольно просторной камеры. К концу раннего этапа получили распространение парные и коллективные захоронения.

Погребальный инвентарь сопровождал более половины погребений. Отдельные его категории находят аналогии в позднеямных захоронениях (молоточковидные булавки, костяные пронизи, просверленные клыки хищника, бронзовые шилья, черенковые листовидные ножи). Некоторые катакомбы ранней группы характеризуются ярким погребальным инвентарем. Так, катакомба Болотное 14/28 содержала престижные предметы и детали повозки. Выделяется крупная бронзовая пластина с пуансонным орнаментом в виде меандра. Аналогичная пластина, но орнаментированная спиралевидными кругами, находилась и в погребении Фрунзе 1/4. Близок к ним бронзовый конус диаметром 16,8 см, также украшенный пуансонным орнаментом, из катакомбы Первомайское 5/11. Две бронзовые прямоугольные пластины-обоймы, очевидно, являлись амулетами, символом родоплеменной принадлежности.

О развитии металлообработки дает представление погребение кузнеца-литейщика. Так, инвентарь катакомбы 20 в кургане 36 у с. Красновка состоял из 14 предметов: наковаленки, песта, абразива, глиняной литейной составной формы, четырех вкладышей, сопла и пяти льячек. Литейная форма имела типологические параллели с формой из новотиторовского погребения 3/10 могильника Лебеди I¹. Керамический комплекс включал сосуды позднеямной, кеми-обинской и даже степных культур Предкавказья. По всей видимости, в Крыму сложение ка-

¹ Гей А. Н. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. С. 13–32.

такомбной культуры происходило на многокомпонентной основе и явилось следствием сложных процессов трансформации позднеямной культуры.

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ: РАЗВИТОЙ И ПОЗДНИЙ ЭТАПЫ (XXV–XX ВВ. ДО Н. Э.). На этапе развитых культур катакомбная область определяется в границах степной и лесостепной зоны — от Волги и предгорий Кавказа до низовий Дуная. В Крыму развивается днепроазовская культурная группа, представленная 133 подкурганскими захоронениями. В кургане катакомбы обычно располагались на удалении 9–20 м от центра, как бы по дуге. При этом наиболее заполнен ими северо-восточный сектор насыпи. Сама катакомба имела входной колодец прямоугольной, квадратной и округлой в плане формы и горизонтальное дно. С камерой колодец соединялся коротким лазом, реже располагался практически вплотную. Вход закрывался камнем, досками, глиной. Фиксируется устройство двухкамерных катакомб, выведенных из одного колодца. Сами камеры в основном подпрямоугольные. Положение покойника скорченное, ориентировка неустойчива. Для данного этапа характерно неоднократное использование погребальной камеры катакомбы. При повторном захоронении находившийся в камере скелет сдвигался к одной из ее стенок.

Погребальный инвентарь присутствовал меньше чем в половине катакомб. Прижизненный статус и род занятий нашли отражение в погребальном обряде: выделены захоронения военной знати, ремесленников, служителей культа, рядовых общинников. Показательны комплексы с предметами вооружения: боевыми топорами, наконечниками дротиков, навершиями булав. Инвентарь производственного назначения представлен наковаленками, песчаниковыми абразивами с желобком, набором бронзовых инструментов для деревообработки.

Ингульская культурная группа содержит на сегодняшний день 346 катакомб и относится к позднему этапу этой культуры. Катакомбными племенами на полуострове возведены 33 кургана, из них не менее 25 сооружены ингульской группой, но преобладают все-таки впускные гробницы. Наиболее распространенный их тип — катакомба с округлым входным колодцем и овальной камерой. Способ захоронения — тело вытянуто на спине. Половина всех катакомб содержала инвентарь: предметы вооружения, орудия труда, украшения и посуду.

Наиболее ярким проявлением обрядовой практики ингульской группы являлось моделирование лица по черепу¹. На территории полуострова открыты восемь захоронений в катакомбе, где череп умершего подвергался разного рода посмертным воздействиям. Наиболее реалистичное воссоздание внешнего облика умершего, с применением накладки из глины, зафиксировано в погребении.

¹ *Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж.* Обряд моделирования лица по черепу у племен катакомбной общности // *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев, 1991. С. 59–84; *Пустовалов С. Ж.* Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры // *Stratum Plus*. 1999. № 2. С. 222–255.

Славное 1/2. В пяти катакомбах в моделированных черепах имелись трепанационные отверстия. Антропологическое исследование такого черепа из погребения Целинное 1/25 показало, что отверстия были сделаны при жизни. Операция была произведена с применением скребка, после которой мужчина прожил еще несколько месяцев. Эти данные свидетельствуют о высоком уровне соответствующих знаний у носителей ингульской культурной традиции¹. Практическое значение таких операций, учитывая большое количество оружия у племен ингульской группы, не исключает не только чисто медицинское, но и магически-культовое их назначение, подчеркивая высокий социальный статус умершего.

Спецификой погребального обряда ингульской культуры являлось также оформление погребального ложа различными узорами и росписями, зафиксированное в двух катакомбах кургана 1 у с. Наумовка. Керамический комплекс типичен для ингульской культуры, тем не менее присутствие посуды (горшков) реповидной, биконической формы, приземистых горшков с уступчатым плечиком и курильницы на круглом поддоне свидетельствует о влиянии восточных ареалов катакомбной культуры.

Племена подвижных скотоводов ингульской группы осваивают практически все экологические ниши полуострова, известны стоянки этого времени в горно-лесной зоне, западном и восточном районах, в Присивашье, но в основном они приурочены к степным балкам.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ МНГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ. ПОСТКАТАКОМБНЫЕ КУЛЬТУРЫ (XX–XV ВВ. ДО Н. Э.). Культуры, образовавшиеся вследствие распада катакомбной общности, характеризуются общим типом керамики с рельефным валиковым орнаментом. В Крыму известны связанные с ними подкурганские захоронения, грунтовый могильник, стоянки и поселения. В курганах погребения малочисленные, как правило, впускные. Лишь над отдельными могилами (с. Сусанино, Ак-Таш, Кировское — курган 2) были возведены собственные насыпи. Погребальный обряд этого времени характеризуется крайней неустойчивостью, проявлявшейся в разнообразии типов могил и способов труположения. Погребальные сооружения представлены продолговатыми ямами, катакомбами, подбоями, положение покойных — вытянутое на спине или слабо- и среднескорченное на боку при различной позиции рук и неустойчивой ориентации. Заупокойный инвентарь беден: единичные сосуды и костяные кольцевидные пряжки. В кургане 9 у с. Ильичево в погребении 6 найдены глиняные модельки колес.

Грунтовый могильник Штурмовое² в окрестностях Севастополя включал восемь погребений в катакомбе, на уровне древнего горизонта над каждой

¹ Данилова Е. И., Корпусова В. Н. Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму // СА. 1981. № 1. С. 163–170.

² Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. С. 160–171. В Крыму Г. Н. Тоцев выделяет две этнокультурные линии развития в посткатакомбный период, представленные памятниками «евпаторийской» группы и бабинской культуры.

из них был сооружен округлый кромлех. Овальные в плане камеры катакомб закрывались со стороны входной ямы-колодца закладной плитой. Положение покойных — вытянутое на спине, инвентарь включал лепные сосуды и фрагменты бронзовой цепочки.

ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕНСКО-ПЛАНЕРСКОЙ ГРУППЫ (КУЛЬТУРЫ). Памятники локализованы в Юго-Восточном Крыму и на Керченском полуострове. В разной степени исследованы материалы поселений Каменка, Планерское I, Киммерик I и II, Глейки, Маяк, Слюсареве, Щебетовка, Чалки, Алчак-Кая и др.¹ Стационарные работы проводились на крупном поселении Каменка. Жилища данного периода представлены наземными и слабо заглубленными постройками прямоугольной и овальной формы, дополнительно укрепленными по периметру каменными выкладками. На террасах поселений Планерское I и Алчак-Кая прослежены специальные каменные подпорные стенки, защищавшие жилые постройки от ливневых потоков. Керамика составила основную категорию находок. Крупные горшки имеют округлое тулово, невысокую прямую или отогнутую горловину, в верхней части украшены гладкими или расчлененными валиками. Известны миски и миниатюрные сосуды.

Прочие находки с поселений представлены кремневыми наконечниками дротиков и вкладышами серпов, фрагментами каменных топоров, булав, зернотерок, дисковидными и усеченно-коническими терочниками, грузилами, бронзовым шилом и теслом, роговым дисковидным псалием и другими изделиями и орудиями из камня и кости. На поселениях Глейки и Алчак найдено большое число каменных грузил с перехватом, использовавшихся в рыболовстве.

Длительное функционирование поселений Юго-Восточного Крыма свидетельствует о доминировании оседлого образа жизни его обитателей. Скотоводство носило придомный, пастушеский характер. В стадах преобладал мелкий рогатый скот. Значительную роль на прибрежных поселениях играло рыболовство.

§ 4. Эпоха поздней бронзы (XV–X вв. до н. э.)

Активизация миграционных процессов на территории Каспийско-Причерноморских степей способствовала сложению культур позднебронзового века, связанных с Евразийской металлургической провинцией.

¹ Колотухин В. А. Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // СА. 1983. № 1. С. 277–282; Кислый А. Е. Исследование поселений каменского типа в Восточном Крыму // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997. С. 134–137; Тоцгов Г. Н. Крым в эпоху бронзы. С. 150–160.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ (XV–XIV ВВ. ДО Н. Э.). Оформи́вшаяся в Волго-Уральском междуречье срубная культура получила распространение в степной зоне полуострова, главным образом в Центральном и Северо-Западном Крыму. Памятники представлены подкурганными захоронениями. На сегодняшний день известны всего 58 насыпей с основными погребениями этого периода. При этом курганы редко достигали высоты 1,5 м¹. Для них характерно наличие каменных конструкций в виде оградок различных форм или двух параллельных стенок. В единичных случаях вместо них возводились невысокие валы из суглинки или выкапывались рвы сегментовидной формы. Сами гробницы представлены ямами подпрямоугольной или трапециевидной формы и каменными (в одном случае — деревянным) ящиками. В основном это скорченное труположение на боку, с согнутыми, прижатыми к грудной клетке и поднятыми к черепу руками. Ориентация чаще всего восточная и северо-восточная. Захоронений по обряду кремации известно около 10. Пятая часть всех захоронений содержала кости крупных животных — отдельные ребра, трубчатые кости, части позвоночного столба в сочленении с хвостовыми или шейными позвонками.

Инвентарь погребений однообразен, обычно это один лепной сосуд баночного типа, горшковидный или остросереберный. Изделия из бронзы представлены семью кинжалами, крупной бляшкой, проволочной серьгой и спиралевидной обкладкой рукояти. Предметы из кости — бусы и два конических изделия (по-видимому, навершия нагаек), а также астрагалы. В кургане у с. Крыловка Первомайского района обнаружен клад литейщика, включавший три бронзовых слитка, два серпа и топор. В разрушенном кургане Нижнегорского района также найден вислобушный топор.

САБАТИНОВСКАЯ И БЕЛОЗЕРСКАЯ КУЛЬТУРЫ (XIV–X ВВ. ДО Н. Э.). Памятники так называемой сабастиновской культуры Нижнего Дуная, Поднестровья, Побужья, Нижнего Поднепровья появились в Крыму в XIV–XII вв. до н. э. В последующие примерно два века их сменили здесь объекты, связываемые с белозерской культурой (XII–X вв. до н. э.). Имеются данные о 40 поселениях и стоянках. Поселения со следами каменного домостроительства фиксируются на всей территории полуострова, за исключением Присивашья, горной и югобережной зоны. Наряду с ними существовали поселения (стоянки, кочевья, селища) со слабовыраженным культурным слоем. Стационарные раскопки проводились на четырех — Кировском² на Керченском полуострове, Бурун-Эли и Бай-Кият в Северо-Западном Крыму и Тау-Кипчак в районе Второй гряды гор. На других поселениях работы осуществлялись эпизодически. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о наличии на изучавшихся поселениях нескольких строительных периодов. К наиболее ранним сабастиновским памятникам относятся поселения Кировское и Бурун-Эли.

¹ Колотухин В. А. Культуры эпохи бронзы // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 29–47.

² Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 7–59.

При изучении поселения Бай-Кият¹ зафиксированы четыре строительных периода. Подпрямоугольные в плане жилища полуземляночного типа, как правило, вытянуты по оси север—юг с небольшими отклонениями. Глубина котлованов составляла от 0,5 до 0,8 м. По периметру они были как бы облицованы каменными плитами. Ими же производилось и выравнивание стен по горизонту. Кладка поднималась не менее чем на два-три ряда выше уровня пола. Затем следовало их глинобитное или иное, более простое и легкое продолжение. Узкие длинные коридоры располагались с южной стороны. Каждое помещение содержало открытый очаг прямоугольной формы, оконтуренный каменными плитками. Крыша была, по-видимому, шатровой или пирамидальной, ее края, опущенные на древний горизонт, были укреплены по периметру каменной обкладкой. Поселения существовали не непрерывно, периодически жители их покидали, возвращаясь через какое-то время, восстанавливая и отстраивая заброшенные жилища. Такая смена мест обитания, возможно, была обусловлена истощением природных ресурсов, что является косвенным свидетельством относительно высокой плотности населения.

Среди находок на сабаатиновских поселениях можно отметить матрицу для отливки трехшкорового кельта, бронзовый серп и костяной псалий с двумя перпендикулярно расположенными отверстиями (Кировское поселение), бронзовый кинжал (Карлеутское поселение), костяной псалий с тремя отверстиями (поселение Чуюнча). Все эти предметы, согласно традиционной хронологии, датируются XIV–XIII вв. до н. э.

Из белозерских поселений происходят четыре костяных псалия с тремя отверстиями в одной плоскости, два из которых найдены на поселении Бай-Кият и по одному — на поселениях Дружное 2 и Фонтаны. Эти находки могут быть отнесены к XII–X вв. до н. э. Для набора столовой посуды типичны черпаки и кубки. Керамика в целом аналогична посуде белозерских памятников Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья.

В Крыму к настоящему времени выявлены четыре грунтовых могильника белозерской культуры, расположенных в предгорной зоне, — Донское (третья гряда), Суучхан, Новокленовский и Ташлы-Баир² (между первой и второй грядами). На первых двух, частично ограбленных, погребальные сооружения представлены каменными ящиками, в Новокленовке и Ташлы-Баир — ямами различных форм. Обряд погребения — скорченное труположение на боку, ориентация южная и юго-восточная. Лишь в Новокленовке шесть скелетов лежали черепами на восток и северо-восток. Как и в подкурганых погребениях, инвентарь представлен преимущественно лепной посудой, но здесь вся она относится к столовой группе — кубки, черпаки, миски. Другая категория находок — это бронзовые украшения: проволочные браслеты, перстень, булавка и два литых ножных браслета.

¹ Колотухин В. А. Культуры эпохи бронзы.

² Там же; Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2005. С. 64–65.

Судя по типу жилищ и иным артефактам, основу экономики племен сабашиновской и белозерской культур составляло комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Стадо формировалось преимущественно из крупного рогатого скота. В идеологических представлениях населения особую роль имели календарные обряды¹.

---

¹ Колотухин В. А. Культуры эпохи бронзы.

Глава 4

Восточный Крым в античную эпоху. Боспорское царство. VI в. до н. э. — III в. н. э.

А. А. Завойкин, С. Ю. Сапрыкин

Боспорское царство было самым крупным античным государственным образованием в Северном Причерноморье. Исторически сложилось так, что практически на всем протяжении своей более чем тысячелетней истории (кроме самого раннего и, вероятно, наиболее позднего периодов) в состав его входили территории на обоих берегах Киммерийского Боспора (современного Керченского пролива), т. е. Восточный Крым и Таманский полуостров, а также отчасти соседние пространства на юго-востоке и северо-востоке, включая Нижнее Подонье. Границы эти всегда были в достаточной степени условны, часто менялись, но зона пролива, где располагались греческие города и их сельские округа, всегда оставалась политическим, экономическим и географическим центром государства.

§ 1. Боспорское государство в VI–II вв. до н. э.

Именно здесь, на месте современной Керчи, располагалась и столица царства — город Пантикапей, в позднеантичное время именовавшийся также Боспором. В своем развитии боспорская государственность прошла путь от нескольких независимых греческих городов-полисов, затем их объединения под единоличной наследственной властью пантикапейских тиранов до настоящей монархии «позднеэллинистического типа», стоявшей во главе значительного территориального образования с весьма неоднородным в этнокультурном отношении населением. В разные периоды его истории состав и значение этих греческих и варварских компонентов были различными, однако не подлежит сомнению, что эллинские начала всегда оставались доминирующими. С учетом сказанного очевидно, что делить боспорскую историю по территориальному принципу — Европейский (Восточный Крым) и Азиатский (Таманский полуостров) Боспор — методологически неверно. С момента объединения Боспора под властью Спартокидов это единое целое. Учитывая тематическую специфику данного издания, мы лишь постарались акцентировать внимание на истории Восточного Крыма.

Освоение греками земель, примыкающих с запада к Боспору Киммерийскому, началось примерно с рубежа VII–VI вв. до н. э., когда на горе Митридат (территория современной Керчи) появилась первая их колония Пантикапей¹, которую основали выходцы из Милета. Во второй четверти того же столетия эллинская колонизация приобрела массовый характер. В Восточном Крыму были основаны Мирмекий, Тиритака и Нимфей, метрополии которых нам неизвестны, а на западе, в Феодосийской бухте, появилась еще одна *апойкия* милетян — Феодосия.

Изначально возникшие здесь поселения конституировались как *полисы* — самостоятельные гражданские общины, хотя их размеры (даже самых больших) были очень невелики, а количество переселенцев в каждом из них исчислялось несколькими сотнями или даже десятками человек. Свою политическую и экономическую самостоятельность полисы сохраняли вплоть до включения их в конце V — начале IV в. до н. э. в состав единого государства Боспор под эгидой власти тиранов Пантикапея.

Низкий демографический и экономический потенциал боспорских полисов, сложные для адаптации природные и этнополитические условия определили невысокие первоначально темпы урбанизации поселений колонистов, медленный прирост населения, неразвитый характер торговых связей как с метрополией, так и между собой. Пожалуй, только со второй половины VI в. до н. э. можно уверенно говорить об их стабильном поступательном развитии. В крупных центрах (Пантикапей, Фанагория) фиксируется формирование элементов городской планировки и благоустройства, возводятся общественные здания (в Пантикапее уже в конце этого столетия сооружается монументальный ордерный храм Аполлона Врача). Наблюдается освоение сельской округи, сопровождавшееся появлением первых временных или постоянных поселений. Заметен рост объемов внешней торговли. Очевидно, что не позднее начала V в. до н. э. производство хлеба (главного богатства региона) достигло товарного уровня². Наиболее ярким свидетельством развития региона в целом является начало чеканки в Пантикапее серебряной монеты в конце VI в. до н. э., обращавшейся в районе Киммерийского Боспора повсеместно. Это отражает формирование регионального рынка.

Важнейшим фактором, определившим особенности и темпы развития эллинских полисов на Боспоре Киммерийском и на сопредельных территориях (помимо природных условий, конечно), была этнополитическая (этнодемографическая) ситуация. До недавнего времени считалось, что к началу миграции греков здесь отсутствовало сколько-нибудь многочисленное оседлое местное население. Древнейшие погребальные памятники скифов последней четверти VII — середи-

¹ См.: Толстиков В. П. Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК. 2015. № 1. С. 282–302.

² См.: Геродот. История (Herod.). VII. 147. (В данном разделе используется принятая в мировом антиковедении единая система ссылок на литературные первоисточники: за традиционным сокращением имени автора или названия произведения следует указание на книгу и главу, фрагмент либо стих оригинального текста. — Примеч. ред.)

ны V в. до н. э. при сопоставлении их со свидетельством Геродота¹ о военных или сезонных миграциях номадов через пролив по льду в Синдику позволили высказать мнение, что территории, примыкающие к Боспору, входили в зону земель, контролируемых этими кочевниками. В той же связи ссылаются на данные Стефана Византийского² о том, что земли для основания Пантикапея были получены от скифского царя Агаэта, а также на свидетельство Ксенофонта о господстве скифов над меотами³. Страбон⁴ же сообщает, что скифы в свое время изгнали из этих мест киммерийцев, а греки, основавшие Пантикапей и другие города, в свою очередь вытеснили скифов. Примечательно, что утверждение господства скифов и хозяйственное освоение ими (в форме сезонных кочевий) этих территорий и основание эллинских апойкий по берегам Боспора приходится примерно на одно и то же время.

Накопленные за последние десятилетия археологические факты позволяют взглянуть на эту ситуацию по-новому. Явные следы военных конфликтов и разрушений в городах, строительство в них фортификационных сооружений обнаруживают, что отношения с варварами строились далеко не безоблачно. Первые свидетельства относятся уже к середине — третьей четверти VI в. до н. э. (разрушения с пожарами и предметами вооружения в Пантикапее, оборонительные стены акрополя Мирмекия и Порфмия и др.). Нарастание военных конфликтов отмечено для конца VI — второй четверти V в. до н. э. Дестабилизацию обстановки в Северном Причерноморье связывают с продвижением с востока новой волны номадов (*сколотов*). Разрушения фиксируются на акрополе Пантикапея, в городе наблюдается массовое производство предметов вооружения, следы вражеского набега обнаружены в Тиритаке, Мирмекии, Порфмии, сооружаются крепостные стены в этих городах. О росте военной напряженности в отношениях греков и варваров говорит и статистика погребений с оружием в некрополях боспорских городов — ко второй четверти V в. до н. э. их доля достигла максимума.

Очевидно, что потенциальная угроза со стороны номадов, или оседлых, но воинственных меотов Прикубанья, была постоянным фактором жизни греков на протяжении первых веков их истории на Боспоре. Надо думать, что набеги варваров совершались на греческие территории эпизодически и до поры до времени не могли остановить поступательное развитие полисов. Однако усиление военной опасности ко второй четверти V в. до н. э. все же повлияло на политическую жизнь боспорских греков. В том числе это, по-видимому, отразилось на историческом развитии самого крупного полиса — Пантикапея.

В 480/479 г. до н. э. вследствие внутренних и внешних причин здесь произошел государственный переворот и установилась тирания неких Археанакти-

¹ Herod. IV. 28.

² *Стефан Византийский*. Описание народов (Steph. Byz.) s. v. Παντικάπαιον. (При ссылах на словари Стефана Византийского и Гарпократиона отсылки традиционно даются к названиям словарных статей. — *Примеч. ред.*)

³ *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе (Xen. Memog.). II. 1. 10.

⁴ *Страбон*. География (Strab.). XI. 2. 5.

дов—вероятно, одного из наиболее влиятельных родов первопоселенцев. Они правили 42 года¹. Эту дату было принято считать началом образования Боспорского государства. Опираясь на свидетельство Диодора, полагали, что Археанактиды, организовав для отпора варварам оборонительный союз, объединили под своей властью все или значительную часть полисов Боспора, узурпировав союзные полномочия. В пользу этого говорила и боспорская монета неустановленного центра с легендой АПОΛ, которую интерпретировали как союзную. Однако ввиду отсутствия иных свидетельств ранее конца V в. до н. э. следует признать лишь то, что в Пантикапейском полисе (в состав которого могли войти расположенные рядом небольшие полисы, например Мирмекий и Тиритака) установилась единоличная (или корпоративная) власть династии Археанактидов, при приемниках которых, Спартокидах (с 438/437 г. до н. э.), начиная с Сатира I (до 392/391 г. до н. э.) и заканчивая Левконом I (392/391–352/351 гг. до н. э.), и произошло формирование единого государства.

В период правления Археанактидов политическая и военная ситуация на европейском Боспоре стабилизировалась. Стены Мирмекия потеряли свое оборонительное значение, город разросся и вышел за их пределы. Недалеко от мыса Такиль был основан город Китей. К югу от Нимфея, по-видимому, в этот же период (или несколько ранее) «в пантикапейской земле» появился город Акра², а на мысе Зюк (Крымское Приазовье) — Зенонов Херсонес. «Именно с середины V в. до н. э. Пантикапей входит в период своего архитектурного оформления как главного города и столицы Боспора»³.

Для характеристики этнополитической ситуации важно отметить появление в некрополе Нимфея скифских подкурганых погребений. Высказывалось мнение, что Нимфей привлекал скифов в качестве крайнего пункта у одной из сезонных переправ через пролив.

В 438/437 г. к власти в Пантикапее пришел основатель новой династии Спарток I⁴. Через год-два в Понт, и на Боспор в частности, с эскадрой прибыл афинский лидер Перикл, чтобы сделать для «эллинических городов все, что им было нужно... а окрестным варварским народам, их царям и династиям» продемонстрировать мощь Афин⁵, т. е. обустроить дела в регионе в соответствии с интересами самих Афин. По-видимому, вследствие этого ряд боспорских городов — Нимфей, Патрей, Гермонасса (?), Киммерида и, возможно, другие⁶ — вступили в Первый афинский морской союз. Пантикапей и города, подвластные Спартокидам, видимо, занимали

¹ Диодор. Историческая библиотека (Diod.). XII. 31. 1.

² Strab. XI. 2. 8.

³ Толстиков В. П. Пантикапей — столица Боспора // ОАИБ. С. 78.

⁴ Diod. XII. 31. 1.

⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Перикл (Plut. Per.). XX.

⁶ IG I². № 63; The Athenian Tribute Lists (ATL). Cambridge, 1959. Vol. 1. P. 116 (A 9, № 38, 39); МИС. 1: 425/4 г.

антифинскую позицию¹. Можно предполагать, что активность Афин в этом регионе Причерноморья была обусловлена их заинтересованностью в поставках хлеба.

Некоторые косвенные источники позволяют говорить о том, что при Археанактидах и первых Спартокидах (может быть, и несколько раньше) Пантикапей и ряд других греческих центров Европейского и Азиатского Боспора оказались в сфере интересов и влияния Ахеменидской державы². Конкретные события этого раннего периода местной истории по письменным свидетельствам почти неизвестны. Но данные нумизматики, правда, трудно и неоднозначно интерпретируемые, явно свидетельствуют о важных новациях в политической жизни Боспора, в том числе его европейской части. Продолжалась чеканка полисной монеты Пантикапеем. С середины до конца V в. до н. э. выпускались монеты с легендой АПОΛ. Где-то на рубеже третьей и последней четверти V в. до н. э. началась недолгая чеканка монет Нимфеем (по непонятной причине ближе к концу чеканки сменившим легенду ΝΥΝ на ΣΑΜΜΑ) и Феодосией, завершившаяся уже в первой половине IV в. до н. э., когда этот город был завоеван Левконом I.

Между 410 и 406 гг. до н. э. произошло резкое изменение внешнеполитических ориентиров: Афины и Пантикапей заключили союз. Именно с этого времени источники отражают активную торговлю боспорским хлебом. Это, в частности, следует из анализа речей ряда афинских ораторов и политических деятелей первой половины IV в. до н. э. — Лисия и Исократ³, а также из упоминания «стелы Сатира» в Афинах⁴, на которой было вырезано решение народного собрания (декрет или договор). На этих основаниях Т. В. Блаватская убедительно предположила наличие формального договора Афин и Боспора⁵. Сатир I, в сущности, был первым боспорским правителем, упомянутым в источниках.

Эти внешнеполитические перемены развязали руки пантикапейским тиранам для проведения более активной и независимой политики в районе Киммерийского Боспора. Между 410 и 405 гг. до н. э. Сатир I захватил Нимфей, что и положило начало процессу образования политического ядра государства Спартокидов (известного впоследствии как Боспорское государство, или просто Боспор). После этого завоевательные планы Нимфея были устремлены через пролив, на Таманский полуостров.

Определить последовательность и конкретные обстоятельства завоевания или мирного присоединения Спартокидами полисов Боспора можно лишь приблизительно, опираясь на археологические следы военных разрушений там, где они фиксируются, в совокупности с прекращением автономной чеканки монеты в не-

¹ См.: Фукидид. История (Thuc.). III. 2. 2. В 428 г. предполагалась поддержка из Понта хлебом и лучниками восставших против Афин лесбосцев.

² См.: Завойкин А. А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 2015. № 1. С. 261–282.

³ Лисий. Речи (Lys.). XVI. 4; Исократ. Речи (Isocr.). XVII. 2–3.

⁴ МИС. 3 = Syll.³ 206, стк. 46.

⁵ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959. С. 125–128.

которых городах (Нимфей, Фанагория, Феодосия). Только в редких случаях хронологическим ориентиром служат сведения письменной традиции¹.

Около 410–400 гг. до н. э. прекратилась чеканка синдской монеты (примерно на четверть века раньше покорения племени синдов Левконом I). Ссылаясь на новеллу Полиена² и посвящение Левкона I с Семибратнего городища, данный факт объясняют обычно политическими сложностями, возникшими в синдском царском доме в первой четверти IV в. до н. э.³ В самом начале того же века был захвачен войсками Сатира I крупнейший город на Таманском полуострове — Фанагория, а оборонительные стены его демонтированы⁴. Около 400–393/392 гг. до н. э. археологически прослеживаются последствия неких военных действий и на ряде других крупных поселений Боспора: в азиатской части — в Синдской Гавани, в европейской — на мысе Зюк, в Феодосии, Мирмекии.

В последние годы жизни Сатир I начал военные действия и против Феодосии, уже тогда знаменитой своей удобной гаванью, во время которых он умер⁵. Незадолго до этого Сатир I вмешался в династический конфликт в соседней Синдике, поддержав своего ставленника на престол Гекатея и устроив его брак со своей дочерью. Однако в итоге он потерпел здесь неудачу. Сыну Сатира Горгиппу с трудом удалось замирить варваров при помощи даров⁶.

Так или иначе, но к моменту кончины Сатира I пантикапейская тирания в результате успешной в целом внешней политики вышла за рамки одного, пусть и самого крупного местного полиса, подчинив своей власти соседний Нимфей, а также почти все города, располагавшиеся в Восточном Крыму и на противоположном берегу пролива. Внешняя политика, проводившаяся старшим сыном Сатира I Левконом I (около 392/391–352/351 гг.), в начале его правления потребовала напряжения сил молодого государства, больших финансовых и материальных затрат. Дело в том, что она разворачивалась на фоне конфликта с поддержавшим Феодосию южнопонтийским городом Гераклеей⁷.

В ходе военных действий гераклеоты предприняли высадку десанта в различных местах Европейского Боспора⁸. На это указывают следы разрушений на ряде сельских поселений в Восточном Крыму, вероятно, на хоре Феодосии, а также

¹ Схолии к Эсхилу (Sch. Aesch.). III. 171–172; *Гарпократион*. Словарь десяти ораторов (Нагрост. Lex.). s. v. Νυμφαιον; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Демосфен (Plut. Dem.). 4: о падении Нимфея и власти Сатира над городом Кепы.

² *Полиэн*. Стратегемы (Polyaen). VIII. 55.

³ *Тохтасьев С. П.* К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4, fasc. 2. С. 300–301.

⁴ См.: *Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города»). М., 2004. (Древности Боспора; Suppl. 1). С. 96–103.

⁵ Diod. XVI. 31. 6; *Ульпиан*. Схолии на Демосфена (Ulp. Schol. ad Dem.). XX. 33; Polyaen. VIII. 55; Нагрост. Lex. s. v. Θεοδοσία.

⁶ Polyaen. VIII. 55.

⁷ Polyaen. V. 23; VI. 9. 3–4; *Псевдо-Аристотель*. Экономика (Ps.-Arist. Oec.). II. 2. 8; *Шеллов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // ДГ. 1984 г. М., 1985. С. 118.

⁸ Polyaen. VI. 9. 4.

в некоторых городских центрах этого региона¹. В ходе войны Левкон I успешно использовал силы наемников и союзных скифских лучников², вероятнее всего обитавших где-то в Степном Крыму. Тогда же боспорский правитель заключил союзный договор с Ольвией³. Ему удалось справиться и с внутренней, по-видимому, полисной оппозицией, которая оживилась в затруднительных для тирании условиях войны⁴. Испытывая острый дефицит денежных средств, тиран начал проводить унификацию денежного хозяйства (на монетах ввели новый тип аверса: «голова сатира» — эмблема Спартокидов), одновременно пополнив казну серебром⁵. В итоге около 366–364 гг. Феодосия вынуждена была покориться Левкону I⁶.

Завоевав город, он провозгласил себя «архонтом Боспора и Феодосии»⁷. Прежде исследователи связывали титул «архонт» у Спартокидов с полисной традицией, однако в настоящее время доказано⁸, что он обозначал властвование не над одним полисом, а над более обширными территориями. До этого момента Спартокиды являлись тиранами своего рода «мегаполиса» (Пантикапей—Боспор), инкорпорировавшего в свой состав другие, присоединенные силой или по договору местные гражданские общины⁹. Политико-правовое положение полисов в составе державы Спартокидов в этот период находилось в процессе становления и не было чем-то раз и навсегда определенным. В полной мере это относится и ко всей политико-административной структуре Боспорского государства.

Дальнейшее изменение титулатуры Левкона I отражает этапы территориальных приобретений боспорского тирана, эволюцию характера его власти и структурирование государства. Вскоре после Феодосии Левкон I наконец захватывает Синдику. На месте завоеванной Синдской гавани был основан новый город, названный Горгишпией в честь среднего брата Левкона I. Посвящение Теопротида, сына Мегакла, Дионису, найденное в Нимфее¹⁰, свидетельствует о дальнейших территориальных приобретениях тирана, который именовался теперь «архонтом Бо-

¹ *Завойкин А. А.* «Время Клеофона Фасосского» на Боспоре // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2004. С. 125.

² Polyaeu. 9. 4; Эней Тактик (Aen. Tact.). V. 2.

³ *Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 71–73. Надпись «В».

⁴ Polyaeu. VI. 9. 2–4.

⁵ Там же. 9. 1.

⁶ *Завойкин А. А.* Афины—Боспор—Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 265–266.

⁷ КБН. 1111; *Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. № 1. С. 60 и след.

⁸ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I. С. 410–412.

⁹ *Завойкин А. А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 173 и след.

¹⁰ *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. СПб., 2002. Vol. 8, fasc. 1. С. 99 и след.

спора и Феодосии, *всей Синдики, торетов, дандариев, песссов*». Следует обратить внимание на то, что изначальное распространение архонтской (а не «царской», как позднее) власти Левкона I на варварские племена Прикубанья позволяет отвергнуть предположения о том, что он заимствовал царский титул «у варварского правителя». Территориальное понятие «вся Синдика», встречающееся только в этой надписи, может быть понято при сопоставлении, с одной стороны, с термином «весь Боспор», используемым в декретах ранних Спартокидов¹, и последующей формулой титулатуры Левкона I в другом посвящении², где он назван «архонтом [Боспора и Фео]досии [и синдов]», и с «царствующим над торетами, дандариями, песссами» — с другой. Таким образом, параллельно с покорением меотских племен в Прикубанье шло становление политико-административной структуры государства.

Вместе с тем в отношении Крыма (его восточной части) наши представления о границах подвластных боспорским тиранам территорий не столь определены. Долгое время считалось, что западная граница Боспора проходила сразу за Феодосией. Однако ни в одной надписи с титулатурой Спартокидов среди подчиненных варварских народов не упомянуты скифы Крыма. Более того, для конца V — первой трети III в. до н. э. археологически не улавливаются этнокультурные различия между Восточным и остальным Крымом. Везде существуют сотни однотипных неукрепленных (подчас весьма значительных по площади) поселений (селищ-деревень), состоявших из нескольких десятков хаотично расположенных и довольно примитивных (иногда каменных) домов, хозяйственных построек, ям и свалок. Сравнительно немногочисленные и однообразные находки свидетельствуют о весьма скромном достатке и быте их обитателей, тем не менее имевших устойчивые торговые контакты с греческими центрами. Основным видом хозяйственной деятельности жителей этих поселений были экстенсивное земледелие и отгонное скотоводство. Социальный статус, правовое их положение нам неизвестно. Скорее всего, эти поселения в Восточном Крыму принадлежали семейно-родственным общинам рядового скифского (условно) населения, зависимого как от своей знати (скифских «царей»), так и в какой-то, вероятно, все возрастающей степени, — от боспорских греков в лице боспорских правителей. Располагавшиеся вблизи селищ в основном курганные могильники демонстрируют удивительное единообразие погребальных конструкций, всей погребально-обрядовой практики и стоявших за ними религиозных, явно варварских по своему характеру традиций. Подчеркнем еще раз, речь идет о внутренних территориях Восточного Крыма, на прибрежных территориях такого рода памятники не встречаются.

¹ КБН. 1; *Яйленко В. П.* К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 219 и след.; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 59–60. Примеч. 18. Ср.: *Завойкин А. А.* Две Синдики // ДБ. 2004. Т. 7. С. 152–158.

² КБН. 6а.

Подчинение Феодосии и ее округи, несомненно, расширяло экономические возможности молодого государства. Неслучайно Левкон I построил в этом недавно захваченном городе новый большой порт. В районе Крымского Приазовья именно в это время появилась целая сеть греческих усадебных комплексов. Не исключено, что они составляли поселенческую основу новой формы поземельных отношений, связанных с формированием так называемой царской хоры, т. е. земельных владений правившей династии Спартокидов¹.

Левкон I, будучи, по словам Демосфена², «хозяином боспорского хлеба», увеличил экспорт пшеницы, прежде всего в Афины³, на Лесбос⁴, в Аркадию⁵ и другие центры. Боспорский правитель стал издавать декреты от своего имени⁶. По всей видимости, именно его исключительные права на взимание пошлин на вывоз (хлеба) и ввоз товаров стали наряду с налогообложением подданных⁷ главным источником пополнения казны. Ярким свидетельством экономического процветания Боспора является начало чеканки золотых статеров Пантикапея. Неслучайно с правлением Левкона I древние авторы связывали становление Боспора как единого государства, называя династию Левконидами. Его исторический портрет предстает перед нами более отчетливо, чем черты его предков и потомков. Красочная зарисовка Афиней, выполненная вполне в духе определений Аристотеля⁸, представляет нам тирана, который борется с друзьями-предателями, окружен льстецами и полицией, которых он сам в душе презирает. Как и его отец Сатир I, Левкон показан человеком жестоким, вероломным и циничным⁹. С другой стороны, стоическая литература, вероятно, косвенно обусловленная официальной пропагандой, говорит о Левконе как о человеке достойном, мудреце на троне¹⁰.

После кончины Левкона I власть перешла к его старшему сыну Спартоку (около 352/351–346 гг.), который правил пять лет¹¹. Он продолжил политику отца

¹ Масленников А. А. «Царская хора» Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). М., 2010. (Древности Боспора; Suppl. 3).

² Демосфен. Речи (Dem.). XX. 30–32.

³ Dem. XX. 29. 36; МИС. 3 = Syll.³ 206. Согласно Демосфену, Левкон ежегодно отправлял в Афины 400 тыс. медимнов зерна. А однажды, если верить Страбону (Strab. VII. 4. 6), из феодосийского порта выслал 2100 тыс. медимнов.

⁴ МИС. 32.

⁵ КБН. 37.

⁶ МИС. 32 = Syll.³ 212; и др., а также: Яйленко В. П. Вторая фанагорийская проксеция // ДБ. 2001. Т. 4. С. 480–483; Шелов-Коведяев Ф. В. Новые боспорские декреты. С. 57 и след., 59–60. Примеч.

⁷ Элиан. Пестрые истории (Ael. Var. hist.). VI. 13; Strab. VII. 4. 4; VII. 3. 8 [ссылаясь на Хрисиппа].

⁸ Афиней. Пир софистов (Athen.). VI. 71 (257c); Аристотель. Политика (Arist. Polit.). V. 9. 2.

⁹ Polyaeu. VIII. 55; V. 9.

¹⁰ Ср.: Плутарх. О противоречиях стоиков (Plut. De stoic. rep.). IV. 20; Strab. VII. 3. 8; Дион Хризостом. Речи (Dio. Chrys.). 2. 75.

¹¹ Diod. XIV. 93. 1; XVI. 31. 6.

в отношении хлебной торговли с Афинами¹, за что (наряду с братьями Перисадом и Аполлонием) и был почтен афинянами декретом². Этот документ был принят в год смерти боспорского правителя (конец весны — начало лета 346 г. до н. э.). На рельефе, увенчивающем стелу с текстом, изображены три брата: двое из них сидят на широком кресле, бок о бок, как равноправные правители, а третий (Аполлоний) стоит рядом с ними. Этот памятник изобразительного искусства (наряду с самим декретом, отличающим старших братьев особенно) дал повод говорить о корпоративном характере власти Спартокидов.

Средний сын Левкона I, носивший иранское имя Перисад, был женат на своей кузине Камасарии, дочери Горгиша³. Судя по тому, что еще при жизни его отца дочь Перисада Акия была замужем, к моменту занятия престола брат умершего Спартока II был уже не молод⁴. Перисад I (346–310/309 гг. до н. э.) продолжил завоевание новых земель в Прикубанье. Унаследовав от Левкона I⁵ — Сатира II титул «архонта Боспора и Феодосии, царствующего над синдами, тортами, дандариями»⁶, он последовательно титуловался «архонтом Боспора и Феодосии, царствующим над синдами и всеми меотами»⁷, затем присоединены были фатеи и досхи⁸. При нем традиционно продолжался экспорт хлеба и поддерживались дружественные отношения с Афинами. Несколько ранее 324/323 г. до н. э. в Афинах, ввиду особых заслуг правителей Боспора, были установлены бронзовые статуи Перисада и его старших сыновей — Сатира и Горгиппа⁹. Такая почесть имела почти исключительный характер. Несомненно, благосклонность афинян была ответной на благодеяния боспорских владык: льготы и щедрые поставки хлеба в город. Но мера благодарности Афин предполагала и соответствующие обстоятельства, при которых заинтересованность города в благосклонности Спартокидов повышалась сверх всякой нормы. Действительно, между 331 и 324 гг. до н. э. Афины испытывали жесточайшую нехватку хлеба.

Перисад I («с сыновьями»), в свою очередь, даровал привилегии иностранцам, прежде всего торговые¹⁰. Продолжилась чеканка золотой монеты, а на месте сравнительно скромной резиденции Левкона I на акрополе Пантикапея был соору-

¹ В инвентаре жрецов Афины, датированном 307/6 г. (МИС. доп. № 1 = IG II². 731), упомянут венчик, на котором написано: «Спарток с Понта [увенчал] народ афинян...»

² МИС. 3 = Syll.³ 206.

³ КБН. 1015.

⁴ Там же. 1037, 1041. На рельефе афинского декрета 346 г. он вместе с братом изображен зрелым бородатым мужем, как и младший их брат Аполлоний.

⁵ КБН. 8 (по: *Яйленко В. П.* Материалы по боспорской эпиграфике // *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья.* М., 1987. С. 25).

⁶ КБН. 1014.

⁷ Там же. 10, 11, 971, 1039, 1040.

⁸ Там же. 9 (по: *Белова Н. С.* К находке надписи IPE, II, 8 // *СА.* 1968. № 3. С. 43–53); КБН. 1015, 972.

⁹ *Динарх.* Речи (Din.). I. 43.

¹⁰ КБН. 1–5; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые боспорские декреты. С. 64–65; *Он же.* Декрет из раскопок в Пантикапее // *ВДИ.* 1988. № 4. С. 81–83.

жен монументальный дворец¹. В нашем повествовании особенно важен следующий эпизод его царствования. Незадолго до 328 г. до н. э. Перисад I вел с неким скифским царем войну, которая вызвала экономические затруднения в государстве, прежде всего в его западной части². Археологические раскопки на сельской территории Восточного Крыма, в частности в Приазовье, как будто бы подтверждают факт этой военной кампании³. Ход и итог ее нам совершенно не ясны. Но, судя по замечанию Полиена⁴ об изменчивости военной судьбы Перисада, воевать ему приходилось нередко. Тем не менее долгое его правление было в целом столь благополучно для Боспора, что, по свидетельству Страбона, Перисад был даже провозглашен богом⁵.

Согласно подробному описанию Диодора⁶, кончина Перисада I стала прологом к династической распри между его сыновьями. Власть отца унаследовал старший сын Сатир II, однако его младший брат Евмел, опираясь на поддержку племени сираков во главе с царем Арифарном, обитавших где-то в Прикубанье, выступил с притязаниями на отцовский престол. В решающем сражении на реке Фат (Псат) Сатир, основу военной силы которого составляли греческие и фракийские наемники, а также многотысячный корпус скифов-союзников (20 тыс. пехоты и 10 тыс. всадников), одолел брата, а остатки его войска осадил в царской резиденции (крепости) Арифарна. Во время штурма, однако, доблестный правитель Боспора был смертельно ранен. Его останки были переправлены в Пантикапей, где средний сын Перисада I Притан похоронил брата, а затем, вернувшись к войску, принял командование и «царскую власть». Евмел попытался договориться с ним о разделе государства. Но Притан, проигнорировав это предложение, вернулся в Пантикапей, «чтобы упрочить свою власть». Видимо, время было упущено. Евмел активизировал военные действия, разбил противника, пленил брата, который впоследствии, не сумев найти поддержки в столице, бежал в город Кепы, где и был убит. Евмел (309–304/303 гг.) уничтожил друзей и родственников старших братьев. Спаслись удалось только сыну Сатира II — малолетнему Перисаду, бежавшему под защиту скифского царя Агара, ставка которого, по-видимому, находилась относительно недалеко от столицы. Затем Евмел созвал народное собрание в Пантикапее, на котором умерил недовольство граждан и расположил их к себе, восстановив «прежний (отчий) образ правления» с традиционными привилегиями столичных жителей и пообещав много иного⁷. Для нашего изложения данный эпизод боспорской истории

¹ Толстиков В. П. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея. (К проблеме локализации, интерпретации графической реконструкции) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 315; Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А. К вопросу о времени основания базилен Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. 2001. Т. 4. С. 427 и след.

² Dem. XXIV. 8. 36.

³ Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 6–94.

⁴ Polyæn. VII. 37.

⁵ Diod. XVI. 52. 10; Strab. VII. 3. 8.

⁶ Diod. XX. 20–24.

⁷ Там же. 24.

важен в двух отношениях. Во-первых, он свидетельствует о союзнических и, не исключено, традиционных отношениях с некими крымскими скифами, вернее — их правителями. Неслучайно те в междоусобной войне выступили на стороне законной власти. Во-вторых, неизвестная нам в дальнейшем судьба спасшегося царевича Перисада и некоторые новейшие археологические материалы из Крыма открывают простор для различных предположений относительно династической и военно-политической истории крымских скифов, возможно, связанных с Боспором и правившей там династией в большей степени, нежели это предполагалось прежде.

Политические замыслы Евмела простирались значительно дальше покорения окрестных варваров, «он постоянно оказывал услуги византийцам, синопцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта». Он поддержал жителей города Каллатиса в Западном Причерноморье во время его осады Лисимахом, переселив на Боспор 1000 каллатийцев и предоставив им город и землю под наделы. Евмелу удалось очистить Понт от пиратов, разгромив племена гениохов, тавров и ахеев, за что он удостоился похвал далеко за пределами собственного государства¹. При Евмеле сохранились торговые связи Боспора с Афинами², продолжилась чеканка золотой монеты. В планы боспорского правителя входило покорение всех племен, окружавших Понт, однако на шестом году правления (в 304/303 г. до н. э.) он погиб в результате несчастного случая, возвращаясь в столицу из своих владений в Синдике³.

К концу правления его приемника Спартока III (304/303–284/283 гг. до н. э.) в военно-политическом и экономическом положении Боспора произошли серьезные изменения негативного характера. Еще в конце IV в. до н. э. прекратилась чеканка золотой и серебряной монет, появились монетные клады, началась деградация бронзовой монеты. В ряде городов Европейского Боспора (Тиритака, Китей, Зенонов Херсонес) были возведены новые оборонительные стены. Прекратилась или замерла жизнь на усадебных комплексах «царской хоры» в Крымском Приазовье и в сельской округе боспорских городов. Не исключено, что именно в этот период были построены и погранично-оборонительные укрепления, в частности хорошо сохранившиеся до настоящего времени вал и ров в центре Керченского полуострова⁴.

По всей видимости, Боспор, как и все Северное Причерноморье, на рубеже первой и второй третей III в. до н. э. переживал общий (системный) кризис. Причины и проявления его были различными. В числе первых исследователи называют существенные климатические изменения и политические события в Средиземноморье, повлекшие хозяйственные перемены, приведшие к переориентации основных торговых путей и рынков товаров, демографический фактор, выразившийся

¹ Diod. XX. 25.

² См.: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Куда и зачем плывал Деяея? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Докл. конф. М., 1999. С. 98.

³ Diod. XX. 100. 1.

⁴ Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

в передвижении больших масс сопредельных варварских племен, экологический кризис и даже глобальную геологическую катастрофу (землетрясение). Вторые нашли выражение в почти повсеместных следах разрушений и военных действий, общем упадке хозяйства и запустении прежде освоенных и обжитых территорий, сокращениях разного рода связей со средиземноморскими центрами, определенном культурном регрессе.

Диодор¹ сообщает, что вторгшиеся в Причерноморье сарматы превратили большую часть Скифии в пустыню, поголовно истребив скифов. Не совсем ясно, в какой мере это свидетельство имело отношение именно к крымским скифам, однако несомненно, что все сказанное негативно отразилось на Боспорском государстве, в том числе и на его традиционных контактах с соседними варварами.

Торговля хлебом еще сохраняла некоторое значение в экономике Боспора, но объемы ее сократились. После того как весной 284 г. до н. э. Афины избавились от власти македонян, Спарток III, сын и преемник Евмела², в числе многих других иноземных владык отправил в дар городу 15 тыс. медимнов хлеба, за что был удостоен всяческих почестей — золотого венка и медных статуй (одна — «на площади около предков», другая — на акрополе³). Для последующего времени в письменных источниках нет известий об экспорте боспорского хлеба, исключая указание Полибия⁴ о том, что с Понта время от времени хлеб то вывозится в Грецию, то, напротив, импортируется.

Следует иметь в виду, что после походов Александра Великого и становления эллинистических государств изменились направления главных торговых путей, одновременно с включением в систему средиземноморской торговли азиатских стран выдвинулись на первый план новые экономические центры (Родос, Пергам, Делос, Александрия и др.). Все это потребовало определенной структурной перестройки боспорской экономики, прежде всего в области сельского хозяйства. Соответственно должна была измениться вся система организации (административного деления, хозяйственной направленности, форм управления, типов поселений, состава и статуса населения и т. п.) его сельской территории. Все это нашло свое археологическое подтверждение, причем наиболее конкретно и убедительно — на пространствах Восточного Крыма. Приблизительно с указанного времени здесь вместо сотен так называемых селищ появились немногочисленные, но хорошо укрепленные, почти исключительно прибрежные (Приазовские) городища. Их население, исходя из планировки домов и характера находок, имело примерно равный небольшой достаток и представляло, судя по культуре, смешанный «греко-варварский этнос»⁵. Его социальная организация и правовое положение не вполне ясны. Не исключено, что здесь мы имеем дело уже с общинами иного рода,

¹ Diod. II. 43. 6–7.

² Там же. XX. 100. 7.

³ МИС. 4 = IG II². 653 = Syll.³ 370.

⁴ Полибий. Всеобщая история (Polyb.). IV. 38. 5.

⁵ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 98–103; Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены... С. 89 и след.

напрямую зависимыми от центральной власти. Заметные изменения произошли и на пространствах городской округи, для которой стали характерны не слишком многочисленные, но крупные усадебные хозяйства, принадлежавшие зажиточной части горожан. Повсеместно на смену хлебопашеству пришла более сложная комплексная система хозяйствования с возросшей ролью скотоводства, виноградарства и ряда промыслов, прежде всего рыболовства.

Указанные перемены не носили катастрофического характера, но вылились в достаточно глубокую и длительную перестройку хозяйства и жизненного уклада населения Боспорского царства. С этого времени мы можем употреблять данное название без кавычек, поскольку, постепенно утрачивая былой авторитет на международной арене, правитель Боспора вслед за эллинистическими монархами и, быть может, по примеру владык Вифинии и Понта (около 297 г.) официально принял царский титул¹. В боспорских посвящениях Спарток III выступает с титулом «архонт»², «архонт и царь»³, «царь»⁴.

Этот на первый взгляд формальный акт, казалось бы, мало что меняющий в существе власти ранних Спартокидов, должен быть принят во внимание. Предки Спартока III были тиранами (в понимании классической античности) и династами (в современном значении), желая при этом в глазах средиземноморского эллинизма выглядеть скорее «*протатами*». Принятие же царского титула сыном Евмела ставило его самого и его потомков в один ряд с другими законными суверенами эллинистической эпохи, открывая тем самым новый этап в эволюции монархической власти на Боспоре.

Период правления поздних Спартокидов (начало III — конец II в. до н. э.) совершенно иначе освещен источниками по сравнению с предыдущим. Мы не располагаем сколько-нибудь связанной литературной традицией. Даже династическая история после Спартока III, не подкрепленная литературными источниками, равноценными «Исторической библиотеке» Диодора (обрывается на XX книге), и опирающаяся на разнородные датировки и наблюдения, полученные из анализа эпитафических и нумизматических памятников⁵, в ряде случаев имеет разночтения. Даже точное число одноименных правителей, не говоря уже о времени их царствования, твердо не установлено⁶. Существенно сокращается число всяких документов, особенно информативных эпитафических, а некоторые важные надписи (декреты правителей) не представлены вовсе. В целом слабее изучены и археологические памятники III–II вв. до н. э. Если не считать работы по некото-

¹ МИС. 4 = Syll.³ 370.

² КБН. 18.

³ Там же. 974, 1043.

⁴ Там же. 19.

⁵ Только финал династии (Strab. VII. 4. 4) и один эпизод истории III в. до н. э. (Схолии на «Ибис» Овидия — Schol. ad Ovid. Ibis. v. 310) получили отражение в письменной традиции.

⁶ Подробно: *Завойкин А. А.* Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. Т. 10. С. 214 и след.

рым отраслям экономики или отдельным центрам, почти отсутствуют обобщающие исследования¹.

Попытка Спартока III вслед за другими периферийными правителями встать вровень с царями эллинистических держав, позволяла перейти к ревизии взаимоотношений с полисами в пользу Спартокидов. Однако это, видимо, противоречило реальной ситуации, складывавшейся в данный период на самом Боспоре. Ведь, по существу, все благоприятные для становления и упрочения единой власти обстоятельства, характеризовавшие предыдущий этап развития государства (обширная хлеботорговля, финансовое благополучие, военно-политическая стабильность в регионе, дружественные отношения с господствующей в варварском мире силой — скифами и т. д.), остались в прошлом. Тем не менее монархический строй государства оказался жизнеспособен, и причину этого следует видеть в эффективности решения объединенным под главенством Спартокидов боспорским эллинизмом возникавших военно-политических проблем, а также в тесной экономической кооперации разных районов государства. В новых исторических условиях позволительно даже говорить о частичной реанимации отдельных полисных принципов, что, однако, не вело к децентрализации государства. Параллельно упрочению в III в. до н. э. этнополитической общности боспоритов (сложение которой следует относить, по-видимому, еще ко второй половине IV в. до н. э.) со второй половины этого же столетия жители Пантикапея, а в самом конце II в. до н. э. и Нимфея стали именовать себя за рубежами государства пантикапейцами и нимфаитами². На самом же Боспоре, независимо от того, каков был статус полисов при Спартокидах, *демотиконы* их жителей оставались в ходу на «бытовом уровне». Лучшее тому свидетельство — граффити из святилища Афродиты в Нимфее, в которых в различных житейских контекстах упоминаются нимфаиты³. Надо думать, что в области политического самосознания жители боспорских городов сохраняли приверженность оставшимся в прошлом традициям своего полиса. И когда в I в. до н. э. ситуация на Боспоре принципиально изменилась, произошла более полная реставрация полисных институтов, хотя и ограниченная по-прежнему жесткой властной вертикалью.

Одна из заметных черт нового этапа в жизни Боспора — эпизодическая чеканка медной монеты Феодосией и Фанагорией во второй половине III — II в. до н. э. Значение этого факта можно оценить лишь на фоне только что сказанного и полного отсутствия в государстве какой-либо иной монеты, помимо пантикапейской, на протяжении всего IV и первой половины III в. до н. э. Предоставление крупнейшим городам царства права чеканить медную монету связывают также с поисками правителями Боспора новых источников обеспечения монетных эмиссий⁴.

¹ См.: Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 136.

² МИС. 21, 14, 58.

³ Тохтасьев С. Р. К политической истории Боспора III в. до н. э. // ДБ. 2006. Т. 10. С. 418.

⁴ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 59–60 («Ок. 220–210 гг. до н. э.»).

Новшества затронули и саму чеканку Пантикапея. Спартокидовская эмблема («голова сатира») монопольно господствовала здесь вплоть до середины III в. до н. э., но во II в. до н. э. городской тип (полисная символика) «голова Аполлона» окончательно вытеснил ее¹. За этим определенно стояла перестройка взаимоотношений полиса и царской власти. О том же, вероятно, говорит и другое важное новшество в монетном деле Боспора — появление царской чеканки Левкона II (около 230–200 гг. до н. э.²), сначала меди, а затем золота и серебра.

Упомянутое отсутствие царских декретов может объясняться утратой Боспором своей привлекательности для инополитов в связи с падением его роли в международной торговле. Но не стоят ли за этим фактом и новые формы делопроизводства, пришедшие на смену старым, «квазиполисным», или же иные формы организации налогообложения (например, на основе откупа)? В то же время нам известен принципиально новый тип документа частного характера (середины II в. до н. э.) — посвящение фиаситов Афродите «за архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, матерелюбивого, за царицу Камасарию, дочь Спартока, чадолюбивую, и за Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии»³. Это первое свидетельство перемен в социально-политической сфере, впоследствии приведших к расцвету такой своеобразной формы общественных (негосударственных) объединений, как фиасы и синоды⁴. Данный документ заставляет предположить, что основные тенденции исторического развития Боспора эпохи Спартокидов сохранялись и впоследствии. Эта историческая перспектива предполагала, с одной стороны, реставрацию (в урезанном виде, конечно) полисных автономий, а с другой — дальнейшее усиление царской власти, бюрократизацию государственного аппарата. Иными словами, «архонты Боспора» сосредоточивали в своих руках чуть не все властные prerogatives государства, сохранившего тем не менее полисные структуры в качестве своих важнейших элементов.

Конкретное содержание возможных политических реформ III–II вв. до н. э. при нынешнем состоянии источников от нас ускользает. Можно ли в этих условиях говорить о глубоком внутривластном кризисе на Боспоре на закате династии, перед тем как последний Перисад передал власть Митридату VI (см. ниже), или же этот поворот в судьбе государства произошел лишь под давлением внешних обстоятельств? Ответ на этот вопрос не является пока очевидным.

В этой связи уместно кратко остановиться на характеристике военно-политической обстановки в районе Боспора, в том числе в Крыму, в III–II вв. до н. э. Сложившийся в IV в. до н. э. баланс сил греков и варваров был нарушен появлением новой волны кочевников. Пришедшие на Северный Кавказ сираки, как говорилось

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. (МИА; № 16). С. 179.

² Насколько можно судить по схолиям к «Ибису» Овидия (codd. G, C; codd. P, Mure), он захватил власть старшего брата Спартока IV (ок. 240–230 гг.), сына Перисада II (284/3 — ок. 245 гг.). Раньше Спартока IV предположительно правил Сатир III (?) — ок. 245–240 гг. (возможно, совместно с братом Перисадом II, сыном Спартока III).

³ КБН. 75.

⁴ Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2012.

ранее, приняли участие в династической расправе сыновей Перисада I. Ю. А. Виноградов, опираясь на данные Лукиана¹, склонен видеть изменения внешнеполитического положения Боспора прежде всего в переориентации на дружественные отношения с сарматами, тогда как отношения со скифами стали весьма натянутыми². В первую очередь это, естественно, отразилось на положении Европейского Боспора. Напомним, что после крушения Великой Скифии (рубеж IV—середины III в. до н. э.) в Центральном Крыму образовалось так называемое Позднескифское царство. Но существует мнение, что традиционный союз со скифами сохранялся: «...в течение III в. до н. э. Боспор начинает терять свои позиции в Азии и ко II в. до н. э. вынужден переключить сюда свои основные силы с целью удержать в повиновении еще подвластные ему меотские племена»³.

Так или иначе, но с рубежа IV и III столетий по начало II в. до н. э. (прежде всего в первой половине—середина III в. до н. э.) на Европейском Боспоре, как уже упоминалось, отмечено фортификационное строительство⁴. Оценивая обстановку в данном регионе в рассматриваемый период, необходимо признать интенсивное и продолжительное ухудшение военно-политической ситуации. Греки оказались как бы прижаты к приморским районам, концентрируясь в городах (и вблизи них), которые, по общему мнению, в то время переживали демографический и экономический расцвет и усиленно укреплялись. По всей видимости, формирование к середине III в. до н. э. сирако-меотского военно-политического союза как-то стабилизировало положение на восточных рубежах Боспорского государства. Значительные силы Спартокиды могли тратить на защиту западных владений.

Новый этап дестабилизации военно-политической обстановки был связан с продвижением новых волн кочевников (аорсов, сатархов) в последней четверти II в. до н. э. Это наряду с активизацией крымских скифов во главе со Скилуром и Палаком и стало одной из главных причин перехода Боспора под власть Митридата VI Евпатора, правителя Понта.

¹ Лукиан. Токсарид (Лус. Тох.). 36, 37, 39–41, 49, 55.

² Виноградов Ю. А. Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 82–86.

³ Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. С. 51.

⁴ Во второй четверти—середина III в. до н. э. катастрофически сократилось число сельских поселений. Полностью замерла жизнь на неукрепленных внутренних поселениях, связываемых исследователями с осевшим на земле местным скифским населением (прекратилось использование и их некрополей, где хоронили умерших в каменных ящиках). Близ городов с рубежа IV–III вв. до н. э. или в начале III в. до н. э. появились специализированные на виноделии усадьбы, типа раскопанной близ Мирмекия. В удалении же от городов, в удобных для обороны местах, возникли значительные по размерам городища, защищенные крепостными стенами, типа Золотого Восточного (ок. 2 га) или появившегося несколько ранее пос. Крутой Берег, близко напоминающего планировкой и размерами крепость на переправе—Порфмий, которая была в середине III в. до н. э. перестроена по единому плану, очевидно, в рамках государственной программы.

О внешних связях Боспора в III–II вв. до н. э. можно сказать немного. Наследники Спартока III уже практически никак не проявляли себя в отношениях с другими греческими государствами, если не считать священного посольства Перисада II в Египет в 254 г. до н. э.¹ или священных даров царей Перисадов III и IV (около 180–160 и 160–145 гг.) и царицы Камасарии в Дидимы и Дельфы (в начале II в. до н. э., 156–155, 154 гг.)². Состояние наших источников вполне адекватно той скромной роли, которую в это время играл Боспор на международной арене. Боспориты (и их правители) принимали участие в религиозно-культурной жизни эллинизма, с переменным успехом импортировали и экспортировали различные товары, оставаясь на задворках большой средиземноморской политики³. Пожалуй, один лишь сюжет, неизменно привлекающий внимание исследователей, заставляет рассматривать Боспор III в. до н. э. в этом контексте. Речь идет о так называемых перстнях «птолемеевского типа» (весьма высокая концентрация которых отмечается на Боспоре)⁴, изображении корабля «Изида» на фреске из святилища Афродиты в Нимфее (первая половина III в. до н. э.) и нефритовой голове статуи египетской царицы (Арсинои II (?), середина III в. до н. э.) из Пантикапея. Обычно их сопоставляют с упомянутым посольством царя Перисада II. О нем известно благодаря папирусу из архива Зенона, управляющего имением Аполлония, приближенного царя Птолемея II⁵, а также из надписи начала III в. до н. э. из того же Арсиноитского нома, в которой в перечне наемников фигурируют имена двух боспоритов — Филониха и Мольпагора⁶. Все эти источники позволяют предположить, что на протяжении почти всего III в. до н. э. (не позднее середины и до последних десятилетий) Боспор поддерживал связи с Египтом. Объяснения этим связям предлагаются различные (вербовка наемников на Боспоре, распространение среди боспорских торговцев с Египтом местных культов, связанных с их профессией, желание Перисада II сосватать своему сыну Спартоку (IV) одну из дочерей Птолемея). Но наиболее предпочтительной кажется точка зрения об общих интересах двух государств в области хлебной торговли. Еще М. И. Ростовцев считал, что Птолемеи были заинтересованы в том,

¹ Greek Papyri in the British Museum (P. Lond.). London, 1974. Vol. 7. № 1973; см.: МИС. С. 260–261.

² МИС. 15, 38, 39.

³ Греческие писатели вспоминали о Спартокидах III–II вв. до н. э. лишь тогда, когда возникал подходящий сюжет анекдотического свойства (в схолиях к «Ибису» Овидия) или затрагивалась тема взаимоотношений с местными варварами, да и то, как правило, применительно к ситуации, «козаренной» личностью и деяниями Митридата VI Евпатора и его полководцев (Strab. VII. 4. 3–4).

⁴ Больше половины из этих предметов относится к царствованиям Птолемея II Филадельфа и Птолемея III Эвергета, т. е. к середине III в. до н. э., а оставшиеся, с изображениями Арсинои III, — ко времени Птолемея IV Филопатора.

⁵ P. Lond. 7, 1973.

⁶ Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypte (SB). Berlin; Leipzig, 1926–1927. Bd. III. 6831. 6. 9.

чтобы боспорский хлеб был направлен друзьям Египта, а не его врагам¹. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в статье И. А. Ладынина². В этой связи возникает вопрос, не преувеличиваем ли мы степень упадка боспорского хлебопашества? Не происходит ли в последующие века большая «приватизация» сферы зерновой торговли, следствием которой стали иные формы регулирования взаимоотношений, нежели при ранних Спартокидах? Неслучайно исследователи подчеркивают по преимуществу частный характер хождения «птолемеевских» перстней³.

При любой интерпретации имеющихся фактов очевидно, что в III в. до н. э. во внешних связях Боспора Египет занимал особое место. Но ясно и то, что Птолемеи не были единственными в Средиземноморье, с кем Боспор, хотя бы эпизодически, вступал во взаимоотношения.

Иначе оцениваются контакты Боспора с государствами и полисами Причерноморья. Опираясь на свидетельство декрета в честь историка Сириска (вторая половина III в. до н. э.)⁴, исследователи реконструируют дружественные отношения боспорских царей с Херсонесом. С другой стороны, отсутствие Боспора в списке союзников Фарнака I в договоре 179 г. до н. э., в котором гарантами выступают Херсонес и царь Гатал⁵, интерпретируют как свидетельство конфронтации Боспора с царем Понта. На сопоставлении этих построений делается вывод, что «в первой четверти II в. до н. э. Боспор ослабел⁶ или стал более зависим от своих союзников-скифов, и это не позволяло ему и далее покровительствовать Херсонесу»⁷. Исходя из материалов археологии и нумизматики⁸, подтверждающих тесные экономические связи Боспора и греческих центров южного побережья Понта Евксинского, Е. А. Молев считает, что *после* войны 183–179 гг. до н. э. началось сближение Боспора и Понтийского царства. При этом подчеркивается, что в новых условиях Спартокиды вынуждены были лавировать между интересами городов своего государства (ориентация на Понт) и своими собственными (союз со скифами). Однако в конечном итоге сближение с Понтом, конфликт со скифами (так называе-

¹ Ростовцев М. И. Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сборник, посвященный П. Н. Милокову. Париж, 1929. С. 116. Ср.: Шургая И. Г. Вопросы боспоро-египетской хлебной конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 51–59.

² Ладынин И. А. Еще раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. 2007. Т. 11. С. 235 и след.

³ См.: Там же. С. 241.

⁴ IosPE I². 344.

⁵ Polyb. XXV. 2. 1–14.

⁶ Едва ли это утверждение сопоставимо с возобновлением золотой чеканки боспорских царей.

⁷ Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. С. 107–108.

⁸ Появление в боспорской городской чеканке монеты из южнопонтийской «золотистой бронзы» и типологические заимствования.

мое восстание Савмака)¹ и дестабилизация обстановки в связи с продвижением в Прикубанье новых племенных объединений сарматов² в конце II в. до н. э. привели к падению династии Спартокидов и подчинению Боспора власти Митридата VI Евпатора. Страбон³ прямо писал: «Не будучи в состоянии противостоять варварам, требующим дани бóльшей, чем прежде, он [Перисад] передал власть Митридату Евпатору» (пер. Ю. Г. Виноградова).

§ 2. Боспорское царство в конце II в. до н. э. — середине III в. н. э.

К концу II в. до н. э. экономическое положение Боспорского царства резко ухудшилось. В Восточном Крыму сократилось количество обрабатываемых земель, многие аграрные поселения были заброшены или разрушены. Резко снизился объем поступления товарного зерна, которое прежде приносило основной доход полисной верхушке и правящей династии Спартокидов, возможно, и части зажиточных горожан. Причиной этого, по-видимому, стала возросшая активность сарматских племен, в том числе сатархов, которые двигались на запад — к Нижнему Поднепровью и Побужью. Участились и их вторжения в Крым. Именно эти сарматские племена стали требовать с боспорских правителей ежегодно возрастающую дань, платить которую государству становилось все труднее. Это еще более ухудшало финансовую и экономическую ситуацию, особенно в Пантикапее.

Сарматская угроза вызывала беспокойство и в Крымской Скифии. Поэтому в первой половине II в. до н. э. при царе Арготе началось ее сближение с Боспором. В итоге скифы (тавро-скифы) Крыма и Боспор создали военно-политический союз, в рамках которого заключались династические браки, а выходцы из Таврики получали возможность проживать в столице и других городах. Вместе с тем падение доходов от торговли, от чего в первую очередь страдали боспорские города, делало крайне обременительной выплату упомянутой дани⁴. Позиции городских торгово-ремесленных слоев, ранее поддерживавших Спартокидов, существенно ослабли. Одновременно боспорские правители теряли доверие

¹ См.: Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 75–84; ср.: Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IPE I, 352 — Syll.³ 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 71.

² Накануне этих событий, как пронциательно заметила Т. В. Блаватская (Очерки политической истории Боспора... С. 149), Боспор сохранял союзнические обязательства по отношению к скифам Таврики. Именно поэтому полководец Митридата Диофант, едва одержав первую победу над скифами Палака, немедленно отправился в Пантикапей (IosPE I. 352) в поисках дружественного нейтралитета со стороны последнего Перисада (см.: Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 71 и след.).

³ Strab. VII. 4. 4.

⁴ Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 69–85.

большей части городского и сельского населения, страдавшего от экономических и военно-политических неурядиц. Возникла ситуация, при которой недовольные слои боспорского общества во избежание еще больших потрясений могли свергнуть ослабевший режим власти. В свою очередь крымские скифы, видимо, были готовы установить протекторат над всем или частью Восточного Крыма либо вообще присоединить его к своему царству. Видимо, это не отвечало интересам городских, главным образом эллинских, торгово-ремесленных кругов, а также части аристократии.

Создавшийся кризис, согласно сообщению Страбона, жившего почти столетие спустя, попытались разрешить путем передачи власти от Перисада V, последнего из династии Спартокидов и к тому же не имевшего наследников, Митридату VI Евпатору, царю Понтийского царства. Найденный в Херсонесе Таврическом декрет в честь стратега Диофанта, полководца Митридата VI, свидетельствует, что после первой победы понтийского полководца над скифами он «отправился в боспорские местности, совершив в короткое время много разных подвигов». Диофант вынудил Перисада V передать власть Митридату VI через его усыновление. Тем самым царь Понта получал Боспорское царство как бы по наследству, что делало его власть легитимной. Оно провозглашалось родовым царским владением как часть Понтийского государства¹. Эти события спровоцировали заговор скифов, живших в Пантикапее. Его возглавил некто Савмак, находившийся при дворе Перисада V, быть может, его воспитанник. Скифы убили Перисада V, а против Митридата VI составили заговор. Савмак, который мог быть скифом царского рода, провозгласил себя царем, рассчитывая, вероятно, создать на Европейском Боспоре нечто вроде скифского царства взамен утраченных владений в Таврике. Диофанту удалось избежать опасности. Он сел на отправленный за ним херсонесский корабль и прибыл обратно в Херсонес, где подготовил объединенное херсонесско-понтийское войско и флот. Выступив затем из Херсонеса, он высадился в Феодосии и двинулся на Пантикапей. Восставшие были разбиты, а Савмак взят в плен и отправлен к Митридату VI. В результате на Боспоре была восстановлена власть царя Понта².

Однако сопредельные сарматы еще не были покорены и не признавали понтийского царя. Митридат VI Евпатор отправил на Боспор войско во главе с навархом Неоптолемом, который в 91–88 гг. до н. э. победно завершил войну с сарматами, языгами и бастарнами в Поднепровье³. На Боспоре, в Керченском проливе, он в морском сражении летом разбил неких варваров (ахейцев и гениохов?), союзников сарматов, а зимой в конной битве на льду победил уже самих сарматов⁴. В ознаменование этой победы в Нимфее была поставлена статуя Митрида-

¹ Юстин. Эпитома Помпея Трога (Justin). XXXVIII. 7. 10.

² IosPE P. 352, ll. 32–35; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 91–105; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 140–151.

³ Плутарх. Об удаче римлян (Plut. De fort. Rom.). 11. Моралии (Mor.). II. 324; ср.: Анниан. Митридатовы войны (App. Mithr.). 15, 41, 69; Justin. XXXVII. 3. 5; Strab. I. 2. 1.

⁴ Strab. VII. 3. 16, 18.

та VI Евпатора — благодетеля. В итоге сарматы признали власть понтийского царя и стали его союзниками¹.

В годы Первой войны с Римом (89–85 гг. до н. э.) родовые царские владения Митридатидов в Понтийской Каппадокии и Пафлагонии были объединены с Боспором. В 87 г. до н. э., когда Митридат VI Евпатор находился в Пергаме, на Боспор был послан его сын Митридат Младший. Он взял на себя управление «старинными (т. е. наследственными. — *Авт.*) владениями в Понте и на Боспоре, вплоть до необитаемых областей за Меотидой»². В этот период сам понтийский царь владел Вифинией, Верхней Каппадокией, соседними областями Азии до Памфилии и Киликии. Его почитали «цари армян и персов и властители народов, живущих кругом Меотиды и всего Понта»³. Подчинение же крымских скифов⁴ позволило современникам называть царя Понта и «скифским царем»⁵. В 96–89 гг. до н. э. понтийские гарнизоны были выведены из Скифского царства в Крыму, и там была восстановлена власть местной династии, союзной Понтийскому государству⁶.

Митридат VI получал из Крыма и из областей около Синдики в качестве дани 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра⁷. Основную долю поставок взял на себя, видимо, Азиатский Боспор. Восточной Таврике такой большой объем дани был вряд ли по силам из-за предшествовавших войн и разорений. Большинство здешних сельских поселений в первой четверти — трети I в. до н. э. было разорено. В первое время Митридат VI пытался опереться на крупнейшие полисные центры Боспора — Пантикапей, Феодосию и Нимфей. В них был введен так называемый «Евпаторов закон о наследовании»⁸, согласно которому недвижимость умерших граждан, у которых не было необходимых для завещания категорий ближайших родственников, передавалась в руки полисной общины, а не царя — верховного собственника всей земли в государстве. Это расширяло привилегии боспорских полисов в рамках Понтийского царства⁹. Столице Боспора Пантикапею разрешалось выпускать собственные медные и серебряные монеты, и его монетный двор использовался для чекана монет Фанагории и Горгиппии. Полисный чекан осуществлялся на Боспоре в 109–80 гг. до н. э., но пик его при-

¹ Яйленко В. П. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 617–619.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Сулла (Plut. Sulla). XI.

³ Посидоний (Posid.) ap. Athen. V. С. 50. P. 213 L.

⁴ IosPE P. 352; Justin. XXXVIII. 3. 7; *Мемнон*. О Геракле (Memn.) = Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist). Т. 3В. Leiden, 1954. № 434. 30.

⁵ Justin. 37. 3. 1; 38. 7. 3. Схолии к Клименту Александрийскому (Schol. Clem. Alex.). IV. 54; App. Mithr. 111.

⁶ Memn. 22. 3–4.

⁷ Strab. VII. 4. 6.

⁸ Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–200.

⁹ Сапрыкин С. Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2. С. 181–197.

шелся на 90–75 гг. до н.э.¹ Это было связано с расчетами Митридата VI восстановить местную экономику и использовать ресурсы городов и их хоры в затянувшейся войне с Римом.

В первые десятилетия владычества в Северном Причерноморье отношения Митридата VI Евпатора с местными племенами были неустойчивыми, поэтому греки продолжали считать его благодетелем и защитником. До этого социально-экономическая структура и административная система Боспора веками выстраивались, по-видимому, на основе полисного землевладения и полисного управления. Крупнейшими владениями обладали Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Фанагория и Горгипсия. Благодаря им осуществлялся активный вывоз сельскохозяйственных продуктов и поддерживались устойчивые контакты с варварской периферией. Целью Митридата VI было обеспечить родовое царство и его войска зерновыми поставками, поэтому поддержка со стороны греческих полисов была для него необходима².

После поражений от римлян в ходе Первой Митридатовой войны (89–85 гг. до н. э.) и кабального для царя Дарданского мира 85 г. до н. э. доверие греческих полисов к нему как к защитнику поколебалось, а некоторые из них вообще перешли на сторону римлян³. Для укрепления позиций на Боспоре Митридат VI принял решение объединить его с Колхидой под управлением Митридата Младшего. Однако вскоре отец заподозрил сына в измене и перестал доверять жителям Боспора. В 83 г. до н. э. он начал строить против них большой флот и готовить огромное войско, создав впечатление, что делает это против римлян⁴. В 81 г. до н. э. Митридат VI, как пишет римский историк Аппиан, «постарался овладеть Боспором и назначил боспорцам в качестве правителя другого из своих сыновей — Махара»⁵.

Это означало изменение отношения царя к боспорским городам. Горожане, тяготевшие поборами и упадком торговли вследствие постоянных войн, выказывали недовольство политикой Митридата VI, но не отважились отложиться от него, продолжая оказывать ему поддержку. Махар получил наместничество на Боспоре и в Колхиде, чтобы окончательно объединить эти наследственные домены для подавления любого недовольства со стороны греков. Поскольку никаких карательных военных действий предпринято не было, Махар был благосклонно принят на Боспоре в качестве наместника. К этому времени отношения Митридата VI с местными племенами улучшились, однако полисные земли уже не обеспечивали поставок сельскохозяйственной продукции в полном объеме. Махар поначалу продолжал опираться на города, однако вскоре был вынужден перейти к более жесткой линии по отношению к ним. После событий 85–81 гг. до н. э. Митридат VI Евпатор отказался от филэллинской политики, так как она шла вразрез с его планами

¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 72–75.

² Saprykin S., Maslennikov A. Bosporan chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and his immediate successors // ACSS. 1997. Т. 3, № 1. P. 1–14.

³ Memn. 34. 3.

⁴ App. Mithr. 64; Цицерон. Речь о предоставлении империи Гнею Помпею (Cicero. De imp. Gn. Pomp.). IV. 9.

⁵ App. Mithr. 67.

укрепить царскую власть в наследственных владениях. Привилегии эллинских полисов были сокращены или вообще отменены: к 75 г. до н. э. прекратился чекан полисной монеты, царь провозглашался верховным земельным собственником, земельные владения полисов сокращались, а царская хора, напротив, расширялась. Расчет делался на то, чтобы привлечь местное население в качестве военно-хозяйственных поселенцев на хоре для увеличения поставок продовольствия накануне Третьей, решающей войны с Римом (74–63 гг. до н. э.). Приблизительно в 80–75 гг. до н. э. было принято решение начать строительство укрепленных поселений типа катойкий или клерухий по всей царской хоре Боспора. Они должны были защитить границы от нападений варваров и обеспечить царские земли рабочей силой, сдерживая одновременно сепаратистские настроения греческих подданных.

Махар большую часть времени проводил на Азиатском Боспоре, вероятно, потому что основные поставки зерна шли оттуда. Прежде всего не с хоры полисов, а от поселенцев-катойков и зависимых варварских сельских общин. Поставки зерна из Восточного Крыма, скорее всего, были ограниченными, поскольку там лишь примерно с 72–70 гг. до н. э. стали возрождаться поселения пришедшей в запустение хоры. Зерно из Восточной Таврики через Феодосию поступало в Гераклею Понтийскую¹. Махар же отправлял хлеб в Синопу — сначала отцу, а потом даже римлянам². В 67 г. до н. э. он изменил Митридату VI, который к тому времени потерял владения в Малой Азии. В 67–65 гг. до н. э., когда тот отступал на Боспор через Колхиду и Северный Кавказ, Махар бежал в Пантикапей, где покончил жизнь самоубийством. Перед этим понтийский царь послал против него корабли, которые ему предоставили полисы Азиатского Боспора. Прибыв на европейскую сторону Керченского пролива, он жестоко расправился со всеми друзьями, приближенными и сторонниками сына-изменника, устроив показательные казни их родственников³.

В период пребывания в Пантикапее царь заключал союзные договоры с соседними варварами, скрепляя их браками своих дочерей с их вождями, а также путем собственной женитьбы на дочерях и сестрах этих вождей и царей⁴. В 64–63 гг. до н. э. он вел масштабные приготовления к походу на римлян. Для этого все жители Боспора, особенно горожане, были вынуждены платить огромные налоги и подвергались непосильным поборам. Царь набирал в войска свободных, рабов, дезертиров, готовил множество оружия. Поскольку он задумал вторгнуться в пределы Римского государства через Подунавье и Центральную Европу, на Европейском Боспоре, в окрестностях Пантикапея, было расквартировано большое войско. В него входили союзные ему варвары, часть которых оседала в крепостях

¹ Мемн. 47. 2; 49. 4.

² Там же. 54; App. Mithr. 78; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Лукулл (Plut. Luc.). 24; *Тит Ливий*. Периохи книг «Истории от основания города» (Liv. Per.). 98.

³ App. Mithr. 107; ср.: *Орозий*. История против язычников (Oros.). VI. 5. 3. О политике Махара на Боспоре см.: *Шелов Д. Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–72.

⁴ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Помпей (Plut. Pomp.). 45; App. Mithr. 119.

на царской земле¹. С учетом их военно-хозяйственного значения расширились права и функции наместников, что сопровождалось дальнейшим ограничением свобод городов. Общее положение торгово-ремесленных слоев ухудшила блокада Черного моря и, вероятно, Боспора Киммерийского римлянами². В основном греческих по населению полисах зрело недовольство, в результате от Митридата VI стали отпадать различные города и укрепления, в том числе Феодосия и Нимфей. В 63 г. до н. э. восстала Фанагория, а вслед за ней и другие города, к которым присоединилась и столица — Пантикапей. Здесь начался мятеж царских воинов, который возглавил сын царя Фарнак. Митридат VI срочно отправил дочерей к «скифским правителям» в жены с просьбой прислать войска. Как только эскорт выехал из Пантикапея, сопровождавшие его 500 воинов убили всех евнухов, а знатных женщин переправили к римскому полководцу Гнею Помпею³. Но варвары не сумели или не захотели помочь понтийскому царю, возможно, предвидя его скорый конец. Наблюдая кругом измены, в бессилии что-то изменить, Митридат VI покончил с собой во дворце, на акрополе Пантикапея⁴. Это случилось осенью 63 г. до н. э., вскоре после разрушительного землетрясения⁵.

К власти пришел Фарнак, объявленный за измену отцу «другом римлян». Он долго не предпринимал никаких шагов им во вред. Но, пользуясь римской междоусобицей, в 48 г. до н. э. при поддержке сарматов переправился с войском в Малую Азию, пытаясь восстановить державу отца. Уже в 47 г. до н. э. он был разбит Цезарем и отправлен им с уцелевшими воинами на Боспор. Однако там незадолго до этого объявил себя правителем этнарх (предводитель местных общин и катойков) Асандр, которого Фарнак оставил наместником. Он принял титул архонта, но Цезарь не признал его власть законной. Фарнак, опираясь на оставшихся у него скифо-сарматских воинов, высадился в Феодосии, двинулся на Пантикапей и был разгромлен Асандром, вероятно, где-то на Керченском полуострове, близ боспорской столицы. Тогда Цезарь направил на Боспор правителя малоазийских галатов Митридата Пергамского, но и тот был побежден⁶. Цезарь, принужденный в это время срочно заняться делами в Италии, более ничего предпринять не успел. После этого Асандр женился на Динамии, наследнице престола, дочери Фарнака и внучке Митридата VI Евпатора, что позволило ему принять титул царя и стать легитимным властителем⁷.

Новый царь завершил формирование эллинистической системы царского землевладения с опорой на укрепленные поселения и катойкии. Им было предпринято, в настоящее время археологически подтвержденное, строительство или укрепление оборонительных рубежей на Керченском полуострове, чтобы обезопасить владения в Восточном Крыму со стороны Таврики. При нем социально-эконо-

¹ App. Mithr. 108.

² Дион Кассий. Римская история (Dio. Cass.). 37. 2. 3.

³ App. Mithr. 108.

⁴ Там же. 111.

⁵ Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 321.

⁶ Dio. Cass. 42. 9. 46–48; App. Mithr. 120.

⁷ Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 14–90.

мические структуры и политические институты власти активно пополнялись эллинизированными варварами. По-видимому, Асандру вообще удалось наладить стабильные взаимоотношения с сопредельным варварским миром. Он поощрял права и привилегии крупнейших полисов, среди которых на первом месте стоял Пантикапей, разрешил ему чеканить полисную монету, но под контролем царских магистратов. Монетный двор в Пантикапее выпускал также полновесные золотые статеры царского чекана¹. Позиции Боспора в Крыму упрочились: Асандр успешно боролся с пиратами и попытался подчинить Херсонес Таврический². В результате он добился легализации своей власти Римом. Сначала Марк Антоний, а в 30 г. до н. э. и император Август признали Асандра царем и другом римлян³.

Однако усиление Боспора и самостоятельная политика Асандра вызывали у римских властей обоснованные подозрения. В конце 20-х гг. до н. э. на Боспоре появился некий Скрибоний, возможно, вольноотпущенник Августа, заявивший свои претензии на власть. В результате военных действий в 17 г. до н. э. Асандр был свергнут⁴. Однако местное население не оказало поддержки Скрибонию. Боспорцы предпочли ему законную царицу Динамию. В 14 г. до н. э. Скрибоний был свергнут и убит.

Приход Динамии к власти стал ударом по римским интересам. Проводя в целом проримскую политику, что внешне выражалось в возведении от ее имени благодарственных надписей в честь Августа и его супруги Ливии, а также в переименовании Пантикапея в Кесарию в честь императора, Динамия, как и ее непосредственные предшественники, опиралась внутри страны на торгово-ремесленные слои городов, сохраняя и расширяя их прежние полисные права. Одновременно она поддерживала и военно-хозяйственных поселенцев на царской земле. Память о ее знаменитом деде обеспечивала ей популярность в среде окрестных варваров. При ней Пантикапей/Кесария и Фанагория/Агриппия выпускали свои монеты⁵.

Однако Рим не оставлял попыток полной ликвидации боспорской независимости. Август и Агриппа решили присоединить Боспор к вассальному Понтийскому царству. Они полагали, что в его рамках им удастся, наконец, покончить с наследством Митридата VI Евпатора. С этой целью царь Понта и Колхиды Полемон I в 14 г. до н. э. был направлен в Пантикапей. Вероятно, для окончательного подчинения Боспора он должен был ликвидировать ту военно-хозяйственную структуру организации хоры, на которую опирались все боспорские правители, начиная с Митридата, а может быть, и ранее. Боспорцы встретили нового римского ставленника враждебно. Полемон I был вынужден постоянно вести борьбу с недовольны-

¹ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 13–23.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей (Const. Porphyg. De adm. imp.). 53.

³ Псевдо-Лукиан. Долговечные (Ps.-Luc. Macr.). 17; КБН. 30.

⁴ Dio. Cass. 54. 24. 4; Ps.-Luc. Macr. 17.

⁵ О политике Динамии см.: Ростовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. М., 1916. (Древности. Труды Императорского Московского археологического общества; т. 25). С. 1–15.

ми, в том числе с отпавшим городом Танаисом, военными поселенцами-сарматами на Азиатском Боспоре и на Керченском полуострове, что подтверждается данными археологических раскопок. В 12 г. до н. э. от власти, не без помощи римлян, была отстранена Динамия. Рассчитывая на поддержку греческих полисов, Полемон I оказал какие-то благодеяния Херсонесу Таврическому¹. Однако в 8/7 г. до н. э. он пал в сражении с некими аспургианами — по-видимому, военными поселенцами-катоиками варварского происхождения, проживавшими на Азиатском Боспоре².

После этого права на верховную власть предъявил Аспург, сын Асандра и Динамии. Он пользовался поддержкой варварских племен и сельских жителей поначалу на азиатской стороне Боспора. В городах население относилось к нему настороженно, опасаясь утраты своих полисных привилегий. Действительно, при Аспурге монет городской чеканки не выпускалось. К тому же римляне не спешили признавать Аспурга на боспорском престоле. В 14 г. н. э. он отправился в Рим к императору и добился наконец титула «царя, друга цезаря и римлян». Вернувшись, Аспург возобновил действие «Евпаторова закона о наследовании» для подтверждения прав и привилегий городов-полисов, что окончательно упрочило его власть.

В Риме признали, что выгоднее использовать уже сложившийся военный и экономический потенциал Боспора, нежели его разрушать. Эту стабильность было решено поддерживать сохранением баланса между полисным и царским землевладением при объединяющей роли царя — верховного собственника земли, вассала Римской империи. Римская политика на Боспоре была отныне направлена на создание сильной армии, чтобы сдерживать соседних варваров, в том числе тавро-скифов Крыма и воинственных сарматов, не прибегая к прямой военной силе империи. К тому же Боспор мог служить надежным поставщиком продовольствия и прочих материальных ресурсов для столь удаленных от центров империи районов. Для налаживания взаимовыгодных торговых и культурных связей римляне поощряли контакты южнопонтийских полисов с боспорскими городами и сопредельными племенами, особенно в Крыму, Восточной Меотиде, Синдике и Подонье. Рим предоставлял субсидии для военной, а может быть, и дипломатической помощи ради поддержки правившей на Боспоре династии. Все это обеспечивало Боспорскому царству относительно стабильное развитие экономики, прежде всего сельского хозяйства, а также торговли и ремесел. В плане социально-правовой структуры, организации управления и верховной власти Боспор можно отнести к государствам позднеэллинистического типа, зависимым от Рима царствам, существовавшим на востоке в эпоху ранней империи.

Важную роль в политической и хозяйственной жизни Боспора в постмиридатовское время играли Пантикапей и Феодосия. Неслучайно Аспург принял титул царя «всего Боспора и Феодосии»³, чтобы, как при Спартокидах, контролировать эту важнейшую для боспорской торговли крымскую гавань. Одновремен-

¹ IosPE P. 704.

² О политике Полемона на Боспоре см.: *Масленников А. А.* Полемон I на Боспоре // БС. М., 1995. Вып. 6. С. 167–169.

³ КБН. 39, 40.

но на царских землях, в том числе в Восточном Крыму, велось строительство новых и реорганизация прежних укрепленных поселений и крепостей.

В 16–23 гг. н. э., заручившись поддержкой Рима и Херсонеса Таврического¹, Аспург предпринял походы в Крымскую Скифию, поставив ее под боспорский протекторат² и распространив власть даже на Северо-Западную Таврику. Аспург имел прочные позиции и на Азиатском Боспоре. Все это, видимо, облегчило проникновение в Крым сарматского влияния из Предкавказья, снижая одновременно военную опасность со стороны местных варваров — тавро-скифов и сатархов. Аспург стал родоначальником новой династии боспорских царей, которых римский император и сенат должны были утверждать на престоле, предоставляя политическую, экономическую и военную помощь. При этом императоры стремились не допускать рецидивов антиримской митридатовской политики, покровительствуя различным проявлениям эллинофильства в городах и эллинизации сармато-скифской аристократии. В правление Аспурга расширились связи Боспора с вассальной римлянам Фракией. При содействии римского императора царь взял в жены фракиянку Гепепию, чтобы этим браком укрепить влияние империи в бассейне Черного моря. На Боспор вместе с царицей прибыло и некоторое количество воинов, часть которых была расселена в крепостях Восточной Таврики (поселение Артезиан). Эллинизованные представители варварской знати получали должности в царской администрации, возглавляли воинские соединения. В целом в Боспорском царстве доминировали эллинские в своей основе традиции и культура, но имело место воздействие фракийской, фрако-анаатолийской и особенно сарматской культур³.

Некоторое усиление государства и внутривосточные противоречия вызвали уже после смерти Аспурга попытку ослабить римский контроль. В 38–49 гг. н. э. его сын Митридат VIII, видимо, опираясь на поддержку военно-хозяйственных поселенцев в Восточном Крыму и союзных ему сарматов-сираков в Прикубанье, стал проводить более самостоятельную политику. Он попытался привлечь на свою сторону и боспорские города. Однако их население в массе своей опасалось, что тесные отношения с разного рода варварами и конфликт с Римом приведут к ограничению их привилегий и экономическим трудностям. Торговые и ремесленные слои поддерживали римлян и их ставленника — младшего брата царя, сына Аспурга и Гепепии Котиса. В 43/44 г. н. э. римлянам пришлось послать на Боспор войска во главе с Дидием Галлом, наместником провинции Мёзия, что стало первым открытым военным вторжением Рима в Северное Причерноморье. В 43–45 гг. н. э. римским отрядам и боспорским войскам Котиса I пришлось силой брать укрепления и крепости на Европейском Боспоре (поселение-крепость Артезиан), которые считались оплотом Митридата VIII. В результате мятежный царь был вытеснен в Прикубанье, где, попытавшись поднять против римлян и брата

¹ IosPE P. 573.

² КБН. 39, 40.

³ Об Аспурге и его политике подробно см.: Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 125–234; *Он же*. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Т. 5. С. 207–223.

часть сарматских племен, был разбит окончательно и, сдавшись в плен, отправлен в Рим. В ходе этой военной экспедиции римские войска продвинулись далеко к северо-востоку от Боспора, остановившись всего в трех дневных переходах от Танаиса¹.

Когда римские солдаты возвращались в Мезию вдоль южного побережья Таврики, часть их кораблей попала в шторм и потерпела крушение. Некоторые из римских воинов вместе с добычей попали в плен к тавро-скифам². Это свидетельство Тацита прекрасно подтвердили недавние раскопки в районе Гурзуфского седла близ Ялты³. По-видимому, в ходе боспоро-римской войны контроль боспорских царей над Таврикой был утерян, и тавры опять занялись пиратством и захватом пленных. Большая зависимость Боспорского царства от Рима после этой войны проявилась в том, что с 49 г. н. э. на боспорских медных монетах стали появляться портреты римских императоров и членов их семей с императорской титулатурой, а в 60-х гг. н. э. в Пантикапее был построен пятиколонный храм — очевидно, храм Юпитера Капитолийского, — подобный аналогичным храмам в провинциях Римской империи⁴. Боспор сохранил внутреннюю самостоятельность, но находился в большой зависимости от Римской империи в вопросах финансов, власти и внешней политики.

Во второй половине I в. н. э. в степях севернее Тавриды появились сарматские племена аорсов и аланов, отдельные отряды которых проникали в Крым. В 70-х — начале 90-х гг. н. э. Боспорское царство успешно противостояло аланам и восстановило влияние в Таврике⁵. Во время очередного похода удалось предотвратить заключение союза тавров и скифов с аланами. В своей политике римские власти делали ставку на зажиточные слои боспорских полисов. При императоре Траяне представители городской верхушки Пантикапея, видимо, сформировали специальное воинское подразделение для содействия римским войскам при покорении Дакии. За эту помощь некоторые знатные пантикапейцы получили римское гражданство. Однако скифы Крыма лишь номинально признавали протекторат Боспора. Около 123 г. н. э. они вновь отпали, и царю Котису II пришлось в очередной раз идти против них войной⁶. Тогда же император Адриан подтвердил протекторат Котиса II над Херсонесом и другими городами в Таврике⁷. Римляне возложили на боспорских правителей задачу как бы обороны передовых рубежей на границах империи. В рамках этой политики боспорские монархи укрепляли хозяйство и структуру своих земельных владений, в частности в Восточном Крыму,

¹ *Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 31–33.

² *Тацит.* *Анналы* (Тас. Ann.). XII. 15–21.

³ *Новиченкова Н. Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. Ялта, 2002. С. 84–87.

⁴ *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 193.

⁵ КБН. 32, 981.

⁶ Там же. 33.

⁷ *Флегонт Тралльский.* Об удивительном (Phleg. Trall.). XV. 22.

вели там активную строительную деятельность, постоянно обновляя и возводя новые укрепления (городище Белинское)¹.

Под опекой римских властей греческие города Южного Причерноморья расширяли взаимоотношения с Боспором. Граждане Амастрии², Гераклеи Понтийской³, Синопы⁴ и Прусиады на Гипии⁵ оказывали знаки внимания боспорским царям, присылали послов в Пантикапей, пользовались их попечительством и благодеяниями. Многочисленные представители Амастрии⁶, Амиса⁷, Синопы⁸, Тия⁹ — воины, ремесленники, купцы, воспитатели, гимнасиархи, судоводители и т. п. — временно или постоянно проживали в боспорской столице. Моряки из этих полисов, как и боспорские судоводители, совершали плавания к берегам Крыма по кратчайшему пути через Черное море или вдоль Кавказского побережья. Военный флот Боспорского царства по настоянию римлян и нередко совместно с их военными кораблями, стоявшими в Трапезунде, патрулировал восточный сектор Черного моря и воды у южного побережья Крыма для борьбы с пиратами. В 193 г. н. э. царь Савромат II успешно победил пиратов и сделал море свободным для прохождения кораблей близ берегов Понта и Вифинии¹⁰. Ему оказывали содействие римские военные суда, которые на время заходили в Пантикапей и пополняли там запасы продовольствия. Эти военные акции позволяли поддерживать высокий уровень торговли с Таврикой и Восточной Меотидой. При содействии легатов (наместников) римской провинции Вифиния — Понт боспорские монархи совершали визиты в Рим, ко двору императоров, или посылали туда послов. Через Амастрию, столицу Южнопонтийского союза, на Боспор поступала помощь, которую римские власти отправляли для поддержания экономики Боспора и содержания его войска. В обмен при посредничестве Амастрии и других полисов римских провинций, выходящих к Черному морю, из Пантикапея к римлянам поступала дань в виде зерновых и иных материальных поставок. Через агентов в боспорских городах, главным образом в Пантикапее, легаты и проконсулы провинции собирали информацию и подробно знакомили императоров с положением дел на Боспоре и соседних территориях.

¹ *Зубарев В. Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у с. Белинское // ДБ. 2002. Т. 5. С. 120–129. См.: *Масленников А. А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 210–215.*

² КБН. 54.

³ Там же. 58, 59.

⁴ Там же. 46.

⁵ Там же. 55, 953.

⁶ Там же. 134, 610.

⁷ Там же. 124, 530.

⁸ Там же. 129, 130, 131, 703а, 733.

⁹ Там же. 705, 732.

¹⁰ Там же. 1237.

В I–III вв. н. э. в Боспорском царстве сложился разветвленный военно-чиновничий аппарат, который обслуживал интересы греко-варварских по этносу и культуре господствующих слоев боспорского общества и правящей династии. Из пантикапейской надписи времени царя Тейрана 270-х гг. н. э. можно составить представление о царской канцелярии, включавшей большое количество гражданских чиновников, военных и жрецов¹. На Европейском Боспоре были организованы два наместнических округа. Один, самый большой, возглавлял наместник $\acute{o} \acute{\epsilon}\lambda\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ — «начальник царской резиденции»². Вероятно, под этим можно подразумевать земли, принадлежавшие монарху³, т. е. царские земли на территории, в титулатурах Спартокидов и Аспурга поименованной как Боспор и некогда управлявшейся Спартокидами как архонтами⁴. Но греки нередко называли Боспором столицу Пантикапей. Поэтому указанная должность могла означать начальствование над столицей, где находился дворец царя, или только над самим дворцом. Но, скорее всего, начальник «басилеи» ведал и столицей, и ее ближней и дальней округой (хорой). Она включала практически все города и городки полуострова с их собственной хорой. Впрочем, Пантикапей и, быть может, Нимфей имели в это время весьма незначительные земельные угодья. Основная масса земель в Восточном Крыму принадлежала царям. Поэтому Аспург величался «царствующим на всем Боспоре». Наместнику этого округа подчинялись «начальники городов» — царские чиновники в подвластных городках типа Акры, Нимфея, Зефирия, Тиритаки и т. п. Еще один округ в Восточном Крыму включал Феодосию и ее бывшую полисную хору. В титулатуре Спартокидов и Аспурга она выделялась как самостоятельная административная единица. Во главе управления этим округом стоял наместник $\acute{o} \acute{\epsilon}\lambda\iota \tau\eta\varsigma \Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\alpha\varsigma$ ⁵. Ввиду важности этой территории как пограничной с тавро-скифами области и в связи с функционированием там важнейшего торгового порта Аспург легализовал ее прежний статус торговой гавани для поступления доходов от продажи хлеба в царскую казну. Поэтому царская титулатура Аспурга выглядела в полном виде как «царствующий над всем Боспором и Феодосией». Вероятно, наместники этих территорий осуществляли контроль за сбором дани с населения царских земель и незначительной полисной округи и отчитывались за это перед царем.

Среди гражданских должностей большим влиянием пользовались царский постельничий, начальник отчетной части, который отвечал за оглашение указов и иных решений царя, возможно, сделанных в виде отчетов, «начальник пинакиды» — личный секретарь царя, записывавший указы, распоряжения, кодексы и правила внутреннего распорядка, доходы и расходы дворца, управляю-

¹ КБН. 36.

² Там же. 36, 58, 628, 1051, 1237.

³ Там же. 11, 25, 39, 40.

⁴ Там же. В административный термин «Боспор» входили и отдельные округа-наместничества на Азиатском Боспоре — «остров», «область аспургиан», «область Горгипии», имевшие собственных наместников.

⁵ Там же. 36, 64, 1130.

щий царским двором, т. е. «управляющий делами»¹, казначей, начальник царской конюшни, секретари — государственные писцы во главе со старшим писарем (архиграмматевсом). При царском дворе были жрецы, заведовавшие культурами римских императоров (верховным был сам царь), царских богов и даже культом Перисада I — единственного обожествленного боспорского правителя из династии Спартокидов².

Власть боспорских монархов и внешнеполитическое благополучие государства зависели от сильной армии. Она состояла из наемников, городского ополчения, конницы сопредельных варваров и местной аристократии, отрядов военно-хозяйственных поселенцев. В основу формирования боспорского войска были положены эллинистические принципы и традиции, но при Митридатe VI Евпаторе, а возможно и впоследствии, часть пехоты была реорганизована по римскому образцу. Из воинских должностей в надписях встречаются стратеги³, лохаги, хилиархи, политархи, принкипсы⁴, т. е. названные на римский манер командиры центурий, тагматархи — командиры когорт, или тагм⁵. Гражданские и высшие воинские должности занимали выходцы из знатнейших семей боспорского общества — аристопилиты (*ἀριστοπολῆται* = οἱ ἄριστοι πολῖται), греки и эллинизованные варвары, многие из которых имели римское гражданство и даже были знакомы с императорами⁶.

Строгая централизация управления, когда все замыкалось на царе и его ближайшем окружении, не предусматривала широких полисных свобод и привилегий городам. Поэтому на Боспоре римского времени в целом полисные гражданские общины были ограничены в правах. Полисный монетный чекан отсутствовал, городские магистратуры, народное собрание и совет существовали, но не играли серьезной роли. Взамен горожане получили возможность объединяться по религиозному или профессиональному признакам в союзы-фиасы во главе с синодами. Многим союзам покровительствовали цари, в состав их руководящих органов входили царские чиновники, жрецы и представители торгово-ремесленной знати. Союзы-фиасы существовали как в крупных центрах, так и в более мелких городках, например в Киммерике и Зеноновом Херсонесе⁷. В городах концентрировались ремесленные мастерские, но часть горожан была занята и в аграрном производстве, торговле и промыслах. При этом частные дома богатых горожан включали и производственные комплексы — винодельни, рыбные цистерны, ремесленные мастерские. Многие боспорцы занимались посреднической торговлей, поставками вина и оливкового масла, экспортом пшеницы, рабов, хлеба, кожи,

¹ КБН. 897.

² Там же. 36, стк. 36; ср.: Strab. VII. 4. 4.

³ Там же. 827.

⁴ Там же. 35, 811.

⁵ Горончаровский В. А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. М., 2003. С. 18–52.

⁶ КБН. 64.

⁷ Там же. 898, 946.

рыбы, древесины. Активный товарообмен с римскими восточными провинциями и сарматскими племенами во II—начале III в. н. э. привел к расцвету Боспорского государства, границы которого простирались от Юго-Западной Таврики до отрогов Кавказских гор. Это время можно считать вторым экономическим и культурным расцветом Боспора.

Боспорские цари выступали надежными союзниками римлян, поэтому тем незачем было держать в Крыму значительные воинские контингенты. Однако во второй четверти — середине II в. н. э. ситуация изменилась. После смерти в 132 г. н. э. царя Котиса II начались династические споры между Реметалком, Евпатором и Савроматом II, сыном Реметалка, прямым наследником престола. Из-за этого контроль Боспорского царства над Крымской Скифией ослабел. Этим воспользовались тавро-скифы и нанесли поражение боспорскому царю и его многочисленной войску, в состав которого входили аланы и сарматы-сираки¹. Потеря Боспорским царством влияния в Крыму подвигла Херсонес добиваться освобождения от власти боспорских царей, что в результате около 136–140 гг. н. э. привело к успеху. Победа над Боспором усилила Скифское царство в Крыму, поэтому тавро-скифы осмелели и пытались даже осаждать Ольвию. В это же время с востока началось активное проникновение новых сарматских племен, которые в середине II в. н. э. разрушили Танаис и двинулись к Таврике и Нижнему Побужью. Римский император Антонин Пий, осознав опасность в связи с ослаблением боспорского контроля в регионе и племенном мире, решил напрямую ввести войска в Ольвию, Херсонес и Юго-Западный Крым.

К концу II в. н. э. могущество Боспорского государства стало возрождаться, и в 193 г. н. э. Савромат II одержал победу над сираками. Обеспечив тыл на азиатской стороне, царь совершил поход в Таврику и победил скифов. В посвяtitельной надписи в честь этих событий говорится, что Савромат II «Таврику присоединил по договору»². Боспорское государство взяло на себя прежние обязательства осуществлять контроль над Центральной Таврикой и ее южным побережьем вместе с пролежавшими поблизости морскими коммуникациями. В это же время римский флот и, возможно, отряд сухопутных войск находились в Пантикапее и оказывали поддержку в войне с соседними племенами. Это были воины Кипрской когорты из провинции Вифиния — Понт, стоявшие в Синопе³, и отряд римского Понтийского флота, базировавшегося в Трапезунде. «Договор», о котором говорится в надписи Савромата II, был заключен между Римом, Херсонесом Таврическим и побежденными тавро-скифами. Он предусматривал разделение военно-политического контроля в Крыму и сфер взаимной ответственности и влияния: юго-запад полуострова до Аю-Дага (Партенита) остался в пределах интересов римских войск

¹ Сапрыкин С. Ю. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид» // Аристей. 2012. № 5. С. 185–209.

² КБН. 1237.

³ Там же. 691, 726.

и союзного империи Херсонеса, а центральные районы, юг и восток (примерно от Аю-Дага до Старого Крыма) попали под власть Боспора¹.

Благоприятное развитие и стабильность в Боспорском царстве продолжались до 211 г. н. э. В 220–239 гг. н. э. Боспор подвергся нападению сарматов, что заставило боспорских царей повысить обороноспособность городов и поселений, в том числе на Европейском Боспоре². Денежные расходы и попечение о строительстве нередко брали на себя знатные боспорцы, в том числе члены дворцовой администрации, как это было в 234 г. н. э. в Китее, где благодетелем (евергетом) при возведении храма выступил царский конюший Юлий Симмах³. В связи с обострением обстановки при царе Котисе III был возрожден институт соправительства, что было традиционным разделением власти на европейской и азиатской сторонах пролива. Однако внутривластный кризис углублялся. Вероятно, группировка эллинизированной варварской знати в Пантикапее и других городах выдвинула в качестве соправителя своего ставленника Инифимея.

Последовательность и сам ход событий этого смутного времени боспорской истории прослеживаются с большим трудом, и мнения исследователей подчас сильно расходятся.

---

¹ Зубарь В. М. Римское военное присутствие и население Таврики во II—первой половине III в. н. э. // *Acta Antiqua*. 2003. № 5/6. P. 142–148.

² КБН. 897.

³ Там же. 942.

Глава 5

Античный Херсонес и Западный Крым. VI в. до н. э. — III в. н. э.

С. Ю. Сапрыкин

§ 1. Херсонес и Западный Крым в VI–IV вв. до н. э.

Херсонес Таврический, единственная в Северном Причерноморье греческая колония дорийского происхождения, основан выходцами из Гераклеи Понтийской — колонии Мегар. В его основании участвовали и жители острова Делос согласно пророчеству Дельфийского оракула Аполлона¹. Долгое время считалось, что это произошло в 422 г. до н. э., когда потерпевшие поражение в борьбе с олигархами сторонники демократического лагеря были вынуждены покинуть Гераклею. Такая датировка обосновывалась и археологическим материалом — находки фрагментов керамики, датированные временем ранее конца V в. до н. э., были единичны. Но после недавних раскопок в северо-восточном районе городища, где располагалось древнейшее поселение, появился новый массовый материал: керамика ионийского и коринфского производства, чернофигурная и краснофигурная аттическая посуда, амфорная тара конца VI — первой половины V в. до н. э. Было найдено свыше четырех десятков покрытых надписями черепков, содержащих дорийские и ионийские личные имена. Они были интерпретированы как остраконы, своего рода «орудия» политической борьбы, когда голосованием при помощи начертанных на черепках имен из полиса изгоняли неугодных лиц. Предполагалось, что уже в эпоху поздней архаики и ранней классики в Херсонесе сложились развитые институты полисной власти — совет и народное собрание, которые должны были вотировать подобные изгнания². Однако практика основания греческих колоний показывает, что окончательное формирование полисов и органов власти, когда начинается политическая борьба, без которой остракизм невозможен, происходит по прошествии 60–80 лет после основания новых колоний. В Херсонесе монеты стали чеканиться в самом начале IV в. до н. э.³, а это один из призна-

¹ *Псевдо-Скимн.* Перипл (Ps.-Scymn.). 822–930.

² *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // ДГ. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 91–129.

³ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 18–21.

ков становления полиса. Второй признак — образование сельской округи, которая в Херсонесе появилась не ранее конца второй четверти — середины IV в. до н. э.¹

Для большей части эллинских колоний в Причерноморье — ранних поселений полуаграрного типа — характерно земляночное и полужемляночное строительство, на смену которому приблизительно через 50–60 лет пришли каменные наземные дома. В Херсонесе Таврическом никаких землянок не было. Наоборот, самые ранние следы каменного домостроительства вместе с классической регулярной планировкой городских кварталов (так называемая «Гипподамова система» по имени милетского архитектора Гипподама) датируются первой четвертью IV в. до н. э., а археологического слоя ранее этого времени не обнаружено. Городская планировка совпала с началом размежевания земель на участки граждан в округе города на Гераклеюмском полуострове (греки называли его Малым Херсонесом)². Это означает, что Херсонес стал превращаться в полис не ранее начала IV в. до н. э., но никак не в V в. до н. э. и тем более не в конце VI в. до н. э.

Более тщательный анализ керамического и эпитафического материала из ранних слоев Херсонеса дал основание уверенно утверждать, что в массе своей он датируется не ранее третьей — последней четверти V в. до н. э.³ Несколько более ранних находок конца первой половины — середины столетия⁴ позволяют предположить, что на месте дорийской колонии в Херсонесе могли существовать торговая фактория (эмпорий) или якорная стоянка, быть может, даже поселение, связанное с Ольвией. Среди находок второй половины V в. до н. э. заведены монеты Ольвии и фрагмент граффиито с началом гомеровской поэмы «Илиада», совершенно аналогичный обнаруженному в Ольвии. Это заставляет в настоящее время отказаться от идеи об основании дорийцами Херсонеса Таврического в конце VI в. до н. э. Гераклеоты, вероятно, пришли на уже обжитое место, вытеснили первопоселенцев или включили их в состав своей апойкии. Поэтому на остраконах встречаются ионийские имена, а также следы ионийского диалекта и алфавита⁵.

¹ Nikolaenko G. M. The chora of Tauric Chersonesos and the Cadastre of the 4th–2nd century BC // Surveying the Greek chora. The Black Sea region in a comparative perspective. Aarchus, 2006. P. 151–174.

² Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. С. 27–88.

³ Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 1993. № 9. С. 118–134; Стоянов Р. В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. С. 125 и след.; Тохтасьев С. Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. № 2. С. 110 и след.; Шевченко А. В. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V — первая половина IV в. до н. э.) // ВДИ. 1998. № 3. С. 67.

⁴ Шевченко А. В. Крышка чернофигурной леканы из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. № 1. С. 61–69.

⁵ Сапрыкин С. Ю. Дорийская колонизация Причерноморья // В царстве Клио. М.; Берлин, 2011. Ч. 1. С. 154–158.

Дорийские колонисты поначалу назвали свое поселение Мегарикой в память о прародине в Элладе, а затем Гераклеей в честь метрополии, от которой полностью зависели. Однако уже в начале IV в. до н. э. их колония получила название Херсонес, о чем говорят ранние монеты с легендой ХЕР. Город возник на территории враждебных грекам тавров, которые при основании дорийского Херсонеса могли быть изгнаны. В самом конце V — первой половине IV в. до н. э. греки окружили колонию оборонительными стенами. Первоначально город, территория которого едва превышала 11 га, располагался на северо-восточной оконечности мыса, у самого входа в Карантинную бухту и чуть южнее по западному ее берегу. В этом месте обнаружены ранняя керамика, фундаменты стен жилых домов первой половины IV в. до н. э., построенных из мелких плит известняка прямо на скале, а также ранний некрополь к западу на северной стороне и в южной части более позднего городища.

В первой четверти IV в. до н. э. на северном берегу восточного рукава Стрелецкой бухты и в верховьях Карантинной бухты появились первые аграрные поселения, или усадьбы, а также следы начала размежевания ближайшей округи Херсонеса. В верховьях Карантинной балки выявлены остатки самых древних наделов и вырубленных в скале винодельческих комплексов. Это были своего рода первые коллективные усадьбы, откуда владельцы самых ранних участков выезжали на наделы. Они принадлежали херсонеситам, маркируя границы их древнейшей сельской округи. Возводить отдельно стоящие мелкие усадьбы вдалеке от города в этот период было нецелесообразно по причине враждебных отношений с таврами. В конце первой и во второй четверти IV в. до н. э. Херсонес приступил к освоению более удобной для обработки земли на Маячном полуострове и на юго-западной оконечности Гераклеийского полуострова. Но еще в самом конце V — начале IV в. до н. э. на перешейке между Казачьей и Голубой бухтами они соорудили две оборонительные стены с башнями для защиты от тавров¹. В верховьях Казачьей бухты построили укрепленное поселение типа большой коллективной усадьбы, откуда осуществляли размежевание наделов, примыкавших к оборонительным стенам. Первые участки — клеры херсонесцы нарезали на самом перешейке, где были наиболее ранние усадьбы, а позднее, на рубеже первой и второй четвертей IV в. до н. э., освоили весь Маячный полуостров. Эти наделы были неукрепленные, так как находились под защитой длинных стен. Плато Маячного полуострова было разделено на участки с усадьбами, где выращивали виноградники и садовые культуры. Каждая усадьба обслуживала четыре небольших надела от 1,1 до 4,4 га, которые объединялись в один большой участок от 17,6 до 25,3 га. Таких участков на полуострове оказалось около 25, а с учетом деления каждого надела на четыре участка общее их количество достигало 100! Очевидно, размежевание земли производилось согласно делению граждан полиса на административно-территориальные

¹ Демьянчук С. Г., Нессель В. А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 65–76.

единицы — сотни, или гекатостии, которых в Херсонесе было четыре, как в Гераклее Понтийской¹.

Усадьбы на Маячном полуострове находились в собственности херсонесской общины и принадлежали подразделениям гекатостий. А граждане — члены гекатостий владели клером внутри одного большого надела. Каждый такой надел отделялся от соседнего высокими стенами-заборами, сложенными из необработанного камня, а также продольными и поперечными дорогами. Каменные стены участков заодно удерживали влагу и защищали от сильных ветров, не позволяя сдувать тонкий слой почвы на материковой скале. Граждане Херсонеса выступали как бы арендаторами общинной земли полиса. В случае опасности они укрывались за стенами на перешейке.

К середине IV в. до н. э. херсонесцы завершили размежевание земель в прибрежном северном районе Гераклейского полуострова, замкнув владения на Маячном полуострове, в районе Стрелецкой бухты и окрестностях Карантинной балки. Примерно во второй четверти — середине столетия они приступили к освоению юга Гераклейского полуострова в районе балки Бермана, где в первой четверти IV в. до н. э. появились укрепленные поселения². Так постепенно окрестности Херсонеса превращались в полисную хору с участками граждан. Земли в средней части Гераклейского полуострова оставались у тавров, сохранявших там свои поселения. Таким образом, к середине — началу третьей четверти IV в. до н. э. в Херсонесе были созданы условия для укрепления экономической основы полиса и формирования полисной собственности на землю, что и сплачивало гражданский коллектив. Параллельно складывался институт херсонесского гражданства, для получения которого устанавливался имущественный ценз в виде индивидуальной земельной собственности. Но ее появление было обусловлено общегражданской коллективной формой полисного землевладения. Поэтому размежеванием земли на клеры занимались полисные власти Херсонеса.

Со времени основания и на протяжении IV в. до н. э. Херсонес Таврический сохранял демократическую форму правления. Тем не менее в полисе велась политическая борьба, неугодных представителей различных политических группировок изгоняли, на что указывают упомянутые остраконы. Более века основной контингент его жителей составляли беднейшие и средние слои — главная опора демократического строя. Уровень их достатка был очень скромным. Небольшие наделы граждан на Маячном полуострове и находки на усадьбах не дают оснований говорить о богатстве владельцев. Херсонесский некрополь конца V — IV в. до н. э. также отличается бедностью погребального инвентаря или его полным отсутствием³.

¹ Николаенко Г. М. О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 25–35; Saprykin S. J. Ancient farms and land-plots on the khora of Kheronesos Taurike. Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990. Amsterdam, 1994. P. 79–85.

² Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Севастополь, 1999. С. 30.

³ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 163–180.

Резкий скачок в развитии полиса произошел в середине — начале второй половины IV в. до н. э. Прежняя апойкия превратилась в городской центр с оборонительными стенами, акрополем и монетным двором. Городская территория быстро увеличивалась, захватывая под застройку районы раннего некрополя. Новые укрепления защищали подступы к городу с запада и юга, усовершенствовалась регулярная планировка, городские кварталы объединяли сразу по несколько (2–4) домов-усадеб. Площадь города увеличилась до 29 га, было проложено восемь продольных и 20 поперечных улиц. Это было вызвано появлением новых переселенцев, в основном из Гераклеи Понтийской. Многие из них спасались от тирании, установившейся там в 360-х гг. до н. э. и жестоко расправлявшейся со сторонниками олигархии и демократии. В то же время политика гераклейских тиранов содействовала бурному всплеску торговой активности. Это стимулировало выселение ремесленников и торговцев в другие причерноморские полисы, в том числе в Херсонес. Рост числа переселенцев, получавших гражданство, поставил на повестку дня вопрос об увеличении количества административно-территориальных единиц — сотен-гекатостий, по которым распределялись граждане. Поэтому херсонесские власти по примеру демократов Гераклеи Понтийской увеличили количество гекатостий с четырех до шести или даже 60¹. Это позволило обеспечить правами и, соответственно, земельными наделами многих из новоприбывших переселенцев-эпойков.

Административно-территориальная реформа потребовала расширения окрестных владений. Для этого надо было вытеснить с Гераклейского полуострова тавров. Ко второй половине IV в. до н. э. им была отведена земля в гористой восточной части полуострова, куда не распространялась размежеванная сельская округа полиса. В середине — третьей четверти IV в. до н. э. в районе Сапун-горы, в Балаклавской и Инкерманской долинах возникли таврские поселения. По восточной кромке Гераклейского полуострова херсонесцы выстроили укрепленные усадьбы, объединившие вокруг себя несколько мелких таврских поселков (их известно более 30). Эти укрепления защищали городскую хору и, вероятно, служили опорными пунктами для взимания дани с таврских земледельцев².

К последней четверти того же столетия завершилось размежевание Гераклейского полуострова. Землемеры определили сеть наделов в количестве около 400 или чуть больше согласно уже разработанной схеме, в основе которой лежало социально-административное деление граждан по сотням-гекатостиям. Однако наделы на Гераклейском полуострове делились теперь не на четыре участка, как на Маячном полуострове, а на шесть, чтобы обеспечить землей новых граждан. В результате к концу IV в. до н. э. в Херсонесе сформировались земельные отношения по примеру Гераклеи Понтийской. Хора делилась на ближнюю, где находились наделы граждан полиса, и на более отдаленную — для местного зависимого или полувисимого

¹ Aen. Tact. XI. 10, 11; Arist. Polit. V. 5. 2; Polyae. II. 30. 2; Justin. XVI. 4.

² Савеля О. Я. О Греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 166–176.

населения, в основном тавров, которые жили общинами и считались паройками. Они выплачивали дань всей гражданской общине полиса, включая старых и новых граждан. Такая организация аграрных владений была призвана повысить материальный достаток херсонеситов. Вследствие административной и земельной реформы Херсонес Таврический превратился в полноценный в Северном Причерноморье греческий полис с гражданским коллективом, государственной структурой, системой наделов и институтом земельной собственности. В нем сложилась классическая система полисного землевладения, когда коллективная ее форма опосредовала собой индивидуально-семейную собственность членов гражданского коллектива¹.

Из 400 новых наделов на Гераклейском полуострове примерно 350 имели размеры 630 × 420 м, а около 30 наделов — 420 × 420 м. Каждый надел, достигавший 26–30 га, подразделялся на равные поля размером 210 × 210 м, делившиеся на еще более мелкие участки. Преобладали поля площадью 4,4 га и 1,1 га. В результате площадь Гераклейского полуострова в 10 тыс. га была поделена на квадратные участки со стороной 210 м, вследствие чего получилось 2260 квадратов, или полей. В основу размежевания был положен плетр, равный 10 египетским футам, или 1225 м². На каждом большом наделе существовала одна усадьба, реже две². Каждая из них обслуживала шесть полей, или парцелл. Это были не индивидуальные поместья граждан Херсонеса, а коллективные усадьбы, принадлежавшие гекатостиям или более мелким их подразделениям. При этом поля внутри одного надела принадлежали гражданам как их собственность. Владельцы обрабатывали участки сами или с помощью сезонных наемных работников из обедневших граждан и варваров. Большая часть земли на Гераклейском полуострове предназначалась для выращивания винограда, а также для садовых и огородных культур. Злаковые на полуострове не разводили. Почти на каждой усадьбе были построены винодельни, проложены подъездные дороги, соединявшиеся под прямым углом с продольными и поперечными дорогами, служившими границами наделов. Расположение участков и создание аграрного ландшафта на хоре совпали с расширением города и новым его архитектурно-планировочным решением. Херсонесские власти разработали единую схему благоустройства полиса: они создали прямоугольные кварталы и разделяющие их городские улицы, пересекающиеся под прямым углом³.

К концу столетия в городскую территорию вошли западные районы площадью 14 га, а оборонительная стена простиралась почти до Песочной бухты. Тем не менее земли в ближайших окрестностях города не хватало, что не позволяло обеспечить ею всех прибывавших в город переселенцев. К тому же обстановка в Северном Причерноморье складывалась для переселенцев из Гераклеи неблагоприятно. В первой половине IV в. до н. э. в их родном полисе возросло влияние

¹ *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. С. 61–123.

² *Николаенко Г. М.* Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 97–120.

³ *Сапрыкин С. Ю.* О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 139–143.

землевладельческой знати и торгово-ремесленных слоев, заинтересованных в сбыте винодельческой продукции и зернового хлеба в Средиземноморье. К этому же стремились гераклеийские тираны, поддерживавшие посредническую торговлю и коммерческую активность собственных граждан. Однако пришедшие в 438 г. до н. э. к власти на Боспоре тираны Спартокиды поставили торговлю хлебом с Восточным Средиземноморьем, Афинами и их союзниками под собственный контроль. Это серьезно подрывало экономические позиции Гераклеи Понтийской, которая с последней четверти V в. до н. э. при посредничестве Феодосии и ряда других городов Боспора успешно осуществляла торговлю хлебом, вывозя его с варварской периферии — из Восточного Крыма и Прикубанья. В результате между Боспором и Гераклеей начался затяжной военный конфликт. На стороне гераклеотов выступали херсонесцы. Война окончилась поражением Гераклеи, в результате чего к 360-м гг. до н. э. она потеряла удобную для вывоза хлеба Феодосийскую гавань, попавшую под власть боспорских правителей. Это вынуждало гераклеотов искать новые источники получения зерна и осваивать пути его доставки в Южное Причерноморье и далее в Эгеиду. В этом они рассчитывали на свою колонию Херсонес Таврический¹.

Гераклея Понтийская и херсонесские власти обратили внимание на плодородные земли в Западной Таврике, тем более что там пролегал маршрут плавания к Херсонесу, а оттуда к Западному Понту и далее к проливам и Средиземноморью. После основания Херсонеса эллинские мореходы все чаще осваивали прямой маршрут через Черное море от Южного Причерноморья к берегам Тавриды. Это позволяло быстро добираться до Западного Крыма. Внутренняя ситуация в херсонесском полисе также сложилась для гераклеотов благоприятно. Желая преодолеть нехватку земли для новых переселенцев, херсонесцы охотно приступили к освоению Северо-Западного Крыма. Здесь, на равнинных угодьях, наряду с виноделием можно было выращивать зерновые культуры. Это открывало большие торгово-экономические перспективы.

Западный Крым был известен грекам с поздней архаики, когда там, на месте современной Евпатории, со второй половины — конца VI в. до н. э. существовала колония Керкинитида. Первое упоминание о ней оставил Гекатей Милетский, старший современник «отца истории» Геродота, назвавший город скифским, очевидно, имея в виду его местонахождение в Скифии. Керкинитиду основали ионийские греки, и она поддерживала тесные связи с Ольвией и другими милетскими колониями западной части Причерноморья. В конце VI — начале V в. до н. э. в ней обращались так называемые «монеты-стрелки», циркулировавшие в Ольвии и на Березани. А во второй половине V в. до н. э. использовались уже другие литые монеты — «стрелорыбы», своего рода гибрид ольвийских монет «дельфинчиков» и «монет-стрелок». Не исключено, что в это время часть обитателей Ольвийской хоры переселилась в Западную Таврику. Там же находились еще два городка: Дандака и в районе Бакальской косы — Тамирака. Мимо них в 437 г. до н. э. проходил маршрут плавания афинской эскадры во главе с Периклом. Возможно, поэтому во второй половине

¹ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 71–78.

V в. до н. э. эти городки вместе с Керкинитидой стали союзниками Афин — членами Афинской архэ и уплачивали в ее казну дань в рамках Эвксинского податного округа (Херсонес не вошел в Афинскую архэ, так как был основан только в V в. до н. э.). Никакой другой конкретикой об этих двух городках мы не располагаем.

На рубеже V–IV вв. до н. э. Керкинитида стала постепенно превращаться в полис. Ее аграрная округа доходила до Сакского озера и озера Донузлав. Пригородные наделы горожан были небольшими, на них стояли усадьбы с круглыми башнями¹. Археологическое изучение Тарханкутского полуострова показало, что в первой половине IV в. до н. э. в погребальном обряде и инвентаре некрополей некоторых античных поселений наблюдались ионийские традиции. На поселении Панское в районе озера Джарылгач возник четырехбашенный форт, возможно, выстроенный ольвиополитами. В удобных для стоянки судов и обработки земли местах появились и другие поселения. Из них наиболее известным был городок Калос Лимен (современный город Черноморское)². Влияние ионийских полисов подтверждается находками истрийских и ольвийских монет на Тарханкутском полуострове, в Калос Лимене и Керкинитиде. Существует предположение, что ранние античные поселения Северо-Западного Крыма могли быть основаны переселенцами из Ольвии, объединившимися с жителями Тамираки и Керкинитиды для освоения плодородных земель и контроля за морским путем вдоль побережья³.

В это же время в Северо-Западном Крыму возросло скифское влияние. Керкинитида, Калос Лимен и другие поселения установили с ними тесные взаимовыгодные отношения, сохранявшиеся достаточно долго. На керкинитидских монетах чуть более позднего времени (310–290 гг. до н. э.) изображались конный и спешившийся скифы. На рубеже первой — второй четвертей IV в. до н. э. в Северо-Западный Крым начали проникать выходцы из Херсонеса Таврического. Во второй четверти — середине IV в. до н. э. их коммерческие интересы там расширились: начали распространяться ранние монеты Херсонеса, а на поселение Панское, по-видимому, прибыли первые поселенцы-херсонеситы. Но закрепиться в этом регионе они смогли только частично, потеснив других местных греков и скифов. Херсонесцы пытались заключить союз с первыми против варваров, тревоживших их своими набегами. С ними могли быть связаны разрушения на поселениях в Западном Крыму в начале IV в. до н. э. Около середины IV в. до н. э. в Керкинитиде появилась оборонительная стена, серьезные перестройки происходили в Калос Лимене и на Панском. Содействие в освоении Западной Таврики оказывала Херсонесу Гераклея Понтийская. Совместными усилиями гераклеоты и херсонесцы сумели вытеснить скифов, а затем и ольвиополитов. Ольвия пыталась заручиться поддержкой Боспорского цар-

¹ *Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004; *Он же.* Античный полис Керкинитида. Симферополь, 2013. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XIII).

² *Уженцев В. Б.* Эллина и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006. С. 110 и след.

³ *Рогов Е. Я.* Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum Plus.* 1999. № 3. С. 135–144.

ства: боспорские тираны Левкон и Сатир получили даже проксении — почетное ольвийское гражданство, но все было тщетно. Херсонес и Гераклея прочно внедрили в этот регион. В ознаменование победы и присоединения Западной Таврики в Херсонесе в середине IV в. до н. э. были организованы празднества и отчеканены юбилейные монеты¹. Геракл — мифический основатель и покровитель Гераклеи и Херсонеса — был провозглашен защитником и охранителем новых территорий, неслучайно в Северо-Западном Крыму находят рельефы с его изображениями.

Керкинитида, оказавшаяся на стороне херсонесцев при завоевании Западной Таврики, вошла в состав Херсонесского государства. Она получила политические и экономические права, сохранила полисную структуру, монетное дело и наработанные торговые связи. Однако в ионийском городе установились дорийские традиции и обычаи, его жители, скорее всего, стали говорить на дорийском диалекте и отправлять херсонесские культы, прежде всего культ Геракла, покровителя дорийских колонистов. Эти же процессы охватили и всю хору в Западном Крыму. Ольвиополитам же разрешалось торговать по всему побережью. Таким образом, Херсонес получил обширные земли и право вывозить оттуда хлеб при посредничестве гераклейских купцов. Калос Лимен был перестроен как херсонесская крепость, и туда выведены переселенцы, которым предоставили земли, размежевав окрестные угодья под клеры. Вдоль всей береговой линии стали возводиться укрепленные поселения и усадьбы, напоминавшие в плане усадебные комплексы на Гераклейском полуострове. Почти все они имели высокие башни, обширные дворы, просторные жилые и хозяйственные помещения. Как и на ближней хоре, это были коллективные усадьбы, принадлежавшие херсонесской общине. Местное, в основном скифское, население проживало в неукрепленных деревнях — селищах, располагавшихся как вблизи греческих поселений, так и в глубине Тарханкутского полуострова. Большая часть земли использовалась для возделывания зерновых (пшеницы). Но прибрежные пространства были по тем же принципам, что и на Гераклейском полуострове, размежеваны на участки-клеры, где выращивали виноградные и садовые культуры. Возведение усадеб и размежевание земель осуществлялись и контролировались херсонесскими властями под руководством стратегов хоры, отвечавших за ее безопасность и благоустройство.

Среди укреплений, построенных херсонесцами в Западной Таврике, выделяются городища Чайка, Большой Кафель, Маслины, Беляус, Западно-Донузлавское, Кульчукское, Караджинское, Кара-Тобе и другие — всего более двух десятков. Херсонесцы называли их обобщенно ΤΑ ΤΕΙΧΗ (букв. — «стены»). Они различались размерами, отчасти планировкой и числом обитателей. Согласно разработанному херсонесскими магистратами плану освоения хоры мелкие поселения зависели от более крупных и лучше укрепленных. Благодаря такой военно-административной системе удавалось поддерживать безопасность хоры, удерживать

¹ *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 137–210. Ср.: *Сапрыкин С. Ю.* К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3. С. 43–57.

в повиновении местное население и взимать дань (форос) или налог (синтаксис). Обитатели крупных поселений, Керкинитиды и Калос Лимена и некоторые граждане Херсонеса имели возможность выезжать для обработки участков и сбора урожая на мелкие поселения и неукрепленные усадьбы, а в случае опасности возвращаться обратно. Описанная иерархия поселений облегчала доставку сельскохозяйственной продукции в крупные укрепления, служившие как бы эмпориями, или факториями. Это был хлеб, предназначенный для сезонного хранения и последующей отправки в Херсонес. Организация хоры в Херсонесе Таврическом напоминала структуру земельных владений Гераклеи Понтийской, что и неудивительно.

К началу последней четверти IV в. до н. э. в Северо-Западном Крыму было освоено около 32 тыс. га новых земель¹. В результате Херсонес стал одним из крупнейших полисов древнего Причерноморья, обладал обширной хорой, бурно развивал экономику, основанную на виноделии и выращивании зерновых. Он почти сравнялся с Боспором по количеству вывозимого хлеба и являлся одним из главных экспортеров вина. Развитие сельского хозяйства и освоение хоры стимулировали ремесленное производство. Так, в середине — третьей четверти IV в. до н. э. под контролем государства в лице астиномов и агораномов было налажено массовое изготовление амфорной тары. Они отвечали за стандарт амфор (для чего с 325 г. до н. э. партии тары отмечались особыми магистратскими клеймами), состояние рынков и соблюдение правил торговли. Для производства амфорной и иной тары, а также прочей керамики за пределами городских стен были сооружены печи².

Усадьбы и наделы на Гераклейском полуострове снабжали город винодельческой и садоводческой продукцией, которая частично поступала на рынок. Зерно и вино с дальней хоры в Северо-Западной Таврике реализовывали частные торговцы — посредники и откупщики, в том числе иноземцы. Продукцию вывозили в Херсонес через Керкинитиду, Калос Лимен и другие укрепленные поселения, на что указывает большое количество разнообразных монет, обращавшихся в этом регионе. В последней четверти IV в. до н. э. Керкинитида с разрешения властей Херсонеса получила право вновь выпускать собственную монету. Торговцы могли расплачиваться на месте этими деньгами, что приносило доход в казну. Однако при всем этом часть прибыли оставалась у торговцев и тех знатных и богатых граждан, которые сдавали на откуп подрядчикам и откупщикам право сбора и покупки зерна³. В результате казна полиса терпела убыток. Доходы и материальное положение граждан Херсонеса снижались. Все больше давало о себе знать имущественное расслоение херсонеситов, что порождало недовольство немалой части населения и вело к социальной напряженности и обострению политической борьбы.

¹ О строительстве херсонесских сельских усадеб и поселений в Западном Крыму см.: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 310–371.

² *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.

³ *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 74–78.

§ 2. Херсонес Таврический в эллинистическое время

До начала III в. до н. э. Херсонес по своему общественному устройству оставался демократическим полисом. Законодательная власть принадлежала народному собранию и совету, а исполнительная — различным магистратам. В полисе существовали коллегии стратегов, архонтов во главе с первым архонтом, номофилаков — стражей закона, симмнамонов, гимнасиархов, жрецов. Эпонимными магистратами считались цари-басилеи, наделенные жреческими полномочиями. Магистраты и булевты, т. е. члены херсонесского совета, избирались на народном собрании голосованием по спискам или поднятием рук. Социальную опору херсонесских демократов составляли малоимущие и средние слои граждан. Но развитие ремесел и торговли, приток населения, подъем аграрного производства и укрепление государства во второй половине IV в. до н. э. поднимали не только общее благосостояние граждан. Увеличилось количество зажиточных горожан, для семей которых под стенами города строили склепы. Ближе к концу IV в. до н. э. и особенно в III в. до н. э. в их быту начали активно использоваться украшения из драгоценных металлов. Усиливались политические позиции торгово-ремесленной и землевладельческой верхушки полиса, которая получала доходы от эксплуатации хоры и экспорта зерна и вина. Отдельные ее представители занимались благотворительностью, тем более что в этот период город вел активное строительство, обустроивался акрополь, возводились новые оборонительные стены. Строились храмы, алтари, общественные здания, в частности пританей и храм богини Девы — покровительницы херсонеситов. В последней четверти IV в. до н. э. был сооружен театр.

Появление зажиточной прослойки привело к тому, что в первой четверти III в. до н. э. в Херсонесе резко обострилась социальная борьба. Она завершилась государственным переворотом (или попыткой его совершить). В начале второй декады III в. до н. э. на какое-то время установились олигархия или тирания. В присяге граждан Херсонеса, принятой около 280 г. до н. э., каждый гражданин клянется не передавать ничего сокровенного «ни эллину, ни варвару», не предавать Херсонеса, Керкинитиды, Калос Лимена и прочих укрепленных пунктов «из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли». В присяге особо оговаривается требование, чтобы хлеб, свозимый с «равнины», т. е. из Северо-Западного Крыма, вывозился и продавался только в Херсонесе. Далее каждый гражданин обещает «быть врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкинитиду, или Калос Лимен, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев»¹. Это недвусмысленно намекает на тревожное положение внутри полиса².

Попытка свержения государственного строя, заговор или переворот были инициированы противниками херсонесской демократии из среды зажиточной про-

¹ IosPE P. 401.

² Жебелев С. А. Северное Причерноморье. С. 232.

слойки и внешних врагов — очевидно, скифов, не смирившихся с потерей Северо-Западного Крыма. Под угрозой оказались экономически важные для Херсонеса владения, видимо, часть аграрной территории в Западной Таврике отпала. С целью смягчить кризис власти решили навести порядок в торговле зерном, запретив вывозить и продавать его в других местах, кроме Херсонеса. Это означало введение протекционизма и удар по иноземным купцам. Керкинитиде запретили чеканить собственную монету. Принятые меры поправили положение, торговля хлебом стабилизировалась. В начале III в. до н. э. городской монетный двор выпустил в обращение серию полновесных серебряных монет, что увеличило доходы городской казны.

Политическая жизнь полисной общины постепенно налаживалась. Демократия была восстановлена, во избежание очередных катаклизмов принята новая присяга граждан. Это сплачивало гражданский коллектив полиса, так как в период социальной нестабильности часть граждан из опасения наказания и ради сохранения собственной жизни отправилась в изгнание, причем изгнанниками стали как сторонники, так и противники демократического строя¹. Их следовало вернуть в состав гражданского коллектива, для чего надо было принять новую присягу.

Во второй четверти III в. до н. э. важнейшие херсонесские укрепления и усадьбы в Северо-Западном Крыму разрушились или погибли в сильнейших пожарах. Обитатели неукрепленных усадеб на Маячном полуострове внезапно их покинули и укрылись в Херсонесе. Разрушения в Западной Таврике были вызваны набегами окрестных варваров — скифов, а также передовых отрядов сарматских кочевников, которые начали теснить приднепровских скифов в Крым. О внезапном быстром рейде сарматов на ближние владения Херсонеса в начале второй четверти III в. до н. э. свидетельствует надпись «о несении Диониса». Она повествует о том, что в празднование Дионисий, когда горожане отмечали сельскохозяйственный праздник на хоре, они неожиданно подверглись нападению сарматов². Внутренние и внешние угрозы потребовали усилить контроль за аграрной округой и укрепить оборону государства. Это ответственное дело было поручено херсонесскому гражданину Агасику, сыну Ктесия. Его заслуги перед херсонесской общиной сохранила надпись на постаменте его бронзовой статуи, к сожалению, до нас не дошедшей³. Он предложил декрет о гарнизоне и устроил его, возглавил строительство стен в городе, размежевал виноградники на «равнине», т. е. в Северо-Западном Крыму и на Гераклеяском полуострове. Замещая должность агораномы, устроил в городе рынок. Агасикл был также гимнасиархом и жрецом. Как стратег он занимался делами хоры — на тот момент это было самое важное.

Результаты его деятельности прослеживаются археологически. В 270–260-х гг. до н. э. в юго-восточном районе города появились мощная оборонитель-

¹ Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72–81.

² IosPE I². 343; *Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет о несении Диониса IosPE I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.

³ IosPE I². 418.

ная стена с башнями, защищавшая порт и гавань, а также мощная цитадель для размещения гарнизона. Агасикл огородил стеной размежеванную территорию на Гераклейском полуострове по линии Сапун-горы — от Ктенунта (современный Инкерман) до Символон Лимен (современная Балаклава). Ряд усадеб Гераклейского полуострова и Северо-Западного Крыма был перестроен, укрупнен и усилен пирамидальными противотаранными поясами. Некоторые отдельно стоящие, но расположенные рядом друг с другом укрепленные усадьбы в Северо-Западном Крыму были объединены в достаточно крупные форты.

Тем не менее нападения окрестных варваров (скифов и сарматов) не прекращались. Эти рейды постепенно подрывали экономику и благополучие херсонесской общины. К середине III в. до н. э. объем экспортной торговли уменьшился. Вследствие сокращения продаж образовалась большая масса нереализованных денежных средств, что привело к накоплению и массовому зарытию кладов по всей хоре. Обострившийся экономический и финансовый кризис вел и к обесцениванию денег, перечеканке и надчеканке монет. В этих условиях деятельность Агасикла, который по-новому размежевал виноградники, должна была обеспечить перераспределение земельных участков¹. Дело в том, что из-за кризиса часть клеров оказалась без владельцев, а другая часть была разорена по причине их гибели или бегства от политических преследований.

Приблизительно до 230-х гг. до н. э. хозяйственная деятельность многих усадеб на ближней хоре сократилась или прекратилась вовсе. Это вызвало необходимость создания нового земельного кадастра, предусматривавшего новое размежевание земли для перераспределения участков между платежеспособными гражданами, прежде всего из средних слоев — опоры демократического строя. Владеть земельным участком теперь можно было только на правах аренды. Власти наделяли сторонников сразу несколькими клерами, что должно было повысить их доходы и дать прибыль в казну. Главными целями этих нововведений являлись сокращение числа безземельных или малоземельных горожан, которые требовали передела земли, а также обеспечение наделами изгнанников, т. е. снижение социальной напряженности в полисе. Реформа затронула земли, которые, если следовать тексту присяги, «не отпали» в годы смуты (не были захвачены варварами-скифами). Она проводилась в первую очередь в Северо-Западной Таврике и на Гераклейском полуострове, включая наделы и на Маячном полуострове².

Желая обезопасить себя от новых варварских набегов, херсонеситы пошли на союз с сарматами против скифов. По легенде, восходящей к местной исто-

¹ О деятельности Агасикла в Херсонесе см.: *Яйленко В. П.* Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи в честь Агасикла // ПИФК. 2001. № 10. С. 175–187; *Зубарь В. М.* Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонесе во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 161–171.

² *Соломоник Э. И., Николаенко Г. М.* О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IosPE I². 403) // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99.

риографической традиции, царица сарматов Амага по просьбе Херсонеса потребовала от скифского царя прекратить нападения на его владения. Скифский царь отказался и продолжал атаки на Херсонес. Тогда царица во главе 120 сарматских всадников, проскакав 1200 стадий, неожиданно ворвалась в столицу скифов и захватила царский дворец, убив царя, его родственников и друзей. После этого она вернула Херсонесу ранее захваченную у него скифами территорию, а власть в Скифии передала сыну убитого царя, повелев не трогать соседних эллинов и варваров¹. События, изложенные в легенде, по-видимому, действительно имели место. Их принято датировать концом III — началом II в. до н. э., когда участились попытки крымских скифов захватить принадлежавшие Херсонесу земли в Северо-Западном Крыму. В отличие от них сарматы пока не пытались там закрепиться. Они совершали лишь отдельные набеги с целью грабежа и получения дани, собирая ее в основном со своих скифских соседей. Тем не менее могущество сарматских властителей росло, они все увереннее вмешивались в дела Крымской Скифии и пытались использовать союзные отношения с Херсонесом, чтобы прочнее закрепиться на полуострове. Сарматская знать рассчитывала со временем сама получать дань с богатых херсонесских поселений в Западной Таврике.

Итак, очередное изменение политической ситуации в Крыму произошло в первой четверти II в. до н. э. В 179 г. до н. э. в Малой Азии завершилась война между Пергамом, Каппадокией, Вифинией и Понтийским царством. Третейским судьей в этом конфликте выступил Рим. В заключенный воюющими сторонами мирный договор были включены некоторые причерноморские греческие города, затронутые войной или просто желающие добиться благосклонности ведущих держав. Под этим договором среди прочих стояли подписи Гераклеи Понтийской и Херсонеса Таврического, присоединившегося к мирному соглашению не без содействия его метрополии. Среди подписантов оказался и царь европейских сарматов Гатал². Включение его в договор было прямым следствием его союзных отношений с Херсонесом и, видимо, отвечало интересам сарматской верхушки, стремившейся закрепить свои успехи на международном уровне. Но и для Херсонеса участие в договоре 179 г. до н. э. открывало возможность на основе международного права закрепить за собой вновь обретенные с помощью сарматов владения в Западной Таврике и привлечь в гаранты кого-то из сильных и влиятельных царей. Одним из таких союзников и друзей стал Фарнак I, царь Понтийского государства, потерпевший поражение в войне 183–179 гг. до н. э. и испытывавший экономические трудности из-за наложенной на него огромной контрибуции.

В 179 г. до н. э. Херсонес и Фарнак I заключили договор о дружбе и союзе. Царь Понта давал клятву немедленно оказать помощь, если «соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную ему страну и будут обижать херсонесцев, и те призовут меня». Одновременно он поклялся содействовать сохранению в Херсонесе демократической формы правления. В договор по обоюд-

¹ Polyaeu. VIII. 56.

² Polyb. XXV. 2.

ному согласию был включен пункт о соблюдении ими дружбы с Римом¹. Это была не только дань уважения Риму, но и попытка привлечь римлян к поддержанию местного статус-кво. Таким образом, взаимная выгода была очевидной: Понт получал возможность приобретать ресурсы из Херсонеса и Северо-Западного Крыма, а херсонесцы — гарантию безопасности своих владений от нападений варваров. Договор временно отсрочил отпадение дальней хоры от Херсонеса².

Стремление Херсонеса удержать плодородные земли на хоре подтверждается и данными археологии. Как говорилось выше, к концу III в. до н. э. завершилось укрепление сельских усадеб и поселений противотаранными поясами. В Калос Лимене велись активные работы по возведению оборонительных стен, в последней трети III в. до н. э. там была сооружена мощная цитадель с башнями, занимавшая десятую часть городища. В ней располагался херсонесский гарнизон во главе с представителем полисных властей³. Херсонесцы стали сближаться с Ольвией, имевшей влияние на Крымскую Скифию. Ольвийский наварх Посидей, находившийся на службе у ее царя, сделал морской торговый путь вдоль побережья Северо-Западного Крыма безопасным, одержав победу над пиратствовавшими сатархами. Это облегчило херсонесским и другим греческим морякам плавание вдоль Северо-Западного Крыма к Ольвии. Один из самых богатых херсонесских граждан — Аполлоний, сын Евфрона, — ссудил ольвиополитам 3 тыс. золотых, его сыновья также облагодетельствовали этот город, отсрочив выплату долга и процентов⁴. Во второй половине III в. до н. э. херсонесский экспорт вина регулярно направлялся в Ольвию, а поселения Северо-Западного Крыма торговали непосредственно с ольвийскими купцами. Херсонесские торговцы и ростовщики, получавшие доходы от продажи зерна, осуществляли коммерцию совместно с ольвиополитами и связанной с ними скифской верхушкой. Это, по мнению херсонесских властей, помогало отсрочить захват хлебодородных территорий Скифским царством в Крыму.

В первой — начале второй четверти II в. до н. э. началась очередная экспансия скифов в Западной Таврике. Почти все поселения и усадьбы херсонесцев, за исключением Керкинитиды и Калос Лимена, были ими захвачены. Обострился экономический и социально-политический кризис: земельные наделы были временно и навсегда оставлены обитателями, резко сократилось виноделие, прекратился экспорт вина и зернового хлеба, производство клейменной амфорной тары. В середине — начале третьей четверти того же века все земли в Западном Крыму отошли к скифам, а многие жители Керкинитиды и Калос Лимена перебрались в Херсонес, перед этим преднамеренно разрушив дома и оборонительные сооружения. В третьей — начале последней четверти II в. до н. э. окончательно захирели

¹ IosPE P. 402.

² Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 43–59.

³ Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. Эллинистическая цитадель Калос Лимена // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Севастополь, 1997. С. 77–81.

⁴ Надписи Ольвии. Л., 1968. № 28, 29.

приусадебные хозяйства и на Гераклейском полуострове. Тавры, жившие на землях к востоку от размежеванной территории, отпали от херсонесского полиса. Положение стало катастрофическим, на месте прежних херсонесских населенных пунктов в Западной Таврике возникли скифские поселения¹. Ольвия оказалась под властью царя скифов Скилура, а дружественных Херсонесу сарматов сменили враждебные эллинам роксоланы. Они стали союзниками скифов и угрожали херсонесцам. Боспорское царство помочь не могло, так как было связано договором о дружбе с Позднескифским царством в Крыму, противником Херсонеса. Это создавало благоприятный фон для наступления варваров непосредственно на Херсонес.

§ 3. Херсонес Таврический и Митридат VI Евпатор

В этой неблагоприятной обстановке херсонесские власти решили обратиться за помощью к Митридату VI Евпатору, царю Понта. Ведь еще его дед Фарнак I взял на себя обязательство помогать им в случае внешней угрозы. Однако их договор утратил силу после его смерти. Поэтому должен был быть заключен новый договор с Понтийским царством о дружбе и союзе. Одним из послов, направленных в Херсонес для переговоров, был гражданин города Амиса². Договор в конце концов заключили, и в Северное Причерноморье были направлены понтийские войска, поначалу безуспешно сражавшиеся со скифами. И только когда скифский царь Палак, сын Скилура, и его союзник царь роксолан Тасий осадили Херсонес, туда около 110 г. до н. э. прибыл с войском стратег Митридата VI Евпатора Диофант, сын Асклепидора, гражданин Синопы. О его действиях против варваров подробно повествует декрет, принятый в его честь херсонесской общиной и составленный местным историком³. Диофант не остался в городе, вместе с войском он переправился на северную сторону современной Севастопольской бухты, чтобы в открытом бою встретиться с неприятелем. Здесь, на мысу, который отделял от моря залив с гаванью Ктенунт (современный Инкерман), он построил укрепление, куда поместил гарнизон воинов. Скифы не стали выжидать и попытались сразу напасть на понтийцев, стремясь застать их врасплох. Но гарнизон укрепления стойко оборонялся⁴. Диофант, как говорится в декрете, «поневоле приняв битву», обратил скифов в бегство, поставив победный трофей от имени царя Митридата VI. Скифы были отогнаны от Херсонеса. Тогда Диофант подчинил окрестных тавров, желая восстановить их статус полузависимых от Херсонеса земледельцев, но сделал их при этом подданными понтийского царя. С этой целью и в расчете на будущее наступление вглубь Крымской Скифии он в 15 стадиях от Херсонеса основал город Евпаторий. Его местоположение пока не установлено, но город существовал доволь-

¹ Кутайсов В. А. Керкинитиды и Херсонес в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 83.

² НЭПХ. Т. II. № 110.

³ IosPE P. 352.

⁴ Strab. VII. 4. 7.

но долго, так как его упоминают более поздние античные авторы¹. После этого Диофант отбыл на Боспор, а когда вернулся обратно, то вместе с ополчением граждан Херсонеса начал поход против Крымской Скифии. Во время этой экспедиции были взяты царские крепости: Хабеи, Напит и столица Скифского царства Неаполь (современный Симферополь). Военная угроза Херсонесу была ликвидирована, однако Западная Таврика еще оставалась в руках скифов. Очевидно, в планы царя Понта пока не входило завоевывать этот район Крыма, к тому же сил у Диофанта, видимо, уже не осталось. Скифы были замирены, но не побеждены, хотя «митридатовская царская пропаганда» подавала дело так, что царь Понта якобы первым из всех полководцев сумел одержать победу над непобедимыми до этого скифскими племенами.

Осенью — зимой 109 г. до н. э. Палак отложился от Митридата VI и опять стал угрожать Херсонесу. Царю Понта пришлось снова отправлять в Таврику Диофанта с войском. Время для этого было крайне неблагоприятное, наступала зима: плавание в открытом море представляло огромную опасность, но понтийские войска благополучно добрались до Херсонеса. Не теряя времени, Диофант вместе с херсонесским отрядом двинулся против отпавших крепостей скифов, но поход был прерван непогодой. Тогда понтийские и херсонесские войска повернули в Северо-Западный Крым и захватили Керкинитиду и «Стены» — приморские укрепленные поселения херсонесцев, взятые ранее скифами. После этого они осадили Калос Лимен, но одолеть его с ходу не сумели, поскольку он имел мощные оборонительные стены и цитадель, некогда построенные херсонесцами. При раскопках поселения Тарпанчи, одного из бывших херсонесских населенных пунктов, было обнаружено большое количество зерна, которое скифы не успели вывезти. Складирование его на поселении датируется временем похода Диофанта. Скифы хотели использовать его для снабжения своего войска или для вывоза в другие районы. Поэтому поход Диофанта в Западный Крым имел также цель лишить неприятеля продовольствия. Чувствуя угрозу своей экономике и опасность потери богатой хлебодородной области, Палак собрал все силы и вместе с роксоланами обрушился на Диофанта. В решающей битве, которой предшествовали традиционные в таких случаях жертвоприношения и обращения к покровительнице Херсонеса богине Деве, Диофант одержал победу. Херсонесский историк, автор текста декрета, из чувства местного патриотизма приписал больше значения ее чудотворной помощи, нежели разумной стратегии и диспозиции митридатовского командующего.

В результате победы Диофант двинулся в Скифию и снова захватил Хабеи и Неаполь, оставив херсонесский отряд осаждать Калос Лимен. В конце концов городок был взят. После этого почти весь Северо-Западный Крым и Гераклейский полуостров вернулись под контроль херсонесцев. Однако теперь господство Херсонеса над своими землями согласовывалось с понтийским царем, который считался владыкой всей земли в государстве, частью которого отныне стал и этот полис. Пржежие херсонесские крепости, включая цитадель Калос Лимена и ряд усадеб

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история (Amm. Marc.). XXII. 36; Птолемей. Руководство по географии (Ptol.). VI. 2.

ближней хоры, были отданы под гарнизоны понтийских и херсонесских войск. Они же стояли и в главных скифских крепостях Юго-Западного Крыма — Усть-Альминском городище, Неаполе Скифском и др. На поселении Кара-Тобе, которое прикрывало подходы к Керкинитиде, а также на пересыпи Сакского озера также находились митридатовские гарнизоны.

За содействие в войне с варварами и активное участие в подавлении скифского мятежа в Пантикапее, когда Боспор перешел под власть Митридата, Херсонесу было даровано право возвратить себе часть земель в Западной Таврике. Городу вменялось в обязанность снабжать митридатовские войска зерном, но часть хлеба оставлять для собственных нужд. Херсонесцы оказывали помощь зерном и своей метрополией Гераклею Понтийской, которая в 72–70 гг. до н.э. была осаждена римскими войсками¹. Археологические исследования показывают, что некоторые херсонесские поселения в Северо-Западном Крыму были в это время более внушительными, нежели усадьбы на Гераклеюском полуострове. На рубеже первой и второй четвертей I в. до н.э. ближняя хора города пришла в запустение, и лишь немногие усадьбы продолжали снабжать херсонесскую общину и понтийские войска продовольствием. Это было вызвано тем, что на Гераклеюском полуострове, собственно, никогда не выращивали хлеб. А Западная Таврика издавна считалась хлебной житницей Херсонеса, откуда Митридат VI Евпатор получал столь важный для него продукт.

Херсонес Таврический имел важнейшее стратегическое значение для Митридата VI. В городе и на некоторых поселениях и усадьбах его хоры располагались понтийские гарнизоны, состоявшие в основном из лучников, выходцев из Малой Армении, а также воинов из Колхиды и Каппадокии. Там же находилась резиденция наместника царя. Власть в полисе по-прежнему принадлежала местным магистратам — «стоящему во главе управления» и архонтам, а законодательные функции — совету и народному собранию. Они координировали свою деятельность с царскими чиновниками. Херсонес превратился в важное звено в системе межпонтийских торговых связей, развивались его традиционные отношения с южнопонтийскими городами, а также Боспором и Колхидой. В городе широко обращались монеты городов Понтийского царства, ставшие основным платежным средством на рынках Причерноморья. Не менее активно использовались и монеты Боспора. В то же время Херсонес чеканил и собственную монету, что свидетельствует о подъеме его экономики и некоторых полисных привилегиях.

Херсонесцы поддерживали Митридата VI Евпатора вплоть до его смерти в 63 г. до н.э. Они не встали на сторону его сына Махара, когда тот изменил отцу и решил стать независимым правителем на Кавказе и в Крыму. Не отпали они от царя даже тогда, когда он ужесточил политику по отношению к греческим полисам и ограничил их автономию. Вместе с другими причерноморскими городами и Боспорским царством Херсонес выплачивал царю Понта огромную дань. Город был поставлен в зависимость от Боспора и вместе с ним, Ольвией, Колхидой, Пафлагонией, Понтийской Каппадокией считался наследственным доменом пон-

¹ Memn. 47. 2; 49. 4.

тийского царя. Митридат VI Евпатор рассматривал северопонтийские города как плацдарм для дальнейшей борьбы с римлянами¹.

Вследствие антимиридатовского восстания причерноморских городов в 63 г. до н. э. Херсонес Таврический вышел из подчинения понтийскому царю, но остался в составе Боспорского царства. Экономика города пребывала в кризисе. Получивший на Боспоре власть Фарнак II, сын Митридата VI Евпатора, был занят восстановлением державы отца и Херсонесу уделял мало внимания. Однако его политика по ограничению свобод и автономий полисов, которую он начал проводить во второй половине 50-х гг. до н. э., привела к сокращению и без того скудных привилегий херсонесцев. В 63–47 гг. до н. э. они отчеканили только одну серию медных монет без названия, но с портретом Митридата VI Евпатора (или Фарнака?) и надчеканкой в виде ахеменидского символа — восьмиконечной «звезды-солнца». Это отражало их зависимость от постмиридатовского Боспора. Поражение Фарнака II в 47 г. до н. э. и потеря им власти поставили на повестку дня вопрос об освобождении от этой гегемонии. В 46 г. до н. э. в Херсонесе был почтен декретом римский гражданин Гай Юлий Сатир, сын Феагена, ранее ставший гражданином Гераклеи Понтийской. Он отправился послом в Рим — в сенат и к самому Гаю Юлию Цезарю, с которым был лично знаком, и получил от него римское имя рода Юлиев. По просьбе Херсонеса он напомнил сенаторам и Цезарю о давних связях и родстве херсонесцев и гераклеотов². Это посольство могло быть организовано в рамках неоднократных поездок знатных граждан Гераклеи к Цезарю с просьбами о возвращении свободы³. И не исключено, что гераклеоты, среди которых был Юлий Сатир, как «отцы-основатели» Херсонеса просили об этом за их колонию. Очевидно, римляне дали положительный ответ, предоставив Херсонесу элевтерию (свободу)⁴, иначе Юлий Сатир не удостоился бы упомянутых почестей. Причиной этой элевтерии могло стать резкое ухудшение отношений Цезаря с Асандром, новым властителем Боспора. В ознаменование этого важного события Херсонес в 47–44 гг. до н. э. отчеканил две серии монет с легендой элевтерии.

Асандр не смирился с потерей Херсонеса. Он решил восстановить власть над ним с помощью военной силы и заговора. Но херсонесцы отстояли свободу⁵. Однако Марк Антоний, который для борьбы с Октавианом создавал на Востоке коалицию царей, поддержал Асандра. Поэтому свобода Херсонеса могла быть им если не отменена, то по крайней мере не подтверждена. Город вновь попал в симмахию — военно-политический союз с Боспорским царством, что на деле было равнозначно подчинению его правителям⁶.

¹ Пальцева Л. А. Херсонес и понтийские цари // Античный полис. Л., 1979. С. 77 и след.; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 132–140.

² IosPE I². 691.

³ Memn. 60. 2–4.

⁴ Плиний Старший. Естественная история (Plin.). VI. 85.

⁵ Const. Porphyg. De adm. imp. 53.

⁶ Strab. VII. 4. 3.

§ 4. Херсонес и Римская империя

В 25 г. до н. э. в Херсонесе была принята новая эра, по которой годы отсчитывали по царствованию Девы, верховной богини полиса. Была проведена и реформа государственного строя, направленная на расширение функций и состава городского совета. Это было связано с политикой императора Августа, который в начале своего правления декларировал свободу для греческих городов на Востоке. Херсонес Таврический также получил подтверждение элевтерии. Но она оказалась ограниченной — была всего лишь расширена его автономия в рамках симмахии с Боспорским царством. В это время экономическая и внутривосточная ситуация в городе ухудшилась.

В почетном декрете эпохи Августа и Тиберия, к сожалению, фрагментированном, рассказывается, что происходило в Херсонесе на рубеже нашей эры¹. Город был охвачен смутой, и власть захватил тиран, поэтому чествуемый (имя его не сохранилось) его покинул. Затем было принято решение снарядить войско для возвращения «свободы», т. е. освобождения от тирании. Чествуемый вернулся в город, так как граждане страдали от тирана и желали уничтожить его правление. Проявив смелость и пренебрегая опасностью, поскольку народ был вооружен, он сумел избавиться от противников, не затронув их кровных родственников. Это спасло город от волнений и убийств по причине гнева толпы. По совету его сторонников было созвано народное собрание, где поднятием рук проголосовано какое-то постановление — очевидно, решение сделать чествуемого «почетителем общественных дел». Он выполнил это прекрасным образом — обеспечил безопасность хоры, реконструировал и усовершенствовал оборонительные стены, совершил проверку хлебных раздач, когда граждане были стеснены в средствах, позаботился, чтобы нужды его личных друзей в трудные времена путем надлежащих мер не ущемляли граждан, имевших надежду на лучшее, особенно когда возникла опасность войны. Мужественными делами, требующими больших издержек, телом и душой он заботился о гражданах и был направлен в Рим, где «Великого императора и Сената <...> от народа римского (и своими заботами) приобрел отеческую свободу для херсонеситов». После этого «сторонники новшества», по-видимому, те, кто не желал подтверждения свободы, снова призвали в город тирана. Но чествуемый вместе с большим отборным войском полиса своим наивысшим благородством по отношению к народу заставил тирана, так ничего и не совершившего, уйти. Почести ему были оказаны по причине восстановления демократии.

Как видно из надписи, подтверждение Августом свободы Херсонеса было встречено неоднозначно. Одна из политических группировок, сторонником которой был чествуемый гражданин, поддерживала вердикт об «отеческой свободе херсонесцев» (той, которая была принята Цезарем) и выступала за более глубокие отношения с Римом. В их налаживании важную роль сыграл некий Корнелий Пудет,

¹ IosPE I². 355.

удостоенный херсонесцами почетного декрета¹. Другая группировка требовала отказаться от ориентации на Рим и сохранить зависимость от Боспорского царства. Для этого дважды инспирировался государственный переворот с целью свергнуть демократический строй и установить тиранию. В городе начались перебои с поставками хлеба, усилилась угроза нападения соседних варваров. Эти события имели место в 20-х гг. I в. до н. э. Нельзя исключать, что в них какую-то роль сыграли боспорцы².

Приблизительно в 20–12 гг. до н. э., когда на Боспоре правила царица Динамия, в Херсонес прибыл ее посол Амий. Он был уполномочен подтвердить готовность оказать помощь городу в соответствии с договором о военном союзе и дружбе³. Эта миссия была вызвана изменением политической обстановки в Херсонесе после подтверждения императором и сенатом его свободы в рамках херсонесско-боспорской симмахии. Боспор был обеспокоен усилением в Херсонесе тех кругов, у которых этот союз не вызывал особых симпатий. Определенная тревога возникала в связи с расширением его автономии и активизации тавро-скифов и сарматов. Более свободный по отношению к Боспору статус полиса сохранялся и при понтийском царе Полемоне I. Получив в 14 г. до н. э. от Августа боспорский престол, он в своем письме, или рескрипте, обратился непосредственно к совету и народу херсонесцев. Это было своего рода проявлением уважения к ним как носителям верховной власти в полисе, а значит, и признанием автономии⁴. В 16–23 гг. н. э. боспорский царь Аспург совершил поход в Таврику и покорил скифов и тавров⁵, за что херсонесцы поставили ему статую⁶. Это было актом поддержки и подтверждением взаимного договора о дружбе и союзе, так как победа над тавро-скифами обезопасила город от угрозы с их стороны. Союз Боспора и Херсонеса поддерживали в Риме для противодействия крымским скифам и другим варварским племенам⁷.

Во время войны Рима с боспорским царем Митридатом VIII (III) в 45–49 гг. н. э. Херсонес поддержал римлян. Город предоставил им гавань и, возможно, корабли наместнику провинции Мёзии Дидию Галлу, который направлялся с войском на Боспор, а затем возвращался обратно в провинцию. За оказанную помощь римляне расширили его автономию и с 47 г. н. э. разрешили чеканить золотые монеты с датами по местной полисной эре⁸. Экономические контакты с римски-

¹ IosPE I². 356.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 15–17; Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. С. 12, 13.

³ IosPE I². 354.

⁴ Там же. 704.

⁵ КБН. 39, 40.

⁶ IosPE I². 573.

⁷ Зубарь В. М. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. — первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 41–45.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 77.

ми провинциями повышали доходы зажиточной торгово-ремесленной верхушки херсонесского полиса, ориентированной на Римскую империю и воспринимавшей ее как альтернативу симмахии с Боспорским царством.

При Нероне римляне активизировали политику в Северном Причерноморье. В 60-х гг. н. э., в период наместничества в Мёзии легата Тиберия Плавтия Сильвана, укрепились связи Римской империи с сарматами в районе дунайской границы, царями аорсов в Нижнем Побужье и Херсонесом Таврическим. Перемещение сарматов из северо-восточных районов в Северо-Западное Причерноморье привело к их давлению на тавро-скифов Крыма, которые усилили набеги на Херсонес. Последний сохранял влияние в Северо-Западном Крыму и на Гераклейском полуострове.

По данным археологии, во второй половине I в. до н. э. некоторые усадьбы и укрепления на ближней хоре Херсонеса начали снова функционировать, а на рубеже нашей эры была усилена их обороноспособность, очевидно, в связи с угрозой нападения варваров¹. После римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э. зависимость Херсонеса от Боспора ослабела. Тавро-скифы и все чаще проникавшие в Таврику сарматы, пользуясь гражданской войной на Боспоре и вовлеченностью в нее Рима, вышли из-под боспорского протектората. Согласно одному из декретов Херсонеса середины I в. н. э., объединенное войско варваров, в состав которого входили сарматы и тавро-скифы, вторглось на хору. Усадьбы и укрепления были сожжены, что нарушило снабжение города продовольствием. Некий гражданин (или иностранец) прибыл на двенадцатый день, провел работы по усилению фортификации и обеспечил защиту города и сельской округи². Вторжения сарматов в Крым привели к уничтожению в середине I в. н. э. некоторых позднескифских городищ в Северо-Западном Крыму. Боспор был ослаблен и не мог оказать Херсонесу помощь. Тогда римская администрация решила вмешаться, чтобы прочнее закрепиться в Херсонесе и Таврике. В 63 г. н. э. упомянутый Тиберий Плавтий Сильван, как сказано в его надгробной надписи³, сделал так, что «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса, что за Борисфеном». Римские отряды, одержав над скифами и сарматами победу, находились в самом Херсонесе и в окрестностях поселения Усть-Альминское и были, вероятно, выведены ближе к концу 60-х гг. н. э. в связи с обострением обстановки в Риме⁴. Помощь со стороны легата Мёзии стала ответом на отправку Херсонесом в Мёзию военного отряда, который в 62 г. н. э. вместе с нижнемёзийскими легионами был послан в Понтийское царство к Полемону II для участия в войне с парфянами⁵. Тем самым Херсонес выполнил требование императора к наместникам, союзникам

¹ Николаенко Г. М. Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 203 и след.

² IosPE P. 369.

³ Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). Berlin, 1887. Vol. XIV. № 3608.

⁴ Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 63–67.

⁵ IosPE P. 419.

и друзьям Рима оказать содействие римскому полководцу Корбулону, сражавшемуся в Армении против Парфии. Не исключено, что между Римом и Херсонесом был заключен военный союз¹.

Таким образом, во второй половине I в. до н. э. Херсонес сохранял статус свободного города, но был тесно связан с Римской империей через легатов провинции Мёзия. Их взаимоотношения выстраивались на основе специального «закона о гражданских общинах» (*lex civitatis*). В соответствии с ним регулировались все внутренние полисные законы, протекала общественная и государственная жизнь. Он давал Херсонесу ту долю «свободы», которую римляне считали возможным ему предоставить. В конце I — начале II в. н. э. судопроизводство в Херсонесе было организовано согласно римским правовым нормам. В связи с сокращением числа полноправных граждан полиса, из которых выбирали судей, архонты получили возможность избирать их количество в зависимости от цены иска. При этом тяжущиеся стороны имели право отвести пять судей из числа установленных законом². Это усиливало власть коллегии архонтов, отражая процесс аристократизации политического строя³.

Военные и политические неурядицы в конце I в. до н. э. и на протяжении большей части I в. н. э. привели к истощению людских ресурсов. Они пополнялись за счет эллинизованного местного населения, отдельные представители которого селились в городе, а основная масса оседала на окрестных территориях. Однако римляне, как и в других полисах на востоке, не стремились к романизации населения. Напротив, они поощряли эллинизацию, создавали условия для сохранения и развития эллинских традиций, порядков и устоев. Греческая полисная система рассматривалась ими в качестве важного элемента влияния, как опора при организации провинций. Они традиционно опирались на полисную верхушку, которая, как они полагали, могла поднять ремесло и торговлю на более высокий уровень. Богатые торгово-ремесленные круги рассматривались в Риме как главный проводник его политики. Для этого знатные граждане и их родственники, выходцы из богатых семей, получали римское гражданство. Такая практика активно внедрялась в Херсонесе при Флавиях. Видные херсонеситы Парфенокл, Аристон, Агеполис, Аттина, Аполлоний и другие вместе с римским гражданством получили родовые имена Флавиев. Они, их ближайшие родственники, сыновья и внуки занимали важные должности в структурах государственной власти. Их выбирали или, скорее, продвигали в Совет, где без их участия не принималось ни одно решение. Из состава их семей регулярно назначались жрецы. Подобная семейственность при распределении ведущих государственных и общественных должностей могла быть возможна только при олигархическом режиме.

¹ Сапрыкин С. Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 25 и след.

² Supplementum Epigraphicum Graecum (SEG). Leiden, 2009. Vol. 55. № 858.

³ Макаров И. А. Новый закон о судах из Херсонеса Таврического // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 73–82.

Город продолжал оставаться в орбите внешней политики Рима. На монетах времени Флавиев до 96 г. н. э. фигурировали название херсонесской общины (на сериях до 82 г. н. э. в полной форме) и легенда «мир Августа». Это символизировало автономию в рамках тесного союза с империей. С разрешения римлян в 80 и 85 гг. н. э. чеканилась и золотая монета как следствие благополучного экономического положения¹. В благодарность за поддержку херсонесцы возвели статуи легату Мёзии Сексту Веттулену Кериалису (74–78 гг. н. э.) и наместнику Нижней Мёзии Сексту Фронтону (89–93 гг. н. э.)². Рим намеренно создавал условия для спокойного развития Херсонеса. Его политика была направлена на сдерживание варваров с целью обеспечения надежности северо-восточных границ империи в предстоящих войнах с даками. Одновременно Римская империя поддерживала и Боспор, поощряя его военную активность против тавро-скифов³. При Домициане во время боспоро-аланского конфликта 92–93 гг. н. э. Херсонес оказал содействие боспорцам и помог предотвратить союз аланов, сарматов и тавро-скифов⁴. Умиротворение варваров и распространение боспорского протектората на Центральный Крым при содействии Рима стабилизировали политическую и экономическую ситуацию в Херсонесе.

Военные походы боспорских царей против тавро-скифов, регулярно проводившиеся во второй половине I — первой четверти II в. н. э., привели к усилению боспорского влияния в Центральном и Горном Крыму. Теперь Рим мог рассчитывать на Боспорское царство, которое имело все возможности срывать агрессивные намерения варваров в отношении Херсонеса и его владений. Планы по включению города в состав провинции Нижняя Мёзия откладывались, поскольку римским властям приходилось постоянно укреплять нижнедунайскую границу. Но они понемногу ограничивали политические свободы херсонесцев: в 104 и 107 гг. н. э. с монет было удалено название их гражданской общины. Во время обострения боспороскифских отношений в 120-х гг. н. э. в Херсонесе и Хараксе на Южном берегу Крыма какое-то время находились отряды римских войск⁵. Однако вскоре они были оттуда выведены. Император Адриан, пристально следивший за положением в Причерноморье, принял решение возродить военно-политический союз — симмахию Боспорского царства и Херсонеса. В 123 г. н. э. при утверждении на престол боспорского царя Котиса II он подчинил ему Херсонес и ряд других городов в Таврике⁶. Теперь обязанность его защищать, как когда-то при Августе и Тиберии, вновь возлагалась на Боспор, а права автономии сокращались. Это отразилось на монетном деле — резко упал объем чеканки, с монет исчезла легенда «мир Августа»⁷.

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 157; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 150–152.

² IosPE P. 421, 422.

³ КБН. 32, 33, 981.

⁴ Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. *Laudatio funebris* из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.

⁵ IosPE P. 674; НЭПХ. Т. II. № 190.

⁶ Phleg. Trall. XV. 22.

⁷ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 152.

Во II в. н. э. расширилась торговля Херсонеса с причерноморскими городами и Римской империей. Херсонесские власти активно предоставляли права гражданства выходцам из западнопонтийских и особенно из южнопонтийских полисов — Гераклеи, Синопы, Амастрии. Силами Мёзийского Флавиева и Понтийского римских флотов было покончено с пиратами у побережья Таврики и в восточном секторе Понта Эвксинского. Это открывало большие возможности для взаимной торговли между различными областями Причерноморья. Торговые и военные суда легко и быстро проходили по кратчайшему маршруту от берегов Пафлагонии и Понта к Таврике и далее, к Северо-Западному Крыму и Ольвии, либо на восток, вдоль крымского берега к Боспору. Херсонес таким образом оказался на важном перекрестке морских коммуникаций¹. Поэтому город активно предоставлял проксении торговцам, кондотьерам, судовладельцам, морякам и прочему люду, который вносил свой вклад в развитие отношений Херсонеса с греческими городами и римскими провинциями. Эти лица принимали у себя херсонесцев — богатых торговцев и послов к римским наместникам и самим кесарям, а граждане Херсонеса, в свою очередь, оказывали помощь во время их пребывания в Крыму и соседних регионах.

Среди херсонесских проксенов первое место занимали граждане Амастрии — крупного морского центра и столицы южнопонтийского союза. Проксены херсонесцев из Южного и Западного Понта, торговцы и богатые судовладельцы и их компаньоны-херсонесцы, наживавшие состояния на посреднической торговле зерном и вином, опасались разрыва наработанных связей и сокращения доходов от перехода под протекторат Боспорского царства. Ведь тогда основная доля римской помощи поступала бы не в Херсонес, а на Боспор. Поэтому херсонесцы предприняли ряд шагов для отмены этого решения или хотя бы смягчения его последствий для их «отеческой свободы». После смерти Котиса II в 132 г. н. э. они отправили на Боспор знатного гражданина Аристона, сына Аттины. Он дважды ездил послом к новому царю Реметалку, чтобы договориться о подтверждении союза с Боспором и благоприятных условиях членства в нем Херсонеса. Царь был занят борьбой за престол, поэтому не сразу дал обещание херсонесцам, но в чем-то, видимо, пошел им навстречу. Вопрос был вынесен на решение императора, поэтому Аристон шесть лет находился в Риме с прошением о свободе города. К сожалению, ему удалось добиться лишь некоторого расширения прав города в экономической области. Отголоском этих усилий является выпуск в 134 г. н. э. в Херсонесе золотого статера без названия города².

Аристон так и не вернулся на родину — он умер в столице империи, не дождавшись вердикта императора³. На помощь, как не раз уже бывало, пришла Гераклея Понтийская, отправившая посольство к императору Антонину Пию с ходатайством о свободе своей бывшей колонии. Ее хлопоты увенчались успехом,

¹ О торговле Херсонеса в римскую эпоху см.: *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. Харьков, 1989. С. 3–60.

² *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 152.

³ *IosPE* P. 423.

и в конце 130-х — первой половине 140-х гг. н. э. Херсонес, наконец, получил свободу (так называемая «вторая элевтерия»). В благодарность был принят декрет в честь «отцов-гераклеотов» и их послов ко двору императора¹ и начат чекан монет с легендой «свобода херсонесцев», которые город выпускал до конца III в. н. э. Свобода подразумевала не полную автономию, а расширение прав в рамках союза с Римской империей. Херсонес сохранил статус свободного и союзного города, собственные органы власти и управления, но его зависимость от римлян возросла².

Около середины II в. н. э. в результате поражения Боспора от тавро-скифов его позиции в Крыму ослабли. Этим воспользовались сарматы, которые в 140-х — первой половине 150-х гг. н. э. вторглись в северопричерноморские степи и стали активно проникать в Таврику. Позднескифское царство в Крыму усиливалось, и вместе с сарматами тавро-скифы решили выступить против Ольвии. Положение в Северном Причерноморье серьезно ухудшилось, боспорские цари не имели возможности оказать помощь Херсонесу. Ситуация приближалась к критической: наемники, защищавшие город, не получали жалованья, варварские войска подошли к Херсонесу, где произошел государственный переворот. Как следует из декрета середины II в. н. э., один из граждан (или иностранец) выплатил жалованье, организовал отпор варварам и восстановил демократию, свергнув проримских олигархов³. Под угрозу были поставлены интересы римлян. В этих чрезвычайных условиях Антонин Пий принял решение ввести римские войска из состава мезийской армии в Ольвию, Херсонес и его округу, а также в Харакс, на южное побережье Таврики. Это заставило тавро-скифов и сарматов отступить. Римляне взяли под свой контроль территорию от Днестра до Таврики.

Римский гарнизон находился в Херсонесе, Балаклаве и Хараксе до середины III в. н. э. Местом его пребывания в Херсонесе стала цитадель в юго-восточном районе. Там располагались казармы, термы, преториум, скола принципалов (здание для младших офицеров гарнизона). Первоначально в город были введены вексилляции V Македонского легиона, которые размещались и на крупных сельских усадьбах ближней хоры. В 161–166 гг. н. э. их вывели из Херсонеса, и на их место прибыли солдаты I Итальянского легиона⁴, а чуть позднее — в третьей и последней четверти столетия — отряды XI Клавдиева легиона⁵.

Римские гарнизоны в Таврике подчинялись препозиту — командующему всеми воинскими соединениями в Скифии и Таврике. Его заместителем был центурион — командир херсонесской вексилляции. Поначалу общее руководство римскими войсками в Крыму осуществлял военный трибун I Итальянского легиона, резиденция которого находилась в Херсонесе. Ему подчинялись центурионы этого соединения — командиры отрядов в Херсонесе, Балаклаве и Хараксе. Некоторые

¹ IosPE I². 362.

² Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 67.

³ Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 128.

⁴ IosPE I². 547, 548.

⁵ Там же. 550–552.

военные трибуны известны нам поименно: это Тиберий Плавтий Феликс Феррун-тиан, Флавий Сергиан Сосибий, Антоний Валент, Атилиус Приммиан, Аррий Алкивиад. Ближе к концу II в. н. э., когда в Херсонесе разместились солдаты XI Клавдиева легиона, общее командование перешло к центуриону этого подразделения. Вместе с ним в Херсонес были введены военные из когорт вспомогательных войск I Бракаров¹, I Киликийской², II Луцензиевой³, I Сугамбурской, а также I алы Атекторигианы. Все они находились в его оперативном подчинении. В Балаклаве гарнизоном также командовал центурион XI Клавдиева легиона. Вместе с римскими военнослужащими проживали члены их семей, врачи, рабы, ремесленники. Римские ветераны нередко оставались жить в Херсонесе. В гаванях Херсонеса и Балаклавы (гавань Символов) стояли корабли Мезийского Флавиева флота, который охранял юго-западное побережье Крыма и морские коммуникации, связывавшие Тавриду с Нижней Мёзией. Это были либуны — скоростные парусно-гребные корабли. Один из них носил название «Стрела». Отряд кораблей подчинялся триерарху (командиру эскадры) и военному трибуну⁴.

Взаимоотношения херсонесских властей и римского гарнизона регулировались специальным рескриптом императора, согласно которому расходы на содержание римских солдат возлагались на херсонесскую общину. На это уходила часть сборов так называемой «проституционной подати», которая раньше поступала в городскую казну. Римские военные власти нарушали установленный принцип, сами собирали подать в большем объеме, чем было установлено законом. Поэтому херсонесцы пожаловались наместнику провинции Нижняя Мёзия, который решил вопрос в интересах Херсонеса⁵. В 174 г. н. э. по распоряжению императора Марка Аврелия в Херсонес прибыл прокуратор Нижней Мёзии Тит Аврелий Кальпурниан Аполлонид с супругой. Как римский чиновник, ведавший финансами, он привез значительные денежные средства, которые предназначались для содержания римского гарнизона, но главным образом для даров и подкупа тавро-скифов и сарматов. Римляне хотели добиться их нейтралитета в период трудной войны в Подунавье с маркоманнами и квадами. Херсонес поставил в его честь декрет, в котором он был назван «спасителем», «вождем мира», так как щедрая помощь деньгами обеспечивала надежную защиту от варварских набегов⁶.

¹ IosPE P. 553.

² Там же. 554; НЭПХ. Т. II. № 39.

³ IosPE P. 555.

⁴ О пребывании римских войск в Херсонесе и окрестностях см.: *Сарновский Т., Савеля О. Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 252–275; *Зубарь В. М.* Херсонес и римское военное присутствие в Таврике второй половины II — третьей четверти III в. н. э. // *Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.* С. 73–183.

⁵ IosPE P. 404, 705; *Макаров И. А.* Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического (к интерпретации IosPE P. 404) // ВДИ. 2003. № 4. С. 123–136.

⁶ *Антонова И. А., Яйленко В. П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4. С. 71 и след.

В послании императора Коммода херсонесцам также говорится о каких-то средствах, выделяемых херсонесской общине¹. Это могли быть расходы на содержание гарнизона и подкупа верхушки соседних племен. С этого времени денежная помощь римлян стала активно распространяться на тавро-скифов и сарматов. Римские власти решили использовать их как союзников и поручали им выполнять военные и стратегические задачи по охране территории на подступах к Херсонесу и римским укреплениям в Крыму.

Римские соединения взяли под контроль вход в современную бухту Севастополя, все сухопутные дороги и ближнюю хору Херсонеса. На высотах Казацкая, Суздальская, в районе Сапун-горы и других местах находились сигнальные башни и военно-сторожевые посты — президии и *stationes* под командованием бенефициариев, младших доверенных офицеров штабов и наместников провинции. При приближении противника они подавали визуальные сигналы об опасности. Римские гарнизоны располагались на городищах Альма-Кермен и Усть-Альминском в Юго-Западном Крыму и на Сакской пересыпи в Северо-Западной Таврике. Они защищали подступы к Херсонесу со стороны предгорий и степной зоны. Наиболее крупным укреплением был Харакс на мысе Ай-Тодор, в 7 км западнее Ялты. Римские военнoслужашщие из состава I Итальянского легиона прибыли туда еще в 120-х гг. н. э. Они должны были охранять побережье для безопасного прохождения кораблей. В 166 г. н. э. укрепление и гарнизон были расширены, в нем разместились отряды XI Клавдиева легиона и конница из I Фракийской Сирийской когорты всадников. Командование гарнизоном, как уже писалось, было возложено на центуриона XI Клавдиева легиона².

Таким образом, к концу II в. н. э. римляне контролировали всю территорию Херсонеса и прилегающие районы от Сакской пересыпи до мыса Ай-Тодор. Их укрепления, гарнизоны, посты и дороги в Юго-Западной Таврике не являлись лимесом, так как располагались за пределами границ Римской империи. На них возлагалась задача оборонять Херсонес — свободный и союзный город, важный опорный пункт влияния Римской империи в Таврике. Римские власти понимали — тот, кто владеет Юго-Западным Крымом, будет держать в руках морские коммуникации между Боспором, Южным Понтом и придунайскими провинциями империи. Обладание Таврикой, пусть даже одним стратегически важным районом на западе и юго-западе полуострова, обеспечивает также надежную защиту Ольвии, Тиры и других населенных пунктов на подступах к Мёзии и балканским провинциям.

Римской империи было не под силу в одиночку распространить контроль на степные районы Крыма и междуречье Дона и Днепра. Для безопасности друзей и союзников следовало создать нечто, подобное буферной зоне, между степными кочевниками — сарматами, аланами и ненадежными тавро-скифами. К этому

¹ НЭПХ. Т. I. № 14.

² Зубарь В. М., Сарновский Т. Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н. э. // ВДИ. 1997. № 4. С. 54 и след.

времени Боспорское царство уже оправилось от предшествовавших поражений. В 193 г. н. э. боспорский царь Савромат II заключил с римлянами договор о разделе зон влияния в Таврике¹. Боспорское царство брало на себя контроль над тавроскифами в центральных районах Крыма и на южном побережье — от горы Аю-Даг (Медвежья) до Феодосии. Со своей стороны, Римская империя осуществляла защиту окрестностей Херсонеса и участок побережья до Харакса.

В начале III в. н. э. в степях Северного Причерноморья начались новые подвижки племен в связи с продвижениями алан на запад. Во второй четверти столетия обострилась обстановка на дунайской границе, поэтому около 234 г. н. э. римляне были вынуждены вывести войска из Крыма.

Глава 6

Варварский Крым в эпоху античности. VII в. до н. э. — середина III в. н. э.

С. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев

§ 1. Киммерийцы, тавры и ранние скифы

КИММЕРИЙЦЫ

В конце бронзового — начале раннего железного века (X–VIII вв. до н. э.) в Степном Причерноморье, в том числе и в Крыму, возникла новая археологическая культура — киммерийская, названная по известному древним греческим писателям названию или самоназванию обитавших здесь кочевых племен. В научной литературе киммерийское время получило название предскифского.

Киммерийцы — древнейшее в Северном Причерноморье имя исторического народа. Однако существует и другая точка зрения, из которой следует, что слово «киммерийцы» переводится как «передовой отряд» в походном порядке кочевников, впрочем, одно не исключает другого. Археологические материалы свидетельствуют о том, что культура киммерийцев сложилась отчасти на основе местных культур эпохи поздней бронзы, отчасти — новаций, появившихся у кочевников Степной Евразии¹. Киммерийцы были европеоидами, относившимися по наречию к северной группе иранских языков Евразийской степи.

КИММЕРИЙЦЫ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ. Свидетельства древних ближневосточных источников преимущественно о военной деятельности киммерийцев в Закавказье и Малой Азии можно отнести к последним десятилетиям VIII в. до н. э. и даже к 70–40-м гг. VII в. до н. э., когда киммерийцы покинули Северное Причерноморье и ушли на Передний Восток. Однако это отдельный раздел истории.

¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976; Дубовская О. Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк, 1997. Вып. 6. С. 181–218; Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев; Полтава, 1999; Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М.; Берлин, 2001; Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005; Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.

В античном мире этот народ впервые стал известен из сочинений древнегреческих авторов Гомера, Эсхила, Геродота, Страбона. Еще в «Одиссее» называется место обитания киммерийцев — они жили у пределов глубокого океана: «Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами, и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами... непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными»¹. Современник Геродота трагик Эсхил знал о существовании Киммерийского перешейка, располагавшегося у самых узких «врат озера»². В древности ими называли Керченский пролив — Боспор Киммерийский, а озером — Меотиду, т. е. Азовское море.

Сам Геродот, по-видимому, посетил Северо-Западное Причерноморье в начале второй половины V в. до н. э., возможно, он побывал и в Северном Приазовье, был ли он в Крыму — неизвестно. Посетив греческий город Ольвию, он немало узнал об этнографии и истории обитателей земель, прилегавших к Понту Эвксинскому. По его сведениям, киммерийцы господствовали в степях Северного Причерноморья до прихода скифов, а затем были вынуждены покинуть эти края³.

Одним из оплотов киммерийцев был Крымский полуостров. С его восточной частью связаны упомянутые Геродотом топонимы, такие как область Боспор Киммерийский, киммерийские переправы, гора Киммерий, греческий город Киммерик, а также некие «киммерийские стены» — легендарные укрепления, которые, по мнению греков, были сооружены киммерийцами⁴.

Отношение аборигенного населения, в котором историки видят остатки киммерийцев, к пришельцам-скифам было враждебным. В «Истории» Геродота⁵ сохранился рассказ о войне между скифами и некими детьми скифских рабов. Для обороны от скифов, вернувшихся из походов в Малую Азию, эти «потомки» вырыли ров, простиравшийся от Таврических гор до самой широкой части Меотийского озера, т. е. проходивший близ современной Феодосии⁶, вероятнее всего, по Акмонайскому перешейку. Видимо, этим легендарным конфликтом, имевшим место не позднее первой четверти VI в. до н. э., и завершилась история киммерийцев на Крымском полуострове.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. Характерной чертой киммерийской культуры было кочевое скотоводство. Появление всадничества привело к распространению конской узды и клинкового оружия. В это время стали широко использоваться металлические и костяные детали узды и украшения. В качестве основного мотива декора использовался геометрический орнамент, впрочем, господствовав-

¹ Гомер. Одиссея (Od.). XI. 12–19.

² Эсхил. Прометей прикованный (Aesch. Prom.). 729–761.

³ Herod. I. 15; IV. 11.

⁴ Там же. IV. 12.

⁵ Там же. IV. 3.

⁶ Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения... С. 8–36, 196–203; Гаврилов А. В. Акмонайский ров // ДБ. 2016. Т. 20. С. 122–142.

ший в это же время в Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Ярким примером таких украшений служат бляхи из киммерийского погребения в кургане у с. Зольное вблизи Симферополя.

Судя по антропоморфным изображениям на каменных изваяниях предскифского времени, воины носили одежду, перехваченную поясом, к которому крепилось оружие. Верхней одеждой мужчин были кафтаны, штаны, на ногах — кожаные сапожки. Надежных сведений о женском костюме нет. Одежду, парадную или специальную погребальную, иногда украшали бронзовые и изредка золотые пластины и бляшки. Среди украшений упомянем также бронзовые подвески в виде рогов барана, бронзовые, реже золотые браслеты, спиралевидные пронизи. На концах тонких ремней находились ворварки — маленькие металлические конусы, которые закрывали узелки на ремнях.

Основным оружием конников был небольшой «скифский» лук со сложным изгибом. Его носили вместе со стрелами в футляре-горите. Наконечники стрел чаще всего делались из бронзы и были двухлопастными. Реже использовали наконечники из кости и железа. Клинковое оружие было железным, обоюдоострым, иногда рукояти коротких мечей и кинжалов изготавливали из бронзы и надевали на специальный железный стержень клинка. Столь же необходимым атрибутом был железный нож. К поясу был подвешен каменный оселок, который использовали для заточки и правки оружия. Копья в захоронениях киммерийских воинов встречаются редко, еще реже, чем мечи или кинжалы. Вместе с тем в это время еще продолжали использовать каменное оружие, например молоты.

Посуда, часто помещавшаяся киммерийцами в могилы, была лепной. Это — горшки, корчаги, кубки, миски. Изредка обнаруживаются остатки деревянных сосудов, в основном чаш и блюд, некоторые из которых украшены по краю бронзовыми пластинами.

Разбросанные по степным и предгорным пространствам полуострова курганы с могилами киммерийцев сравнительно немногочисленны. Над некоторыми из них возвышались каменные изваяния — стелы с изображением оружия, костюма и украшений, но лишенные лиц. В Крыму известно несколько таких надгробий. Одно было обнаружено при раскопках кургана у с. Целинное Джанкойского района¹. Это небольшой, овальный в сечении каменный столб, нижняя часть которого вкапывалась в грунт. На 30 см выше основания выгравирован боевой пояс, к которому подвешены оселок и миниатюрный топор, а также лук в горите и кинжал. Еще выше, на утраченной части изваяния, скорее всего, были изображены диадема, ожерелье и височные подвески. К этой же группе стел относится декорированный врезными рисунками обломок верхней конической части киммерийской стелы с изображениями животных, вписанными в круг, он найден в кургане у с. Штормовое Сакского района.

¹ *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. С. 61, 71.

Еще одна стела обнаружена в предгорье, у с. Донское¹. На ней просматриваются глаза и уши, переданные кругами и овалами, широкий пояс, застегивающийся впереди. Тонкая вертикальная, а затем переходящая на левую сторону и опускающаяся вниз линия может передавать деталь одежды или часть щита.

Киммерийские захоронения делятся исследователями на две хронологические группы — черногоровскую и новочеркасскую, отличающиеся друг от друга положением тела умершего. Для черногоровских погребений характерно скорченное на левом боку положение умершего, головой преимущественно на восток. Этот обряд наиболее близок погребальному обряду позднесрубных культур, предшествовавших в Причерноморье киммерийцам. Новочеркасским погребениям присуще вытянутое на спине положение с западной ориентацией. Возможно, эта часть киммерийцев своим происхождением связана со степями Подонья и Предкавказья. Поселенческие структуры киммерийского времени в Степном и Предгорном Крыму, такие как поселения, стойбища, стоянки скотоводов и святилища, пока не обнаружены.

Огромные пространства, освоенные киммерийскими племенами, небольшое количество населения, отсутствие большесемейных и родовых кладбищ — все это свидетельствует, что киммерийцы находились на первой стадии кочевания, когда степные угодья еще не были жестко закреплены за семьями и родами, а маршруты перекочевков были растянуты на многие сотни километров. В VIII в. до н. э. усилившееся иссушение степи могло подтолкнуть киммерийских воинов к военным походам в Закавказье и страны Древнего Востока.

ТАВРЫ

На рубеже бронзового и железного веков, в конце II — начале I тыс. до н. э., в связи с резким изменением климатических условий в Степном Причерноморье часть населения, которая не смогла перейти к кочевому скотоводству, переместилась в горно-предгорные районы Крымского полуострова. В раннем железном веке там сформировалась локальная археологическая культура, получившая название кизил-кобинская от имени горной пещеры Кизил-Коба, или Красная Пещера. В ней выделяют два основных этапа². Первый этап можно датировать X–VIII вв. до н. э., второй этап — концом VIII — началом VII в. до н. э., завершается он в конце V — начале IV в. до н. э. В это время кизил-кобинская культура развивалась, испытывая различные по силе и продолжительности воздействия, исходившие из Степного Причерноморья, с Дуная и Балкан, Кавказа и Предкавказья. В VI–IV вв. до н. э. в результате прямых контактов с колонистами-греками на памятниках этой куль-

¹ Колтухов С. Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова // Херсонесский колокол. С. 243–246.

² Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 113–132; Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996. С. 50–60.

туры появились античная керамика и украшения, поступавшие к горцам из прибрежных городов и поселений.

Нередко исследователи пишут о третьем этапе, охватывавшем IV — первые десятилетия III в. до н. э.¹ Вероятно, в это время на основе скифской и кизил-кобинской культур в Предгорном Крыму начала формироваться смешанная тавро-скифская культура, ставшая базой для позднескифской культуры, в различных вариантах существовавшей на Крымском полуострове на протяжении последующих шести столетий.

Согласно античным письменным источникам, кизил-кобинскую культуру следует соотносить с таврами — древним народом индоариев, в I тыс. до н. э. населявшим горно-предгорную часть Крымского полуострова. Но керамика кизил-кобинской культуры в VI–V вв. до н. э. известна и у варварского населения Восточного и Северо-Западного Крыма, отличавшегося от горцев-тавров. Значит, ареал проявления кизил-кобинской культуры был шире ареала обитания тавров.

ТАВРЫ В ОПИСАНИИ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. Первые и самые полные сведения о таврах оставил Геродот. Более поздние греческие и римские авторы либо пересказывали его, либо незначительно дополняли. Согласно Геродоту, тавры жили близ земель, уже занятых скифами, там, где приморская сторона скифской земли, в которую «отец истории» включал Степное и Лесостепное Причерноморье и Крым, была обращена «в сторону южного ветра»². Границу скифов и тавров на западе маркировал греческий город Керкинитида (современная Евпатория), за ним к югу начиналась земля тавров, населявших «страну гористую и выступающую к Понту»³. Исходя из этого описания, можно уверенно говорить, что в середине V в. до н. э. тавры обитали в основном в крымских горах, а степную часть полуострова занимали скифы. По мнению многих, из топонима Таврика, под которым греческие писатели подразумевали Горный Крым, возник и греческий этноним «тавры», что переводится как «горцы». Впрочем, существует и другое объяснение этого слова: тавры — это быки. Предполагалось, что такой этноним происходит от тотема обитателей Горного Крыма⁴. По мнению современных лингвистов, тавры говорили на древнем индоарийском наречии, лежавшем в основе многих современных языков Евразии.

Геродоту было известно, что в последней четверти VI в. до н. э. тавры отказали скифам в союзе против персов, которые во главе с царем Дарием I вторглись

¹ Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. Недавно появилась новая периодизация кизил-кобинской культуры, в которой в хронологических рамках XI–IV вв. до н. э. выделяются два дотаврских периода и собственно таврский. Однако такое членение представляется некорректным. В этой модели неосторожно смешаны археологическая и этническая периодизации. См.: Кравченко С. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк, 2011. С. 91–108.

² Herod. IV. 99.

³ Там же. 99, 102.

⁴ Соломоник Є. І. Про значення терміна «тавроскіфи» // АП УРСР. 1962. Вип. 11. С. 46–50.

в пределы Скифии, и скифы оставили их отказ без последствий. Следовательно, по меньшей мере до этого времени тавры были независимы от скифов. Предполагается, что и позднее отношения скифов и тавров были преимущественно мирными¹, хотя недавно эту точку зрения пытались подвергнуть критике².

В конце II в. до н. э. тавры участвовали в военной кампании, которую вело Понтийское царство с крымскими скифами, возглавляемыми царями Скилуром и Палаком. Полководец Митридата VI Евпатора Диофант разбил скифов, подчинил себе окрестных тавров и основал город в их земле. Место, где происходили эти события, находилось, видимо, неподалеку от греческого Херсонеса. Иных эпизодов военной истории тавров ни греческие, ни римские писатели не сообщают.

Таврические горцы были людьми, ставшими известными в немалой степени благодаря морским и береговым разбоям. О гаванях и пиратских стоянках на территории южного побережья упоминают античные авторы. По Геродоту, тавры приносили в жертву как «*потерпевших караблекрушение, так и всех эллинов, которых захватят в море*»³. Страбон отмечал, что к востоку от Херсонеса Таврического расположена «*гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападавшие на тех, кто спасался сюда бегством*»⁴. Эта гавань, называвшаяся в древности Симболон Лимен, ныне именуется Балаклавской бухтой.

Основой же хозяйственной деятельности тавров были земледелие в горных долинах и скотоводство. Писатель II в. до н. э. Никандр Колофонский называл их кочевниками, другой автор — вероятно, Скимн Хиосский — писал, что они любят кочевую жизнь в горах. Кочевья в крымских горах — это в первую очередь яйлажное скотоводство. Судя по захоронениям в небольших курганах, раскопанным А. А. Щепинским на вершинах крымских гор, лишенных леса, или яйлах, скотоводство здесь существовало с позднего бронзового века. О земледелии тавров древние писатели не знали, сведения о нем и оседлой жизни были получены лишь в результате археологических раскопок.

О религии тавров известно немного, в основном то, что знал еще Геродот: они приносили кровавые жертвы своей богине, якобы называвшейся Девой⁵. Геродот, вероятно, пересказывая легенду греческих колонистов, отождествил Деву тавров с Ифигенией — дочерью легендарного микенского царя Агамемнона, возглавлявшего войско, осаждавшее Трою, которую он принес в жертву богине Артемиде. В последний момент богиня подменила на алтаре царскую дочь ланью и перенесла девушку в Таврику. Святылище богини Девы стояло где-то на крутом утесе над морем, и исследователи не первое столетие безуспешно ищут его остатки.

¹ Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы... С. 88.

² Скорый С. А., Зимовец П. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной лекции. Киев, 2014; *Они же*. К вопросу о взаимоотношениях скифов и тавров в VII–IV вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 4 (17). С. 30–45.

³ Herod. IV. 102–103, 119.

⁴ Strab. VII. 4. 7.

⁵ Herod. IV. 103.

КИЗИЛ-КОБИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА¹. Впервые каменные гробницы Горного Крыма описал и охарактеризовал как таврские древности швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере в 30-е гг. XIX в. Они напоминали каменные ящики, сложенные из подпрямоугольных, грубо обработанных каменных плит. К концу XIX — началу XX в. археологи, проанализировав достаточное количество материалов, окончательно согласились с тем, что каменные ящики — это гробницы тавров. Результаты работ в 20-х гг. XX в. подытожил Г. А. Бонч-Осмоловский, пришедший к выводу о принадлежности горных поселений и могильников к одной культуре, которую он назвал кизил-кобинской². На вопрос о ее происхождении наиболее убедительный ответ сформулировал археолог П. Н. Шульц, считавший, что ее формирование происходило в условиях смешения местных и пришлых групп населения³. А вот вопрос единства или различия кизил-кобинской культуры и культуры тавров вызывал серьезные противоречия. Лишь в 90-е гг. XX в. В. А. Колотухин убедительно обосновал единство кизил-кобинских и таврских древностей.

ПОСЕЛЕНИЯ. Исследования таврских поселений, известных в глубине Предгорного Крыма и на южном берегу, дают картину вполне мирной земледельческой жизни. Поселения находились на склонах речных долин и на возвышенностях, вблизи источников воды. Укрепления отсутствовали, хотя некоторые поселения находились на возвышенностях, укрепленных самой природой. Внутренняя планировка была достаточно свободной. Вокруг отдельных жилищ располагались хозяйственные помещения и многочисленные ямы, предназначавшиеся для хранения зерна и иных продуктов. Часть поселений была долговременной — здесь в достаточно удобных природных условиях люди задерживались на протяжении жизни нескольких поколений. Другие существовали непродолжительное время. Возможно, как считал В. А. Колотухин, это было связано с переложным характером земледелия: истощив один участок земли, люди расчищали от леса и кустарника новый и переходили на него со всем своим имуществом. Большую роль в хозяйстве тавров играло скотоводство — и придомное, и пастушеское. На поселениях обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. Вспомогательную роль играла охота.

Основным типом построек у тавров были небольшие дома с деревянными конструкциями, очевидно, обмазанными глиной, а самыми многочисленными археологическими находками являются лепные сосуды, лощеные и нелощеные,

¹ *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М., 1981. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1–7); *Щепинский А. А.* Красные пещеры. Симферополь, 1987; *Колотухин В. А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы...

² *Бонч-Осмоловский Г. А.* Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2. С. 74–94.

³ *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 235–272.

как целые, так и фрагментированные. Реже на поселениях встречаются разбитые, а иногда и целые греческие таврские сосуды — амфоры. Иногда в культурном слое поселений попадают орудия труда — каменные топоры-молоты, оселки для заточки металлических изделий, кремневые вкладыши серпов, глиняные пряслица. Нередки каменные зернотерки. Порой находят обломки бронзовых украшений — браслетов, пронизей, подвесок, бронзовые иглы и булавки, железные ножи.

Посуда была лепной, но изготавливалась очень тщательно. В качестве тары использовали большие широкогорлые горшки и корчаги: высокие, лощеные, со сравнительно узким горлом; они предназначались для хранения жидкостей. Кухонная посуда представлена небольшими горшками, мисками и глиняными сковородами. Внутренняя сторона горшка или сковороды покрыта лощением, чтобы пища во время приготовления не пригорала к стенкам и не проникала в их глубину. Столовая посуда представлена лощеными чашами, черпаками, кружками и кубками.

С течением времени кизил-кобинская керамика изменялась незначительно, в основном это касалось ее декора. На раннем этапе большие сосуды украшали налепным валиком на горле, остальная поверхность оставалась гладкой. С VIII–VII вв. до н. э. широко распространился врезной орнамент. Он, как правило, состоял из пояса круглых наколов на горле, ниже располагались геометрические фигуры, в основном треугольники, заполненные частой штриховкой. Такой декор наносили, скорее всего, палочкой. К VI–V вв. до н. э. валики на сосудах исчезли, с VI в. до н. э. изменилась и техника нанесения врезного орнамента: появился гребенчатый штамп, который давал густую штриховку.

МОГИЛЬНИКИ. Большинство из них хорошо заметно благодаря стоящим или выступающим на поверхность гробницам — каменным ящикам. Это сослужило плохую службу археологии, так как почти все они были разграблены еще в древности, последние из них по второму, если не третьему разу разрушают в наши дни. Причиной первых ограблений послужил металл — разнообразные изделия из бронзы, которых в могилах было много, извлекались и шли в переплавку. Известны случаи, когда могильники тавров использовали как каменоломни, а порой их перестраивали для новых захоронений в более позднее время.

Могильники из каменных ящиков были распространены по всей территории Горного и Предгорного Крыма. Однако по мере продвижения скифов в предгорья их северная граница постепенно смещалась к Главной горной гряде. Как правило, таврские некрополи находились на возвышенных местах, иногда на высоких берегах крымских рек. Часто ящики стоят на скальной поверхности, но там, где позволяла почва, они впущены в грунт; известны случаи, когда они размещались в длинных грунтовых грядах — валах. В основном гробницы располагаются кучно, но бессистемно, реже правильными рядами. Общее количество гробниц в известных могильниках колеблется от пяти — семи до 58, в наши дни грабителями открыты и более крупные некрополи.

Ящики были составлены из нескольких вертикально установленных плит известняка, сланца или песчаника, перекрытых сверху одной достаточно крупной пли-

той. Различия между ними заключаются в размерах и качестве обработки камня. Длина гробниц, как правило, не превышает 1,2 м, ширина достигает 0,7 м, глубина — до 0,6 м, редко встречаются крупные ящики длиной до 2 м. Часто они окружены прямоугольными, а иногда и кольцевыми каменными оградами. Нередко все пространство между оградой и гробницей заполнено обломками камня и грунтом и напоминает небольшой курган. При раскопках внутри оград находят следы поминальных тризн — обломки сосудов и отдельные, хорошо сохранившиеся изделия из металла.

Количество людей, похороненных в таких могилах, различно. На раннем этапе это один-два человека, реже до пяти. На поздних появляются крупные гробницы, в которых количество захороненных увеличивается до 18, 23 и даже 68 человек. Положение умерших в гробнице, как правило, скорченное на боку, ориентация разнообразная, но преобладает южная.

Погребальный инвентарь, встреченный в таких гробницах, дает информацию о вооружении, конской узде и украшениях тавров. Оружие представлено большим количеством наконечников стрел, обломками кинжалов, мечей и копий. На раннем этапе оно не отличается от оружия киммерийцев, а на более позднем полностью соответствует оружию скифов. Металлические и костяные детали конской узды также представлены изделиями предскифских и скифских типов. Но в отличие от конников-кочевников тавры в большинстве своем были пешими стрелками, вооруженными луками, копьями и кинжалами. Однако это наблюдение нельзя абсолютизировать. В таврских могилах известны металлические детали конской узды.

Украшения, преимущественно бронзовые, не отличались от тех, которые бытовали у населения Причерноморских степей и Северного Кавказа. Это шейные гривны, браслеты, многочисленные и разнообразные серьги, перстни, подвески, булавки, штампованные бляшки, пронизи и бронзовые цепочки. Начиная с VI в. до н. э. в большом количестве в крымские горы поставлялись греческие стеклянные бусы и раковины каури, добывавшиеся в Аравийском море. С V в. до н. э. к таврам попала, как уже отмечалось, и греческая керамика, изредка даже расписные чернолаковые сосуды, являвшиеся особой ценностью.

Развитие кизил-кобинской культуры можно проследить до конца IV — первых десятилетий III в. до н. э.

Скифы

Скифы — народ, населявший степи Восточной Европы с конца VIII в. до н. э. по первую треть III в. до н. э. Как и их предшественники киммерийцы, скифы были европеоидами, а их язык относился к иранской группе индоевропейских языков.

Скифы были пришлым кочевым народом, продвинувшимся в Причерноморье из Азии¹. По легенде, рассказанной самими скифами, они произошли от родоначальника Таргитая и жили в той земле, в которой их и застал Геродот². В пользу

¹ Herod. IV. 11.

² Там же. 7.

миграционной гипотезы свидетельствует другая часть рассказа Геродота, которая базируется на исторических данных о приходе скифов из Азии, как часто отмечают современные историки, из самых глубин Азии, о которых греки имели крайне фантастические представления¹. Существуют и научные гипотезы, разнообразно сочетающие древние свидетельства и данные археологии. По легенде же, очевидно греческой, скифы произошли от греческого героя Геракла и местного божества — змееной богини².

Скифскую эпоху принято делить на три периода: архаический (конец VIII—VI в. до н. э.), среднескифский, или классический (конец VI—V в. до н. э.), и поздний (IV—первая треть — четверть III в. до н. э.). В архаический период (VII—VI вв. до н. э.) скифские кочевые племена были сосредоточены в основном в Причерноморской лесостепи и Предкавказье, где природные условия были более благоприятными, чем в степях между Доном и Дунаем. В Степном Крыму археологи находят лишь единичные архаические скифские захоронения.

В классический и поздний период, начиная с последних десятилетий VI в. до н. э., число кочевников-степняков увеличилось, и в V—IV вв. до н. э. материковая и крымская степи превратились в основную территорию расселения кочевых и полукочевых скифских племен.

Для материальной культуры скифов Северного Причерноморья и Крыма в указанное время была характерна так называемая «скифская триада»: обладавшее характерными чертами оружие, украшения в зверином стиле и особенное конское снаряжение.

СКИФСКАЯ АРХАИКА В КРЫМУ. На Крымском полуострове наиболее ранние и надежно датированные скифские памятники известны со второй половины — конца VII в. до н. э. О присутствии в Крыму рядовых скифов свидетельствуют и несколько небогатых погребений. Однако среди них есть два интересных памятника со строгой датировкой, полученной на основе греческих сосудов с росписью. Это захоронения в кургане у с. Филатовка на Перекопском перешейке и в кургане на Темир-Горе близ Керчи³. В могиле на Темир-Горе найдены изделия в скифском зверином стиле — одни из самых ранних в степном Причерноморье. В обеих могилах были обнаружены и расписные вазы, изготовленные греческими мастерами из Восточного Средиземноморья. Видимо, эти изображения диких животных были близки по содержанию скифскому звериному стилю и ценились кочевниками. Считается, что греческих поселений в Крыму и на Тамани в VII в. до н. э. еще не существовало, следовательно, эту керамику скифы могли получить от морских

¹ Herod. IV. 13.

² Там же. 8–10.

³ *Вахтина М. Ю.* Еще раз о погребении в кургане Темир-Гора и некоторых вопросах колонизации Киммерийского Боспора // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 31–35; *Корпусова В. Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохойя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 1980. № 2. С. 100–104.

торговцев в факториях на берегу Боспора Киммерийского или в устье Днепробугского лимана. Сам же Степной Крым лежал на маршрутах сезонных кочевий, соединявших две основные территории древнейшей Скифии в Приднепровской Лесостепи и в Предкавказье.

СКИФСКАЯ КЛАССИКА, ИЛИ СРЕДНЕСКИФСКИЙ ПЕРИОД. В конце VI — начале V в. до н. э. начала формироваться Степная Скифия, включавшая и равнинную часть Крымского полуострова. Объединению скифских племен и их закреплению на данной территории могли способствовать и улучшение (увлажнение) климата, и победа над персидским царем Дарием I, вторгшимся в Скифию в последние десятилетия VI в. до н. э. Преследуя остатки персидского войска, победители-скифы раздвинули свои границы на западе и укрепили господство в Северном Причерноморье, в том числе в лесостепи и в Крыму. Они попытались установить своего рода протекторат над приморскими греческими апойкиями — городами и городками колонистов¹. Так или иначе, но последствия греко-скифского противоборства в первой четверти — трети V в. до н. э. археологически прослеживаются в Пантикапее и во многих ранних боспорских городках². Заметны они и на античных памятниках Северо-Западного Крыма.

Итак, с конца VI — первых десятилетий V в. до н. э. у скифов на Крымском полуострове начался новый период. Археологически он заметен по появлению серии курганных погребений воинского типа, нередко называемых «дружинными». Самые яркие захоронения этой группы раскопаны в Золотом кургане под Симферополем³ и в кургане у с. Вишневка⁴ близ Перекопского перешейка. В небольших грунтовых могилах были похоронены вместе с оружием и тяжелым защитным вооружением знатные конники — предводители военных отрядов. Ножны их мечей и гориты были декорированы золотыми накладками. Особенно интересно сложное украшение предположительно горита из симферопольского Золотого кургана в виде железной пантеры, фигурка которой, обтянутая золотым листом, выполнена греческим мастером, но в скифском зверином стиле. Более простыми были бронзовые украшения в виде орлов или головки грифа. От вражеского оружия этих воинов защищал доспех, состоявший из сотен железных пластин, закрепленных на кожаной основе. В курганах, раскопанных в конце XIX в. близ Симферополя, найдено еще несколько захоронений воинов с тяжелым вооружением, но уже

¹ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 90 и след. Однако в последнее время вновь возрождается прежнее мнение, по которому скифского протектората над Ольвией и Керкинитидой не было. См.: *Кутайсов В. А.* Античный полис Керкинитиды. С. 182.

² *Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П.* Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. Из истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. 2014. Т. 18. С. 475 и след.

³ *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. Симферополь, 2016. С. 127–139.

⁴ *Андрух С. И.* Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. № 1. С. 159–170.

не столь богатых. К этому же времени в Степном и Предгорном Крыму относится серия погребений легко вооруженных воинов, наиболее интересное среди которых — погребение воина-жреца в кургане Кулаковского близ Бахчисарая¹. В этой могиле были найдены украшения от конской узды в скифском зверином стиле, но выполненные греческим мастером. Интересно, что захоронений женщин этого времени до сих пор не обнаружено, они появляются в крымских курганах позднее, ближе к рубежу V–IV вв. до н. э.

В Восточном Крыму, главным образом в Приазовье, приблизительно с этого же времени, судя по результатам раскопок могильника Стоячий Камень близ с. Золотое, обитала особая группа варварского населения, в погребальном обряде которой сочетались элементы, характерные как для скифов и тавров, так и для синдо-меотских племен, живших в Предкавказье за Керченским проливом². Ранняя группа захоронений этого могильника представляла собой грубые каменные ящики, почти не заглубленные в землю — вероятно, даже без перекрытий, — с кольцевыми каменными оградками. Они содержали от одного до трех вытянутых на спине погребений с западной ориентацией. Погребальный инвентарь был не особенно богат и включал в себя помимо античной керамики бронзовые зеркала, украшения, наконечники стрел и короткие скифские мечи.

Не менее интересен грунтовый могильник Фронтное I, датируемый концом VI—IV вв. до н. э. и расположенный на Ак-Монайском перешейке³. Судя по антропологическим материалам, он мог принадлежать смешанному греко-варварскому населению, жившему на одном из сельских поселений хоры Феодосии.

Со второй половины — конца V в. до н. э. погребения скифов уже достаточно многочисленны и исследованы практически во всех степных и предгорных районах Крымского полуострова⁴, что весьма показательно. Примечательно, что и в это время в большинстве могил захоронены мужчины-воины.

Одновременно богатые погребения воинов-варваров появляются и в курганных некрополях Пантикапея⁵. Вероятно, правители Боспора оценили сильные стороны варварских конников и привлекали их к службе. В любом случае мы имеем дело с более или менее постоянным пребыванием скифских «дружин» в боспор-

¹ Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма... С. 28–36.

² Масленников А. А. Население боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981. С. 24–27; *Он же*. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). М., 1995. (БС; вып. 8).

³ Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // *Археологія*. 1972. № 6. С. 41–55.

⁴ Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк, 2012. (Археологический альманах; № 27); *Он же*. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь, 2012. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. X); Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991; Яковенко С. В. Скіфи Східного Криму. Київ, 1973.

⁵ Там же. С. 61–69.

ских городах, располагавшихся вблизи сезонных переправ кочевников через пролив, о которых писал Геродот¹.

Если сильный и объединенный Боспор сумел отстоять свою независимость и, по-видимому, надолго наладить отношения со скифами Крыма и Степного Причерноморья, то небольшой город Керкинитида на противоположной части Крымского полуострова вынужден был платить им дань. Об этом прямо говорится в обнаруженном при раскопках письме торговца Апатурия, написанном на керамическом черепке².

Вероятно, в глубине Керченского полуострова находились пастбища одного из скифских кочевий. Так, второй половиной V в. до н. э. датируется богатое, хотя и разграбленное захоронение в кургане у с. Ильичево на Керченском полуострове³. В комке смятых рельефных украшений из тонкого листового золота были найдены накладки на ножны меча в скифском зверином стиле. И вновь украшения были изготовлены греческим мастером. Видимо, высококачественные изделия из драгоценных металлов, выходившие из мастерских греческих торевтов, в V в. вытеснили из аристократического сегмента скифской культуры произведения местных литейщиков.

Труднее охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Горном Крыму. Судя по скифским захоронениям в предгорных курганах, кочевники уже включили в свои владения внешнюю часть предгорья, постепенно вытесняя тавров в глубинную нагорья.

В конце V — первой половине IV в. до н. э. в центральной части Предгорного Крыма, в курганном могильнике Дорт-Оба, были сооружены два скифских кургана с погребениями представителей родовой аристократии. Это курган Пастака⁴ с великолепной рельефной многофигурной накладкой на горит, изготовленной в греческой мастерской, и деревянными чашами, украшенными золотыми аппликациями. Рядом с ним находился меньший курган — Дорт-Оба 3 с захоронением женщины, одежда которой была обшита мелкими золотыми украшениями. Вблизи от них находился третий курган, известный в науке как курган Талаевой, или Талаевский курган, с погребением знатного воина⁵.

СКИФЫ В IV — ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ III В. ДО Н. Э. В IV в. до н. э. жизнь в крымских владениях скифов изменилась. В это время население увеличилось в несколько раз. Ограниченность пространства, пригодного для кочевий, и ряд иных факторов привели к тому, что значительная его часть была вынуждена пе-

¹ Herod. IV. 28.

² Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1984. № 3. С. 114–131.

³ Лесков А. М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. № 1. С. 156–165.

⁴ Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Курган Пастака // История оружия. Історія зброї. Київ, 2014. Вип. 10. С. 75–102; *Они же*. Скифы Предгорного Крыма... С. 46 и след.

⁵ Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифский Талаевский курган 1891 г. // Античный мир и археология. Саратов, 2015. Вып. 17. С. 318–341.

рейти к оседлости и земледелию. На Керченском полуострове¹, а также вдоль побережья Меотиды, на пространстве между Феодосией на юго-востоке и степным течением реки Салгир на севере, появилось множество неукрепленных поселений с хаотичной застройкой небольшими каменными и сырцово-каменными домами, полужемлянками и соседствовавшими с ними зольниками — свалками и хозяйственными ямами². Такие поселки занимали площадь от 1 до 50 га и состояли из отдельных семейных жилищно-хозяйственных комплексов. Находки представлены лепной посудой, отчасти керамикой античного производства, в основном обломками амфорной тары, и даже изредка мелкими боспорскими монетами. О пашенном земледелии свидетельствуют обломки железных наральников, зернотерок и жерновов. В хозяйственных ямах иногда сохраняются остатки зерен пшеницы, ржи, проса и ячменя. Возможно, вблизи селищ существовали огороды и даже небольшие сады, характерные для ближайших соседей скифов — греков. Но следов виноградарства нет. Основой хозяйства оседлых скифов стали земледелие и пастушеское скотоводство.

Близ поселений иногда встречаются курганные и грунтовые могильники³, содержавшие по большей части каменные и грунтовые склепы, предназначавшиеся, скорее всего, для членов одной семьи. Не исключено, что лучшие гробницы из хорошо обработанного камня сооружали специально приглашенные греческие каменотесы и строители.

На некрополе Пантикапея во второй четверти — середине IV в. до н. э.⁴ были сооружены два десятиметровых кургана с погребениями представителей варварской аристократии высшего ранга: курган Патиниоти и курган Куль-Оба⁵. В каменном склепе кургана Куль-Оба под специальным украшенным матерчатым пологом находились захоронения мужчины, лежавшего на деревянном ложе, женщины, помещенной в кипарисовый саркофаг, и, вероятно, вооруженного слуги. В загробный мир умерших сопровождали большое количество оружия, украшенного выдающимися произведениями греческой торевтики, дорогие украшения, металлические сосуды. Почти так же выглядела гробница и в кургане Патиниоти. О варварской принадлежности этих погребений свидетельствуют пышность обряда, жертвоприношения и бронзовые котлы, встречающиеся лишь в могилах кочевников.

¹ Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены...

² Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 51–87; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. С. 53–100; Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены... С. 76 и след.

³ Кортусова В. Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное // Археологические исследования в Украине. Киев, 1967. Вып. 1. С. 38–41; Гаврилов А. В., Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Курганы эпохи бронзы и скифский могильник V–III вв. до н. э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X. С. 93–110.

⁴ Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. Киев, 2014. С. 263, 438.

⁵ Яковенко С. В. Скифи Східного Криму. С. 61–65.

Несколько позже скифская аристократия сконцентрировалась у границ Европейского Боспора. Ко второй половине IV в. до н. э. относится крупнейший крымский могильник знати, расположенный на возвышенностях Ак-Кая и Беш-Оба у города Белогорска, на западной границе земель, занятых сельскохозяйственными поселениями¹. В центре одного из десятиметровых курганов была раскопана большая катакомба со стенами, декорированными разноцветными тканями. К сожалению, сама гробница оказалась полностью разграбленной в древности. Уцелели только керамические сосуды середины — третьей четверти IV в. до н. э.

Во втором десятиметровом кургане, разграбленном и в древности, и в наши дни, в каменном склепе редкой конструкции сохранились части деревянного саркофага и бронзовый наконечник скифской стрелы.

Курганы такой высоты можно рассматривать как свидетельство того, что на Таврическом полуострове к середине IV в. до н. э. появилась собственная династия, считавшая себя лишь на один ранг ниже общескифских «царей». Геродот, описывая обязанности скифских правителей областей, или номархов, отмечал, что каждому из них принадлежал большой сосуд для вина. В соответствии с ежегодным ритуалом номарх разливал вино из этого сосуда только в чаши тех скифов, которые умертвили врагов. В одном из десятиметровых курганов Беш-Обы обнаружена могила с большим греческим чернолаковым сосудом-кратером, стоявшим на столике, сделанном из деревянного щита. Скорее всего, в скифской «табели о рангах» чело-век, похороненный под этим курганом, действительно обладал статусом номарха. Чуть западнее этого могильника, у подножия горного массива, на скалистом плато над рекой Карасу, находилось большое укрепленное поселение — городище Вишенное, его исследователь Ю. П. Зайцев предложил ему название «крепость Ак-Кая»². Первые крепостные стены были возведены здесь в конце IV или первых десятилетиях III в. до н. э. Вероятно, в этом сакральном месте в критические для скифов времена возникла первая укрепленная ставка правителей Крымской Скифии.

Аристократические могилы скифов были обнаружены и в Северо-Западном Крыму. Например, в кургане Чайя близ Евпатории открыто захоронение знатного скифа — представителя родовой аристократии, сопровождавшееся драгоценными украшениями³. Вероятно, в этой части Крыма с появлением колони-

¹ Колтухов С. Г., Мыц В. Л. О топографии и хронологии Ак-Кайского курганно-некрополя // КНП. 1998. № 5. С. 99–108; Колтухов С. Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // ДБ. 2006. Т. 9. С. 228–259; Мозолевський Б. М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скифії // Археологія. 1990. № 1. С. 122–138.

² Зайцев Ю. П. Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в Центральном Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону, 2015. С. 98–100; Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб., 2015. (Археологические атласы Северного Причерноморья; Материалы к археологической карте Крыма; вып. XV). С. 201–209.

³ Щеглов А. Н., Кац В. И., Смекалова Т. Н., Беван Б. Курганы скифской знати в западном Крыму. Симферополь, 2013. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XI); Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Чудин А. В. Курганные могильники Чайя

стов-херсонеситов начал переходить к оседлости один из скифских родов. Так, во второй половине — конце IV в. до н. э. здесь появились варварские земледельческие поселения, расположенные на границе приморской греческой хоры и даже внутри территории, занятой греками. Видимо, часть осевших скифов выполняла роль работников на земельных наделах херсонеситов, а часть вела собственное комплексное хозяйство. Для погребального обряда местного варварского населения стали характерны каменные гробницы, служившие семейными усыпальницами¹.

В курганах Степного Присивашья, территории непосредственно связанной с материковой Скифией, в IV в. до н. э. были распространены другие типы захоронений. Здесь широко использовались могилы в виде катакомб — небольших искусственных пещер, предназначенных для захоронения одного-двух человек, широко распространенные и у скифов Степного Причерноморья. Население этой части Крыма было явно состоятельнее рядовых скифов Восточного Предгорного и Северо-Западного Крыма и продолжало придерживаться традиций, характерных для степных кочевников². Поэтому здесь археологи не находили скифских селищ, но нередко встречали следы кратковременных стоянок скотоводов. Захоронения кочевников и полукочевников в этой части Крыма в целом богаче, чем рядовые погребения на других крымских территориях, а положение представителей этого рода или нескольких кочевых родов в скифской иерархии было выше. Здесь напрашивается аналогия с царскими скифами Геродота, считавшими остальных скифов своими рабами. Конечно, с тех времен прошло больше сотни лет, история скифов сменила несколько периодов, и неизвестно, сохранили ли царские скифы свой статус. Скорее всего, перед исследователями открываются признаки существования у скифов-кочевников воинского сословия, неоднократно упоминавшегося древними авторами при описании скифских племен³.

Об особенностях взаимоотношений скифов с греческим населением Крымского полуострова в IV в. до н. э. можно судить по некоторым свидетельствам из истории Боспорского государства. Для нас в данной связи важно то обстоятельство, что скифы Крыма в отличие от некоторых меотских племен Нижнего Прикубанья и Северо-Западного Кавказа не были подчинены боспорским правителям и не входили в их «державу».

КАТАСТРОФА. О бедствии, постигшем и скифов, и греков в конце первой трети III в. до н. э., можно судить по материалам сельских поселений феодосийской округи и остального Восточного Крыма, а также херсонесских владений на северо-западе полуострова. Жизнь на них внезапно прекратилась, а на некоторых выяв-

---

и Апан-Сарча в Северо-Западном Крыму // История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2014. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XIV). С. 231–265.

¹ Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма...

² Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья...

³ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

лены следы пожаров и останки погибших людей. Картина всеобщей и почти внезапной катастрофы этого времени характерна, впрочем, для всего Северо-Причерноморского региона. О причинах и последствиях ее среди исследователей нет единого мнения. Все сходится, пожалуй, лишь в том, что это был системный и весьма масштабный кризис. Видимо, появившиеся с востока сарматские племена в ходе одного или нескольких походов полностью покончили со скифским господством в Северном Причерноморье, не пощадив и греческих владений. Уцелели, хотя и пострадали, лишь греческие города, защищенные достаточно мощными укреплениями. Считается, что этими событиями завершился, собственно, скифский этап в истории Степного Причерноморья и Крыма.

Однако «остатки» Великой Скифии сохранились в Крыму, прежде всего в предгорьях, и, претерпев в III в. до н. э. разного рода изменения, стали основой позднескифской культуры. Не исчезли как народ и скифы Степного Причерноморья. Этот этноним применительно к варварам Нижнего Поднепровья и Днестро-Дунайского междуречья еще несколько столетий употреблялся античными авторами.

§ 2. Крымская Скифия в III в. до н. э. — середине III в. н. э.

Поздними скифами в отечественной и зарубежной литературе принято называть варварское (негреческое) население Крыма эллинистического и римского времени, обитавшее в равнинно-степной части Крыма, отчасти в горах и предгорьях, а также на западном побережье полуострова. Современные исследования показывают, что в этническом отношении оно было весьма неоднородно и в различные периоды сочетало скифские, таврские, эллинские, кельто-фракийские и сарматские компоненты.

Письменные свидетельства о варварах Крыма III в. до н. э. — III в. н. э. (т. е. до так называемых готских походов) весьма немногочисленны и подчас противоречивы. Основные источники: несколько сюжетов из сочинений Страбона¹, полуполюгендарные сообщения Плутарха о царе Скилура и его сыновьях, знаменитый херсонесский декрет в честь Диофанта², несколько надписей из Неаполя Скифского и Пантикапея, упоминающих в различных контекстах царей Аргота и Скилура, а также деяния боспорских царей и тавро-скифов, — вот, пожалуй, и все.

Гораздо обширнее и разнообразнее данные археологии. К настоящему времени в Крыму известны более 60 позднескифских городищ и сопровождающих их грунтовых некрополей, а также сотни подкурганых каменных склепов с коллективными захоронениями. Исследования их начались еще в XIX в., но наиболее важные результаты были получены во второй половине прошлого столетия.

¹ Strab. VII. 4. 7.

² IosPE I². 352.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (III–I вв. до н. э.). Традиционная точка зрения¹ предусматривает несомненную генетическую связь позднескифской культуры и культуры степных скифов VII–IV вв. до н. э. Существование Скифии в Крыму в III–II вв. до н. э. — III в. н. э. представляется, таким образом, завершающим этапом «тысячелетней истории скифов Северного Причерноморья»².

Согласно другой версии образование позднескифского царства надо объяснить в первую очередь резкими и внезапными изменениями демографической и политической ситуации в Северном Причерноморье в целом, а не поступательным внутренним развитием скифского общества. При этом данное событие было датировано сначала первой половиной III в. до н. э., а затем третьей четвертью — серединой II в. до н. э.³

С этой концепцией во многом перекликалось представление о том, что никакой преемственности между скифами VII–IV вв. до н. э. и самыми ранними позднескифскими памятниками нет. Предполагалось, что между ними существует временной разрыв как минимум в столетие, а материальная культура поздних скифов не имеет ярко выраженных черт классической скифской культуры⁴.

Долгое время наиболее ранние позднескифские городища и захоронения датировались не ранее конца III в. до н. э., что вроде бы подтверждало только что упомянутый тезис о независимом происхождении позднескифской культуры. Но изыскания и раскопки последнего десятилетия позволили заполнить эту лауну. Ключевым объектом для понимания наиболее раннего этапа позднескифской культуры стало большое (до 10 га) городище Ак-Кая (Вишенное) в Центральном Крыму (севернее города Белогорска). Время возникновения этой крепости может быть отнесено к самому концу IV в. до н. э., когда были построены основная оборонительная стена, передовая стена (протейхизма) и одна башня на северном фланге. Около 70-х гг. III в. до н. э. на городище имела место первая сопровождавшаяся пожаром катастрофа. После нее на памятнике выделяется «горизонт» глиняно-камышовых построек, которые дважды гибли в пожарах в середине III в. до н. э. В это же время произошли двукратное утолщение оборонительной стены и возведение нескольких новых башен.

¹ Граков Б. Н. Скифы. Київ, 1947; Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78; Висотська Т. М. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскифської держави // Археологія. 1992. № 2. С. 139–143; Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. С. 50.

² Ольховский В. С., Храпунов И. Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990. С. 64–67.

³ Щеглов А. Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 32, 150.

⁴ Зайцев Ю. П., Пуздровский А. Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232; Зайцев Ю. П. Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–148; Пуздровский А. Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.) // ХСБ. 1999. Вып. X. С. 100–101; Он же. Крымская Скифия во II в. до н. э. — III в. н. э. (погребальные памятники). Симферополь, 2007. С. 198.

Территориально и хронологически с ранним периодом существования крепости Ак-Кая/Вишенное можно связать многочисленные коллективные захоронения в каменных подкурганых гробницах, которые являются традиционными для крымских варваров начиная с IV в. до н. э.¹

Значительная площадь, развитая, явно построенная под античным влиянием, если не при прямом участии соответствующих специалистов, фортификация и выразительный археологический материал позволяют предполагать, что в III — начале II в. до н. э. городище Ак-Кая/Вишенное являлось ключевым объектом — вероятно, столичной варварской крепостью — как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья.

Полное совпадение хронологии упомянутых пожаров с более западными (хора Херсонеса) и более восточными (хора Европейского Боспора) территориями предоставляет большие возможности для определения роли этого памятника в тогдашних политических событиях. Так, вполне допустимо участие крепости Ак-Кая в междоусобной войне сыновей боспорского царя Перисада I. Например, в качестве ставки скифского царя Агара, куда бежал Перисад, сын Сатира, или же, что менее вероятно, данный памятник являлся упомянутой у Диодора Сицилийского крепостью Фат. Однако эти версии требуют новых археологических доказательств².

Так или иначе, но явно неварварская фортификация городища (ломаный контур оборонительных линий, устройство протейхизмы, характер кладок, наличие правильных башен и т. п.) указывает на некий античный центр, заинтересованный в формировании ядра варварской силы в глубине полуострова. Согласно другой точке зрения этот памятник какое-то время вообще играл роль боспорского форпоста в Степном и Предгорном Крыму³. Самоназвания этого городища мы пока не знаем.

Следующий период истории Крымской Скифии (II в. до н. э.) с полным основанием можно назвать «золотым веком». Начало его было ознаменовано возникновением новой крупной крепости — Неаполя Скифского.

История этого известного памятника начинается с первой четверти II в. до н. э. (вероятно, 180-е гг. до н. э.), когда близ современного Симферополя возникло несколько «усадеб» с мощными каменными оградами. Место их расположения (на треугольном плато площадью около 14 га, между обрывами скал и глубокой балкой) было отгорожено низким валом с двусторонней каменной облицовкой, к которому с напольной стороны примыкало несколько зольников. В этот начальный

¹ *Кронотов В. В.* Курган с «коллективным погребением» IV в. до н. э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава, 2009. С. 217; *Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И.* Курган с коллективными погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. (Археологический альманах; № 22). С. 176; *Колтухов С. Г.* Скифы Крымского Присивашья... С. 106.

² *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III—I вв. до н. э. // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 501.

³ *Масленников А. А.* Темные века боспорской истории // Там же. С. 9

период в материальной культуре населения городища, вероятно, носившего, согласно Страбону, название Неаполь, также отчетливо прослеживается греческое влияние, выразившееся, помимо прочего, в иконографии терракотовых статуэток женских божеств (Кибела, Деметра, Афродита) и наборе специфических литейных форм из ручек родосских амфор. Однако фортификации это влияние не коснулось. С другой стороны, также заметны культурные контакты с варварским населением Нижнего Приднестровья (форма для изготовления характерного конского налобника, некоторые типы лепных курильниц)¹.

В активную фазу своего существования Неаполь Скифский вступил в 150–140-е гг. до н. э., когда произошли коренная реконструкция оборонительных сооружений и превращение их в сложную фортификационную систему с воротами, башнями и протейхизмой. Тогда же напротив центральных ворот поэтапно начал складываться комплекс Южного дворца, который выполнял функции царской резиденции и святилища царского культа². Первый в истории Неаполя пожар, вероятно, связанный с военным захватом крепости, произошел в 130–129 гг. до н. э.³

Знаковым событием в истории Неаполя в начале 120-х гг. до н. э. стало оружие перед фасадом Южного дворца мавзолея-героона «могущественного» царя Аргота. Это была антовая постройка в дорическом стиле, в которой находились статуарные посвящения греческим богам.

Такая атрибуция объекта следует из найденной здесь надгробной стихотворной эпитафии, посвященной «повелителю Скифии» Арготу⁴. Ее анонимный автор, начитанный в гомеровских поэмах и раннегреческой лирике, только в сохранившейся части текста надписи употребил не менее десятка гомеризмов, включая и гомеровскую грамматику.

Упоминание в данном контексте имени Аргот приводит к известной надписи из Пантикапея⁵, в которой указаны царь Перисад IV Филометор, его мать Камасария, дочь царя Спартока и жена покойного царя Перисада III, и Аргот, супруг Камасарии. Существует мнение, согласно которому овдовевшая боспорская царица заключила повторный династический брак с представителем царской семьи одного из соседних варварских племен. Датировка этого события гипотетична и помещается между 170 и 150 гг. до н. э.⁶ На основании двух упомянутых надписей имя отца Аргота может быть восстановлено как Идантемид или Идант.

¹ Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей... С. 502.

² Зайцев Ю. П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36–50; *Он же*. Неаполь Скифский. II в. до н. э. — III в. н. э. Симферополь, 2003. С. 42–43.

³ Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский. II в. до н. э. — III в. н. э. С. 14.

⁴ Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1. С. 44–53.

⁵ КБН. 75.

⁶ Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. М., 1999. С. 295–296.

Судя по тому, что в надписи из Пантикапея Аргот упомянут без титула, в момент заключения брака с Камасарией он мог быть довольно молодым человеком, но при этом его введение в царствующий дом Боспора было важным государственным актом. Очевидно, событие это стало началом политической карьеры Аргота, финалом же — почетное погребение у фасада Южного дворца Неаполя Скифского.

Примерно в это же время или несколько позже снаружи крепости было устроено парадное святилище, затем включенное в конструкцию западной оборонительной башни и превращенное в коллективный (возможно, семейный) склеп местной аристократии. Раскопанный в конце 40-х гг. XX века, он известен как Мавзолей Неаполя Скифского. Главное и самое богатое мужское захоронение, находившееся здесь в каменной гробнице, отождествляется с царем Скилуром, умершим накануне войн Диофанта, т. е. около 114–112 гг. до н. э.¹

Сопоставление этой даты с антропологическим возрастом покойного и археологической историей Южного дворца демонстрирует любопытные совпадения. Так, ко времени сильнейшего пожара на городище «человеку из каменной гробницы» должно было быть около 20 лет. Затем начинается развитие этого архитектурного комплекса, шедшее параллельно с многократным укреплением оборонительных стен Неаполя. Первая стадия этой реконструкции произошла сразу после пожара, а вторая соответствует наиболее цветущему возрасту Скилура — между 25 и 32 годами. Иными словами, все это являлось прямым отражением активного правления Скилура, которое может быть ограничено временем между 130 и 114–113 гг. до н. э. Именно за эти полтора десятилетия и были, вероятно, осуществлены и протекторат над Ольвией, и захват Херсонесской хоры, и укрепление династических связей с Боспором². Весьма вероятным выглядит и переход власти в Скифию от Аргота к Скилуру, хотя нет никаких свидетельств об их кровном родстве.

В силу своего назначения Южный дворец был местом сосредоточения наиболее ярких черт позднескифской культуры, ее особой «дворцовой» разновидности, характерной для высшей знати и имевшей ярко выраженный смешанный греко-варварский облик.

Вся совокупность данных позволила рассматривать Южный дворец в качестве главной ставки царя Скилура, что определило положение Неаполя как царской крепости, политического и военно-административного государственного центра. Выходец из Ольвии, некий Посидей, сын Посидея, от имени которого были установлены найденные вблизи дворца надписи — посвящения Зевсу, Афине, Ахиллу и богине Родос, по всей видимости, являлся крупным торговцем и советником Скилура, а возможно, и навархом царского флота.

¹ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 40–41; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 249; Зайцев Ю. П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы в Крыму. М., 2001. (Труды ГИМ; вып. 118). С. 46.

² Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 249–250; Зайцев Ю. П. Скилур и его царство... С. 144; Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 90–91.

В этот же период активно функционирует целая группа позднескифских городищ и поселений на западном побережье Крымского полуострова: Керкинитиды, Чайка, Беляус, Кульчук, Южно-Донузлавское, Калос Лимен и др. Все они были основаны на местах бывших херсонесских городков и сельских усадеб, захваченных варварами-скифами для контроля над морским берегом и каботажным плаванием.

Характер государственного устройства Крымской Скифии во времена Скилура и Палака, а может быть и Аргота, остается предметом дискуссий. Среди современных точек зрения есть определения державы Скилура как варварской монархии эллинистического типа¹ или государственного образования, сочетавшего элементы эллинистической монархии и гораздо более ранних структур дворцово-храмового типа, характерных для Средиземноморья². В альтернативной гипотезе держава Скилура представляется раннеклассовым социальным организмом, не имевшим ничего общего с эллинистическими монархиями³.

В отличие от городища Ак-Кая/Вишенное с Неаполем Скифским связан другой тип погребальных сооружений: грунтовые склепы-катакомбы с коллективными захоронениями, образующие либо грунтовые некрополи, либо впущенные в насыпи более ранних курганов. Несмотря на недостаточность материалов, кажется весьма вероятным наиболее раннее проявление этого феномена на западном побережье Крыма, его связь с территорией Нижнего Приднестровья и распространение цепочкой с запада на восток, вплоть до Феодосии и сельской территории Европейского Боспора⁴.

Учитывая многие другие археологические данные, можно сформулировать вывод о зарождении «неапольского» (коллективно-катакомбного) варианта позднескифской культуры в конце III—начале II в. до н. э. и расцвете его во второй половине II—первой половине I в. до н. э. При этом ощутимы его северо-западная (приднестровско-ольвийская) окраска и европейское (среднелатенское) содержание⁵.

Создается впечатление, что к середине II в. до н. э. вектор политических и культурных приоритетов смещается от «аккайского» к «неапольскому» варианту позднескифской культуры, что и сопровождалось расцветом новой столичной царской крепости.

При этом важно отметить, что именно с «неапольским» вариантом позднескифской культуры Крыма связаны имена Аргота и Скилура — вероятных инициаторов и активных проводников политики сближения с Боспором. Именно к середине — второй половине II в. до н. э. относятся все свидетельства о династических

¹ Щеглов А. Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. IV. С. 37–38.

² Зайцев Ю. П. Скилур и его царство... С. 147.

³ Зубарь В. М. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 515.

⁴ Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей... С. 504.

⁵ Зайцев Ю. П. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н. э.) // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 591–592.

браках между крымской варварской знатью и аристократической верхушкой Пантикапея¹. Отношения между Боспором и скифским царством в Крыму стали наиболее дружественными и взаимовыгодными. Вероятно, в этот период последнее воспринимало территорию Европейского Боспора в известном смысле как свою собственную, со всеми вытекающими последствиями.

Некоторое время назад была сформулирована версия о том, что географическое положение Крыма на карте Евразии обусловило «транзитный» характер позднескифской культуры, образование и развитие которой стали результатом функционирования системы этнокультурных коммуникаций различного направления, в которых преобладал вектор Восток—Запад. В этом случае значительная часть варварского населения Крыма в той или иной степени была вовлечена в процесс обслуживания торговых путей, пролегавших по отрогам крымских предгорий². Основу же этой культуры во второй половине II—первой половине I в. до н. э. составляли три компонента: варварский, причерноморский греческий и европейский (среднелатенский).

В контексте данной версии упоминание фракийцев и меотов в эпитафии Аргота, на которых была «ниспростерта божья кара»³, могло иносказательно обозначать крайние западные и восточные точки маршрутных трасс, которые контролировали во II в. до н. э. подданные Аргота и Скилура.

Расцвет царской крепости Неаполь около середины II в. до н. э., возможно, стал прямым следствием этого процесса и, помимо прочего, был вызван стремлением создать главный базовый пункт на одном из основных маршрутов движения торговых потоков. Этим объясняются особенности обустройства укрепленной территории: наличие незастроенных площадей для размещения обозов и караванов и дворец у центральных ворот с парадным фасадом, оформленным в греческом стиле, — своеобразная демонстрация благополучия и филэллинских настроений.

Смерть царя Скилура и воцарение его старшего сына Палака совпали с начальным этапом победоносной военной кампании понтийского полководца Диофанта, ход и результаты которой мы знаем благодаря дошедшему до нас херсонесскому декрету⁴.

Очевидно, этим новым правителем Крымской Скифии были предприняты какие-то военные действия против Херсонеса и серьезные шаги по укреплению оборонительных сооружений столицы — Неаполя и других ключевых крепостей⁵.

¹ *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура...; *Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П.* Новый эпитафический памятник...

² *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский. II в. до н. э. — III в. н. э. С. 46.

³ *Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П.* Новый эпитафический памятник...

⁴ *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 218–215; *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 74–75; *Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. С. 91–94; *Зайцев Ю. П.* Мавзолей царя Скилура... С. 43–45.

⁵ *Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. С. 35; *Зайцев Ю. П.* Мавзолей царя Скилура... С. 44–45.

Все эти события привели к окончательной гибели скифской державы Скилура и расстроили налаженный механизм взаимоотношений Боспора и варваров Крыма. Археологическим свидетельством тех событий являются следы катастроф на некоторых памятниках Предгорного и Северо-Западного Крыма и многие выразительные находки, связанные с пребыванием понтийских войск на территории полуострова¹.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ В РИМСКИЙ ПЕРИОД (I в. до н. э. — СЕРЕДИНА III в. н. э.). Завершение войн Диофанта ознаменовало новый этап в истории Крымской Скифии. После окончания военных действий Митридат VI Евпатор некоторое время держал в Скифии понтийские гарнизоны, а варварские контингенты участвовали на его стороне в войнах с Римом². Сына Митридата Фарнака в борьбе за боспорский престол поддержали какие-то скифы и сарматы³. Предполагается, что следующий боспорский царь Асандр заключил военно-политический союз против Херсонеса с правителями Скифии⁴. В первые десятилетия I в. н. э. боспорский царь Аспург предпринял успешные военные действия против скифов и тавров, направленные на подчинение варварских территорий Крыма Боспору⁵.

В I в. до н. э. — I в. н. э., когда Крым находился под контролем администрации Понтийской державы, Боспорского царства, да и позднее, существование позднескифского государства не очевидно. Периодические успехи боспорских правителей в борьбе с тавро-скифским населением Крыма можно трактовать как свидетельство наличия у варваров некоей централизованной власти, так и борьбы Боспора с небольшими племенными или территориальными объединениями местных варваров. Вероятно, в результате этих событий в I в. н. э. жизнь на внешней границе предгорий, к востоку от современного Симферополя, в большинстве позднескифских поселений прерывается. Возрождается она, причем далеко не везде, только в конце II — первой половине III в. н. э.

Судя по появлению новых селищ и небольших городищ в глубине предгорий, процессы хозяйственного освоения этой территории продолжались, и пред-

¹ Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 132–150; Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии.

² Strab. VII. 4, 6; App. Mithr. 41, 57, 69; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 166–171; Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 97–98.

³ App. Mithr. 120.

⁴ Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии... С. 100.

⁵ Колтухов С. Г. Заметки по военно-политической истории Крымской Скифии // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 217–218; Он же. Укрепления Крымской Скифии. С. 36; Пуздровский А. Е. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. — перш. пол. III ст. н. е. // Археологія. 1992. № 2. С. 127–128; Он же. Этническая история Крымской Скифии... С. 108; Он же. Политическая история Крымской Скифии... С. 101; Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 216–218.

шествовавшие достаточно крупные крепости-форты могли превращаться в локальные административные и хозяйственные варварские центры¹.

Среди объектов этого периода особое место занимает захоронение в Ногайчинском кургане, расположенном в Северном Крыму, недалеко от современного поселка Нижнегорский. По роскоши и богатству это погребение является единственным в своем роде комплексом не только для территории Восточной Европы, но в определенной степени и для всего античного мира того времени. Видимо, не будет преувеличением обозначить его статус как царский. В составе вещевого набора ногайчинской царицы особое внимание привлекают драгоценные личные украшения: серьги, гривна, колье, брошь-заколка, флаконы-подвески, кулон, браслеты, перстни, фибулы, ножные браслеты. Этот набор может быть разделен на украшения восточного облика; украшения, связанные происхождением с греко-варварскими памятниками Прикубанья, и античные изделия.

Все это позволяет предположить, что в Ногайчинском кургане была погребена женщина, вкусы которой сформировались в эллинском обществе. Однако похоронена она была по варварским обычаям и на варварской территории. Самое же варварское из украшений — гривна в зверином стиле — явно представляет собой элемент погребального ритуала, подчеркивающий высокий социальный статус покойной. Предполагается, что она могла быть одной из дочерей Митридата VI Евпатора, выданной замуж за варварского царя в 65 г. до н.э.² О факте такого замужества сообщал римский историк Аппиан в своем труде «Митридатовы войны»³.

Наиболее вероятный возраст ногайчинской царицы — 39–41 год. Если исходить из брачного возраста 18–25 лет, то совершение погребения относится к 50–40-м гг. до н.э. При этом формирование набора ювелирных украшений и другого погребального инвентаря происходило в течение II — первой половины I в. до н.э. и в определенной степени отражало бурные события, происходившие в Восточном Средиземноморье и Причерноморье в 114–64 гг. до н.э.

Для Неаполя Скифского прежние функции дворцовой крепости, очевидно, были утрачены, и начался достаточно интенсивный рост теперь уже просто одного из значительных населенных пунктов Крымской Скифии. На протяжении полутора веков (рубеж II–I вв. до н.э. — середина I в. н.э.) это городище представляло собой сложную поселенческую структуру, состоявшую из хаотично застроенной крепости, пригородов и поселений. Жизнь городища в это время была прервана тремя пожарами. Два первых произошли в первой половине I в. до н.э., причины их пока неизвестны. Пожар начала I в. н.э. связывается с военными акциями бос-

¹ Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. С. 236.

² Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2004. Т. 2. С. 290–297.

³ App. Mithr. 102.

порского царя Аспурга¹. В этот же период наблюдаются стабилизация жизни, возникновение и динамичное развитие новых позднескифских городищ и поселений в Юго-Западном и Центральном Крыму.

На рубеже эр и в первой половине I в. н. э. произошла, судя по всему, новая активизация торговых маршрутов, пролегавших по Крымским предгорьям и связывавших коротким путем бассейны Черного и Азовского морей. Яркое свидетельство тому — элитные комплексы некрополя Усть-Альминского городища², по-видимому, важного порта³ в системе Великого шелкового пути.

Это крупное городище и некрополь располагались на обрывистом мысу, в месте впадения реки Альмы в Черное море, у с. Песчаное Бахчисарайского района. История памятника прослеживается с конца II в. до н. э. до середины III в. н. э. Предполагается, что могильник сформировался вдоль древней дороги, шедшей к главным воротам этой крепости и порта. Он оказался практически неразграбленным до настоящего времени, в некоторых склепах-катакомбах хорошо сохранились разнообразные предметы из дерева и других органических материалов. В других погребениях местной знати обнаружены многочисленные украшения из драгоценных металлов и художественные импортные изделия⁴. Усть-Альминский могильник по праву считается одним из первоклассных объектов античного времени Северного Причерноморья.

Большая часть умерших здесь была захоронена в склепах-катакомбах, состоявших из входной ямы и подземной камеры, вход в которую закрывался большой плитой. Входная яма в большинстве случаев также закладывалась камнями. Каждый склеп содержал несколько десятков захоронений в деревянных саркофагах античного типа, на ножках, с двускатными крышками. Довольно редко встречались погребения в колодах, выдолбленных из цельных дубовых стволов. Прекрасная сохранность изделий из органических материалов во многих случаях позволила проследить неизвестные ранее элементы погребального обряда и многие бытовые мелочи: наборы деревянных шкатулок-пиксид и деревянных веретен с остатками ниток, раскрашенные деревянные футляры, гребни, остатки саванов, шерстяных одежд и кожаной обуви. В отдельных случаях даже сохранились засохшие букеты полевых цветов и трав, подстилки из дубовых листьев и сена.

¹ Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 2. С. 187.

² Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Grabungen des Jahres 1996 // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 295–346; Пуздровский А. Е. Крымская Скифия... С. 102–103; *Он же*. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 186–199.

³ Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 7, 139, 144.

⁴ Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim...; Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P., Serdjuk N. J. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Grabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua. 2004. Bd. 10. S. 226–267; Пуздровский А. Е. Крымская Скифия... С. 73–77.

В одном из склепов (№ 595) в конце I—начале II в. н. э. были совершены захоронения двух знатных женщин, частично разграбленные в новейшее время. Вместе с ними в склеп была помещена «кукла» коня в натуральную величину, сшитая из кусков выделанной кожи и набитая камышом. Среди находок были также необычные деревянные сосуды с резными изображениями животных, набор парадной конской сбруи, золотые украшения. Не исключено, что женщины принадлежали к жреческому сословию¹.

Обряд захоронений и многочисленные находки демонстрируют поразительное сочетание греко-римских и варварских традиций, обширные торговые и культурные связи древнего населения Юго-Западного Крыма.

Настоящей сенсацией стала находка китайских лаковых шкатулок, хранившихся в пяти богатых склепах на одном участке. Их покрывал плотный гляцевый лак черного цвета, поверх которого тонкой кистью и пером была нанесена сложнейшая роспись оранжевой краской. Совершенно очевидно, что эти находки являются важным свидетельством функционирования знаменитого Великого шелкового пути, который связывал Ханьскую империю и Древний Рим. Однако до сих пор лаковые изделия находили практически только в Китае и иногда в Монголии и Западной Сибири².

Середина — конец I в. н. э. ознаменовались важными переменами, имевшими принципиальное значение для Крымской Скифии и всего Северного Причерноморья. Так, на существующих некрополях, за исключением Усть-Альминского и некоторых других, прекратилось массовое использование склепов-катакомб и распространился новый тип погребальных сооружений — подбойные могилы³. На примере Неаполя Скифского видно, что подобные перемены были вызваны обновлением значительной части его населения. Большинство исследователей принята версия об их сарматской принадлежности⁴. При этом процесс инфильтрации, очевидно, был постепенным и носил мирный характер. Этот процесс можно приурочить ко второму хронологическому этапу проникновения сарматов в Северное Причерноморье⁵.

¹ *Зайцев Ю. П.* «Склеп жриц» Усть-Альминского позднескифского некрополя // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 294–319.

² *Пуздровский А. Е.* К вопросу об этнокультурных связях Крымской Скифии с Центральной Азией и Китаем в I–II вв. н. э. // Пантикапей — Боспор — Керчь. 26 веков древней столице. Материалы междунар. конф. Керчь, 2000. С. 102–108.

³ *Пуздровский А. Е.* Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.) // ВДИ. 1999. № 4. С. 208; *Он же.* Политическая история Крымской Скифии... С. 108; *Он же.* Крымская Скифия... С. 109–110.

⁴ *Высотская Т. Н.* Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы по этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 58; *Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии... С. 108; *Он же.* Крымская Скифия... С. 110.

⁵ *Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии... С. 104–106; *Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 116–117.

Политическая история этого времени была насыщена событиями самого различного характера. В римско-боспорскую войну середины I в. н. э. помимо основных противников были вовлечены различные сарматские племена, а местами военных действий стали разные районы Северного Причерноморья¹. Возросшая агрессивность скифов по отношению к Херсонесу и Боспору вызвала адекватную реакцию Рима².

В конце I—II в. н. э. отмечен всплеск военной активности Боспора, направленной против тавро-скифов³.

На протяжении последней четверти II — первой половины III в. н. э. Неаполь Скифский представлял собой крупный неукрепленный населенный пункт с плотной хаотичной застройкой предположительно из групп примитивных хозяйственно-жилых комплексов и примыкающих к ним крупных зернохранилищ⁴. Наличие комплекса Северного дворца позволяет считать это городище административным центром определенной территории. Однако основной его функцией, скорее всего, были сбор, хранение и переработка больших объемов продукции земледелия, что подтверждается находками жерновов и ручных мельниц, обугленных плодов яблок, виноградных лоз и виноградных железных ножей⁵. По-видимому, вследствие политической и экономической зависимости Крымской Скифии от Боспора⁶ она превратилась в своего рода аграрный вспомогательный регион. Северный же дворец Неаполя Скифского мог быть резиденцией боспорского наместника.

Особое место среди населенных пунктов позднейшего этапа существования Крымской Скифии занимает городище Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму. Здесь со второй половины II в. н. э. — а может быть, и до середины следующего века — располагался римский военный пост, или своеобразная таможня на переправе через реку Альму, где во времена императоров Антонина Пия и Марка Аврелия несли службу солдаты и офицеры XI Клавдиева легиона и находилась ставка местного командования либо представителя херсонесской военной администрации⁷.

¹ Тас. Ann. XII. 15–21; Plin. VI. 5, 16; *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 129–132; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 77–78; *Он же.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 62; *Колтухов С. Г.* Заметки по военно-политической истории... С. 218–219; *Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии... С. 104–106.

² *Зубар В. М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. № 63. С. 23–24; *Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии... С. 105.

³ КБН. 32, 33.

⁴ *Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии... С. 114.

⁵ *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия... С. 97–98; *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский. II в. до н. э. — III в. н. э. С. 39–40.

⁶ *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия... С. 98; *Он же.* Политическая история Крымской Скифии... С. 114–115.

⁷ *Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. С. 57–58.

РАЗДЕЛ II

**КРЫМ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Глава 7

Крым в период германских и аланских миграций. Середина III — IV в.

А. И. Айбабин

К середине III в. н. э. территория полуострова, как и в предшествующий период, была разделена между позднескифским царством, занимавшим плодородные земли в низовьях маленьких речушек Черная, Бельбек, Кача и Альма и возвышенности Третьей гряды Крымских гор, Херсонесом и Боспорским царством, южная граница которого проходила юго-западнее Феодосии. Рассматриваемый в главе этап истории полуострова характеризуется большим динамизмом политических и этнических процессов. В 238 г. готы и другие германские племена атаковали границы Римской империи и захватили причерноморский город Истрию. Нападения готов и карпов возобновились в 248 г.¹ В начале 250-х гг. германцы вторглись в Северное и Северо-Восточное Причерноморье. Возникшие в регионе миграции коренным образом изменили политическую и этническую ситуацию в Крыму.

§ 1. Боспорское царство

До середины III в. Боспорское царство находилось под опекой Рима². По предположению М. И. Ростовцева, в первой половине III в. в результате мирного проникновения аланов и сарматов на Боспор это государство значительно иранизировалось. Многие жители, в том числе и правители, носили сарматскую и аланскую одежду и имели иранские имена³. На рубеже II–III вв. количество иранских имен состави-

¹ *Wolfram H.* Histoire des Goths. Paris, 1990. P. 56–61.

² *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 162; *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 7, 9, 19–20; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 26, 29; *Горончаровский В. А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. М., 2003. С. 180–192; *Иванчик А. И.* Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 75.

³ *Rostovzeff M. I.* The Sarmatae and Parthians // The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1936. Vol. XI. P. 96, 97.

ло около 20%¹. Со II в. на территории царства покойников начали погребать в Т-образных в плане склепах, выкопанных с длинным дромосом (входной ямой), более узким коридором и погребальной камерой, характерными для аланов Северного Кавказа и Прикубанья². Многочисленные однотипные склепы открыты на северном склоне горы Митридат, на городском некрополе столицы царства³. Некоторые найденные на Боспоре лепные сосуды подобны аланским, обнаруженным в низовьях Дона и Прикубанье⁴.

Согласно Иосифу Флавию, Дионисию Периегету и Лукиану Самосатскому аланы уже с I в. н. э. были соседями Азиатского Боспора и кочевали между нижним течением Волги и Дона, а также в Северном и Восточном Приазовье, вплоть до среднего течения реки Кубань⁵. Географ II в. Клавдий Птолемей помещал близ Меотиды аланов, у поворота реки Танаис — танаитов⁶, а по берегам Киммерийского Боспора — боспорян⁷. В Гермонассе найдено надгробие 208 г. Ирака, занимавшего пост главного аланского переводчика⁸. Аланская община играла видную роль в Танаисе⁹. По данным антропологических материалов, аланы во II–III вв. не смешивались с другими жившими в городе этническими группами¹⁰. Аммиан Марцеллин в описании вторжения в Причерноморье и Приазовье гуннов утверждал, что аланы обычно называются танаитами¹¹. Очевидно, танаитами именовали аланов, обитавших в низовьях реки Танаис.

¹ Шелов Д. Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 90–93; Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990. С. 110. Рис. 7.

² Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 44–45; Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 53–54. Табл. 65–68; Айбабин А. И. Этническая история... С. 18, 22, 23. Рис. 7,2; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. (Monographien der Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 98). S. 14, 16, 18. Abb. 7,2.

³ Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея // Некрополи боспорских городов. М.; Л., 1959. (МИА; № 69). Рис. 3.

⁴ Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения этнического состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1954. (МИА; № 33). С. 113; Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С. 122, 123, 131–133.

⁵ Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1: Греческие писатели. С. 484; Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 65–66; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 79, 80, 106–108; Bachrach B. S. A history of the Alans in the West. Minneapolis, 1973. P. 11.

⁶ Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. 1. С. 31.

⁷ Там же. С. 239.

⁸ КБН. 1053.

⁹ Даньшин Д. И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 52–53.

¹⁰ Герасимова М. М. К вопросу об этническом составе населения Древнего Танаиса // Советская этнография. 1971. № 4. С. 140.

¹¹ *Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt / rec. V. Gardthausen. Vol. 1–2. Lipsiae, 1874–1875 (Amm. Marc.) XXXI, 1, 3.* (См. рус. пер.: Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 1996.)

Приазовские аланы кочевали вплоть до третьей четверти IV в. Их образ жизни ярко описан Аммианом Марцеллином: «Аланы... как номады, перекочевывают на огромные пространства... У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве... живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их, наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми»¹.

По Иордану, в граничащей с Понтом Скифии и около Меотиды (в регионе, где кочевали аланы) обосновались готы: «Первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота... третья — на Понтийском море, снова в Скифии»². Правда, в рассказе о победе правившего во второй половине IV в. короля Германариха над герулами Иордан поместил их в том же регионе, где и готов: «Вышеуказанное племя [герулы] жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют «е», и поэтому именовалось едурами»³. В тексте Иордана нет более конкретной локализации занятой готами и герулами территории и каких-либо сведений о дате их появления в Приазовье. О дате весьма затруднительно судить и по рассказам о столкновениях римлян с германцами. Готов называли меотийцами в сочинении, приписываемом писателям «Истории Августов» (лат. *Scriptores Historiae Augustae*), в описании борьбы Аврелиана (270–275 гг.) с меотийцами⁴. Зосим в рассказе о сражениях с готами Филиппа Араба (244–249 гг.) и Деция Траяна (249–251 гг.) писал о переправе готов через Танаид и гибели Деция в сражении у Танаида⁵, однако Деций погиб у Абритта (современный Разград в Болгарии)⁶. В этом фрагменте Зосим по ошибке назвал Танаидом реку Истр.

По мнению М. И. Ростовцева, аланы в 240–250-е гг. в бассейне Днепра «вошли в состав гото-аланского царства в Северном Причерноморье» и участвовали в большинстве походов готов против империи, в результате которых были разрушены Ольвия и Танаис, а Пантикапей превратился в гото-сарматский город⁷. Ю. А. Кулаковский, Б. С. Бахрах и другие полагали, что аланские отряды в начале 240-х гг. вместе с германцами нападали на дунайские провинции⁸. Не все свидетельства о столкновениях римлян с аланами достоверны. Например, в труде пи-

¹ Amm. Marc. XXXI, 2, 17–25.

² *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1997. С. 66, 68.

³ Там же. С. 84.

⁴ *Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / traduction et commentaires d'A. Chastagnol*. Paris, 1994. Le Divin Aurélien. XVI, 3; XVII, 2.

⁵ *Zosime. Histoire nouvelle / texte établi et traduit par F. Paschoud*. Paris, 1971. T. 1. I, XXIII.

⁶ *Wolfram H. Histoire des Goths*. P. 59.

⁷ *Rostovzeff M. I. The Sarmatae and Parthians*. P. 97.

⁸ *Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов... С. 69; Bachrach B. S. A history of the Alans... P. 15.*

сателей «Истории Августов» говорится о гибели императора Гордиана III в 242 г. в бою с аланами близ Филиппополя¹. Однако по Зосиму, Гордиан III умер в 244 г.²

По сведениям нарративных источников, нападения германцев на города Боспорского царства и морские рейды на города в Малой Азии начались в 250-е гг. Современник походов епископ Неокесарии Понтийской Григорий Тавматург в каноническом послании о последствиях одного из морских рейдов назвал его участников готами и борадами — Βοράδοι³. Очевидно, у него дан искаженный или иной вариант известного по Зосиму этнонима «борань»⁴. Сочинение защитника Афин от нападения готов в 267 г. Публия Геренния Дексиппа утрачено. Исследователи готских походов убеждены в том, что фрагменты труда Дексиппа использовали писатели «Истории Августов» (IV в.), Зосим (конец V в.), Георгий Синкелл (рубеж VIII–IX вв.) и Иоанн Зонара (первая половина XII в.) в созданных в более поздний период описаниях готских походов⁵. Ф. Пашу во введении к современному изданию текста Зосима показал отсутствие в его труде заимствований из Дексиппа⁶.

По скудной и противоречивой информации упомянутых источников сложно датировать описанные в них события. Зачастую для обоснования абсолютной хронологии этих событий и времени правления боспорских царей используют нумизматические материалы. Однако среди нумизматов не прекращается дискуссия не только о датах чеканки монет царей, правивших во второй половине III—IV в., но и о количестве правителей с именем Рискупорид⁷. Автор придерживается разработанной В. А. Анохиным хронологии чеканки монет боспорских царей второй половины III—IV в.⁸ Для понимания истории Боспорского царства в рассматриваемый период важны и материалы археологических исследований на его территории.

В нарративных источниках изложены две версии первого похода германцев на Боспор. В «Анналах» автора XII в. Зонары, компилировавшего Дексиппа, сообщается о части «скифов» (германцев), которые после грабежей в Италии, Македонии и Греции при Требониане Галле и Волузиане (252–253 гг.) по суше достигли Боспора и, переправившись через Меотиду, разорили хору каких-то

¹ Histoire Auguste. Gordiani Tres. XXXIV, 4.

² Zosime. I, IX, 1.

³ *Gregorii Thaumaturgi. Epistola canonica // Patrologiae Graecae / éd. J.-P. Migne. Paris, 1837. T. X. Canon V. 1037, 1038.*

⁴ Zosime. I, XXXI, 1.

⁵ *Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. II, вып. 2. С. 352–353; Schwarcz A. Die gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts. Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1992. S. 47; Хайреддинова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 518.*

⁶ *Paschoud F. Introduction // Zosime. Histoire nouvelle. Paris, 1971. T. I. P. LXI.*

⁷ *Сидоренко В. А. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 459, 460.*

⁸ *Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 122–133.*

городов¹. Он умалчивает о конечном пункте похода. Согласно же Зосиму, при Требониане Галле и Волузиане германцы опустошили Азию от Эфеса, Каппадокии вплоть до Питиунта². По Зосиму, первый поход на Боспор состоялся при Валериане (253–259 гг.), когда жившие в бассейне Истра (Дунай) бораны, готы, карпы и уругунды напали на Илирик и Италию. Тогда же бораны попытались переправиться в Азию на судах, взятых у жителей Боспора. Зосим писал: «Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами... они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же, по исчезновении царского рода, во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах»³. Зосим скифами называл готов или боранов, а Георгий Синкелл — готов⁴. Принято считать, что Зосим рассказывает об отстранении от власти представителя правящей боспорской династии⁵ Рискупорида IV (242/243–276/277)⁶ и захвата власти «недостойными». Узурпатору приписывают монеты (253/254–254/255 гг.)⁷ с именем царя Фарсанза⁸, не упоминаемого в эпиграфике. По мнению Н. А. Фроловой и других, Рискупорид IV и Фарсанз были соправителями⁹. Однако В. А. Анохин доказал чеканку монет обоих правителей на единственном монетном дворе Пантикапея¹⁰.

Историки, опираясь на рассказ Зосима, не пришли к единому мнению о дате первого набега готов на Боспор и Питиунт. По Зосиму, бораны после высадки на азиатском берегу Понта отпустили домой боспорские корабли с экипажами и принялись опустошать побережье. Под Питиунтом начальник гарнизона Суксессиан разгромил боранов и вынудил их бежать. Валериан отозвал Суксессиана из Питиунта и отправился с ним под Антиохию для ее восстановления¹¹. По сло-

¹ *Zonaras Ioannes. Annales (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Bonn, MDCCCXLIV. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Т. II. S. 589–590. An. XII, 21.*

² *Zosime. I, XXVIII, 1.*

³ *Ibid. I, XXXI, 1, 2.*

⁴ *The Chronography of George Synkellos / trans. with introduction and notes by W. Adlerand and P. Tuffin. Oxford, 2002. P. 539, 547.*

⁵ *Васильевский В. Г. Жизнь Иоанна Готского. С. 353; Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 470; Schwarcz A. Die gotischen Seezüge... S. 49.*

⁶ *Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 122.*

⁷ Там же.

⁸ *Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. S. 470; Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 245; Schwarcz A. Die gotischen Seezüge... S. 49; Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы... С. 519.*

⁹ *Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242–276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 67; Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum Plus; Петербургский археологический вестник. 1997. С. 157; Казанский М. М. Пути проникновения на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 137.*

¹⁰ *Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 122–123.*

¹¹ *Zosime. I, XXXII, 1–3.*

вам В. Г. Васильевского, поскольку Суксессиану поручили восстановить Антиохию, разрушенную персами в 255 г., то первый набег готов на Боспор и Питиунт следует отнести к 256 г.¹ М. Саламон, ссылаясь на упоминание в надписи из Малой Азии о пребывании Валериана в Антиохии 18 января 255 г., отнес прибытие императора в город к 254 г.² По утверждению В. В. Лаврова, тогда же из Питиунта был отозван Суксессиан, а значит, и первый поход готов состоялся в 254 г.³ Издатели надписи Ж. Робер и Л. Робер отмечали отсутствие в ее тексте информации о продолжительности и причинах визита императора в Антиохию⁴. В. Г. Васильевский обратил внимание на конкретную задачу Суксессиана в Антиохии. Очевидно, что Суксессиан не мог восстанавливать в 254 г. разрушенный в 255 г. город. Следуя цитированному выше фрагменту Зосима, первый поход готов через Боспор можно синхронизировать с последним годом правления узурпатора Фарсанза — 255 г. Предложенной дате не противоречат результаты раскопок Т. И. Макаровой в 1964 г. в Керчи. Она зачистила слой большого пожара, уничтожившего монетный двор. На полу одного из его помещений собраны монеты Фарзанса 253–254 гг. (по определению К. В. Голенко)⁵, или 254 г. (по Н. А. Фроловой)⁶, или 254/255 г. (по В. А. Анохину). Как отметила Т. И. Макарова, образовавшийся в процессе того же пожара слой заполнял и яму № 3, входившую в этот производственный комплекс, а не перерезавшую помещение в поздний период, как полагал К. В. Голенко. Из нее извлекли монету Рискупорида IV 254–256 гг.⁷ Поскольку в слое нет более поздних монет, то можно приурочить пожар к 254–256 гг. и согласиться с выводом Т. И. Макаровой о его связи с нападением германцев⁸. Вероятно, напуганный Фарсанз, стремясь остановить разрушение города Боспора, предоставил боранам морские суда с боспорскими экипажами.

В 256 г. германцы совершили повторный рейд на боспорских судах, уже более успешный, на римские города в Восточном Причерноморье — Фасис, Питиунт, Трапезунд и прилегающую область⁹. По мнению Х. Вольфрама, об этом походе идет речь и в каноническом послании Григория Тавматурга¹⁰.

¹ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. С. 354.

² Salomon M. The chronology of Gothic incursions into Asia Minor in the IIIrd century A.D. // Eos. 1971. Vol. 59. P. 119.

³ Лавров В. В. Готы и Боспор в III в. н. э. // Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 115.

⁴ Robert J., Robert L. Asie Mineure // Bulletin épigraphique. Revue des Études Grecques. 1958. Т. 71. P. 311. № 438.

⁵ Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 88.

⁶ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V... С. 66–67.

⁷ Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. С. 88.

⁸ Макарова Т. И. Боспор — Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 139–140.

⁹ Zosime. I, XXXII, 2–3; XXXIII; Gajdukevič V. F. Das Bosporianische Reich. S. 462; Schwarcz A. Die gotischen Seezüge... S. 50.

¹⁰ Gregorii Thaumaturgi. Canon V. 1037, 1038; Wolfram H. Histoire des Goths. P. 62–63.

В последний год правления Галлиена, в 268 г., с берегов Меотиды¹ начался самый большой морской поход германцев², в котором участвовали примеотидские готы и герулы³.

Не исключено, что германцы до начала похода разрушили Боспорский порт Танаис. Д. Б. Шелов, учитывая дату самой поздней надписи из Танаиса (244 г.) и отсутствие в слое пожара монет, чеканенных с 247 г., относил разгром города к 245–246 гг. и приписывал его герулам, локализованным у Меотиды Иорданом⁴. Слой пожара выявлен на городище и на участках, раскопанных после выхода книги Д. Б. Шелова. В сгоревших помещениях обнаружено оружие, типичное для германцев Центральной Европы, в том числе умбон, относимый к 160/180–260/270 гг.⁵ Основываясь на находке в названном слое монеты Рискупорида 250 г., А. И. Анисимов датировал пожар 251–254 гг. и приписал нападение на город боранам⁶. В письменных же источниках их упоминали только в связи набегами на Дунае и морскими рейдами на Питиунт. В. Ф. Гайдукевич полагал, что германцы начали поход с захвата кораблей на Боспоре и разрушения крепости Илурат и других городов и поселений на Керченском полуострове⁷. Он датировал разгром Илурата по статуре Рискупорида V(IV) 264 г. с пола помещения 27 и по отнесенным к III в. амфорам с полов других построек⁸. Однако в описанных В. Ф. Гайдукевичем слоях пожара на Мирмекии, в Тиритаке, Илурате, а также в Китее, Зеноновом Херсонесе и Семёновке содержались фрагменты керамики и стекла IV в. Скорее всего, малые города и поселения Европейского Боспора германцев не интересовали⁹.

Из Меотиды германцы на множестве судов направились к сборному пункту в устье Тире, откуда прорвались через пролив Боспор в Пропонтиду (Мраморное море) и Эгейское море¹⁰. В «Истории Августов» говорится о переходе «скифов» через Эвксин (Черное море) к Истру после гибели в 267 г. правителя Пальмиры Одента¹¹. Вероятно, к Тире их флот проплыл вдоль Южного берега Крыма и остав-

¹ The Chronography of George Synkellos. An. XII, 717; *Zonaras Ioannes. Annales.* XII, 26.

² *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. С. 358–359; *Wolfram H.* Histoire des Goths. P. 65; *Schwarz A.* Die gotischen Seezüge... S. 52.

³ *Zosime. I, LXII.* P. 38–39; *Histoire Auguste. Gallieni.* V, 6. P. 814; *Claudii.* VI, 2. P. 939; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 82.

⁴ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 300–303; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 84.

⁵ *Казанский М. М.* Пути проникновения на Боспор Киммерийский... С. 138–139.

⁶ *Анисимов А. И.* О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 129, 130.

⁷ *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. S. 472.

⁸ *Гайдукевич В. Ф.* Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 54, 76, 77, 145.

⁹ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 37.

¹⁰ *Amm. Marc.* XXXI, 5, 15.

¹¹ *Histoire Auguste. Les deux Galliens.* XIII, 2, 4, 6. P. 823, 825; *Les trente tyrans.* XV, 5. P. 887.

ленного римлянами Херсонеса. Перерезав морские коммуникации, германцы, конечно же, нанесли сильный урон экономике Боспора¹.

В 276 г. через Меотиду вновь переправились «скифы» (по Зосиму)² или «меотидские варвары» (по историкам Августов³ и Зонаре⁴), названные в житии святого Афиногена готами⁵, и напали на провинции Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию. Римскими войсками, отражавшими нападение, руководил император Тацит, получивший в результате успешных действий титул победителя готов⁶. Летом 276 г., после смерти Тацита, во время похода императором стал его брат Флориан. Он возглавил войска, изгонявшие германцев из Киликии⁷. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский, ссылаясь на Зосима, утверждали, что римский флот на обратном пути у берегов Боспора Киммерийского уничтожил боспорские корабли⁸. Правда, Зосим писал лишь о победе Флориана над скифами и Боспором близ главного города Киликии Тарса, расположенного в 20 км от Средиземного моря, но ни слова о потоплении каких-либо кораблей⁹. Вероятно, разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран¹⁰. Его монеты регулярно чеканились в 275/276–278/279 гг.¹¹ Очевидно, в честь этого события в столице царства был сооружен памятник. В надписи на его мраморной базе сообщается о победе царя Тиберия Юлия Тейрана над неназванными врагами¹².

Кратковременные нападения германцев и их союзников на город Боспор не привели к сколь-либо заметным изменениям в Боспорском царстве. В начале надписи о победе царя Тиберия Юлия Тейрана отмечены сохранение «другом цезаря и другом римлян» Тейраном союза с империей¹³ и преемственность царской власти. Тейран унаследовал римскую *potina* Тибериев-Юлиев — династии, правившей на

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 36–37.

² Zosime. I, LXIII.

³ Histoire Auguste. Vie de Tacite. XIII, 1–3. P. 1051.

⁴ Zonaras Ioannes. Annales. XII, 28.

⁵ Maraval P. La Passion inédite de S. Athénogène de Pédachthoé en Cappadoce (BHG 197b) // Subsidia hagiographica. Bruxelles, 1990. № 75. P. 6, 13, 16, 17, 31, 35.

⁶ Schwarcz A. Die gotischen Seezüge... S. 56, 57; Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы... С. 522–523.

⁷ Zosime. I, LXIII, LXIV. P. 54, 55; Histoire Auguste. Vie de Tacite. XIII, 1–3; XIV, 1–3. P. 1051.

⁸ Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009. С. 287.

⁹ Zosime. I, LXIV.

¹⁰ Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. S. 474.

¹¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 122.

¹² Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 29; Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. II: Латинские писатели. № 29; КБН. 36. С. 38–41.

¹³ Цветаева Г. А. Боспор и Рим. С. 21, 27, 28; Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского... С. 260.

Боспоре с I в. н. э.¹ По определению М. И. Ростовцева, надпись в честь царя Тейрана и его жены Элии, поставленная сакрально-военной коллегией аристопилитов, объединившей в себе двор царя и его гвардию, указывает на сохранение в государстве старой административной системы². В начале списка помещены самые высокопоставленные чиновники и военачальники: ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, χιλιάρχης καὶ ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, ἀρχιγραμματεὺς, а среди чиновников без титулов — ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος и γραμματεὺς³. По мнению В. В. Латышева, возглавлявшая список магистратура ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας означала наместника Европейского Боспора и Феодосии⁴. По утверждению М. И. Ростовцева, эту должность царю навязало римское государство, и на нее назначали агента римского императора при Боспорском дворе⁵. По словам С. А. Жебелева, ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας являлся правителем не всего Европейского Боспора, а лишь царской резиденции, т. е. Пантикапея⁶. По предположению А. И. Болтуновой, «начальник царской области — ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας» управлял землями, доходы с которых составляли личную собственность царя⁷. С ней согласился и С. Ю. Сапрыкин⁸. В. А. Горончаровский приписывал данную магистратуру начальнику царских войск столицы и прилегающей к ней области⁹. Несостоятельность последней интерпретации показал В. Д. Кузнецов. Он полагал, что такие термины, как ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, ὁ ἐπὶ τῆς Горυππίας, ὁ ἐπὶ τῆς τῶν Ἀσπουργιανῶν, означали царских наместников в разных регионах государства¹⁰. В. Д. Блаватский интерпретировал список магистратур так же, как В. В. Латышев. Первым упомянут наместник царства и Феодосии — ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ Θεοδοσίας, за ним следуют начальник тысячи и наместник Аспургинанов — χιλιάρχης καὶ ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, главный секретарь — ἀρχιγραμματεὺς, начальник отряда — λοχαγός, градоначальник — πολιτάρχης, личный секретарь царя — ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, секретарь — γραμματεὺς и другие лица, выполнявшие обязанности по месяцу¹¹. М. И. Ростовцев считал по-

¹ *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. С. 169; *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 244–245; *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 161.

² *Ростовцев М. И.* VI. Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 175, 176.

³ Там же. С. 176.

⁴ *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. 1892. № 17. С. 63.

⁵ *Ростовцев М. И.* Государство и культура... С. 177–178.

⁶ *Жебелев С. А.* Боспорские этюды // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 51.

⁷ *Болтунова А. И.* Надпись под статуей из Горгиппии // СА. 1958. № 28. С. 116.

⁸ *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 179.

⁹ *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского... С. 151.

¹⁰ *Кузнецов В. Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 236–237.

¹¹ *Латышев В. В.* Краткий очерк... С. 63–64; *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. С. 246.

литарха военным магистратом, верховным начальником гражданской милиции¹. Очевидно, многочисленной дворцовой администрацией управляли наместник царства и хилярх, руководивший царскими войсками и Аспургианами. В администрацию также входили как военачальники (λοχαγός и политарх?), так гражданские магистраты (главный секретарь, начальник отчетов, личный секретарь царя, секретарь) и десятки других чиновников. Зафиксировано существование магистратур наместников царства и Феодосии в начале IV в. В надписи на надгробии 307 г. погребенного в Гермонассе упомянут бывший ἐπί τῆς βασιλείας², а в надписи 306 г. — ὁ ἐπί τῆς Θεοδοσίας(ς) — наместник Феодосии Аврелий Валерий Сор³.

Присутствие в надписях названных магистратур позволяет говорить о сохранении в последней четверти III — начале IV в. прежней территории Боспорского царства. Этот вывод подтверждается и результатами исследований на городище Белинское и сельских поселениях. С конца III в. боспорские цари полностью контролировали Европейскую (Керченский полуостров) и Азиатскую (Таманский полуостров) части государства⁴.

А. А. Васильев, ссылаясь на тексты херсонесских исторических хроник и легенд, добавленных Константином Багрянородным к трактату X в. «Об управлении империей»⁵, предположил, что самостоятельным Боспором в конце III — IV в. правил Савромат, который вместе с меотийскими сарматами (савроматами) напал на римские владения⁶. Еще Теодор Моммзен доказал недостоверность хроник⁷. Сомнительна и их столь ранняя дата. В тексте использован средневековый топоним Каффа. Вряд ли стоит привлекать для датировки фрагмента и текст, изданный М. А. Шангиным. Это текст не 360–386 гг., а более поздний. В нем упомянуты Рагуза, основанная в VII в., и угры, известные с X в.⁸ В начале хроник сообщается о существовании близ Херсона при Диоклетиане (284–305) «соседних крепостей». Как показали археологические раскопки, по соседству с Херсоном крепости были сооружены не ранее второй половины VI в.⁹ Они упомянуты в написанном в 770–780-х гг. «Бревиарии» Никифора¹⁰, в рассказе о событиях конца VII в. в *Collectanea* Анастасия Библиотекаря¹¹. Так же неправдоподобна информация

¹ *Ростовцев М. И.* Государство и культура... С. 179.

² КБН. 1051. С. 611–613.

³ Там же. 64. С. 71–72.

⁴ *Зубарев В. Г.* Из истории Боспорского царства во второй половине III — начале V в. н. э. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI. С. 192.

⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 246–275.

⁶ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, MA, 1936. P. 22–23.

⁷ *Mommsen T.* Römische Geschichte. Berlin, 1885. Bd. V. S. 291.

⁸ *Шангин М. А.* Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255; *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 560.

⁹ *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 130.

¹⁰ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 165.

¹¹ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 78.

о пребывании в Херсонесе при Диоклетиане и Константине (306–337) баллистариев¹. Не подтверждается другими источниками информация о походе херсонесцев на Дунай² и войнах Херсонеса с Боспором, якобы приведших к гибели Боспорского царства в первой половине IV в.³

По мнению А. А. Васильева, в рассказе Зосима о нападении на империю живших у Меотийского озера савроматов⁴ идет речь о крымских готах⁵. По утверждению В. Г. Зубарева, описанная Зосимом победа Константина на Истре вызвала движения меотидских варваров, напавших на городище Белинское. Вследствие этих событий и были зарыты монетные клады в боспорских городах и поселениях⁶. По замечанию Ф. Пашу, в данном фрагменте Зосим, довольно путано повествуя о борьбе Константина с дунайскими сарматами, по традиции упомянул литературный штамп — «Меотийское озеро»⁷. Этот эпизод не имеет никакого отношения к Боспору. Кстати, поскольку, по Зосиму, всех напавших савроматов армия Константина либо убила, либо пленила, то они вряд ли могли что-нибудь натворить на Боспоре.

Преемники Тейрана на боспорском троне известны по монетам и эпиграфике: в 285/286–309/310 гг. правил Фофорс, в 309/10–318/319 — Радамсад, в 319–341/342 — Рискупорид V. В 638 г. боспорской эры (341/342 г.) Боспор окончательно прекратил самостоятельную денежную эмиссию⁸. В надписи, найденной на Таманском полуострове, вероятно у станицы Запорожской, сообщается о постройке архитектором Евтихом в 335 г. при царе Рискупориде V оборонительной стены, или укрепления⁹. В последние годы пребывания на престоле императора Констанция II (337–361) правители Боспора получили от него в дар три серебряных блюда. Как доказала И. П. Засецкая, они сделаны в мастерских Антиохии¹⁰. На двух блюдах видны латинские надписи: «D[omini] N[ostri] Constanti Augusti votis XX». Они свидетельствуют об изготовлении чаш в честь двадцатилетия цезарства Констанция II (в 343 г.)¹¹. На третьем блюде изображен триумфальный въезд Констанция II в Рим, состоявшийся в 357 г. по случаю его провозглашения единоличным прави-

¹ Zuckerman C. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // *Travaux et mémoires*. Paris, 1991. Vol. 11. P. 549–552.

² Nadel B. Literary tradition and epigraphical evidens: Constantine Parphirogenetus' information on the Bosporan Kingdom in the time of emperor Diocletian reconsidered // *Centre de Recherches d'Histoire Ancenne*. Paris, 1977. Vol. 25. P. 97.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 47–48.

⁴ Zosime. II, XXI. 1–3.

⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 22–23.

⁶ Зубарев В. Г. Из истории Боспорского царства... С. 190–192.

⁷ Zosime. II, XXI, 3. P. 213.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 126–133; Сидоренко В. А. Высшие воинские должности на Боспоре во II—начале IV в. н. э. (по материалам эпиграфики) // *Боспорские исследования*. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 211.

⁹ КБН. 1112.

¹⁰ Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III. С. 30–32. Кат. № 5, 38, 181.

¹¹ Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 9. Табл. II, 3, 4.

телем империи¹. Боспор стремился установить союзнические отношения и с преемником Констанция II. По словам Аммиана Марцеллина, в 362 г. к императору Юлиану прибыли послы боспорцев. Они предложили выплачивать империи ежегодно дань за разрешение спокойно жить в пределах границ своей страны².

По утверждению А. А. Васильева, после 362 г. и «Боспор перешел в руки готов», которые в предшествующий период захватили равнину Восточного Крыма. По его словам, единственное указание принадлежности города готам содержится в письме Иоанна Златоуста³. В начале V в. он рукоположил готам епископа Унилу, который вскоре скончался. Стремясь предотвратить отправку по просьбе рэкса готов неугодного епископа, Иоанн Златоуст написал о невозможности плыть зимой «ни в Боспор, ни вообще в те страны»⁴. По мнению А. А. Васильева и других, в этом фрагменте речь идет о крымских, или боспорских, готах⁵. Однако в письме нет конкретной информации о местонахождении резиденции епископа Унилы и рэкса готов, а наряду с Боспором названы «те», т. е. какие-то припонтийские «страны». Упоминание в письме рэкса готов дает основание считать Унилу епископом дунайских готов⁶.

Предположение А. А. Васильева не подтверждается и материалами археологических раскопок. На Европейском Боспоре археологические материалы, связанные с германцами, нападавшими на Боспор в третьей четверти III в., весьма малочисленны. Условия находки некоторых из названных вещей в Керчи неизвестны, а другие германские изделия найдены на городищах, поселениях и некрополях местного греческого и сармато-аланского населения. М. М. Казанский связал с германцами три находки и пришел к выводу о «практическом» отсутствии на Киммерийском Боспоре вещей германской традиции⁷.

Современная жизнедеятельность на территории столицы царства — города Боспора значительно затрудняет изучение топографии города в интересующий нас период. Античный акрополь на горе Митридат теряет значение общественного центра. В. Д. Блаватский отнес к III–IV вв. фундаменты и вымостки, открытые им в слое, перекрывшем руины ранних сооружений, а также строительные остатки на верхней террасе на северо-восточном склоне и у южного подножия горы. Его экспедиция раскопала фундаменты домов, металлообрабатывающую мастерскую, винодельню, участки улицы с водостоками и керамическим водопроводом⁸. Как

¹ Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя... С. 30. Кат. № 5.

² Amm. Marc. XXII, 7, 10.

³ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 21–23.

⁴ Joannis Chrysostomi. Epistola XIV Olimpiadi diaconissae // Patrologiae Graecae / éd. J.-P. Migne. Paris, 1862. T. LII. Col. 618.

⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 33–36.

⁶ Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 10; Айбабин А. И. Этническая история... С. 77–78.

⁷ Казанский М. М. Пути проникновения на Боспор Киммерийский... С. 138.

⁸ Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 1957. № 56. С. 93–95; Он же. Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. 1960. № 2. С. 178–180.

отметил В. Ф. Гайдукевич, рыночная площадь — агора, центр общественной жизни, находилась неподалеку от порта, в стенах уже снесенной средневековой крепости. На бывших Предтеченской и Биржевой площадях найдены основания и фрагменты памятников и надписи¹. В 25–30 м от церкви Иоанна Предтечи Т. И. Макарова раскопала описанный выше монетный двор, разрушенный готами в 255 г.² Порт располагался там же, где и Таманская пристань, и занимал не менее 300 м береговой линии. Гавань защищал построенный при Спартокидах большой мол, нанесенный на планы А. Б. Ашика (1848 г.) и И. П. Бларамберга (1827/1858 гг.)³. Очертания занесенного песком мола еще виднелись в 1845 г.⁴

В последней четверти III — IV в. оживилась экономика Боспора. Восстановился морской торговый флот. Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением развивались традиционные отрасли — земледелие, рыболовство и промышленная переработка рыбы. В последней четверти III в. на территории Пантикапея — Боспора возникли многочисленные зерновые хозяйства⁵. В сельских поселениях выращивалось значительное количество товарного зерна. Боспор вывозил хлеб в Константинополь. В 360-х гг. ритор Фемистий назвал Боспор и Херсон в числе главных поставщиков хлеба в столицу⁶. Рыбаки, очевидно, жили в приморской части столицы, неподалеку от берега моря. Именно там, у юго-восточного подножия горы Митридат, на участке, примыкающем к зданию Керченского историко-археологического музея, в 2007–2008 гг. экспедиция автора раскопала комплекс из шестнадцати рыбозасолочных цистерн общей вместимостью 155 м³. В Тиритаке также возобновилась засолка рыбы в восстановленных цистернах⁷.

Эпиграфические памятники характеризуют религиозную жизнь боспорцев. Памятник в честь победы Тейрана образованная всем двором сакральная коллегия посвятила божественной паре Зевса Спасителя и Геры Спасительницы — Ζεὺς Σωτήρ καὶ Ἥρα Σώτειρα⁸. Тем самым подчеркнута значимость Зевса и Геры как главных богов царства. Как отметил М. И. Ростовцев, эпитет «θεοὶ ἐπιράνιοι — боги небесные» показывает, что это уже не греческий культ⁹. Его официальный статус подтверждает упоминание в той же надписи жреца¹⁰. Он от имени и по повелению государства совершал все религиозные акты.

¹ Гайдукевич В. Ф. Илурат. С. 54, 76, 77, 145.

² Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 345–348.

³ Дебрюкс П. Собрание сочинений / сост. и ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. Т. 2: Иллюстрации. Рис. 417, 427.

⁴ Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея // МИА. 1951. № 19. С. 25–26.

⁵ Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 214.

⁶ Dagron G. Naissance d'une capitale. Paris, 1974. P. 531–532.

⁷ Зинько А. В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. // Боспорские исследования. Симферополь, 2006. Вып. XI. С. 177–184.

⁸ Латышев В. В. Краткий очерк... С. 59; КБН. 36. С. 39–41.

⁹ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 29; КБН. 36. С. 39–41.

¹⁰ КБН. 36. С. 39–43.

На существование в городе Боспоре во второй половине III — начале IV в. общины чтущих Θεὸς ὑψίστος Бога Высочайшего указывает надпись Аврелия Валерия Сога, который в 306 г. по обету построил от основания προσευχή¹. По мнению Э. Шюрера, поддержанному В. В. Латышевым, культ Θεὸς ὑψίστος был иудейским, а термин προσευχή означал иудейские молитвенные дома². Данный культ в I — первой половине III в. широко распространился в Горгиипии и Танаисе. Видимо, с переселенцами из Танаиса культ Бога Высочайшего проник и в столицу царства³. М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич и Т. Н. Книпович писали о синкретизме культа Бога Высочайшего, объединившего черты иудейского Яхве и фракийского Сабазия или греческого Зевса⁴. По словам И. А. Левинской, Аврелий Валерий Сог построил иудейскую προσευχή — молельню Богу Высочайшему⁵. Д. И. Даньшин выделял среди боспорских адептов культа Θεὸς ὑψίστος как не связанных с иудейской общиной полупрозелитов, так и переселившихся на Боспор эллинизированных евреев или прозелитов из вольноотпущенников — членов общины иудеев (συναγωγή τῶν Ἰουδαίων)⁶.

В III–IV вв. жившие в столице царства Боспоре евреи воспринимали эллинскую культуру и греческий язык. На выявленных на городских окраинах еврейских кладбищах прослежен нетипичный для евреев Палестины обычай устанавливать надгробия с религиозными эмблемами, возникший у говоривших на греческом языке и латыни евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции. Один из некрополей находился рядом с Павловской батареей. На раскопанном участке открыто более двадцати грунтовых могил, покрытых «необработанными» камнями. Погребенные были ориентированы головами на восток. Какие-либо вещи в могилах отсутствовали. Другой некрополь открыт близ лазарета, слева от дороги в Керченскую крепость. На надгробиях в центре плит высечены изображения семисвечника — меноры, или пятисвечника, или девятисвечника, а по сторонам — шораф (изогнутый рог) и лулаб (пальмовая ветвь). На некоторых надгробиях вырезаны эпитафии на греческом языке или аналогичные по содержанию двуязычные (на греческом и иврите), датированные по палеографическим особенностям III–IV вв. На надгробиях с менорами вырезаны еврейские (Исаак, Самуил, Симон, Шимон), греческие (Агафон, Аристон, Хрестиона), римское (Север) имена. Судя

¹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // ИИАК. 1904. Вып. 10. С. 26–29; КБН. 64. С. 71–72.

² Schürer E. Die Juden im bosporianischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι Θεὸν ὑψίστον ebendasselbst // Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1897. Т. XII–XIII, 4. S. 220–225; Латышев В. В. Эпиграфические новости... С. 29.

³ Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 64, 65; Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2012. С. 112–129.

⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. С. 431–433; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 433–434; Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949. С. 110.

⁵ Левинская И. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 205.

⁶ Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 64.

по надписям, боспорские евреи имели и римские, и греческие имена¹. В III–IV вв. в городах Боспора меняется еврейская ономастическая традиция, свидетельствующая о новой миграции иудеев на Боспор².

Видимо, в последней четверти III в. с пленными христианами на Боспор проникла их религия. В описании мученичества святого Афиногена говорится о его путешествии (скорее всего, на Боспор) для выкупа христиан, захваченных готами во время набега 276 г. на Педактою в Каппадокии³. На самом раннем христианском надгробии 304 г. из Керчи высечены крест и надпись «Здесь покоится Эвтропий»⁴. К 325 г. в городе Боспоре уже образовалась христианская община и была учреждена епархия. Боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе⁵. Созомен писал о гибели боспорского епископа во время землетрясения в 344 г. в Никомедии, которое произошло до начала собора⁶. Боспорские христиане названы в написанной во второй половине IV в. «Похвале святому мученику Фоке»⁷.

Опираясь на анализ ономастического материала боспорских надписей второй половины III—IV в., Д. И. Даньшин предположил, что после германских погромов часть аланов из Танаиса и греков из Горгиппии переселилась в столицу царства и Феодосию⁸. Новые аланские могильники (Заморское⁹ и раскопанные А. А. Масленниковым на берегу Азовского моря)¹⁰ появились и в Восточном Крыму.

После 276 г. рядовые боспорцы хоронили умерших на некрополях столицы и малых городов в погребальных сооружениях традиционных типов. Выложенные и перекрытые плитами земляные могилы характерны для греческого населения региона с эллинистического периода. Подбойные могилы использовали сарматы. В склепах с лежанками с начала нашей эры погребали представителей всех этнических групп. Как отмечалось выше, с конца II в. с проникавшими на Боспор аланами там распространились Т-образные в плане склепы. На городском некрополе

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 45, 46; Он же. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 14.

² Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 69.

³ Maraval P. La Passion... Р. 30–35. § 3, 7, 8; Хайрединова Э. А. Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н. э. // Східний світ. Київ, 2001. С. 300–301.

⁴ КБН. Addenda, № 3.

⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 10–13.

⁶ *Hermiae Sozomeni*. Historia ecclesiastica // Patrologiae Graecae / éd. J.-P. Migne. Paris, 1864. T. LXVII. Lib. IV, cap. XVI, 1155–1156.

⁷ Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // МАР. СПб., 1899. Вып. 23. С. 33.

⁸ Даньшин Д. И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. С. 53–56.

⁹ *Ajtabin A. I. Archäologie und Geschichte*... S. 28. Abb. 2, 29.

¹⁰ Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 2000. Т. 3. С. 163–164.

Пантикапея — Боспора, расположенном на северном склоне горы Митридат, доминировали склепы с лежанками и Т-образные в плане. Он протянулся широкой полосой на несколько километров от современной Госпитальной улицы в западном направлении до вала¹.

Богатые захоронения, раскопанные в Керчи в 1837, 1841, 1910 и 1918 гг., обычно приписывают Рискупориду III, а также другим представителям правящего рода². По деталям обряда они близки аланским. Два из них совершены под курганными насыпями. Первое (1837 г.) зачищено в мраморном саркофаге. На черепе лежали золотая маска, возможно, исполненная по слепку, снятому с лица умершего, и венки. В саркофаге нашли золотые серьги и браслеты с гранатовыми вставками, фибулы, железные меч и нож, сбруйные ремни с удилами и серебряными бляхами, серебряные и бронзовые сосуды. На двух бляхах изображены тамгообразные знаки. На одной стороне серебряного блюда выгравированы лавровый венок и монограмма $\text{ΑΥΤ[ΩΝΕΙΘΣ] Β[ΑΣΙΛΕΩΣ]}$ — личного имени Марка Аврелия Антонина Каракаллы (211–217), а на другой пуансоном исполнена надпись « $\text{ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΕ}$ ». М. И. Ростовцев полагал, что блюдо подарил Рискупориду III император Каракалла³. В насыпи кургана 1841 г. обнаружен скелет коня. В старом античном склепе в деревянном обитом свинцом гробу лежал скелет с золотым венком на черепе, а рядом — меч, кинжал, копье, нож, два оттиска с монет 222–227 гг. Рискупорида III и сбруйные ремни с серебряными бляхами⁴. По фибулам, деталям сбруи и пряжкам оба комплекса датированы не ранее второй половины III в.⁵ Очевидно, в них похоронены не Рискупорид III, умерший в 226/227 г., и член его семьи, а быть может, Рискупорид IV и какой-то его родственник⁶.

§ 2. Равнинный и Горный Крым

Сведения письменных источников о германских и аланских миграциях в середине III—IV в. в Равнинный и Горный Крым крайне немногочисленны.

В 40-е гг. III в. позднескифское государство лишилось военной поддержки Римской империи. Римляне, заботясь об укреплении дунайской границы, изменили военную политику в Крыму. Они вывели свои гарнизоны из Горного Крыма⁷.

¹ *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея. С. 73, 74, 79; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 32. Abb. 14, 15A.

² *Rostovtzeff M. I.* Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au musée de Saint-Germain // *Monuments et Mémoires Fondation Eugène Piot.* Paris, 1923. Vol. 26. P. 115–125.

³ *Ibid.* P. 119.

⁴ *Ibid.* P. 117, 118.

⁵ *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С. 25.

⁶ *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 32. Abb. 16, 17.

⁷ *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // *ЖМНП.* 1900. Март. С. 157.

Новой ситуацией воспользовались германцы. Рассказы Зосима¹ и автора XII в. Зонары² о переправе германцев с европейского берега пролива на азиатский дают основание говорить о нападении германцев на Боспор в 255 г. с территории Равнинного Крыма³. Их миграцию в регион маркируют и археологические находки. Первоначально готы и бораны вторглись в Северо-Западный Крым, где останавливались на территории оставленного скифами в конце I — начале II в. Южно-Донузлавского укрепленного поселения. Там, в верхнем слое, найден германский умбон, аналогичный обнаруженным в Польше и Скандинавии в погребениях германцев⁴, отнесенным к 220/30–260/70 гг.⁵ Возможно, во время вторжения и был зарыт в землю клад, найденный в долине реки Кача у села Долинное, состоящий из серебряных римских монет антонианов и дакийской карпской фибулы. Чеканенная в 251 г. позднейшая монета клада⁶ фиксирует вероятную дату описанных событий — первый год правления Требониана Галла и Волузиана (252 г.)⁷.

Достигнувшие Третьей гряды Крымских гор германцы уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения, разрушив в Предгорном Крыму его столицу Неаполь, городища Усть-Альма, Алма-Кермен и поселения. В верхнем слое Неаполя обнаружены десятки скелетов и поврежденных черепов непогребенных людей, погибших во время нападения. Не менее живописная картина прослежена при раскопках верхнего горизонта на городище Алма-Кермен⁸. После погрома на этих городищах, а также на позднескифских городищах в Кермен-Кыре, Джалман и Добром не возобновилась жизнедеятельность⁹. Данные укрепления являлись последним препятствием для проникновения германцев в оставленный римскими войсками Юго-Западный Крым. Только в низовьях

¹ Zosime. I, XXXI.

² Zonaras Ioannes. S. 589–590. An. XII, 21.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 32, 33, 36.

⁴ Šćukin M. B. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // Actes de colloque International l'Armée romaine et les Barbares du IVe — VIIe siècle. Paris, 1993. P. 326. Fig. 5,8; Казанский М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 28.

⁵ Godłowsky K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 12, 13. Pl. II,21,44,46; XI,27; XVIII,29; XXII,26,29b.

⁶ Hercen A. G. Il tesoro di Dolinnoe // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995. P. 178–179.

⁷ Айбабин А. И. Этническая история... С. 36.

⁸ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 60, 61, 187; Она же. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 200–202; Храпунов И. Н. Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 122.

⁹ Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 36.

реки Бельбек и на склонах Второй гряды Крымских гор, в долине реки Бодрак, сохранилось прежнее сарматское население. Во второй половине III в. продолжали погребать на могильниках Бельбек I, II, III, Скалистое III¹.

Историки по-разному объясняют миграцию в регион аланов. Как отмечалось выше, по словам М. И. Ростовцева, Ю. А. Кулаковского, Б. С. Бахраха и других, в середине III в. аланы в союзе с готами участвовали в большинстве их походов².

По предположению Ю. А. Кулаковского, готы около середины III в. захватили аланские кочевья в Подонье и Приазовье и вынудили последних мигрировать в Горный Крым³. Недавно найденный в Пантикапее фрагмент энкомия фиксирует проникновение аланов в соседний с Херсонесом регион и в более ранний период. Однако надпись не проясняет причины и длительность нахождения аланов близ Херсонеса. Ю. Г. Виноградов, С. Ю. Сапрыкин и В. Н. Парфенов датировали надпись временем Савромата I (93/94–123/124)⁴, а А. И. Иванчик — Савромата III (229/230–231/232) или, возможно, заключительными годами правления Савромата I⁵. Поздняя датировка вряд ли приемлема, поскольку в энкомии названы тавры, информация о которых в письменных источниках исчезает после I в.⁶

Ф. К. Брун и В. Г. Васильевский видели бесспорное подтверждение пребывания аланов в Крыму в начале III в. в приписке на полях созданного в XIII в. Судакского Синаксаря об основании крепости Сугдея в 212 г.⁷ Они, опираясь на происхождение его имени от иранского Sugä — «чистый», «святой» или осетинского суггäg — «святой», приписывают сооружение города аланам⁸. Ю. А. Кулаковский сомневался в достоверности приписок. Содержащаяся в приписках дата не нашла подтверждения и в материалах археологических раскопок в Судак. Очевидно, город возник в конце VII в.⁹

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 26, 36.

² Rostovzeff M. I. The Sarmatae and Parthians. P. 97; Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов... С. 69; Bachrach B. S. A history of the Alans... P. 15.

³ Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов... С. 70–73.

⁴ Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44; Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–51; Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–182.

⁵ Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии... С. 62–64.

⁶ Храпунов И. Н. Население Горного Крыма в позднеримское время. С. 120.

⁷ Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Τῆ Ταυρικῆ Χερσονήσῳ Πολίς Σουγδαία. Αθήνα, 1965. № 61, 62.

⁸ Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II. С. 122–123; Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. III. С. CLXVII–CLXXX.

⁹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 194.

Об аланах в Крыму знал и писавший о Феодосии автор «Анонимного перипла»: «...опустевший город, имевший гавань... и это был древний элинский город. Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. семибожный»¹. По утверждению А. Диллера, перипл можно датировать по использованным в тексте топонимам, появившимся в письменных источниках во второй половине VI в.² С ним согласилась М. В. Скржинская³. По мнению М. В. Агбунова, сочинение, известное как «Анонимный перипл» и обычно датируемое V в., является расширенной редакцией перипла, составленного Аррианом во II в., и основное его содержание восходит ко II в., а византийский переписчик добавил некоторые современные ему названия⁴. Отмечу, что анонимный автор внес в текст Арриана правку, отражающую реальности VI в. В перипле не случайно сказано о запустении города. Античную Феодосию разрушили в IV в. Скорее всего, автор пояснил, как крымские варвары-аланы называли известный с античного времени пункт на побережье⁵.

Материалы многолетних археологических раскопок в Горном Крыму дополняют скудную информацию упомянутых выше письменных источников о миграционной активности аланов и германцев в регионе. В отображенное в приведенных выше источниках время в незаселенных во II — первой половине III в. районах Горного Крыма, а именно на границе хоры Херсонеса в низовьях рек Черная и Бельбек, у склонов Третьей гряды, на южном берегу, появилась новая археологическая культура, представленная поселениями и некрополями с труположениями и кремациями. Комплексное изучение свойственных этой культуре погребальной обрядности, деталей традиционного костюма, оружия и бытовой утвари позволило обосновать дату ее возникновения, проследить ее эволюцию, а также обосновать этническую принадлежность ее носителей.

На некрополях, возникших в низовье Черной речки и в Инкермане⁶, на склоне Килен-Балки⁷, в Суворово⁸, Тенистом (Тас-Тепе)⁹, Красной Заре¹⁰, Виш-

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. 1. С. 284.

² Diller A. The tradition of the minor Greek geographers. New York; Lancaster; Oxford, 1952. P. 112–113.

³ Скржинская М. В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115.

⁴ Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 10–14.

⁵ Айбабин А. И. Этническая история... С. 79.

⁶ Там же. С. 36; Айбабин А. И. Archäologie und Geschichte... S. 28, 30. Abb. 2, 15, 19; 13.

⁷ Контны Б., Савеля Д. Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129–160.

⁸ Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 57–77.

⁹ Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники... С. 32–33; Айбабин А. И. Archäologie und Geschichte... S. 9, 10. Abb. 3.

¹⁰ Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники... С. 32–33. Рис. 2.

невом¹, Курском², Озерном³, Сувлу-Кая⁴, Перевальном⁵, Дружном⁶, Нейзаце⁷ и на плато Мангуп⁸, захоронения по обряду трупоположения совершены в основном в Т-образных в плане склепах, в подбойных и ямных могилах⁹.

Т-образные склепы по планировке близки катакомбам, известным в Центральном Предкавказье¹⁰, Нижнем и Среднем Прикубанье¹¹, с конца II—начала III в. на Европейском и Азиатском Боспоре¹², с середины III в. — в междуречье Дона и Сала и в низовье Дона¹³. В крымских могильниках Дружное, Перевальное, Нейзац и на Черной речке в дромосах и камерах найдены скелеты или отдельные кости лошадей, также в камерах лежали древесные угольки и остатки пищи — кости овец, коров, куриные кости и яйца. На стенке камеры в Нейзаце были высечены тамгообразные знаки¹⁴, а в Озерном на стене камеры сажей нарисованы тамги и фигурки лошадей¹⁵. Один из знаков похож на тамги царей Боспора, изображенные на монетах III–IV вв.

В подбойных могилах, в одном или двух бортах входной ямы выкапывалась ниша-подбой для захоронения. Обычно подбой закрывали закладными

¹ Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники... С. 33.

² Труфанов А. А. Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34–41.

³ Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.

⁴ Масякин В. В., Волошинов А. А., Неневоля И. И. Склепы начала эпохи Великого переселения народов из некрополя Сувлу-Кая // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 2013. С. 31–32.

⁵ Пуздровский А. Е. Крымская Скифия во II в. до н. э. — III в. н. э. (погребальные памятники). Симферополь, 2007. С. 95.

⁶ Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 89–98; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 8. Abb. 2,4.

⁷ Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 13–59.

⁸ Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 114; *Айбабин А. И. Этническая история...* С. 14; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 8.

⁹ *Айбабин А. И. Этническая история...* С. 18, 22. Рис. 6,3–5; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 14. Abb. 6,3–5.

¹⁰ Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993. Рис. 2,2; 7,7–10,12,15,17,18; 40,2; 48,1,2,4,5; *Она же*. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М., 1997. С. 97–102. Рис. 2,1,6,13; 3,1; 4,1,13; 5,1,5,13; 8,1,9; 9,9; *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. Рис. 33,69,101,118.

¹¹ Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 7.

¹² Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса... Табл. 65,834.

¹³ Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 180–181. Рис. 1, I, II, IV.

¹⁴ Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 73. Рис. 4,1.

¹⁵ Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III... С. 239, 241. Рис. 2,2–9.

плитами. На Черной речке, в Озерном и Красном Маке в подбоях прослежены остатки деревянных колод. Немногочисленные грунтовые могилы выкопаны с углублением для покойника на дне ямы. Углубления накрывались досками или плитами.

Подбойные и ямные могилы по конструкции подобны появившимся на Боспоре со II в.¹, а в Юго-Западном Крыму с I в. н. э. в результате миграции сарматов². Однако ранние могилы отличаются от появившихся в III в. В ранних могилах входные ямы и подбой значительно шире (до 1 м и более). У некоторых из них входные ямы были засыпаны камнями³.

Прослеженные в рассматриваемых крымских склепах и подбойных могилах элементы погребального обряда — остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей, первоначально погребенных к стене, — аналогичны зафиксированным в погребальных сооружениях в Предкавказье⁴.

В Т-образных склепах и могилах Юго-Западного Крыма лежали как типичные для сарматов и аланов Азиатского Боспора, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья темноглиняные лепные сосуды с дуговидными или коническими налепами, кувшины и горшки с темным лощением и нелощеные, железные листовидные наконечники копий и дротиков с валиком по оси, железные мечи с бронзовым ромбовидным или прямым перекрестием, декорированные вставками из шлифованного сердолика серьги, браслеты и украшения сбруйных ремней, железные детали узды (удила, псалии), так и использовавшиеся аланами и германцами короткие мечи и кинжалы с вырезами у рукояти, металлические пряжки с овальной рамкой 1-го и 2-го вариантов с язычком со ступенчатым срезом у основания и одночленные подвязные фибулы, а также популярные у германцев янтарные грибовидные бусы, амулеты в виде бронзовых топориков и железных ведеркообразных подвесок, черняховские двучленные подвязные фибулы ранних вариантов и лощеная керамика с биконическим туловом, привезенные из римских провинций и сделанные в Херсоне и на Боспоре амфоры, стеклянные и краснолаковые сосуды⁵.

¹ Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19. С. 73, 74; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон... С. 234; Масленников А. А. Население Боспорского государства... С. 27.

² Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 33; Она же. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997. (Труды ГИМ; вып. 93). Рис. 2–6; Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 22, 23.

³ Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии... С. 57, 58; Пузоровский А. Е. Крымская Скифия... Рис. 66, 1–11; 77.

⁴ Айбабин А. И. Этническая история... С. 23.

⁵ Там же. С. 22–24; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 14, 16, 18.

Приведенные этнопоказательные признаки (конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения и инвентарь) аргументируют принадлежность рассмотренных погребальных сооружений аланам.

Некрополи с кремациями обнаружены на склоне горы Чатыр-Даг, близ брошенной римлянами крепости Харакс на мысу Ай-Тодор, в Партените и на Черной речке¹. На территории некрополей кремация всегда совершалась в стороне от могилы. Выявлены захоронения с прахом в урнах, стоящих в каменных ящиках или в ямах, перекрытых бутовыми камнями, или в маленьких засыпанных грунтом ямах. Прах также компактно складывали в небольшую яму, засыпанную землей или забросанную камнями².

Почти все урны были закрыты глиняным сосудом или фрагментом керамики, иногда плоским камешком. Во многих урнах и могилах лежали остатки костра, сопровождающие вещи, а в некоторых из них — кости животных. На склоне Чатыр-Дага в могилах лежали серпы, согнутый меч, наконечники копий, топоры и умбон³, близ Харакса в могилах нашли топоры, серп, умбон, кинжал и наконечник копья⁴.

Три захоронения с кремациями раскрыты на могильнике Бельбек I, а одно — на некрополе Скалистое III⁵. Судя по инвентарю, на этих могильниках хоронили до конца IV в.⁶ В Херсонесе в эллинистический и римский периоды практиковалась кремация. К середине III в. жители города отказались от нее. В более позднее время на его некрополе зафиксирован лишь один случай использования кремации — в каменной гробнице второй половины V в.⁷ Однако известные в Херсонесе погребения с кремациями по конструкции и деталям обряда отличаются от горнокрымских. Т. е. кремация не могла распространиться в Юго-Западном Крыму после середины III в. из Херсонеса. Захоронения, открытые на склоне Чатыр-Дага, близ Харакса, в Партените и на Черной речке, аналогичны одновременным германским погребениям, раскопанным в Северном и Восточном Причерноморье на некрополях черняховской культуры⁸ и в Польше на территории пшеворской и вельбарской культур⁹. Могилы с урнами в ка-

¹ Айбабин А. И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999. С. 244–246.

² Там же. С. 244–245; *Ajabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 18, 20; *Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. С. 9–31.

³ *Мыц В. Л. и др.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи... С. 117, 119, 121, 123, 125, 126. Табл. 6, 7. Рис. 6–9.

⁴ *Блаватский В. Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 264, 268. Рис. 10,3,4; 11,1,2.

⁵ *Богданова Н. А., Гуцина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 124; *Гуцина И. И.* Население сарматского времени... С. 34, 45, 47, 48. Рис. II,5.

⁶ *Ajabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 20.

⁷ *Ibid.* S. 20. Taf. 25,3,9.

⁸ *Магомедов Б. В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. С. 42, 46.

⁹ *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребения Средней Европы в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // Погребальный обряд племен Север-

менных ящиках или в перекрытых бутовыми камнями ямах, равно как могилы с прахом, сложенным в забросанную камнями ямку, близки германским захоронениям с кремациями римского периода в Норвегии¹. Для упомянутых германских кремаций характерны и прослеженные в кремациях из Юго-Западного Крыма многие детали обряда: наличие керамических и стеклянных сосудов, разнообразного инвентаря, остатков пищи и костра, обычай закрывать урны черепками или сосудами, малочисленность оружия и отдельные категории инвентаря: фибулы, ведеркообразные подвески, керамика с биконическим туловом². Близ Харакса, на склоне Чатыр-Дага и в Партените в могилах много монет. Это локальная особенность обряда.

Как мы видим, рассмотренные крымские погребения с кремацией оставлены германцами.

Следует отметить, что на Черной речке аланы поселились вместе с германцами и хоронили на одном некрополе. Аланы погребали по обряду труположения, а германцы практиковали кремацию.

В результате изучения типологии всех категорий погребального инвентаря и выявления датированных находок установлена дата возникновения германских и почти всех аланских некрополей — около середины III в.³ Судя по инвентарю из раскопанных в Нейзаце погребальных сооружений, аланы могли поселиться у внешней гряды значительно ранее. Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с приведенной выше информацией письменных источников о миграции германцев и аланов на полуостров.

Лишившись бескрайних степных пастбищ, аланы были вынуждены расселиться в предгорье и горах и существенно изменить образ жизни: отказаться от кочевого скотоводства и перейти к оседлости. Несомненно, перечисленные выше новые могильники могли принадлежать только оседлому населению. Правда, пока связанные с ними поселения открыты только на плато Мангуп и на Тас-Тепе⁴. Аланы в сравнительно нешироких плодородных речных поймах крымских рек начали переходить к новому типу пастушеско-земледельческой экономики. Весной, летом и в теплые осенние месяцы стада выводили на горные пастбища, а остальное время их содержали возле поселений. Значительно изменился состав стада. Извлеченные из склепов остеологические материалы говорят о развитии птицеводства и овцеводства, выращивании крупного рогатого скота. О сохранении коневодства свидетельствуют найденные в склепах на Черной речке захоронения лошадей, а так-

---

ной и Средней Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 1974. С. 61–66, 81–90; Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980. С. 64, 74, 76.

¹ Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au bas-empire // Travaux et mémoires. Vol. 11. P. 496–497.

² Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985. С. 82–88. Табл. II, Па, Ша, XXII–XXIV.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 13, 16, 18, 23, 24, 249–252. Табл. XXVII, 1–41; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 7–10, 14, 22, 213–216. Taf. 27, 1–41.

⁴ Ibid. S. 8–10. Abb. 3.

же наличие во многих аланских погребениях железных удилов. В течение довольно короткого периода аланы освоили зерноводство.

В 276 г. после победы Тейрана над варварами на полуострове начался относительно спокойный период. Обнаруженные в алано-готских захоронениях первой половины III—IV в. многочисленные привозные поясные пряжки, фибулы, украшения, краснолаковые сосуды, амфоры и стеклянные сосуды иллюстрируют существование активной торговли местного населения с Боспором и Херсоном, а через гавань последнего — и со многими другими городами Восточной Римской империи.

§ 3. Херсонес

В IV–V вв. этот город, как и в античную эпоху, называли Херсонесом¹, тогда как авторы VI в.² и более поздние, например автор написанной в конце VII в. «Космографии»³, именовали Херсоном.

Во второй половине III в. внешний облик сооруженного на выступающем в открытое море скалистом мысу Херсонеса, как и в предшествующий период, определяли монументальные куртины и башни, окружавшие город по всему периметру. Херсонес унаследовал от предшествующего периода регулярную планировку прямоугольными кварталами с прямыми улицами, с канализацией и водопроводом из глиняных труб. На пересекавшей город с юго-запада на северо-восток главной продольной улице длиной около 1 км и шириной 6–7 м находились главная и малая агоры⁴. С востока в скалистый мыс врезалась совершенно закрытая от морских ветров бухта (ныне Карантинная). Она представляла собой исключительно удобную стоянку для торговых кораблей. На берегу бухты и под водой все еще не обнаружены остатки городских портовых сооружений⁵. Однако, по словам автора «Анонимного перипла Понта Эвксинского», в Херсонесе Таврическом были «пристань и хорошие гавани»⁶. Херсонесу принадлежала хора на Гераклеиском полуострове, разделенная на земельные наделы с усадьбами.

¹ Zosime. Histoire nouvelle / texte établi et traduit par P. Faschaud. Paris, 1979. Т. 2. IV,5,2. P. 266; Codex Theodosiani / eds. Th. Mommsen, P. Meyer. Berlin, MCCCXV. I–II. Lib. XVI, IX, 40, 24.

² *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов... С. 128.

³ Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / eds. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860. P. 172–174.

⁴ *Айбабин А. И.* Ранневизантийский Херсонес-Херсон // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. (Труды Государственного Эрмитажа; вып. 51). С. 353.

⁵ *Блаватский В. Д.* Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. // СА. 1961. № 4. С. 150–157.

⁶ *Латышев В. В.* Известия древних писателей... Т. I. С. 284.

Во второй половине II — первой половине III в. в Херсонесе находились сформированные в Мезии и Фракии подразделения херсонесской вексилляции¹, а в гавани базировались военные корабли Мезийского флота². Для римлян в юго-восточной части города еще во второй половине II — первой половине III в. в цитадели были сооружены прямоугольное, с трех сторон окруженное портиками здание херсонесской вексилляции, термы, казармы и преторий³. Херсонесской вексилляции подчинялись римские гарнизоны в Гавани Символа (Συμβόλων λιμήν) (Балаклаве)⁴, Хараксе⁵ и городище, раскопанном в Альма-Кермен⁶.

Судя по фрагменту греческой надписи с упоминанием императора Требуниана Галла (251–253)⁷, римский гарнизон в начале второй половины III в. еще находился в Херсонесе. Очевидно, в связи с необходимостью укрепить защиту границы на Дунае войска вскоре вывели из города⁸.

В 250–260-е гг. германцы не нападали на Херсонес. При Галлиене (253–268) в городе прекратилась чеканка монет⁹. Вероятно, после гибели важного экономического партнера — позднескифского государства, ухода римских войск и захвата германцами черноморских коммуникаций в Херсонесе разразился глубокий кризис.

В Римской империи отчетливо понимали геополитическое значение города для установления прямых контактов с племенами, населявшими Крым и степи Северного Причерноморья. Несмотря на то что Херсонес отсутствует в составленном в конце IV — первой четверти V в. официальном списке гражданских и военных должностей *Notitia dignitatum*¹⁰, немногословная информация письменных источников вполне определенно свидетельствует о вхождении города во второй половине III — IV в. в состав империи. Материалы археологических раскопок и надписи из Херсонеса не только подтверждают принадлежность его к Римской империи, но и позволяют считать город ее форпостом на полуострове¹¹.

¹ Савостина Е. А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. № 4. С. 129–130.

² Соломоник Э. И. О пребывании римского флота в Крыму // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 142–145.

³ Антонова И. А. Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 10–17. Рис. 3.

⁴ Сарновский Т. К вопросу о римской оккупации Южного Крыма в свете новых данных // Сарновский Т., Савела О. Я. Балаклава. Римская военная база... С. 269–272.

⁵ Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надпись бенефициариев в Ай-Тодоре // ИИАК. 1911. Вып. 40. С. 40.

⁶ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 55, 56.

⁷ НЭПХ. Т. II. С. 56–61.

⁸ Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. *Scola Principalium* в Херсонесе // НЭ. 1999. Т. 16. С. 78–80.

⁹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 91.

¹⁰ *Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum* / ed. O. Seeck. Berolini, 1876; *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1496.

¹¹ Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 553–558; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 43–44.

По предположению В. В. Борисовой, на основаниях стен казарм II–III вв. в III–IV вв. (видимо, в конце III в.) вновь возвели казармы¹. По мнению И. А. Антоновой, здания и термы римской вексиляции разрушили в середине III в., а во второй половине того же столетия вновь восстановили и использовали до VII в.² Поскольку в отчетах И. А. Антоновой массовый археологический материал должным образом не описан и не систематизирован³, то даты, предложенные в упомянутых выше публикациях, весьма декларативны. Зафиксированная В. В. Борисовой и И. А. Антоновой на объектах римского военного лагеря стратиграфия позволила выявить несколько строительных периодов. Судя по керамике из прекрывавшего руины первого строительного периода слоя, новый комплекс построек, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности римского военного формирования, восстановили не ранее конца III в. В статье, написанной В. М. Зубарем по тем же отчетам И. А. Антоновой, утверждается, что почти все принадлежавшие гарнизону постройки функционировали до конца третьей четверти III в., а на месте терм в конце того же столетия соорудили новые, использовавшиеся до VI в.⁴ По мнению В. М. Зубаря, результаты археологического изучения в цитадели подтверждают отсутствие в городе во второй половине III в. римского гарнизона⁵.

Надписи свидетельствуют о возвращении в конце III в. в Херсонес римских войск. В трех надписях восстанавливаются названия вексиляции, состоящей из подразделений нижнедунайских легионов: I Италийского и сформированного при первой тетрархии⁶ II Геркулийского⁷. Фрагменты первой надписи найдены в 1900 г. около 17-й и 19-й куртин. Э. И. Соломоник отнесла надпись ко времени правления августов Диоклетиана и Максимиана — 286–293 гг.⁸, тогда как, по мнению К. Цукермана, надпись соответствует ситуации либо первой и второй тетрархии (293–306 гг.), либо последним годам соправительства Лициния-младшего и Константина-младшего (317–324)⁹. Вторая надпись известна по рисунку П. С. Палласа¹⁰. М. И. Ростовцев восстановил в ней сокращения титулов двух августов и двух цезарей, датирующие надпись временем или тетрархии Диокле-

¹ *Борисова В. В.* Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 1963. № 3. С. 54; *Она же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. (цитадель) // НА ИА НАНУ. Д. 1962/1963. С. 2–17.

² *Антонова И. А.* Административные здания Херсонесской вексиляции. С. 10–14, 17.

³ *Антонова И. А., Зубарь В. М.* Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 32–63, 65.

⁴ Там же. С. 43, 59, 62.

⁵ *Зубарь В. М., Сарновский Т., Антонова И. А.* Новая надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ХСб. 2001. Вып. XI. С. 111.

⁶ *Zahariade M.* Legio II Herculia // *Revue des études sud-est européennes.* București, 1983. Vol. 21. P. 247–259.

⁷ *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 554–555.

⁸ *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 74–75. № 53.

⁹ *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 554–555.

¹⁰ *Соломоник Э. И.* Латинские надписи... № 2.

тиана (293–305), или тетрархии Констанция I (305–306)¹. В пятой строке надписи К. Цукерман прочитал титул *v(iro) e(gregio) protecto[ro]*, соответствующий офицерскому чину протектора². Протектор «вексилляции из подразделений легионов XI Клавдиева и I Итальянского и кавалеристов» упомянут и в надписи, найденной в 1995 г. на территории цитадели в Херсонесе³.

По словам В. М. Зубаря, содержащийся в трактате Константина Багрянородного текст херсонесских легенд дает основание полагать, что зафиксированная в надписях вексилляция входила в состав полевой армии Подунавья⁴. Как отмечалось выше, в разделе о Боспоре, эти легенды записаны в средние века и содержат недостоверную информацию.

По утверждению А. Х. М. Джонса, при Диоклетиане и Константине I чин протектора присваивали императорским гвардейцам и избранным центурионам. В легионах протекторы возглавляли отдельные вексилляции, выполняли специальные поручения в пограничных районах империи⁵. Возможно, в конце III — начале IV в. римский гарнизон в городе возглавлял протектор, который руководил и восстановлением лагеря вексилляции и оборонительных сооружений⁶.

Солдаты, моряки и ветераны жили в городе вместе с семьями, рабами, вольноотпущенниками, обслуживавшими армию ремесленниками и торговцами⁷. Военным принадлежали склепы с камерами, вырубленными с нишами для урн, близкие по конструкции римским колумбариям⁸.

По предположению К. Цукермана, рассказ Зосима о бегстве в Херсон узурпатора Прокопия свидетельствует о выводе вексилляции из города⁹. В 364 г. родственник императора Юлиана (361–363) после неудавшегося восстания против императора Валента (364–378) скрывался в Херсонесе. Через некоторое время Прокопий, опасаясь, что горожане выдадут его преследователям, бежал на попутном корабле в Константинополь¹⁰. Однако, по замечанию М. И. Ростовцева, сообщения Аммиана Марцеллина о ссылке в город в 366 г. замешанного

¹ Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИИАК. 1907. Вып. 23. С. 13.

² Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 553–554.

³ Зубарь В. М., Сарновский Т., Антонова И. А. Новая надпись из раскопок цитадели... С. 106–109. Рис. 1–2.

⁴ Там же. С. 112–113.

⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Baltimore, 1992. Vol. 1. P. 53, 54, 636, 637.

⁶ Ajbabın A. I. Archäologie und Geschichte... S. 44.

⁷ Соломоник Э. И. Латинские надписи... № 20, 31–34; Зубарь В. Н., Сон Н. О. З приводу інтерпретації латинського напису з Херсонесу // Археологія. 1997. № 1. С. 121–125.

⁸ Зубарь В. М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 81, 88, 89, 91, 92, 100.

⁹ Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 558.

¹⁰ Zosime. T. 2. IV, 5, 2. P. 266; The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. P. 1731.

в заговоре Прокопия Фронемия¹ указывают на пребывание в городе «вооруженной силы»².

Как явствует из текста надписи из Херсонеса в честь Валентиниана, Валента и Грациана, в 370–375 гг. в городе дислоцировалось воинское подразделение баллистариев. В надписи названы командир отряда баллистариев и префект претория Востока Домиций Модест³, которому подчинялись все фракийские провинции и Херсонес. Баллистариями командовал трибун. Он же руководил реконструкцией городской оборонительной системы.

В. В. Латышев опубликовал надпись, найденную близ 16–17-й куртин в средневековом слое. По его словам, начало высеченной при Феодосии I и Аркадии в 392 г. надписи (ὁπὲρ τῶν δεσποτῶν ἡμῶν, τῶν ἐωνίων Ἀγούστῶν, τῶν ἀνεκίητων κὲ Φλαβίων, Θεοδοσίου κὲ Ἀρκαδίου... — «За владык наших, вечных августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия...») свидетельствует о вхождении Херсонеса в состав империи и признании императоров своими владыками⁴. Чтение надписи уточнил К. Цукерман. По его мнению, в надписи сообщается об укреплении стен Херсона стараниями трибуна Флавия Вита и механиков при Евфирии, занимавшем должность *magister militum* Фракии. К. Цукерман обратил внимание на присутствие в надписи термина «механики», которые, будучи архитекторами и специалистами по военным машинам, служили в легионе баллистариев⁵. Приведенные надписи опровергают сведения упомянутых выше городских хроник. Как мы видим, баллистариев разместили в городе не при Диоклетиане или Константине, а при Валенте и соправителях. Они являлись солдатами римской армии, а не городской милицией. Таковыми стали их потомки, которые наследовали службу в отряде.

На оживление в IV в. фортификационного строительства в восточном портовом районе города указывают материалы археолого-реставрационных работ на куртинах и башнях⁶. Скорее всего, усиление военного присутствия Восточной Римской империи в городе было вызвано вторжением в степи Приазовья и Северного Причерноморья гуннов⁷.

В Херсонесе важную роль играло городское самоуправление. В надписи 370–375 гг. упомянут *pater*⁸. Видимо, в надписи идет речь о *pater civitatis* (отец

¹ *Amm. Marc.* XXVI, 10, 8.

² *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи... С. 14.

³ Там же. С. 5–7; *Соломоник Э. И.* Латинские надписи... № 3; *Zuckerman C.* The early byzantine strongholds... P. 550.

⁴ *Латышев В. В.* Надпись о постройке Херсонесской стены // ИИАК. 1901. Вып. 1. С. 56–59.

⁵ *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 550.

⁶ *Антонова И. А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 102–118; *Она же.* К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13. С. 5–6.

⁷ *Ajabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 46.

⁸ *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи... С. 17–18; *Соломоник Э. И.* Латинские надписи... № 3; *Храпунов Н. И.* Политическая история, государственное и админи-

города). По мнению Д. Фисселя, в IV в. *pater civitatis* в городском самоуправлении руководил общественными работами и был ответственным за военные склады¹.

Херсонес поддерживал активные экономические отношения с империей. В начале 360-х гг. город восстановил товарное производство зерна, которое выращивалось на сельских усадьбах Гераклеийского полуострова. Ритор Фемистий в произнесенном в 361 г. панегирике назвал Херсон в числе главных поставщиков хлеба в Константинополь². Аммиан Марцеллин в географическом экскурсе, приуроченном к 362 г., писал: «...его (Херсонеса) население спокойно и мирно занимается хлебопашеством и питается его продуктами»³. На северном берегу в квартале XVIII открыты два крупных винодельческих комплекса, созданных не ранее середины III в., которые функционировали около трех столетий. Вино изготавливали в специальных зданиях, где имелись давяльные площадки и резервуары объемом не менее одного кубометра. Давильные площадки были разделены на три части, в каждой из которых можно было производить выжимку одновременно трех сортов винограда, не смешивая один с другим. В комплексах производилось большое количество вина, предназначавшегося для продажи⁴. Видимо, в связи с увеличением переработки рыбы соорудили новые рыбозасолочные цистерны⁵. На северном берегу в XXV квартале в конце IV — начале V в. устроили две стеклоделательные мастерские. В одной из них зачищены три печи. В мастерских изготавливали стаканы на круглом поддоне, в том числе с налепами из синего стекла, кувшины и оконное стекло⁶.

Во второй половине III — IV в. в Херсонесе преобладали язычники. Вероятно, не случайно после провозглашения в 364 г. императором Валента поддерживаемый язычниками узурпатор Прокопий пытался укрыться в Херсонесе⁷. Многие горожане отправляли домашние культы греческих и восточных богов. Был распространен популярный в империи синкретический культ Исиды и Зевса. В III в. еги-

---

стративное устройство Херсонеса в конце IV — VI в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 522.

¹ *Feissel D.* Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // *Inscriptions de Cilicie* / éd. G. Dagron, D. Feissel. Paris, 1987. P. 219–220; *Idem.* L'empereur et l'administration impériale // *Le Mond Byzantin* / éd. C. Morrisson. Paris, 2004. Vol. I. P. 105.

² *Dagron G.* Naissance d'une capitale. P. 531, 532.

³ *Amm. Marc.* XXII, 8, 32.

⁴ *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII // *МИА.* 1953. № 34. С. 171–204.

⁵ *Романчук А. И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // *АДСВ.* Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 18–26.

⁶ *Белов Г. Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // *КСИА.* 1969. Вып. 116. С. 80–84; *Он же.* Стеклоделие в Херсонесе // *СА.* 1965. № 3. С. 237–239; *Голофаст Л. А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // *МАИЭТ.* 1998. Вып. VI. С. 314, 316. Рис. 1.

⁷ *Курбатов Г. Л.* Восстание Прокопия (365–366 гг.) // *ВВ.* 1958. Т. 14. С. 16–17; *The Oxford Dictionary of Byzantium.* Vol. 3. P. 1731.

петскую Исиду отождествляли с Деметрой, Гекатой, Афродитой, Тюхе и другими греческими богинями, а Зевса воспринимали как единого бога Зевса-Сераписа¹.

В специальной литературе более двух веков активно дискутируются проблемы истории и хронологии христианизации Херсонеса. Многие историки, опираясь на записанный в X в. текст «Житий св. епископов херсонесских», датируют распространение христианства в Херсонесе периодом правления Диоклетиана и Константина I. В. В. Латышев издал содержащиеся в минее Михаила IV (1034–1041) пространную греческую версию, славянскую и грузинскую версии. По его предположению, на грузинский язык во второй половине XII в. перевели текст самой близкой к херсонесскому оригиналу версии. Согласно житию в шестнадцатый год царствования Диоклетиана (в 299 г.) епископ Иерусалима Гермон направил проповедовать христианство в Херсон епископа Василия. Несмотря на то что он крещением воскресил в присутствии двух евреев сына одного из первых (знатных) горожан (τὸν τῆς πόλεως πρότον) и крестил самих родителей, язычники убили миссионера. Вскоре в город из Иерусалима с той же целью прибыли епископы Евгений, Агафодор и Елпидий, также погибшие от рук язычников и иудеев. Спустя некоторое время иерусалимский епископ послал в Херсон епископа Эферия, который, убедившись в трудности обращения херсонесцев, отбыл в Константинополь и обратился с жалобой к Константину I². В опубликованной Ф. Алканом версии Эферий вернулся из столицы с отрядом солдат³. Во всех версиях жития говорится о направлении в 325 г. Константином I в Херсон отряда в 500 солдат, сопровождавшего посланного из Иерусалима епископа Капитона. Однако при названных в житии императорах иерусалимская церковь занимала весьма скромное место среди других христианских церквей и не могла претендовать на личное покровительство Константина I. Да и епископ Гермон вступил на иерусалимский престол не на шестнадцатом, а на восемнадцатом году царствования Диоклетиана. Хотя в феврале 313 г. в Милане на встрече Константина I и Лициния в империи была провозглашена свобода религиозного вероисповедания, сам Константин почти до своей кончины оставался язычником и не проводил политики насильственного насаждения христианства⁴. Как справедливо отметил Ж. Дагрон, авторы агиографических легенд, спекулируя датами, именами и списками забытых епископов, старались

¹ *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1. С. 68–71.

² *Латышев В. В.* Жития св. епископов херсонесских // ЗИАН. Серия VIII. СПб., 1906. Т. VIII, № 3. С. 39–40; *Он же.* Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 73–88; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. С. 17–19.

³ *Halkin F.* La passion des sept évêques de Cherson (Crimée) // *Analecta Bollandiana*. 1984. Vol. 102. P. 253, 264; *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 546, 547.

⁴ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 98–103; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 80–81; *Zuckerman C.* The early byzantine strongholds... P. 547–548.

возвести происхождение херсонесской церкви чуть ли не к апостолам и считали первых миссионеров иерусалимскими епископами¹.

В городе малочисленны реальные ранние свидетельства присутствия христиан. К концу III — первой половине IV в. относятся обнаруженные в могилах некрополя Херсонеса изображения христианских символов: фигурный сосуд из цветного стекла в форме рыбы² и глиняные светильники с двумя рыбами на щитке³. Христианскими Э. И. Соломоник считала нанесенные белой краской на красноглиняные одноручные кувшинчики надписи-дипинти: «пей» — πείνε, «радуйся» — εὐφραΐσθου, «счастье» — Εὐτυχία, «(да будет) милостив ко мне бог» — εὐλιεός μοι ὁ θεός. Многие из кувшинчиков извлечены из склепов с большим количеством скелетов и из могил с монетами и вещами III — начала IV в.⁴ Возможно, с IV в. в городе распространились светильники с изображением мученика-крещальни или монограммой Христа⁵.

Христианская община, видимо, образовалась в городе в последней четверти IV в. Первое достоверное упоминание Херсонесской епархии имеется в документах II Вселенского собора 381 г., в котором участвовал херсонесский епископ Эферий⁶. В нескольких синаксарях говорится о том, что в правление Феодосия I после смерти епископа Эферия епископом Херсонеса назначили Капитона. Вероятно, Эферий занял епископскую кафедру при Валенте, а Капитон — в середине 380-х — начале 390-х гг.⁷

К стенам Херсонеса с запада и юга примыкает некрополь. Во второй половине III в., после вывода из города римских войск, там прекратили кремировать умерших. В Херсонесе, как и в первые века нашей эры, доминировала греческая община. Ее членов хоронили на расположенных за городскими стенами кладбищах, в могилах, вырубленных в скале, иногда обложенных по периметру и перекрытых плитами. В некоторых однотипных могилах рядом со скелетами лежали урны с пережженными костями и пеплом. Во второй половине III — IV в. на некрополе наиболее многочисленны склепы с лежанками. Их приписывают грекам. Однако в некоторых склепах с лежанками выявлены черепа с типичной для сарматов и аланов искусственной деформацией. А значит, склепы описанной конструкции использовали представители разных этнических групп. Появившиеся

¹ *Dagron G.* Crimée ambiguë (IV–Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 295.

² *Сорокина Н. П.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // МАПП. 1960. № 3. С. 232.

³ *Зубарь В. М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. 1991. С. 13. Рис. 3.

⁴ *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни... С. 60, 62–64, 66–68, 71–74.

⁵ *Залеская В. Н.* Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4. С. 233–237; *Она же.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПб., 2006. № 387–389.

⁶ *King N. Q.* The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381 // *Studia Patristica.* Berlin, 1957. Vol. 1. P. 639.

⁷ *Zuckerman C.* The early byzantine strongholds... P. 548, 549.

в городе со II в. н. э. сарматы погребали умерших в подбойных могилах. С IV в. в Херсонесе соорудили Т-образные в плане аланские склепы. Видимо, в город проникли аланы, обосновавшиеся на границах его хоры в начале второй половины III в.¹ Надгробия позднеримского периода, эпитафические и агиографические источники свидетельствуют о присутствии в Херсонесе еврейской общины².

---

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 49.

² Соломоник Э. И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 19–23.

Глава 8

Крым в эпоху Великого переселения народов

А. И. Айбабин

§ 1. Боспорское царство

Эпоха Великого переселения народов началась с вторжения гуннов из заволжских и прикаспийских степей в Приазовье, Северное Причерноморье и на Северный Кавказ¹. По рассказам Аммиана Марцеллина², Евнапия³ и Зосима⁴, в годы правления императора Валента (364–378) гунны прошли через земли аланов-танаитов, истребили многих из них и заключили союз с уцелевшими. При содействии аланов гунны разгромили государство остготского короля Германариха (Эрманариха) и заставили часть готов и их союзников уйти через Дунай в римские провинции⁵. По словам Павла Орозия, гунны изгнали готов с их земли на тринадцатом году царствования Валента — в 376 г.⁶ Быт гуннов в период их вторжения в Европу описан Аммианом Марцеллином: «...у них никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи... Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости... Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как и к гробницам... Придя на

¹ *Thompson E. A.* A history of Attila and the Huns. Oxford, 1948. P. 21–24; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 67–70; *Кляиторный С. Г., Султанов Т. И.* Государство и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 66–68.

² *Amm. Marc.* XXXI, 2, 12; 3, 1.

³ *Blockley R. C.* The fragmentary classicising historians of the Later Roman empire. Eunapius, Olimpiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, 1983. Vol. 2. Fr. 41,42.

⁴ *Zosime.* Т. I. II, IV, XX, 3. P. 280–281, 371–375.

⁵ *Mathews J.* The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 318–322, 326–328; *Heather P. J.* Goths and Romans. 332–489. Oxford, 1991. P. 122–128; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 49.

⁶ *Pauli Orosii.* Historiarum adversum paganos / ex rec. K. Zangemeister. Leipzig, 1889. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum; Bd. V). Lib. VII, 33,10.

изобильное травоядное место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми»¹.

С. А. Плетнева, опираясь на текст Аммиана Марцелина и археологические материалы, пришла к выводу, что гунны находились на первой примитивной стадии таборного кочевания. В поисках пастбищ они стремились завоевать новые степные пространства. У них не было долговременных становищ и родовых кладбищ². Гунны оставили в степях погребения с кремированными останками и трупоположениями³. Многообразие погребального обряда свидетельствует о полиэтничности варваров, вошедших в гуннский союз. Как определил И. Вернер, в их материальной культуре выявляются восточнокочевнические (обычай деформации черепов, сложные луки с костяными накладками, женские диадемы, шаманская символика), древнегерманские (ношение парных фибул) и сармато-аланские (традиция разбивать зеркала погребенных) компоненты⁴.

В письменных источниках содержится противоречивая информация о вторжении гуннов в Крым. Ермий Созомен в написанном в 444 г. труде⁵, Иордан⁶, Прокопий⁷ и Агафий Миринейский⁸ писали о погоне за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления Валента вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. Согласно Зосиму, гунны переправились из Азии в Европу через занесенный илом из реки Танаис Киммерийский Боспор⁹. Вероятно, Зосим перепутал Таганрогский залив, в который впадает Дон (река Танаис), с Боспорским (Керченским) проливом. Несмотря на отсутствие в приведенных сочинениях сведений о переправе через пролив Боспор Киммерийский и нападении гуннов на боспорские города, почти все исследователи истории Крыма приписывали им разгром Европейского Боспора. По мнению одних историков, через Керченский полуостров мирно прошла незначительная часть направлявшихся на Запад гуннов¹⁰. По предположению других исследователей, про-

¹ Amm. Marc. XXXI, 2, 2–11.

² Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 14, 15–17, 20–23.

³ Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. (Археология СССР). С. 19; Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб., 1994. С. 17–22, 155.

⁴ Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956. S. 90, 91.

⁵ *Hermiae Sozomeni*. Historia ecclesiastica. T. LXVII. Cap. XXXVII, 1403–1404.

⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 85.

⁷ *Procopius*. History of the Wars. Gothic War / trans. by H. B. Dewing. Cambridge, MA, 1962. (Loeb Classical Library). Vol. V. Book VIII. V, 7–13.

⁸ *Agathias*. The Histories / trans. by J. D. Frendo. Berlin; New York, 1975. (Corpus fontium historiae Byzantinae). Vol. II, part 1. Book 5. 11, 2–3.

⁹ Zosime. II, IV, XX, 3. P. 280–281.

¹⁰ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 54, 55; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 24–30.

двигаясь к Дунаю, гунны разорили и захватили город Боспор, уничтожили города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона. Вскоре Боспор и некоторые соседние малые города начали возрождаться¹.

Абсолютную дату вторжения гуннов на полуостров, как правило, доказывают по археологическим материалам.

С начала XX в. время захвата гуннами Боспора определяли по инвентарю склепов, раскопанных в Керчи на Госпитальной улице в 1896 и 1904 гг. На типологии вещей из этих склепов основывалась и концепция о ведущей роли ювелиров гуннского Боспора в создании и распространении в последней четверти IV—V в. в Восточной и Западной Европе полихромного стиля (золотые или обтянутые золотой фольгой и обильно инкрустированные красными гранатами женские диадемы, височные подвески, браслеты, ножны мечей и кинжалов, детали конской сбруи), равно как моды на двупластинчатые и пальчатые фибулы².

По утверждению Л. А. Мацулевича, боспорские аланские ювелиры изобрели не только полихромный стиль, но и новый женский гарнитур, состоявший из большой пряжки с орлиной головой и пальчатых фибул. В Юго-Западном Крыму и других регионах вошедший в моду гарнитур изготавливали по боспорским образцам³. На выводы Л. А. Мацулевича десятки лет опирались авторы трудов по раннему Средневековью. По предположению И. Вернера, полихромный стиль возник с ростом богатства гуннской знати в начале V в. в Северном Причерноморье и на Дунае на основе боспорских, сармато-аланских, провинциально-римских и древнегерманских ювелирных традиций. Он считал одновременными могилы с полихромными изделиями в Керчи, в степи и на Дунае, а Боспор первой половины V в. назвал «центром гуннского господства»⁴. К подобному выводу пришла и И. П. Засецкая⁵. По мнению А. К. Амброза, новый полихромный стиль появился в первые десятилетия V в. на Дунае, откуда распространился на захваченные гуннами Боспор и другие территории⁶.

Гуннским нападением объясняют возникновение выявленных В. Ф. Гайдукевичем на малых боспорских городах слоев разрушений и пожаров, датированных по опубликованным керамическим комплексам из отнесенного им к позд-

¹ Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. 1897. Т. XX. С. 1–15; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85. С. 459; *Он же*. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 7; *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. S. 497–519; *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. С. 255; *Засецкая И. П.* Материалы боспорского некрополя... С. 38.

² *Salin B.* Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904. S. 356; *Rostovtzeff M. I.* Iraniens and greek in South Russia. Oxford, 1922. P. 124–218; *Idem.* Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate... P. 145–161; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 13–14.

³ *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. С. 41–51.

⁴ *Werner J.* Beiträge zur Archäologie... S. 86, 90, 91.

⁵ *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя... С. 38, 52.

⁶ *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи... С. 19–22.

неримскому периоду слоя Тиритаки¹. Однако многие амфоры и краснолаковые сосуды, входящие в состав этих комплексов, привезены из Западного Причерноморья, Малой Азии и Северной Африки, где названную керамику изготавливали и использовали в V–VII вв. Очевидно, названные слои разрушений образовались не в 376 г., а позднее².

По Филосторгию, отряды закрепившихся в Подунавье гуннов в самом конце IV в. переправились через реку Танаис и, пройдя Армению и Месопотамию, напали на византийские провинции Каппадокию и Галатию³. Совершавший паломничество на восток в 395–397 гг. Иероним Стридонский оказался очевидцем вторжения гуннов в Закавказье и Месопотамию, которое описал в двух письмах. По его словам, «от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов»⁴. Сирийский автор Иешу Стилит в хронике начала VI в. писал о разграблении гуннами Сирии в правление Гонория и Аркадия в 395/396 г.⁵ О переправе через Меотиду направлявшихся в Мидию гуннов рассказывал и Приск Панийский⁶. По сирийским и греческим источникам Н. В. Пигулевская аргументированно приурочила переход гуннов через Меотиду и Кавказские горы в Междуречье и на сиро-финикийское побережье к 395 г.⁷

Уточнение хронологии боспорских некрополей и выявленных в городах и на поселениях слоев пожаров позволило предположить, что в 395 г. на пути к Кавказу одно из гуннских племен напало на Боспор⁸. Слой разрушения, синхронный нападению гуннов на столицу царства в конце IV в., зафиксирован в рыбацком предместье города Боспора, у подножия горы Митридат, рядом со зданием музея. Этот слой перекрывал руины построек. Расположенные рядом рыбозасолочные цистерны были засыпаны.

Согласно приведенным выше авторам, гунны не собирались задерживаться в Европейском Боспоре. Они, вероятно, разрушили Феодосию и присоединили к своим кочевьям примыкавшую к Феодосии равнинную часть Юго-Восточного Крыма. Другие города и поселения восточной части Европейского Боспора не пострадали во время гуннского вторжения на полуостров. Близ Феодосии известны три разграбленных местными жителями захоронения гуннов с полихромными ве-

¹ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 105–127, 133, 134.

² *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 50–51.

³ *Thompson E. A.* A history of Attila and the Huns. P. 28; *Blockley R. C.* East Roman foreign policy. Leeds, 1992. P. 47.

⁴ *Jerome.* Select letters / trans. by F. A. Wright. London; New York, 1933. (Loeb Classical Library; 262). P. 328–329; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. (Труды Института востоковедения АН СССР; т. XLI). С. 40.

⁵ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 39–40.

⁶ *Blockley R. C.* The fragmentary classicising historians... Vol. 2. Fr. 11, 595–615.

⁷ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 40–41.

⁸ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 73, 77; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 68.

щами первой половины V в. (одно у подножия горы Коклюк, а точное местонахождение двух других неизвестно)¹.

Ставшее общепринятым мнение В. Д. Блаватского о запустении после 376 г. городских кварталов Боспора на горе Митридат² опровергают материалы из образовавшегося там слоя разрушения. В нем содержалась керамика V–VI вв.³ Этот слой образовался в VI в., а с начала VII в. в нем стали хоронить в плитовых могилах⁴. Вскоре после нападения гуннов жители Боспора восстановили столицу и другие города. В примыкающей к горе Митридат приморской части города, в раскопе у церкви Иоанна Предтечи выявлены слои V–VI вв.⁵ В 1990–1993 гг. в Кооперативном переулке неподалеку от церкви Иоанна Предтечи открыты узкая улица и квартал усадеб, возведенных в первой половине V в. на месте разобранных позднеантичных домов. Новые дома были построены поверх образовавшихся в конце IV в. руин в рыбацком предместье. Находки V — первой половины VI в. найдены в Зеноновом Херсонесе (мыс Зюк)⁶, Китее⁷, Тиритаке, Мирмекии, Илурате и на других некрополях и поселениях⁸.

Тексты надписей из Керчи и с Таманского полуострова свидетельствуют о сохранении государственности Боспорским царством в V в., которым управляла прежняя династия⁹. В начале опубликованной В. В. Латышевым надписи, найденной в Керчи в 1888 г., традиционной формулой «друг цезаря и друг римлян» фиксируются сохранение царем Дуптуном союза с Восточной Римской империей и преемственность царской власти. Судя по римскому *nomina*, Дуптун возводил себя к правившей на Боспоре с I в. н. э. династии Тибериев-Юлиев. Подражая христианским правителям Византии, он поставил на первое место в своем титуле эпитет *εὐσεβής* — «благочестивый»¹⁰. Ю. Г. Виноградов внес поправки в текст надписи и отнес ее к 483 г.: «В добрый час. При царе Тиберии Юлии Дуптуне Благочестивом, друге цезаря и друге римлян, восстала башня сия при епархе Игудии и комите Спадине, личном секретаре владыки, при первом среди комитов Саваге,

¹ *Айбабин А. И.* Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV — VI в. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 206.

² *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 48, 49, 51, 64, 68–77, 84.

³ *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 72.

⁴ *Ibid.* S. 128; *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // Боспорские исследования. Керчь, 2015. Вып. XXXI. С. 354.

⁵ *Макарова Т. И.* Боспор — Корчев по археологическим данным. С. 130–136, 143.

⁶ *Масленников А. А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 156–167. Рис. 17, 16–18, 20–26.

⁷ *Молев Е. А.* Боспорский город Китей. Киев, 2010. (Сер. Боспорские исследования; Suppl. 6). С. 30.

⁸ *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 72.

⁹ *Ibid.* S. 70.

¹⁰ *Latyšev B.* Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881–1888 repertae // Отчет Археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. 23.

и распорядителе работ... месяца Горпииея 20, Октября, 6 индикта, а как ведет счет Боспор, в году 779»¹.

Надпись дает представление об изменении системы управления государством. В администрации помимо традиционных магистратур (личный секретарь царя — ὁ ἐπί τῆς λινακίδος и эпимелет — ἐπιμελητής — распорядитель работ) появились новые заимствованные из Византии должности: эпарх — ἑπαρχος и комес — κόμης. Чин комеса ввел в Римской империи Константин. При нем же стали употреблять в христианском смысле эпитет «благочестивый»². Эпархами в империи называли различных чиновников, в том числе эпархов города³. В. Д. Блаватский считал эпарха наместником или военачальником, отметив, что носитель этой должности упомянут после царя⁴. По мнению Ю. Г. Виноградова, в администрации Дуптуна эпарх Исгудий, видимо, был царским наместником над европейской частью Боспора, а комит Спадин занимал должность личного секретаря царя и командовал войском в европейской части. Ю. Г. Виноградов предложил в строках 7 и 8 новое восстановление титула Савага — ἐπί τοῦ πρώτου ἐπί κόμητας, т. е. «при первом среди комитов». По словам Ю. Г. Виноградова, Саваг, вероятно, командовал войском в азиатской части и одновременно был протокомитом или первым среди комитов государства⁵. Имя того же Савага встречено в трех других надписях из Керчи и Тамани. В надписи 478/479 г. на межевом столбе из Гермонассы и в надписи из Тамани, изготовленной между 484–493 гг., Саваг назван комитом⁶. Самой поздней является надпись на стене Керченского склепа, сооруженного в 491/492 г.⁷ Как заметил Ю. Г. Виноградов, должности Савага согласовать проблематично. В ранней надписи он занимал более высокую должность первого комита, а в поздней оказался на должности комита⁸. Магистратура «первый комит» неизвестна в империи и на Боспоре. По словам Н. И. Храпунова, в надписи Дуптуна не могли нарушить иерархический принцип и старшего по званию чиновника поместить после младшего. Он предложил свое прочтение должности Савага: πρωτοκόμητης — протокомит. В ранневизантийских источниках протокомит являлся главой сельской общины или округа⁹. Должность протокомита Киммерия есть в надписи второй половины V в. из Фанагории. Вероятно, он управлял сельским

¹ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 234–238.

² Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 526.

³ Guillard R. Études sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin — L'Éparque. II. Les éparques autres que l'éparque de la ville // Byzantinoslavica. 1981. Т. 42. P. 186–196; The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 1. P. 704.

⁴ Блаватский В. Д. Античная археология и история. С. 255.

⁵ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 236–238, 242, 243.

⁶ Там же. С. 234–240.

⁷ Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. СПб., 1891. Вып. 6. С. 4.

⁸ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 242.

⁹ Храпунов Н. И. Администрация Боспора в V в. н. э. // ДБ. 2011. Т. 15. С. 357–358.

округом близ Фанагории от имени царской администрации¹. Очевидно, протокомит Саваг управлял центром столицы, оборону которого укреплял по повелению Дуптуна под надзором эпарха и комита.

В надписи Дуптуна самую низкую должность занимал эпимелет — ἐπιμελητής, исполнявший восстановительные работы². Судя по боспорским надписям II—первой половины III в., эпимелет выполнял поручения государственных чиновников и действовал под их контролем³.

Вероятно, Дуптун укреплял оборону города, опасаясь гуннов, обитавших в соседних степях. Скорее всего, династия Тибериев-Юлиев правила на Боспоре до вступления на престол в Константинополе Юстиниана I⁴.

Захват гуннами небольшой части Европейского Боспора не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства. Земледелие продолжало оставаться основой экономики уцелевших городков и поселений (Зенонов Херсонес, Генеральское и др.). Их население занималось также виноградарством и рыболовством⁵. Межевой столб из Гермонассы с надписью 478/479 г. маркировал приобретенный комитом Савагом, сыном Аристона, рыбопромысловый участок⁶. Происходящие из слоев и погребений V—начала VI в. многочисленные привозные подвязные и двупластинчатые фибулы, амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды из Подунавья, Южного Причерноморья и Средиземноморья говорят о сохранении в данный период активной торговли с названными регионами империи.

Жители Боспора воспринимали все новшества, возникавшие в Подунавье и других провинциях. В первой половине V в. греческая и аланская знать Боспора переняла у соседних гуннов возникшую на Дунае моду на золотые, украшенные вставками из граната изделия нового полихромного стиля. По дунайским образцам такие изделия изготовляли и в боспорских мастерских. Тогда же боспорские женщины стали носить такие же, как и дунайские, фибулы и пряжки.

Происходящие из некрополей Боспора материалы V—начала VI в. не подтверждают приведенные выше утверждения о захвате Боспора гуннами. На стене керченского склепа 491 г. и на эпитафических памятниках встречены греческие (Евсевий) и аланские (Фаиспарта, Спадин) имена⁷. Аланскими именами называли и греков, например Саваг, сын Аристона. Рядовые боспорцы и знать использовали прежний обряд захоронения. Склепы с лежанками 145, 154, 165 и открытые 24 июня 1904 г., видимо, соорудили в начале V в. для представителей правящего рода. На головы некоторых погребенных были надеты золотые венки, аналогичные тем, что были найдены в ранних могилах членов того же рода. В камерах

¹ *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 246.

² Там же. С. 238.

³ *Храпунов Н. И.* Администрация Боспора в V в. н. э. С. 361.

⁴ *Айбабин А. И.* Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 191.

⁵ *Масленников А. А.* Зенонов Херсонес... С. 167–169.

⁶ *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 239, 240.

⁷ *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба... С. 6, 22, 23.

лежали блюда, подаренные еще Константином II, конская сбруя, седло, умбоны от римских щитов и мечи¹.

Надписи V в. свидетельствуют о превращении христианства в господствующую на Боспоре религию. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе в 448 г. и в Эфесском в 449 г.² В Керчи найдено надгробие 438 г. дьякона Евсевия³. Христиане хоронили на том же некрополе на склоне горы Митридат и в таких же, как и в предшествующий период, склепах с лежанками. На территории могильника обнаружены христианские надгробия, отнесенные к V в.⁴ На стенах однотипного склепа 491 г. написаны краской тексты молитв⁵. Из окрестностей античной Акры происходит нателный амулет с двумя филиактериями на серебряной и золотой пластинах⁶. С новой идеологией уживался обычай погребать покойников с украшениями и сосудами. Ту же картину мы наблюдаем на территории Византии (Афины, Самос), даже на церковных кладбищах VII в.

§ 2. Равнинный Крым

Вероятно, после похода в 395 г. в Закавказье и Месопотамию утвердившиеся в Северном Причерноморье гунны стали использовать крымские степи для сезонного выпаса скота. Им принадлежали захоронения кочевников с полихромными вещами, найденные в Равнинном Крыму.

Погребения кочевников интересующего нас периода на полуострове весьма малочисленны. Упомянутые выше могилы близ Феодосии, а также в поселке Чикаренко и совхозе им. М. И. Калинина разрушили во время современных строительных или сельскохозяйственных работ. В совхозе им. М. И. Калинина из курганной насыпи извлекли фрагменты черепа и костей человека и конские зубы. В пяти захоронениях зафиксирован погребальный обряд. В Изобильном подростка погребли в могиле, выкопанной в насыпи кургана эпохи бронзы⁷.

На некрополе античного городища Беляус одного из кочевников похоронили в накрытой плитами яме, выкопанной в полу античного склепа. Под плитами перекрытия находились остатки чучела коня — череп, ребро и кости ног с копытами. Скелет мальчика лежал в вытянутой позе, ориентированный монголоидным черепом на север. У черепа найдена золотая серьга, на тазу — большая серебряная пряжка, у колен — золотая обкладка статуэтки лошади, у ступней — удила

¹ Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя... Кат. № 21, 38, 42, 43–68, 72, 130–146, 149–152, 161–172, 181, 206, 209, 215, 229, 288, 293, 294.

² Le Quien M. Oriens Cristianus. Paris, 1740. Vol. 1. P. 1328.

³ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 86.

⁴ Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба... С. 29–30.

⁵ Там же. С. 25–27.

⁶ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 240, 241.

⁷ Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати... С. 209.

и полихромные детали сбруйных ремней¹. Второго кочевника погребли в хозяйственной яме во дворе разрушенной усадьбы II в. до н. э. Под плитами перекрытия лежал скелет мальчика 6–9 лет, ориентированный монголоидным черепом на северо-восток. В его ногах на камне находились трубчатая кость лошади и собачья челюсть, а между голеньями — позвонки лошадиного хвоста. У черепа обнаружены стеклянный стакан и золотая серьга, на тазу — две пряжки, у левой голени — костяная пряжка, в ногах — две пряжки и удила².

На некрополе Усть-Альма захоронение совершили в камере позднескифского склепа. На полу зачищена дубовая колода, прикрытая каменными плитами, у которых положили два конских копыта с костями суставов. В колоде лежал скелет юноши 15–18 лет с монголоидным черепом. В захоронении найдены оружие (костяные обкладки лука, железные меч, наконечники стрел и нож), детали конской сбруи (железные удила, бронзовые, обтянутые золотой фольгой с сердоликовыми вставками украшения ремней), бронзовые ременные пряжки, золотая обкладка деревянной скульптуры осла и бронзовый котелок³. Второе захоронение совершено в восстановленной гуннами позднескифской подбойной могиле. Ее входная яма была завалена камнями, под которыми лежали челюсти и голеностопные суставы лошади. На дне подбоя зачищен скелет мужчины с многочисленным погребальным инвентарем: железные наконечники стрел и кинжал с золотыми инкрустированными сердоликом обкладками ножен, костяные обкладки лука, деревянные остатки колчана, железные удила и золотые с сердоликовыми вставками накладки на сбруйные ремни, золотые обкладки ленчика седла, два бронзовых сосуда, две золотые и одна бронзовая обкладки зооморфных фигурок⁴. Другой вариант погребального обряда выявлен в Марфовке, где кочевника похоронили под курганной насыпью в античной плитовой гробнице⁵. По инвентарю захоронения на некрополях Беляус и Усть-Альма, в совхозе им. М. И. Калинина и из Феодосийского региона датируются концом IV — первой половиной V в., захоронения в Изобильном, Чикаренко и Марфовке — концом V в.⁶

По погребальному обряду крымские могилы аналогичны подкурганным захоронениям со шкурой коня, известным в северопричерноморских степях. Их приписывают тюркам, входившим в гуннский союз⁷. Приск Панийский называл акатцирами гуннские племена, кочевавшие в степях Северного Причерномо-

¹ Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. 1969. № 169. С. 52–60. Рис. 1–5.

² Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 56–61.

³ Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСб. 1999. Вып. X. С. 194–203.

⁴ Пуздровский А. Е. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 285–310.

⁵ Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати... С. 209.

⁶ Айбабин А. И. Archäologie und Geschichte... S. 66, 68.

⁷ Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати... С. 209–210.

рья в первой половине V в.¹ После 463 г. они обитали там же, западнее Меотиды². После смерти в 453 г. Аттилы и разгрома гуннов в битве на реке Недао в Паннонии в 454 г. их союз распался³. По рассказу Иордана, многие входившие в него племена вернулись к Днепру, в Северное Причерноморье⁴. В степи около Херсона он помещал гуннское племя альциагиров⁵. По словам Прокопия, степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. занимали гунны⁶. Очевидно, описанные выше захоронения принадлежали акацирам и альциагирам.

Принадлежавшая гуннам территория простиралась до возвышенностей Третьей гряды в Центральном Крыму. Обломок гуннского котла найден в слое дерна, перекрывающем руины Неаполя Скифского⁷.

§ 3. Юго-Западный Крым

В конце IV—начале V в. после захвата гуннами крымских равнин и предгорий обитавшие там аланы оставили могильники в Суворово, Вишнево, Тенистом, Нейзаце, Дружном и Перевальном и мигрировали вглубь горного региона⁸. На рубеже IV–V вв. новые некрополи с типичными для аланов склепами и подбойными могилами возникли в речных поймах и на склонах Внутренней гряды—Карши-Баир⁹, Красный Мак¹⁰, Алмалык и Каралез у подножия Мангупа¹¹, у подножия Баклы,

¹ *Blockley R. C.* The fragmentary classicising historians. Vol. 2. Fr. 11,550–551; *Idem.* East Roman foreign policy. P. 73.

² *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns // Studies in their history and culture. Berkeley, CA; Los Angeles; London, 1973. P. 195, 436–438, 451, 478.

³ *Thompson E. A.* A history of Attila and the Huns. P. 152–153; *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns. P. 143–147.

⁴ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 112–113; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 71.

⁵ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 67–68.

⁶ *Procopius.* History of the Wars. The Persian War / trans. by H. B. Dewing. London, 1914. (Loeb Classical Library). Book I. XII, 9; *Idem.* History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. V, 26.

⁷ *Ачкинази И. В.* Фрагмент гуннского котла из Неаполя скифского // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 207–210.

⁸ *Айбабин А. И.* О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 318.

⁹ *Ушаков С. В., Филиппенко А. А.* Могильник Карши-Баир. О типах погребальных сооружений и хронологии // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной. М., 2012. С. 252–258. (Труды ГИМ; вып. 191).

¹⁰ *Лобода И. И.* Исследование могильника IV–V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 210–214.

¹¹ *Mączynska M., Urbaniak A., Jakubczyk I.* The early mediaeval cemetery of Almalyk-Dere near the foot of Mangup // Inter ambo maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand; Simferopol, 2011. P. 154–172.

в Сахарной Головке, Скалистом¹, на склонах Главной гряды — в Лучистом², Алонии (Ялте)³ и, возможно, на территории бывших имений Артек и Суук-Су⁴.

Аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами. В горах аланам, как и уже поселившимся соплеменникам, пришлось изменить образ жизни и перейти к пастушеско-земледельческой экономике. В Лучистом найденные в погребальных сооружениях остеологические материалы фиксируют разведение домашней птицы и овец и выращивание крупного рогатого скота. Новые поселенцы освоили земледелие и виноградарство. Урожай перерабатывался на вновь возникших поселениях. На одном из них, на Загайтанской скале, найдены две пары жерновов диаметром 2 м⁵.

По словам Прокопия, после смерти правителя гуннов его сын Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье. Недалеко от Меотиды, на перешейке (Керченском полуострове), дорогу им преградили готы. Встретившись, противники заключили соглашение о союзе и вместе переправились на восточный берег Меотиды. Он относит данное событие ко времени, когда вандалы уже утвердились в Ливии (429 г.), а вестготы поселились в Испании⁶. Многие считали, что описанное событие произошло после распада державы Аттилы в 454 г.⁷ По мнению А. А. Васильева и А. Л. Якобсона, готы, заключив союз с утигурами, разделились на две части. Одни переселились на Черноморское побережье, южнее Тамани, а другие отошли в Горный Крым⁸.

В одних рукописях «Войны с готами» готы названы тетракситами, а в других — трапезитами. По словам А. А. Васильева, второй этноним более точен и правилен. Он связывает этноним «готы-трапезиты» с топонимом реально существующей близ Алушты, упомянутой еще у Страбона, столовой горы Трапезус — Чатыр-Даг⁹. Иордан в перечне прибрежных городов восточнее Мирмекия помещает Трапезунд. Е. Ч. Скржинская в комментариях к переводу «Гетики» на русский

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 61, 82.

² Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Симферополь; Керчь, 2008. (Сер. Боспорские исследования; Suppl. 4). Т. 1: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. С. 6.

³ Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133–146.

⁴ Айбабин А. И. Этническая история... С. 14, 16; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 74.

⁵ Савеля О. Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черная в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 1994. С. 59.

⁶ *Procopius. History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. IV, 6–12; V, 1–13; Васильевский В. Г. Жизнь Иоанна Готского. С. 373–374; Courtois C. Les Vandales et l’Afrique. Paris, 1955. P. 155; Cameron A. The Mediterranean world in late antiquity (AD395–600). London; New York, 1996. P. 37.*

⁷ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 55; *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 39, 40; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 86–87.*

⁸ *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 39–43; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 9.*

⁹ *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 64–69.*

язык предположила, что Трапезунд основали восточнее полуострова, на побережье Северного Кавказа, крымские готы — союзники утигуров, перенесших из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус¹.

Одновременно с описанным Прокопием уходом трапезитов, или тетракситов, из Крыма около середины V в. были оставлены могильники с кремацией южнобережных готов на склоне Чатыр-Дага и на мысу Ай-Тодор (Харакс)². Правда, на поселении, связанном с Чернореченским некрополем, жизнь не прекращалась.

Согласно свидетельству, приведенному в другом сочинении Прокопия, Горный Крым во второй половине V в. принадлежал готам. Он назвал готов подданными Теодориха, жившими в регионе «с древних времен» и не последовавшими за Теодорихом, когда он ушел в Италию³. Остготы Теодориха вторглись в Италию в 488 г.⁴

По словам Прокопия, готы-тетракситы исповедовали христианство. Однако ему неизвестно, были ли они арианами, как другие народы⁵. В Горном Крыму христианство распространилось из Херсонеса, который был главным экономическим партнером для населявших Юго-Западный Крым готов и аланов. Через Херсонес в регион из Византии и других территорий поступали необходимые товары, в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, фибулы и другие детали женского и мужского костюмов.

О дате распространения христианства среди варваров Юго-Западного Крыма можно судить по результатам анализа материалов раскопок принадлежавших им некрополей. Христианизация горнокрымских варваров стимулировала активизацию ассимиляционных процессов в регионе. В середине V в. германцы отказались от использования традиционного погребального обряда кремации и перестали хоронить не только во всех упомянутых выше южнобережных некрополях, но и в могильнике Черная речка. Готы переняли у аланских соседей более приемлемый для новой религии погребальный обряд трупоположения в склепах.

В немногочисленных раскопанных в Юго-Западном Крыму захоронениях второй половины V в. преобладают характерные для Подунавья бронзовые и железные пряжки, поясные наборы, броши в виде цикад, двупластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части. По наблюдению Э. А. Хайрединовой, в женском костюме варваров Юго-Западного Крыма доминировали остготские аксессуары⁶.

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 67, 198, 199.

² Айбабин А. И. Этническая история... С. 81.

³ Procopius. On Buildings / trans. by H. B. Dewing, G. Downey. Cambridge, MA, 1940. (Loeb Classical Library). Vol. VII. Book III. VII, 13.

⁴ Wolfram H. Histoire des Goths. Paris, 1990. P. 293–296; Barnwell P. S. Emperor, Prefects and Kings. The Roman West, 395–565. London, 1992. P. 134–135.

⁵ Procopius. History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. IV, 9–11.

⁶ Хайрединова Э. А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет Черняховской культуре. С. 213–214; Она же. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V — первой половине VI в. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 84.

бели о рангах 413 г. должность викария *magister'a militum* приравнялась к должности дукса. К. Цукерман полагал, что практий взыскивал не таможенный сбор, а все местные налоги и пошлины, которые собирал викарий — командир гарнизона Херсонеса¹. Согласно Оксфордскому словарю Византии, практий был одним из собирателей таможенных сборов². Очевидно, подчинявшаяся викариату таможня — *πρακτεῖον* собирала пошлины, в том числе с торговых кораблей³. На эти средства содержали баллистариев и ремонтировали крепостные стены. Викариатом и практием управлял комес Диоген, назначенный имперской администрацией главным военным и гражданским начальником в городе⁴.

В период правления Зинона были реконструированы важные узлы Херсонесской оборонительной системы. В Портовом районе перестроили самую мощную круглую башню XVII, называемую в публикациях башней Зинона, куртину 20 и примыкающие к ней с востока башни XVII/1 и XVIII⁵.

В городском гарнизоне, видимо, служили военные из Подунавья. Косвенно об этом можно судить по найденной в Портовом районе Херсонеса форме для оттиска изображения солдатского святого Лупа — соратника святого Димитрия Солунского. Луп был популярен в основном в Подунавье⁶.

После церковных реформ Феодосия I возросло влияние епископов на различные аспекты городской жизни. По ходатайству епископа Херсонеса Асклепиада императоры Гонорий и Феодосий II в сентябре 419 г. издали постановление об освобождении от наказания провинившихся горожан, передавших варварам секреты кораблестроения⁷. Вероятно, епископ Херсонеса инициировал закрытие городского театра. Его стены длительное время использовали для добычи камня.

Вполне очевидно, что христианская община инициировала создание храмов. По предположению А. Л. Якобсона, в Херсонесе, как в Сирии и Малой Азии, в IV–V вв. могли строить малые однефные или трехнефные храмы. С укреплением церковной организации вместо них были сооружены большие базилики⁸. Однако поскольку в Херсонесе в средневековый период строители уничтожили многие раннесредневековые постройки, то сейчас весьма сложно выявить строительные остатки ранних христианских храмов.

¹ Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 559, 560.

² The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1. P. 566.

³ Nystazopoulou-Pélékidou M. L'administration locale de Cherson à l'époque byzantine (IVe — XIIe s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Paris, 1998. (Byzantina Sorbonensia; 16). P. 568.

⁴ Ajbabin A. I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // Byzanz — das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. (Monographien der Römisch-Germanischen Zentralmuzeum; Bd. 84, 2, 1). S. 397.

⁵ Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // Сообщения Херсонесского музея. 1969. Вып. 4. С. 7–29.

⁶ Walter C. The warrior Saints in Byzantine. Art and tradition. Bodmin, 2003. P. 229–230.

⁷ Codex Theodosiani. Lib. XVI, IX, 40, 24.

⁸ Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 162–163.

Вероятно, один из таких храмов разобрали во время сооружения Восточной базилики. Кубики от мозаики из снесенного храма найдены в колодце, засыпанном в начале VII в. при подготовке к строительству новой базилики¹. Остатки однефной часовни раскопаны под крестообразным храмом в балке на правом берегу Карантинной бухты, к югу от городских стен, на территории некрополя. Алтарная апсида и кладка южной стены храма возведены над могилами Д и Г², засыпанными во второй половине V в. во время подготовки к строительству храма³. Очевидно, из этого храма происходят найденные рядом с ним фрагменты мраморной плиты с изображениями благословляющего Христа и святого Фоки, а также мраморного блюда для приносимых даров, украшенного высеченными в высоком рельефе лицом юноши и головами барана и грифона⁴. Многие относят к концу V — первой половине VI в. возведение над часовней крестообразного храма⁵. Однако если раннюю часовню построили во второй половине V в., то перекрывший ее храм могли построить уже после ее разрушения.

В. Д. Айналов и Л. Г. Колесникова считали деталями внутреннего декора ранних христианских храмов найденные в Херсонесе фрагменты скульптур и датировали их IV–V вв., опираясь на искусствоведческий анализ⁶. Правда, данный аргумент явно недостаточен для определения времени строительства первых христианских храмов. Условия находки многих из упомянутых деталей, например скульптуры чудовища, пожирающего рыбу, одной из статуй «Доброго пастыря» и одной из статуй Орфея, неизвестны. Некоторые мраморные детали (статуя Орфея, фрагменты плиты с изображением винограда и алтарной преграды с изображениями крестов, а также обломки мраморного голубя) украшали базилику с апсидой триконхальной формы № 7⁷. Как убедительно показал А. Л. Якобсон, по форме апсиды эта базилика одновременна известным на Ближнем Востоке с V в. храмам с триконхальной апсидой⁸. Другая же статуя «Доброго пастыря» обна-

¹ Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 67.

² Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 306, 316.

³ Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 361.

⁴ Залесская В. Н. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитаже // ВВ. 1976. Т. 37. С. 208. Рис. 1, 2; Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 361.

⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 202.

⁶ Айналов Д. В. Мраморная группа жертвоприношения Исаака // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1987. Т. I. С. 187–190; Колесникова Л. Г. Раннесредневековая скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 58–59; Она же. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 176–178.

⁷ Колесникова Л. Г. Античная скульптура Херсонеса. С. 178. № 582; Яшаева Т. Ю. Базилика Крузе (№ 7) // Ранневизантийские сакральные постройки. Poznan, 2004. Т. I. С. 79.

⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 188, 190, 194, 195. Рис. 91, 98.

ружена во время раскопок открытой в 1935 г. базилики, возведенной не ранее последней четверти VI в.¹

Возможно, в Херсонесе, как и в других регионах империи, под христианские храмы переустраивали языческие². В одном из синаксарей в коротком рассказе о чуде, совершенном епископом Капитоном, сообщается о его обращении к императору Феодосию I с просьбой поддержать перестройку языческого Парфенона в храм Святого Петра³. В разных версиях «Житий св. епископов херсонесских» рассказывается о том, что Капитон в восточной части города, рядом с районом Феона, расположенным между Малым рынком и Парфеноном, переделал известьобжигательную печь в баптистерий и воздвиг храм во имя святого Петра⁴. По предположению В. В. Латышева, храмом Апостола Петра является базилика, открытая в 1853 г. графом А. С. Уваровым в восточной части города. По мнению В. В. Латышева, первоначально рядом с этим баптистерием была выстроена маленькая однефная церковь, а в VII в. с другой его стороны возвели большую базилику. Важным свидетельством в пользу существования храма Апостола Петра, помимо упоминания в житиях, В. В. Латышев считает обнаружение в Херсонесе двух фрагментов плит с изображением сцен из жизни апостола⁵. Правда, не ясно, из какой базилики они происходят. Один из этих фрагментов плиты найден на городском некрополе, а место находки второго фрагмента неизвестно.

В конце IV—V в. христиане хоронили на том же городском некрополе, что и язычники⁶, которые и во второй половине V в. изредка практиковали характерный для римлян обряд кремации⁷. Христиане предпочитали погребать в склепах с лежанками, в которых хоронили представители разных этнических групп. Стены десяти склепов расписаны полихромными росписями⁸. В пяти из них на сводах изображен лавровый венок. В одном из венков сохранилась монограмма Христа. По мнению М. И. Ростовцева, такие же монограммы были изображены и в центре венков в двух других склепах⁹. М. И. Ростовцев по монетам или росписи датировал склепы второй

¹ Седикова Л. В. Базилика 1935 года // Ранневизантийские сакральные постройки. Т. I. С. 63–65; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 111. Рис. 37–38.

² Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. I. С. 107; Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 337; Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 1999. С. 209; Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 413.

³ Zuckerman C. The early byzantine strongholds... P. 548–549.

⁴ Латышев В. В. Жития св. епископов херсонесских. С. 16, 51–55; Он же. Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее. С. 78–79, 88; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса... С. 19.

⁵ Латышев В. В. Жития св. епископов херсонесских. С. 54–56.

⁶ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 449.

⁷ Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 361.

⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 484–507; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 144–154. Рис. 64–65.

⁹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 454, 466, 478.

половиной IV—V в.¹ Следует отметить, что все склепы с росписями были ограблены до раскопок, а все монеты найдены в засыпи камер. Поэтому о времени сооружения этих склепов необходимо судить не по монетам, которые могли попасть в склеп и после ограбления, а по характеру росписи. Многие элементы декора херсонесских склепов (венки, виноградная лоза, деревья с фруктами, куропатки, утки, павлины) подобны изображенным в погребальных сооружениях раннеримского времени в Риме и восточных провинциях Римской империи. Эти же мотивы (венки — символ жизни и славы, виноградная лоза, деревья с фруктами, птицы — как символ рая) использовались в возникшей в IV в. в Сирии и Палестине раннехристианской декоративной системе². С Ближнего Востока мотивы новой христианской живописи распространились и в другие регионы империи. Аналогичные росписи выявлены в погребальных сооружениях IV—V вв. в Риме³, Малой Азии и на Балканах⁴, в катакомбе начала VI в. в Неаполе⁵. В Херсоне в склепах с христианскими полихромными росписями, скорее всего, хоронили с конца IV в.⁶ богатые христианские семьи. Самая поздняя роспись обнаружена в вырубленном в скале не ранее начала VI в. склепе, открытом на городском некрополе в 1998—1999 гг. На дату росписи указывает изображение на стене склепа сосуда⁷, похожего на стеклянные рюмки, изготовлявшиеся с конца V в.⁸

Среди городских христиан были и монофизиты. Лев I (474—491) выслал в Херсонес в начале 460-х гг. возглавившего восстание против решений Халкидонского собора в Александрии монофизитского патриарха Тимофея, прозванного Элуром (Котом). По сообщению Захарии Ритора, многие горожане придерживались веры Тимофея Элура и с восторгом приветствовали его⁹.

¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 451, 457, 462, 464, 469, 471, 479.

² Там же. С. 491—507.

³ Ferrua A. The unknown catacomb. New Larnak, 1991. P. 14—15, Fig. 1, 27, 35, 47, 52, 78; Crippa M. A., Zibawi M. L'art paléochrétien. Paris; Milan, 1998. P. 20, 78. Fig. 4—6, 79; Fioocchi Nicolai V., Bisconti F., Mazzoleni D. Les catacombes chrétiennes de Rome. Vrepols, 2000. Fig. 101, 107, 108, 114, 123, 156; Dimitrov D. P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. Vol. XII. P. 52. Fig. 1, 2, 10—16.

⁴ Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристианските гробници в нашите земи // Археология. София, 1977. № 4. Обр. 5—8; Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV—VII век. София, 1978. С. 29; Crippa M. A., Zibawi M. L'art paléochrétien. P. 111. Fig. 99, 100; Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи Херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2004. Вып. XI. Рис. 8, 12, 13, 16, 17, 21, 23, 25, 26.

⁵ Crippa M. A., Zibawi M. L'art paléochrétien. P. 184, 185. Fig. 83.

⁶ Завадская И. А. Декоративно-символическая система... С. 285—286.

⁷ Зубарь В. М. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998—1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Рис. 1—2.

⁸ Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 154—155. Рис. 92, 1—9.

⁹ Hamilton F. J., Brooks E. W. The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London, 1899. P. 79—80.

В результате раскопок подтвердились сведения «Житий св. епископов херсонесских» о существовании в городе иудейской общины. На северном берегу в XIX квартале под базиликой в 1935 г. раскопан храм с пятигранной апсидой¹. Дата его постройки определяется по чеканенной в 383–392 гг. монете Феодосия I из субструкции мозаичного пола. После разрушения храма образовался слой штукатурки с фресками мощностью до 0,7 м. Наиболее поздние монеты из слоя выпущены при Льве I (457–474). На многих фрагментах штукатурки из слоя имеются надписи-граффити на греческом и иврите. В греческих граффити прочитаны еврейские имена — Ананий из Боспора, Енох и Иуда. Судя по граффити, храм принадлежал городской иудейской общине-синагоге. Его украшала плита с семисвечником, вторично использованная в кладке христианской базилики, возведенной поверх храма².

Наличие в городе таможни свидетельствует о том, что, находясь в составе империи, Херсонес имел ее фискальные магистратуры. В Херсонесе функционировал порт. По крайней мере, с начала V в. в городе строили корабли. Захария Ритор рассказывал о контактах ссыльного Тимофея Элуря со сторонниками в Томи и городах Сирии и Египта³. Извлеченные из исследованных в Херсонесе слоев многочисленные амфоры и краснолаковые сосуды, привезенные из разных провинций Византии, говорят о ведении городом в V в. и позднее значительной торговли с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна⁴.

В конце V в. велись строительные работы в Портовом районе в квартале XXXVI. Одновременно в процессе перепланировки квартала II в Северо-Восточном районе была засыпана рыбозасолочная цистерна. Дата реконструкции квартала определяется по извлеченному из цистерны керамическому комплексу⁵.

¹ Жеребцов Е. Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. Т. 23. С. 206–210; Завадская И. А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилики 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 96–101.

² Ajbabin A. I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson. S. 78–80. Abb. 32.

³ Hamilton F. J., Brooks E. W. The Syrian chronicle... P. 81–100.

⁴ Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 364. Рис. 5,7–11,14,15; 6,9, 10,14.

⁵ Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 104–107.

Глава 9

Крым в VI–VII вв.

А. И. Айбабин

§ 1. Ранневизантийский Херсон в VI–VII вв.

Херсон в VI–VII вв. являлся и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. Прокопий помещал Херсон на окраине Римской империи¹. Происходящие с территории города печати византийских императоров Анастасия I (491–518), Юстиниана I (527–565), Тиверия II (578–582), Маврикия (582–602), Фоки (602–610) и Ираклия (610–641)² позволяют говорить о получении указов напрямую из Константинополя.

В конце V—VI в., в правления императоров Анастасия I, Юстиниана I и Тиверия II, в Херсоне, вероятно всего, сохранилась созданная при императоре Зиноне административная система, в которой полисная администрация подчинялась викарию — назначенному из Константинополя начальнику византийского гарнизона³. Возобновивший свою работу при императоре Зиноне городской монетный двор⁴ продолжил монетную чеканку в правление Юстина I (518–527)⁵ или Юстиниана I⁶. С 527 г. в Херсоне чеканили пентануммии с изображением на оборотной стороне императора, стоящего с лабарумом и сферой, и легенды VICTOR,

¹ *Procopius*. History of the Wars. The Persian War. Book I. XII, 7; *Idem*. On Buildings. III, VII, 10.

² *Соколова И. В.* Византийские печати VI—первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 204; *Алексеевко Н. А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–148.

³ *Айбабин А. И.* Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 364.

⁴ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 97; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 17–18; *Hahn W.* The Numismatic history of Cherson in Early Byzantine Times—a survey // Numismatic Circular. 1978. September. P. 414.

⁵ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 19–21; *Hahn W.* The Numismatic history of Cherson... P. 414.

⁶ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 98, 99.

а с 549 г. — пентануммии с монограммой, читаемыми как *πόλις Χερσῶνος* — «полис Херсонос». В. Хан, ссылаясь на рассказ Прокопия о подчинении Боспора Юстиниану I¹, связывал начало монетной чеканки в Херсоне с ростом с 523 г. интервенции Византии в Крым². В. А. Сидоренко считает, что выпуск монет в 549–565 гг. с монограммами *πόλις Χερσῶνος* подтверждает сообщение Прокопия³ о предпринятой Юстинианом I реформе имперской администрации на полуострове, в результате которой в Херсоне учредили должность дуки, построили «длинные стены», а для охраны города привлекли готов-федератов, проживавших в стране Дори⁴. Правда, в цитированном тексте Прокопия сказано о восстановлении по повелению Юстиниана I разрушенных стен Херсона, но нет ни слова о реформе имперской администрации в городе и назначении дуки, а область Дори рассматривается как самостоятельный, не связанный с Херсоном субъект имперской политики на полуострове⁵.

Наиболее раннее упоминание дуки Херсона⁶ зафиксировано на опубликованном В. В. Латышевым фрагменте строительной надписи, найденном в Херсонесе в раскопе у южной оборонительной стены. На фрагменте прочитаны вырезанные в генетиве имя жены Юстина II Софии — *Σοφίας*, наименование должности *δοῦκος*, титул *λαμπρότατος* и имя *Θεαγ[ένουος?]*⁷. После обнаружения второго фрагмента плиты Э. И. Соломоник дополнила текст надписи. По ее предположению, в надписи идет речь о постройке стены или башни под руководством «дуки Херсона светлейшего Феагена (*δοῦκος [Χερσῶνος τοῦ] λαμπρ[ότατο] Θεαγ[ένουος?]*)»⁸. Дука (*δοῦξ*, лат. Дух) со времени Диоклетиана командовал приграничными войсками и функционировал независимо от гражданской администрации⁹. В VI в. в некоторых приграничных регионах, например в Исавии и Египте, дуки командовали местными войсками и возглавляли гражданскую администрацию¹⁰. В Херсоне же такое совмещение полномочий практиковалось со времени Зинона¹¹. В надписи титул *λαμπρότατος* (греческий вариант титула *clarissimus* — клариссим) помещен после наименования должности. Если при Константине I титул *vir clarissimus* носили

¹ *Procopius*. History of the Wars. The Persian War. Book I. XII, 8.

² *Hahn W*. The Numismatic history of Cherson... P. 414.

³ *Procopius*. On Buildings. III, VII, 10–17.

⁴ *Сидоренко В. А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–688 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 363.

⁵ *Procopius*. On Buildings. III, VII, 10–17; *Айбабин А. И.* О локализации области Дори. С. 311–313.

⁶ *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсонеса... С. 560.

⁷ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России. СПб., 1906. (ИИАК; вып. 18). С. 121–123.

⁸ *Соломоник Э. И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 213–214.

⁹ The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1. P. 659; *Treadgold W.* A history of the Byzantine state and society. Stanford, CA, 1997. P. 246; *Храпунов Н. И.* К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. 2011. Т. 70. С. 44–45.

¹⁰ The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1. P. 659; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 281, 282.

¹¹ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 132.

все лица сенаторского звания, то при Юстиниане I этот титул давали и вновь назначенным провинциальным чиновникам. Согласно Р. Гийану, в конце VI в. эпитет *λαμπρότατος* («светлейший», «сиятельный») применяли по отношению к архонтам, отцам города и другим чиновникам¹. В новеллах и надписях титул чиновника помещали до наименования должности. Очевидно, рассматриваемая надпись сообщает о восстановлении куртины или башни на южном участке обороны города дукой Херсона вместе с городским чиновником (возможно, отцом города), имевшим титул *λαμπρότατος*, и исполнителем работ Феогеном. Вероятнее всего, Константинополь приказал отремонтировать городские оборонительные сооружения в ответ на вторжение тюрков в 571 г.² или после 572 г.³ в граничившие с византийскими городами на Таманском полуострове степи⁴. В. В. Латышев датировал надпись временем соправительства Юстина II и Софии — 565–578 гг.⁵ Однако в 574 г. больной Юстин II усыновил и провозгласил кесарем и соправителем Тиверия, который стал реальным правителем⁶. Поэтому надпись следует отнести к периоду между захватом тюрками Приазовья в 571 или 572 гг. и 574 г.⁷

Надпись фиксирует начало вызванного тюркской экспансией реформирования системы управления владениями империи в Крыму⁸. Юстин II назначил в Херсон дуку, возглавившего гражданскую администрацию и византийские войска в городе.

В первый год соправительства, в апреле 575 г., Тиверий обязал префекта возместить жителям Херсонеса и Боспора стоимость поставлявшихся ими в счет налога *плоймы* (*τὰ πλώϊμα*) изделий или продукции для флота⁹. Ссылаясь на эту новеллу, Э. Арвейлер предположила, что в VI–VII вв. в названных портах, очевидно, базировались военные корабли¹⁰.

В 576 г. в Херсон прибыло посольство во главе с Валентином, отправленное Тиверием для переговоров в ставку правителя тюрков Сильзибула. После длительного и трудного путешествия Валентин прибыл в ставку Турксанфа (преемника только что умершего Сильзибула) и узнал о взятии тюрками византийского Боспора¹¹.

¹ Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 42–48.

² Артамонов М. И. История хазар. С. 137, 138; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 96; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2003. С. 31.

³ Blockley R. C. The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985. P. 179, 276.

⁴ Ibid. P. 179; Айбабин А. И. Этническая история... С. 133–134, 137.

⁵ Латышев В. В. Эпиграфические новости... 1906. С. 123.

⁶ Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. С. 306, 307; Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 306.

⁷ Айбабин А. И. Этническая история... С. 132–134.

⁸ Там же. С. 132–133; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 118–120, 122.

⁹ Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae / eds. R. Schoell, G. Kroll. Berolini, 1895. Vol. III. Novellae. CLXIII. P. 751.

¹⁰ Ahrweiler H. Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe — XVe siècles. Paris, 1966. P. 12.

¹¹ Blockley R. C. The history of Menander... Fr. 19,1, P. 171, 173, 179; Айбабин А. И. Этническая история... С. 134; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 122.

В 579 г. на переговорах с аварскими послами Тиверий сообщил им о том, что тюрки встали лагерем в местности, из которой виден Херсон¹. Очевидно, они совершили переход из Боспора по равнине Северо-Западного Крыма и остановились на берегу севастопольской Северной бухты, откуда хорошо просматриваются стены Херсона. После кончины кагана Арсилы (Αρσίλας) в 581 г. тюрки ушли из Крыма². В ответ на описанные события император Маврикий (582–602) предпринял усилия по защите владений империи на полуострове и продолжил военно-административную реформу. Как сказано в опубликованной В. В. Латышевым надписи, найденной в сооруженной А. В. Суворовым в Тамани земляной крепости: «Средь прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсонского. Индикта 8-го». По словам В. В. Латышева, 8-й индикт приходится на 590 г.³ По мнению В. В. Латышева и согласившегося с ним Н. И. Храпунова, в названии магистратуры Евпатерия Εὐπατέριος ἐνδοξότατος στρατηλάτης καὶ δοῦξ Χερσώνος стратилат означает титул, а дука — должность⁴. Текст надписи дает основания говорить о подчинении дуке Херсона всех владений империи не только в Крыму, но и на азиатском берегу пролива Боспор⁵. Херсон стал главным византийским городом на полуострове. В Боспоре с конца VI в. чеканились монеты заимствованных из Херсона типов⁶.

Достоверность сообщения Прокопия о восстановлении по повелению Юстиниана I разрушенных стен Херсона подтвердили археологические раскопки. Были реконструированы ключевые узлы городских укреплений. В Портовом районе вновь построили куртины 25 и 26 и башню XXII на их стыке. Необходимую для данных работ известь гасили в известковой яме, выкопанной рядом с куртинами. На ее дне найдена монета Юстиниана I⁷. В районе юго-восточного участка обороны при проведении строительных работ поверхность нивелировали слоем земли. Судя по фрагментам краснолаковых сосудов и амфор, извлеченных из нивелировочного слоя, строительные работы здесь проводились во второй четверти VI в.⁸ Тогда же осуществили четвертую перестройку главной городской башни XVII. В забутовке четвертого строительного периода находились фрагменты свет-

¹ Blockley R. C. The history of Menander... Fr. 25,2. P. 223–225.

² Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 124, 128.

³ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. 1. С. 671, 672; Он же. Сборник греческих надписей... С. 108–109. № 99.

⁴ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике. С. 671; Храпунов Н. И. К дискуссии... С. 39–40.

⁵ Айбабин А. И. Этническая история... С. 132, 141; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 128.

⁶ Сидоренко В. А. Медная чеканка... С. 376.

⁷ Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта... С. 103–105.

⁸ Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77–78. Рис. 1,1; Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 364–365.

логлиняных амфор и монета Юстиниана I¹. Одновременно отремонтировали куртину 20, примыкающие к ней башни XVII/1 и XVIII.

В Западном районе к городу присоединили участок некрополя площадью около 0,5 га. Новый участок оградил стеной. Через некоторое время возвели прямоугольную башню Ia и удвоили толщину куртин 1 и 2, а напротив них начали вырубать в материковой скале широкий и глубокий ров. В южной части рва сохранилась разметка камня на блоки, которые одновременно добывали для строительства оборонительных стен. Строители рва, наткнувшись на три больших позднеримских склепа, оставили его незавершенным². В результате строительства куртин 1 и 2 была создана ломаная линия обороны и улучшена возможность продольного обстрела. Вероятно, тогда же разобрали западную античную оборонительную стену. Как показала Л. А. Голофаст, в ранневизантийский период в Западном районе города отсутствовала сплошная жилая застройка. В данной части городища выявлены гончарная печь, мастерская по производству свинцовых изделий, печь для изготовления извести и засыпанные колодцы. Рядом с оборонительной стеной создали комплекс по переработке рыбы, состоявший из двух помещений площадью более 80 м², двора с гидротехническими сооружениями и большой рыбозасолочной цистерны. Представление о времени строительства помещений дают фрагменты краснолаковой керамики и амфор V — первой четверти VI в. из нивелировочной прослойки земли, насыпанной под полы и стены³.

Не исключено, что данный участок некрополя оградил и в связи с обнаружением на его территории усыпальницы одного из почитаемых христианских мучеников. В 5 м от древней оборонительной стены раскрыт склеп, вырубленный в материковой скале. Арочный вход и сводчатый потолок его камеры аккуратно выложены рядами тонкой плитки на цемянке. Порог входа выпилен из мраморного пьедестала статуи. Против входа располагается широкая продолговатая лежанка. Над склепом из больших тесаных блоков построена небольшая, квадратная в плане часовня Г с полукруглой апсидой и выложенным из кирпича куполом. Часовня возведена с учетом ориентации склепа, вход в который располагался как раз под ее северной стеной⁴. По мнению А. Л. Якобсона, по архитектурному облику часовня близка ранним греко-восточным гробничным храмам⁵.

В годы правления Юстиниана I началась масштабная перепланировка четырех городских кварталов. На освобожденных от позднеантичных построек участках соорудили большие базилики: на северном берегу (северная базилика № 22), в центре города (базилика № 28), в юго-западной части (нижняя базилика № 15)⁶

¹ Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса... С. 21, 23. Рис. 2.

² Айбабин А. И. Этническая история... С. 124–127. Рис. 50.

³ Голофаст Л. А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 73–84, 123.

⁴ Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Т. 1. С. 42, 43; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 164–165.

⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 165.

⁶ Там же. С. 165–175.

и так называемая базилика на холме (№ 14)¹. Их композиция и декоративное оформление указывают на влияние Константинополя и Малой Азии на формирование раннехристианской архитектуры Херсона². Судя по технике кладки зданий, их построили местные артели каменщиков.

Наряду с базиликами в Северном районе в кварталах XV–XVIII и XXV и близ порта возводились жилые дома. Сам факт осуществления в городе столь значительных строительных работ свидетельствует о развитии городской экономики. Хотя строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов, новостройки нуждались и в дополнительном количестве камня, кровельной черепице, кирпичках, оконном стекле. Очевидно, все эти материалы производились в городе и его окрестностях. Рядом с крупными объектами (башнями, куртинами, базиликами) сооружались известеобжигательные печи и устраивались ямы для гашения извести.

В VI в. в городе не только продолжали засолку рыбы в цистернах, созданных в более раннее время, но и строили новые (например, в районе античного театра). По подсчетам А. И. Романчук, в городе в VI в. одновременно функционировали 10–11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 ц рыбы. Рыбу в цистерны загружали дважды в год — в осеннюю и весеннюю путины. Скорее всего, такое количество рыбы производили не только для собственного потребления, но и на вывоз³. При обработке рыбы потреблялось большое количество соли, которую, наверное, добывали в окрестных соляных озерах, существовавших до XIX в.

В первой половине VI в. в городских мастерских ремесленники копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые бронзовые поясные пряжки. С середины VI в. в городе распространились большие женские поясные пряжки с прямоугольным щитком, с вытисненным в его центре крестом. Подобные пряжки встречены только в Херсоне и Горном Крыму⁴. На северном берегу в районе XXV и XXVIII кварталов функционировала стеклоделательная мастерская, в которой в конце V — VI в. производили рюмкообразные сосуды, бальзамарии, кувшины, оконное стекло⁵.

В городских кварталах раскопаны крупные хранилища сельскохозяйственной продукции. На территории городской хоры на Гераклеяском полуострове раскопаны усадьбы индивидуальных землевладельцев. Они выращивали зерно, виноград, овощи.

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 127–128.

² Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 183, 188; Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 274–275.

³ Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск, 1976. С. 16–18.

⁴ Айбабин А. И. Этническая история... С. 130; Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. X. С. 334–346. Рис. 1–2.

⁵ Голофаст Л. А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе. С. 324.

Херсон являлся крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, начинавшемся в Синопе. Напомню, в 576 г. из Синопы в Херсон приплыл корабль с посольством Валентина.

В экономике Херсона VI в. большую роль играла торговля с другими регионами империи, соседями и кочевниками. Для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленную в императорских мастерских Проконесса, мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали¹. Из Византии импортировались краснолаковые сосуды, амфоры, стеклянные изделия, пряжки, а из Подунавья, Остготского королевства в Италии и Боспора — фибулы, пряжки² и украшения. По сообщению Иордана, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии³. Уже со второй половины V в. Херсон был главным экономическим партнером для населявших Юго-Западный Крым готов и аланов. Через Херсон же на территорию региона поступали необходимые товары (в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, раковины каури и другие украшения, декоративные мраморы) из Византии, Северной Италии, Подунавья и других мест. Херсонско-византийские монеты VI в. найдены на территории области Дори⁴.

В VII в. Херсонес оставался главным византийским городом на полуострове. Согласно содержащейся в *Collectanea* Анастасия Библиотекаря IX в. схолии о житии Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.), Ираклий сослал их в Херсон, где они были принудительно разделены и отправлены в крепости, принадлежавшие соседним племенам⁵. В Херсоне найдена печать 550–650 гг. городского аркария (*аркарίου*) — чиновника, собиравшего налоги в кассы византийских ведомств *comitis sacrarum largitionum* и префекта претория⁶. Из Херсона происходят печати VII в. других чиновников местной византийской администрации: ипата Стефана⁷, переводчиков (550–650)⁸, нотарию⁹, епископов Стефана и Диогена¹⁰, а также византийского сановника патрикия Мариана¹¹. Судя по подписи участвовавшего в Трульском Вселенском соборе епископа Херсона Георгия — Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος¹², Херсонской епархии до конца VII в. принадлежали приходы заселенной аланами и готами соседней области Дори.

¹ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 132, 152.

² Айбабин А. И. Этническая история... С. 130, 132.

³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 67, 68.

⁴ Сидоренко В. А. Медная чеканка... С. 367, 368.

⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 78; Migne J. P. *Patrologie Coursus Completus. Series Latina*. Paris, 1864. Vol. 129. P. 129, 684.

⁶ Соколова И. В. Византийские печати... С. 203, 206. № 13.

⁷ Там же. С. 208. № 27.

⁸ Там же. С. 206. № 14, 15.

⁹ Там же. С. 213. № 56.

¹⁰ Там же. С. 208. № 31, 32.

¹¹ Там же. С. 209. № 35.

¹² Ohme H. *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste*. Berlin; New York, 1990. S. 151.

В VII в. в Херсоне поддерживалось стабильное денежное обращение, соответствующее общеимперским стандартам. В городе неизвестны монеты императора Фоки¹. В обращении преобладали медные монеты. При Ираклии (610–641) городской монетный двор возобновил чеканку фоллисов². По предположению В. А. Анохина, тогда же, с целью унификации номинала имевших хождение разновременных херсонских и римских монет IV–VI вв., на них надчеканили хризму и приравнивали к номиналу в 5 нуммий³. Монетами, выпущенными в предшествующий период, херсонцы оплачивали товары из Юго-Западного Крыма, где они обнаружены в основном в захоронениях второй половины VII в.⁴

В городе продолжались значительные строительные работы. На западном участке обороны перестроили башню I. На присоединенном к городу участке в процессе подготовки к сооружению новой Западной базилики (№ 13) в конце VI — начале VII в. снесли рыбоперерабатывающий комплекс и засыпали цистерну⁵. На подготовленном участке возвели трехнефную базилику с большим центральным нефом с двумя колоннадами из девяти колонн, полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой, нартексом и, видимо, открытым экзонартексом. К ее южной стороне примыкает галерея с апсидой. Пол среднего нефа вымощен мраморными плитами, а полы боковых нефов покрыты мозаикой. Вероятно, у базилики было стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Вперевязь с восточной частью северной стены здания построена прямоугольная крещальня с широкой апсидой, к которой пристроен крестообразный мавзолей с усыпальницей⁶.

В начале главной улицы, близ городских ворот в Западном районе, вероятно, тогда же, в VII в., соорудили четырехапсидный храм. О дате следует судить по извлеченным из слая под полом храма краснолаковым мискам второй половины VI — VII в. и одновременным амфорам⁷.

В конце VI — начале VII в. в Северном районе в связи с сооружением двух новых больших трехнефных базилик⁸ были перепланированы кварталы XIX и XXV. Одна из них в 1932 г. раскопана в квартале XXV. В ней сохранились мраморные базы колонн, а в боковых нефах и около солеи — мозаичные полы. Рядом зачищены известковые ямы и известеобжигательная печь, в которых готовили раствор для бази-

¹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 102; *Hahn W.* The Numismatic history of Cherson in Early Byzantine Times — a survey (continued) // *Numismatic Circular*. 1978. November. P. 521.

² Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 102; *Соколова И. В.* Византийские печати... С. 26–28; *Hahn W.* The Numismatic history of Cherson. 1978. November. P. 521; *Сидоренко В. А.* Медная чеканка... С. 370–372.

³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 108.

⁴ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 164.

⁵ *Голофаст Л. А.* Западный район Херсонеса... С. 90–92.

⁶ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 160–165.

⁷ *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // *СА*. 1982. № 1. С. 155–166. Рис. 8,5,6; *Ajbabın A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 153–154. Abb. 72.

⁸ *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса // *МИА*. 1953. № 34. С. 26; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 176.

лики. Ямы и печь впущены в слой, перекрывавший снесенные более ранние помещения и содержащий фрагменты амфор, краснолаковых сосудов и монету Константа II (641–668). После завершения стройки ямы засыпали, а площадь перед базиликой осталась свободной. Зафиксированная в данном квартале стратиграфия позволяет синхронизировать постройку базилики с началом правления Константа II¹.

Вторую одноапсидную базилику с нартексом и экзонартексом раскрыли в 1935 г. в квартале XIX и доследовали в 1950, 1956, 1957 гг. Она возведена на руинах упоминавшейся выше синагоги. Полы боковых нефов базилики вымощены мозаикой, центрального нефа — мраморными плитами, сделанными из стенок античных саркофагов. Ее украшали мраморные феодосианские и коринфские капители, скульптура «Добрый пастырь». В слое, в котором соорудили фундамент базилики, найдены фрагменты амфор и херсонесские монеты Маврикия Тиверия (582–602). При строительстве базилики были перепланированы соседние кварталы XV–XVIII. В них возвели новые дома и засыпали цистерны. Дата строительства базилики определяется по монете Константа II (641–668) из засыпи цистерны 74. Одновременно с базиликой построили дом в кварталах XV–XVI и дом с кладовой в подвале в квартале XVIII. На его полу нашли бронзовую поясную пряжку типа Сиракузы, фрагменты краснолаковой миски со штампованным крестом и амфоры. Названные пряжки изготовляли в Византии и Херсоне в VII в.²

В Северо-Восточном районе целый квартал занимает упомянутый в главе 8-й комплекс, называемый Уваровской базиликой. Трехнефное одноапсидное здание с нартексом и экзонартексом и галереей вдоль южного нефа возвышалось над берегом моря. В атриуме перед экзонартексом находился шестигранный фиал. Улица перед базиликой была вымощена плитами³. Рядом с базиликой расположен небольшой храм с триконхальной апсидой⁴. Предложенные В. В. Латышевым даты баптистерия и малого храма опровергнуты в ходе многократных археологических исследований комплекса «Уваровская базилика». Стена ее внутреннего нартекса поставлена на засыпанный колодец с чеканенной в Херсоне анонимной монетой со знаком стоимости, отнесенной К. К. Косцюшко-Валюжиничем к императору Маврикию⁵. Как показал В. Хан, данные монеты выпускались в Херсоне между 574 и 602 гг.⁶ По мнению В. А. Сидоренко, подобные аноним-

¹ *Ajbabın A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 150–152.

² *Айбабин А. И., Хайреддинова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Т. 1. С. 56. Рис. 12, 19; *Avraméa A.* Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle. Changements et persistances. Paris, 1997. P. 90. Pl. IVa 1, Ic, 1.

³ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 152–160. Рис. 58; *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 165–166. Рис. 31; *Завадская И. А.* О происхождении христианской архитектуры... Табл. II, 1.

⁴ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Рис. 58, 1.

⁵ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИИАК. 1902. Вып. 4. С. 80–81.

⁶ *Hahn W.* The Numismatic history of Cherson... 1978. September. P. 415; *Idem.* The Numismatic history of Cherson in Early Byzantine Times — a survey (continued) // Numismatic Circular. 1978. October. P. 471, 472.

ные монеты могли чеканить в 589/590–602 гг.¹ Монета указывает на дату сооружения базилики² на рубеже VI–VII вв. В водостоке баптистерия найдена херсонская анонимная монета с надчеканкой³, вероятно, выпущенная между 578–590 гг.⁴ Очевидно, баптистерий современен базилике. А. Л. Бертъе-Делагард доказал, что упомянутый в труде В. В. Латышева малый одноапсидный храм был построен позже баптистерия⁵.

На площади, замыкающей главную улицу, построили трехнефную Восточную базилику (№ 36), возвышавшуюся над входом в Карантинную бухту⁶. До начала строительства, при перепланировке участка, предназначенного под храм, был засыпан колодец. Судя по извлеченным оттуда керамике и херсоно-византийским монетам Маврикия, колодец засыпали на рубеже VI–VII вв.⁷, а базилику построили в первой четверти VII в.

Как следует из вышесказанного, в VII в. завершился начавшийся в годы правления Юстиниана I и растянувшийся более чем на столетие процесс создания нового раннесредневекового облика города. В третьей четверти VII в. Херсон приобрел раннесредневековый архитектурный облик. Возведенные в тот период базилики занимали видные места в городе — в центре, на его большой и малой агорах у входа в город и у моря на северном берегу.

На протяжении всего VII в. в городе функционировали металлообрабатывающие мастерские. Одна из них выявлена в Северо-Восточном районе, в III квартале. В 1910–1912 гг. в помещениях II и 26 нашли тигли, шлаки и форму для отливки металлических вещей. В 1995–1996 гг. в том же районе у берега моря аквалангисты собрали шлак, бронзовые слитки и бракованные византийские пряжки. Химический состав обнаруженных в разные годы на городище бронзовых слитков, полуфабрикатов и пряжек типа Сиракузы идентичен. В мастерских отливали и другие популярные среди горожан поясные пряжки, в том числе с прямоугольной рамкой. С помощью матриц, привезенных из Константинополя и Подунавья, в VII в. делали детали поясных наборов. Продукция мастерских продавалась в Херсоне и области Дори⁸.

Городские гончары изготавливали пифосы, кухонную посуду и строительную керамику (кирпичи с клеймами конца VI — начала VII в., черепицу, трубы)⁹.

¹ Сидоренко В. А. Медная чеканка... С. 364.

² Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 359–360.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках... С. 95.

⁴ Сидоренко В. А. Медная чеканка... С. 364; Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты // Нумизматический сборник. М., 1911. Вып. I. С. 108–109.

⁵ Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИИАК. 1907. Вып. 21. С. 79–80.

⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 165–166, 168. Рис. 72–74.

⁷ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 10–11.

⁸ Aïbaine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe — VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens / éd. Ch. Eluère. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 196.

⁹ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 25–28; Романчук А. И. Херсонес... С. 23, 29, 30.

Во второй половине VII в. в Северном районе зафиксированы значительные строительные работы, в результате которых были перепланированы несколько усадеб и засыпаны восемь крупных цистерн. Ликвидация такого количества цистерн привела к сокращению переработки рыбы. Однако в городе сохранилось товарное производство соленой рыбы. Ее продолжали перерабатывать не менее чем в 16 цистернах¹.

В VII в. произошли изменения на сельских усадьбах городской хоры на Герacleйском полуострове. Некоторые из них были заброшены, из-за чего, видимо, уменьшилось производство зерна, и горожане весной испытывали недостаток хлеба. Информация о положении в Херсоне содержится в письмах сосланного в 655 г. в город папы Мартина. В первом письме, написанном в июне, он рассказывал: «...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят... Ведь в этой стране нельзя ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание». Во втором письме, отправленном в сентябре, сказано: «Но до сих пор я не мог купить зерна из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия». Конечно же, в словах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы содержатся риторические преувеличения. В сердцах он и херсонцев, и соседних варваров называл язычниками: «Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь...»² Следует полагать, что он описал реальные сезонные затруднения с продовольствием и его дороговизну. Однако из его писем нельзя сделать вывод о крахе городской экономики, натурализации хозяйства и ликвидации денежного обращения. В одном из писем римского папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли³.

Рассмотренные выше факты характеризуют Херсон VII в. как византийский город с развитым товарным производством и широкими торговыми связями. Последние документируются и происходящими из Херсона печатями VII в. византийских коммерциариев, в том числе главного коммерциария Константинополя 688/689 гг.⁴

Во второй половине VI—VII в. городские христианские некрополи располагались на западном берегу Карантинной бухты и за западной оборонительной стеной. Довольно часто хоронили в семейных склепах, сооруженных в позднеримское время. На некрополях раскопано более 30 склепов и несколько могил, вырубленных в материковой скале в данный период. В склепах лежанки отделялись от остальной части камеры низкими перегородками. Иногда в центре камеры делали подпорный столб. Покойников погребали в деревянных гробах, в одежде и с украшениями. На гробы ставили керамические и стеклянные сосуды. В дромосе устанавливали надгробные кресты с христи-

¹ Романчук А. И. Херсонес... С. 16.

² Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М., 1991. Вып. 1. С. 178–180.

³ Там же. С. 179, 187.

⁴ Соколова И. В. Византийские печати... С. 205, 206, 208. № 10, 26.

анскими, в основном греческими, именами (Георгий, Стефан, Христофор, Федор, Дамиан, Маргарита, Лазарь)¹. В. В. Латышев отнес к VI–VII вв. надпись на надгробном кресте из склепа с захоронениями пресвитеров («О памяти и упокоении пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора. Аминь»)². В нескольких склепах найдены деформированные черепа и скелет с южнокрымской орлино-головой пряжкой. Видимо, эти захоронения принадлежали выходцам из области Дори. Ссылный римский папа Мартин I отличал ромеизированных горожан («живущие здесь») от «варваров» соседнего региона («те, кто обитает в этой области»)³.

§ 2. Область Дори в период правления Юстиниана I

Топоним Дори появляется в VI в. в учебнике *Institutionum Grammaticarum* Присциана (родом из Кесарии в римской провинции Мавритания⁴), преподававшего грамматику в Константинополе в первой трети VI в.⁵, и в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского *De Aedificiis* («О постройках»), написанном в 560 г.⁶

В одном из грамматических упражнений Присциан написал: «Дори... название Понтийского опидума — *Dory... nomen oppidi Pontici*», в другом — «*hoc Dory... nomina civitatum*»⁷. Несомненно, оба примера заимствованы из какого-то исторического или географического трактата, в котором шла речь о городке Дори, находившемся в понтийском регионе⁸.

В сочинении Прокопия дано единственное, довольно пространное описание области Дори. Он, повествуя о строительной деятельности Юстиниана I на побережье Эвксинского Понта, пишет о восстановлении стен Боспора и Херсона, находящихся за Меотидой, и строительстве там же крепостей Алустон и Горзубиты: «В том регионе он построил две крепости, так называемая Алуста и в Горзубитах»⁹. По его словам, в том же прибрежном регионе находилась область Дори: «И есть

¹ Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 372–373.

² Латышев В. В. Сборник греческих надписей... С. 31. № 34.

³ Бородин О. П. Римский папа Мартин I... С. 179, 186.

⁴ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 41–42.

⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 991; The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. P. 1720–1721.

⁶ Procopius. De Aedificiis. Opera omnia / eds. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1964. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana). Vol. IV. III, VII, 10–17; Cameron A. Procopius and the Sixth century. Berkeley, CA, 1985. P. 11.

⁷ Prisciani Grammatici Caesariensis. Institutionum Grammaticarum / ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Lib. XVIII. VI, 1. P. 195; VII, 1. P. 283.

⁸ Айбабин А. И. Этническая история... С. 119; Айбабин А. И. Archäologie und Geschichte... S. 106.

⁹ Procopius. De Aedificiis. III, VII, 11.

некая область здесь вдоль побережья, именуемая Дори, где готы жили с древних времен, а именно те, кто не последовал за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остался здесь по их собственному согласию, и даже в мое время они были в союзных отношениях с римлянами. И они выступают с римлянами против их врагов каждый раз, когда Император так желает. Их число достигает до трех тысяч, и они — и превосходные воины, и искусные земледельцы, и самые гостеприимные люди в мире»¹.

В трех параграфах Прокопий охарактеризовал страну готов: «15 αὐτὴ δὲ ἡ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρὰ ἐστίν, ἀλλ' ἀγαθὴ τε καὶ εὐφορὸς καρπῶν τῶν ἀρίστων... — Сама страна Дори находится на возвышенности, еще она ни неровна, ни тверда, однако плодородная почва и производящая лучшие зерновые. 16 πόλιν μὲν οὖν ἢ φρούριον οὐδαμῆ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλοις τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῆδε ἀνθρώπων, ἀλλ' ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ὀκημένων ἀεί... — Однако Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. 17 ὅπῃ ποτὲ δὲ τῶν ἐκεῖνῃ χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιούσιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὴ τειχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσοδοὺς περιβαλὼν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις... — Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением...»²

Согласно Г. Б. Дьюингу, τὰς εἰσοδοὺς означает «подступы», или «подходы». По утверждению В. Томашека, «подходами» являлись перевалы и ущелья, позволяющие пройти из глубин полуострова через яйлу на южный берег³. По мнению Э. И. Соломоник, термин τὰς εἰσοδοὺς означает проходы через ущелья в горах, которые Юстиниан оградил (περιβαλὼν) длинными стенами (τειχίσμασι μακροῖς), обезопасив страну Дори от вторжения⁴.

О. И. Домбровский вслед за П. И. Кеппенем и В. Томашеком называл «длинными стенами» остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды⁵.

Авторы некоторых сочинений по истории Крыма не обращали внимания на однозначное утверждение Прокопия и приписывали Юстиниану I строительство в области Дори многочисленных крепостей. Ф. Дюбуа де Монпере в повествовании о путешествии в 1831–1833 гг. в Крым отождествил с «длинными стенами» Юстиниана I крепости, защищавшие ущелья, через которые реки текут в степи. В топонимах этих крепостей присутствует слово «кермен»: Инкерман, Черкес-

¹ Procopius. De Aedificiis. III, VII, 13–14.

² Ibid. 15–17.

³ Tomaschek W. Die Goten in Taurien. S. 15.

⁴ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 17–19.

⁵ Кеппен П. И. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. С. 61; Tomaschek W. Die Goten in Taurien. S. 15–17; Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори. С. 33–44.

Кермен (Эски-Кермен), Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Мангуш, Керменчик и др.¹ По утверждению М. А. Тихановой, «длинными стенами» Прокопия можно считать цепь горных укреплений, крепостей, возведенных на Второй гряде Крымских гор и закрывших горные проходы. Крепости нагорья Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Инкерман, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла образовывали две линии защиты Херсона². А. Л. Якобсон также видел в «длинных стенах» крепости Сюрень, Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Каламиты и Чуфут-Кале³.

По предположению В. А. Сидоренко, одну из «длинных стен» он раскопал в ущелье под Мангупом. Сложенная из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков, оборонительная стена перегораживала балку Каралез (Сторожевая). Длина стены — 150 м, толщина — 2,3–2,4 м, высота — 2,5 м. Стену венчали зубцы. Ее вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающимся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. В центральной части имелись ворота. По фрагментам керамики, извлеченным из накопившегося у стены слоя, В. А. Сидоренко датировал ее временем правления Юстиниана I. Стена перекрыла русло ливневых потоков и разрушилась под напором нанесенного селями натечного грунта в VII в.⁴

Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский вслед за П. И. Кеппенем⁵, В. Томашеком⁶ и В. Г. Васильевским⁷ нашли в цитированных выше параграфах 15–17 достаточно указаний на локализацию области Дори на Южном берегу⁸.

По словам Ф. К. Бруна, Г. Караулов аргументировал местонахождение страны Дори неподалеку от южного берега, но не на южном, а на северном склоне Крымских гор⁹. Как полагал Ф. К. Брун, подпись епископа Херсона Георгия, участвовавшего в 692 г. в Трульском Вселенском соборе¹⁰, свидетельствует об увеличении территории страны Дори в послеюстиниановский период до Херсона. Из рассказа о бегстве Юстиниана II из Херсона в крепость Дорос Ф. К. Брун делал

¹ *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Paris, 1843. Vol. VI. P. 225–226.

² *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 324.

³ *Якобсон А. Л.* Византия в истории средневековой Таврики // СА. 1954. № 21. С. 150; *Он же.* Средневековый Крым. С. 11.

⁴ *Сидоренко В. А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 114–115.

⁵ *Кептен П. И.* О древностях Южного берега и гор Таврических. С. 61.

⁶ *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. S. 14–16.

⁷ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. С. 371–372.

⁸ *Соломоник Э. И., Домбровский О. И.* О локализации страны Дори. С. 17–21.

⁹ *Караулов Г.* Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь на 1871 г. Одесса, 1870. С. 3–24; *Брун Ф. К.* Черноморские готы... С. 210.

¹⁰ *Ohme H.* Das Concilium Quinisextum... S. 151.

вывод о том, что крепость назвали по имени страны Дори¹. Согласно Никифору, Юстиниан II в 704 г. скрылся «в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов... — εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν»².

По мнению Ф. К. Бруна³, в «Космографии» Равеннского Анонима в списке городов страны Босфорании тот же Дорос локализован рядом с Херсоном: «...in qua Bosforiana patria plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est... Ermonassa... Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, Trapezus... — Мы читали, что в этой стране Босфорияне было много городов, мы же хотим перечислить лишь некоторые из них, а именно (Г)ермонасса... Бористенида, Ольбиаполис, Каполис, Дори, Херсона, Теосиополис, Кареон, Трапезус»⁴.

А. А. Васильев сомневался в достоверности топонима Дори, поскольку у Иордана в соответствующем месте, послужившем источником для «Космографии», отсутствует этот топоним⁵. Сомнение А. А. Васильева вряд ли оправдано. Скорее всего, автор написанной в конце VII в. «Космографии» внес в список известный с VI в. городок Дори. По предположению А. А. Васильева, в другом месте «Космографии» среди крымской и боспорской топонимии указана страна крымских готов Гето Гиторум (Getho Githorum): «...лес non Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron, paludis Maeotidon... — а также Гето Гиторум, Сугдабон, Фанагурон, болота Меотиды»⁶. А. А. Васильев утверждал, что эту страну Прокопий назвал по имени существовавшего уже в конце V в. и упомянутого в «Грамматике» Присциана города Дори⁷. Основываясь на рассмотренных выше текстах, информации более поздних авторов и эпиграфических материалах, А. А. Васильев в первом русскоязычном издании «Готы в Крыму» отождествлял Дорос с Мангупом, а область Дори — с Готией, Готскими климатами, Феодоро и поместил ее в Горном Крыму, между Балаклавой и Сугдеей, а также в горах, окаймляющих южный берег⁸. По словам А. А. Васильева, сведения Прокопия о строительстве в Крыму по повелению Юстиниана крепостей и защищающих горные проходы длинных стен указывают на создание своего рода *limes Tauricus*⁹.

¹ Брун Ф. К. Черноморские готы... С. 210–212.

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 155–163; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history / text, trans. and comment. by C. Mango. Washington, DC, 1990. 42, 6–8. P. 100, 101.

³ Брун Ф. К. Черноморские готы... С. 215.

⁴ Ravennatis anonimi cosmographia... P. 172–174; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 42, 66; Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 193.

⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 42.

⁶ Ravennatis anonimi cosmographia... P. 176.

⁷ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 42.

⁸ Васильев А. А. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 311–316, 335.

⁹ Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. V. С. 181–182.

Н. И. Репников в статьях о раскопках на Эски-Кермене локализовал на плато сооруженный готами в конце V в. город Дорос — столицу области Дори, а также резиденцию готского топарха. По предположению Н. И. Репникова, после разрушения хазарами в 962 г. укреплений Эски-Кермена резиденцию правителя крымских готов перенесли на гору Мангуп¹. В англоязычном издании «Готы в Крыму» А. А. Васильев согласился с предложенной Н. И. Репниковым локализацией Дороса на плато Эски-Кермен². Гипотезу Н. И. Репникова поддержал и А. К. Амброз³. Топархом Готии А. А. Васильев и Н. И. Репников, как и многие другие, именовали византийского чиновника, которого считали автором так называемой «Записки греческого топарха» (или «Записки готского топарха»). Как убедительно доказали И. И. Шевченко⁴ и И. П. Медведев⁵, этот «источник» изготовлен его первым издателем К. Б. Газе.

В результате археологических исследований на Мангупе выявлены материалы, аргументирующие локализацию на плато раннего Дороса⁶.

В. А. Сидоренко поместил Дорос в Инкермане на плато, занятом генуэзской крепостью Каламита⁷. Однако на ее территории отсутствуют какие-либо находки и строительные остатки оппидума времени Присциана или Дороса VI–VIII вв. Да и расположена она на границе хоры Херсона и области Дори, а не «в готской земле», где Дорос помещал Никифор. Территорию Дори В. А. Сидоренко ограничил долиной реки Черной, где жили «исконные» обитатели этой области, оставившие Чернореченский и Терновский могильники⁸. Правда, названные могильники ничем не отличаются от других одновременных некрополей Юго-Западного Крыма.

В некоторых новых публикациях страну Дори предложили локализовать в восточной или юго-восточной части полуострова. Эти измышления появились после публикации камня с рунами, якобы найденного на Опуке. Как убедительно доказали Д. А. Шалыга и Н. Ф. Федосеев, надпись является фальшивкой, из-

¹ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 116–117, 130, 136, 137, 144, 149–150; *Он же*. Остатки укреплений Эски-Кермена // Там же. С. 181–211.

² Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 72, 73.

³ Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 65.

⁴ Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 117–188.

⁵ Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160–172.

⁶ Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Мангупская базилика. II // СА. 1940. № 6. С. 220; *Он же*. Средневековый Крым. С. 11; Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. С. 320; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. С. 135–137; Айбабин А. И. Этническая история... С. 111, 114, 117, 119.

⁷ Сидоренко В. А. «Готы» области Дори... С. 117.

⁸ Там же. С. 115.

готовленной недавно¹. Л. В. Фирсов привел доводы против помещения области Дори только на южном берегу, где невозможно найти место для плодородной страны с многочисленным населением. Вся территория южного берега от Ласпи до Судака составляет не больше 1% площади Крыма. Узкая полоска побережья (2,5–3 км) отличается от описания Прокопия в параграфах 16–17. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами отличается от упомянутой Прокопием плодородной равнины, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания готов. По утверждению Л. В. Фирсова, страна Дори могла находиться только в Юго-Западном Крыму, в Крымском нагорье, между Главной грядой гор и невысокими квестами Внешней гряды².

Для определения границ области Дори необходимо принимать во внимание как соответствие описанию Прокопия ландшафта местности, так и оставленную жителями Дори археологическую культуру, запечатленную в погребальной обрядности, деталях традиционного костюма, оружия и бытовой утвари.

Ландшафту Дори, описанному в цитированных выше параграфах 15–17³, близок ландшафт местности между Внутренней и Главной грядками с плодородными черноземными долинами и полноводными речками Черной, Бельбеком, Качей, Альмой, Салгиром, их притоками и множеством источников, а также ландшафт побережья, пересеченного мелкими речками близ Алушты, Гурзуфа, Кореиза, Кекенеиза и Ореанд.

Готское население области Дори охарактеризовано в параграфах 13 и 14⁴. Как отмечалось ранее, Прокопий назвал жителей Дори подданными Теодориха, т. е. остготами, которые в 489 г. «не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь». Г. Б. Дьюинг глагол обитания $\phi\kappa\eta\nu\tau\alpha\iota$ (*perf.* от $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$) переводил как *have lived from ancient times* — «жили с древних времен». В. А. Сидоренко, некорректно ссылаясь на статью Л. А. Гиндина о глаголах обитания у Прокопия, предложил иное значение глагола — «живут искони»⁵. Выводы Л. А. Гиндина не дают оснований для изменения, предложенного Г. Б. Дьюингом, а еще раньше П. И. Кепеном⁶ и другими специалистами, перевода глагола $\phi\kappa\eta\nu\tau\alpha\iota$. В данной статье Л. А. Гиндин приводит примеры двоякого значения глагола $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$ в сочинениях Прокопия по отношению к различным племенам, независимо от их образа жизни: они могли быть автохтонными, или их должны считать давно переселившимися

¹ Шалыга Д. А. Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 205–207; Федосеев Н. Ф. О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. 2010. № 1. С. 127–128.

² Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40. С. 107–113.

³ *Procopius*. On Buildings. III, VII, 15–17.

⁴ *Ibid.* 13, 14.

⁵ Сидоренко В. А. «Готы» области Дори... С. 110.

⁶ Кепен П. И. О древностях Южного берега и гор Таврических. С. 54, 57.

в те области, где их застал Прокопий. Причем автохтонными названы и мигрировавшие к Меотиде гунны¹.

Территорию между Внутренней и Главной грядами (от устья Черной реки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на южном берегу (в окрестностях Алустана и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) занимала описанная в седьмой главе археологическая культура, созданная мигрировавшими около середины III в. германцами и аланами, а также в конце IV в. новыми аланскими племенами.

Прокопий в описании жителей Дори назвал их искусными земледельцами и воинами — союзниками римлян, готовыми выступить с римлянами против их врагов по приказу императора². По словам Прокопия, «их число достигает до трех тысяч»³. По справедливому замечанию Э. И. Соломоник, в параграфе 14 цифра 3000 обозначает не численность всех готов, а количество воинов⁴. По расчету Л. В. Фирсова, в середине VI в. население Дори могло достигать 60 000 человек⁵.

Материалы раскопок некрополей области Дори подтверждают сведения Прокопия. О многочисленности населения Дори в период правления Юстиниана I (527–565) свидетельствуют как продолжавшие функционировать некрополи упомянутой выше археологической культуры, так и однотипные могильники Суук-Су, Артек, Кореиз, Симеиз, в балке Каралез под Мангупом, Баштановка, Аромат, Большое и Малое Садовое и другие, на территории которых хоронили или могли хоронить во второй половине VI в. Близ могильников в Гурзуфской котловине и некоторых других обнаружены связанные с ними сельские поселения⁶.

В первой половине VI в. в захоронениях области Дори обнаружены византийские амфоры типа LRA 10 с веретенообразным туловом и полой ножкой варианта 1, краснолаковая миска типа LRC-3F с оттиснутым в центре дна клеймом в виде креста, трехчастные литые пряжки с овальной рамкой, граненым язычком и гладким щитком варианта 3–1, а также с овальной рамкой и прямоугольным щитком, инкрустированным стеклом. В одновременных женских захоронениях найдены изготовлявшиеся местными мастерами по остготским образцам большие пряжки с прямоугольным щитком 1-го и 2-го вариантов и пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке⁷.

¹ Гиндин Л. А. Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // ВДИ. 1988. № 2. С. 177.

² *Procopius. On Buildings.* III, VII, 13.

³ *Ibid.* 14.

⁴ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори. С. 17. Примеч. 14.

⁵ Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике. С. 109.

⁶ Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 111, 120. Рис. 48,2–4; 50.

⁷ То же. Симферополь; Керчь, 2014. Т. 2: Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. (Сер. Боспорские исследования; Suppl. 14). Рис. 7.

Следует отметить, что именно в период правления Юстиниана I с середины VI в. мужчины области Дори стали носить популярные в византийской армии геральдические поясные наборы, а женщины — восточногерманский костюм. В характерных для аланов склепах и подбойных могилах многочисленны захоронения женщин с типичными для германцев аксессуарами женской одежды: парой золотых серег с многогранником или бронзовыми сережками на висках, с ожерельем из золотых треугольных подвесок и одной или двумя низками из янтарных и разноцветных стеклянных бус на шее, парой серебряных двухпластинчатых фибул на плечах, пристегнутых головками вниз, двумя серебряными или бронзовыми браслетами на руках и широкими кожаными поясами, застегнутыми серебряными орлиноголовыми пряжками южнокрымского типа. Во второй половине VI в. пояса также застегивали большими пряжками с прямоугольным щитком. Иногда гарнитур дополняли ожерельем из золотых трапециевидных подвесок. Описанные гарнитуры украшений костюма и его детали по составу вещей и способу ношения фибул близки к этнографическому женскому костюму остготов и вестготов¹. Мужчин хоронили в повседневной одежде, зачастую с византийскими воинскими поясами со свисающими узкими ремнями, к которым подвешивали железные ножи и кисеты с кресалом и кремнями. В некоторых кисетах лежали монеты, а в Суук-Су — и рыболовные крючки. В Лучистом в нескольких захоронениях нашли пряжки и наконечники обувных ремней. С середины VI в. аланы и готы носили пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты и амулеты. На перстнях и амулетах изображен особо почитавшийся святой всадник (Сесиний или Соломон). Вплоть до конца VII в. носили амулеты с изображением Святого Мины².

Как явствует из вышесказанного, Прокопий называл страной Дори территорию между Внутренней и Главной грядами Крымских гор (от устья Черной реки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на южном берегу (в окрестностях Алустона и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза)³. Всех жителей Дори он считал готами. Правда, Прокопий и других

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 107–108; Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133; Она же. О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V–VII вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 585–601; Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 84–93; Idem. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz — das Römerreich im Mittelalter / F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. (Monographien der Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 84, 3). S. 59–94.

² Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182; Она же. Медальоны с изображением Святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210. Рис. 1–17.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 105, 107; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 96–104.

варваров именовал готами. Например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени аланов¹.

§ 3. Архонтии и климаты Херсона в Юго-Западном Крыму

Как отмечалось выше, поскольку в 579 г. тюрки совершили поход в район Херсона, скорее всего, через степи Северо-Западного Крыма, то они не причинили вреда области Дори. В Горном Крыму не обнаружены какие-либо произведенные тюрками разрушения.

Содержащиеся в сочинениях IX в. описания событий, происходивших в Юго-Западном Крыму во второй половине VII — начале VIII в., указывают на подчинение региона в VII в. Херсону.

В составленной в 813–814 гг. «Хронографии» Феофан Исповедник писал о высылке императором Константином II (641–668) папы Мартина «в Херсон и климаты», или «климаты Херсона»². Как известно, папу Мартина сослали в Херсон в 655 г.³ В «крепости, принадлежавшие соседним племенам», около середины VII в. отправили Евпрепия и Феодора⁴. В начале IX в. Феофан писал и о бегстве в 704 г. ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (Δαρᾶς), расположенный между городом и Фанагорией, а в отображении событий 711 г. фигурируют «Херсон, Боспор и другие климаты», а также «жители Херсона и других крепостей»⁵. В одновременной «Краткой истории» патриарха Никифора, в повествовании о тех же событиях, крепость Дорос помещена в страну готов, а также упомянуты «Херсон, Боспор и другие архонтии», «граждане Херсона и других городов» и «архонты регионов»⁶, соседних с Херсоном.

Приведенные источники позволяют вполне определенно локализовать рассматриваемые архонтии, климаты и крепости в границах описанной Прокопием области Дори⁷. Согласно Присциану, на территории Дори еще до начала правления Юстиниана I (527–565) на плато Мангуп построили опидум, или кивитатиум Dory⁸, тогда как по Прокопию, при Юстиниане I на южном берегу возвели

¹ *Procopius. History of the Wars. The Vandalic Wars* / trans. by H. B. Dewing. London, 1916. (Loeb Classical Library). Book III, III, 1; *Idem. History of the Wars. Gothic War*. Vol. V. Book VIII. V, I, 3.

² *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD284–813* / text, trans. and comment. by C. Mango, R. Scot. Oxford, 1997. P. 462–463, 491.

³ *Бородин О. П.* Римский папа Мартин I... С. 174.

⁴ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 78; *Migne J. P.* *Patrologie Coursus Completus. Series Latina*. Vol. 21. P. 129, 684.

⁵ *The Chronicle of Theophanes...* P. 520, 527, 528.

⁶ Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 100–101, 106–109.

⁷ *Procopius. On Buildings*. III, VII, 10–17; *Айбабин А. И.* О локализации области Дори. С. 320.

⁸ *Prisciani Grammatici Caesariensis...* Lib. XVIII. VI, 1. P. 195; VII, 1. P. 283.

крепости Алустон и Горзубиты¹. По словам П. И. Кеппена, «вскоре после Юстиниана I» византийцы в том же столетии построили для защиты области Дори крепости и укрепленные монастыри².

Игнорируя однозначное утверждение Прокопия о том, что в стране Дори император «не построил ни города или крепости»³, многие историки отождествляли с «длинными стенами» укрепленные пещерные города Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и др.⁴ А. Г. Герцен, вопреки Прокопию, приписал Юстиниану I сооружение в последнее десятилетие правления в горах крепостей, дополнивших длинные стены⁵.

По мнению Е. В. Веймарна, крепости Каламита (Инкерман), Эски-Кермен, Тешкли-бурун (Мангуп), Сюрень, Кыз-Кермен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла возвели в V в. местные жители, потомки тавров и скифов⁶. Д. Л. Талис разделил известные ему в Юго-Западном Крыму крепости на три группы. Он полагал, что византийцы соорудили крепости первой группы в конце V в. на плато Эски-Кермен и Мангуп, а на плато Тепе-Кермен — в позднее Средневековье, крепости второй группы — на плато Кыз-Кермен в VIII–IX вв., на горе Сюрень и плато Тепе-Кермен во второй половине XI — первой четверти XII в., тогда как одну из крепостей третьей группы на плато Бакла во второй половине V в. построили местные жители, а крепость Каламита, видимо, византийцы соорудили в раннее Средневековье⁷.

В результате археологических раскопок в последние десятилетия на территории многих перечисленных выше пещерных городов, априори названных крепостями, выявлены материалы, уточняющие их назначение и хронологию. В Горном Крыму раннесредневековые оборонительные сооружения обнаружены на плато Мангуп, Эски-Кермен, Бакла и, возможно, Чуфут-Кале.

Мангупское плато возвышается на 250–300 м над уровнем подступающих долин. С трех сторон оно ограничено вертикальными обрывами, достигающими на западной стороне высоты 70 м. Северный склон прорезан тремя глубокими ущельями, разделяющими его на четыре мыса. Дороги и тропинки на плато проходят по балкам, в верховьях которых вытекают родники питьевой воды. По данным А. Г. Герцена, строители возвели в верховьях балок стены, пересекавшие ущелья между мысами и дополнявшие естественные обводы плато. Комплекс главной линии обороны обеспечил защитой максимально возможную площадь плато (общая площадь кре-

¹ Айбабин А. И. О локализации области Дори. С. 311.

² Кеппен П. И. О древностях Южного берега и гор Таврических. С. 44–46, 61.

³ Procopius. On Buildings. III, VII, 16.

⁴ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 72, 73; Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. С. 320–324; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 11.

⁵ Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 98.

⁶ Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 76.

⁷ Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 89–113.

пости составила 90 га). А. Г. Герцен отнес строительство укреплений на Мангупском плато к последним десятилетиям правления Юстиниана I—50–60-м гг. VI в.¹ Однако опубликованные археологические материалы второй половины VI в. из раскопок на плато не связаны с оборонительными сооружениями и не дают оснований игнорировать хронологию цитированных выше трудов Присциана и Прокопия.

Плато Эски-Кермен возвышается в 6 км южнее с. Красный Мак (Бахчисарайский район), в юго-западной части Второй гряды Крымских гор. Крепость сооружена на плоской вершине, окруженной глубокими балками столовой известняковой горы. Северный конец, восточная сторона горы и большая часть ее западной стороны представляют собой почти вертикальные обрывы. На восточном и западном фасадах горы много выступающих мысов. Некоторые участки западной стороны менее крутые. Южный склон более пологий. Подходящая к нему с юго-запада седловина облегчает подъем на плато. Длина горы с севера на юг—1040 м, наибольшая ширина—200 м, высота—до 30 м. При создании обороны умело использовалась топография местности. Фортификационные сооружения защищали все доступные для подъема на плато пологие участки склона.

Самый мощный узел обороны создали на наиболее доступном южном краю плато, где от его подножия в скале были высечены три марша широкой подъемной дороги, ведущей к главным воротам. В скальных мысах, возвышающихся на юго-западном краю плато над дорогой и на юго-восточном краю плато вырубili фланговые пещерные казематы I и IV, а перед главными воротами—башню. Вдоль края плато над верхним маршем дороги возвели оборонительную стену, а вдоль края верхнего марша и перед главными воротами—протейхизму с двумя калитками. Тем самым этот участок дороги превратили в перибол с двумя воротами. На краю плато напротив главных ворот сохранились вырубленные в скале «постели» надвратной башни. Над главными воротами прослежены остатки надвратных боевых площадок². На восточной стороне плато раскрыты пещерные казематы и укрытия для караульных, калитка и высеченная на поверхности скалы лестница, ведущая к подножию плато. Входы на плато на северном краю и западной стороне были тоже укреплены.

Важную роль в оборонительной системе играли пещерные башни и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы. Через бойницы в башнях контролировалось пространство между ними и подножие плато. Между многими пещерными башнями по краю плато были возведены двухпанцирные оборонительные стены.

В 2005–2008 гг. экспедиция под руководством автора главы на восточном краю плато между пещерными башнями IV и V раскрыла участок оборонительной стены длиной 39 м. Внешнюю облицовку соорудили из хорошо обтесанных

¹ Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. С. 133; *Он же*. Дорос-Феодоро (Мангуп)... С. 100, 101.

² Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок... С. 123–125; *Он же*. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. С. 18–40.

больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров, скрепленных раствором из извести и песка. Блоки плотно подогнаны один к другому. Нижние ряды панцирей лежали в вырубленных в скале «постелях». Длина крупных блоков — 2,3 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,8 м; длина малых блоков — 0,8 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,8 м. Высота стены и количество рядов кладки зависели от рельефа поверхности материковой скалы. Сверху стена перекрыта большими прямоугольными плитами длиной 1,6–1,8 м, шириной 1 м, толщиной 0,5 м. Наибольшая высота облицовки — 3,6 м от уровня материковой скалы. Здесь на постель положили пять рядов блоков. Пространство между панцирями заполнено необработанными камнями и известковым раствором. Внутренний панцирь, в отличие от внешнего, поставлен не в «постель», а на предварительно очищенную и подготовленную скальную поверхность крутого склона. На примыкающей к стене поверхности склона вырублены дренажные канавы. Щели между нижним рядом внутреннего панциря и скалой заполнены необработанными камнями, широкие щели (0,15–0,2 м) между торцами верхних камней и склоном мыса с пещерным казематом V замазали раствором из извести и песка. В одном из блоков нижнего ряда кладки сделано водопропускное отверстие. Кладка внутреннего панциря аналогична кладке внешнего. Пять рядов панциря соорудили из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров на растворе из извести и песка. Блоки плотно подогнаны один к другому. Длина крупных блоков — 1,9 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,6 м; длина малых блоков — 0,8 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,7 м.

Для выравнивания примыкающей к стене поверхности крутого склона у основания стены подсыпали слой насыщенного песком грунта, а также известнякового и темно-коричневого грунта. В результате вдоль стены была создана горизонтальная площадка шириной в 1 м. Высота стены с внутренней стороны от поверхности нивелировочного слоя до верхней поверхности плит перекрытия достигала 2,4–2,6 м. Поскольку в стене отсутствовали бойницы, то можно предположить, что гарнизон контролировал этот участок склона плато не только из пещерных казематов IV и V, но и с перекрытия стены¹.

Участки стены, аналогичной по конструкции и кладке облицовки описанной выше восточной стене, зачищены на западном краю плато, между прямоугольной башней X и пещерным казематом XI.

Стены с двумя панцирями из блоков и забутовкой между ними характерны для Херсонеса и византийских крепостей VI–IX вв.² Для многих ранневизантийских

¹ Айбабин А. И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 132–134. Рис. 2,5,7,8.

² Lawrence A. W. A skeletal history of Byzantine fortification // The Annual of the British School at Athens. London, 1983. Vol. 78. P. 185–209; Lassus J. Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938–1956. Paris, 1981. Vol. 1. P. 13–16. Fig. 21,26–30, 90,92,162; Foss C., Winfield D. Byzantine fortifications. An introduction. Pretoria, 1986. P. 25–27, 240. Fig. 92.

горных крепостей типичны пещерные казематы и башни, как и элементы южного узла обороны (форма и позиция башни и протейхизма)¹.

Время сооружения оборонительных стен Эски-Кермена определяется по закрытому комплексу керамики из нижнего слоя нивелировочной подсыпки у восточной оборонительной стены — конец VI в. Вполне очевидно, что крепость на плато спроектировали и воздвигли по проекту опытного византийского военного инженера, хорошо использовавшего топографию местности².

Городище Бакла находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотой 15–20 м, а с юга — обрыв. Площадь городища — 0,8 км². С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. В начале V в. на плато возникло неукрепленное поселение. В первой половине VI в. там соорудили винодельню. Вероятно, в конце того же века на вытянутой вдоль обрыва возвышенности с крутыми откосами (ширина — до 60 м, длина — до 200 м) возвели цитадель. Д. Л. Талис выделил на ней два строительных периода. На северо-восточном участке раскрыты остатки первого строительного периода: фундаменты башни и двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня. Ее фундамент лежит на нивелирующей поверхности скалы глиняной прослойке. Сохранившиеся нижние ряды панцирей фундамента сложены из камней (размерами до 1,0 × 0,8 × 0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. По предположению Д. Л. Талиса, первую стену цитадели возвели в V в., а в VII в. разрушили. До ее строительства был ликвидирован и засыпан ранний винодельческий комплекс. За время существования названных сооружений двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета. Даты создания и уничтожения винодельни и стены Д. Л. Талис определял по керамике из него³. Следует обратить внимание на то, что слой возник еще до постройки стены, одновременно с винодельней. Д. Л. Талис не разделял его стратиграфически. Из слоя извлекли фрагменты краснолаковых сосудов V–VII вв., двуручных красноглиняных кувшинов с росписью ангобом второй половины VIII в., красноглиняных ойнохой VII–IX вв., амфор VI–VII вв. и второй половины VII — VIII в. Керамика документирует накопление слоя в период с V по начало VIII в. Поскольку в слое нет керамики типичной лишь для V и VIII вв., то его хронологические рамки можно сузить до VI — начала VIII в. По керамике не-

¹ *Ajabin A. I.* Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhengiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz, 2013. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 113). S. 176–177.

² *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 143–146; *Он же.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен. С. 132–138; *Ajabin A. I.* Die mittelalterliche Siedlung... S. 191.

³ *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения... С. 112; *Он же.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 57–62.

возможно определить время постройки первой стены цитадели. Если винодельню создали в первой половине VI в., то перекрывшие ее стены вряд ли соорудили ранее конца того же века. Разрушили первую цитадель в начале VIII в.¹

Плато Чуфут-Кале поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в нее входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато, и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Для той же цели служили пещеры у сооруженных в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены постели от снесенной ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. На ее южном фланге сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых квадров размером 1,0 × 0,7 м, похожий на стены византийских крепостей². На плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты амфор VI–IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливался культурный слой, смыаемый с плато. В образовавшейся сразу же после возникновения стен нижней надскальной части слоя обнаружены мелкие обломки одновременной керамики³. Ниже по склону находится могильник⁴, принадлежавший жителям городища на плато. Вероятно, поселение на плато и некрополь на склоне возникли не ранее конца VI в. Скорее всего, тогда же могли соорудить его первые оборонительные стены⁵.

На территории почти всех крепостей все еще не найдены остатки цитадели. На Мангупе⁶, Эски-Кермене⁷ и, возможно, Чуфут-Кале в центре плато одновременно с крепостью построили крупные трехнефные базилики. Согласно новелле Юстиниана I, в церкви могли проходить собрания горожан и храниться весовые

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 117–119. Рис. 47; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 104–106.

² Яковсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 110–114. Рис. 1.

³ Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах Средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. Рис. 21,3,5–7; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. С. 184–185.

⁴ Кротошкин В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. № 28. С. 210.

⁵ Айбабин А. И. Этническая история... С. 111, 114; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 98, 100–102.

⁶ Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп)... С. 101–102.

⁷ Шмит Ф. И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 213–254; *Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung...* S. 183.

и метрические стандарты¹. Очевидно, так же использовали и названные базилики. Сооружение новых храмов в конце VI—VII в. свидетельствовало об упрочении положения христианской церкви в Юго-Западном Крыму. Подпись участвовавшего в 692 г. в Трульском Вселенском соборе епископа Херсона Георгия Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος² позволяет говорить о том, что епархии Херсона принадлежали и приходы страны Дори.

В крепостях на Эски-Кермене и Бакле были созданы не связанные с домами крупные государственные зерновые склады из многочисленных вырубленных в скале ям, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками. На Эски-Кермене два таких склада вмещали десятки тонн зерна. Вероятно, местные земледельцы свозили в крепости зерно, которым могли выплачивать государственные налоги.

Большая часть площади описанных выше крепостей осталась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений.

Об этносе жителей названных крепостей свидетельствуют выявленные на связанных с ними некрополях аланские склепы и подбойные могилы, в которых зачищены захоронения женщин с деталями германского костюма, а также останки мужчин с византийскими воинскими поясными наборами³. Под влиянием христианства появились изменения в погребальном обряде. С VII в. на Южном берегу Крыма хоронили не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах, а на Эски-Кермене — и в могилах, вырубленных в скале. Со второй половины VII в. на горнокрымских могильниках устанавливались христианские надгробия. Однако обряд захоронения все еще мало отличался от прежнего⁴. По конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения в них и инвентарю крепостные могильники не отличаются от других известных в области Дори аланских и готских. Скорее всего, гарнизоны Мангупской и Баклинской крепостей набирали из членов общин, обосновавшихся на плато Мангуп с середины III в., а на Бакле — с VI в. В крепости на плато Эски-Кермен и Чуфут-Кале переселились обитавшие в ближайшей округе общины аланов и готов. Очевидно, в крепостном гарнизоне служили также офицеры и солдаты византийской армии. Им, возможно, и принадлежали обнаруженные в крепости Эски-Кермен и на ее некрополе воинские фибулы, в том числе и с имитацией знака почетно-

¹ Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 31/2. XVI Internationaler Byzantinisten kongress. Acten. 1/2. Wien, 1981. S. 645; Ousterhout R. G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium / eds. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 196.

² Ohme H. Das Concilium Quinisextum... S. 151.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 107–108; Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками. С. 91–133; Она же. О реконструкции женского костюма варваров... С. 585–601; Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten... S. 84–93; Idem. Byzantinische Elemente in der Frauentracht... S. 59–94.

⁴ Айбабин А. И. Этническая история... С. 69.

го консула¹. В склепах и могилах наряду с захоронениями мужчин обнаружены многочисленные захоронения детей и женщин. Воины жили на плато вместе с семьями².

Хронология строительства новых крепостей согласуется с датой упомянутой выше строительной надписи из Тамани. Несомненно, византийцы присоединили к своим владениям населенную аланами и готами союзную область Дори и подчинили ее дукке Херсона. Под его руководством и строились новые крепости. Территорию области Дори византийцы разделили на районы — архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла³. Согласно Феофану, во второй половине VII в. соседние с Херсоном архонтии также именовали климатами Херсона⁴. Греческое *tá klímata* — множественное число от *tó klíma* — «район», «область», «административный округ». На латинский *klíma* переводилась как *regio*⁵. Архонты архонтий, или климатов, не только командовали местными войсками, но и возглавляли византийскую гражданскую администрацию своего региона. Находка на плато Мангуп печати императорского логофета геникона патрикия Дорофея первой половины VII в.⁶ указывает на существование переписки между налоговым чиновником и архонтом Дороса. Очевидно, архонты названных крепостей организовывали сбор имперских налогов.

§ 4. Боспор и Восточный Крым

Историки средневекового Крыма высказывали противоречивые суждения о включении территории Боспорского царства и его столицы в состав Византии. Разногласия во многом объясняются неоднозначностью трактовки сведений о данном событии, содержащихся в письменных и эпиграфических источниках.

В завершенной в 569 г. хронике Захарии Ритора из Митилены рассказывается об отправке императором Юстином I посольства Проба к гуннам, «для того чтобы купить из них воинов»⁷. По словам же Прокопия, Юстин I в 522 г. послал патриция Проба в город Боспор с большой суммой денег для заключения с обитав-

¹ *Ajbabin A. I.* Die mittelalterliche Siedlung... S. 185, 186. Abb. 22, 1, 3.

² *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 147, 148; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 134.

³ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 111, 114, 117, 119; *Он же.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен. С. 137–138.

⁴ *The Chronicle of Theophanes...* P. 462–463, 491, 520, 527, 528.

⁵ *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1133.

⁶ *Герцен А. Г., Алексеенко Н. А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 61–64.

⁷ *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2011. С. 398, 596.

шими между Херсоном и Боспором гуннами симмахии (союза) и направления их в Иберию для войны с персами. Его миссия закончилась неудачей¹.

Прокопий в разных книгах «Истории войн» излагает несколько версий присоединения Боспора к империи. В первой книге «Войны с персами» упомянуты жившие издавна независимо боспорцы, которые отдали себя под власть василевса Юстина I², а во второй книге этого сочинения идет речь о захвате Юстинианом I подвластного гуннам Боспора³. Тогда как в книге «Война с готами» в рассказе о правлении Юстиниана I говорится о городе Боспоре, подчинившемся римлянам не так давно⁴. Еще одна версия изложена в книге «О постройках» в описании деяний Юстиниана I: «С давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян»⁵. Как мы видим, в данных сочинениях Прокопия Боспор назван как независимым от гуннов, так и городом, принадлежавшим гуннам, которых он локализовал в степях между Херсоном и Боспором, у Понта и Меотиды.

Современники Прокопия Иоанн Малала (около 491–578 гг.) и Иоанн Эфесский (507–586) описывали прибытие в Константинополь правителя живших близ Боспора гуннов Горда, его крещение и возвращение на Боспор⁶. Рассказ Иоанна Малалы об этом событии повторен в более поздних хрониках Иоанна Никиусского⁷ и Феофана⁸, а также в «Сагах» Ландульфа⁹ и «Историческом синопсисе» Георгия Кедрина¹⁰. Вторая часть «Истории» Иоанна Эфесского включена в сочинение псевдо-Дионисия Телльмахрского и Михаила Сирийца¹¹. Согласно Малале, Горд прибыл в Константинополь в первый год правления Юстиниана I, а по Иоанну Эфесскому — в 534 г. По словам Иоанна Малалы, сам василевс стал приемником Горда и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор. Император разместил в городе арифм стратиотов, которые были италийцами, называемыми испанцами, под командой трибуна. В городе Боспоре шел обмен между римлянами и гуннами. По утверждению Феофана, трибуну поручили собирать ежегодный налог¹². Вернувшись на родину, Горд переплавил гуннских

¹ *Procopius. History of the Wars. The Persian War. Book I. XII, 6, 7.*

² *Ibid.* 8.

³ *Ibid.* Book II. III, 40.

⁴ *Procopius. History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. V, 26.*

⁵ *Procopius. On Buildings. Vol. VII. Book III. VII, 10–12.*

⁶ *Joannis Malalae. Chronographia / ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 431, 432; Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба... С. 26–27; Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. С. 310–311.*

⁷ *Charles R. H. The chronicle of John (c. 690 A. D.) coptic bishop of Nikiu. London; Oxford, 1916. P. 141, 66.*

⁸ *The Chronicle of Theophanes... P. 267.*

⁹ *Landulfus Sagax. Addimenta ad Pauli Historiam Romanam / ed. H. Droysen. Berlin, 1877. (Monumenta Germaniae Historica; AA, 2). P. 369.*

¹⁰ *Georgius Cedrenus. Compendium Historiarum / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae; T. I). P. 644–665.*

¹¹ *Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. С. 216, 310–311.*

¹² *The Chronicle of Theophanes... P. 267.*

идолов, сделанных из серебра и электрона, и обменял их на милиарисии в Боспоре. По наущению возмущенных жрецов гунны убили Горда. К власти пришел его брат Муагерий. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон¹.

Синхронный гуннскому восстанию слой выявлен в рыбацком предместье Боспора, в раскопе рядом со зданием музея. Слой образовался в результате разрушения усадьбы рыбака с мощенным плитам двором и зачищенной поблизости стеклоделательной мастерской. Дата их гибели установлена по извлеченным из слоя многочисленным фрагментам керамики конца V — первой половины VI в.

Император послал на Боспор морем эскадру с отрядом готов под командой комита устьев Эвксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно отправил в поход против гуннов по суше от Одиссополя Годилу и стратига Фракии стратилата Бадурия. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Малала и Феофан отнесли описанные события к 527–528 гг.² Как явствует из цитированных выше слов Прокопия, Юстиниан I «возвратил» город Боспор под управление римской администрации. Он повелел укрепить разрушенные стены Боспора³. Упомянутая выше новелла Тиверия 575 г. свидетельствует о базировании в гавани Боспора византийских военных кораблей⁴. Боспорцы снабжали их провиантом и необходимой для ремонта оснасткой⁵.

Стремясь закрепить контроль над проливом Боспор, через который проходили пути из Византии на Северный Кавказ, в Прикаспийские степи, Западный Тюркский каганат и Китай, Константинополь учредил имперскую администрацию и в портовом городе на азиатском берегу Боспорского пролива. Строительную надпись, найденную в крепости, построенной А. В. Суворовым на Таманском городище, В. В. Латышев отнес к 533 г.⁶ Очевидно надпись происходит из Гермонассы. В тексте надписи он прочитал имя и часть титула императора Юстиниана, а в 9–11 строках — [πράττ]οντος Ανγουλά[του ενδοξοτ]άτου τριβού[νου καί έργο?]λάβου, в 8 и 9 строках — титул «комита этого города», [κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό[λεως]. По мнению В. В. Латышева, комит являлся представителем императорской власти на Боспоре⁷. Д. Фиссель, отметив, что в византийской городской администрации отсутствовала должность комита города, предложил иное восстановление «[του πατρός]ς ταύτης τῆς πό[λεως...] отца этого города». По предположению Д. Фисселя, трибун Ангулат был родом из Исаврии⁸. В Византии *pater civitatis* с IV в. возглавлял городскую администрацию⁹, отвечал за сбор налогов и их администрирова-

¹ The Chronicle of Theophanes... P. 267; *Joannis Malalae. Chronographia.* P. 431–433.

² The Chronicle of Theophanes... P. 267; *Joannis Malalae. Chronographia.* P. 431–433.

³ *Procopius. On Buildings.* III, VII, 10.

⁴ *Ahrweiler H. Byzance et la mer...* P. 12.

⁵ *Corpus juris civilis.* Vol. III. P. 751. Novellae CLXIII.

⁶ *Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике.* С. 660; *Он же. Сборник греческих надписей...* С. 102–103. № 98.

⁷ *Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике.* С. 657–659; *Он же. Сборник греческих надписей...* С. 101. № 98.

⁸ *Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du πατήρ της πόλεως.* P. 219–220.

⁹ *Feissel D. L'empereur et l'administration impériale.* P. 105.

ние¹. А. Х. М. Джонс отмечал, что после завоевания Северной Италии в Ломбардии местным гарнизоном командовал трибун, или комес, города, который фактически управлял городом, т. е. исполнял обязанности *pater (curator) civitatis*². Очевидно, по повелению Юстиниана I в Гермонассе расквартировали гарнизон под командой трибуна исаврийца Ангулата и назначили его главой городской администрации *pater civitatis*³. Тогда же на азиатском берегу боспорского (Керченского) пролива византийцы возвели новую крепость. В 1960–1980-е гг. ее раскопали близ поселка Ильич у основания косы Чушка⁴.

Прибывшие с византийскими полками из Подунавья готы, как и все солдаты, были христианами. Видимо, они поселились в городе Боспор с семьями. Очевидно, тогда в городе распространился традиционный женский остготский костюм, содержащий пальчатые фибулы и широкий пояс с большой пряжкой с прямоугольным или орлиноголовым щитком. На щитках двух из них изображены христианские кресты⁵. Во второй трети VI в. городские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке, а с середины VI в. — пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис и серийно изготавливать орлиноголовые пряжки боспорского типа⁶.

Материалы археологических раскопок в приморской части города Боспора свидетельствуют о его возрождении. Т. И. Макарова раскрыла в раскопе у церкви Иоанна Предтечи остатки базилики (купель и колодец), видимо, построенной при Юстиниане I⁷. В 1990–1992 гг. экспедиция автора главы в Кооперативном переулке зачистила дома первой половины VI в. В 2007–2009 гг. в Босфорском переулке, в рыбацком предместье Боспора, в раскопе у здания музея раскрыты фундаменты трех усадеб, построенных во второй четверти VI в. Одну из них возвели над засыпанными рыбозасолочными цистернами. Во второй усадьбе рыбака зачистили печь, часть которой сложили из якорных камней. В связанном с усадьбами слое найдена византийская керамика VI в., в том числе фрагменты краснолаковых сосудов со штампованными крестами⁸. Восстанавливалась обработка рыбы, однако рыбу засаливали в цистернах меньших размеров, сооруженных во дворах рыбаков. Такая отштукатуренная темно-розовой цемянкой цистерна зачищена во дворе одной усадьбы⁹. Наряду с рыболовством и переработкой рыбы, металлообработкой, производством керамики и судостроением Боспор традиционно торговал

¹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 286, 521, 726, 730, 731, 755.

² Ibid. P. 760.

³ Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 89, 90.

⁴ Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 88–92; Она же. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 50.

⁵ Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... Abb. 36.

⁶ Ibid. S. 90. Abb. 36, 37.

⁷ Макарова Т. И. Боспор—Корчев по археологическим данным. С. 130–136, 143.

⁸ Смокотина А. В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 132–156.

⁹ Айбабин А. И. Византийские порты в Крыму... С. 192.

со многими центрами Причерноморья и Средиземноморья, из которых ввозились разнотипные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды¹.

Строительные работы велись и в Тиритаке, где соорудили ванны для дубления шкур животных², а на месте разрушенного гуннами рыбозасоленного комплекса построили базилику с колоннами из проконесского мрамора с импостной ионической и коринфской капителями³.

В 571 г.⁴ или после 572 г.⁵ граничившие с Азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказскими горами захватили тюрки, подчинив утигуров и аланов. Каган тюрков Истеми (Сильзибул — в византийских и Синджибу — в арабских источниках)⁶ назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тянь-Хань-хана — в китайских источниках)⁷.

В 576 г. Тиверий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним посольство во главе с мечником Валентином⁸. По тексту Менандра довольно сложно восстановить маршрут передвижения посольства по Крыму. По его словам, посольство «на кораблях направилось через Синопу в Херсон и к Апатуре [в район Фанагории, где в античности находилось святилище Афродиты Апатуры]... еще и через племена (ἔτι τε καὶ διὰ φοῦλον), пройдя пески... он [Валентин] пересек горы Таврики, которые тянутся к югу. Валентин и его компаньоны через равнину, покрытую камышом, кустарниками и болотами, прибыли в регион, находившийся под властью вождя скифов, женщины по имени Аккага, которую назначил вождь племени утигуров Анагей»⁹. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки только что умершего Сильзибула и встретился с его преемником и сыном Турксанфом¹⁰. На перегово-

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 105; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* Abb. 55, 56; Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–123.

² Зинько В. Н., Зинько А. В. Тиритака в V–VI вв. н. э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–96.

³ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки... С. 67–72. Рис. 79–81.

⁴ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа... С. 96; Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 95.

⁵ *Blockley R. C. The history of Menander...* P. 179, 276.

⁶ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Berlin, 1958. Bd. II. S. 275, 276; Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 93.

⁷ *Blockley R. C. The history of Menander...* Fr. 19,1. P. 171–177; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 70.

⁸ *Blockley R. C. The history of Menander...* Fr. 19,1. P. 171; Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. С. 323; Артамонов М. И. История хазар. С. 137; Айбабин А. И. Этническая история... С. 134; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 122; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 95–96.

⁹ *Blockley R. C. The history of Menander...* Fr. 19,1. P. 170–172; Айбабин А. И. Этническая история... С. 134; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 122.

¹⁰ *Frendo D. The Turkish Factor in Byzantine-Iranian Relations (558–628).* URL: http://turkleronline.net/turkler/makaleler/turkish_factor_iran_bizans.htm (дата обращения: 25.03.2017).

рах Турксанф грубо упрекал ромеев союзом императора с врагами тюрков, а после завершения встречи отправил Валентина к своему брату Тарду. В то же самое время Турксанф приказал Анагею начать военные действия против византийских владений в Таврике и осадить город Боспор, который был захвачен с помощью тюркских войск Бохана¹.

Тюрки и их союзники сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. В раскопах в Кооперативном переулке и рядом с музеем зафиксирован слой пожара, содержащий керамику, позволяющую его синхронизировать с нападением тюрков в 576 г.² В описанных выше усадьбах рыбаков во дворах зачищены засыпанные одновременно хозяйственные ямы³. Из ям извлечены фрагменты амфор и краснолаковых сосудов, в том числе коричневоглиняной амфоры «с перехватом», амфоры LR-г с дипинти красной краской⁴, фокейской краснолаковой миски со штампованным крестом⁵, а также крестовидное тулово стеклянного сосуда VI в. Аналогичный сосуд из Керчи хранится в Эрмитаже⁶. Слои пожаров, связанных с тем же набегом тюрков, обнаружены и в малых городах и поселениях Европейского Боспора⁷.

В 581 г., после смерти кагана тюрков Арслана Тобохана, которого византийцы именовали Арсилоу⁸, началась борьба за власть между членами правившего в каганате рода⁹. Очевидно, тогда же тюрки ушли из Крыма. Победивший в междоусобице каган тюрков являлся союзником империи и в 598 г. направил посольство в Константинополь с письмом императору Маврикию (582–602)¹⁰. Византийцы, воспользовавшись благоприятной для них ситуацией, вновь установили свой контроль на обеих сторонах Боспорского пролива и подчинили их дуке Херсона¹¹. Напомню, судя по тексту рассмотренной выше надписи из Тамани, Евпатерий, стратилат и дука Херсона (στρατηλάτης καὶ δοῦξ Χερσώνος), в 590 г. по повелению Маврикия восстановил «кесарское здание» на Боспоре¹².

¹ *Blockley R. C.* The history of Menander... Fr. 19,1,2. P. 178, 179; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. С. 324.

² *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 134–137; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 123–124. Abb. 54, A.

³ *Смокотина А. В.* Керамический комплекс... С. 123.

⁴ *Смокотина А. В.* Амфоры LR1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. Рис. 4, 18.

⁵ *Смокотина А. В.* Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике... С. 140. Рис. 8.

⁶ *Kupina N.* Ancient glasss in the Hermitage collection. S. Peterburg, 1997. Ill. 106. Cat. 177.

⁷ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки... С. 119–125. Рис. 149, 1; 150; 151; 157; *Зинько В. Н., Зинько А. В.* Тиритака в V–VI вв. н. э. С. 93.

⁸ *Blockley R. C.* The history of Menander... Fr. 19,1. P. 172, 173; *Moravcsik Gy.* Byzantino-turcica. S. 72.

⁹ *Артамонов М. И.* История хазар. С. 138; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 71.

¹⁰ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. С. 373.

¹¹ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 132, 141; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 128.

¹² *Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике. С. 671, 672.

По предположению В. А. Сидоренко, административное подчинение Боспора Херсону отразилось и в монетной чеканке. С 590 г. в Боспоре чеканили монеты заимствованных из Херсона типов, обратная сторона их была скопирована с херсонских¹. В городе выявлены захоронения офицеров византийской армии, из которых извлекли привезенные в VII в. из Византии золотые детали поясных наборов, накладки на уздечные ремни с инкрустацией из красного стекла, фрагменты ножен палашей и два железных шлема². Такой же шлем обнаружен в византийской крепости у села Ильичевка³. Подобные шлемы использовали в византийской армии уже в VI в.⁴

В городе Боспоре в VII в. так и не восстановили все кварталы. На участке, раскопанном в Кооперативном переулке, из трех сгоревших усадеб заново отстроили одну⁵. Руины на вершине, склоне и у подножия горы Митридат сnivelировали и на этих участках устроили христианский плитовый некрополь. На новом кладбище хоронили своих умерших все городские этнические группы. Боспорцы продолжали погребать и в семейных склепах на старом могильнике на склоне горы Митридат⁶.

В результате вторжения тюрков боспорские города и поселения полностью уничтожены не были. Тиритакская базилика функционировала вплоть до вторжения хазар во второй половине VII в.⁷ На Тиритаке, Илурате, в Зеноновом Херсонесе были разрушены не все усадьбы, а некоторые постройки заново отстроили в первой половине VII в.⁸ Возродились и традиционные отрасли экономики. В VII в. на Тиритаке использовали рыбозасолочные цистерны и винодельню⁹, жители выращивали пшеницу, ячмень и просо. С городища происходит амфора типа «Якобсон 7» VI–VII вв., наполненная нефтью, добытой на Керченском полуострове¹⁰.

¹ Сидоренко В. А. Медная чеканка... С. 376.

² Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. С. 55, 56. Рис. 11,20,21, 29,30; Айбабин А. И. Этническая история... С. 141, 142.

³ Николаева Э. Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 183–188. Рис. 1,1.

⁴ Sodini J.-P. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe — VIIe siècles) // DOP. 1993. Vol. 47. P. 168–169. Fig. 25.

⁵ Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 284–285.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 141–142.

⁷ Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и средние века. Свердловск, 1980. С. 144–145.

⁸ Айбабин А. И. Этническая история... С. 139, 141.

⁹ Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки Юго-Западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 52; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки... С. 55, 60, 61.

¹⁰ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки... С. 62, 63. Рис. 70.

§ 5. Равнинный Крым

Для определения этноса номадов, обитавших в Равнинном Крыму, важны свидетельства византийских авторов. Иоанн Малала, Иоанн Эфесский и Захария Ритор писали об обитавших по соседству с Боспором гуннах¹. Иордан и Прокопий помещали в VI в. гуннов, вернувшихся к Понту после распада гуннского союза, между Херсоном и Боспором². Иордан называл их альциагирами. Прокопий отождествлял гуннов как с обитавшими между Истром и Меотидой кутригурами, так и с утигурами, населявшими примыкавшие к Меотиде и низовьям Танаиса степи³. Агафий Миринейский (530/536–579/583) упоминал гуннские племена утигуров и котригуров (Κοτρίγουροι) в перечне гуннских племен, которые до вторжения в Причерноморье обитали севернее реки Танаис⁴. Согласно Менандру, в последней четверти VI в. Юго-Восточный Крым и степи Приазовья принадлежали утигурам⁵.

По словам Иордана, в первой половине VI в. альциагиры «летом... бродят по степям (Крыма), раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю»⁶, вероятно, на новые пастбища в многоводные низовья Днепра и Буга. Поздней осенью они возвращались на свои зимники в крымскую степь. Зимники утигуров с фрагментами амфор VI–VII вв. выявлены у восточного берега Азовского моря⁷. Этот район удобен и близостью к Боспору, где кочевники продавали свои товары⁸. В названных регионах найдены немногочисленные погребения кочевников. Они совершенны в перекрытых деревом ямах, выкопанных в насыпях уже имевшихся курганов. Скелеты ориентированы черепами на северо-восток или северо-запад. В двух захоронениях Большой Токмак и Малая Терновка найдены пряжки второй половины VI—начала VII в. типа Суцидава⁹. В раскопанной В. А. Колотухиным в 1990 г. близ Изобильного могиле лежали одновременные детали поясного и портупей-

¹ *Joannis Malalae. Chronographia.* P. 431, 432; *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. С. 310–311, 398, 596.

² *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 67; *Procopius. History of the Wars. The Persian War. Book I. XII, 6, 7; Idem. History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. V, 27–28.*

³ *Procopius. History of the Wars. Gothic War. Vol. V. Book VIII. IV, 7–8; V, 1–28; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea.* P. 58–59.

⁴ *Agathias Scholasticus. Historiarum // Patrologiae Graecae / éd. J.-P. Migne. Paris, 1860. T. LXXXVIII. Lib. V. P. 1559–1560; Agathias. The Histories. Vol. II, part 1. Book 5. P. 146, 5, 11, 2–3.*

⁵ *Blockley R. C. The history of Menander... Fr. 19,1. P. 170–172.*

⁶ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 67, 68.

⁷ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 13–19.

⁸ *Joannis Malalae. Chronographia.* P. 431, 432.

⁹ *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 48. Рис. 2,95; 46,16,19–21.

ного наборов¹, палаш и амфора типа LR1a VI — первой половины VII в.² По погребальному обряду они близки рассмотренным в восьмой главе могилам конца V в. из Изобильного, Мелитополя (Запорожская область) и Марфовки. Перечисленные однотипные погребения, вероятно, принадлежали племенам, кочевавшим в Припонтийской степи с середины V в. Сравнив фрагмент об альциагирах из Иордана с цитировавшимся выше отрывком Аммиана Марцелина о быте гуннов второй половины IV в., можно убедиться в том, что и в первой половине VI в. гунны находились все на той же первой стадии примитивного кочевания.

В географическом фрагменте Иордана на побережье Понта близ гуннов-альциагиров локализованы булгары³. Михаил Сириец (1166–1199) в главе о правлении Маврикия писал о миграции булгар к берегам реки Танаис из внутренних областей Скифии⁴. По рассказу Никифора, между 634 и 640 гг. правитель булгар Куврат восстал против аваров, изгнал их из своих земель и заключил мир с Византией. Ираклий возвел его в патрикии⁵. Видимо, в VII в. утигуров, известных авторам VI в. Прокопию, Агафию и Менандру, стали называть булгарами, а кутригуров — котрагами.

В Приазовье и на пролежавших через крымскую степь маршрутах их перекочевков выявлены захоронения, аналогичные по конструкции и погребальному обряду описанным выше V — начала VII в. В Крыму в могилах, выкопанных в насыпях ранних курганов, найдены детали поясных наборов и пряжки как первой — Рисовое 2, так и второй половины VII в. — Рисовое 3, Богачевка, Наташино, а также одновременные антропоморфные амулеты — Айвазовское, Белосарайская коса⁶.

В результате объединения Кувратом булгарских племен и создания в Приазовье нового государства степи Северного Причерноморья и Равнинный Крым оказались под контролем союзников Византии.

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 97. Рис. 34,14; 35,1–5,7–20.

² Там же. Рис. 35,21; Riley J. A. The pottery from the first session of excavation in the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1975. Vol. 218. P. 216. Fig. 91,346,347.

³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 67

⁴ Michel le Syrien. Chronique / éd. J.-B. Chabot. Paris, 1901. Т. II. P. 363–364.

⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 153–161.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 163, 164.

Глава 10

На границе Византийской империи и Хазарского каганата. Конец VII — IX в.

А. И. Айбабин

§ 1. Боспор и Равнинный Крым под властью Хазарского каганата

Миграция хазар к Понту началась после дезинтеграции разгромленного кытайцами в 659 г. Западного тюркского каганата¹. Первое вторжение хазар в степи между Каспием и Черным морем достоверно описано в «Армянской географии» современника этого события Анании Ширакаци. Известны составленная около 665 г. пространная редакция текста и, вероятно, спустя несколько лет, сокращенная и измененная редакция². В пространной редакции сообщается о бегстве от хазар булгар — сына Кубрата Аспаруха, которые с Гиппийских или Булгарских гор переместились в дельту Дуная³.

Никифор и Феофан изложили это событие в иной последовательности. После кончины правителя Великой Булгарии Кубрата булгары разделились и расселись. Четверо из пяти его сыновей со своими племенами перекочевали из Приазовья на новые земли. Племя одного из сыновей Аспаруха поселилось в низовьях Дуная. Потом «великий народ хазар вышел из глубин Берзилии, из Первой Сарматии, и завоевал всю страну» вплоть до моря Понтийского, подчинив себе племя старшего сына Кубрата Батбаяна⁴. Никифор детально описал миграцию племени Аспаруха: из Прикубанья, где кочевали булгары до кончины Кубрата, народ Аспа-

¹ Golden P. The Turkic peoples and Caucasia // Golden P. Nomads and their neighbour in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipchaqs. Aldershot, UK; Burlington, VT, 2003. (Variorum collected studies series: CS752). P. 50; *Кляшторный С. Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 98.

² *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. № 3. С. 21–32; *Hewsen R. H.* The Geography of Ananias of Širak. The long and the short recensions. Wiesbaden, 1992; *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 325.

³ *Патканов К.* Из нового списка географии... С. 28; *Hewsen R. H.* The Geography of Ananias of Širak... P. 48, 55, 93, 94, 110.

⁴ Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 86–89; The Chronicle of Theophanes... P. 497–498.

руха пересек Днепр и Днестр и поселился в низовьях Истра (Дуная)¹. По Феофану и Никифору, Кубрат скончался во времена «Константина, который жил на западе» (Констант II)², т. е. между 641 и 668 гг.³ Д. Д. Оболенский полагал, что Кубрат умер в 642 г.⁴, а О. Й. Прицак⁵ и болгарские историки — в 665 г.⁶ По словам М. И. Артамонова, хазары изгнали орду Аспаруха в дельту Дуная около 660 г.⁷

В армянских источниках имеются более точные хронологические указания начала хазарской экспансии в Причерноморье и Закавказье. Согласно Анании Ширакаци, до 665 г. Аспарух уже бежал от хазар⁸. По рассказу Мовсеса Дасхуранци, хазары вторглись на территорию Албании через два года после того, как Константин II на девятнадцатом году своего царствования (659/660) совершил поход в Персию⁹. Об изгнании хазарами болгарских племен из степей Северного Причерноморья сообщается и в более позднем источнике — письме хазарского царя Иосифа сановнику халифа Омейядской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (905–975)¹⁰.

Опираясь на текст Дасхуранци, П. Голден датировал хазарские рейды в Албанию не ранее чем 661–662 гг. По его утверждению, к 670-х гг. хазары полностью разгромили болгар, а тех из них, кто не бежал к Дунаю, включили в возглавляемый хазарами союз племен¹¹. К. Цукерман, основываясь на текстах Ширакаци и Дасхуранци, утверждал, что хазары разбили Аспаруха незадолго до составления в 665 г. длинной версии «Армянской географии»¹².

На путях миграции хазар из Прикаспия в степи Северного Причерноморья, а именно в Приазовье, в низовьях Днепра и Буга и степях Крыма выявлены одиночные могилы кочевников, погребенных головой на северо-восток или восток¹³.

В мужских захоронениях находились скелет, или чучело, или череп коня и оружие. В Степном Крыму близ села Портовое в выкопанной в насыпи кургана 12 подбойной могиле на дне зачищен скелет мужчины, у северо-восточного борта ямы — череп овцы, рядом со ступенькой — кости овцы, а на ступеньке —

¹ Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 88–89.

² Ibid.; The Chronicle of Theophanes... P. 498.

³ Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. С. 209–211; Jenkins R. Byzantium. The imperial centuries ad 610–1071. Toronto; London, 1987. P. 42.

⁴ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1988. С. 72.

⁵ Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren // Ural-Altäische Bibliothek. Wiesbaden, 1955. S. 36, 76.

⁶ Божилев И., Димитров Х. Протоболгарика (заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantino Bulgarica. 1995. Т. 9. С. 7–61.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. С. 172.

⁸ Newsen R. H. The Geography of Ananias of Širak... P. 55.

⁹ Каганкатвацци Мовсес. История страны Алуанк / пер. с древнеарм. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984. Кн. II. Гл. 22–24.

¹⁰ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 92.

¹¹ Golden P. The Turkic peoples and Caucasia. P. 50.

¹² Цукерман К. Хазары и Византия... С. 330–332.

¹³ Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар... С. 287–289. Рис. 1.

скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток. В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, пряжку, детали поясного набора и конской сбруи. Дата совершения захоронений определяется по вещам с полихромными стеклянными вставками и зернью, изготовленным в Византии во второй половине VII в., и одновременным пряжкам с прямоугольными рамкой и щитком¹.

В погребениях женщин отсутствовали конские кости. В Восточном Крыму в Новопокровке могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток. Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила. Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла, в верхней части грудной клетки — золотая круглая бляха со вставками из алмадина и три янтарные бусины, у кисти левой руки — сломанное в древности бронзовое зеркало и пинцет, у кисти правой руки — череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях — железные нож и шило. Подобное погребение раскопано и в Восточном Приазовье, у хутора Малаи². Золотые височные подвески из Новопокровки подобны найденным в могилах конца VII в.³

Рассмотренные ориентированные на северо-восток и восток труположения с лошадьми нельзя приписывать прабулгарам Кубрата. Захоронения появились в степях Северного Причерноморья и Приазовья в последней трети VII в., после изгнания до 665 г. из региона хазарами одного из сыновей Кубрата и подчинения другого. Эти могилы по конструкции и погребальному обряду близки раскрытым на Алтае, в Туве, Восточном Казахстане и других соседних регионах. Многие специалисты приписывают их тюркам-тугю⁴. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены рядовые воины и их семьи.

О достоверности рассказа Никифора о «безнаказанном захвате» хазарами всех селений у Понта⁵ свидетельствуют результаты раскопок боспорских городов⁶. В Тиритакке экспедиция В. Ф. Гайдукевича на участке XIII раскопала руины базили-

¹ Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 199. Рис. 8, 23, 26–27, 29–32, 37; 9; *Aibabin A. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / éd. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 49. Fig. 10.*

² Атавин А. Г. Погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара, 1996. С. 209. Табл. 20.

³ Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар... С. 288. Рис. 4.

⁴ Деревянко Е. И. Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 121; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 121, 138; Худяков Ю. С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Новосибирск, 1980. С. 195, 201; Кубарев В. Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 90, 91; Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 31–33.

⁵ Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 88–89.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 137, 190; *Aibabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 124, 177.*

ки VI–VII вв., в северо-восточном нефе которой на остатках кладки стен и на полу базилики вскоре после ее разрушения¹ построили типичное для салтовской культуры жилище VIII–IX вв.² В Тиритаке³ еще в нескольких раскопах, а также в Илурате⁴ руины с вещами и керамикой VI–VII вв. перекрывали жилища VIII–IX вв.⁵ Подобная стратиграфия зафиксирована в Фанагории, Кепях, Гермонассе и Патрее, где поверх слоев с руинами построек V–VII вв. соорудили жилища VIII–IX вв.⁶ В городе Боспоре на примыкавшей к церкви Иоанна Предтечи бывшей Рыночной площади в 1960–1980-е гг. Т. И. Макарова в раскопе площадью около 400 м² выявила развалины городских кварталов и базилики с крещальней VI–VII вв., перекрытые слоем пожара. Она связала пожар с вторжением хазар в VII в.⁷ М. И. Артамонов, основываясь на описании плачевного состояния экономики Херсона, данным в письмах сосланного в 655 г. в город папы Мартина, относил захват хазарами Крыма к середине VII в.⁸ По словам А. Л. Якобсона, хазары захватили Приазовье и Боспор к 70-м гг. VII в.⁹

Terminus post quem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье дает мощный слой пожара, который экспедиция автора главы в 1990–1992 гг. выявила в приморской части города Боспора (в Керчи в Кооперативном переулке) в раскопе¹⁰ площадью около 1500 м². На всей площади раскопа просле-

¹ Гадло А. В. К истории Восточной Таврики... С. 144–145.

² Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего Средневековья в Тиритаке // СА. 1940. № 6. С. 203–204. Рис. 1; *Он же*. Раскопки Тиритаки... С. 67–72.

³ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки... С. 49–55, 126–131. Рис. 160, 161, 163, 164.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Илурат. С. 134–136.

⁵ Айбабин А. И. Этническая история... С. 137, 190; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 124, 177.

⁶ Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Ученые записки Ярославского пединститута. 1957. Вып. XXII (XXXII). С. 317–320, 344. Рис. 1; *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 63. Табл. 39; *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Патрея // БС. М., 1993. Вып. 3. С. 148. Рис. 8; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 132–150; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 74–77; *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 56–58. Рис. 3; *Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1. С. 393–428.

⁷ Макарова Т. И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 76; *Она же*. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 98, 99. Рис. 5; *Она же*. Археологические раскопки в Керчи... С. 345, 356–358, 390. Рис. 2.

⁸ Артамонов М. И. История хазар. С. 195–196.

⁹ Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. С. 468.

¹⁰ Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 169; *Aibabin A.* Early khazar... P. 33, 35. Fig. 2; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 170–171. Abb. 54–56.

жен слой серо-коричневого суглинка Г, который перекрывал слой пожара В, уничтожившего дома VI–VII вв., сооруженные в слое Д¹.

В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII — первой половины IX в. и конца IX—X в. У основания жилища раннего строительного периода² нашли определенный В. А. Сидоренко фоллис первого периода правления Юстиниана II (686–687)³.

В слое пожара В находились фрагменты краснолаковых мисок формы LRC-юС первой половины VII в.⁴ и фрагменты амфор конца VI—VII в.⁵

Из слоя Д, наряду с фрагментами амфор типа *Sarachane*, типичных для слоев VII–VIII вв.⁶, и фрагментами краснолаковых блюд, использовавшихся во второй половине VI—VII в.⁷, извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный, по определению В. А. Сидоренко, между 654 и 659 гг.⁸ По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики и монете 654–659 гг. период существования слоя Д следует ограничить последней четвертью VI—60-ми гг. VII в. Перекрывающий его слой пожара В образовался не ранее 660 г. Судя по зафиксированной в раскопах, открытых в Кооперативном переулке и на бывшей Рыночной площади, стратиграфии, большая часть византийского Боспора была уничтожена пожаром⁹. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья¹⁰.

По словам Феофана и Никифора, в византийском Боспоре с начала VIII в. был расквартирован хазарский гарнизон, контролировавший Боспорский пролив — важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В рассказах о событиях 704 г. Никифор назвал архонта Фанагории «архонтом из единоплеменников» (кагана) и местным хазарином (τὸν Χάζαρον)¹¹. Феофан писал об архонте Боспора Балгице (Βαλγίτζιν, τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου) и о заместнике (ὁ ἐκ πρῶτου) кагана в Фанагории Папаце¹². По словам компилировавшего в XI в. «Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II со-

¹ *Aibabin A.* Early khazar... Fig. 2; *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... Abb. 54.

² *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 174.

³ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, DC, 1968. Vol. II, 1. P. 584. Pl. XXXVII, 18a.

⁴ *Hayes J. W.* Late Roman pottery. London, 1972. P. 345, 346. Fig. 71, 15.

⁵ *Айбабин А. И.* Археологическое наследие хазар... С. 284. Рис. 2, 29–31.

⁶ *Hayes J. W.* The pottery. Excavations at *Sarachane* in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2. P. 66. Fig. 23, 7.

⁷ *Hayes J. W.* Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman pottery // *Ceramica in Italia: VI–VII secolo: atti del convegno in onore di John W. Hayes*, Roma, 11–13 maggio 1995. Firenze, 1998. P. 13–15.

⁸ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine coins... P. 38–39, 510.

⁹ *Айбабин А. И.* Археологическое наследие хазар... С. 284–285.

¹⁰ *Hewsen R. H.* The Geography of Ananias of Širak... P. 55; *Цукерман К.* Хазары и Византия... С. 331–332.

¹¹ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 155–163; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 100–101, 42, 20.

¹² *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 39–62, 63, 126, 179.

им людям¹. Слово Βαλγίτζις — тюркского происхождения. Его этимологию возводят к тюркскому *Bulgi*, (*Bolgi*)*tsi*, *Balgichi* — «управитель»². А. А. Васильев считал термины ὁ ἐκ πρῶτου и ὁ ἄρχων греческой интерпретацией тюркского титула тудун³. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван наместником у тюрков⁴. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (*tu-tun* — на китайском)⁵. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии⁶. В хазарско-еврейском документе X в., хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана «*ha-пакид*». В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона»⁷.

В приморской части города Боспора раскопаны стены возведенной хазарами цитадели⁸. Хазары поселились в приморских кварталах, рядом с цитаделью. Здесь поверх развалин византийского периода без регулярной планировки сооружены безфундаментные, фактически наземные прямоугольные постройки и дома-пятистенки с огороженными дворами. Стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в елку. В качестве раствора использовалась глина. Во дворах имелись хозяйственные постройки и очаги. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраивались и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове⁹. Прием кладки в елку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана¹⁰. Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства.

¹ *Georgius Cedrenus*. *Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus*. Bonnae, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Vol. I. P. 779, 7.

² *Dunlop D. M.* The history of the jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 172; *Minorsky V.* *Balgitzi* — «Lord of the Fishes» // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Vienna, 1960. Bd. 56. S. 130–137; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca; London, 1982. P. 137, 138; *Zuckerman C.* On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // *Revue des études Byzantines*. Paris, 1995. T. 53. P. 256.

³ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 84, 85.

⁴ *Etymologicon Magnum* / ed. Th. Gaisford. Oxonii, 1848 (Reprint: Amsterdam, 1967). P. 763, 24.

⁵ *Chavannes E.* Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Т. VI. С. 263; *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. S. 318, 319.

⁶ *Mau-tsai Liu.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I–II. Wiesbaden, 1958. (Göttinger Asiatische Forschungen; Bd. 10). S. 8–9; *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 101, 129, 130.

⁷ *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents... P. 116–117.

⁸ *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи... С. 345, 356–358, 390.

⁹ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 185, 187, 189. Рис. 79; *Ajbabin A. I.* *Archäologie und Geschichte*... S. 172–176. Abb. 80.

¹⁰ *Магомедов М. Г.* Образование хазарского каганата. М., 1983. С. 150. Рис. 58; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 63; *Айбабин А. И.* Хазарский слой в Керчи. С. 173–174; *Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени... С. 393–428; *Ajbabin A. I.* *Archäologie und Geschichte*... S. 176.

Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов — каменные цоколи и глинобитные стены¹.

Захватившие степные пастбища болгар Батбаяна хазары лишили их куреновой базы. Некоторые орды кочевавших кровнородственными общинами — куренями болгар мигрировали с территории Великой Булгарии в донские степи, а другие — в Крым², где обосновались на незаселенных землях. Булгарские куреня были вынуждены перейти к пастушеско-земледельческому хозяйству. По мнению С. А. Плетневой, в процессе его освоения из общин-куреней выделялись большие семьи-аилы, владевшие многочисленным скотом³. Принадлежавшие аилам неукрепленные поселения выявлены в Восточном, Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму.

В Центральном Крыму И. А. Баранов почти полностью исследовал поселение, расположенное в верховьях реки Зуя в урочище Тау-Кипчак. На площади 80 га он выявил 34 жилых и хозяйственных помещения, более 50 хозяйственных ям и множество очагов. Постройки располагались пятью кустами из трех или девяти групп помещений. Группу составляли два-три строения, расположенные рядом. В каждой группе только одно строение с очагом было жилым. Всего в Тау-Кипчаке жили до 25 семей. По расчетам И. А. Баранова, вначале в урочище осел один курень из девяти семей численностью до 70 человек. На первом этапе поселение с временными жилищами было полукочевым, аильным⁴. Такие поселения создавались при переходе от кочевой формы хозяйства к оседлой. Судя по комплексам амфор, извлеченных из хозяйственных ям и помещений, поселение существовало с конца VII по середину IX в.⁵

Вторая миграция булгарских племен в контролируемый хазарами Крым, вероятно, началась после разгрома, учиненного арабами во время второй арабо-хазарской войны (722–737 гг.) на территории Хазарского каганата в Предкавказье⁶. Около середины VIII в. в Северо-Западном, Восточном и Центральном Крыму возникают десятки новых поселений, некрополей и гончарных центров⁷. Населявшие город Боспор хазары и поселившиеся в Крыму и Приазовье болгары Батбаяна создали археологическую культуру, отнесенную к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры⁸.

¹ Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар... С. 296.

² Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 49, 52; Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 100.

³ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 37–38.

⁴ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 36–39.

⁵ Айбабин А. И. Этническая история... С. 192, 193, 220.

⁶ Dunlop D. M. The history of the jewish Khazars. P. 69–85; Артамонов М. И. История хазар. С. 210–224.

⁷ Айбабин А. И. Этническая история... С. 194.

⁸ Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси... С. 72–115; Зинько В. Н. Восточный Крым в эпоху хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 217–248; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte... S. 176–181.

В процессе перехода к оседлости хазары и болгары переняли у жителей боспорских городов навыки сооружения жилищ и домов¹. Основываясь на материалах раскопок поселений, А. В. Гадло разработал типологию жилищ осевших на полуострове болгар. Первые поселенцы на территории айлов в Тау-Кипчаке и Пташкино сооружали бесстолбовые полуземлянки с очагом в центре. Они перекрывались многоскатной крышей, опиравшейся на землю или плетневую, обмазанную глиной стенку. Рядом находились хозяйственные ямы и помещения с тарной и кухонной керамикой и другим инвентарем. Спустя некоторое время начали сооружать землянки с печью, в которых по верхнему краю котлована из камня и сырцового кирпича выкладывали стены. Как убедительно показал А. В. Гадло, в IX в. жители забросили полуземлянки и дома раннего типа и стали возводить усадьбы с жилыми помещениями с глиняными полами и каменной печью, отдельно стоящими хозяйственными постройками и огражденным двором. Стены сложены в елку либо целиком из камня, либо из саманных кирпичей на каменном цоколе, углы стен не перевязаны².

На освоенных булгарами территориях с середины VIII в. фиксируется рост основных отраслей экономики. Кочевники освоили земледелие и новый тип скотоводства. В Тау-Кипчаке в раннем жилище обнаружена каменная зернотерка, а в более поздних — жернова от ручных мельниц, ступы для лущения проса. Жернова лежали почти во всех домах в Тиритаке, на Илурате, холмах Кордон-Оба и Тепсень и в других поселениях. Пара жерновов с Кордон-Обы изготовлена из зеленого трасса, добытого рядом — в горном массиве Кара-Даг. Мастерские по их производству известны на Керченском полуострове и близ Судака. В Тау-Кипчаке, на Тепсене и Кордон-Обе найдены железные серпы. Почву обрабатывали тяжелыми мотыгами, подобными применявшимся в Византии при подготовке поля под посев и при прополке сорняков³. Из Героевского происходят зерна ячменя, ржи и пшеницы, а с Кордон-Обы — зерна проса. Osteологические материалы свидетельствуют об изменении состава стада. Преобладали кости коровы, свиньи и овцы. Количество лошадиных костей не превышало четверти. Булгары создали продуктивное сельское хозяйство, которое давало возможность не только удовлетворять собственные потребности, но и вывозить продукты на продажу⁴.

На поселениях болгар развивались прядение, производство лепной и гончарной кухонной керамики, ткачество и другие ремесла. С холма Тепсень происходят формы для отливки из цветных металлов салтовских украшений и де-

¹ Плетнева С. А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3. С. 101, 104; Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи. С. 169–173.

² Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1. С. 167–168; Он же. К истории Восточной Таврики... С. 134–135; Баранов И. А. Таврика... С. 41–49; Айбабин А. И. Этническая история... С. 201–202.

³ Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия / пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М.; Л., 1960. С. 149. Рис. 74, 22.

⁴ Баранов И. А. Таврика... С. 69–79.

талей поясных наборов. На Тепсене и Кордон-Обе функционировали кузни. На Юго-Восточном побережье Черного моря, между Судаком и Алуштой, крымские гончары создали крупные центры для изготовления амфор, красноглиняных кувшинов и фляг, подобных византийским. В Чабан-Куле и Канакской Балке раскопаны большие печи, состоявшие из топочной (длина — до 5,2 м, ширина — до 5,6 м) и обжигательной камер, с кирпичным сводом. Они сложены из сырцового кирпича, обожженного в процессе функционирования печей. Печи для обжига амфор известны и в других прибрежных селах: Рыбачьем, Морском, Малореченском¹. В результате петрографического анализа установлено, что амфоры из них не только использовались на местных поселениях, но и вывозились на поселения салтовской культуры в Подонье². Из Хазарии поступили найденные на Тепсене арабские монеты VIII в. В Героевском, Пташкино, Тиритаке, на Кордон-Обе и Тепсене многочисленны фрагменты аналогичных византийским стеклянным рюмок и лампадок.

В годы правления хазар в городе Боспоре сохранилось и прежнее население — в основном греки, аланы, готы и другие, а также их религиозные общины. Судя по тексту письма, написанного около 873 г. патриархом Фотием архиепископу Боспора, в городе существовала иудейская община³. Видимо, к данному периоду следует отнести некоторые найденные в Керчи надгробия с менорами⁴.

Хазарская администрация не запрещала деятельность Боспорской епархии. Она названа в *Notitia Episcopatum* (*Notitia 3*)⁵, составленной после Седьмого Вселенского собора между 787 и 805 гг.⁶, и в *Notitia 4*, составленной после Восьмого Вселенского собора 869 г.⁷ Христиан продолжали хоронить в плитовых могилах некрополя на горе Митридат. В одной из плитовых могил нашли византийские пряжки второй половины VIII—IX в.⁸

Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией. Император Лев III (717–741) в 732–733 гг. женил своего сына, будущего императора Константина V (741–775), на дочери кагана, «обратив ее в христианство и назвав Ириной»⁹. Каган, относясь

¹ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. С. 38–53.

² Ковнурко Г. М. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 122.

³ *Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et amphilochia*. Leipzig, 1983. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana). Vol. I. P. 132.

⁴ Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 19.

⁵ *Darrouzes J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981. P. 31, 232.

⁶ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 402–405.

⁷ *Darrouzes J. Notitiae Episcopatum...* P. 45, 250.

⁸ Айбабин А. И. Этническая история... С. 189.

⁹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 68, 166, 183; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 63, 1–3.

благоклонно к христианам, не препятствовал созданию в Хазарии новых епархий. В упомянутой *Notitia 3* в перечне подчиненных митрополиям епархий под номером 37 описана Готская епархия в ранге митрополии. Согласно списку в митрополию помимо готской входили семь епархий, учрежденных на территории Хазарии¹.

Местонахождение двух из них пояснено в завершающей *Notitia 3* географической схолии: «ΛΖ' ἐπαρχία Γοθθίας /α' ὁ Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνῶ λέγεται τὸ Μάβρον Νερόν./β' ὁ Ἀστὴλ, ἐνῶ λέγεται ὁ Ἀστὴλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον² — 37 епархия Готия/1 епископ хотциров (находится) близ Фул и Харасиу, что значит Черная вода./2 Астиль, что значит Астиль, река Хазарии, но есть и город»³.

По словам А. А. Васильева, согласно схолии, епископ хотциров (ὁ Χοτζίρων), хоциров или хозиров, находился в Восточном Крыму. Хазарскую реку Астиль (ὁ Ἀστὴλ) он отождествлял с рекой Итиль, а город Астиль — с одноименной реке столицей Хазарии⁴. По мнению А. А. Васильева, список входивших в Готскую митрополию епархий свидетельствовал о существовании в Константинополе никогда не реализованного проекта распространения христианства в Хазарии⁵. Его мнение не подтверждается письменными и археологическими источниками.

Существование Хазарской епархии около 765 г. подтверждается содержащимся в «Минологии» времени Василия II рассказом о ссылке после отрезания носа иконопочитателя в Херсон и о его побеге в Хазарию, где он стал епископом⁶.

Многие десятилетия историки дискутируют вопрос о местонахождении Фул. В цитированной схолии Фулы помещены вне Готской и Хазарской епархий, на территории епархии хотциров. Д. Моравчик считает Хотциροι тюркским народом⁷. Видимо, в нотиции хотцирами названы болгары, расселившиеся в Юго-Восточном Крыму в конце VII — первой половине VIII в.⁸ Наиболее аргументирована локализация Фул на плато Тепсень в Коктебеле⁹. В тексте «Жития Святого Иоанна Готского» о Фулах сказано как о приморском городке, которым управлял назначенный хазарским каганом κύριος — господин. Этим неофициальным титулом византийцы называли болгарских ханов Кубрата и Тервеля, других варвар-

¹ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum... P. 241–242; *Кулаковский Ю. А.* К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП. 1898. № 2. С. 175–176; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 97–101; *Цукерман К.* Политика Византии... С. 414.

² *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum... P. 245.

³ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 98.

⁴ *Ibid.* P. 98–99.

⁵ *Ibid.* P. 103.

⁶ *Delehayе H.* Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Bruxelles, 1992. P. 263, 264; *Auzépy M.-F.* Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 326.

⁷ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. S. 346–347.

⁸ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 201–207.

⁹ *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма. С. 212–218; *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 207.

ских правителей¹. Вероятнее всего, он был хазарином². Судя по *Notitia* 7³, составленной в 920 г.⁴, в начале X в. Хотцирскую епархию переименовали в Фульскую. В XII в. ее объединили с соседней Сугдейской⁵.

Локализацию Хотцирской епархии в Юго-Восточном Крыму, а Фул — на плато Тепсень подтверждают результаты археологических исследований. Там раскопана одна из крупнейших на полуострове трехнефных базилик (длина — 37,6 м, ширина — 12,4 м). Ее возвели в третьей четверти VIII в.⁶ К 750–780 гг. А. В. Гадло приурочил создание христианских храмов на других булгарских поселениях в Героевском и Пташкино⁷.

Христианизация булгар Восточного Крыма продолжалась и в IX в. Согласно легенде, в 861 г., возвращаясь из Хазарии, Константин Философ узнал о том, что народ Фул совершает языческие обряды. Он направился в Фулы, в Восточный Крым, и убедил местных жителей принять христианство⁸. С этим известием хорошо согласуется время сооружения храмов на плато Тепсень и в поселении булгар на холме Кордон-Оба у подножия горы Кара-Даг⁹. Эти храмики во второй половине IX в. построили со стенами, сложенными традиционной для булгар и хазар кладкой в елку. Тогда же булгары начали хоронить умерших в плитовых могилах¹⁰.

Хазары в 861 г. приняли иудаизм¹¹. Видимо, спустя некоторое время венгры изгнали хазарскую администрацию из Восточного Крыма¹², уничтожив гарнизон Боспора. По наблюдению Т. И. Макаровой, хазарская цитадель города погибла в первой половине IX в. от большого пожара¹³. В раскопе в Кооперативном переулке руины хазаро-булгарских построек конца VII — третьей четверти IX в. перекрывал слой, образовавшийся не ранее второй половины IX в. Более точно дату ликвидации хазарского правления в городе указывает упомянутое выше письмо патриарха Фотия, отправленное в 873 г. архиепископу Боспора. В нем выражена

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 215.

² Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. С. 399, 424.

³ Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum*... P. 274.

⁴ Цукерман К. Политика Византии... С. 427.

⁵ Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum*... P. 133, 352.

⁶ Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма. С. 213. Рис. 6.

⁷ Гадло А. В. К истории Восточной Таврики... С. 137–140. Рис. 4; 7.

⁸ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination. Association internationale des études byzantines. Athènes; Paris, 1971. Vol. 5. P. 58–62; Климент Охридски. Собрани съчинения / комент. С. Б. Ангелов, Х. Кодов. София, 1973. Т. 3. С. 135, 153.

⁹ Баранов И. А. Таврика... С. 133–135. Рис. 52.

¹⁰ Айбабин А. И. Этническая история... С. 221–222.

¹¹ Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion... P. 250, 391; Айбабин А. И. Этническая история... С. 222.

¹² Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 677.

¹³ Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи... С. 358.

поддержка стремлению последнего крестить всех евреев Боспора¹. В городе, принадлежавшем хазарам, никто и не помышлял бы о такой акции. В последней трети IX в. город уже принадлежал Византии.

§ 2. Хазарская Сугдея

Расположенный на юго-восточном побережье Крыма портовый город греки называли Σουδαία, или Σουδαία — Сугдайя, или Сугдея. Многие, ссылаясь на приписки, сделанные на полях Сугдейского синаксаря в 1296, 1345 и 1411 гг., считают, что город основан в 212 г. н.э.² Однако эта дата не подтверждается другими письменными источниками. В процессе раскопок на территории Сугдеи не выявлены культурные слои или постройки ранее последней четверти VII в.³ Первое достоверное упоминание города содержится в написанной в конце VII в. «Космографии» равеннского анонима конца VII в., где назван Сугдабон (Sugdabon)⁴.

Вероятно, город основали сугды, переселившиеся под давлением хазар в Юго-Восточный Крым. Так византийцы именовали низовых прикубанских адыгов⁵. Наиболее ранней печатью из найденных в Судаке является моливдовул 696–697 гг. Кириака апоипата и главного логофета Константинополя⁶. К первой половине VII в. Е. В. Степанова отнесла четыре новых печати из Судака с крестовидной монограммой⁷. Однако, по мнению В. Зайбта⁸, буквы монограммы на одной из печатей типичны для всего VII в., на другой — для конца VII в., а на двух других — для VIII — начала IX в.⁹

В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия хазары создали в городе таможенную. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII–XII вв. Опубликованные В. С. Шандровской упомянутая печать Кириака и печати главных коммерциариев аптеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта императорского волнителя Анастасия и ипата Иоанна периода совместного правления Льва III и Константина V 720–741 гг., «императорских коммерций епархий богохранного император-

¹ *Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et amphilochia.* P. 132.

² *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Т. III. С. CLXX; *Νυσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Ταυρικῆ Χερσονήσω πόλις Σουδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνος. Αθήναι, 1965. Σελ. 12, 127 (94), 130 (130), 136 (195).

³ *Айбабин А. И.* Этническая история... С. 194.

⁴ *Ravennatis anonymi cosmographia...* P. 176.

⁵ *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 100.

⁶ *Шандровская В. С.* Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 120–121.

⁷ *Степанова Е. В.* Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып. II. С. 171, 172. Рис. 1,2.

⁸ Выражаем благодарность профессору Венского университета В. Зайбту за консультацию.

⁹ *Seibt W., Zarnitz M.-L.* Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997. S. 166–168.

ского Опсикия» 745–746 гг., говорят о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии¹.

В VIII в. константинопольский патриарх учредил в городе епархию. Ее епископ Стефан участвовал в Седьмом Вселенском Никейском соборе в 787 г., на котором временно победили иконопочитатели. Подпись епископа Стефана есть в протоколе пятого заседания: «Στέφανος, ἀνάξιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουγδαίων²— Стефан, недостойный епископ города Сугдайского»³. Однако в notiциях Вселенских соборов епархия Сугдеи впервые упомянута в *Notitia* 7⁴, составленной в 920 г.⁵, как входящая в Зихскую автокефальную епархию⁶.

В. Г. Васильевский считал, что протоколы Седьмого Вселенского собора подписал исповедник Стефан, основавший в Сугдее епископскую кафедру в годы правления Константина Копронима (741–775)⁷. После канонизации его стали именовать Святителем Стефаном-Исповедником, архиепископом Сугдейским (Сурожским). В датированной 15 декабря 1318 г. приписке на полях Сугдейского синаксаря говорится о праздновании в городе 15 декабря дня памяти святого Стефана-Исповедника, архиепископа Сугдейского, который «просветлил сугдейцев и сделал (горожан) христианами»⁸. Самое раннее сообщение о Стефане Сугдейском содержится в «Минологии», составленной в конце X или начале XI в. В ней после рассказа о мученичестве Стефана Нового сказано о высылке в Сугдею Стефана. По мнению М.-Ф. Озепи, его изгнали в Сугдею после смерти в ноябре 765 г. Стефана Нового⁹.

Жизнь и деяния святого Стефана описаны в житии, вероятно, составленном в конце VIII или начале IX в., вскоре после его кончины¹⁰. В. Г. Васильевский опубликовал обнаруженную в Сугдейском синаксаре краткую греческую версию жития святого Стефана Сугдейского¹¹. В ней много несообразностей. Патриарх Герман, отправленный в 730 г. в отставку Львом Исаврийским, назван современником Льва Армянина (813–820). Если по более достоверному тексту «Минологии» Стефана Сугдейского, обличавшего императора-иконоборца Константина, вначале заточили в тюрьму, а потом изгнали в Судак, где он стал епископом, то в греческой

¹ *Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // *Studies in Byzantine Sigilography*. Washington, DC, 1993. Vol. 3. P. 86–90; *Шандровская В. С.* Таможенная служба в Сугдее... С. 120–122.

² *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. 1758–1798. Graz, 1960–1962. T. XIII. P. 137.

³ *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского. С. CLXIII.

⁴ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum... P. 31, 232.

⁵ *Цукерман К.* Политика Византии... С. 427.

⁶ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum... P. 274.

⁷ *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского. С. CLXIII.

⁸ *Νυσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία... Σελ. 131 (141).

⁹ *Auzépy M.-F.* Gothie et Crimée... С. 326.

¹⁰ *Ivanov S.* The Slavonic Life of Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. 110.

¹¹ *Антонин.* Заметки XII–XV веков, относящиеся к крымскому городу Сугдея (Судак), приписанные в греческом синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 623.

версии Стефан сперва занял уже существовавшую в Сугдее епископскую кафедру, затем прибыл в Константинополь для борьбы с иконоборцами¹.

Изданная В. Г. Васильевским славянская версия жития святого Стефана Сурожского еще менее достоверна². По меткому определению В. Г. Васильевского, она является компилятивным произведением русского книжника XV в. Анализируя ее текст, В. Г. Васильевский выявил в нем большие заимствования из «Духовного луга» Иоанна Мосха (VII в.), житий Иоанна Златоуста и митрополита Петра, искажения исторических событий и измышления автора. Например, в житии говорится об убийстве Львом Исавром в 730 г. сына императора Феодосия III. Тогда как по Феофану и Никифору Феодосий в 717 г. отрекся от престола и вместе с сыном принял посвящение в клир³. Жена Константина Ирина названа Феодорой, дочерью керченского царя⁴. Скорее всего, автор славянской версии вымыслил и эпизод о походе в Крым, спустя несколько лет после смерти Стефана, князя Новгорода, русского Бравлина. Этот эпизод отсутствует в греческой редакции. Да и город Новгород в то время еще не существовал.

С. А. Иванов переиздал славянскую версию жития святого Стефана Сурожского и сравнил его текст с малоизвестной армянской версией⁵. По его мнению, армянский текст входил в рукописный древнеармянский айсмавурк (синаксарь), написанный в Сугдее. По словам С. А. Иванова, армянская версия жития полнее известных греческой и славянской версий. Он предположил, что поскольку армянский агиограф подчеркнул благочестие иконоборца Константина V Копронима, то греческий оригинал жития возник в иконоборческую эпоху⁶. Однако использование в житии ревностного иконопочитателя эпитета «благочестивый» по отношению к одному из инициаторов иконоборчества, скорее, свидетельствует о поздней дате армянской версии жития. Армянский агиограф за давностью лет, видимо, и не знал обо всех реалиях борьбы с иконами в Византии.

А. Бозоян, изучив происходящие из Каффы и Сугдеи рукописи армянской версии жития, составил и опубликовал его целостный текст⁷, а Т. Э. Саргсян перевела этот текст на русский язык⁸.

¹ *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского. С. CLVIII, CCXVIII–CCXXIII; *Ševčenko I.* Hagiography in the Iconoclast period // *Iconoclasm* / eds. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 114. № 8.

² *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского. С. CCXXIII–CCLX.

³ *The Chronicle of Theophanes...* P. 390, 19–26; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 121, 52, 19; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. С. 309.

⁴ *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского. С. CCXXIII–CCLXV.

⁵ *Иванов С. А.* Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // *Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005.* Т. 16. С. 310–316; *Ivanov S.* The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 109–167.

⁶ *Иванов С. А.* Древнеармянское Житие... С. 310.

⁷ *Vozouan A.* La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdai // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar.* P. 87–107.

⁸ *Саргсян Т. Э.* Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // *Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008.* Вып. 3. С. 282–293.

Все исследователи отмечают наличие искажения хронологии изложенных событий в текстах всех версий. В армянской версии жития так же много несообразностей, как в греческой и славянской. Согласно армянскому житию Стефан в 18 лет прибыл в Константинополь и встретился с патриархом Германом (715–730). Через 17 лет, когда Стефану исполнилось 35, умер епископ Сугдеи, и знатные горожане обратились с просьбой к патриарху Герману и императору Феодосию III Андрамандину (715–717) прислать нового епископа. Стефана рукоположили в епископы. Правда, в Константинополе патриархом был уже Анастасий (730–754), а Лев III Исавр незадолго до кончины (в 741 г.) отправил Стефана в тюрьму. Из тюрьмы Стефана отпустил Константин V Копроним (718–775). Если в цитированной выше «Минологии» шла речь о святом Стефане Сугдейском, то его в 59 лет освободили из тюрьмы и послали в Сугдею в 765 г. Судя по армянской версии, святой Стефан скончался в 70 лет¹ (в 786 г.) и не мог в 787 г. подписать протокол Седьмого Вселенского собора. Армянский агиограф засвидетельствовал миссионерскую деятельность святого среди местных язычников (булгар, сугдов и хазар). В славянской и армянской версиях правителем Сугдеи назван Юрий, или Георгий, по прозвищу Тархан². Вероятно, он подчинялся «на-пакиду» Боспора — Керчи, наместнику хазарского кагана³.

§ 3. Борьба Византии и Хазарского каганата за Херсон

В 695 г. освобожденный из тюрьмы полководец Леонтий организовал восстание жителей Константинополя и сверг непопулярного Юстиниана II (685–695 и 705–711). На ипподроме ему отрезали нос и язык (за что Юстиниан был прозван *Ῥινότμητος* — Ринотмет — «с отрезанным носом») и отправили в ссылку в Херсон. Леонтий (695–698) был провозглашен императором⁴. В 698 г. военные моряки выступили против Леонтия, захватили столицу и провозгласили императором друнгария (командующего флотом) морской фемы Кивирреоты в провинции Памфилия Апсимара, принявшего имя Тиверия III (698–705)⁵.

В 704 г. ссыльный Юстиниан II объявил о своих планах возратить трон. Херсонцы, опасаясь гнева императора Тиверия III Апсимара, решили либо убить ссыльного, либо отправить его в столицу. Юстиниан II бежал из Херсона и, по словам Никифора, скрылся в готской крепости Дорас. Он попросил кагана Хазарии принять его. Каган разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и выдал

¹ *Vozoyan A.* La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdai. P. 104.

² *Иванов С. А.* Древнеармянское Житие... С. 314.

³ *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents... P. 116–117.

⁴ *The Chronicle of Theophanes...* P. 515; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 96–97; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. С. 260–261; *Jenkins R.* Byzantium: the imperial centuries. AD 610–1071. London, 1966. P. 56.

⁵ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. С. 264–265; *The Chronicle of Theophanes...* P. 516–518.

за него свою сестру¹. В ответ на просьбы императора Византии каган приказал своим наместникам в Боспоре и Фанагории задушить Юстиниана II. Последний, узнав от жены о приказе кагана, сам задушил присланных убийц и бежал в приморское селение Таматарху. Беглец на галиаде (рыбачькое судно) приплыл в находящуюся неподалеку от Херсона Гавань символов (Συμβόλου λιμένα) и встал на якорь. Взяв на борт своих сторонников, Юстиниан II отплыл в устье Истра. С помощью хана булгар Тервеля Юстиниан II в 705 г. вновь захватил власть в империи и казнил свергнувшего его Леонтия и Апсимара. В первые годы второго царствования Юстиниана II каган поддерживал с ним дружеские отношения и возвратил ему жену, родившую сына Тиверия. Юстиниан II короновал их и провозгласил Тиверия соправителем².

Согласно Никифору, в 711 г. император для наказания жителей Херсона за донос на него Апсимару направил в Крым флот с 100-тысячным войском под командой патрикия Стефана Асмикта с приказом истребить жителей Херсона, Боспора и архонств. Со Стефаном император отправил назначенного архонтом Херсона спфария дорифора Илью и изгнанного в город Вардана Армянина³. В «Бревиарии» явно преувеличена численность войска. По Феофану, овладевшие Херсоном византийцы уничтожили всех кроме подростков, пленили там хазарского «Тудуна — архонта Херсона, бывшего там от лица наместника кагана, и Зоилу, первого гражданина по роду и племени, — Τουδοῦνον δέ, τὸν ἄρχοντα Χερσῶνος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου ὄντα, Ζωΐλον, τὸν ἐκ σεῖρᾶς καὶ γένους ὄντα πρωτοπόλιτην», и 40 «знатных мужей, протевонов Херсона, — πρωτεύοντας τῆς Χερσῶνος», которых с семьями отослали василевсу. Других 27 протевонов казнили⁴. По Никифору, византийцы захватили «Тудуна, архонта Херсона», и «Зоила, называемого протополитом, — Ζωΐλον πρωτοπόλιτην λεγόμενον», 47 протевонов и до 20 «управляющих другими городами»⁵.

Феофан и Никифор сами опровергают свои утверждения об уничтожении ромеями всего населения Херсона. Разгневанный из-за оставленных в живых херсонских подростков император приказал флоту вернуться, а после гибели почти всех кораблей приказал готовить новую эскадру для полного уничтожения города. Напуганные жители крепостей попросили кагана прислать войско для охраны. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь. Император отправил их в сопровождении патрикия и главы финансового ведомства Георгия Сирийца, эпарха города

¹ The Chronicle of Theophanes... P. 520; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 100–101, 42, 6–8.

² The Chronicle of Theophanes... P. 520–521; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 100–103.

³ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 156, 164; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 106–109.

⁴ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 40, 64; The Chronicle of Theophanes... P. 527, 530.

⁵ Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 108–109.

Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха фракийцев Христофора. Однако архонты Херсона и Готии, не доверяя императору, вновь призвали хазарские войска. Согласно Феофану, архонт Илья, «херсониты и жители других крепостей» отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а тудуна и протополита Зоилу вместе с турмархом и стратиотами передали подступившим к городу хазарам. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. В результате раскопок И. А. Антоновой и А. И. Романчук в Портовом районе Херсона выявлены разрушенные во время осады Мавра оборонительные сооружения и жилые кварталы¹. Подоспевшие войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его войска, как и горожане, отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, переименовав его в Филиппика. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить по одной номисме (по Никифору — по 100 номисм) за каждого воина. Филиппик с войсками на кораблях захватил столицу и казнил Юстиниана II, его сына и сторонников².

Феофан и Никифор красноречиво охарактеризовали как реальные роли Византии и каганата на полуострове после 711 г., так и администрацию Херсона. Протополит Зоила, очевидно, был главой городского сената, состоявшего из знатных горожан — протевон³. Возможно, они, опасаясь мести Юстиниана II, и обратились за помощью к хазарам. Присланный каганом тудун руководил городом вместе с протополитом⁴. По предположению Ж.-К. Шене, в период Юстиниана II в городе сосуществовали два архонта, один назначенный императором, другой — каганом⁵. Однако, согласно Феофану и Никифору, назначенец императора архонт спафарий Илья сменил плененного назначенца кагана тудуна. Сам факт назначения архонтом Херсона видного военачальника спафария дорифора Ильи дает основание говорить о намерении Юстиниана II не только наказать жителей Херсона и соседних крепостей, но и вернуть регион империи. Вероятно, император включил Херсон и крепости во вновь образованную архонтию. Подобный статус имели некоторые другие укрепленные приморские города в Греции и Албании⁶. После казни византийцами протевон³ архонт Херсона Илья ради спасения города от полного уничтожения возглавил борьбу горожан с Юстинианом II и вместе с архонтами

¹ Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта... С. 116; Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 62, 63.

² The Chronicle of Theophanes... P. 527–529; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. P. 106–113.

³ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 37, 38; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 308.

⁴ Айбабин А. И. Этническая история... С. 195–196.

⁵ Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 315.

⁶ Treadgold W. The Byzantine revival 780–842. Stanford, CA, 1988. P. 17.

соседних крепостей решил сменить императора, провозгласив василевсом Филиппика Вардана. Примечательно, что херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Как мы видим, херсонцы стремились остаться в составе Византии. Хазары признали принадлежность Херсона империи, но установили свою власть над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне¹.

Архонт Херсона являлся наивысшим представителем византийской гражданской и военной администрации в архонтии², в которую в рассматриваемое время входили город и его ближняя хора на Гераклейском полуострове. В городе найдены печати архонтов Херсона, имевших византийский титул ипата, или стратора, или спафарокандидата, датированные первой половиной VIII в.³, второй третью VIII в.⁴ и второй половиной VIII — началом IX в.⁵ Из города происходят печати VIII в. представителей византийской армии — ипата и комита Косьмы⁶, офицеров-интендантов и турмарха⁷, указывающие на присутствие в городе византийского воинского контингента.

Правители империи, как и прежде, ссылали в город идеологических и политических противников. В 776 г. Лев IV за планирование заговора осудил своего брата Никифора, нескольких спафариев, стратигов и императорских гвардейцев, повелел их высечь, остричь, выслать в Херсон и климаты (εις Χερσόνα καὶ τὰ κλίματα), где заключить в тюрьму⁸.

В 820 г. в Херсон выслали Иоанна Психаита. Э. Арвейлер, ссылаясь на текст «Жития святого Иоанна Психаита», писала о том, что хазары в 820 г. угрожали владениям империи в Крыму⁹. Ее утверждение распространилось в современных публикациях по истории Крыма. Однако в тексте жития отсутствуют какие-либо сведения о хазарах и их угрозе Херсону¹⁰.

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 196.

² Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. С. 314–316; Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 474–475.

³ Alekséenko N. L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 73.

⁴ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 145; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung... С. 309.

⁵ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 76, 145–147. № 1, 5, 5а, 67; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, DC, 1991. Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. P. 183; Alekséenko N. L'administration byzantine de Cherson... P. 74–79.

⁶ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 145–146. № 2.

⁷ Соколова И. В. Византийские печати... С. 203, 212. № 49–51.

⁸ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 46–69; The Chronicle of Theophanes... P. 450–451, 621; Treadgold W. The Byzantine revival. P. 11.

⁹ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins... P. 66.

¹⁰ Zuckerman C. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21, № 1. P. 221.

Обстановка в Херсоне в первой половине IX в. охарактеризована в содержащемся в сочинении Константина Багрянородного докладе Петроны Каматиры императору Феофилу (829–842). По словам Петроны, до василевса Феофила городом управляли «ὁ λεγόμενος πρoτεύων μετὰ καὶ τῶν ἐπονομαζομένων πατέρων τῆς πόλεως — так называемый протевон с так называемыми отцами города»¹. Из доклада следует, что Херсон оставался византийским городом, которым управляли архонт и возглавлявшие органы самоуправления протевон и отцы города. А. Ф. Вишнякова считала владельца печати ипата и кира Херсона Исаака отцом города, занимавшим должность эпарха (градоначальника)². Должность кира города отсутствует в византийской табели о рангах. Владельцы херсонских печатей имели греческие имена и византийский титул ипата³. Как отмечала И. В. Соколова, до очистки на одной стороне печати Исаака отчетливо виднелись такие же, как на моллидовулах коммеркиариев, следы оттиснутой буллотирием ткани⁴. Видимо, кир города был одним из руководителей контролируемого византийцами городского самоуправления, наделенным правом опечатывать товары.

Утрата политического и военного контроля над климатами и карательные экспедиции не могли не вызвать в Херсоне кризис экономики, но не привели к полному замиранию экономической деятельности. Судя по печатям второй половины VIII в. и первой половины IX в. финансовых чиновников магистров и главных лагофетов, а также анфипата и коммеркиария, Херсон выплачивал империи налоги и торговые пошлины⁵. Печать второй четверти IX в. ипата и комита Иерона Косьмы свидетельствует о поступлении в Херсон товаров, ввозимых в черноморские порты через Иерон⁶. В Херсоне найдена печать с изображением Льва III и Константина V 739–751 гг. архонта влатия и главного коммеркиария, которой опечатывали тюк с произведенными в мастерских Константинополя шелковыми тканями⁷.

§ 4. Готия в составе Хазарского каганата

Топоним Готия впервые упомянут в церковных источниках IV в. В Протоколе созванного в 325 г. в Никее I Вселенского собора есть подписи епископа и митропо-

¹ *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, DC, 1967. P. 184–185; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 172–173.*

² *Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 123.*

³ *Алексеевко Н. А. Херсон на хазаро-византийском пограничье в начале IX в.: печати киров // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX. С. 212–214.*

⁴ *Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 114.*

⁵ *Соколова И. В. Византийские печати... С. 203, 210–211. № 41–43, 45.*

⁶ *Там же. С. 211, 212. № 47.*

⁷ *Там же. С. 202. № 11.*

лита Готии¹. Однако, как аргументированно показали В. Г. Васильевский и А. А. Васильев, эти подписи принадлежали епископу Дунайской Готии².

Самые ранние упоминания Крымской Готии (Γοτθία) содержатся в церковных источниках второй половины VIII—IX в. Протоколы VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. подписаны монахом Кириллом по поручению епископа Готии (ἐπίσκοπος Γοτθίας)³. В *Notitia* 3 содержится роспись епархий Константинопольского патриархата, в которой под номером 37 названа епархия Готии (ἐπαρχία Γοτθίας) с резиденцией в Доросе⁴. В созданном между 815 и 842 гг. «Житии святого Иоанна Готского»⁵ говорится об участии в иконоборческом соборе 754 г. не названного епископа Готии (Γοτθίας ἐπίσκοπος), упомянуты страна готов (χώρας τῶν Γότθων), господин Готии (κύριος τῆς Γοτθίας) и архонты крепостей, горные ущелья (κλισуры—της κλεισοῦρας) и крепость, называемая Дорос (τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος)⁶. В написанном в 808 г. письме Феодор Студит возмущался распутным поведением нарушившего церковные правила архонта (Готии и ее климатов—Γουτθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς)⁷. В тексте XIV в. «Чудеса святого Евгеня Трапезундского» говорится о Херсоне и тамошних климатах Готии⁸.

Судя по цитированным текстам, Готией византийцы называли область, в которую входили расположенные в Таврических (Крымских) горах климаты, или архонтии⁹.

Рассказы Феофана и Никифора свидетельствуют об обострении в регионе византийско-хазарского соперничества, принимавшего различные и своеобразные формы. В начале VIII в. хазары, воспользовавшись своим военным превосходством в регионе, захватили климаты Херсона. В 704 г. Юстиниан II оказался вне досягаемости византийской администрации, «в крепости, называемой Дорос и лежа-

¹ *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentia, 1749. Vol. II. P. 696, 702.

² *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. С. 369–370; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 11–20.

³ *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentia, 1766. Vol. XII. P. 994 C; Florentia, 1767. Vol. XIII. P. 384 B; *Lamberz E.* Die Bischoflisten des VII. Ökumenischehen Konzils (Nicaenum II). München, 2004. S. 31, 45; *Ajbabın A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 196.

⁴ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum... P. 31, 232, 245.

⁵ *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast period. P. 115.

⁶ *Auzépy M.-F.* La vie de Jean de Gothie (BHG 891) // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar.* Paris, 2006. P. 78–81; *Айбабин А. И.* Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 617–618.

⁷ *Migne J. P.* Patrologie Cursus Completus. Series Graeca. Paris, 1860. Vol. 99. P. 1013; *Theodori Studitae.* Epistulae / eds. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, MCMXCH. (Corpus fontium historiae Byzantinae; Vol. 31). I–II. Vol. I, Επιστ. 31, 95. P. 84, 88; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 106.

⁸ *Fontes Trapezuntini* / ed. A. Papadopulos-Kerameus [Reprint]. Amsterdam, 1965. P. 117–118.

⁹ *Айбабин А. И.* Юго-Западный Крым под властью Византии в конце VI—VII в. // Крым: проблемы истории: сборник статей / отв. ред. А. В. Юрасов. М., 2016. С. 33, 34, 41.

щей в стране готов, — εἰς τὸ φρούριον λεγόμενον τὸ Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν»¹, но получил возможность обратиться к кагану Хазарии. В 711 г. Юстиниан II предпринял попытку силой возвратить соседние с Херсоном архонтии (климаты). Вряд ли каратели нападали на все крепости Дори и дошли до Боспора. Археологические данные указывают только на разгром в начале VIII в. цитадели Баклы. Правда, каратели не уничтожили жителей посада и поселения у подножия Баклы. Для борьбы с карателями Юстиниана II архонты крепостей вместе с архонтом Херсона дважды обращались за военной помощью к хазарам².

Вероятно, каган объединил архонтии Горного Крыма в новую провинцию Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорас и поручил ему сбор дани для каганата³.

Правитель Готии выпускал собственные монеты. Из них состоял клад медных монет, обнаруженный в оборонительной стене Мангупа. По определению В. А. Сидоренко, семь монет имитировали византийские солиды Льва III 725–732 гг., а восьмая литая выпущена в период соправительства Льва III и Константина V — в 717–741 гг. В. А. Сидоренко привел веские доводы в пользу легальной чеканки на Мангупе монет-подражаний. По его мнению, поскольку монеты не позолочены, то они являются браком, предназначенным для переплавки⁴. Находка в склепах некрополя Чуфут-Кале позолоченных подражаний солидам Константина V 741–751 гг.⁵ подтверждает предположение об их использовании в местном обращении. Сам факт выпуска и обращения имитаций солидов говорит о независимости Готии от Византии.

Не смирившись с потерей региона, Византия значительно активизировала идеологическую и культурную экспансию в Горном Крыму.

В 692 г. приходы климатов еще подчинялись Георгию, епископу «Херсона Дорантского — Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος»⁶. Тогда как согласно «Житию Святого Иоанна Готского» в 754 г. в Готии уже существовала епархия. Ее епископ (Γοτθίας ἐπίσκοπος) на иконоборческом соборе 754 г. подписал решение об отмене иконопочитания и был возведен в сан митрополита Гераклеи Фракийской⁷.

¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 155–163; Nikephoros, patriarch of Constantinople: Short history. 42, 6–8. P. 100, 101.

² Айбабин А. И. Этническая история... С. 185, 187–189; *Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte...* S. 170–183.

³ Айбабин А. И. Этническая история... С. 210, 211.

⁴ Герцен А. Г., Сидоренко В. А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // *Античная древность и средние века. Вопросы социального и политического развития*. Свердловск, 1988. С. 127–132.

⁵ Крopotкин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // *КСИА*. 1965. Вып. 100. С. 114. Рис. 44,3,4.

⁶ *Ohme H. Das Concilium Quinisextum...* S. 151.

⁷ *Auzéry M.-F. La vie de Jean de Gothie...* P. 78–79; Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии... С. 617–618.

Видимо, стремясь распространить через Готию христианство в других регионах Хазарии, Константинополь в первой половине VIII в. образовал Готскую епархию¹.

Как сказано в «Житии святого Иоанна Готского», прихожане контролируемой хазарами Готии не пожелали признавать решения собора и в 758 г. предложили в епископы Иоанна. Прихожане послали его в Иверию, где в 758 или 760 г. католикос рукоположил Иоанна в сан епископа. Иоанн, стремясь заручиться поддержкой патриарха Иерусалима, сторонника иконопочитания, направил ему послание.

После смерти в 780 г. Льва IV Хазара сторонница иконопочитания императрица Ирина позволила Иоанну посетить столицу, где он встречался с патриархом Павлом (780–784)².

В тексте «Жития Святого Иоанна Готского» рассказывается о том, что после VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г., восстановившего иконопочитание, епископ Готии был выдан хазарским властителям. По словам автора жития, епископ Иоанн примкнул к заговору господина Готии, ее архонтов (τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ) и ее народа против захвата хазарами Готии. Каган ввел в крепость, называемую Дорос (τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος), хазарский военный отряд. Не желая с этим мириться, епископ Готии Иоанн вместе с ее жителями изгнали хазар из Дороса и «завладели горными проходами — τὰς κλεισοῦρας ἐκράτησεν». Жители одного селения предали архиерея. Каган пощадил господина Готии, но казнил «семнадцать рабов — δεκαεπτά δὲ δούλους». Возможно, рабами названы крестьяне. Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму в Фулы, из которой он бежал в Амастриду, где через четыре года скончался. Епископ Амастриды святой Георгий возглавлял торжественную процессию по отправлению мощей святого Иоанна на родину, в Партениты, к месту погребения в монастыре Святых Апостолов Петра и Павла³. В Партените в 1871 г. Д. М. Струков раскопал предалтарную часть базилики. В вымостке пола партенитской базилики нашли плиту с надписью, которую издал В. В. Латышев. В ней сообщается о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного «архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником»⁴. Н. И. Репников доследовал храм, раскрыв трехнефную, трехапсидную базилику с резными мраморными капителями и мозаиками. Судя по выявленной в раскопе стратиграфии, храм дважды разрушали (в конце X в. и в 1475 г.) и восстанавливали в 1472 г. и в XVI в.⁵

Изложенная в житии последовательность событий противоречит информации, содержащейся в опубликованных протоколах VII Вселенского (II Никейского) собора. Протоколы первого и третьего заседаний монах Кирилл подписал по поручению

¹ *Ajbabin A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 196.

² *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. С. 396–397; *Auzépy M.-F.* La vie de Jean de Gothie... P. 78–81.

³ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. С. 397–398; *Auzépy M.-F.* La vie de Jean de Gothie... P. 80–81.

⁴ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей... С. 77, 78. № 70.

⁵ *Репников Н. И.* Партенитская базилика // ИИАК. 1909. Вып. 32. С. 91–137.

епископа Готии Никиты¹, а решение четвертого заседания монах Кирилл подписал за епископа Готии Иоанна². В протоколах седьмого заседания в подписи Кирилла вместо имени представляемого им епископа написано название города Никополь. В латинском переводе Анастасия имя епископа исправлено на *Niceri*³. По предположению В. Г. Васильевского, в протоколе седьмого заседания по ошибке вместо имени епископа Никиты вписали название города⁴. Э. Ламберц вновь проанализировал документы VII Вселенского (II Никейского) собора. Он вполне справедливо счел эту подпись ляпусом. По его словам, Готская епархия с резиденцией епископа в Никополе существовала в Придунавье вплоть до VI в. Однако после VI в. в источниках нет упоминаемой данной епархии. По утверждению Э. Ламберца, епископом Готии являлся Никита, а подпись Иоанна, скорее всего, заимствована из текста жития в более позднее время⁵. Учитывая вывод Э. Ламберца, следует предположить, что Иоанн не участвовал в соборе, поскольку он уже находился либо в хазарской тюрьме, либо в Амастриде. Восстание против хазар могло произойти в период после возвращения Иоанна из Константинополя в 784 г. и до созыва VII Вселенского собора. Очевидно, епископ Иоанн участвовал в восстании против хазар не по окончании заседаний VII Вселенского (II Никейского) собора, а до его созыва (но после 784 г.). Новым епископом Готии назначили Никиту. Его и представлял на заседаниях собора монах Кирилл⁶.

М.-Ф. Озеппи и К. Цукерман предложили другую дату восстания. Согласно тексту жития Иоанн вернулся на кафедру Готии после того, как с разрешения императрицы Ирины встретился в Константинополе с патриархом Павлом (незадолго до его кончины в 784 г.) для дискуссии о возврате к иконопочитанию. По мнению М.-Ф. Озеппи, Иоанн отправился в Константинополь не для дискуссии об иконах (чей возврат он вряд ли ожидал), а для обсуждения вооруженного конфликта, который противопоставил Готию Хазарии⁷. По утверждению К. Цукермана, житие представляет события таким образом, что понять их становится сложным. По его предположению, восставшие против хазар правители Готии рассчитывали на помощь Византии. За ней Иоанн в 784 г. и отправился в Константинополь, но в своей миссии не преуспел. После его возвращения в Готию ее народ сдал Иоанна хазарам. Византия, отказавшись поддержать восставших, избежала напряженности в отношениях с хазарским каганатом. К. Цукерман считает признание VII Вселенским собором преемника Иоанна, Никиты, законным архиепископом Готии первым признаком разрядки византийско-хазарских отношений⁸. Однако для предположе-

¹ *Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentia, 1766. Vol. XII. P. 994 C; Florentia, 1767. Vol. XIII. P. 384 B.*

² *Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova... Vol. XIII. P. 137 B.*

³ *Ibid. P. 384.*

⁴ *Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. С. 415–416.*

⁵ *Lamberg E. Die Bischoflisten... S. 31, 46, 47.*

⁶ *Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии... С. 619.*

⁷ *Auzéry M.-F. La vie de Jean de Gothie... P. 74.*

⁸ *Цукерман К. Политика Византии... С. 417–418.*

ний о дипломатическом характере поездки Иоанна в Константинополь и датировки восстания 784 г. в тексте жития отсутствуют какие-либо основания.

Сведения о епархии Готии имеются в написанном между 821 и 826 гг. ответном письме Федора Студита архимандриту Готии по поводу раздоров с архиереем соседней епархии. В том же письме Федор Студит писал о своем обращении к архиерею Филарету и обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии¹. Интересен сам факт обращения архимандрита Готии с просьбой разрешить спор к опальному во второй период иконоборчества духовному вождю иконопочитателей. Бесспорно, после новой победы иконоборцев в Константинополе, епископ и паства Готии остались иконопочитателями.

Несмотря на ведущую роль в восстании епископа Готии, каган не препятствовал деятельности Константинопольской патриархии в традиционно христианских регионах Хазарии. Вероятно, зафиксированный в *Notitia* 3², составленной после Седьмого Вселенского собора между 787 и 805 гг.³, проект преобразования Готской епархии в метрополию указывает на стремление Константинополя через Готию распространить христианство в другие регионы Хазарии.

В житии поборника иконопочитания святого Стефана Нового, написанном в 816 г.⁴, регион близ Херсона назван среди областей, в коих после Собора 754 г. Стефан Новый советовал монахам искать убежище⁵. А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконпочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей в Шулдане, Качи-Кальоне и др.⁶ Как показала М.-Ф. Озепи, текст жития Стефана Нового весьма приблизительно отражает ситуацию времени его написания⁷.

В ходе восстания боевые столкновения происходили в основном в Доросе. Тогда и был спрятан на Мангупе в поврежденной стене упомянутый выше клад монет — подражаний византийским солидам⁸. Хазары, возможно, после усмирения восставших, вновь разместили на Мангупе небольшой гарнизон. По наблюдению А. Г. Герцена, в конце VIII в. на Мангупе ремонтировались оборонительные стены⁹. Другие городища, в том числе и расположенное на плато Эски-

¹ *Theodori Studitae. Epistulae.* Т. II. № 486.

² *Darrouzès J. Notitiae Episcopatum...* P. 31, 232.

³ *Цукерман К. Политика Византии...* С. 402–405.

⁴ *Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period.* P. 115.

⁵ *Migne J. P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.* Paris, 1865. Vol. 100. P. 1117; *Auzépy M.-F. L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin.* Aldershot, UK, 1999. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs; 5). P. 125, 19, 219.

⁶ *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea.* P. 88, 89; *Якобсон А. Л. Средневековый Крым.* С. 32–33.

⁷ *Auzépy M.-F. La vie d' Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, édition et traduction.* Aldershot, UK, 1997. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs; 3). P. 283.

⁸ *Герцен А. Г., Сидоренко В. А. Чамнубурунский клад монет-имитаций.* С. 127–132.

⁹ *Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа.* С. 114, 137–138.

Кермен, не пострадали. Однако тогда же по приказу хазарского военачальника была засыпана восточная оборонительная стена Эски-Кермена. Судя по зачищенным на территории некрополя многочисленным захоронениям хазарского времени, численность населения городища как минимум не сократилась¹.

Тексты житий и письмо Феодора Студита свидетельствуют о сохранении в Готии после подавления антихазарского восстания уже существовавшей административной системы. Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808–815)² возмущался поведением правителя народа таврических климатов³. Патриарх Никифор встречался с правителем Готии в 808 г. в Константинополе⁴. Должности «архонт» или «господин Готии» (*kύριος τῆς Γοτθίας*) и «правитель народа Таврических климатов» отсутствуют в византийских табелях о рангах.

Недавно опубликованная хранящаяся в архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург) фотография строительной надписи из Юго-Западного Крыма: «В царствование (?)... ута хагана Иза (?) тудуна... освящается и устроен (?) храм Божий 14 апреля...»⁵. Надпись свидетельствует о толерантном отношении правителей Хазарии к христианскому населению Готии⁶.

Судя по материалам археологических раскопок, после ликвидации восстания булгары, пользуясь покровительством хазар, поселились в Готии. На Главной гряде на Басманском хребте обнаружен скотоводческий комплекс, состоявший из пещеры с культурным слоем с салтовской керамикой и загона для скота. В Поворотном, в балке Горный Ключ на плато Кыз-Кермен, возникли поселения с типичными для салтовской культуры горшками с врезным волнистым или линейно-волнистым орнаментом. На поселении Горный Ключ раскрыты усадьбы с огороженными дворами и домами, состоящими из жилого помещения с открытым очагом и хозяйственной постройки. В торжище Партениты зачищены дома со стенами, сооруженными кладкой в елку. Возведенные без фундамента стены в углах не перевязаны. На плато Кыз-Кермен, в Передовом, на плато Пампук-Кая, на посаде городища Бакла и на Загайтанской Скале, раскопаны дома из двух или трех помещений со стенами на каменном цоколе, глинобитными или земляными полами и стропильным перекрытием с соломенной крышей. Стены некоторых домов сложены в елку. У многих домов цоколи являлись основанием

¹ Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 218, 221.

² Ševčenko I. The date and author... P. 222.

³ Vita Sancti Nicephori ex Actis Sanctorum Bollandianis // Migne J. P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. 100. P. 71, 72.

⁴ Les régestes des actes du Patriarcat de Constantinople, vol. I: 2–3 // Les Regestes de 715 à 1206 / éds. J. Darrouzès, V. Grumel. Paris, 1989. P. 37. № 377a.

⁵ Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII—начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 42, 43, 48, 51.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 219–220.

легких турлучных конструкций, состоящих из тонких вертикальных стояков, соединенных плетнем и обмазанных толстым слоем глины. В жилых помещениях находились открытые очаги. По планировке, технике кладки стен, форме очага и другим признакам дома аналогичны болгарским домам из Восточного и Центрального Крыма. Очевидно, болгары теснили в Юго-Западном Крыму аланские и готские общины¹.

Возникновение в Горном Крыму в условиях наступившей стабильности в конце VIII в. новых поселений способствовало росту основных отраслей экономики Готии: земледелия, виноделия и скотоводства. На городище Эски-Кермен в хазарский период в усадьбах этого времени имелись зернохранилища, кормушки для домашних животных и тарапаны. Жители городища на плодородных землях в прилегающих к плато долинах выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот. Сам факт выявления тарапанов в двух усадьбах из четырех исследованных в 2003–2008 гг. указывает на популярность среди жителей городища виноделия². Гончарную керамику для населения области изготавливали в созданных в Трудолюбовке, Ялте, Ливадии, Мисхоре новых производственных центрах. Там делали и обжигали в печах фляги, черепицу и северопричерноморские амфоры³ второй половины VIII—IX в.

На одном из вновь основанных в низовьях реки Бельбек поселений (в Поворотном) в конце VIII в. была построена новая трехнефная базилика⁴.

При хазарах на Эски-Кермене и южном берегу в Алустане и Партените поселились евреи. Там найдены надгробия с изображением меноры, возможно, VIII–IX вв.⁵

Хазарский период в истории региона завершился после возвращения климатов Готии под контроль Византии.

§ 5. Фема Херсона

В середине 830-х гг. венгры изгнали хазар из степей Северного Причерноморья. Возможно, в результате набега на полуостров венгры уничтожили в Центральном Крыму болгарское поселение Тау-Кипчак⁶.

¹ Айбабин А. И. Этническая история... С. 211–212.

² Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кермен... С. 222.

³ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. С. 51–56.

⁴ Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13. С. 18, 23, 24.

⁵ Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. // Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Т. 12. С. 132, 133. Рис. 1, 2.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 220.

По мнению Э. Арвейлер и Д. Д. Оболенского, хазары, опасаясь венгров, обратились за военной помощью к Византии¹. Согласно Константину Багрянородному, каган хазар попросил императора Феофила (829–842) построить для них крепость в месте наибольшего сближения рек Волги и Дона² для защиты от варваров, угрожавших хазарским землям. О дате этого события позволяет судить рассказ Продолжателя Феофана³ о прибытии послов в Константинополь через год после избрания патриархом Иоанна Грамматика (838 г.)⁴. Император Феофил отправил в место сближения рек Волги и Дона экспедицию во главе со спафарокандидатом Петроной Каматиром. По прибытии в Херсон экспедиция погрузилась на плоскодонные корабли (εἰς καμιατὰ καράβια) и отправилась по реке Дон (Танаис). Под руководством Петроны византийцы возвели там зимой 840/841 гг. для хазар крепость Саркел⁵. Вернувшись из Саркела, Петрона в цитированном выше докладе предложил Феофилу назначить своего стратига в Херсон: «Εἰ θέλης ὅλως τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόλους κυρίως ἐξουσιάσαι καὶ τοὺτους μὴ τῆς σῆς ἐκτὸς γενέσθαι χειρός, προβάλλου στρατηγὸν ἴδιον, καὶ μὴ τοῖς ἐκείνων καταλιστεύσης πρωτεύουσί τε καὶ ἄρχουσι. — Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам»⁶.

Император Феофил, пользуясь сложившейся обстановкой, предпринял попытку восстановить свое правление в климатах Готии и защитить ее и Херсон от мадьяр. Как писал Константин Багрянородный, император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом в Херсон, «повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних»⁷. Тем самым император создал новый военно-административный округ — фему (θέμα), стратигу которой подчинялись армия и гражданская администрация⁸. Судя по одновременному официальному документу — «Тактикону Успенского» (843 г.), ее называли фемой климатов. В списке статигов упомянут «патрикий и стратиг Климатов — ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν

¹ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins... P. 48; Obolensky D. The Crimea and the North before 1204 // Archeion Pontu. 1979. Vol. 35. P. 128, 129.

² Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 182–183; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 170–171.

³ Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae; T. 45). P. 122–123.

⁴ Treadgold W. The Byzantine revival. P. 313, 448; Zuckerman C. Two notes... P. 211.

⁵ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 183–185; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 170–173; Zuckerman C. Two notes... P. 214.

⁶ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 184–185; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 172–173.

⁷ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 183–185; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 170–173.

⁸ The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. P. 2034.

Κλιμάτων»¹. Чиновнику этой фемы приписывали печать, хранящуюся в коллекции Думбартон-Окса, с надписью «пяти Климатов — τῶν πέντε Κλιμάτων»². Пятью климатами были Херсон и районы с центрами в крепостях Дорос, Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла. На другой печати³ К. Цукерман восстановил иное название — «Климатов и Херсона — τῶν Κλιμάτων καὶ Χερσῶνος»⁴. Очевидно, спустя некоторое время после создания в название фемы климатов включили Херсон. Печати, принадлежавшие спафарокандидату и стратигу климатов Херсона (σπαθαροκανδιδάτω καὶ στρατηγῷ τῶν Κλιμάτων τοῦ Χερσῶνος), найдены в Херсоне и в районе горы Демерджи. Печать стратига Херсона найдена в Сугдее⁵.

Н. Зайбт и В. Зайбт обоснованно выделили раннюю серию печатей стратигов Херсона с крестообразной монограммой, обращением и тетраграммой на лицевой стороне. Причисленные к данной серии печати стратигов Херсона ипата Зоилы, императорских спафариев Фоки и Константина отнесены к 50-м гг. IX в. Печати другого стратига Херсона Никифора с так называемым нимбированным крестом датированы 860–880 гг. На двух печатях у Никифора был ранг императорского спафарокандидата, а на двух — императорского протоспафария⁶. Важный аргумент в пользу такой даты печатей содержит созданная в начале XII в. кардиналом-епископом Остии Львом латинская редакция текста херсонской легенды о переносе мощей святого папы Климента. В ней среди участников происходившей зимой 860/861 гг. церемонии упомянут *vir nobilis Niceforus, eiusdem civitatis dux*⁷. Латинский титул «дукс» является в данном случае переводом греческого титула «стратиг» — στρατηγός. Упомянутые печати стратига Херсона 860–880 гг. принадлежали участнику церемонии дуке Никифору⁸.

Быть может, с организацией фемы связаны перестройка цитадели Баклы и обороны Мангупа, строительство новой крепости в долине реки Бельбек, на высоком плато Сьюрень, у села Малое Садовое⁹. По конструкции и характеру кладки упомянутые стены Баклы и Сьюрени отличаются от хазарских, но аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в.¹⁰

¹ *Oikonomidès N.* Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. P. 45, 48–49; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона. С. 311.

² *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine seals... Vol. 1. P. 182.

³ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 74, 75, 149, 150. № 14.

⁴ *Zuckerman C.* Two notes... P. 220.

⁵ *Alekséenko N.* L'administration byzantine de Cherson... P. 118–119.

⁶ *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 91, 92; *Alekséenko N.* L'administration byzantine de Cherson... P. 123–126. № 32–35.

⁷ *Meuvaert P., Devos P.* Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la Légende Italique résolues grâce à un document inédit // *Analecta Bollandiana.* 1955. Vol. 73. P. 74.

⁸ *Zuckerman C.* Two notes... P. 216–217, 221–222.

⁹ *Ajbabın A. I.* Archäologie und Geschichte... S. 206, 208. Abb. 87.

¹⁰ *Foss C., Winfield D.* Byzantine fortifications... P. 142–145. Fig. 10; 15; 18.

Новая обстановка на полуострове отразилась и в житии равноапостольного Константина-Кирилла Философа, возглавлявшего в 860–861 гг. миссию, отправленную из столицы империи через Херсон к хазарскому кагану. Прибыв в Херсон, он узнал о нападении хазар на один из христианских городов и отправился на переговоры с «воеводой» хазар, осадившим город. Вряд ли хазары совершили бы набег на принадлежавшую им крепость. На обратном пути в Херсон на Константина напали мадьяры¹. В 860-е гг. Анастасий Библиотекарь направил письмо Гаудериху, епископу города Веллетри в Италии, в котором со слов сосланного в окрестности Херсона патриархом Фотием митрополита Смирны Митрофана рассказывал об открытии равноапостольным Константином-Кириллом Философом мощей святого папы Климента. Анастасий охарактеризовал обстановку в Херсоне, названном пограничным с хазарской землей, и на его хоре². По словам Анастасия Библиотекаря: «...место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить»³. Цитированные тексты указывают на многоэтничность населения Херсона и его округа. Равноапостольный Константин изучал в городе хазарский и еврейский языки. Про обитателей Гераклеяского полуострова Анастасий писал: «Все жители того места не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов»⁴. Как отметил А. Л. Якобсон, житие и письмо говорят о соседстве хазар с областью Херсона, т. е. с его климатами⁵.

Материалы раскопок позволяют скорректировать приведенную пессимистическую оценку экономической жизни в Херсоне. С созданием фемы экономическая деятельность в городе активизировалась. При Феофиле возобновился выпуск местных монет. Херсон сохранил роль византийского ремесленного и торгового центра. Именно там для экспедиции Петроны были подготовлены легкие гребные суда-каматиры, предназначенные для плавания по рекам и каботажу. Найденная в Херсоне импортированная из Византии керамика, прежде всего редкие типы поливной посуды, свидетельствует о торговле с Константинополем и другими портами империи. В гончарных печах, раскопанных как близ стен Херсона в Песочной бухте, так и на противоположном берегу Северной бухты, в районе Радиогорки, изготавливали амфоры⁶. Продукция херсонских гончаров вывозилась в Готию.

¹ Климента Охридски. Собрани съчинения. С. 126, 127, 158.

² Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. Вып. XII. С. 58, 59; Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 137–143.

³ Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum / eds. E. Perels, G. Laehr. Berlin, 1928. (Monumenta Germaniae Historica; Epistolae VII). P. 435–438; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 52.

⁴ Ягич И. В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗИАН. СПб., 1893. Т. LXXII. С. 6, 7, 9, 10. Прил. 6.

⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 46.

⁶ Седикова Л. В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 434–440.

Городища и многие поселения климатов, заселенные аланами, готами и булгарами, пережили нападения мадьяр и хазар. Связанные с ними некрополи функционировали до конца IX в. и позднее.

Как отмечалось выше, в 873 г. хазары ушли из Крыма. Судя по опубликованным Н. А. Алексеенко двум печатям конца X—начала XI в. императорского спафария и турмарха Готии Льва, официально регион, как и в VIII–IX вв., назывался Готией¹. Очевидно, после включения Готии в состав фемы Херсона византийцы сохранили ее в качестве административной единицы — турмы фемы Херсона. Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп.

---

¹ *Alekséenko N. A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. Paris, 1996. Vol. 54. P. 271–275; Алексеенко Н. А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 566–567.*

Глава 11

Таврика в X — первой половине XIII в.

Сведения письменных источников по истории Крыма данного периода скупы и противоречивы. В хазарско-еврейском Кембриджском документе содержится информация о единственном событии, произошедшем в Таврике во второй четверти X в., — походе хазарского полководца Песаха в Крым в ответ на рейд русов на хазар¹.

Несравнимо большую опасность для крымских владений Византии представляли печенеги, неоднократно упоминаемые как главный политический фактор северных провинций империи. Мирные взаимоотношения с ними были главной заботой византийской дипломатии. Вероятнее всего, позиции Византии в Юго-Западной Таврике выглядели прочнее. Восточная часть полуострова благодаря содействию с Тмутараканью стремилась к большей самостоятельности.

Возможно, этими обстоятельствами и были вызваны известное по письменным источникам восстание Георгия Цулы 1015 г. и ответная экспедиция византийского флота 1016 г. Мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. именно этим восстанием. Действия Цулы являлись реакцией на кризис на Руси в связи со смертью Владимира².

По справедливому мнению А. В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов является не чем иным, как ответной реакцией на подчинение империей Восточного Крыма³. Исходя из этого, автор датировал его не 1022 г., а 1016 или 1017 г. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, Восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с тмутараканскими козарами, и управляемая местной тюркской администрацией в лице Георгия Цулы, не была обычной провинцией Византийской империи. Очевидно, с открытым противостоянием Византия смириться уже не могла. Подавление вос-

¹ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. / науч. ред. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997.

² Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси... С. 253.

³ Там же.

стания стало для нее прекрасным поводом для ликвидации каких-либо сепаратистских устремлений населения Восточной Таврики.

К середине XI в. в связи с усилением половецкой опасности и позиций Тмутараканского княжества была осуществлена очередная административная реформа византийских владений в Крыму.

В 80-е гг. XI в. произошло временное усиление позиций Византии на полуострове. Под власть империи возвратились все сельские и городские пункты Таврики. Однако уже к середине следующего XII в. в Крыму все отчетливее стало ощущаться влияние новых хозяев степи — половцев. Византийской дипломатии удалось и с ними наладить мирные взаимоотношения. Заинтересованные в посреднической торговле половцы не препятствовали экономическому развитию византийских городов, особенно прибрежных.

Начало XIII в. является важным рубежом в истории византийской Таврики. После взятия в 1204 г. крестоносцами Константинополя территория Крыма перешла под власть Трапезундской империи¹.

Материальная культура жителей Таврики X–XIII вв. изучена достаточно полно. Поощрение имперским правительством константинопольского ремесленного производства способствовало быстрому проникновению не только производимых товаров, но и самих ремесленников на широкие территории, прежде всего в портовые приморские города.

Материальная культура Таврики приобрела единый провинциально-византийский облик, типичный для большинства причерноморских провинций империи и приморских городов. С середины X в. стандартизировались керамические комплексы и набор украшений и элементов костюма. Общие тенденции демонстрирует и планировка города.

Рассмотрим подробнее исторические события, происходившие в различных исторически сформировавшихся в предшествующее время регионах Таврики.

§ 1. Херсон

ФЕМА ХЕРСОНА (*В. В. Майко, А. Г. Герцен*). В X в. Херсон оставался столицей фемы. Многие ее стратиги имели почетные звания и титулы и могли присутствовать на приемах в императорском дворце. Под их непосредственным контролем находилась деятельность коммерциариев фемы, отвечавших за сбор таможенной пошлины от обращения товаров на ее территории. Армия фемы состояла из небольших ополчений, выставляемых населением города и областей, входивших в состав фемы. Существовала и личная гвардия стратига. Судя по данным сфрагистики, в то же время в Херсоне возродился институт кураторов города, представители которого, являясь одновременно и государственными служащими, наряду с им-

¹ *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1. С. 95.

перскими властями руководили жизнью городской общины. Иногда они удостоивались высоких придворных чинов, позволяющих поставить их в один ряд с руководителями фемной администрации Херсона¹. Находка печати турмарха Готии императорского спафария Льва, датируемой концом X — началом XI в., указывает на разделение фемы Херсона² на турмы.

Административный аппарат Херсона, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты.

Несомненно, в первой половине X в. Херсон играл ключевую роль во взаимоотношениях Византии с Киевской Русью, Хазарией и печенегами.

Судя по письмам Николая Мистика, епископ Херсона руководил деятельностью византийских миссионеров среди варваров, в том числе и в Хазарии³.

В упомянутом выше хазарско-еврейском кембриджском документе сообщается о походе на Херсон хазарского полководца Песаха в ходе его антивизантийской военной кампании в Таврике. Согласно тексту источника, Песах после разгрома крымских городов «пошел на [город] Шурушун... и воевал против него... И они вышли из страны наподобие червей... Израиля, и умерло из них 90 человек... Но он заставил их платить дань. И спас... [от] руки Русов и [поразил] всех, оказавшихся из них [там], [и умертвил ме]чом»⁴. Херсон был главной целью похода хазарского полководца, он взял его после непродолжительного штурма. Высказано предположение, что, вероятно, защитники города сделали подкоп, надеясь при помощи вылазки захватить хазар. Эта традиционная хитрость не удалась, и горожане заключили перемирие, выдав спрятавшихся в Херсоне русов. Сохранив жизнь херсонеситам, Песах обложил их контрибуцией, освободил хазар, захваченных вождем русов Хельгу в Тмутаракани и приведенных для продажи в Херсоне, и жестоко казнил захваченных русов⁵. Однако в Херсоне не выявлены прямые археологические подтверждения осады и штурма города войсками хазарского полководца Песаха.

В середине X в. Херсон играл ведущую роль в контактах империи с печенегами, которые выполняли поручения византийского императора на Руси,

¹ Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории... С. 104–105; Alekséenko N. L'administration byzantine de Cherson... P. 47.

² Alekséenko N. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. Paris, 1996. Vol. 54. P. 271–275; Тактика Льва / отв. ред. Н. Д. Барбанов. СПб., 2012. С. 124.

³ Иванов С. А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 2001. (Славяне и их соседи; вып. 10). С. 29.

⁴ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка... С. 78–79.

⁵ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. С. 141. Л. 2 об., 3; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1548; Науменко В. Е. К вопросу о так называемом «походе Песаха» в истории византийско-хазарских отношений // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сборник научных трудов. Севастополь, 2013. С. 45; Цукерман К. Про дату намерения хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // Ruthenica. Київ, 2003. Т. 2, № 2. С. 72; Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси... С. 141.

в Хазарии и Зихии. Посольства и караваны отправлялись из Херсона под охраной печенегов. В случае осложнения отношений империи с печенегами последние совершали набеги на Херсон и климаты. Поэтому Константин VII советовал руководителю Херсонской фемы брать печенежских заложников и содержать их под стражей в городе¹.

Несмотря на то что Херсон оставался форпостом византийской власти в регионе, его стремление увеличить экономическую самостоятельность беспокоило империю. Археологические исследования подтверждают, что в течение третьей четверти X в. активизировалась деятельность монетного двора Херсона. Гарантией успешного проведения своих акций в Восточном Причерноморье империя считала абсолютную верность города. Именно этим вызван известный пассаж Константина Багрянородного о том, что в случае восстания необходимо «захватить все суда херсонесские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запечатать в государственные тюрьмы»². Процветание города обеспечивала транзитная торговля с Византией, Подунавьем, Юго-Западным Крымом, печенегами и другими регионами: «...если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакистов... не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии, Вукеллариев и со склонов Армениаков, то не могут существовать»³.

ХЕРСОН-КОРСУНЬ И КИЕВСКАЯ РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в. (А. И. Айбабин). В русских летописях Херсон именовали Корсунем. Во второй половине X в. возросло значение города в русско-византийских отношениях. По рассказу хрониста XI — начала XII в. Иоанна Скилицы, император Никифор Фока (963–969) поручил в 967 г. представителю херсонской знати, сыну местного протевона Калокиру, переговоры с киевским князем Святославом⁴. Согласно Льву Диакону, Никифор возвел Калокира в сан патрикия и отправил его к Святославу с 15 кентинариями (1500 фунтов) золота. Калокир убедил Святослава в 968 г. выступить с войском против болгар⁵. Иоанн Цимисхий (969–976), возведенный на трон в 971 г., после убийства Никифора Фоки в 969 г., разбил под Доростолом войско Святослава. В заключенном в том же году русско-византийском договоре Святослав обязывался не иметь притязаний на Корсунскую область и брал обязательство помогать византийскому императору в случае нападения на его страну⁶.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 37, 41, 43.

² Там же. С. 275.

³ Там же.

⁴ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 53, 62, 63; *Ioannis Scylitzae. Synopsis. Historiarum / rec. Ioannes Thurn.* Berlin; New York, 1973. (Corpus fontium historiae Byzantinae; Vol. 5). P. 277.

⁵ Лев Диакон. История / коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 36–37, 182, 183; Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 2: Период Македонской династии (867–1057). С. 363, 364.

⁶ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 2. С. 370; Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 63; Васильевский В. Г. К истории 976–986 годов // Труды. СПб., 1912. Т. II, вып. 1. С. 88.

В последние десятилетия X в. произошло важнейшее событие в истории Херсона и Древнерусского государства — захват города сыном Святослава, киевским князем Владимиром.

В 987 г. Василий II (975–1025) находился в критической ситуации. В августе против императора восстал доместик схол Востока Варда Фока Младший, провозгласивший себя императором¹. Летом 988 г. он уже контролировал большую часть Малой Азии и с берега Босфора угрожал Константинополю. В Европе многие фемы подчинили восставшие болгары². По свидетельству историка начала XI в. Яхьи Антиохийского, в сложившейся ситуации Василий II обратился за помощью к русскому князю Владимиру, «и согласился тот на это. И заключили они между собою договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны... И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех». По словам Яхьи Антиохийского, после крещения войска русов прибыли в Константинополь и вместе с войсками греков выступили против армии Фоки³. 13 апреля 989 г. в сражении под Абидосом Фока погиб⁴. Об участии русов в битве информировал и Михаил Пселл⁵. В арабских хрониках багдадского астронома Ибн аль-Аси'ра (1160–1233) и сирийского христианина Эль-Макина (1205–1273) также сказано об обращении за помощью к князю русов и женитьбе его на сестре царя. По словам арабских историков, по требованию невесты князь русов крестился и после женитьбы вместе с византийцами разбил мятежников Фоки⁶.

Историки считают, что поскольку император не спешил выполнять договор и выдавать за Владимира принцессу Анну, то он собрал войско из русов и варягов и совершил поход на Херсон⁷. О захвате тавроскифами Херсона сообщает Лев Диакон⁸. В. Г. Васильевский утверждал, что в этом рассказе приведены свидетельства взятия Херсона русскими позже апреля 989 г. Перевод текста Льва Диакона уточнила Н. М. Богданова. По ее мнению, в данном тексте идет речь о захвате Херсона русскими до Абидосского сражения 13 апреля 989 г. Новая дата, как и сообщения византийских и восточных авторов, соответствует хронологии летопис-

¹ *Васильевский В. Г.* К истории... С. 61; *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 3. P. 1666; *Treadgold W.* A history of the Byzantine state... P. 517.

² *Васильевский В. Г.* К истории... С. 62; *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // ВВ. 1953. Т. 7. С. 202; *Treadgold W.* A history of the Byzantine state... P. 517–518.

³ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // ЗИАН. СПб., 1883. Т. XLIV. Прил. 1. С. 23–24.

⁴ Там же. С. 25; *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси... С. 205; *Талис Д. Л.* Из истории русско-курсунских политических отношений в IX–X в. // ВВ. 1951. Т. 14. С. 108.

⁵ *Васильевский В. Г.* К истории... С. 91–92.

⁶ Там же. С. 88–89.

⁷ *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси... С. 207; *Талис Д. Л.* Из истории... С. 108.

⁸ *Лев Диакон.* История. Кн. X.

ных повествований¹. В «Повести временных лет» говорится о другой причине похода: «в лето 6496» (988 г.) князь пошел на Херсон, для того чтобы там принять крещение от греков. Однако, взяв город, он выполнил обет только после «требования греческих царей, заявивших, что не отдадут ему сестры своей, если он не станет с ними единоверным»².

По летописным описаниям А. Л. Бертъе-Делагард реконструировал осаду Владимиром Корсуни. Согласно А. Л. Бертъе-Делагарду, флот Владимира из нескольких сот ладей с экипажем в пять-шесть тысяч воинов проплыл под городскими стенами в Карантинную бухту³. По мнению Б. Д. Грекова, войско русов высадилось в Стрелецкой бухте⁴. Однако это маловероятно. Она расположена почти в 2 км от стен города, а лагерь находился гораздо ближе — на расстоянии полета стрелы⁵. Согласно А. Л. Бертъе-Делагарду, Владимир осадил Херсон с суши. Из-за отсутствия у русов стенобитных машин осада затянулась на девять месяцев⁶. Осаждавшие разрушили несколько кварталов в Северном и Западном районах города⁷. Херсонский священник Анастас сообщил Владимиру о местонахождении водопровода, по которому в город поступала вода. Вскоре после того, как русы перерезали водопровод, город капитулировал⁸.

Взятием Херсона Владимир показал Василию II, что в случае несоблюдения империей договора союзник может стать опасным врагом. Поэтому императору пришлось выполнить требование Владимира⁹. Согласно «Повести временных лет», летом или осенью 889 г. прибывшие в Корсунь вместе с принцессой Анной византийские священники и епископ Корсунский крестили Владимира либо в храме Святой Софии (Ипатьевская летопись), либо в базилике (Новгородская первая летопись и Лаврентьевский список). В Корсуни состоялось бракосочетание Владимира и Анны¹⁰. Как показано выше, также описал это событие и Яхья Антиохийский. Правда, он не назвал место крещения¹¹. По сообщению «Повести временных лет», Владимир с войском вернулись в Киев. С князем прибыли «корсунские попы», участвовавшие в крещении жителей Киева.

¹ Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 46.

² Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира // Сборник в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906. С. 7; Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 105.

³ Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909. (Отд. оттиск из «Известий» Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук; т. 14, кн. 1). С. 6, 9–11.

⁴ Греков Б. Д. «Повесть временных лет»... С. 109–110.

⁵ Яacobсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 64–65.

⁶ Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. С. 15.

⁷ Яacobсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 14–15.

⁸ Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. С. 28–36; Греков Б. Д. «Повесть временных лет»... С. 110–112.

⁹ Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси... С. 209.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца... С. 24.

Принятие Владимиром христианства и брак с принцессой Анной закрепили равноправный союз Древнерусского государства с самым могущественным в Европе государством¹. Обширная часть Восточной Европы присоединилась к христианскому миру. После крещения Киевской Руси на основе традиций византийской культуры возникли зодчество и живопись и повсеместно распространилась кириллическая письменность.

ХЕРСОН В XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В. (*В. В. Майко, А. Г. Герцен*). После известного по письменным источникам восстания под руководством Георгия Цулы 1016 г., связь которого с Херсоном остается предметом дискуссии, в городе и его округе наступила определенная стабильность. Однако уже в середине того же столетия ситуация изменилась. В связи с постоянным половецким присутствием, усилением Тмутараканского княжества и набегами на полуостров узов-торков фема Херсона на непродолжительное время объединилась с фемой Сугдеи. Судя по хорошо известным эпиграфическим памятникам и новым сфрагистическим данным, это событие четко датируется 50-ми гг. XI в.

Но уже в 60-е гг. фема Херсон ликвидировалась, что было связано с общим кризисом фемной системы Византии. Вместо нее создано новое военно-административное образование — катепанат, и централизованная власть сосредоточилась в Херсонесе. Византийского наместника с титулом катепан Лаврентьевская летопись упоминает в связи с отравлением тмутараканского князя Ростислава в 1066 г. Данные древнерусского источника о существовании в Херсонесе военно-административного округа — катепаната, охватывавшего не только Юго-Западный Крым, но и земли Степного и Северо-Восточного Крыма, подтверждают и сфрагистические данные². В Херсонесе известна печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, датирующаяся 60–80-х гг. XI в. Время существования катепаната определяется исследователями в рамках второй половины XI — рубежом XI/XII вв.

Ликвидация фемной организации не изменила кардинально статуса города. В 1092 г. здесь под стражей отбывал ссылку самозванец, выдававший себя за сына императора, Лев Диоген.

Несмотря на политические перипетии, в течение XI–XII вв. экономика Херсона стабильно развивалась. Помимо торговли и ремесел делались попытки организации и сельскохозяйственного производства. На территории хоры на Герacleйском полуострове сохранились сельскохозяйственные комплексы. Один из них представлял поселение площадью 70 × 50 м, состоявшее из нескольких домов и общественного хранилища, хлебопекарни, двора-загона, башни и храма. Поселение сгорело во второй половине XI в., возможно, в результате набега половцев³.

¹ Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси... С. 155.

² Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 7–17.

³ Яшаева Т. Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Герacleйском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X. С. 354–355.

Сокращение во второй половине X в. сельскохозяйственной округи Херсона повлекло развитие рыбного промысла, потребовавшего значительного увеличения поставок соли. Не исключено, что на территории Сакской пересыпи существовал пункт, связанный с солеварением. Вероятнее всего, в это время продолжала функционировать и старая дорога, ведущая вдоль моря в Херсон и служившая для связи города с Поднепровьем. Кроме этого пункта именно со второй половины X в. начала функционировать и пристань на месте порта античной Керкинитиды. Не исключено, что служила она не столько для нужд населения Херсона, сколько для потребностей кочевавших здесь печенегов. После проникновения в Северо-Западный Крым половцев пристань на месте Евпаторийского порта продолжала играть важную роль в посреднической торговле кочевников с Византией. Подтверждением этому являются многочисленные половецкие памятники этого региона Таврики.

Анна Комнина упоминала половецких купцов, в 1092 г. торговавших под городскими стенами Херсона¹. Судя по происходящим из Херсона фрагментам древнерусской керамики XI–XIII вв., энколпионов и крестов конца XII — XIII в., контакты с Киевской Русью сохранились и после захвата половцами Северо-Причерноморских степей.

В 1204 г., после захвата крестоносцами Константинополя и распада Византийской империи, Херсон попал в зависимость от Трапезундской империи. После восстановления Византийской империи Херсон остался под управлением Трапезунда. Согласно данным письменных источников, в городе находился представлявший Трапезунд чиновник налогового ведомства². С потерей Трапезундской империей Синопа, захваченного турками-сельджуками, заморская фема могла проводить автономную политику, уплачивая подати трапезундским императорам. Херсонес был, видимо, последним городом на полуострове, сохранявшим политические связи с Трапезундом. В ходе раскопок на территории городища найдены несколько печатей Великих Комнинов, которые датируются концом XIII — первой половиной XIV в.

В 1225 г., согласно «Синописису чудес Св. Евгения» и «Аланскому посланию Никейского епископа Феодора», в ходе разразившейся войны между Трапезундской империей и Иконийским султанатом сельджуки совершили нападение на Херсон и опустошили его окрестности. Во главе управления городом продолжали оставаться представители местной аристократии.

В 1299 г. войска Ногая разрушили Херсон³. В XIV в. лишь рядом с портом были восстановлены некоторые усадьбы.

Архиепископия Херсона упоминается наряду с аналогичными церковными организациями Боспора, Сугдеи и Готии в составленной около 901–907 гг.

¹ Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 266.

² Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 160; Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории... С. 95, 96.

³ Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 250.

нотиции патриарха Николая I Мистика. Роль Херсонской кафедры как ведущего административно-церковного центра подтверждается ее первенством в ряду других крымских епархий. В нотициях Константинопольского патриархата до XIII в. она занимала позиции не ниже 21-й среди автокефальных архиепископий и традиционно считалась более высокой по рангу, чем соседние с ней епархии¹. Моливдовул константинопольского патриарха Михаила I Кирулария (1043–1058), найденный в Херсоне, свидетельствует о контактах города с главой константинопольской церкви. Сохранились немногочисленные свидетельства о херсонских архиереях этого периода. В их числе две печати — архиепископов XI в. Георгия и Константина². Подписи херсонских архиепископов присутствуют под некоторыми актами заседаний патриаршего синода и поместных соборов в Константинополе³. После 1204 г. влияние константинопольских патриархов, переехавших в Никею, на церковную жизнь Таврики заметно ослабло, и предстоятели архиепископий Крыма стремились проводить независимую политику. По мнению исследователей, нет оснований полагать, что церковные епархии Крыма подчинялись митрополиту Трапезунда и что последний мог назначать им епископов⁴. Сохранение контактов епархии Херсона с константинопольским патриархатом подтверждает печать патриарха Мануила II (1244–1254), найденная в Северном районе города⁵.

Исследователи делят территорию города на районы. Северо-Восточный район, по всей видимости, был особенно богатым, в то время как ремесленная деятельность была сосредоточена в Северном районе. В низменной юго-восточной части Херсона находился Портовый район, занятый как портовыми сооружениями, так и жилой застройкой. Отдельными городскими элементами являлись центральная площадь и цитадель. Территория Южного района, представлявшего собой своеобразную периферию, простиралась вдоль южной оборонительной стены. Она связывалась с центром города главной улицей, направленной с северо-востока на юго-запад. Эта магистраль вела из Южного района к главной площади и Северо-Восточному району⁶.

С середины X в. город начал реконструкцию оборонительных стен. В надписи из Херсона сообщается о сооружении в 1059 г. стратигом Херсона и Сугдеи патрицием Львом Алиатом новых ворот претория и ремонте других городских ворот⁷.

¹ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatumum...

² *Смышков К. Д.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 125.

³ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatumum... Р. 126, 133; *Богданова Н. М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия, Средиземноморье, славянский мир. М., 1991. С. 22.

⁴ *Богданова Н. М.* К вопросу о городском управлении в Херсонесе в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. 1. С. 53–54.

⁵ *Алексеев Н. А.* Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.

⁶ *Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р.* Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 200.

⁷ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей... С. 16–18.

Видимо, необходимость в ремонте возникла из-за опасения половецких нападений. Общая протяженность крепостных стен в Херсоне составила 2,5 км с несколькими десятками крепостных башен. Они прикрывали территорию, на которой, по подсчетам специалистов, могли разместиться не менее 1000 жилых усадеб, более 20 христианских храмов и общественные постройки. Пока в Херсоне выявлено 109 кварталов. Численность его населения, вероятно, достигала 3600–5000 человек¹.

В X в. в расположенных вдоль узких улиц (ширина 3–4 м) прямоугольных кварталах, еще сохранивших раннесредневековую планировку, находились жилые усадьбы, отгороженные одна от другой каменным забором. В ходе раскопок на городище зафиксирована производившаяся в конце IX—X в. перестройка кварталов и домов. В новых кварталах за счет застройки поперечных улиц некоторые раннесредневековые кварталы объединялись в один. В них возведено больше усадеб, но меньших размеров. По улицам проложены водостоки и водопроводы. В Херсоне, как и любом византийском городе, имелись городские бани.

Кварталы Северного района состояли из четырех—шести усадеб, Северо-Восточного и Портового районов — из семи—восьми усадеб. Центральная площадь с ее восемью христианскими храмами являлась архитектурной доминантой города. Примыкающие к ней кварталы были застроены двумя—тремя крупными усадьбами богатых горожан.

В усадьбах небогатых херсонитов в глубине маленького дворика располагался одноэтажный или двухэтажный дом с двускатной или односкатной стропильной черепичной крышей. На нижнем этаже находились кладовая с углубленным в землю полом и хозяйственные помещения, на втором — жилые².

С XI в. практически в каждом квартале строились храмы во имя святого, которого считали патроном прихода. Такие домашние культовые сооружения, сложенные как на известковом растворе, так и на глине, являются отличительным признаком культового строительства рассматриваемого периода. Склеп и погребения, как правило, располагались внутри храма, под плитами его пола.

Во второй половине IX—X в. в кварталах функционировали сооруженные прежде базилики. Однако в конце IX—X в., следуя новым традициям в церковном зодчестве, херсониты начали возводить крестово-купольные храмы³. Храмы сооружали и на месте разрушенных базилик.

Выявленные при исследовании кварталов материалы говорят о преобладании в Херсоне ремесленного населения. Городские ремесленники — металлур-

¹ Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 185.

² Яковсон А. Л. Средневековый Крым. С. 60–62; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–412.

³ Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). С. 71–73.

ги, косторезы и мастера по дереву, ткачи, рыболовы — работали на заказ, являясь одновременно мелкими товаропроизводителями¹.

Раскопки городских кварталов города показывают, что жители в основном занимались коммерческой и ремесленной деятельностью, а не сельским хозяйством.

§ 2. Города Готии

В. В. Майко, А. Г. Герцен

История Херсонской фемы неразрывно связана с территорией Юго-Западной Таврики². Согласно данным сфрагистики³, во второй половине X в. в составе Херсонской фемы выделилась турма Готии⁴. Это событие связано в первую очередь с произошедшей в это время реформой византийской административной системы в Крыму. В соответствии со стандартной структурой фемы, в ее состав должны были входить три турмы⁵. Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп⁶.

С ликвидацией фемы в Херсоне в третьей четверти XI в., вероятно, изменилась администрация Готии. Отсутствуют данные об администрировании ее территории в период существования Херсонского катепаната XI — рубеж XI/XII вв., но регион, несомненно, был связан с Херсоном.

В 901–907 гг. на 44-м месте после архиепископии Боспора упоминается восстановленная Готская епархия уже в качестве автокефальной архиепископии⁷. Подчиненная константинопольскому патриархату Готская епархия переживала период наивысшего расцвета⁸. В церковных документах второй половины X — XII в. ее место постоянно повышалось. В нотиции Нила Доксопатра 1142/1143 гг. об автокефальных епархиях, в том числе и о готской, сказано, что они «подчиняются Константинопольскому престолу и не подчиняются никакому митрополиту и не имеют в подчинении епископские области»⁹. Архиепископы Готии

¹ Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. С. 80. 112–114, 152; Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории... С. 29–50, 121, 131–132.

² Айбабин А. И. Этническая история... С. 210, 211.

³ Alekséenko N. A. Un tourmarque de Gothie... P. 272; Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 230–236.

⁴ Айбабин А. И. На северной границе Византии: страна Дори-Готия в VI–X вв. // Орієнтальні студії в Україні. Київ, 2010. С. 49–57.

⁵ Тактика Льва. С. 124.

⁶ Айбабин А. И. На северной границе Византии... С. 57.

⁷ Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum // ABAW. Philosophisch-Philologische Klasse. Cl. 1. Bd. 21. Abt. 3. München, 1900. Bd. 21, Abt. 3. S. 551; Darrouzès J. Notitiae Episcopatum... P. 44, 45, 51, 52, 250, 266.

⁸ Айбабин А. И. Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 214–217.

⁹ Darrouzès J. Notitiae Episcopatum... P. 377.

стали постоянными участниками Константинопольских соборов второй половины XI—XII в.¹ В нотиции конца XII в. центром епархии назван Кадрос. В этом названии исследователи видят искаженный топоним Дорос². В связи с меняющейся экономической и политической ситуацией в Готии кафедра старшего среди архиереев епископий могла перемещаться. Центром автокефалии традиционно определялся город, отличавшийся экономической и политической стабильностью, высоким уровнем развития и политического влияния.

Города Готии (Мангуп, Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен, Алушта, Парте-нит) в XI—XIII вв. развились в малые провинциальные византийские города.

По данным археологических исследований, в X — первой половине XI в. территория Мангупского городища, как и в IX в., оставалась малозаселенной. Присутствие материалов второй половины X—XI в. ярко подтверждает раскопки жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун, с тыльной стороны северо-западной куртины цитадели³. Таким образом, жизнь на Мангупе во второй половине X в., несмотря на сокращение размеров обжитой территории, продолжалась. Обнаруженные на Мангупе византийские печати свидетельствуют о том, что имперское правительство осуществляло финансовый контроль в этом районе и регулировало торгово-экономическую ситуацию⁴.

Возникли и использовались винодавильные тарапаны, продолжали функционировать оборонительная система, некрополи. Активно использовались базилика и крестообразный храм, возникший на рубеже IX—X вв. В середине X в. произошла его перестройка, возможно связанная с пожаром⁵.

На плато Эски-Кермен находился административный центр одного из климатов.

Археологические исследования показывают, что вся территория городища была плотно застроена. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной и параллельной ей улиц. Между кварталами под прямым углом к главной улице были прослежены более узкие проулки. Кварталы состояли из одной — четырех усадеб. В усадьбах вырубали винодельни, зерновые ямы и цистерны⁶. В первой половине X в. произошла значительная перепланировка городских кварталов. Некоторые более ранние помещения уничтожались, дворы предшествующих усадеб превращались в площади, на месте помещений сооружались часовни, существовавшие, вероятно, как и в Херсонесе, практически в каждом квартале городища. Важные измене-

¹ *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 146–148.

² *Ibid.* P. 146.

³ *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Керамика IX—XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 127–151; *Они же.* К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун) // АДСВ. Екатеринбург, 2006. Вып. 37. С. 384–432.

⁴ *Герцен А. Г., Алексеенко Н. А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале. С. 60–61.

⁵ *Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 240.

⁶ *Айбабин А. И.* Город на плато Эски-Кермен... С. 240–253.

ния произошли и в погребальном обряде. На некрополе Эски-Кермена уже не сооружали подбойные могилы и склепы, на смену им пришли вырубные гробницы и склепы. Горожане хоронили умерших на самом плато в усыпальницах, вырубленных в храмах, и рядом с ними. Как и в Восточном Крыму, впервые в погребальной практике был отмечен способ захоронения в усыпальницах с последующим перезахоронением в костницах. В захоронениях отсутствует погребальный инвентарь¹.

Плато Тепе-Кермен в XII–XIII вв. было застроено жилыми домами. На северной стороне плато, у подъема с седловины, находились пещерные казематы, а по наружному краю — дозорные пещеры с амбразурами. Оборонительные сооружения состояли из двух линий стен, которые находились на двух высотных уровнях². Здесь также зафиксировано изменение погребального обряда. При этом активно использовались и погребальные сооружения предшествующего времени.

На плато Бакла в первой половине X в. прекратили существование так называемая вторая оборонительная линия Баклинского городища и синхронные ей жилые и хозяйственные постройки. На новом этапе цитадель использовали для хранения больших запасов продовольствия, в основном зерна и сушеной рыбы³. Здесь раскопана и разрушенная в XIII в. резиденция архонта: комплекс из восьми жилых и хозяйственных помещений с пифосами, дворика с пифосами и однонефной часовни. Прилегающий к цитадели посад в X–XIII вв. был густо застроен жилыми усадьбами. Усадьбы либо примыкали одна к другой, либо разделялись узкими проулками. Кварталы делились улицами шириной до 4 м. Усадьбы состояли из одноэтажных и двухэтажных помещений. В одном из помещений имелся выход в переулок или открытый двор⁴.

Распространение на городских и сельских некрополях Готии с X в. нового обряда захоронения в плитовых могилах и костницах связано с укorenением христианского мировоззрения⁵. Нивелировка погребального обряда не позволяла идентифицировать этнос погребенных. Скорее всего, к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и булгарский компоненты. Их объединили христианство и византийская культура⁶.

С середины X в., в связи с небывалым ростом византийской торговли, на всей территории Таврики значительно повысилась роль портовых городов, в том

¹ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–429. Рис. 1–2.

² Талис Д. Л. Новые материалы по истории Юго-Западного Крыма // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 94; *Он же*. Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 101–102.

³ Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища... С. 55–67.

⁴ Рудаков В. Е. Бакла — малый городской центр Юго-Западного Крыма (к постановке вопроса) // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 73–83.

⁵ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен. С. 427.

⁶ Айбабин А. И. Этническая история... С. 229.

числе расположенных на территории Готии Партенита и Алустана¹. Идриси в 1154 г. писал о Партените и Алустане (Лусте) как о густо населенных приморских городах².

После разрушений первой половины X в. вновь было отстроено крупное торжище Партенит. Археологические раскопки показывают, что последующая планировка торжища не совпала с предшествующей. На расширенных и укрепленных подпорными стенами террасах проложены новые улицы. Вдоль них возвели новые строения, отделенные узкими проулками. В домах нового строительного периода использовался строительный материал старых усадеб. Здесь тоже зафиксированы различные ремонты, перестройки, заклады дверных проемов, неоднократные укрепления покосившихся стен помещений в пределах одной усадьбы. Стены часто устраивались на остатках предшествующей постройки. Наблюдается тенденция увеличения заселенности городских кварталов, происходившей в рамках старых крепостных стен, за счет увеличения скученности построек³. Подводные исследования, проводившиеся в акватории средневекового городища и по всей акватории Крымского южного побережья, свидетельствуют о значительном объеме торговых операций⁴.

В конце X в. был реконструирован пришедший в упадок храм Апостолов Петра и Павла, вероятно, основанный святым Иоанном Готским⁵.

Во второй половине 60-х гг. X в. была восстановлена цитадель Алустана. С середины X в. упорядочена городская территория и организована квартальная планировка. На городище по соседству с византийской цитаделью раскрыты дома второй половины X—XIII в. городского посада, занимавшего 3 га склонов крепостного холма⁶.

В течение первой половины X в. большинство сельских поселений Юго-Западного Крыма прекратили свое существование⁷. На месте неукрепленных поселений возникли убежища со стенами, сооруженными зачастую по принципам византийской фортификации (Кыз-Кермен, Пампук-Кая), укрепленные монастырские комплексы (Качи-Кальон) либо сельские поселения, огражденные стенами, которые могли противостоять только кочевнической коннице (Кипиа). Крупные монастырские и хозяйственные комплексы (долины горного массива Бойка) были

¹ Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым. Крым в X — первой половине XIII в. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII вв. М., 2003. (Археология). С. 78.

² Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2. С. 244–245.

³ Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. С. 95.

⁴ Зеленко С. М. Подводные разведки на юго-восточном побережье Крыма в 1994 году // Археологічні дослідження в Україні в 1994–1996 роках. Київ, 2000. С. 47–50; Турова Н. П. Две амфоры X–XI вв. с граффити из коллекции Ялтинского музея // Вопросы эпиграфики. М., 2010. Вып. IV. С. 254–258.

⁵ Репников Н. И. Партенитская базилика. С. 91–137.

⁶ Мыц В. Л., Адаксина С. Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустана // Stratum Plus. 1999. № 6: Время денег. С. 125, 126.

⁷ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 10–185.

защищены целой системой фортификационных сооружений, которая помимо перегородивающих ущелья стен включала несколько небольших отдельных сторожевых укреплений¹.

На поселениях X–XII вв. в Ласпинской котловине прослежены усадьбы с сельскохозяйственными террасами, жилыми домами, хозяйственными строениями, хлевами и подпорными стенами. Раскопки свидетельствуют о развитой экономике Готии. На городищах и поселениях зафиксированы металлообработка, другие ремесла, рыболовство и многоотраслевое сельское хозяйство: зерноводство, огородничество, виноградарство и скотоводство².

Во второй половине XII в. письменными источниками отмечается зависимость Готии от половцев³. Однако в отличие от Восточного Крыма эта зависимость была еще более номинальной и ограничивалась выплатой установленной дани⁴. О сохранении подчинения Готии Византии свидетельствуют происходящая из Симеиза печать 1081–1118 гг. племянника императора Иоанна Комнина и найденная близ Биюк-Исара печать второй половины XII в.⁵

Готы нередко пересекали с ценным товаром половецкие степи. Так, в «Житии Антония Римлянина» мы встречаем известие о прибытии в Новгород в первой половине XII в. некоего греческого купца по имени Готфин, владевшего греческим и русским языками⁶, из-за чего некоторые исследователи считают его выходцем из Готии.

В первой половине XIII в. города Готии, становясь все менее зависимыми от херсонских чиновников, сохраняли свое стратегическое значение. Епископ Феодор в послании, составленном между 1222 и 1240 гг., писал: «Близ Херсона живут аланы, столь же по своей воле, сколь и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана». В другой части его послания идет речь о соседних с Херсоном селениях «малых аланов»⁷.

Окончательное запустение городов Готии связано, вероятно, с карательными походами золотоордынских войск. Наиболее катастрофическим был набег войск Ногая в 1299 г.⁸ Тем не менее на многих городищах и поселениях жизнь продолжала теплиться, видимо, до XV в.

¹ Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. С. 131–132.

² Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым... С. 78.

³ Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия... С. 244.

⁴ Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым... С. 80.

⁵ Алексеенко Н. А. Новые сфрагистические находки в округе византийского Херсона (К вопросу об адресатах корреспонденции) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2015. С. 19–21.

⁶ Житие Антония Римлянина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 8–35.

⁷ Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // ВВ. 1898. Т. 5. С. 17.

⁸ Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен... С. 249–250.

§ 3. Сугдея и Боспор

В. В. Майко, А. Г. Герцен

СУГДЕЯ. История Восточного Крыма в X—первой половине XIII в. имеет ряд закономерных особенностей, связанных с географическим положением этой части полуострова и теми этническими и историческими процессами, которые происходили здесь в предшествующий период.

История Сугдеи в X—первой половине XIII в. по данным письменных источников может быть реконструирована только в самых общих чертах. В 70-е гг. X в. в Византии проводилась административная реформа. Согласно данным «Эскуриального тактика» (971–975 гг.), в империи увеличилась численность стратигов, притом преимущественно небольших фем и городов¹. В перечне новых фем в «Тактиконе» названа морская фема Понта Эвксинского. Н. Икономидис считал центром этой фемы расположенный на юго-западном побережье Черного моря Боспор Фракийский². Флот, размещенный на Эвксинском Понте, в середине 70-х гг. X в. был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. И. А. Баранов, а следом за ним и В. П. Степаненко склонны локализовать центр этой фемы в Сугдее³ и датировать это событие периодом правления Иоанна Цимисхия, когда после падения Хазарского каганата и временного ослабления политической активности Руси в Причерноморье и на Балканах Византийская империя получила благоприятную возможность для расширения своих владений на всю территорию Крымского полуострова⁴. По мнению Н. А. Алексеенко, пока нет достаточных оснований однозначно сопоставлять фему Сугдеи с фемой Понта Эвксинского⁵. Сфрагистические материалы красноречиво свидетельствуют в пользу существования в Сугдее фемы с другим названием. Известны уже шесть печатей стратигов Сугдейской фемы⁶. Дата возникновения фемы остается предметом дискуссии.

В XI в. Сугдея переживала период расцвета и постепенно стала центром византийской транзитной торговли в Восточном Крыму. Подводные находки в портовой части свидетельствуют о небывалом развитии порта. Аналогичные работы в ближайшей акватории Сугдеи (Новый свет, мыс Меганом)⁷ подтверж-

¹ Бибииков М. В. Новые данные Тактика Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // ДГ. 1975 г. М., 1976. С. 88.

² Oikonomides N. Les listes de préséance Byzantines... P. 268–269.

³ Баранов И. А. Таврика... С. 154; Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в 80–90-е гг. XI в. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 128–129.

⁴ Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани... С. 254.

⁵ Алексеенко Н. А. Византийская администрация Таврики в XI в. и новая печать Льва Алиата из Херсонеса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Материалы науч. конф. Севастополь, 2016. С. 10–11.

⁶ Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. № 1. С. 83–87.

⁷ Зеленко С. М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 82–92.

дают активные экономические ее контакты с Византией. Политическую ситуацию тем не менее трудно назвать стабильной. Согласно сведениям Судакского синаксаря, в 1048–1054 гг. на Сугдею совершили набег узы-торки, закончившийся их поражением. В 1059 г. надпись из Херсона фиксирует Сугдею в составе фемы Херсона¹.

В найденных в городе археологических материалах большое количество самых разнообразных, в том числе уникальных древнерусских вещей, включая печати и монеты тмутараканских князей и миссионерские артефакты из древнерусского монастыря Тмутаракани².

В первой половине XIII в. в связи с изменениями торговых путей из Руси в Византию, проходивших теперь через Дон и Азовское море, заметно повысилось экономическое значение Сугдеи. Активное участие в посреднической торговле принимали и господствовавшие в Причерноморских степях половцы.

С распадом Византийской империи после 1204 г. Сугдея попала в зависимость от Трапезундской империи. Однако как осуществлялось административное управление городом и насколько сильной была эта зависимость, сказать сложно. С другой стороны, согласно неоднократным упоминаниям восточных и латинских авторов, Судак в первой четверти XIII в. платил дань половцам и отождествлялся прежде всего как город команов³.

На рубеже первой и второй четвертей XIII в. в ходе сельджукско-трапезундского конфликта, подробно освещенного арабским автором Ибн-ал-Биби, город был захвачен сельджуками⁴. Очевидно, время пребывания турецкого гарнизона в Судаке следует ограничить окончанием в 1230 г. трапезундско-сельджукского конфликта. Точнее определить эту дату на основании сохранившихся источников не представляется возможным. При раскопках в портовой части Сугдеи следы сильных пожаров первой половины XIII в. зафиксированы повсеместно. Однако однозначно связывать их с захватом города сельджуками преждевременно.

27 января 1223 г. под стенами Сугдеи первый раз появились золотоордынцы⁵, но это уже следующая страница его истории.

В нотиции, составленной в начале первого патриаршества Николая Мистика (901–907), в перечне таврических епархий в качестве самостоятель-

¹ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей... С. 16–18.

² *Майко В. В.* Давньоруські знахідки X–XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // *Дньє слово*. Київ, 2008. С. 311–321.

³ *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // *ВВ*. 1927. Т. 25. С. 59–65; *Брун Ф. К.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. II. С. 133; *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. С. 25–26; *Секиринский С. А.* Очерки истории Суружа IX–XV вв. Симферополь, 1955. С. 16; *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов; *Гильям де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / пер. А. И. Малеина. М., 1957. С. 90.

⁴ *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн ал-Биби... С. 53–76.

⁵ *Антонин.* Заметки XII–XV веков... С. 601. № 33.

ной архиепископии впервые упомянута сугдейская¹. Полагают, что составленная в начале X в. нотиция отражает церковно-административные изменения в Византийской империи, которые произошли ранее². На печатях архиепископ Сугдеи Петр впервые упомянут во второй половине X в.³ Из восьми архиепископов Сугдеи известны имена первых шести — Константина, подписавшего в 997 г. соборный акт, Арсения, поставившего в 1026 г. свою подпись на патриаршем акте, Евфимия, Петра, Климента и Захария, умерших между 1087 и 1156 гг. По мнению В. В. Кропоткина, после разрушения поселения Фуллы на плато Тепсень в середине X в. Сугдейскую и Фулльскую епархии объединили в сугдо-фулльскую⁴. В списке иерархов Сугдеи первым сугдо-фулльским епископом назван Константин (966–969). Согласно «Церковной истории» Никифора Ксантопула, это объединение датируется периодом правления Алексея I Комнина (после 1082 г.)⁵. В *Notitia episcopatum* это событие впервые зафиксировано в XII в.⁶

На протяжении XIII–XV вв. не единожды происходило объединение и разединение Сугдейской и Фулльской епархий⁷. Сказанное подтверждает и список иерархов епархий, составленный М. Нистазопуло на основании данных так называемого Судакского синаксаря и некоторых других источников⁸. Иерархи объединенной Сугдо-Фулльской епархии упоминаются с 70-х гг. XIII в. и вплоть до 1472/1473 г., с более или менее значительными перерывами. Вероятнее всего, в последней четверти XIII в. Сугдо-Фулльская епархия была возведена в ранг митрополии. Однако имена ее митрополитов, за исключением Евгения, управлявшего делами епархии с 1347 по 1386 г., неизвестны.

Археологические исследования, регулярно проводящиеся в Сугдее с 1963 г., свидетельствуют о том, что слой X — первой половины XIII в. и связанные с ним разнообразные объекты фиксируются по всей площади городища⁹.

В середине X в. в Сугдее стала меняться материальная культура. Во второй половине X в. жители города перестроили существовавшие дома, сооружая вторые этажи. В отличие от предшествующего периода застройка на участках, где это

¹ *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenugend veröffentlichte Texte... S. 551; *Darrouzès J.* *Notitiae Episcopatum*... P. 53–78, 273–274; *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 143–144.

² *Darrouzès J.* *Notitiae Episcopatum*... P. 53–78, 273–274; *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве... С. 143–144.

³ *Stepanova E.* New seals from Sudak // *Studies in Sigillography*. 1999. Vol. 6. P. 47–48; *Степанова Е. В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 104.

⁴ *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма. С. 202–203.

⁵ *Λυσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ Π⁷ μέχρι τοῦ ΙΕ⁷ αἰῶνος. Αθήναι, 1965. Σελ. 85–86.

⁶ *Darrouzès J.* *Notitiae Episcopatum*... P. 133.

⁷ *Λυσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία... Σελ. 86.

⁸ *Ibid.* Σελ. 92–99.

⁹ *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. С. 53–188.

позволял рельеф местности, приобрела ярко выраженную квартальную планировку, сближающую ее с планировкой Херсонеса. Территория городища расширилась. Начался капитальный ремонт фортификационных сооружений, использовавшихся на протяжении всего предшествующего периода. Сложная и нестабильная политическая обстановка заставляла приводить городскую оборону в соответствие с требованиями византийской фортификации.

На находящихся за пределами крепостных стен городских некрополях сооружались небольшие однонефные базиликального типа христианские храмы. Несомненным новшеством в городской инфраструктуре стало возникновение крупного общегородского зольника, расположенного с внешней стороны крепостных стен. Судя по погребальным сооружениям и набору керамических сосудов, в Сугдее в составе полиэтничной городской общины жили и тюрки.

БОСПОР. История Боспора в X–XIII вв. известна нам в самых общих чертах и неразрывно связана с событиями, происходившими в Сугдее и Восточной Таврике. Вопрос о политической подчиненности Боспора в первой половине X в. остается одним из дискуссионных в крымской медиевистике. В письменных источниках отсутствует информация о византийских чиновниках на Боспоре.

Вероятно, в третьей четверти X в. политическое положение Боспора было крайне нестабильным. То активное, то пассивное противостояние Византии и Руси, имевших многочисленные внутренние и внешние проблемы, позволяло местным властям Боспора поддерживать отношения с двумя государствами. В этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка до середины 70-х гг. X в. была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40–50-е и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием¹, балансирующим в разные периоды между Киевской Русью, Хазарией и Византией².

Согласно «Эскуриальному тактикону», составленному в период правления Иоанна Цимисхия (969–976) или в первые годы правления Василия II (976–1025), из состава фемы Херсон выделяется отдельная фема Боспор, стратег которой, занимая одно из самых низких мест в иерархии, фигурирует вместе с правителями других крымских фем — Херсона и Понта Эвксинского³. Фема Боспора появилась между 934/944 и 971/975 гг. В табели о рангах 934–944 гг. отсутствует стратег Боспора. В документе 971–975 гг. боспорский стратег помещен последним в списке всех византийских стратегов, а перед ним находятся стратеги фем, созданных в 960-х гг. — начале 970-х гг., следовательно, боспорскую фему учредили незадолго до составления тактикона⁴.

¹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 170–171.

² *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 133.

³ *Oikonomidès N.* Les listes préséance Byzantines... P. 268–269.

⁴ *Храпунов Н. И.* Администрация византийского Херсона (конец IV — XI в.). Киев, 2009. Л. 118–126.

Несмотря на очевидный незначительный статус боспорского стратига, его присутствие в официальном документе красноречиво свидетельствует о включении этого региона в орбиту византийского административного управления. Согласно данным сфрагистики, на рубеже X–XI вв. на Боспоре известен стратиг Аркадий. Началом XI в. датируется и печать спафария Боспора Георгия Цулы, известного по письменным источникам¹. Косвенным свидетельством присутствия византийской администрации на Боспоре являются печати разнообразных византийских чиновников, адресовавших свои послания чиновникам Боспора².

Вхождение Тмутаракани в состав Древней Руси в конце 980-х гг. не могло не сказаться еще и на усилении политического влияния последней на Боспор. Вероятно, влияние еще более усилилось после похода 988 г. на Корсунь.

Не исключено, что упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и, соответственно, Кедрином восстание 1015 г. под предводительством Георгия Цулы и ответная экспедиция византийского флота в 1016 г. были связаны с Боспором. Видимо, административная реформа 70-х гг. X в. не окончательно ликвидировала самостоятельность Восточного Крыма, и местное население поддержало своего земляка Георгия Цулу. Поэтому именно Боспор представляется наиболее логичным местом для восстания.

В третьей четверти XI в., после окончательного оформления протектората черниговских князей над Тмутараканью, наступает период ее наивысшего расцвета. Не исключено, что на непродолжительное время Боспор был потерян империей и перешел под протекторат княжества. Именно в это время появилось и русское название Боспора — Корчев. Впервые оно запечатлено на знаменитом Тмутараканском камне с высеченной надписью об измерении князем Глебом Святославичем Керченского пролива по льду в декабре 1067 или январе 1068 г. «От Тмутороканя до Корчева» оказалось 14 000 сажений³. Надпись, подлинность которой бесспорна, является главным аргументом в вопросе о подчинении Боспора Тмутараканью. Длина, указанная в надписи, полностью соответствует расстоянию между тмутараканской церковью Пресвятой Богородицы 1022 г. и церковью Иоанна Предтечи в Корчеве. Не исключено, что обе они и послужили основными реперами при измерении в 1067 г.⁴ Невозможность промеров без посещения князем Боспора очевидна.

В результате многолетних археологических исследований на территории Боспора обнаружены печати тмутараканских князей и чиновников — две печати

¹ *Georgius Cedrenus*. Ioannis Scylitzae ope Ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnæ, 1839. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Vol. II. P. 232.

² *Алексеевко Н. А.* Боспор в сфере интересов византийской администрации Таврики во второй половине X в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь, 2005. С. 5–7; *Степанова Е. В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.

³ *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979.

⁴ *Макарова Т. И.* Боспор — Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... С. 68–73.

Олега-Михаила, печать посадника Ратибора и, возможно, спорная печать Михаила Матарха¹. Более важным аргументом является находка монеты Олега-Михаила тмутараканской чеканки в древнейшем горизонте корчевского кладбища. Раскопками зафиксирован и массовый древнерусский археологический материал, представленный овручскими пряжами, браслетами и крестами².

Очевидно, это был не слишком длительный период наибольшего расцвета Тмутаракани, пришедшийся на середину — третью четверть XI в. В середине 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно стала возвращать прежнее влияние как в Восточном Крыму, так и на Тамани.

Тем не менее аргументов для окончательного суждения о подчинении Боспора Тмутаракани в третьей четверти XI в. пока недостаточно. Можно согласиться с тем, что говорить о прямой политической зависимости преждевременно. Не исключено, что обнаруженные в Керчи монеты и печати, связанные с Тмутараканью, являются в первую очередь показателями взаимовыгодных товарно-денежных отношений между Тмутараканью и провинциальным византийским городом³.

К концу XI в. при Алексее I Комнине Боспор, как и Таматарха, вернулся под власть Византии. Предполагается, что император был заинтересован в освоении нефтеносных районов: многочисленные обломки специальных кувшинов, содержащих нефть, употребляемую для получения «греческого огня», обнаружены как на Тамани, так и на Боспоре. Вместе с тем сохранялись традиционные отрасли экономики: земледелие и рыболовство (свидетельство тому — множество цистерн для засолки рыбы на Боспоре и в пригороде Тиритаке). Археологические материалы свидетельствуют о проживании в городе кочевников.

В течение XII в. власть Византии на Боспоре в связи с усилением половецкой опасности постепенно ослабевает. Однако еще в конце XII в. на берегах Боспора сидел византийский податный сборщик⁴. Идриси в подорожнике 1154 г. упоминает Бататр (Керчь?) и Матарху: «Город этот густо населен и весьма цветущ, в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев»⁵.

В начале XIII в., после падения Константинополя и фактического распада Византии, Боспор, вероятно, тоже перешел в непродолжительную номинальную зависимость от Трапезундской империи. Православное греческое население на Боспоре в первой половине XIII в. фигурирует в «Аланском послании» епископа Феодора. Византийский епископ, направлявшийся в Аланию с миссионерской целью, застал на Боспоре христианскую общину во главе с епископом при номинальной

¹ Степанова Е. В. Византийские печати... С. 365.

² Макарова Т. И. Боспор — Корчев. С. 68–73.

³ Чхаидзе В. Н. Тмутаракань в XI в. и Восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 317.

⁴ Каждан А. П. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93–101.

⁵ Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия... С. 244–245.

власти одного из кочевых вождей, скорее всего половецких¹. Вероятно, команы совершали периодические набеги на город и в начале XII в. По мнению Т. И. Макаровой, раскопанные ей жилые кварталы были разрушены именно в это время².

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что жизнь в городе продолжалась и во второй половине XIII — XIV в.

В notiциях времени императоров Льва VI (886–912) и Константина Багрянородного (945–959) вновь упоминается об архиепископии Боспора. Это подтверждают и данные сфрагистики. Известны моливдовулы двух иерархов Боспорской епархии второй половины X в. В правление Алексея I Комнина при патриархе Евстратии была проведена церковная реформа (1081–1084 гг.), по которой крымские архиепископии Херсона, Сугдеи и Боспора были отделены от диоцеза Зихия. В 1095 г. говорится о присоединении к ней Тмутараканской епархии. В XII в. Боспорская епархия подчинялась непосредственно Константинопольскому патриарху.

На территории Боспорского городища обнаружены материалы второй половины X — XII в. В районе церкви Иоанна Предтечи открыты остатки пяти домов, в плане образующих единый комплекс, расположенный по двум сторонам улиц, пересекающихся под прямым углом³. Здесь же был исследован еще один городской квартал, где открыты остатки двух сооружений. Практически полностью исследованы храм Иоанна Предтечи и его долговременный некрополь. До середины X в. городские некрополи Боспора располагались на вершине и склонах горы Митридат. Однако во второй половине X в. произошли кардинальные изменения в городской топографии. Границы города сократились, некрополи переместились ближе к ним. По мнению исследователей, указанные некрополи очерчивают южную границу Боспора этого времени.

О значительной роли торговли свидетельствуют подводные исследования, проводившиеся как в Керченском проливе, так и в акватории поблизости от Боспора⁴.

§ 4. Печенеги и половцы

В. В. Майко, А. Г. Герцен

В истории средневековой Таврики X–XIII вв. особую роль играли кочевые тюркоязычные племена, прежде всего печенеги и кипчаки, названные в древнерусских летописях половцами, а в латинских — команам, или куманам.

К сожалению, сведения византийских, древнерусских, итальянских и восточных письменных источников немногочисленны, часто противоречивы и субъективны. В основном в них нашли отражение наиболее важные эпизоды внешне-

¹ Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. XXI. С. 11–27.

² Макарова Т. И. Боспор — Корчев по археологическим данным. С. 121–146.

³ Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи... С. 344–393.

⁴ Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Византийские амфоры со дна Керченского пролива // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII. С. 308–317.

политической ситуации и социальной организации кочевников. Описание образа жизни степняков встречается намного реже. Фрагментарность этих известий превращает археологические памятники в ценнейший источник информации по этнокультурному составу, социальной структуре, материальной и духовной культуре номадов.

Большая часть известных в Северо-Западном, Центральном и Восточном Крыму могил кочевников X–XIII вв. была выкопана в насыпи курганов. Реже фиксируются грунтовые погребения и некрополи, расположенные возле крупных городов (Херсон, Сугдея) либо возле зимовий и торговых пунктов (Евпатория). С. А. Плетнева разделила кочевнические могилы X–XIII вв. на три хронологические группы. Погребения первой группы (X—начало XI в.) оставлены печенегами, второй группы (XI в.) — торками, а третьей группы (XII–XIII вв.) — половцами¹. Г. А. Федоров-Давыдов связывает погребения первого периода (конец IX—XI в.) с печенегами и торками, а второго и третьего периодов — с половцами². А. И. Айбабин аргументированно разделил рассматриваемые погребения на одиннадцать типов, которые сопоставляются с пятью хронологическими этапами, начиная с первой половины X в. и заканчивая серединой XIV в.³ По конструкции и особенностям погребального обряда могилы первого, третьего и шестого типов характерны для печенегов, могила пятого типа — для торков, могилы седьмого — десятого типов — для половцев, а могилы четвертого и одиннадцатого типов — для пенежско-половецкого населения.

После ослабления Хазарского каганата в конце IX в. печенеги в стремлении расширить территорию кочевания перешли Волгу и появились в восточноевропейских степях⁴. Экспансии способствовали давление огузского и кыпчакского союзов и природные факторы, связываемые с ухудшением климатических условий в местах прежних кочевков. Новый поток номадов представлял собой не единый этнос, а союз племен во главе с численно преобладающими печенежскими родами⁵.

По сообщениям хроники Регино и Константина Багрянородного, в 889 г. печенеги разгромили венгров и захватили степи Северного Причерноморья⁶. По мнению исследователей, вторгшиеся в конце IX в. в донские владения Хазарии печенеги только прошли по ним, обосновавшись на землях много западнее, и в первой половине X в. устоявшийся в Хазарии порядок сохранялся до похода Святослава⁷. В Крыму печенеги, вклинившись между Хазарией и подвластными

¹ Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 214–216.

² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 134–150.

³ Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым... С. 74–81.

⁴ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 65.

⁵ Артамонов М. И. История хазар. С. 345.

⁶ Там же. С. 350.

⁷ Плетнева С. А. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. № 2. С. 97–107.

ей крымскими городами, лишь ненадолго прервали их экономические связи¹. Уровень интересов печенегов на полуострове вполне вписывался в схему «мирного сосуществования» и не нарушал ромейского статуса владений империи. В трактате «Об управлении государством» сказано и о расселении кочевников в степях Крыма: «Она (область печенегов. — *Авт.*) очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору»².

В анонимном персидском географическом труде X в. номады разделены на две ветви — тюркскую и хазарскую³. Хазарские печенеги кочевали в Предкавказской степи, в междуречье Дона и Кубани⁴. По сообщению Константина Багрянородного, «четыре колена Печенегов, именно округ Кварципур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон, лежат за рекою Днепром, будучи обращены к восточной и северной сторонам — к Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим климатам»⁵. Вероятно, в первой половине X в. орда Вороталмат или Вулацопон хазарских печенегов проникла в Крымское Присивашье, использовавшееся в качестве сезонных кочевий. Именно здесь открыты все наиболее ранние печенежские погребения с вещами X в.⁶

После окончательного падения Хазарии с середины X в. печенеги стали основным фактором византийской внешней политики, прежде всего в Крыму. Об этом прямо говорится уже в первой главе трактата «Об управлении государством»⁷.

Константин Багрянородный настоятельно рекомендовал использовать степняков для сдерживания Руси: «Когда царь Ромейский живет в мире с Печенегами, то ни Русь, ни Турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу... а Печенеги, связанные дружбою с Императором... легко могут нападать на земли Руссов»⁸. Эта политика успешно использовалась наследниками автора трактата на протяжении всей второй половины X в.

В жизни печенежских орд, кочевавших вблизи крымских городов, произошли закономерные изменения. В связи с окончательным оформлением государственности в Древней Руси, Волжской Болгарии, западноевропейских государствах и с превращением Константинополя в мировой центр торговли вторая половина X в. характеризуется небывалым расцветом византийской торговли. Приморские крымские города становятся крупными транзитными центрами. Печенеги хорошо освоили маршруты, ведущие через равнины полуострова к главным торговым

¹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 282. Примеч. 14.

² Там же. С. 157, 159.

³ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С. 213; *Она же*. Половцы. М., 1990. С. 9.

⁴ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи. С. 213; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 351.

⁵ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 157; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 9–12.

⁶ *Айбабин А. И.* Степь и Юго-Западный Крым... С. 77.

⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 37.

⁸ Там же. С. 39.

городам — Херсону, Боспору и Сугдее. Степняков интересовали изысканные ткани, шелк и бархат, тонко выделанные красные кожи, специи. При раскопках Сугдеи и Боспора, как и Тмутаракани, получены свидетельства проживания печенегов в городах.

В начале XI в. некоторые печенежские орды приняли ислам, а другие — христианство. Но, вероятно, печенеги, кочевавшие в степях Причерноморья, Приазовья и Крыма, оставались в основном язычниками. В погребальном обряде средневековых кочевников Таврики практически не фиксируются мусульманские и христианские черты.

В начале XI в. в восточноевропейские степи вторглись гузы — узы (торки) и разгромили печенегов, которые бежали к Дунаю и стали переходить на территорию Византии¹. Часть печенегов осталась в Северном Причерноморье, но господство в степях в середине XI в. на непродолжительное время перешло к узам, кочевавшим и на территории Крымского полуострова. Археологические свидетельства их пребывания на территории Крыма практически отсутствуют. Согласно приписке на полях Сугдейского синаксаря, не исключено, что в период правления византийского императора Константина IX Мономаха (1042–1054) узы совершили между 1048–1054 гг. набег в Таврику.

В третьей четверти XI в. в Приазовье вторглись кипчаки — команы — половцы². Остатки смешанных печенежско-торческих родов продолжали кочевать в крымской степи и после вторжения половцев³.

Крымские равнины половцы стали активно использовать с первой половины XII в. Донецкая орда шары-кипчаков начала поиск новых земель и расселилась дальше на запад, что продолжалось и во второй половине XII в. Она заняла правобережье Днепра (до Ингульца) и крымские степи, о чем можно судить по распространению каменных изваяний, отмечавших курганы с захоронениями половцев⁴. Отсюда они продолжили набеги на Русь и Византию, в чем достигли больших успехов⁵. Византия предпочитала быть с ними в союзе, осуществляя связи через Херсон и Сугдею (Судак).

О пребывании половцев в Крыму сообщают несколько письменных источников. По словам Анны Комнины, в 1092 г. «страна куманов» находилась вдали от византийского Херсона⁶. В написанном в 1154 г. труде арабский географ ал-Идриси называет Ялту городом куманов: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город, [принадлежавший] к стране ал-Куманийя»⁷. Видимо, с середины XII в. куманы не только господствовали в степной части

¹ Плетнева С. А. Половцы. С. 21.

² Там же. С. 214.

³ Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым... С. 81.

⁴ Плетнева С. А. Половцы. С. 39–40.

⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е4–2). С. 17–18.

⁶ Анна Комнина. Алексиада / пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 266.

⁷ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 49, 167.

полуострова, но и взимали дань с некоторых портовых городов¹. Это единственная информация о пребывании половцев на Южном берегу Крыма. Крайняя южная граница распространения их погребений проходит равнинной частью полуострова, по правобережью нижнего течения реки Качи². Кочевники не стремились втягиваться в лабиринты горных проходов. Они предпочитали договариваться с горцами о плате за спокойную жизнь.

История половцев во второй половине XII в. характеризуется заметными изменениями, происшедшими в их внутренней политике, а именно — образованием в степях нескольких крепких объединений орд и отделением восточных половцев от западных команов. С. А. Плетнева, сопоставив данные русских летописей с картой распространения половецких каменных изваяний, выделила восемь объединений половцев. Одно из них она поместила в известном по русским летописям Лукоморье, которое находилось в Западном Перекопе. С лукоморскими половецами граничили кочевья Крымского объединения³.

Разделив степи между ордами, половцы тем самым ограничили территорию передвижения по степи каждой отдельной группировки. Сезонные перекочевки велись внутри принадлежавшей орде территории.

Земли в окрестностях Евпатории, Симферополя, Феодосии и на Керченском полуострове были облюбованы ими для зимовок⁴. На зимниках устраивались таборные стойбища, обраставшие постепенно кладбищами. Как и большинство кочевников, половцы обычно использовали для захоронений древние курганы. Однако возле зимников умерших хоронили в обычных грунтовых могилах. Такой некрополь был раскопан на берегу соленого озера Сасык, недалеко от Евпаторийского порта. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь хорошо иллюстрирует быт половцев, обитавших здесь в XIII–XIV вв.⁵

Важнейшим источником для изучения крымских половцев являются каменные изваяния. Наиболее полная сводка половецких статуй, в том числе и почти всех крымских, опубликована С. А. Плетневой. В Крыму известны лишь реалистичные скульптуры развитых типов, характерные для XII в.⁶ Каменные изваяния всегда воздвигали на высоком месте, в специально оборудованных святилищах⁷. Одно из таких святилищ П. Н. Шульц раскопал в Евпаторийском районе⁸.

Половцы быстро поняли всю выгоду тесного общения с торговыми крымскими городами. Подкочевывая к их стенам, подгоняя к ним скот и пленных, они

¹ Айбабин А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277.

² Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым... Рис. 6, 17.

³ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. С. 21–23. Рис. 5.

⁴ Айбабин А. И. Города и степи Крыма... С. 278–279.

⁵ Анохин В. В., Приднев С. В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Т. 1. С. 435–453.

⁶ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. С. 70.

⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 191–192; Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. С. 73.

⁸ Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3. С. 254.

отнюдь не стремились взять, разграбить и сжечь их, как делали обычно на русском пограничье. Из крымских городов шли в степи роскошные вещи и драгоценные ткани, предметы местного ремесленного производства, вина в амфорах и т. д. В повествовании Ибн-ал-Биби сообщается о том, что Судак в первой четверти XIII в. платил дань половцам¹. Арабские историки XIII в. писали о Судаке как о городе кипчаков². По словам посетившего Крым в 1253 г. монаха Гийома де Рубрука, «между Керсоной и Солдаией (так итальянцы называли Судак. — Авт.) до прихода Татар обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань»³. Ибн-ал-Асир называл Судак главным городом кипчаков: «Это город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря, и к нему пристают корабли с одеждами: последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобы, белки и другие предметы, находящиеся в земле их»⁴.

Непосредственно под крепостными стенами изучен крупный могильник, где умерших хоронили исключительно по кочевническому обряду погребения⁵. В погребальном инвентаре, в отличие от обряда, присутствуют и христианские черты. С половцами связывается и появление типичного для Средней Азии и Приаралья декора на керамике, встреченного в Горном Крыму в слоях XII–XIII вв.

Крахом половецкой государственности явилось появление в Восточной Европе татаро-монгольских войск. Вероятно, часть половцев Крыма, как и их соплеменников в донских и азовских степях, была уничтожена. Однако значительная группа осталась на прежних местах кочевания. В Северо-Западном Причерноморье кипчакское население было покорено завоевателями. На основе его сформировался тюркоязычный этнос, известный с XIV в. как ногайцы. Пожалуй, наиболее определенные сведения о слиянии монголов и половцев сообщает арабский автор XIV в. Эль-Омари: «В древности это государство [Золотая Орда] было страной кипчаков, но когда им завладели татары [монголы], то кипчаки сделались их подданными. Потом они [монголы] смешались и породнились с ними [кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами...»⁶

Данные письменных источников полностью подтверждают и археологические раскопки. Помимо уже упоминавшегося зимника близ Евпатории, который датируется не ранее середины XIII в., в крымской степи открыт целый ряд кочевнических погребений с достаточно богатым погребальным инвентарем, который так-

¹ Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25. С. 59–65.

² Брун Ф. К. Черноморье... С. 133; Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 26; Секиринский С. А. Очерки истории Сурожя... С. 16.

³ Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. С. 90.

⁴ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 25–26.

⁵ Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 78–80.

⁶ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 235.

же появился не ранее этого времени¹. Количество этих погребений постоянно увеличивается. Ярким свидетельством является и продолжение функционирования кочевнического могильника возле крепостных стен Сугдеи на протяжении второй половины XIII — первой половины XIV в. С подчинением крымских половцев начался длительный многовековой процесс формирования крымско-татарского этноса.

---

¹ *Айбабин А. И.* Степь и Юго-Западный Крым... С. 81.

Глава 12

Крымский улус в составе Золотой Орды. Середина XIII — первая половина XV в.

§ 1. Первый период джучидского освоения Крыма (1223–1260 гг.)

А. Г. Герцен, И. В. Зайцев

Монголы ворвались на Крымский полуостров, преследуя одну из крупнейших половецких орд. Современник этих событий арабский летописец Ибн ал-Асир сообщает об этом так: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море...»¹

Это известие дополняется первым упоминанием о появлении татар в Таврике, содержащемся в Судакском синаксаре. 27 января 1223 г. в синаксаре сообщается: «...в этот день впервые пришли татары...»². Синаксарь содержит еще упоминание о татарских нападениях на Судак в 1239 г.³

Первое появление монголов в Европе носило характер набега. Но вернувшиеся в 1242 г. из похода на Польшу и Венгрию монголо-татары прочно осели в Крыму. Сама метрополия Трапезунд признала верховный сюзеренитет великих ханов в 1244 г.

К 1260 г. завершился первый период джучидского освоения полуострова путем его вхождения в военно-административную систему государства Джучидов. Крым превратился в провинцию Золотой Орды на южной границе империи.

Для понимания политической структуры Крыма в середине XIII в. важны сведения Гийома де Рубрука. Он высадился в Солдае 21 мая 1253 г. и проследовал к Перекопу. Им достаточно подробно были записаны интересовавшие его сведения о географии полуострова и населявших его народах. В целом за полуостровом тогда уже закрепилось наименование Газария, использовавшееся в основном латино-

¹ *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 26.

² *Νύσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Τῆ Ταυρικῆ Χερσονήσῳ Πολίς Σουδαία. Αθήναι, 1965. Σελ. 12, 25.

³ *Ibid.* Σελ. 119, 120.

язычными купцами, хотя Рубрук приводит и его греческую транскрипцию и этимологию: «Кассария», или «Цезария», т. е. «цезарская», что являлось у местного христианского населения, вероятно, реминисценцией ситуации не менее чем полувекковой давности¹.

Даже после восстановления Византийской империи в 1261 г. она уже не обладала в Крыму сколько-нибудь прочными политическими позициями, сохранив лишь контроль над церковной жизнью².

Солдайя была тогда значительным черноморским торговым городом. Во главе города стояли начальники (*capitaneos*), судя по словам Рубрука, из местных христиан. Причем он вел переговоры с их заместителями, так как сами начальники отравились с данью к Батью, т. е. город де-юре находился в составе Золотой Орды.

В дальнейшем, отправившись в путь на повозках на север, Рубрук получил от своих спутников сведения о существовании между Солдайей и Херсоном неких «сорока замков», населенных готами, говорящими по-немецки (*quorum idioma est Teutonicum*). Эти замки до прихода татар платили дань команам, жившим на равнинах полуострова, тянувшихся к северу от гор «на пять дневных переходов», до самого перешейка. От очевидца Рубрук узнал, что преследуемые татарами половцы бежали в огромном количестве на полуостров, где у них начался ужасающий голод, доводивший до людоедства. Опустошение этой территории было столь катастрофическим, что до самого Перекопа путешественники не встретили ни одного селения, ни одной живой души³.

Несмотря на прямые негативные последствия монгольского завоевания, с середины XIII в., судя по археологическим источникам, на территории полуострова наблюдался демографический взрыв. Возникло огромное количество новых поселений, что было следствием благоприятных экономических условий.

§ 2. Становление улуса (1260-е — 1314 г.)

А. Г. Герцен, И. В. Зайцев

В XIII в. Степной Крым и некоторые земли в Крымских горах в составе собственно золотоордынской территории были разделены на традиционные ордынские тумены (тьмы) во главе с наместниками (эмирами) из числа племенной ордынской знати. Тумены в свою очередь могли делиться на более мелкие фискально-административные единицы (иль).

Темниками были представители родовой аристократии. Слово «темник» уже к концу XV в. не встречается в источниках. Но еще и XVI в. некоторые крымские

¹ *Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. С. 89.*

² *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 172.*

³ *Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. С. 89–91.*

карачи-беки изредка называли себя темниками. Так, например, в 1534 г. в своем письме в Москву называет себя барын Ян-Али: «Барын темник великой карач от Ян-Али князя челом бьет»¹.

Наряду с такой десятичной системой административного деления крымские земли входили (видимо, параллельно) в более традиционную улусную систему, в которой наделы-улусы связывались с конкретными их обладателями². По мнению ряда исследователей, в XIII в. Крым составлял отдельный единый улус в рамках общеджучидского правого крыла³. Но это вряд ли так: очевидно, итальянские фактории южного берега сохранили автономию.

В XIV в., по сведениям ал-Калкашанди (1355–1418), Золотая Орда делилась на десять округов-климатов (иклим). Три из них имели непосредственное отношение к Крымскому полуострову — собственно Крым, Азак (Азов) и Ас. Крым перечисляется ал-Калкашанди как четвертый округ с центром в г. Солхат (Сулгат), но в его состав входили еще Судак, Каффа и поволжский Укек (Увек). В пятый, Азакский округ входила, помимо его столицы Азака (Азова), еще Керчь (ал-Карш). Девятый климат — «страна Ас» с центром в Кырк-Йере. Таким образом, полуостров в целом был разделен между тремя улусами. Главные итальянские порты на южном берегу (Судак и Каффа) имели самую прямую связь с Солхатом, куда платили выход и торговые налоги, и, видимо, именно в этом смысле и составляли с ним один административный округ. Важно отметить столичный статус улусного Кырк-Йера.

Столицей Крымского улуса и резиденцией улусного эмира стал город «Къырым» — Крым, построенный золотоордынцами на юго-востоке Крымского полуострова, в долине реки Чурук-Су, на южном склоне горы Агармыш. Здесь, возможно, в 1257 г. (до 1280 г.) началась чеканка первых крымских монет. Это были анонимные серебряные дирхемы от имени улусных наместников, без тамги, с легендой «амир» и «кырым». Возможно, между 1257 и 1267 гг. в Солхате чеканили серебряные монеты (под названием «ярмак») от имени правителя крымского тумена Темир-Буки.

Город Крым являлся транзитным и таможенным центром Крымского полуострова до середины XIV в. Город этот не имел ни античного, ни раннесредневекового прошлого и был построен завоевателями на пустом месте с единственной, видимо, целью — контролировать выходы торговых караванов через крымское предгорье в степь и, с 1260-х гг., в Генуэзскую Каффу⁴.

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 53 об.

² См.: *Почекаев Р. Ю.* К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением // *Сибирский сборник* — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 177–178.

³ *Трепавлов В. В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 31.

⁴ *Крамаровский М. Г.* Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* М., 2009. С. 395.

Со временем название города Крым постепенно перешло на весь Крымский полуостров. Таврика стала Крымом. Это название вытеснило, как считал В. В. Бартольд, название Солхат на рубеже XIV–XV вв.¹

В это же время (XIII в.) на караванном пути из Степного Крыма на южное побережье, в восточной части полуострова, был построен город Карасубазар — «Базар на реке Кара-су», быстро ставший одним из самых многолюдных и богатых городов улуса.

Ранняя история Солхата известна благодаря данным письменных источников о многочисленных посольствах второй половины XIII в. Интенсивные дипломатические отношения между Золотой Ордой и Египтом выросли на почве длительной и упорной борьбы Берке-хана (1257–1266) с монгольскими правителями Ирана Хулагу и Абагой. Инициаторами их были как сам монгольский хан, так и египетский султан Бейбарс (1260–1277)². Сближение Сарая и Каира подготовило почву для исламской торговли в Дешт-и-Кыпчаке. С момента образования Монгольской империи одной из наиболее прибыльных статей торговли с Египтом стала работорговля. Как известно, Дешт-и-Кыпчак была самой пригодной страной для получения большого количества рабов. До середины XIV в. основной контингент египетских мамлюков состоял из тюрок, а затем выходцев из Северного Кавказа, которых покупали у генуэзских купцов, привозивших рабов из Крыма и Приазовья. Однако при раскопках Солхата материалы третьей четверти XIII в. встречаются достаточно редко³.

В 1265 г. из Малой Азии в Крым переселилась большая группа турков-сельджуков во главе с сыном иконийского султана Изз-ад-дином Кайкавусом⁴, получившим временно в удел Солхат и Судак⁵.

В конце XIII в. центральная власть в Золотой Орде начала слабеть, усилились главы отдельных улусов, входивших в ее состав. В частности, на ее западной окраине, между Днепром и Днестром, выдвинулся темник Ногай. В борьбе за Крым Ногай, который был побочным сыном Джучи и поэтому не имел права на ханское достоинство, вступил в открытую войну с законным ханом Токтой (1291–1313)⁶.

Правивший в Золотой Орде хан Тохта был обязан своим восшествием на престол Ногаю. По некоторым сведениям, в благодарность за поддержку Токта подарил Ногаю Крым⁷. Однако в дальнейшем между ними разгорелась вражда.

¹ Бартольд В. В. Крым // Сочинения. М., 1965. Т. 3: Работы по исторической географии. С. 467–468.

² Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 172.

³ Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 153, 154.

⁴ Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен... С. 249.

⁵ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 263; Бартольд В. В. Крым. С. 467.

⁶ Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской академии наук. Пг., 1922. Т. XIII, № 6. С. 22, 23.

⁷ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 60–61, 69.

Хан боялся всевластного временщика, пользовавшегося огромным влиянием в Орде. От отца Ногай унаследовал земли между Днепром и Днестром. Укрепив здесь свое влияние, он начал распространять его и на другие улусы. В течение тридцати лет Ногай вел борьбу за власть в Золотой Орде. В 1298 г. конфликт между Токтой и Ногаем вылился в открытое столкновение, в котором войско Ногая одержало победу, после которой для сбора податей с населения в Крым был послан внук Ногая Атаджи. Вероятно, несмотря на формальную передачу прав на Крым от Токты к Ногаю, реально на полуострове это признано не было, что обернулось убийством посланца генуэзцами в Каффе. Причиной последовавшего за этим событием похода Ногая в Крым была не только месть, но в большей степени стремление принудить к выплате дани¹. Это ясно вытекает из сообщения восточного летописца Ибн Муфаддала о том, что Судак вынужден был платить пошлины «четырем татарским царям»², Ногай был бы пятым. Расправа с жителями была крайне жестокой, лишь треть их спаслась от резни. Другой летописец Рукнеддин Бейбарс писал, что «Ногай отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся там купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Йери, Керчь»³. Об осаде и разгроме в 1298–1299 гг. Ногаем Судака сообщает приписка на полях Судакского синаксаря⁴. Судя по археологическим материалам, тогда же был уничтожен город на плато Эски-Кермен⁵.

Ясно, что основной целью Ногая было не обойти грабежом весь полуостров, а решить весьма жестокими мерами задачу — перевести на себя поток податей, которые до этого уходили в Орду. В этом сообщении нужно учесть, что в XIII в. название Крым употреблялось исключительно по отношению к городу с таким названием, известному также как Солхат, и «крымцы» могли быть только его жителями, а не обитателями других городов или полуострова в целом. Это подтверждает рассказ арабского историка Ибн Абд аз-Захыра о посольстве египетского султана Бейбарса к Берке-хану в 1288–1289 г.: «...потом они взобрались на гору, называемую Судак; [здесь] встретил их правитель местечка Крым, которое населяют люди разных наций, как то: Кипчаки, Русские и Аланы»⁶. Не случайно в Юго-Западном Крыму названы два пункта, на которые обрушились татары: Сарыкерман (Херсон) и Кырк-Йер (Кырк-Ор, с XVII — Чуфут-Кале). Херсон в это время был городом, подчиненным Трапезундской империи и отсылавшим ей подати. Кырк-Йер — крепость, центр области расселения аланов, ранее плативших дань половцам. В этой борьбе Ногай проиграл и в 1300 г. был убит. Однако его авторитет был столь велик,

¹ Веселовский Н. И. Хан из темников... С. 42–47.

² Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 183–184, 195.

³ Там же. С. 112.

⁴ Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Τῆ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ Πολίς Σουδαία. Αθήναι, 1965. Σελ. 127. № 104.

⁵ Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен... С. 250.

⁶ Там же.

что сформировавшееся к концу XIV в. на его землях Мангытское этнополитическое объединение, возглавленное Едигеем, стало называться Ногайской ордой.

В религиозном отношении золотоордынский Крым был также весьма разнообразен. В Солхате сосуществовали три религиозные общины (иудейская, христианская и исламская), причем каждая из них не была ни этнически, ни конфессионально. Их общая повседневная жизнь определялась двумя главными факторами: зависимостью от власти суверена, представителя золотоордынского хана, и общим для всех горожан рынком и денежным обращением¹.

§ 3. Правление хана Узбека и его преемников (1312–1357 гг.)

А. Г. Герцен, И. В. Зайцев

В 1312 г. Тохту на золотоордынском престоле сменил его племянник (сын казненного им брата Тогрула) по имени Узбек. К периоду его правления относится важнейшее событие истории Золотой Орды — принятие ислама в качестве государственной религии. Это произошло в 1314 г. Хан принял мусульманское имя Мухаммад. Позднейшая традиция приписывала выбор новой веры тому влиянию, которое оказали на хана чудеса странствующего проповедника Бабы-Туклеса, который благодаря своей вере вышел невредимым из раскаленной печи. Более вероятно, что выбор новой веры объяснялся более прозаическими причинами: тем самым хан хотел укрепить центральную власть и пресечь усиление отдельных частей Орды, в том числе и Крыма.

По свидетельствам источников, огромное влияние на Узбека и его политику оказал кунграт Кутлуг-Тимур. Он не только был вершителем судеб золотоордынского государства на рубеже XIII и XIV вв. при Токте, именно он возвел на престол Узбека и сделал его мусульманином, взяв с будущего хана обещание принять ислам после вступления на трон. Так, по словам Ибн Дукмака, Кутлуг-Тимур еще «при жизни Токты правил делами государства и устройством дел его, обратился за помощью к старшей из хатуней, бывшей женою Тогрылджи, отца Узбекова, и условился с нею возвести Узбека, сына Тогрылджи, сына Менгутемира, сына Бату, сына Души, сына Чингиз-хана. Ему (Узбеку) и присуждено было вступить на престол. Кутлуктемир (перед тем) уже взял с него слово, что когда он (Узбек) вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама. Был упомянутый (Узбек) возведен по смерти дяди своего и, сев (на престол), усердно вступил в веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал (все) пять молитв в установленное для них время»².

Первые годы правления Узбека Кутлуг-Тимур исполнял должность «управителя дел его государства»³. Ибн Дукмак называет его «наместником». Узбек отставил его от наместничества только в 721 (1321/1322) г. Хан заменил его своим

¹ Крамаровский М. Г. Религиозные общины... С. 402.

² Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 323.

³ Там же. С. 318, 325.

зятем (гурганом) из кыятов Исой (в арабских источниках он называется Куркузом), «а Кутлуктемиру поручил отправиться в Харезм»¹.

Представители клана кунгратов — родственники и потомки Кутлуг-Тимура — были ханскими наместниками в Хорезме и Крыму. Так, согласно «Маджму' ат-таварих» (начало XVI в.) Сайф ад-Дина и Нур-Мухаммада Ахсикенти, Ак Хусейн был наместником Крыма, затем бежал от Мамаю в Булгар, а потом в Туркестан и Хорезм². А внучка Кутлуг-Тимура финансировала строительство текке в Солхате (Старом Крыму)³. На полуостров переселились многочисленные представители исламского образованного сословия. Связи Крыма со старыми очагами исламской культуры существенно обогатили культуру золотоордынского Крыма⁴.

Другой весьма влиятельной фигурой эпохи правления Узбека была Тайдула — старшая жена хана, которая покровительствовала христианам, в частности православным (в 1347 г. она выдала грамоту сарайскому епископу с подтверждением независимости церковного суда от княжеского). Именно она получала доход с христианской торговли в Крыму. В русских источниках сохранился рассказ о чудесном исцелении глазной болезни ханши московским митрополитом Алексием (возможно, настоящей причиной поездки Алексия в Орду была душевная болезнь Джанибека).

В эпоху Узбека в Сарае и Хорезме велось большое строительство, возводились мечети, медресе, дворцы, мавзолеи. Эта деятельность затронула и Крым. В городе, который в XIV в. дал название всему полуострову благодаря своим широким международным торговым связям, были возведены мечеть и медресе, сохранившие имя хана Узбека⁵. В период его правления Золотая Орда превратилась в одно из могущественнейших государств Евразии.

Новоиспеченный хан-мусульманин принялся безжалостно истреблять своих родственников и родовую элиту, которые пытались противиться насаждению новой религии.

Эпоха правления хана Узбека и его сыновей Тинибек и Джанибека стала периодом наивысшего расцвета золотоордынских городов Восточного Крыма, прежде всего Сугдеи и Солхата. Сохранившиеся архитектурные памятники Солхата времен Узбека — выдающиеся образцы мусульманской архитектуры. Уникальными являются и фортификационные каменные и земляные сооружения города.

¹ *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 328.

² *Мустакимов И. А.* Сведения «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // ТС 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 235–236.

³ *Зайцев И. В.* К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай // ТС 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). М., 2016. С. 238–255.

⁴ *Зайцев И. В., Гончаров Е. Ю.* Из Барджинлыка в Эски-Юрт: мевляна Ахмад бин Махмуд ал-Барджинлыги // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. № 7. С. 176–180.

⁵ *Акчокраклы О.* Старокрымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58). С. 16.

С начала 1320-х до 1338 г. наместником Крыма был Тулук-Тимур (Тюлек-Тимур). Позже Крымом владели Мелик-Тимур, Зейн-эд-Дин Рамазан, внук Тулук-Тимура Ходжа-Алибек. В первой половине XIV в. в Восточном и Юго-Западном Крыму образовались феодальные поместья татарских беев и мурз.

При Узбеке расцвели экономика и торговля Крыма и прилегающих областей с христианским миром. Главными участниками этой торгово-экономической деятельности были соперничавшие между собой итальянские города Венеция и Генуя. Согласно ярлыкам Узбека и его преемников Джанибека и Бердибека, ввозная пошлина с христианских кораблей была отписана на имя жены Узбека, знаменитой ханши Тайдулы (в чем, возможно, стоит видеть одну из причин ее симпатии к христианам)¹.

Золотоордынский Крым имел тесные торговые связи с Дешт-и-Кыпчаком и столицей Золотой Орды — Сараем, мамлюкским Египтом, исламской Малой Азией (включая Киликию), палеологовским Константинополем, Южной и Центральной Европой (Великим княжеством Литовским и Москвой) и Латинской Романией². Активны были связи Крыма с регионами Средней Азии через Поволжье.

После смерти Узбека в 1341 г. к власти пришел Джанибек. Его правление отмечено постепенным упадком могущества Золотой Орды. Этому способствовала страшная эпидемия чумы, начавшаяся в 1346 г. и захватившая и крымские города. Как замечала русская летопись, «мор бысть на бесермен силен, яко ни мочи их ни погребати»³.

Несмотря на это, эпоха правления Джанибека считалась золотым веком в истории Орды. Современники и позднейшие историки считали его великим. Например, хивинский историк-чингизид Абу-л-Гази называл его «справедливым»⁴. Известен и еще один его эпитет — «азиз» («святой»), сохранившийся в тексте «Таварих-и гузида — Нусрат-наме», а в русских источниках, несмотря на то что хан был мусульманином, его упоминают как «доброто царя Чанибека».

Джанибек был убит в 1357 г. На престол взшел его сын Бердибек (1357–1359). Тюркский историк Утемиш-хаджи писал об этом хане так: «Очень безрасудным и глупым человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников... в страхе, что оспорят они ханство у него»⁵. Видимо, опасался хан не зря: в 1359 г. он погиб в результате заговора. С его гибелью Орда вступила в полосу затяжного кризиса.

¹ Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002. С. 8–10, 153.

² Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 111–128.

³ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. С. 109.

⁴ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 74 (с. 1299).

⁵ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / пер., примеч. В. П. Юдина; коммент. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992. С. 108.

§ 4. Эпоха смут, междоусобиц и временных взлетов (1359–1441 гг.)

А. Г. Герцен, И. В. Зайцев

После переворота, приведшего к смерти Бердибека, в течение двадцати лет на престоле один за другим мелькали ханы, кратковременное правление которых прекращалось ядом или кинжалом. В результате размеры государства сократились. В Крыму упрочили свои позиции генуэзцы, контролировавшие важный участок на стыке морского и сухопутного торговых путей между Востоком и Западом.

В 1363 г. войско крымского эмира, отправившееся грабить литовские земли, было разбито недалеко от Буга, у реки Синие Воды, великим литовским князем Ольгердом¹. Не исключено, что в составе татарского войска были орды солхатского и кырк-йерского беев, а также отряд Димитрия, правителя молодого мангупского княжества Феодоро. В середине XIV в. центральная власть Золотой Орды ослабела, в столице Сарая происходила частая смена ханов, в русских летописях получившая название «Великой замятни».

После очередной междоусобицы в 60-х гг. XIV в. Золотая Орда разделилась на две части — восточную и западную. В этой сумятице стал играть заметную политическую роль крымский темник Мамай, женатый на дочери одного из ханов. В 1367 г. придя к власти, опираясь на местные половецкие племена, он сумел создать подчиненное лично ему причерноморское ханство, в которое входили антиордынские улусы с населявшими их половцами, ясами и касогами, а его союзником стала Генуя в лице ее черноморских факторий. Орда Мамаева превратилась, по сути, в самостоятельное государство. Он начал по своему усмотрению менять правителей на ханском престоле в Сарай-Берке.

Владельцами Крымского тумена в XIV в. были Тулук-Тимур (упомянут в 1358 г. как «сеньор Солхата») и его сын Тимур-Кутлуг. Плита с надписью (вероятно, строительной, об устройстве колодца неким Идрисом ибн Хаджи-Яхья ибн Мухаммед Ираки), найденная О. Акчокраклы в Отузах, имеет дату 760 год Хиджры (далее — г. х.) (1358 г.) и, безусловно, содержит имя тогдашнего крымского «великого эмира» Тимур-Кутлуг-бека². Видимо, эти солхатские беки XIV в. были по клановой принадлежности кыйтатами.

Как замечает Д. М. Исхаков, с ними был как-то родственно связан всеильный кыйат Мамай³. Уже его отец, возможно, был даругой Солхата. Захват Мамаем Крыма относится к началу или середине 60-х гг. XIV в. Симеоновская летопись относит убийство Мамаем преемника и сына хана Хызра хана Тимура-Ходжи, переправу

¹ *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 184; Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. LVXXI. С. 11–14.*

² *Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи... С. 9.*

³ *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань, 2007. С. 151.*

Мамая через Волгу и захват им Крыма к 1361 г.¹ Об этом пишет и Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме» («Тарих-и Дост-султан»): во время правления Бердибека (1357–1359) «было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы»².

Эти данные подтверждают и памятные записи на полях армянских бого-служебных книг крымского происхождения: Мамай силой овладел Солхатом, а потом и всем полуостровом в конце августа 1365 г.³ Ал-Калкашанди упоминал, что Мамай правил в Крыму в 776 г. х. (1374/1375)⁴. Оплотом Мамая перед походом на Крым мог быть Азов, где ставленник Мамая хан Абдулла чеканил монеты (с небольшими перерывами) с осени 1362 по 1370 г.⁵, или же город Орда (место чеканки Абдуллы с 765 (1363/1364) г.), который отождествляется А. П. Григорьевым с Запорожским городищем в 30 км южнее современного Запорожья⁶. В 1363 г. мы снова видим тулук-тимуридов на посту крымских правителей-наместников: после Зейнаддина Рамазана упомянут Коджа Алибек ибн Иса ибн Тулук-Тимур (переписка египетских султанов с ним, по ал-Мухибби, была начата в 765 (1363/1364 г.)⁷. Известный ярлык Тохтамышша от 19 февраля 1381 г. о Сюткуле⁸ адресован главе крымского тумена, правителю Солхата Кутлу-Буге. Похожее имя носил и один из трех братьев, разбитых Ольгердом в битве у Синих Вод в 1362 г. (Дмитрий, Кутлубуга и Хачебей)⁹.

Воспользовавшись тем, что Мамай был занят действиями против усиливающейся Руси, в 1379 г. новым ханом стал Тохтамыш, положивший конец смуте и вновь укрепивший центральную власть. Этому способствовало тяжелое поражение Мамая от русских войск князя Дмитрия Донского в битве на Куликовом поле. Тохтамыш воспользовался ослаблением темника и нанес ему поражение на реке Калке. Мамай бежал в Крым и попытался найти убежище у генуэзцев в Каффе,

¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 101; Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. // ИИИСАА. 1983. Вып. VII. С. 9–54; Трепавлов В. В. История Ногайской орды. М., 2001. С. 59.

² Последний был сыном Исатая (зятя и тестя хана Узбека Исы-бека). См.: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 108, 135.

³ Саргсян Т. Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь, 2004. № 8. С. 153; № 10. С. 156.

⁴ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 413.

⁵ Григорьев А. П. Золотоордынские ханы... С. 37.

⁶ Там же; Григорьев А. П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // ТС 2006. М., 2007. С. 117.

⁷ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 349–350.

⁸ Сюткюль («Молочное озеро») — место между Феодосией и Арабатом. См.: Григорьев А. П. Дата выдачи ярлыка Тохтамышша // Востоковедение: филологические исследования. Л., 1979. Вып. 6. С. 181; Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1913. № 49. С. 231.

⁹ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 184.

но был убит¹. Тохтамыш принял ряд решительных мер к восстановлению единства Золотой Орды, в частности он временно восстановил ее власть над поднимающейся Русью. Против Тохтамыша выступил Тимур — властитель громадного среднеазиатского государства со столицей в Самарканде.

В Крыму находился улус сторонника Тохтамыша Бек-Хаджи, и, преследуя его, один из отрядов Тимура вторгся в Крым и подверг его разгрому и опустошению, пройдя от Перекопа до Керченского залива и уйдя на Таманский полуостров. Пострадали все крымские города — как генуэзские, так и столица княжества Феодоро Мангуп. Дошли полчища «железного хромца», как называли его современники, и до тихо угасавшего Херсона, которому был нанесен смертельный удар, завершивший жизнь города.

В 1399 г. главой Золотой Орды стал главнокомандующий ее войсками эмир Едигей, в этом же году совершивший поход на Крым, во время которого разграбил и сжег многие его города. Разрушенный им Херсонес больше не смог восстановиться как город.

Разорение Золотой Орды в результате тимуровского погрома привело к развалу единого государства, созданного несокрушимой волей Чингиз-хана. Оно стремительно распалось на самостоятельные улусы. В 1395 г. на Крымском полуострове известен в качестве обособившегося правителя Таш-Тимур. Он был провозглашен ханом эмирами Тохтамыша, которые уцелели после поражения, понесенного от Тимура в сражении на реке Тереке у города Дедякова. В следующем году в Крыму уже обосновался сам Тохтамыш, метавшийся в поисках спасения от преследующего его Тамерлана. Правда, всего через два года его изгнал отсюда другой претендент — Тимур-Кутлуг. Тохтамыш нашел прибежище в Литве у князя Витовта, который даже попытался помочь беглецу, выступив с литовско-татарским войском против Тимур-Кутлуга и Едигея. В 1399 г. на реке Ворскле Витовт потерпел сокрушительное поражение, а Тохтамыш бежал в Западную Сибирь, где в районе Тюмени был убит в 1405 г. В том же году умер и его главный обидчик Тамерлан. После его смерти Едигей захватил Хорезм и в последний раз объединил Золотую Орду в ее старых границах, однако ненадолго. Конкурентом Едигея стал один из сыновей Тохтамыша — Джалал ад-дин, который при поддержке литовского князя Витовта в 1410 г. отобрал у Едигея Крым, но только на год. Ставленник Едигея на престоле Орды Темир-хан, сын Тимур-Кутлуга, изгнал Джалал ад-дина из Крыма, но затем сам выступил против Едигея. В 1410 г. войска сына Тохтамыша Джелал-ад-Дина с литовской помощью заняли Крымский полуостров. В 1411 г. отряды Джелал-ад-Дина были разгромлены золотоордынским Тимур-ханом, вскоре убитым.

В 1412 г. сыновья Тохтамыша внезапно напали на орду Тимур-хана и разгромили ее. В 1419 г. против Едигея выступил еще один сын Тохтамыша — Кадыр-Берди. Ожесточенное сражение между ними произошло на берегах реки Урал

¹ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. Т. 1. P. 457–458.

и закончилось гибелью обоих вождей. Смута в Орде после этого вышла на новый виток. Происходили стычки между войсками различных претендентов на престол. В 1421 г. среди царевичей Джучидов выдвинулся хан Улуг-Мухаммед, опиравшийся на поддержку Витовта. В 1425 г. Улуг-Мухаммед овладел Крымом, в 1426–1427 гг. подчинил себе Астрахань и Булгар (город на территории будущего Казанского ханства). К востоку от них в последующие годы сложились Узбекское, Казахское и Сибирское ханства. Кроме того, отдельно существовал так называемый Мангытский юрт, или Ногайская орда, во главе с потомками Едигея. Решающим для Крыма стал 1433 г., в котором Улуг-Мухаммед уступил власть в западных улусах одному из младших сыновей Тохтамыша — Сеит-Ахмету. Этим воспользовался Хаджи-Гирей, отделивший крымский улус от Золотой Орды. В 1434 г. он разгромил генуэзское войско, пытавшееся захватить город Солхат-Крым, в котором располагалась ставка хана. Однако еще один претендент на восстановление Золотой Орды, утвердившийся в Нижнем Поволжье, сын Темир-хана Кучук-Мухаммед, сумел захватить Крым, вынудив Хаджи-Гирея спастись в литовской крепости Лиде. Власть Кучук-Мухаммеда на полуострове продолжалась недолго. Здесь еще сильны были генуэзские фактории, контролировавшие большую часть приморской территории. В юго-западной части укрепилось княжество Феодоро, восстановившееся после тимуровского разгрома. Мангупские князья поддержали стремление местной татарской знати к созданию самостоятельного государства, видя в татарах союзников в борьбе с генуэзцами.

До недавнего времени хронология правлений ханов в Крымском улусе в 20-е гг. — начале 30-х гг. XV в. оставалась весьма неточной и путаной. А. Л. Пономарев на основании данных счетов генуэзского казначейства Каффы за 1420–1428 гг. предложил следующую последовательность царствований этого смутного времени:

Бек Суфи	(1419 г. — весна 1420 г.);
Улуг-Мухаммед	(весна 1420 г.);
Бек Суфи	(лето 1420 г. — сентябрь 1421 г.);
междущарствие	(сентябрь 1421 г. — ноябрь 1422 г.);
Девлет-Берди	(ноябрь 1422 г. — ноябрь 1423 г.);
междущарствие	(ноябрь 1423 г. — 11 января 1424 г.);
Девлет-Берди	(11 января — 12 июня 1424 г.);
Улуг-Мухаммед	(12 июня — 23 (?) августа 1424 г.);
Девлет-Берди	(23 (?) августа 1424 г. — 14 мая 1425 г.);
Улуг-Мухаммед	(14 мая 1425 г. — февраль 1426 г.);
междущарствие	(февраль — апрель 1426 г.);
Девлет-Берди	(12 (?) апреля 1426 г. — июнь 1427 г.);
Улуг-Мухаммед	(июнь — июль 1427 г. — 1436 г.) ¹ .

¹ Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // ЗО. 2013. № 2. С. 158–190.

Приходится признать, что этот источник дает нам на сегодняшний день, видимо, наиболее подробные данные о хронологии правлений в Крыму в то время. Впрочем, эти подробные сведения лишь отчасти подтверждаются более общей схемой хронологии правлений ханов Бек-Суфи, Девлет-Берди и Улуг-Мухаммеда, которую составил по данным нумизматики К. К. Хромов¹.

§ 5. Княжество Феодоро

А. Г. Герцен

Княжество Феодоро возникло в переломную эпоху истории Причерноморья в зоне сопряжения могущественных политических сил региона и погибло в результате краха византийской цивилизации. Княжество оставалось здесь ее последним осколком, пытавшимся найти спасение перед угрозой османской экспансии, в том числе и в союзе с Москвой.

История княжества, как и большинство других страниц истории средневекового Крыма, слабо освещена письменными источниками². Причем сведения, в них содержащиеся, зачастую имеют либо отрывочный характер, либо косвенное отношение к предмету или же вообще требуют весьма кропотливого анализа для выделения предельно скудной информации. Среди проблем, до сих пор сохранивших дискуссионный характер, остаются вопросы времени и обстоятельств возникновения княжества, происхождения правящей династии, экономики и характера политических отношений с соседями, территории княжества и целый ряд других.

Первые определенные известия о существовании княжества можно отнести к первой половине XIV в.³ Консолидация грекоязычных христиан под главенством выходцев из какого-то провинциального аристократического рода, по мнению некоторых исследователей — трапезундского по своим корням, протекала наиболее активно на территории исторической Готии.

Первое упоминание о князе Готии, без указания имени, по предположению А. А. Васильева, восходит к 20-м гг. XIV в., однако приводится оно в труде жившего в Венеции греческого историка начала XVI в. Феодора Спандуниса в связи с заметкой о вражде между императором Андроником II Палеологом (1282–1328) с одной стороны и князем Готии с болгарями и сербским королем Стефаном с другой⁴. Здесь обращает на себя внимание не только весьма поздняя дата источника, но и то, что Готия упоминается в одном ряду с балканскими этносами и правителями. Следует учесть, что в Средневековье удерживалась достаточно устойчивая память

¹ Хромов К. К. О хронологии правления Давлат Берди-хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 402.

² Наиболее полная сводка источников: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea.

³ Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангула. С. 9–19.

⁴ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 183–185.

о существовании еще одной Готии на Дунае. Поэтому нужно с осторожностью решать вопрос об отнесении данного этнотопонима именно к Крыму¹.

В начале 60-х гг. XIV в. сведения о феодальных владениях в Крыму становятся более определенными. Среди противников Ольгерда источники называют монгольского (мангупского) Дмитрия. Имя последнего явно указывает на его христианское происхождение².

Археологические материалы, в особенности полученные за последнюю четверть столетия, позволяют уверенно выделить ранний период жизни столицы княжества Феодоро, определяемый началом 60-х гг. — последним десятилетием XIV в.³

О том, что именно Мангуп стал в это время объединительным центром для христианского населения, свидетельствует надпись на камне, найденная в 1913 г. при раскопках большой базилики на этом городище. В тексте ее прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей Пойки, под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель крепости, фактически кремль будущего города⁴. Здесь впервые упоминается название, под которым в дальнейшем фигурировали и княжество, и его столица. Гораздо реже для последней употреблялось наименование Мангуп, общеупотребительным оно становится уже после 1475 г.

В середине 90-х гг. Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамыша и Тимура, в результате которой юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учиненным здесь ранее Ногаем. Теперь главный удар пришелся по возрожденной столице княжества Феодоро, обращенной в руины. Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту константинопольским патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием⁵.

¹ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // АДСВ. Екатеринбург, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 185.

² Обзор источников о данном событии см.: Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа. С. 11–14.

³ Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247–258.

⁴ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 186; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. С. 146.

⁵ Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. Екатеринбург, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 75; Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562–589.

В начале XV в. начался новый подъем княжества и его столицы. До этого главным средоточием греческой средневековой культуры на полуострове являлся Херсон. Через него осуществлялась христианская миссионерская деятельность, направленная на соседние народы. Продукты городского ремесла и поступавший по торговым путям импорт служили образцами для провинциальных мастеров, втянутых таким образом в поле воздействия не только духовной, но и материальной культуры византийского мира. Что касается духовного влияния, то оно имело решающее значение для формирования сознания религиозного, а затем и культурно-генетического единства православного населения Таврики с восточно-римской цивилизацией. Ко времени угасания Херсона его периферия уже в достаточной мере восприняла полученные от него импульсы и могла быть самодостаточной, став органической составляющей греческого христианского континуума. Княжество Феодоро по сути стало наследником этой цивилизации, обосновавшейся на стыке великой средиземноморской греко-римской цивилизации с не менее великим и своеобразным миром кочевников евразийских степей, в котором не раз начинался, проходя ряд стадий и не получая завершения, процесс оседания на земле. Это явление получило в археологической литературе образное определение как путь «от кочевий к городам»¹.

Можно предполагать, что культуру и этнический состав населения княжества должны были во многом определять его пограничное положение, формирование в полиэтнической контактной зоне. Однако греческий поздневизантийский фактор здесь явно доминировал. Греческое православие и язык — наиболее заметные признаки, хотя самовосприятие населения княжества было более сложным, многослойным. Оно, несомненно, ощущало себя частью византийского мира, было тесно связано с ним идеологически, будучи включенным в структуру церковной организации Константинопольской патриархии. В то же время продолжали жить представления об этногенетических корнях, подкреплявшиеся сохранением разговорных бесписьменных языков, из которых определенные сведения есть о готском. Вероятно, были в обиходе и тюркские наречия.

Западные наблюдатели употребляли в первой половине XV в. для обозначения населения княжества термин «готоаланы»², или просто «готы». Лишь столетие спустя покоренное христианское население становится просто «греками», воспринимая это как естественную самоидентификацию в условиях его распыления между османскими и татарскими владениями с мусульманским тюркоязычным населением.

Одним из дискуссионных в истории Феодоро является вопрос о происхождении правившей в нем династии. До недавнего времени предпочтение в историографии отдавалось гипотезе, наиболее четко сформулированной русским византинистом А. А. Васильевым³. Согласно ей династы были выходцами из знатного византийско-армянского рода Гаврасов, представители которого правили в Трапезунде в первой половине XII в. и стремились к обособлению от Византии. Предполагаемый основатель крымской княжеской ветви Константин за участие в загово-

¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам.

² Барбаро и Контарини о России / пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 157.

³ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 153–157.

ре против императора Иоанна Комнина был в 1130 г. отправлен в ссылку, вероятно, в Херсон. Здесь его потомки каким-то образом сумели добиться власти над византийской территорией в Юго-Западной Таврике, отождествляемой обычно с Готией. После захвата Константинополя крестоносцами власть над ними перешла к ставшей в этот же период самостоятельным государством Трапезундской империи, в которую стали поступать выплаты, ранее шедшие в византийскую казну. Эта ситуация сохранялась, по крайней мере формально, до 80-х гг. XIV в.

В пользу версии о трапезундском происхождении мангупской династии приводятся и такие факты, как существование в верхнем течении Бельбека села с названием Гавры, а также встречающаяся у мариупольских греков фамилия Гаврады.

С крымской ветвью Гаврасов в литературе традиционно связывается происхождение русского аристократического рода Головиных, родоначальник которого князь Степан Васильевич Ховрин (Ховра) появился в 1399 г. при дворе великого князя Василия Дмитриевича. Вместе с ним прибыл и его сын Григорий, который впоследствии основал в Москве монастырь, названный по имени, принятому его отцом при пострижении в монашество, — Симоновым.

По мнению А. Л. Якобсона, основателем рода мангупских князей мог быть Алексей, с правлением которого связан высший расцвет княжества в 20-х гг. XV в., после разгрома, постигшего Крым в конце XIV в. «Не из разоренного ли Херсона и явился он сюда, в опустевшее Феодоро?» — задавал вопрос исследователь¹.

В последнее время внимание византиноведов вновь привлек вопрос о происхождении мангупской династии. Стали высказываться серьезные сомнения в связи ее с Гаврасами. В. П. Степаненко глубоко проанализировал отношения родства и свойства в кругах поздневизантийской аристократии с предполагаемыми мангупскими династами. Он пришел к выводу, что первоначально (к началу XV в.) это были представители малоизвестного провинциального аристократического рода, возвысившегося благодаря удачному браку наследника престола княжича Иоанна, сына первого достоверно известного по имени и весьма авторитетного правителя Феодоро князя Алексея, с Марией Асаниной Палеологиной Цимбалакониной, принадлежавшей к кругу высшей константинопольской аристократии. В дальнейшем это, в соответствии с практикой, сложившейся в правящем классе клонившейся к окончательному упадку Византии, позволяло родственникам по мужской линии считать себя принадлежащими к знатному роду свояков². Именно этим можно объяснить появление с 1425 г. на плитах с надписями, сообщающими о строительной деятельности мангупских князей, геральдических двуглавых орлов, традиционно считающихся фамильным гербом Палеологов. Вероятно, таким же был механизм внедрения этого символа в русскую государственную геральдику в конце XV в., поводом к чему стал брак между великим князем московским Иваном III и Софьей Палеолог.

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). С. 43.

² Степаненко В. П. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 1998. С. 76–78.

Подытоживая изложенное по данному вопросу, можно высказать предположение, опирающееся как на известные ныне письменные источники, так и на результаты археологических исследований Мангупа. В истории правившей здесь династии, вероятно, были два периода. Первый — от возникновения княжества до конца XIV в., когда во главе его находились правители, имевшие какие-то корни в Трапезунде, причем это не обязательно могли быть именно Гаврасы, о пребывании которых в Крыму какие-либо данные в источниках отсутствуют. Они являлись вассалами золотоордынских ханов и, по сути, представляли собой удельных князьков, подчинявшихся прежде всего улусной администрации. Разгром, учиненный Тимуром в Крыму, затронул и молодое Мангупское княжество. Из разоренной столицы и других мест династы бежали к усиливавшемуся северному православному соседу, возможно, став здесь основателями знатного рода Ховриных.

Второй период начинается с середины 20-х гг. XV в. Тогда во главе княжества стали или представители прежней династии, или же выходцы из другой, неизвестной нам фамилии. Они удачно связали себя свойскими отношениями со знатнейшими родами Константинополя и Трапезунда — Палеологами, Асанами-Асенами и Великими Комнинами. Эта династия правила до падения княжества под ударом турок в 1475 г.

Следует отметить, что и в Константинополе, по крайней мере формально, декларировали власть над территориями, «примыкающими к Хазарии», возможно, подразумевая соседние с генуэзскими факториями земли Феодоро. Управление ими император Мануил II Палеолог поручил своему четвертому сыну Константину, будущему последнему византийскому императору¹.

При князе Алексее, правившем в 20–30-х гг., особенно пышно, в духе провинциально-византийского и малоазийского зодчества, была отстроена столица. В ней фактически заново возвели базилику и дворец, существенно реконструировали цитадель.

В период расцвета границы княжества Феодоро на востоке проходили как минимум в районе Алушты, где форпостом его являлась крепость Фуна². Прибрежная полоса южного берега находилась в составе генуэзского «капитанства Готии». Владения мангупских князей в этом районе охватывали склоны и поверхность Главной гряды. Они были защищены небольшими укреплениями, так называемыми «исарами», обычно устраивавшимися с учетом возможности противостояния генуэзским прибрежным крепостям. Не исключено, что остатки каменных оград, перекрывавших перевалы Главной гряды, были звеньями оборонительной системы княжества, защищавшей его от угрозы с юга, т. е. от генуэзцев³. Противостояние Феодоро и генуэзских владений продолжалось от времени формирования княжества и фактически до конца его существования, достигнув своего пика в 1433–1434 гг., когда в правление князя Алексея при

¹ Горянов В. Г. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 106.

² Подробнее см.: Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475). Киев, 2005.

³ Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике. С. 113.

поддержке местного греческого населения была захвачена крепость Чембало-Балаклава¹.

На западе во владениях Мангупа оказались прибрежные территории, вероятно, от района Георгиевского монастыря, включая угасший Херсон, вплоть до устья Бельбека. По этой реке проходила северная граница княжества с владениями Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в. — с Крымским ханством. Возможно, местами в среднем и верхнем течении Бельбека княжество имело земли и на правом берегу реки².

Общая численность населения княжества могла достигать 150 тыс. человек, если учесть сведения генуэзского документа, указывающего, что на его территории было 30 тыс. домов — что надо понимать как численность домовладений, жилых усадеб. Пушечный мастер Георг из Нюрнберга, служивший турецкому султану, сообщает, что на Мангупе после его захвата в плен попали 15 тыс. человек. Несмотря на то что под защиту стен главной крепости Готии, несомненно, собрались многие жители окрестных селений, тем не менее эта цифра явно завышена. Возможно, она соответствует общему количеству пленников, захваченных турками на территории княжества, или же отражает представление о многолюдности населения столицы безотносительно к его реальной абсолютной численности.

Не случайно Феодоро попало в поле зрения московской дипломатии. Иван III искал не только военных союзников в борьбе за объединение государства. Для него весьма важным было идеологическое и юридическое обеспечение этого процесса. После падения в 1453 г. Константинополя маленькое христианское княжество в далеком Крыму, по словам А. А. Васильева, было последним осколком Византии на Черном море. В геральдике его правителей, вероятно, в результате удачной женитьбы одного из князей на представительнице знатного византийского рода, связанного с Палеологами, прочно обосновался двуглавый орел. Связи с Константинополем в дальнейшем сыграли определенную роль в судьбе представителей мангупского дома.

Как известно, в 1472 г. великий князь Московский связал себя узами брака с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, павшего при обороне обреченного «Второго Рима». В ее свите, торжественно явившейся к жениху, находился представитель «рода княжеска, Мавнукского града» Константин, впоследствии принявший пострижение под именем Кассиана и удалившийся в Ферапонтов монастырь. Затем он основал недалеко от Углича обитель, где скончался в 1504 г.³ Русской православной церковью он чтится под именем святого благоверного князя Константина Мангупа⁴. Не им ли была подана мысль об упрочении связей с византийской династией через Крым? К тому же, как отмечалось выше, при московском княжеском дворе еще с конца XIV в. обос-

¹ Взаимоотношения Феодоро и Генуэзской Каффы подробно рассмотрены в монографии: *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

² *Веймарн Е. В.* О двух неясных вопросах... С. 77–82.

³ *Бриллиантов И.* Ферапонтов Белоозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899. С. 55–60.

⁴ *Дунаев Б. И.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 16.

новались греческие архонты, ставшие родоначальниками рода Ховриных-Головных и прибывшие из своих утраченных вотчин, среди которых назывался и Мангуп. Возможно, эта эмиграция в Москву состоялась в результате упоминавшегося выше разгрома, учиненного на полуострове войском Тимура. Так что обратить внимание великого князя на юг было кому.

Высокий престиж князей Мангупа действительно привлек внимание Ивана III. Вслед за собственным браком он попытался укрепить связи с родом, связанным с последней византийской императорской династией, посредством брака своего сына Ивана (от первого брака с тверской княжной Марией) с дочерью мангупского князя. Переговоры об этом велись в 1474 г. через первого московского посла в Крыму Никиту Беклемишева, который после выполнения дипломатической миссии у хана Менгли-Гирея отправился в Мангуп, где был принят князем Исааком, предпоследним правителем Феодоро. Были решены практические вопросы предстоящего брака¹. Однако прибывшее на следующий год московское посольство на Мангуп попасть уже не смогло, так как он находился в турецкой осаде, закончившейся падением города и пленением княжеской семьи.

Иван III все-таки остался верен идее устройства брачного междинастийного союза на южном направлении внешней политики Москвы, в которой все большую роль приобретала задача противостояния османской экспансии. Теперь переговоры переориентировались на союзника и свояка мангупского князя — молдавского господаря Стефана III. Он был крайне заинтересован в этих условиях в развитии отношений с северным соседом, дальним родственником: в 1463 г. Стефан женился на княжне Евдокии, сестре киевского князя Семена Олельковича, дочери Анастасии, родной сестры Василия II (Темного), отца Ивана III².

В 1472 г. дочь мангупского князя Исаака Мария была выдана замуж за молдавского господаря, скончалась она в декабре 1477 г.³ В монастыре Путна сохранилась ее погребальная пелена, на которой есть изображение покойной с соответствующей надписью по бордюру и гербом Палеологов и монограммой Асанов. Через пять лет после ее кончины несостоявшийся жених ее сестры, бесследно канувшей в султанском гареме, Иван Молодой женился на дочери Стефана и Евдокии Елене, прозванной в Москве «Волошанкой».

Турецкая осада Мангупа в 1475 г. продолжалась полгода⁴. Среди защитников на стенах осажденного города были и москвичи. Так, среди погибших оказался князь Иван Владимирович, правнук основателя рода князя Степана Васильевича

¹ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 3: История России с древнейших времен. 1989. Т. 5. С. 148.

² Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. Вып. 1. С. 218.

³ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / сост. Ф. А. Грекул. М., 1976. С. 27, 29, 49, 64–65, 71, 118.

⁴ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 254–255; Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. IX. С. 366–387.

Головина, отправившийся в 1475 г. на поклонение к Гробу Господнему в Палестину и заехавший навестить родственников на Мангуп.

Падение Мангупа с горечью было отмечено в русских летописях¹. Особенно об этом заговорили в период военных действий Ивана III на Угре. Упоминания о трагической судьбе мужественного княжества звучали как предостережения перед опасностью продления ордынского владычества на Руси и как пример, который должен был вдохновить в освободительной борьбе.

Возможно, трагической участи после взятия Мангупа турками избежали малолетние отпрыски правящего рода. Жизнь им была сохранена, но они были обращены в ислам и получили соответствующее воспитание при султанском дворе. В 1512 г. послом к Василию III был направлен султаном Селимом I Камал, князь Мангупский, ранее носивший прозвище Феодорит. А в 1522 и 1530 гг., уже при Сулеймане Великолепном, появился в Москве с той же миссией князь мангупский Скиндер (Александр)². Возможно, это действительно были отуреченные потомки княжеской династии Феодоро, ставшие султанскими подданными.

После захвата турками в 1475 г. столицы княжества, располагавшейся на труднодоступном Мангупском плато, память о нем быстро стирается. Побывавший на Мангупе столетие спустя польский путешественник и дипломат Мартин Броневский застал здесь страшное запустение. Со слов местного греческого священника, «старика честного и умного», он смог узнать, что на фресках, сохранившихся в двух полуразрушенных церквях Святого Георгия и Святого Константина, были изображены князья города, происходившие из рода трапезундских или константинопольских императоров. Захваченные в плен турками, они были казнены в Константинополе.

В XVI в. в историографии началась разработка сюжета, связанного с этнической историей Феодоро. В трактате ректора краковского университета Матвея Меховского «Описание европейской и азиатской Сарматии», изданном в 1517 г., сообщается, что турками на Мангупе были захвачены два брата-князя, бывшие по происхождению готами. Отметим, что М. Броневский тоже услышал на Мангупе версию о двух последних князьях, только о дяде и племяннике, и греках по происхождению³.

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3, т. 5. С. 208.

² Там же. С. 270.

³ Подробнее см.: Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI—начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 212–256.

Глава 13

Генуэзские и венецианские фактории в Крыму¹

С. П. Карпов

§ 1. Венеция и Генуя в Причерноморье после Четвертого крестового похода

Временем значительных перемен во всей истории Причерноморья были 60-е гг. XIII в. С 1204 и до 1261 г. Черноморские проливы безраздельно контролировались венецианцами — участниками Четвертого крестового похода, завер-

¹ Вся совокупность генуэзских факторий Крыма и прилегающих к нему областей Причерноморья именуется Генуэзской Газарией. Она являлась составной частью Генуэзской Романии, т. е. всего колониального домена Генуи. Венецианские фактории входили в состав Венецианской Романии. Исследование истории генуэзских и венецианских факторий в Крыму имеет давние традиции как в отечественной, так и в зарубежной историографии. См. особо: *Келлен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических; *Брун Ф. К.* О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Брун Ф. К. Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. I. С. 189–240; *Бадян В. В.* Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в історіографії дореформеної Росії // Питання історії народів СРСР. Харків, 1969. Вып. 6. С. 135–141; *Он же.* Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду // Вісник Харківського університету. № 45. Історична серія. 1970. Вып. 4. С. 48–53; *Он же.* Радянська історіографія генуэзької колонізації Північного Причорномор'я у XIII–XV ст. // Вісник Харківського університету. № 22. Історична серія. 1967. Вып. 2. С. 103–111; *Petti Balbi G.* Gli studi genovesi sulle colonie del Mar Nero // Colloquio Romano-Italiano «I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV». București, 1977. P. 63–86; Cinquant'anni di storiografia italiana e sovietica. Gli insediamenti genovesi nel Mar Nero. Genova, 1982; *Balletto L.* Bilancio di trent'anni e prospettive della medievistica Genovese. Genova, 1983. P. 60–73; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции. На материалах Каффы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000; *Тункина И. В.* Открытие Феодосии 1771–1871. Киев, 2011; *Quirini-Poplawski R.* Sztuka kolonii Genueskich w basenie Morza Czarnego (1261–1475). Kraków, 2017. Тем не менее сложность изучаемого материала и большой объем ценнейших письменных источников, хранящихся в архивах Генуи и Венеции, равно как и возможности новых археологических исследований, дадут возможность более детального и полного изучения большого и сложного социокультурного феномена итальянского присутствия на берегах древней Таврики.

шившегося взятием Константинополя и образованием Латинской империи. Флот Республики Святого Марка сыграл в этом значительную роль, и по условиям заключенных договоров Венеция получила «четверть и еще полчетверти империи Романии» с портовыми кварталами ее столицы. Казалось бы, она могла сразу воспользоваться плодами своей победы и прочно обосноваться на берегах Черного моря, называемого тогда Великим. Но она не спешила это делать. Основные пути крупной международной торговли проходили тогда мимо Константинополя, через Багдад и города сирийского побережья Средиземного моря, еще контролировавшиеся крестоносцами. Именно туда и в Александрию, где также уже обосновались венецианцы, приходили караваны восточных купцов с товарами.

Расчетливые венецианцы не стремились к крупным территориальным приобретениям. Они просто протягивали цепь своих торговых факторий от Адриатики к городам Леванта, овладевая главными портовыми городами. Эта цепь включала захваченный у венгерского короля Задар, порты Южного Пелопоннеса Корон и Модон, остров Эвбею (Негропонт), лежавший прямо против Афин, и особенно непопулярный корабль-остров на пути к Востоку — Крит, приобретенные Республикой и ее патрициями в результате того самого крестового похода. Но закрепиться на Эвбее и тем более на густо населенном Крите было нелегко, это требовало и значительных денег на строительство укреплений, и организации управления, и немалых людских ресурсов для колонизации территории, и подчинения непокорного и часто восставшего не католического, а православного греческого населения. Поэтому в первой половине века венецианцам было не до Крыма и других причерноморских городов, ранее входивших в состав Византии. Лишь изредка их корабли посещали Сугдею и иные порты Черного моря для снабжения все еще крупного, несмотря на убыль, населения Царьграда¹. Именно с этой целью, стремясь также поддерживать обмен с южнорусскими степями, они попытались обосноваться в Сугдее, хотя точные сведения об их фактории там относятся к 80-м гг. XIII в.

Ситуация круто изменилась после двух важнейших перемен². Первой были татаро-монгольские завоевания и основание на противоположных берегах Черного моря двух улусов Монгольской империи: Джучи, куда входил и Крым, на севере, и Ильханов на юге, ставших в скором времени почти независимыми и враждующими друг с другом государствами. Несмотря на противоборство, и та и другая державы, признававшие власть великого хана в Каракоруме, поддерживали образцовый порядок на своих торговых путях и содержали эти дороги под охраной и в безопасности для купцов. На месте старых, разрушенных монголами городов, прежде всего

¹ *Morozzo della Rocca R., Lombardo A.* Documenti del commercio veneziano nei secoli XI–XIII. Torino, 1940. Т. II. P. 478–479, 541, 662; *Soranzo G.* Accenni a navigazione di Veneziani e Provenzali nel Mar Nero durante l’Impero Latino d’Oriente // *Archivio Veneto*. 1934. Т. XV. P. 305–311. См.: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 65–68.

² *Карпов С. П.* Main changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th–15th Centuries // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. Sofia, 22–27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. 1: Plenary Papers. P. 418–419.

Багдада, появились новые крупные торговые центры — Тебриз (Тавриз) в Иране и Сарай и Хаджи-Тархан (Астрахань) на Волге. От них пути шли к новым главным терминалам морской и сухопутной торговли — Трапезунду и Тане (Азову), а отсюда к городам Крыма, среди которых сначала выделялась Сугдея (Судак). Положение в улусе Джучи стабилизировалось именно к 60-м гг. XIII в.

Второй переменной стало отвоевание Константинополя у «латинян» силами греческой Никейской империи и утрата венецианцами контроля над Черноморскими проливами в 1261 г. Временно изгнанные из столицы венецианцы тщетно пытались сначала силой, а затем путем переговоров с императором Византии Михаилом VIII Палеологом вернуться на берега Босфора, в свои прежние торговые кварталы. Вместе с тем и ослабленная Византия не могла более претендовать, как раньше, на господство в контролируемом ей бассейне Черного моря. Желая обезопасить себя от возможного удара мощного венецианского флота, Михаил VIII 13 марта 1261 г., еще накануне захвата им Константинополя, подписал договор с основными соперниками венецианцев — генуэзцами, предоставив им за помощь на море право беспошлинной торговли на территории его державы и место венецианцев сначала в Константинополе¹, а затем, с 1268 г., в Пере (Галате), постепенно превращенной генуэзцами в настоящий укрепленный город.

После обоснования в Константинополе генуэзцы сразу же устремились к крымским городам, желая закрепиться в выгодных для торговли портах. В главном из них — Сугдее (Судак), возможно, уже существовала небольшая венецианская фактория (их консульство там было основано не позже 1288 г.²). Итальянцы называли ее Солдайей. Именно из Константинополя в Солдайю, а оттуда во владения хана Берке около 1260 г. отправились с товарами братья Никколо и Маттео Поло³.

Генуэзцы решили найти для себя иное место.

§ 2. Возникновение Каффы

В отличие от Венеции Генуя не была сильным централизованным государством. Она была крепка частной предпринимательской деятельностью своего патрициата, который умело объединялся в родственные кланы, совместно собиравшие флот и инвести-

¹ I Libri Iurium della Repubblica di Genova. Vol. I/4 / a cura di S. Dellacasa. Genova, 1998. № 749–750. P. 271–287; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 3 Teil: Regesten von 1204–1282. 2. Auflage / bearb. von P. Wirth. München, 1977. № 1890. См. о договоре: *Бахматова М. Н.* Нимфейский договор в системе международных отношений середины XIII в. // *Античность и средневековье Европы.* Пермь, 1996. С. 210–230.

² *Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia / per cura di R. Cessi.* Bologna, 1934. Vol. 3. P. 201–4, 8/IV 1288; *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie. Paris: La Haye, 1966. T. I. № CXXIV.

³ *Polo Marco.* Il Milione. Introduzione, edizione del testo toscano («Ottimo») / a cura di R. M. Ruggieri. Firenze, 1986. P. 4; Книга Марко Поло. М., 1956. С. 45, 240.

ровавшие значительные капиталы в торговлю. Регулятором их отношений было не государство, но корпоративные связи и суд, твердо установленные и общепризнанные юридические нормы. Поэтому и заключение соглашений с правителями крымских тюменов было сначала делом не генуэзских властей, но частной инициативой влиятельных и богатых семейств патрициата¹. Сохранились легендарные и документально не подтвержденные свидетельства, что среди первых поселенцев в новой фактории Восточного Крыма на месте бывшего греческого порта Феодосия (уже и в IV–X вв. именовавшегося Каффой)² были Бальдо Дориа или Антонио Дель Орто³. Позднее обе эти фамилии будут играть заметную роль в администрации крымских факторий, но где кончается семейная легенда и начинается историческая правда, нам неизвестно.

Почему генуэзцами была выбрана именно Каффа? Ответ на этот вопрос дает география: удобная и большая бухта и близкое расстояние от главного торгового центра Крымского тюмена — Солхата. Именно с улусным эмиром и пришлось договариваться генуэзцам об устройстве фактории, получившей затем охранную грамоту и от хана Менгу-Тимура. Не позднее 1281 г. в Каффе уже был генуэзский консул, решавший в судебном порядке споры между купцами⁴. С 1285 г. там активно функционировал генуэзский нотариат, оформляя многочисленные торговые сделки⁵. Сохранившийся большой комплекс документов, составленных Ламберто ди Самбучето, одним из нотариев, дает всесторонние представления о торговой жизни Каффы в 1289–1290 гг.⁶ Деятельность нотариата была весьма активна. И если в среднем он составлял около четырех актов в день, то в пике сезона — апреле и августе, когда посредническая торговля в Каффе интенсифицировалась, эта цифра доходила до 16. Естественно, что ритм его работы резко снижался осенью и зимой, когда деловая жизнь в фактории замирала⁷.

В конце XIII в. Каффа была еще сравнительно небольшим портовым поселением, не имевшим городских стен и окруженным лишь рвом и палисадом. Оно делилось на кварталы, называемые в источниках по генуэзскому образцу *contrade*. Население этих контрад формировалось по национальному признаку: генуэзцы,

¹ *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. T. 2. P. 158–165; *Ciociltan V.* Aux origines d'une confusion historique: Nicéphore Grégoras et la fondation de Caffa // *Il Mar Nero*. 1999/2000. № 4. P. 143–150.

² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 254–257, 454.

³ *Stellae Georgii et Iohannis.* Annales Genuenses / a cura di G. Petti Balbi. Bologna, 1975. (RIS; T. 17, pt. 2). P. 156; *Giustiniani Agostino.* Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2. P. 98. См. подробнее: *Balard M.* La Romanie Génoise... T. 1. P. 114–116.

⁴ *Ibid.* P. 117–118.

⁵ См.: *Карнов С. П.* Генуэзские нотариусы Каффы конца XIII в. (опыт реконструкции) // Крым: проблемы истории. С. 57–62.

⁶ *Brătianu G.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du Treizième siècle (1281–1290). Bucarest, 1927; *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris; La Haye, 1973.

⁷ *Balard M.* Les actes notariés génois // *Quel Mar che la Terra Inghirlanda.* In *Ricordo di Marco Tangheroni* / a cura di F. Cardini e M. L. Ceccarelli. Pisa, 2007. Vol. 1. P. 107–108.

например, селились отдельно от армян и греков, но это правило не всегда соблюдалось, и генуэзец мог купить дом в армянском квартале. Центром поселения была лоджия генуэзцев, где и заключались торговые сделки, велось делопроизводство. Там же, на центральной площади, находились дом коммуны и жилище консула¹.

Нотариальные акты Самбучето показывают значительность инвестиций в торговлю Генуи с Каффой и через Каффу — с Солхатом, Таной, портами Анатолии, при этом большую роль играют кредитные операции, заключение краткосрочных торговых контрактов (комменды, *societas maris* и прочее) с разделением прибыли между инвестором и его торговым агентом. В начальный период существования генуэзской Каффы в числе товаров, экспортируемых из нее в обмен на серебро и сукно, привозимые с Запада, доминировали зерно, соль, осетровые, кожи, красители и, конечно, рабы. Из Южного Причерноморья и греческих земель в Каффу вывозили вино, оливковое масло, квасцы. Дорогие товары с Востока тоже фигурируют в сделках, но их доля еще сравнительно невелика в сопоставлении с последующим периодом.

Закрепившись в Каффе, генуэзцы начали осваивать рынки прилежавших к ней областей и столкнулись с венецианцами, основавшими маленькую факторию в Сугдее. Уже с 1288 г. в этом городе был венецианский консул, претендовавший на юрисдикцию над всеми венецианцами в Крыму (Газарии)². После своего временного изгнания из Константинополя в 1261 г. венецианцы сумели заключить новый торговый договор с византийским императором Михаилом VIII Палеологом в 1265 г., а затем подтвердить его в 1268, 1277 и 1285 гг. Среди прочего им было предоставлено право свободно торговать в Причерноморье и обосновываться в тех местах, подконтрольных Византии, которые бы они предпочитали. Тем самым Палеолог хотел уравновесить влияние генуэзцев. Он добивался эквивалентности предоставленных обеим республикам привилегий и предписывал, чтобы купцы Венеции и Генуи не наносили ущерба друг другу, тем более на территории Византии. При этом особое значение придавалось торговле зерном и снабжению им византийской столицы из Крыма и всего Причерноморья³.

Впрочем, еще до решающих битв с венецианцами генуэзцам пришлось столкнуться в Причерноморье и со своими старыми, уже к тому времени побежденными соперниками — пизанцами. В 1277 г. одна пизанская галера пыталась перехватывать генуэзские суда у Синопа, но была побеждена генуэзской галеей

¹ Balard M. La Romanie Génoise... T. 1. P. 199–202.

² Постановления об отправке консула в Солдайю на год впервые встречаются в документах: ASV, MC. Liber Zanetta. F. 276v, 278v—4, 8/IV.1288. Публикация: Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia. Vol. 3. P. 201. Пересты: Thiriet F. Délibérations des Assemblées Vénitienes concernant la Romanie. T. I. № CXXIV. См. также: Nystazopoulou-Pélékidis M. Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. 1970. Vol. 7. P. 26.

³ I trattati con Bisanzio (1265–1285) / a cura di M. Pozza e G. Ravagnani. Venezia, 1995. (Pacta Veneta; Vol. 6). P. 34–35, 61, 91, 97, 116, 119, 141, 143, 158, 161.

и сожжена в бою у Солдайи¹. История якорной стоянки в Азовском море, именуемой *Porto Pisano*, весьма туманна. Во всяком случае, в конце XIII—XV в. она была пизанской только по имени.

Почти сразу же после обустройства генуэзцев в просторной и удобной Феодосийской бухте Каффа стала важным морским портом. Уже в 1289–1290 гг. более 100 торговых судов посещало ее². Она сразу же стала претендовать на роль главной гавани региона, и это беспокоило соперников.

Конфликт морских республик затронул Северное Причерноморье чуть позднее. Во время венецианско-генуэзской войны (1294–1299 гг.) в 1296 г. венецианский флот более чем из 20 галер под командованием Джованни Соранцо захватил и сжег генуэзскую Каффу. Весной, пережив тяжелую зиму, сильно поредевшая венецианская эскадра вернулась восвояси с тяжелыми потерями³. Генуэзцам удалось возвратиться в Каффу в 1299 г., но вскоре их вновь ждали испытания. В конце 1307 г. хан Тохта, как пишет генуэзский хронист, недовольный гордыней генуэзцев, приказал арестовывать их на всей территории его «империи» и конфисковывать их собственность. Желая разрушить Каффу, он послал против нее своего сына Эльбасара со 100-тысячным войском, осадившим Каффу. Ему противостояли 300 генуэзцев и 300 греков, жителей поселения. После отчаянного сопротивления в течение почти восьми месяцев защитники решили на кораблях покинуть Каффу, придав огню оставленные дома и строения⁴.

Хотя хронист явно преувеличивает число нападавших, он точно передает суть событий. Его сведения подтверждают арабские хронисты, дополнившие картину объяснением, что гнев хана был вызван продажей генуэзцами татарских детей в рабство⁵. Место оставалось заброшенным до 1312 г., когда в улусе Джучи сменился хан и генуэзская коммуна отправила посольство к преемнику Тохты, знаменитому впоследствии Узбеку, разрешившему лигурийцам вернуться. На этот раз и ведение переговоров с ханом, и дело восстановления фактории взяла в свои руки метрополия. Переговоры увенчались успехом, и генуэзцы стали возвращаться в Каффу. Желая укрепить и консолидировать свои позиции, генуэзская метрополия в 1313 г. организовала специальную комиссию по делам навигации и Черного моря, названную Оффицией Газарии. Она была независима от часто меняющихся властей генуэзской коммуны, обладала высшими полномочиями в организации

¹ *Annali genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori, nuova edizione / a cura di L. T. Belgrano e di C. Imperiale. Genova; Roma, 1926. Vol. 4. P. 180.*

² *Balletto L. Genova Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII–XV). Genova, 1976. P. 127.* Для сравнения: даже в период наивысшего расцвета дунайских портов Черного моря, Килии и Ликостомо в 1361 г. их посетили лишь 26 кораблей (*Ibid.* P. 144).

³ *Heyd W. Histoire du commerce... T. 2. P. 169; Loenertz R.-J. Menego Schiavo. Esclave, corsaire, seigneur d'Ios (1296–1310) // SV. 1967. T. IX. P. 326–329.*

⁴ *Continuazione della cronaca di Jacopo da Varagine, dal MCCXC VII al MCCCXXXII / publ. per cura di V. Promis // ASLSP. 1874. T. X. P. 500–501.*

⁵ *Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 120, 162.*

и регламентации мореплавания, кораблестроения, борьбе с пиратством и, что для нас важно, в общем управлении торговыми факториями¹. Одной из норм в положении о комиссии было предписание, чтобы любой генуэзский корабль, осуществивший плавание в Черном море и в Тану, непременно заходил в Каффу, платил там соответствующие портовые сборы и стоял в каффинском порту не менее дня². Одновременно, опять-таки в целях закрепления роли Каффы как главной крымской фактории генуэзцев, был введен запрет для всех генуэзцев производить торговые сделки в соседней Солдае и на всем побережье от Солдаи до Каффы³. 18 марта 1316 г. в регламент Оффиции Газарии был включен по сути первый известный «Статут Каффы», *Ordo de Caffa*⁴.

§ 3. Каффа — главный центр Генуэзской Газарии

Специальные инициативы генуэзской метрополии по превращению Каффы в главный центр Генуэзской Газарии и форпост торговли завершились предоставлением Каффе статуса города папским декретом 1318 г. и учреждением там католического епископства⁵. Роль Каффы как главной фактории генуэзцев в Черном море утвердилась не сразу. По статутам 1300 г. все консулы Причерноморья и Турции кроме каффинского были подчинены подеста Перы. Но в 1363 г. консулу Каффы уже были подчинены генуэзские консулы Таны и Чембало, а в ведении Перы оставались Симиссо, Синоп и Трапезунд. В 1398 г. и они вместе с Самастро (Амастридой, Амасрой) были подчинены Каффе⁶.

В 1316 г. Каффа была отстроена попечением синдиков (полномочных посланников) генуэзской коммуны Антонио Галла и Николо Пагано⁷. Главной заботой было возведение городских стен и акведуков. Но предоставленная ханом территория распространялась и на земли вне городских стен. Там стали возникать городские предместья. Участки земли, за исключением площадей и улиц в ведении коммуны и церковных строений, продавались консулом на аукционах генуэзцам, желающим их купить и возвести там свои дома и усадьбы.

С середины XIV столетия Каффа начала быстро расти, освоив все преимущества своего положения и богатая от выгодной посреднической торговли, в кото-

¹ *Imposicio Officii Gazarie* / ed. L. Sauli // MHP. Torino, 1838. Vol. 2. *Leges Municipales*, 1. P. 299–430; *Forcheri G.* *Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il Liber Gazarie.* Genova, 1974.

² *Imposicio Officii Gazarie...* P. 378.

³ *Ibid.* P. 380, 382.

⁴ *Ibid.* P. 377–386; *Forcheri G.* *Navi e navigazione...* P. 19–26.

⁵ *Acta Ioannis XXII (1317–1334) / e registris vaticanis aliisque fontibus collegit A. L. Tautu.* Romae, 1952. № 8. P. 12–14.

⁶ *Saraceno P.* *L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453* // *Rivista di Storia del diritto italiano.* 1969–1970. T. 42–43. P. 195–196.

⁷ *Continuazione della cronaca di Jacopo da Varagine...* P. 502.

рой все больше были представлены шелк, парча, хлопок, специи, дорогие товары Востока и особенно рабы. В городе началось интенсивное строительство.

В центре воздвигалась цитадель, называемая *castrum*. Так называемый «нижний город» защищал пояс стен с башнями, построенный консулом Джованни ди Скаффа, именем которого была названа одна большая круглая башня (1342 г.). Большой консульский дворец, или дворец коммуны, заменил прежнюю скромную лоджию. Там и находились все административные органы. И западные, и восточные современники стали отмечать величину и значимость города. Византийский историк Никифор Григора так описывал Каффу и ее историю: «Город населен латинянами и особенно людьми из Генуи, занимающимися торговлей и морскими трудами, откуда и происходит их достояние... Их государство стремилось заключать договоры и поддерживать дружбу с правителями приморских городов, которые могли предоставлять необходимые им защищенные от бурь гавани, так как им было необходимо в этих местах производить обмен товарами. Они полагали, что это легче сделать, если они будут в дружбе с правителями этих земель (разумеется, Григора имеет в виду золотоордынских ханов и эмиров. — *Авт.*). В обмен на уплату торговых налогов генуэзцы получили право свободно торговать... иметь постоянные дворы и строить лавки и склады для товаров... Первоначально у них не было стен и больших построек, и они ограничили небольшой, лишенный стен участок рвом и палисадом. Потихоньку, извлекая камни из земли и моря, они стали строить всюду дома... И в скором времени заняли больше пространства, чем им было первоначально дано... И ради привоза товаров и для продажи они выделяли большие пространства, окружали их рвами и частоколами и подводили основания стен, рассчитывая на большее. И так понемногу они воздвигли город, хорошо укрепленный и окруженный стенами, так что безопасность жителей покоилась на прочном основании, и нелегко было его осаждать»¹. Словам Григоры вторит арабский путешественник Ибн Баттута, посещавший Каффу и написавший, что это большой город, расположенный вдоль морского побережья, одна из известных гаваней в мире, с церквами, колокольным звоном и прекрасными базарами. Возможно не без преувеличений, он считал, что в гавани было до 200 военных и торговых кораблей².

Вскоре после постройки первого пояса стен городу выпало очередное испытание. После бытового конфликта в Тана в 1343 г. произошло столкновение живших там венецианцев и генуэзцев с татарами. Тана была оставлена итальянцами и разгромлена ордынцами. Часть жителей фактории бежала в Каффу, спасая свои жизни и имущество, часть на кораблях вернулась на родину, многие были убиты в столкновении или оказались в татарском плену³. В дело вмешался сам хан улуса

¹ *Nicephori Gregorae. Byzantina historia / cura L. Schopeni. Bonnae, 1830. Т. 2. Р. 683–684.*

² *Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 279–280.*

³ *Карпов С. П. Тана — колыбель Кризиса середины XIV века // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 203–214; Он же. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55 (80), ч. 1. С. 121–126; Он же. Кризис середины XIV в.: недооцененный пово-*

Джучи Джанибек, пославший против Каффы свои войска и осадивший город. Осада длилась с перерывами три года. В 1345 г., во время осады, папа Климент VI направил генуэзцам ободрительное письмо и предоставил всем защитникам Каффы на три года индульгенции, равные данным прежде защитникам Святой Земли¹. Индульгенции позволили собрать значительные средства на укрепление Каффы и в 1346 г. воздвигнуть новую башню Святого Антония, которую по закладной плите в стене с именем папы исследователи стали ошибочно именовать башней папы Климента².

Отрезанная от суши Каффа с успехом снабжалась продовольствием и оружием с моря. Генуэзцы и венецианцы, действуя сообща, смогли даже организовать некое подобие блокады ордынских владений с моря и отчасти дестабилизировать торговые связи Орды. В осаждавшем Каффу войске началась эпидемия чумы, той самой грозной болезни, которая выкосила затем добрую треть населения Европы. По сообщению хрониста Г. де Мусси, обессиленные осадой татары стали забрасывать в город трупы зараженных, стремясь вызвать среди осажденных болезнь. Те выкидывали их в воду, и воздух, земля и вода оказывались зараженными, по его словам. Это описание забрасывания трупов при помощи требук (мощных катапулт) не встречает подтверждения в других источниках. Г. де Мусси не был тогда в Каффе и опирался на рассказы очевидцев, возможно, живописуя ужасающими деталями свое повествование. Проведенное биологом М. Уилисом исследование подтвердило возможность заражения жителей Каффы через контакт с трупами, а также через проникающих в город из зараженной зоны крыс. Он полагает, что применение биологического оружия было вероятным и успешным³. Но более действенным для распространения эпидемии был контакт жителей с населением Северного Причерноморья, где свирепствовала болезнь. Зараженные чумой моряки принесли ее во все посещавшиеся ими порты, прежде всего в Геную и Венецию⁴.

Осведомленный генуэзский хронист Джорджо Стелла описывает осаду Каффы несколько иначе. Он не упоминает о забрасывании трупов, но пишет об использовании татарами 12 стенобитных и метательных машин, наносивших большой урон оборонявшимся. Лишь благодаря смелой ночной вылазке генуэзцам

рот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238.

¹ Clement VI (1342–1352). *Lettres closes, patentes et curiales intéressantes les pays autres que la France / publiés ou analysées d'après les registres du Vatican* par E. Déprez et G. Mollat. Paris, 1960. Т. I. P. 107–108. № 847–18/XII 1345; *Origone S. I mercanti e la crociata (Caffa genovese, secc. XIV–XV)* // *Studi Genuensi*. N. S. 1987. № 5. P. 6.

² Пономарев А. Л. Территория и население Генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги — массарии казначейства за 1381–1382 гг. // *Причерноморье в средние века* / под ред. С. П. Карпова. М., 2000. Вып. 4. С. 424–425.

³ Wheelis M. Biological warfare at the 1346 siege of Caffa // *Emerging Infectious Diseases*. 2002. Vol. 8, № 9. P. 971–975.

⁴ Tononi A. G. La Peste dell'anno 1348 // *Giornale Ligustico*. 1884. Т. XI. P. 144–146.

удалось сжечь эти машины и убить более 5 тыс. противников¹. Несмотря на явные преувеличения в исчислении потерь, хронист обозначил переломный момент в ведении осады. Чума и людские потери в войске прекратили войну, Каффа выдержала испытание. Генуэзцы, а вслед за ними и венецианцы, заключили мир с Джанибеком в 1347 г. Мир был недолог. Вскоре между бывшими союзниками Генуей и Венецией вспыхнула война за торговую гегемонию в регионе (1350–1355 гг.). Ее ареной были и Константинополь, и все Причерноморье. Бухты Каффы, Солдайи и других городов стали свидетелями и отчасти жертвами противоборства. Война закончилась компромиссом. Победителей в ней не оказалось, но генуэзцы смогли еще прочнее закрепиться на крымских берегах и постепенно начали расширять свои владения вдоль берега и вглубь полуострова, пользуясь ослаблением Орды с наступлением знаменитой «Великой замятни» и борьбы ордынских кланов за власть (1359–1392 гг.)².

§ 4. Генуэзская экспансия в Крыму во второй половине XIV — начале XV в.

Видимо, не путем захвата, а через договор генуэзцам удалось получить место вокруг глубокой и защищенной от непогоды бухты Чембало (виз. Символон, совр. Балаклава), рядом с пришедшим к тому времени в упадок Херсонесом. По своей форме бухта действительно напоминала музыкальный инструмент, лиру или кимвал, так и окрещенную генуэзцами — *Cembalo*, не без аналогий и с прежним греческим «символическим» названием. Чембало стал форпостом генуэзских владений на западе Крыма, в 1344 г. там работал генуэзский нотариус, а в 1357 г. консул Симоне дель Орто начал возводить там крепость. В 80-е гг. генуэзцы возвели вокруг цитадели пояс стен с четырьмя башнями, одна из которых получила имя Святого Николая, и соорудили акведук для снабжения фактории водой³. Уже в 1393 г. в порту Чембало существовала верфь для постройки кораблей⁴. Попытки князей Феодоро захватить у генуэзцев Чембало не увенчались успехом ни в 1422–1423 гг., когда они временно овладели городом, ни в 1433 г., когда им удалось поднять мятеж местного населения против генуэзцев.

Воспользовавшись смутой в Орде, генуэзцы Каффы захватили в 1365 г. заброшенную к тому времени венецианцами Солдайю, а также 18 деревней-казалий ее округи, вплоть до Чембало (в их числе были такие поселения, как Фори-Форос,

¹ *Stellae Georgii et Iohannis*. *Annales Genuenses*. P. 139. Та же информация повторена хронистом Агостино Джустиниани: *Giustiniani Agostino*. *Annali della Repubblica di Genova*. T. 2. P. 75.

² См.: История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2009. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. С. 695–712.

³ *Balard M.* *La Romanie Génoise...* T. 1. P. 157.

⁴ *Карпов С. П.* Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М.; СПб., 1998. [Вып. 3]. С. 10.

Лупико-Алупка, Музакори-Мисхор, Орианда-Ореанда, Джалита-Ялта, Сикита-Никита, Горзовиум-Гурзуф, Партенита-Партенит, Луста-Алушта). Тем самым они положили начало уже значительному территориальному комплексу с аграрной периферией, называемому Генуэзской Газарией. Время было выбрано удачно: тогда в Орде шла война между Мамаем и Кутлуг-Тимуром. Хотя Мамаю, возможно, удалось на короткий срок подчинить казалии своей власти, окончательная передача этих территорий генуэзцам была закреплена договором с наместником Солхата Черкес-бегом в 1380 г. и с посланником нового хана Тохтамышша Ильяс-бегом в 1381 г.¹ Тохтамыш охотно предоставил генуэзцам эту территорию и торговые привилегии в обмен на признание его формального суверенитета, особенно за их поддержку в борьбе против его главного противника — Мамаю, лишившегося помощи и защиты генуэзцев и убитого у Солхата людьми Тохтамышша между мартом и ноябрем 1381 г.²

Тем не менее противоборство эмиров в самой Орде сказывалось на положении Каффы. В 1386 г. Бек-Булат провозгласил себя императором, ему подчинился Солхат, а Каффа, поначалу признавшая Бек-Булата, затем приняла сторону Тохтамышша и прежнего «господина Солхата» Кутлуг-буги. Война Каффы с Солхатом в 1386 г. закончилась победой генуэзцев и их могущественного союзника Тохтамышша. В 1387 г. был подписан мирный договор, утвердивший за Каффой владение Солдайей и казалиями³.

Нашествие Тимура обошло Каффу, как и Крым вообще, и она, в отличие от Таны, не пострадала в борьбе Тимура с Тохтамышем в 1395 г.⁴

В XV в. Каффа стала проводить уже более самостоятельную политику по отношению к правителям Золотой Орды, а потом и Крымского ханства. Приезжавшие в Каффу татарские ханы и беи, их родичи или послы, даже простые гонцы получали денежное содержание и вознаграждения из казны⁵. Соперничавшие между собой Едигей и Девлет-Берди одинаково укрывали в Каффе членов своих

¹ *Desimoni C.* Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381, scritto in lingua vulgare // ASI. 1887. T. 20. P. 161–165; *Ciociltan V.* Reichspolitik und Handel: die tatarisch-genuesischen Verträge von 1380–1387 // II Mar Nero. 1994. № 1. S. 261–271; *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994. P. 98–100.

² *Balard M.* La Romanie Génoise... T. 1. P. 457–458; *Миргалуев И. М.* «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань, 2010. С. 183–197.

³ *Basso E.* Il «bellum de Sorcati» ed i trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuensi. 1990. T. 8. P. 11–26; *Пономарев А. Л.* «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Материалы второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. Вып. 2. С. 18–21.

⁴ См.: *Мыц В. Л.* «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: Историографический конфуз, или Археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / под ред. С. Г. Бочарова, А. Т. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015. С. 99–123.

⁵ *Пономарев А. Л.* Первые ханы Крыма... С. 162.

семейств и своих сторонников, не раз приезжая в город и ведя переговоры с консулами, ища их поддержки. Власти Каффы, в свою очередь, желая стабильности и спокойствия, тратили на подношения ханам по 2–3 тыс. золотых дукатов в год.

Еще одной проблемой для генуэзцев в Крыму были отношения с соседним княжеством Феодоро, стремившимся закрепиться на южном берегу и, опираясь на принадлежащую феодоритам небольшую приморскую крепость Каламиту, отнять у генуэзцев Чембало и, возможно, и прилегавшие земли Крымской Готии. Для этого князь Феодоро Алексей I искал поддержки у венецианцев и у местного, в основном греческого, населения Чембало. Ему удалось спровоцировать в феврале 1433 г. восстание греков Чембало против генуэзцев. Инсургенты захватили город и его цитадель и передали их под власть князя Алексея. Успеху восстания способствовала, видимо, фискальная политика генуэзских властей, вводимые ими высокие налоги и временная ситуация отсутствия в Чембало консула или кастеллана.

Генуя отреагировала быстро. После неудачных попыток летом 1433 г. сходу взять Чембало с моря в октябре было решено послать воинский отряд и корабли под командованием рыцаря Карло Ломеллини. В марте 1434 г. флотилия из 20 судов отплыла к крымским берегам и в мае прибыла на место. Заключив договор с эмиром Синопа и обезопасив себя от возможности его помощи феодоритам, 4 июня 1434 г. флот Ломеллини блокировал Чембало с моря. Прорвавшись с боем в бухту и применив артиллерию, генуэзцы захватили сначала нижнюю крепость, а затем, 8 июня, и цитадель, консульский замок. На следующий день была взята и сожжена Каламита, а войско К. Ломеллини по суше и морю двинулось к Каффе, подчиняя и разоряя по пути селения Готии.

Прибыв в Каффу, К. Ломеллини после обсуждения дел и под нажимом консула Каффы Баттисты де Форнари начал готовить поход на Солхат, являвшийся не только давним торговым соперником Каффы, но и, возможно, основным союзником Феодоро. 22 июня растянувшаяся колонна войска К. Ломеллини с обозами по жаре двинулась к Солхату. Его взятие изменило бы всю геополитическую ситуацию в регионе, и, казалось, это было вполне вероятно. Однако татарская конница, не дожидаясь подхода войска к Солхату, внезапно атаковала его на марше. Наемное войско генуэзцев, положившее оружие, осадную технику и доспехи на телеги (ведь они готовились не к бою на открытой местности, а к осаде города), бросилось в панике бежать к Каффе, бросив раненых, обоз и оружие, доставшиеся победителям. Поражение было полным и продемонстрировало неготовность воинов Генуи к войне с маневренной татарской конницей. Их самонадеянность и легкость победы у Чембало привели к тому, что в походе на Солхат они даже не выставили боевого охранения и не провели разведку.

На следующий день татары и их союзники отрубили головы убитым генуэзцам и сложили из них две пирамиды. Исследователи оценивают количество погибших примерно в 2000 человек. Мирный договор с ханом Хаджи-Гиреем был подписан в Солхате 13 июля 1434 г. на условиях статус-кво и выкупа пленных. Он не затрагивал отношений Каффы и Мангупа, и война с Феодоро продолжалась до 1441 г., когда по мирному договору Чембало закрепилось за генуэзцами, а Каламита вернулась Феодоро при условии, что там не будет создаваться порт, конку-

рирующий с Чембало. Стабилизации положения способствовало соперничество ханов Сайид-Ахмада и Хаджи-Гирея. К. Ломеллини удалось побудить первого к выступлению, закончившемуся его победой и изгнанием Хаджи-Гирея. Тем самым К. Ломеллини чуть скрасил горечь поражения и укрепил позиции Каффы. В Геную он вернулся не как проигравший войну, но как достойный рыцарь, получивший в награду золотые шпоры¹.

§ 5. Закат Генуэзской Газарии

В 30–40-е гг. XV в. стал остро ощущаться дефицит бюджета Генуи, да и самой Каффы, при нестабильности в Крымском ханстве, сокращении торгового оборота и росте османской угрозы. После взятия Мехмедом II Константинополя и частичной блокады турками Проливов ситуация резко обострилась. Каффа была вынуждена платить султану дань, а Генуя, к тому же ослабленная войной с Неаполитанским королевством и распрями собственных политических группировок, не могла обеспечить ей достаточной военной поддержки. В этих условиях в 1453 г. было принято решение о передаче Каффы и всех заморских владений Генуи за символическую плату под управление банка Святого Георгия — мощнейшего в Европе в те годы. Это немного ослабило, но не остановило кризис. В частности, банк выкупил старые займы казны Каффы и пытался наладить поставки туда вооружения и небольших воинских отрядов. Но договоры Генуи и Каффы с османами были непрочными и требовали все возрастающей уплаты дани. Сначала Каффа платила 2000, потом 3000 дукатов ежегодно. И все это с трудом погашал банк. Из Каффы массово эмигрировали и бежали на Запад жители. Депопуляция достигала угрожающих размеров, и правление банка принимало меры по расширению политических прав горожан и облегчению предоставления генуэзского гражданства². Выбранные в Генуе на консульские должности патриции часто отказывались принять на себя эту ношу, тем более что их зарплаты облагались тяжелым налогом, так называемыми сталями, фактически обесценивавшими получаемое денежное содержание. Выплаты денег воинам, всем стипендиариям, чиновникам и морякам задерживались или не осуществ-

¹ *Чиперис А. М.* К истории Чембальского восстания // Ученые записки Туркменского государственного университета. 1961. Вып. 19. С. 291–307; *Agosto A.* Nuovi reperti archivistici genovesi dell' «Officium Provisionis Romanie» sulla guerra di Cembalo (1434) // *Byzantino Bulgarica*. 1981. Т. 7. Р. 103–108; *Andrescu Ş.* New documents relating to Carlo Lomellino's expedition in the Black Sea are (1434) // *Il Mar Nero*. 2006. № 5. Р. 259–272; *Мыц В. Л.* Война 1433–1441 гг. между Каффой и Феодоро // АДСВ. Екатеринбург, 2000, Вып. 31. С. 330–359; *Он же.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 156–178.

² См.: *Данилова Э. В.* Каффа в начале второй половины XV в. (по документам Codice) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 205–206.

лялись вовсе, кредитные обязательства зачастую не выполнялись, руководители банка Святого Георгия не желали или были не в состоянии решать финансовые проблемы Каффы¹.

Сокращение товарооборота в сочетании с возраставшей угрозой резко снижали мотивацию генуэзского патрициата поддерживать далекие фактории. Им приходилось все больше рассчитывать на свои силы. И хотя отдельные богатые жители Каффы жертвовали деньги на ремонт обветшавших и местами даже обвалившихся стен и другие нужды обороны, этого было явно недостаточно. В городе царили панические настроения, в 1454–1455 гг. засуха и неурожай грозили голодом². Возмущение общин, особенно армянской, властями фактории и недовольство низов приводили к резкому социальному напряжению, заговорам, бунтам и попыткам восстаний в Каффе в 1425, 1454, 1456, 1463, 1471, 1472, 1475 гг., в Солдае в 1470 г.³ Правители банка, не раз обвиняя консулов и массариев в злоупотреблениях, посылали в Каффу корабли, груженные зерном и вооружением, хотя и в недостаточном количестве. Одновременно банк вел переговоры с папой, правителями Венгрии и Польши об оказании городу помощи⁴.

Особую озабоченность вызвали действия турок, явно стремившихся после захвата Константинополя в 1453 г. установить полный и безраздельный контроль над акваторией Черного моря. Первым пробным камнем была экспедиция флота Темир-Кая летом 1454 г. Она, по сути, была рекогносцировкой и демонстрацией силы. Флот приплыл к Монкастро (Белгороду-Днестровскому), Севастополю (Сухуми), который был взят и разграблен, Воспоро и Каффе. После нескольких боестолкновений генуэзцы отвратили штурм Каффы и заключили соглашение с османами, признав сюзеренитет султана и согласившись на уплату ему дани⁵. Ища защиты, каффинцы в 1462 г. приняли протекторат польского короля Казимира IV Ягеллончика. Протекторат оказался чисто номинальным: вовлеченный в конфликты в Центральной Европе польский король не мог оказывать Каффе действенной помощи и влиять на ее дела⁶. Положение Генуэзской Газарии ненадолго улучшилось с началом венецианско-

¹ *Musso G. G.* I Genovesi e il Levante tra medioevo ed età moderna. Ricerche d'archivio (con appendice documentaria a cura di M. J. Jacopino) // Genova, la Liguria e l'Oltremare tra medioevo ed età moderna. Ricerche d'Archivio / pubbl. dell'Istituto di Scienze Storiche dell'Università di Genova. Genova, 1976. Т. 2. Р. 67–183; *Idem.* Il tramonto di Caffa genovese // *Idem.* La cultura genovese nell'età dell'umanesimo. Genova, 1985. Р. 203–223.

² *Волков М.* Четыре года города Каффы (1453, 1454, 1455 и 1456) // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 134–135; *Данилова Э. В.* Каффа в начале второй половины XV в. С. 207.

³ *Чиперис А. М.* Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50–70 гг. XV в. // Ученые записки Туркменского государственного университета. 1962. Вып. 21. С. 245–266; *Он же.* Социально-экономическое положение и движения моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. 1956. Вып. 9. С. 67–79; *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Р. 153–154; *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке... С. 234–237.

⁴ *Волков М.* Четыре года города Каффы... С. 137–143.

⁵ Там же. С. 114–115; *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке... С. 237–240.

⁶ *Malowist M.* Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947. Р. 174–179.

турецкой войны в 1463 г. и выступлений против Мехмеда II правителя Ак-Коюнлу, затем персидского шаха Узун-Хасана, заключившего союз с Венецией и антитурецкой коалицией, вдохновляемой папой Пием II. Каффа, как и Генуя, не участвовала в этих конфликтах. Власти Каффы тем временем стали (часто небескорыстно) вмешиваться в династические споры Крымских Гиреев¹. Напряженными оставались и отношения Каффы с Феодоро, где князь вопреки договорам укреплял и отстраивал порт Каламиту, создавая конкуренцию находившемуся рядом Чембало². Поражение войск Узун-Хасана в 1473 г. и неудачи Венеции в войне с османами (1463–1479 гг.) развязали руки османам и обрекли Каффу. В 1470 г., воспользовавшись незначительным конфликтом турецких и генуэзских купцов, султан увеличил дань Каффы до 4000 дукатов³. Его притязания этим не ограничились.

В 1475 г. один из крымских беев, тудун Эминек, поднявший мятеж против хана Менгли-Гирея, союзника генуэзцев, и отстраненный от своей должности главы сельской округи (кампании) Каффы, обратился к османскому султану с призывом вмешаться. Мехмед II, давно желавший расправиться с последними оплотами «латинской» власти в Причерноморье, с Феодоро и его молдавскими и татарскими союзниками, внял его призывам и направил к Каффе флот более чем из 500 кораблей, включая 208 галер, под командованием великого визиря Гедика Ахмеда-паши. Поход готовился в глубокой тайне.

Прибыв к Каффе 31 мая и высадившись на берег на следующий день, османы приступили к осаде. 2 июня они начали обстрел ворот Хачатура из орудий. Хан Менгли-Гирей желал оказать помощь генуэзцам, но и сам был принужден скрываться от Эминека за стенами Каффы. Греки и армяне Каффы бунтовали против генуэзцев, требуя немедленной сдачи города. Именно это и заставило малодушных официалов хорошо укрепленной и имевшей артиллерию Каффы сдать город. 6 июня она капитулировала, и турки вошли в город. Часть итальянцев и других европейцев были казнены на месте. Купцы, в том числе московские, ограблены, многие убиты. Часть жителей города была обращена в рабство, часть переселена в опустевший после захвата османами Константинополь, остальные, став подданными султана и лишившись половины имущества, в дальнейшем должны были платить высокую подушную подать⁴. Последний консул Каффы Антониотто Кабелла стал рабом на турецких галерах, а передавший ключи от ворот Каффы массарий Оберто Скварчафико был повешен на крюк за ребро в Стамбуле. Вслед за

¹ О последних годах жизни Каффы см.: *Malowist M. Kaffa—kolonia geneueńska...*; *Данилова Э. В.* Каффа в начале второй половины XV в. С. 189–214; *Musso G. G.* Il tramonto di Caffa genovese // *Miscellanea di storia ligure in memoria di G. Falco.* Genova, 1966. P. 313–339.

² *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке... С. 356–358.

³ Первоначально он даже хотел увеличить ее до 8000 дукатов. См.: *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) // *ASLSP.* 1871. T. VII, parte I. P. 742–746; *Malowist M. Kaffa—kolonia geneueńska...* P. 285–287.

⁴ *Pistarino G.* La caduta di Caffa: diaspora in Oriente // *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990. P. 479–518.

Кафрой войско и флот Гедика Ахмеда-паши захватили фактории Таманского полуострова и Приазовья, включая Матрегу, Копу (Темрюк) и Тану, а затем приступили к штурму упорно сопротивлявшейся Солдайи. Ее обороной руководил мужественный консул Христофоро ди Негро. По позднему, возможно, легендарному свидетельству, он вместе с оставшимися защитниками погиб в последнем очаге сопротивления — пылающем храме¹. Вслед за падением Солдайи, османы захватили все остальные земли «капитанства Готии», взяли штурмом и сожгли Чембало и после продолжительной осады овладели к концу года Мангупом, столицей княжества Феодоро, давнего соперника, а затем союзника генуэзцев. Татарам крымского хана османы поручили искать и казнить всех генуэзцев, бежавших из захваченных факторий. Их отрубленные головы были привезены в Стамбул и повешены на его воротах. Столь трагичным был конец Генуэзской Газарии.

§ 6. Управление и топография Генуэзской Каффы

Каффа была главным городом Генуэзской Газарии, столицей всех черноморских факторий Генуи. Консулу Каффы были прямо подчинены главы всех других генуэзских факторий Крыма и Причерноморья: Симиссо (Самсуна), Таны, Копы, Севастополиса, Монкастро (ныне Белгород-Днестровский), а также сеньории отдельных генуэзских граждан в Крыму (братьев Гуаско в Тассили, господ в Лусте), в дельте Днепра (Илличе) и на Кубани — в Матреге (Тмутаракани).

Каффа изначально созидалась по определенной матрице. Образцом для нее была сама метрополия, расположенная, как и Каффа, между морем и горами. Но имелась существенная разница. Хотя в Генуе и проживали иноземцы в средневековом смысле этого слова, т. е. нелигурийцы, число их было невелико, и город оставался моноэтничным. Другое дело Каффа и прочие фактории с их пестрым и столь различавшимся в быту и традициях населением. Генуэзцам приходилось адаптироваться к их обычаям и верованиям, им надо было найти свое место, притом главенствующее в этой среде. И генуэзцы нашли такой способ формирования собственного микрокосма в этом чужом, если не сказать больше — чуждом мире. Об этой их способности точно сказал анонимный генуэзский поэт XIV столетия:

E tanti sun li Zenoexi
e per lo mondo sì distexi
che und'eli van e stan
un'altra Zenòa ge fan².

(И столько генуэзцев, и по миру так они рассеяны, что куда бы один из них ни отправлялся, он уже создает другую Геную.)

¹ *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 347.

² *Anonimo Genovese.* Le Poesie storiche / edizione critica, versione italiana, introduzione, note e glossario a cura di J. Nicolas. Genova, 1983. P. 28–29.

Все это отложилось в топографии фактории, сначала обособлявшейся, а затем растворявшейся в новой среде, вбиравшей в себя ее компоненты. Наряду с малочисленным вначале «латинским» компонентом, в городе проживали греки, черкесы, славяне, затем все больше армяне, сирийцы, татары и многие другие.

Каффа, конечно, напоминала в плане метрополию, где выделялись главная цитадель — каstrум, центральная часть, окруженная городскими стенами и башнями, возведенными в 1383–1385 гг., предместья — бурги и новые кварталы, антибурги, не имевшие стен, но защищенные барбаканами¹. Первоначально поселение располагалось на холме, ныне именуемом Карантинным. Постепенно город вытянулся амфитеатром, обращенным к морю.

В строительстве фортификаций Каффы было несколько этапов: 1) сооружение деревянных укреплений и палисада (конец XIII в.); 2) возведение первого пояса каменных стен и цитадели (1340–1352 гг.); 3) постройка второго пояса стен (1383–1385 гг.) мощной крепости с эшелонированной обороной города, порта и бургов (1360-е — 1475 г.). Если в начале XIV в. площадь городской территории Каффы составляла, по оценкам археологов, 11,3 га, то к концу века — уже 120 га².

Значительный импульс в строительстве укреплений Каффы дала Солхатская война, когда генуэзцам стала ясна угроза не только от ханов, но и от местных эмиров³.

К концу XIV столетия Каффа располагала мощной цитаделью и двумя линиями концентрических стен, защищаемых башнями, перед которыми были вырыты рвы. Через них были перекинута поднимаемые мосты. Таким укреплениям мог позавидовать любой большой город Средневековья. И действительно, Каффа постепенно становилась самым крупным городским центром Восточной Европы. Она была разделена примерно на 60 кварталов, так называемых *contrade*. Столько же и так же было в самой Генуе. В фискальных целях их жители делились на «сотни» и «десятки»⁴. Реконструкция топографии Каффы по письменным источникам в сочетании с археологическими, топонимическими и эпиграфическими данными позволяет идентифицировать названия многих городских башен и кварталов, церквей и иных строений⁵.

¹ *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 1. P. 211–212; *Айбабина Е. А.* Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67–81.

² *Бочаров С. Г.* Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы VII Междунар. конф., посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 263.

³ *Бочаров С. Г.* Солхатская война и ее отражение в фортификации Каффы // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). Барнаул, 2012. С. 113–116.

⁴ *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 1. P. 215.

⁵ См.: *Пономарев А. Л.* Территория и население Генуэзской Каффы... С. 402–443; *Бочаров С. Г.* Историческая топография Каффы (конец XIII — 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М.,

Центральным укреплением цитадели была огромная башня Христа, украшенная башенными часами, первыми на территории нашей страны. За их работой ежедневно следил специальный мастер, состоявший на службе в курии консула. Именно по этим часам звонили в колокол¹. Пояс городских стен имел несколько выходящих на основные дороги ворот, защищаемых барбаканами. Башни нередко получали свое имя либо от близлежащих церквей, либо от названий кварталов-контрат с их разноплеменными обитателями, либо от функциональной принадлежности. К числу первых относились, например, башни Святых Апостолов, Святого Антония (где хранились архивы коммуны), Святого Феодора, Святого Георгия и большая угловая башня бурга Святого Константина. К числу вторых — башни Хачатура, Вонитика, к числу третьих — башня Stagnonis (Водосборная). Основные ворота города (имевшие свои названия: например, Святого Николая, Святого Андрея, Армянские или Бизаньо, по имени впадавшей в море речушки) также были укреплены. Башня Святого Константина была превращена в настоящий замок со своим отдельным гарнизоном. Самой защищенной частью цитадели была обращенная к равнине сторона.

В 1382 г. рядом с лоджией коммуны начал строиться новый консульский дворец. В его портике, выходящем на центральную площадь, консул вершил суд и выслушивал петиции. Во дворце помимо резиденции консула и его викария была францисканская капелла Святого Георгия. Дворцовую площадь окружали здания курии, казначейства, таможенных служб и так называемые «банки» — лавки купцов, менял, банкиров и нотариев, а также дома магистратов и военных командиров (конюшего, бухгалтеров коммуны массариев, глав налоговых и иных ведомств). От цитадели к городским воротам радиально и пестрым серпантинном расходились улицы и переулки, тесно застроенные и густо заселенные. В бургах находились городские бани, жилища ремесленников. Там же были и скотобойня, лавки мясников, склады, цистерны для воды. За стенами бургов постепенно вырастали предместья — антибурги. Весь этот «внешний» город тянулся вдоль морского побережья чуть ли не на километр. За его пределами, на окрестных холмах, стояли ветряные мельницы.

Местные элиты в Каффе предпочитали селиться в цитадели или в нижнем городе, а ремесленники и местные этносы — также в бургах и предместьях².

Каффинский порт был сердцем всей экономической жизни города. Генуэзцы построили в XIV–XV вв. практически новый порт на месте заброшенного византийского (VII–XI вв.). Гавань была не лагунная, но открытая, что потребовало

2000; *Он же*. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV в.) // Причерноморье в средние века. [Вып. 3]. С. 82–116.

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 / изд. В. Н. Юргевич // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 703. Критическое латинское издание Устава 1449 г.: *Statuto di Caffa* / ed. A. Vigna // ASLSP. 1879. Т. VII, parte 2. P. 567–680. Для удобства читателя ссылки даны по изданию латинского текста устава с параллельным русским переводом В. Н. Юргевича, однако при необходимости мы делали уточнения этого перевода и сверяли его с изданием А. Виньи.

² *Balard M. La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe — XVe siècles)*. London, 1989. № III. P. 173.

инженерных сооружений. Археологически реконструируются гавань, молы, пакгаузы, склады, таверны, несколько церквей и дома портовых рабочих¹.

Каффа имела свой собственный флот. Оснащение судов владельцами-патронами производилось под строгим контролем консула по установленной процедуре². Корабли в порту могли вытаскивать на сушу для защиты от непогоды и ремонта. Для этого были оборудованы специальные механизмы. Там же находился и арсенал, в котором кроме корабельных атрибутов изготавливали и хранили оружие, в частности в конце XIV—XV в. — пороховые бомбарды³. Вдоль набережной, как и в Генуе, шла так называемая *girra* — торговая улица, скорее даже магистраль, с многочисленными лавками торговцев, ремесленников, рыбаков и тавернами.

Источники позволяют отождествить более 60 церквей, находившихся в городе и его предместьях. Большинство из них принадлежало католикам, но немало было православных и армянских храмов. В архитектуре сохранившихся памятников эта конфессиональная принадлежность не всегда прослеживается. Все эти постройки просты и аскетичны. Главным кафедральным собором города был храм Святой Агнессы. Две церкви были посвящены Богородице — Святой Марии на Базаре и Успенья, две — Святому Георгию, были храмы Святого Николая, Святой Марии Магдалины, Святого Креста, а также много других, посвященных различным святым и праздникам. В городе, где велась активная миссионерская деятельность, находились францисканский и доминиканский монастыри и церкви, окормляемые служителями этих орденов (Святого Франциска, Святого Доминика, Святой Клары, Святого Антония и др.). Среди многочисленных православных храмов следует назвать Святых Апостолов, Святого Димитрия, Святого Акиндина, Богородицы-Теотокос, Святого Василия, Святого Никиты и др. Статут Каффы 1316 г. прямо указывает на наличие там русских церквей⁴. Армянскими церквями были храмы Святого Саркиса, Троицы, Михаила и Гавриила, Святого Григория и пр. Ибн Баттута отмечал, что в Каффе имелась своя мечеть, а главой мусульман города был живший там кади⁵. В источниках упоминаются две синагоги⁶.

В городе со столь значительным населением было необходимо позаботиться о регулярном и защищаемом в случае нападений водоснабжении. Эту роль с успехом играли акведуки и водопровод, а в городских кварталах находились фонтаны и колодцы, нередко украшаемые каменной резьбой, если распо-

¹ *Bibikov M.* The Comparative Study of the Medieval Ports of the Northern Pontus. 12th–15th cent. // I Porti come impresa economica. Atti della «Diciannovesima Settimana di Studi». Istituto intern. di storia economica «F. Datini», Prato. Firenze, 1988. P. 950–953.

² Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 734–736.

³ Там же. С. 723–724; *Balard M.* Caffa e il suo porto (secc. XIV–XV) // Città di mare del mediterraneo medievale: tipologie. Atti del Convegno di Studi in memoria di Robert P. Bergmann (Amalfi, 1–3 giugno 2001). Amalfi, 2005. P. 61–77.

⁴ *Imposicio Officii Gazarie...* P. 407.

⁵ *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 280.

⁶ *Balard M.* Caffa. Ianuensis civitas in extremo Europe // *Rivista di Bizantinistica.* 1993. Т. 3. P. 173.

лагались на центральных площадях¹. И все же порой воды не хватало, и консулы ходатайствовали перед банком Святого Георгия об устройстве дополнительных цистерн, особенно ввиду опасений турецкого нападения и осады². Существовали и система водоотводящих каналов, и своеобразная канализация: рвы для отвода нечистот. Словом, инженерная субструктура Каффы была на высоком для той эпохи уровне.

§ 7. Население Генуэзской Каффы

Число жителей Каффы в разные годы ее существования оценивается по-разному. Прямых указаний современников не так много, да они и не вполне достоверны, учитывая обычную тенденцию средневековых писателей к преувеличению цифр. К примеру, немецкий путешественник начала XV в., посетивший Каффу, Й. Шильтбергер насчитал в городе и его предместьях 21 тыс. домов³. Даже при скромных оценках — шесть жителей в среднем на один дом — население Каффы составило бы 126 тыс. человек. Флорентийский купец и дипломат, хронист Бенедетто Деи, современник захвата Каффы османами в 1475 г., оценивает население города в 70 тыс. человек, проживавших в 8000 домов (т. е. его оценка — примерно девять человек на дом в среднем)⁴. Обе цифры представляются исследователю М. Балару завышенными, и он на основании сумм налогообложения, отраженных в счетной книге (массарии) Каффы за 1386–1387 гг., оценивает общее число жителей в то время в 20 тыс., а после падения Константинополя в 1453 г. — не более 10 тыс.⁵

А. Л. Пономарев на основании статистического анализа массарии Каффы за 1381–1382 гг. оценивает население города максимум в 9000 человек, что само по себе немало, учитывая его предположение, что все другие города Крыма существенно уступали Каффе: Солхат — 3500 жителей, Судак — 2300, Мангуп — 1750, Чембало и Херсон — от 1000 до 1400. Эти оценки, впрочем, другие исследователи считают сильно заниженными⁶. По размеру занимаемой территории Каффа, к при-

¹ Крамаровский М. Г. Обрамление каффинского колодца 1331 года мастера Михаила из Падуи // АДСВ. Екатеринбург, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 214–219; Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. Симферополь, 2001. С. 105, 108. Табл. XXXIV.

² Vigna A. Codice diplomatico... // ASLSP. 1868. Т. VI. P. 360–361.

³ Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Zur ersten Mal nach der gleichzeitigen Heidelberger Handschrift herausgegeben und erläutert von K. F. Neumann. München, 1859. S. 106; Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / пер. Ф. К. Бруна; примеч. З. М. Бунятова. Баку, 1984. С. 45.

⁴ Dei Benedetto. La cronica dall'anno 1400 all'anno 1500 / a cura di R. Barducci. Firenze, 1984. P. 99, 172.

⁵ Balard M. La Mer Noire et la Romanie Génoise... № XII. P. 82–83; Idem. La Romanie Génoise... Т. 1. P. 301.

⁶ Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке... С. 420–442.

меру, вдвое превышала площадь Москвы того же времени, окруженную Китайгородской стеной¹. К тому же в первой половине XV в. Каффа значительно выросла за счет притока населения, и количественные показатели XIV в. надо сильно корректировать в сторону увеличения.

В любом случае, даже принимая самые скромные оценки, Каффа была очень большим городом по средневековым меркам. Ведь население даже таких крупнейших городов, как Венеция, Генуя или Милан, не превышало тогда 100 тыс. человек, Флоренции — 70 тыс., Лондона — 50 тыс. человек², не говоря уже о городах Восточной Европы и самого Причерноморья, где шести-семитысячный Трапезунд считался большим городом³.

С самого начала Генуэзская Каффа была полиэтничной. Даже в ее цитадели были небольшие греческие, армянские, грузинские анклавы⁴. Там, например, существовало армянское епископство, и консулу Каффы предписывалось считаться с ним и охранять его собственность⁵. Помимо собственно лигурийцев и вообще западноевропейцев значительным было греческое, славянское, еврейское, сирийское, а затем постепенно и татарское население. Сведения о русском населении Каффы немногочисленны, но его присутствие увеличилось с середины XV в. в связи с торговлей Каффы с Московской Русью и западнорусскими землями в составе Великого княжества Литовского⁶. Хронист Бенедетто Деи, описывая захват Каффы османами в 1475 г. и как бы подводя итоги ее истории, упомянул живших в те годы в Каффе генуэзцев, греков (включая особую группу трапезундцев, видимо, переселившихся туда, особенно после захвата Понта турками в 1461 г.), армян, валахов, черкесов-зихов, мингрелов, абхазов, татар⁷. Находящиеся в бур-

¹ Пономарев А. Л. Территория и население Генуэзской Каффы... С. 381–395.

² Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. С. 180–184 (сравнительная таблица населения городов Европы в XIII–XV вв.).

³ Карнов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2017. С. 140.

⁴ При анализе документов исследователь, однако, сталкивается с определенной трудностью: часто имя человека и определение его этнической принадлежности расходятся. Что можно, например, сказать о греке из Симиссо по имени Юсуф (*Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974. P. 32, 45–46–29/V.1381*) или о грузине Антонио, сыне Йолбоги (*Ibid. P. 33, 52–53–12/VI.1381*)? В каждом из таких случаев необходимо дополнительное просопографическое исследование, и не всегда оно дает точные результаты. Но оговоримся сразу, весьма часто купец в месте пребывания (например, армянин) принимал в качестве эпонима понятное местным жителям восточное имя и сохранял его при своих перемещениях. Вот пример: армянин Томанбей, сын Садибея, гражданин Каффы (*Archivio di Stato di Genova. Notai antichi. 683bis. Nicolo Torriglia. Doc. 1–1454.09.03*), или Мирза, сын Новироза из Грузии, армянин в Каффе (*Ibid. Doc. 5–1454.10.08*). О принципах и способах идентификации персоналий см.: Пономарев А. Л. Территория и население Генуэзской Каффы... С. 350–380.

⁵ *Imposicio Officii Gazarie...* P. 380.

⁶ Старокадомская М. К. Русское торговое население Генуэзской Каффы // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 147–154.

⁷ *Dei Benedetto. La cronica...* P. 171–172.

гах кварталы греков, аланов, евреев не представляли собой замкнутые гетто, как во многих городах Западной Европы. Их население не было однородным, и рядом с евреями, например, селились и греки, и грузины, покупавшие дома на той же территории. Существовало, правда, одно серьезное ограничение: статуты Каффы запрещали всем мусульманам ношение и хранение оружия. В тексте Статута 1449 г. сказано, что они — враги христианской веры, стремящиеся делать зло, хоть и живут в городе¹.

Исследуя этно-конфессиональный состав населения Каффы в 80-е гг. XIV в., его деловую активность, взаимоотношения этнических групп друг с другом, А. Л. Пономарев отметил, что наиболее активными группами населения в деловой жизни Каффы являлись западноевропейцы, преимущественно генуэзцы. На основании статистического анализа массарии 1381–1382 гг. А. Л. Пономарев сделал заключение: «...именно генуэзцы оказываются теми людьми, с кем подавляющее большинство населения с охотой связывает свои интересы. Конечно, это естественно ожидать от западноевропейцев и генуэзской администрации, но то, что греки и татары предпочитали генуэзцев своим соплеменникам, — знаменательно. Только армянская община чувствовала себя независимо, ее члены не видели разницы между татарами и доминирующей итальянской общиной и при этом все-таки предпочитали опираться на своих соплеменников... То, что греки хорошо относились к итальянцам, вовсе не означало, что те отвечали им взаимностью. Православие горожанина в Каффе в XIV в. означало, что он принадлежит к тем, к кому татары и армяне обратятся в последнюю очередь. Такое отношение к православным... способно прояснить, почему в Каффе в XV в. выросло именно армянское население и укрепилось положение именно григорианской церкви»².

Разумеется, в сложившейся системе отношений были и религиозные, и политические приоритеты, но фактом остается постоянное и нарастающее сотрудничество разных этносов друг с другом при доминирующей роли генуэзцев, доля которых в составе населения города была гораздо значительнее, чем предполагалось ранее. К числу других западноевропейцев, проживавших в Каффе, по многочисленным данным источников, относились жители и лигурийской Ривьеры, и североитальянских городов, и венгры, и немцы, и французы, и даже гасконцы... Но число их в процентном отношении было невелико. Гораздо важнее были две другие этнические группы: греки и армяне, при этом и число, и влияние армянской общины постоянно росло³. Если во второй половине XIV столетия они значи-

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 814–815.

² Пономарев А. Л. Территория и население Генуэзской Каффы... С. 401.

³ См.: Микаелян В. А. На крымской земле. История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974; Ballard M. The Greeks of Crimea under Genoese Rule in the XIVth and XVth centuries // DOP. 1995. Vol. 49. P. 23–32; *Idem*. Les Arméniens à Caffa du XIIIe au XVe siècle // Arménie entre Orient et Occident. Trois mille ans de civilisation. Paris, 1996. P. 139–141; *Idem*. Les Arméniens dans les comptoirs génois d'Orient // La Méditerranée des Arméniens, XIIIe — XVe siècle / sous la direction de C. Mutafian. Paris, 2014. P. 249–260.

тельно уступали по численности грекам, в XV в. стали доминировать¹, а к 1475 г., как писали, возможно и не без преувеличения, генуэзские чиновники, они составляли две трети населения города².

Одновременно рос и слой богатого армянского купечества. Еврейское население Каффы было малочисленно, но экономически активно, и деловые связи они предпочитали устанавливать внутри своего сообщества. И величина инвестированных капиталов, и характер фиксируемых сделок четко показывают, что лигурийцы, занимая ведущее положение в экономике и администрации, стремились видеть во всех остальных группах населения младших партнеров, важных для поддержания деловой жизни, транзитной и региональной торговли, но все же подчиненных правилам и условиям, установленным генуэзскими властями. Не так обстояло дело в ремесленном производстве, где многочисленные мастерские объединяли представителей разных этносов при главенствующей роли мастера, принадлежавшего к одному из них. Категории ремесленников были самые разные³. Наиболее известны скорняки, гончары, кузнецы, мукомолы, пекари, плотники, конопатчики, каменотесы, ткачи, ювелиры, цирюльники... Они были объединены в мастерские, имевшие своих старшин в каждом из ремесел. Даже незадолго до падения Каффы, в 1464 г., декрет протекторов банка Святого Георгия предписывал властям Каффы обеспечивать содержание 50 ремесленников, работавших в разных специальностях — от кузнеца и кожевника до брадобрея, сапожника и ювелира⁴. Некоторые профессии считались стратегическими для Каффы. К примеру, статуты запрещали плотникам, конопатчикам, каменотесам покидать Каффу без разрешения властей под угрозой высокого штрафа⁵. Функционирование рынка обеспечивали носильщики-камалы, весовщики, оценщики и др. Но в Каффе были и такие редкие специалисты, как мастера стекольного дела по технологии стекла Мурано⁶. И именно в Каффе можно было купить инкрустированные серебряные и позолоченные воинские пояса — искомый дар и знак высокого социального статуса на Востоке⁷, с конца XIV в. там работал собственный монетный двор, чеканивший серебряные аспры Каффы с изображением замка — символа Генуи,

¹ *Vigna A.* Codice diplomatico... // ASLSP. 1868. Т. VI. P. 365.

² *Ibid.* 1871. Т. VII, parte I. P. 345.

³ *Гольдшмидт И. А.* Некоторые данные о ремесленном производстве в Каффе в XIII–XV вв. // СВ. 1957. Т. X. С. 195–205; *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 2. P. 520–521, 711–715.

⁴ *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero... P. 272–279.

⁵ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 815.

⁶ *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero... P. 275–279; *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 325–331.

⁷ *Крамаровский М. Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 152–180; *Он же.* Поясной набор со сценой «спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV — первая половина XV в.) // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 234–252.

с надписью *Comune Ianie*, а после 1453 г. — с образом Святого Георгия, а на реверсе — с татарской тамгой и именем хана¹.

Будучи крупным торговым и ремесленным центром, Каффа способствовала переплетению разных местных и западноевропейских традиций, появлению синкретизма культур, где, к примеру, итальянский или греческий мастер мог изготовить драгоценный кубок с сельджукским орнаментом и арабскими надписями для армянского покупателя. Исследуя этот феномен, М. Г. Крамаровский писал о латинско-степном симбиозе, одним из важнейших центров которого была Каффа². Тот же синкретизм культур — переплетение и взаимовлияние западноевропейских, сельджукских, армянских и иных стилей — проявлялся и в архитектуре крымских памятников³. Турецкое завоевание 1475 г. прервало этот симбиоз, а переход Крыма под эгиду российских императоров вновь его оживил, хотя новые времена потребовали иных эстетических приоритетов.

§ 8. Юридический статус и управление Каффы и Генуэзской Газарии

В государственно-правовом отношении и Каффа, и все другие фактории генуэзцев имели двойное подчинение. С одной стороны, они находились в юрисдикции метрополии, с другой — признавали сюзеренитет хана, ибо располагались на подвластной ему территории. В полномочиях метрополии было избрание консула и высших должностных лиц Каффы и других факторий в Генуе, их финансовая и административная отчетность перед дожем и комиссиями Генуи, уплата в пользу Генуи налогов и сборов. Суверенные права хана заключались в получении от него ярлыка, регулярной выплате ему торговых пошлин-коммеркиев, наличии в городе ханского представителя и сборщика налогов — тудуна. Неформальной, но обязательной была выплата хану, его эмирам и должностным лицам «подношений», называемых *ezenia*. Дарили дорогие одежды и ткани, оружие, драгоценности, разные товары, а то и просто деньги. На эти цели уходило до 10% всего бюджета каффинской коммуны. И все же Каффа ревниво сохраняла и расширяла свои права как города Генуэзской Республики, признававшего верховную власть метрополии и имевшего вместе с тем широкую автономию. Тудун хана, «начальник» над местными татарами, не имел права вмешиваться в дела жителей Каффы⁴.

¹ *Ретовский О.* Генуэзско-татарские монеты. СПб., 1906. (ИИАК; вып. 18); СПб., 1914. (ИИАК; вып. 51); *Lunardi G.* Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980. P. 44–125.

² *Kramarovsky M. G.* The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handicrafts // *Rivista di Bizantinistica*. 1993. Т. 3. P. 249–280.

³ *Сидоренко В. А.* Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. С. 115–128.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 763.

Каффа как центр Генуэзской Газарии имела собственное управление. Отчасти оно было производным от статуса разных категорий прожившего или пребывавшего в ней свободного населения.

Оно делилось на: 1) граждан Генуи по рождению (*cives*); 2) правомочных граждан Каффы и факторий, собственников недвижимости (*burgenses*)¹; 3) жителей, включая «нелатинян», но не граждан (*habitatores*), допущенных к низовому самоуправлению²; 4) «подданных» (*subdites*) Генуи, местных жителей (греков, армян, сирийцев и др.), состоявших под опекой Генуи и имевших статус «генуэзцев» при уплате налогов и несении иных обязательств по отношению к ордынским правителям. Первая категория имела привилегированное положение, и именно из ее верхушки и из патрициата самой Генуи избирались высшие магистраты. Представители второй категории могли включать и *cives*, и *burgenses* Каффы, т. е. лиц, постоянно проживавших в фактории и пользующихся правами в ее управлении³. Из их числа избирались и назначались второстепенные магистраты, они имели право апелляции на все решения действующих властей фактории. *Burgenses* формировали своего рода общину — *communitas*, влиятельную в решении городских проблем и имевшую право отправлять в Геную своих послов для принятия необходимых ей решений⁴.

Так называемое «восточное» (христианское, но не католическое по вероисповеданию) население не было допущено к городскому управлению, но также имело право апелляций. Оно должно было регулярно платить налоги и участвовать в обороне городов и крепостей. Их свидетельства признавались и при составлении нотариальных актов, и в судопроизводстве⁵.

Права генуэзцев в фактории довольно легко, особенно с середины XIV в., предоставлялись местным жителям, которые проживали там с семьями более года, и тем более детям, родившимся от генуэзца и местной жительницы. Этот статус «натурализованных» обеспечивал им опеку и покровительство коммуны, давал налоговые льготы и правовую защиту в отношениях с ордынскими властями, способствовал определенной консолидации коммуны Каффы. Тем не менее он не обеспечивал равного с гражданами самой Генуи статуса. Местное население при всей видимой защите и опеке лигурийцев находилось в неравном с ними положении. В частности, оно не участвовало в выборе и назначении городских магистратов.

¹ См.: *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella «Romania». Legislazione-magistrature-fisco. Genova, 1977. P. 51–54; *Еманов А. Г.* Статус *burgenses* в Каффе в XIII–XV веках // СГ. 1998. Т. 12. С. 69–78; *Барабанов О. Н.* Новые материалы о статусе *burgenses* Генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. [Вып. 3]. С. 117–125.

² *Еманов А. Г.* *Habitatores* в структуре городского населения Каффы (XIII–XV вв.) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб, 2000. Вып. 2. С. 101–108.

³ *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 118–123.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 728–729; *Saraceno P.* L'amministrazione... P. 219–223.

⁵ *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 1. P. 328–334.

тур. Не говоря о низах, даже купеческие и торговые элиты греков, армян и других этносов были лишь младшими партнерами генуэзцев и не обладали ни правовым статусом, ни капиталами, сравнимыми с ними.

Со второй половины XIV в. в орбиту Генуэзской Газарии попали и сельские общины Южного Крыма. Генуэзская администрация, собирая с жителей Готии причитающиеся налоги, не стремилась вмешиваться во внутренние дела крестьянских общин и запрещала генуэзским гражданам давать им займы и вовлекать в финансовую зависимость. Статут 1449 г. прямо возбранял это делать, отказываясь рассматривать иски, если они возникали по этой причине¹. У такой политики были две цели: поддержание социальной стабильности в Готии и забота о сохранности капиталов лигурийцев при нестабильности политической и экономической ситуации в Крыму.

Власти Генуи понимали особую роль и значение Каффы во всей системе Генуэзской Романии. Вот что писали дож и его советники относительно Каффы в 1448 г.: «Зная, какую славу приносит генуэзскому имени наш город Каффа, мы не стремимся ни к чему лучшему, кроме как к тому, чтобы достойно и разумно заботиться об ее управлении»².

Все законодательные акты, регулировавшие управление факториями, принимались и утверждались в Генуе. Все должностные лица и комиссии действовали на основании законодательства Генуи³. Статуты Перы или Каффы, составленные в Генуе, были дополняющими и уточняющими нормативами применительно к особенностям факторий. Администрация факторий, прежде всего Перы и Каффы, могла вносить предложения по дополнению и уточнению генуэзских статутов, но не участвовала в самой законодательной деятельности Генуи⁴.

До конца XIV в. основным контролирующим органом метрополии в Крыму была Оффиция Газарии. Пользовавшаяся поначалу широкой автономией, она была поставлена под жесткий контроль генуэзской администрации Статутами 1403 г. К тому же наряду с ней была учреждена Оффиция попечения Романии. Упомянутая в 1377 г. как временный консультативный орган в эпоху Кьоджской войны (1376–1381 гг.), она постепенно, особенно с 1398 г., приобрела характер постоянной комиссии и приняла на себя полномочия по регулированию управления Генуэзской Романией, в то время как Оффиция Газарии в большей мере занималась вопросами навигации. В этом проявились устремления метрополии к большей централизации управления факториями. Координируя администрацию факторий, Оффиция попечения Романии не имела той автономии, что Оффиция Газарии. Она была упразднена 15 ноября 1453 г. с передачей факторий под управление банка Святого Георгия⁵.

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 726.

² *Pistarino G.* I Signori del mare. Genova, 1992. P. 351. Note 7.

³ *Promis V.* Statuti della colonia genovese di Pera // *Miscellanea di storia italiana*, edita per cura della R. Deputazione di Storia Patria. Torino, 1870. Vol. IX. P. 766–767.

⁴ *Saraceno P.* L'amministrazione... P. 207–208.

⁵ *Ibid.* P. 202–204; *Balletto L.* Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424–1428). Genova, 2000. P. XXVI–XLIV.

Конкретные функции в пределах своей компетенции осуществляли специальные комиссии: Военная, Оффиция продовольствия, Оффиция монеты и др.

Главой судебной и распорядительной власти в Каффе являлся консул, избираемый на один год в Генуе из генуэзских патрициев. Помимо консула Каффы и других важнейших факторий (Симиссо, Чембало, Солдаи, Самастро, Трапезунда) по статутам 1398 г. в Генуе избирались и бухгалтеры-массарии и писцы каффинской канцелярии¹. Все остальные магистратуры избирались на месте самим консулом, советами фактории и представительствами Оффиции попечения Романии.

Полномочия консула могли быть продлены на небольшой период, вплоть до прибытия преемника, если оно задерживалось. Перед своим отъездом в Каффу консул должен был внести большой денежный залог, гарантировавший должное исправление им своих обязанностей и уплату им штрафа в случае выявленных нарушений. Сразу же после своего прибытия консул должен был собрать в Каффе «парламент», куда входили все правомочные *cives* и *burgenses*, представить документы, подтверждающие его полномочия, огласить данные ему предписания и принести присягу, точно соблюдать статуты Генуи и Каффы и вершить суд по генуэзским законам, собрать Большой совет Каффы, состоявший из 20 *cives* и четырех *burgenses*. Большой совет, в свою очередь, без вмешательства консула избирал Малый совет из шести членов. Таково было предписание первого Статута Каффы 1316 г.² Однако к концу XIV в. Большой совет практически перестал собираться, и основные решения по всем вопросам, включая финансовые, стали принимать консул, Совет восьми анцианов-старейшин (по четыре из *cives* и *burgenses*) и массарии, отвечавшие за финансы. Все важные решения консул должен был принимать с согласия советов, без чего они не считались легитимными³. Массарии, как и консул, избирались в Генуе, и их деятельность подлежала строгому финансовому контролю метрополии, благодаря чему и сохранились отсылаемые для ревизии в Геную приходно-расходные книги — массарии Каффы.

В исполнении судебных дел консулу ассистировал его заместитель, квалифицированный юрист, именуемый викарием. Именно он принимал иски, следил за соблюдением норм делопроизводства, в том числе при составлении завещаний и назначении душеприказчиков и исполнителей юридически оформленных контрактов и поручений. Консул и викарий совместно выносили приговоры, назначали телесные наказания и производили взыскания с виновных. Помимо этого, в Каффе существовала своего рода следственная коллегия из четырех синдигов, которые могли призвать к ответу за должностные нарушения любых чиновников Газарии, исключая самого консула Каффы (подлежащего следствию только после завершения его полномочий)⁴. Подобная же служба следователей, называемых

¹ Rossi G. Gli Statuti della Liguria. Parte I // ASLSP. 1878. T. XIV. P. 103–104.

² Imposicio Officii Gazarie... P. 388–391.

³ Buongiorno M. L'amministrazione... P. 74.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 656–666.

аудиторами, создавалась и в других крупных генуэзских факториях, включая Чембало, Солдайю, Тану и Трапезунд¹.

Консул был полномочным представителем коммуны Генуи, ее послом при ведении переговоров с ханом, эмирами и другими властителями. Ему подчинялись все другие генуэзские консулы Причерноморья. По должностной иерархии и своему окладу консул Каффы в конце XIV — XV в. превосходил подеста Перы (Галаты), ранее крупнейшей фактории в регионе². Все выходы и действия консула сопровождались особым ритуалом. Два трубача-горниста постоянно были должны находиться при нем во дворце. Они трубили, когда он садился за стол и вставал после трапезы, а также и по его повелениям. Когда он отправлялся в церковь или возвращался в свою резиденцию вечером, это сопровождалось игрой волынщика (*pulsator caramelle*)³. При выездах консула в праздничные дни его непременно сопровождала свита, прежде всего капитан бургов⁴.

Исполнительная власть была сосредоточена в курии консула. В ее состав входили викарий, два массария, часто сменявшие затем консула на его посту и во второй половине XV в. также избираемые в Генуе, нотариусы и писцы-скрибы. В исполнении полномочий консулу помогали его слуги и подчиненные, образующие так называемую *familia*, в которую входили священник-капеллан, рыцарь, судебный пристав, трубачи и иные музыканты, глашатаи, переводчики и писцы, владеющие татарским и греческим языками, греческим и «сарацинским» письмом (арабицей), медик, повара, посыльные, небольшой отряд личного конвоя и др. Уставы Каффы точно определяли их оклад и должностные обязанности.

Устав Каффы 1449 г. называл консула «главой и первоначальником этого города и всего Причерноморья в империи Газарии» (*caput et primordium dicte civitatis et totius Maris Maioris in imperio Gazarie*)⁵. Три дня в неделю консул вместе с викарием должен был вершить суд⁶. Вместе с массариями и чиновниками финансового ведомства консул оформлял подорожную (*salvum conductum*) для путешествующих по землям Газарии и Золотой Орды⁷. Получая сравнительно высокий оклад (500 соммов серебра в год по Уставу 1449 г., в счет которых входила и оплата его *familia*), консул не имел права лично заниматься торговлей и инвестировать в нее деньги, за исключением последних четырех месяцев службы, когда он мог закупить на средства оклада (но не свыше того) товары для доставки на Запад⁸.

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 692–694.

² *Balard M. La Romanie Génoise...* Т. 1. P. 370–373.

³ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 703–704. Переводя устав на русский язык, В. Н. Юргевич неправильно перевел как «музыкант, играющий на трубочке». На самом деле речь идет именно о духовом инструменте типа волынки. См.: *Aprosis S. Vocabolario Ligure storico-bibliografico, sec. X–XX. Parte prima: Latino. Savona, 2001. Vol. 1. P. 223.*

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 717.

⁵ Там же. С. 643. Под империей Газарии понимались земли Золотой Орды.

⁶ Там же. С. 649–650.

⁷ Там же. С. 650.

⁸ Там же. С. 645–646, 753–755.

Ему также запрещалось принимать какие-либо дары (за исключением продуктов и вина, потребляемых в течение суток). При получении даров он был обязан передать их в пользу коммуны¹.

Несмотря на всю обширность полномочий консула, после их истечения он подлежал суду и следствию, которые вели его сменщик и специально избранная комиссия четырех синдиков². Они выслушивали все жалобы на действия консула от любых жителей, расследовали их и выносили суровые приговоры, приводимые в исполнение в Генуе. При этом жалобы на несправедливость нередко переплетались с наветами и оговорами, и подчас многие десятилетия велись потом дела консулов и их наследников, опротестовывавших ложные обвинения³. Наказаниями консулу и другим магистратам служили преимущественно денежные штрафы, взыскиваемые (в случае консула) с оставленного им перед отправкой из Генуи в Каффу депозита.

Символами власти в Каффе как столице всей Генуэзской Газарии были сам дворец консула и лоджия генуэзцев, над которыми поднимали флаг Республики, консульское кресло (после капитуляции Каффы оно было торжественно передано османским властям), консульский жезл (*virga regiminis*) — знак высшей власти магистрата, печать и перстень консула⁴. В большой зале консульского дворца Каффы стояло для устрашения и применения в дознании пыточное устройство (*tortura seu tormentum*)⁵.

Своеобразными департаментами городского управления были магистратуры-оффиции, занятие должностей в которых не оплачивалось. К их числу относились Оффиция продовольствия, Оффиция финансов (*Officium monete*), Оффиция Святого Антония, Оффиция благотворительности (*Officium misericordie*). В случае необходимости создавались дополнительные оффиции — военная в годы конфликтов, санитарная в период эпидемий, Оффиции по делам греков или сарацинов, когда в межэтнических отношениях происходило обострение, и др.

К ведению Оффиции попечения относились заботы по починке стен и башен Каффы, и деньги на это она должна была собирать с налога на оклады высших должностных лиц Генуэзской Романии (так называемые сталии). Эта же комиссия взимала налоги на продажу соли, надзирала за водоснабжением и санитарным состоянием города⁶. Оффиции продовольствия принадлежала важная роль в снабжении города зерном из прибрежных центров Причерноморья⁷.

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 647.

² Там же. С. 679–683.

³ См. подробнее: *Карпов С. П.* Высшие официалы Генуэзской Каффы перед судом и наветом // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 136–141.

⁴ *Pistarino G.* Les symboles de Gênes dans les établissements d'Outre-Mer // Coloniser au moyen âge / sous la direction de M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1995. P. 299–309, 316–317.

⁵ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 644–648, 650–651.

⁶ Там же. С. 675–677.

⁷ *Origone S.* L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti. Genova, 1983. Т. III. P. 229–318.

При формировании органов управления в Генуэзской Газарии учитывались интересы существовавших в самой Генуе партий и группировок. Ряд позиций закреплялся, например, за гвельфами, другой — за гибеллинами, поддерживался баланс между купцами и ремесленниками, нобилиями и попоalaraми (незнатными членами патрициата), *cives* и *burgenses*. Не обладавшие этим статусом жители были объединены в сотни и десятки, имевшие собственных администраторов.

В случае смерти и прекращения деятельности чиновников Каффы или даже при избрании их на вакантные должности использовалась процедура аукциона, и избранным считался тот, кто предлагал за получение должности большую сумму, однако при условии его пригодности к ее исполнению¹.

Главными военными командирами, на чьем попечении находилась оборона города, были капитаны: бурга и антибургов, башни Святого Константина и городских ворот, отдельных воинских отрядов. Вне пределов Каффы эти функции осуществляли консулы крепостей и факторий и капитан Готии. Чиновником, отвечавшим за поддержание порядка в городе и за исполнение наказаний, был кавалерий. В бургах этим ведал также капитан. Отряд ночных стражей из числа самих горожан, получавших за это плату, нес дозор в городе после наступления сумерек. Функции охраны городских ворот крепости осуществлял отряд оргузиев, конного эскорта консула. В предместьях (бургах) эта функция была возложена на местных жителей под надзором капитана ворот².

Постоянные воинские контингенты во всех городах Генуэзской Газарии были немногочисленными. Они состояли из профессиональных воинов-наемников, называемых социями или стипендиариями. Первые были в основном пехотинцами, вторые — профессионалами более высокого уровня. Их служба оплачивалась коммунной по установленным ставкам — стипендиям. Среди них были всадники, арбалетчики-баллистарии, затем канониры³. Небольшими подразделениями командовали сержанты. Гарнизон Каффы в 1374–1375 гг. состоял из 65 солдат, а в 1386–1387 гг., в годы Солхатской войны, был усилен до 236 воинов, не считая матросов. Гарнизон Солдайи состоял тогда же из 62 солдат, а в случае прямой угрозы, как в 1381 г., когда ожидалось нападение венецианцев, он был усилен 92 лучниками⁴. В 1410–1411 гг. постоянное войско Каффы состояло из 180 человек (в том числе 90 социев, 30 оргузиев и 20 сержантов), в 1456 г. — 175 солдат, в 1457 и 1463 гг. — 203⁵. Максимум был достигнут в 1471 г. — 251 человек⁶. Хотя это были высокопрофессиональные и хорошо обученные воины, от половины до трех четвертей контингента состоявшие из западноевропейцев, преимуществен-

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 746–747.

² Там же. С. 701–702.

³ *Balard M.* In extremo Europae: les soudoyers de l’Orient génois (XIVe — XVe siècles) // Histoire et société. Mélanges offerts à Georges Duby. Aix-en-Provence, 1992. Т. 2. P. 168.

⁴ *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 1. P. 444.

⁵ *Balard M.* Les Soudoyers de Caffa au XVe siècle // Méditerranées. 2001. № 26–27. P. 142–143.

⁶ *Balard M.* La défense de la Gazarie Génoise // *Bulgaria Mediaevalis*. 2012. Vol. 3. P. 223.

но итальянцев, конечно, их было недостаточно для отражения угрозы больших армий, например турецкой. Отчасти на помощь приходили городское ополчение и отряды иррегулярной конницы, так называемые казаки, в числе которых были в основном представители местных этносов, включая армян и греков. Их имена встречаются в массариях Каффы, в списках получателей денег за службу.

Статуты предписывали иметь в Каффе архив, где хранились все публичные акты фактории¹. К сожалению, он не сохранился, и мы располагаем ныне лишь копиями документов, направляемых в метрополию.

§ 9. Города Генуэзской Газарии

Как уже отмечалось, все другие города и фактории генуэзцев в Северном Причерноморье были подчинены Каффе. Консул Солдайи получал свое содержание из Каффы, и там определялись штат его администрации и нормативы его оплаты. Все это делалось по калькам Каффы и тарифным табелям, установленным в 1385 г., но, естественно, это были нормативы в редуцированном виде. Примечательным было то, что консулу Солдайи вверялся и надзор за 18 окрестными деревнями (казалиями), попавшими под власть генуэзской администрации. Как и в Каффе, определялся порядок праздников и траты на 13 главных храмов города и на каждый из праздников. Особое значение в Солдаёе приобрел день памяти святых Гервасия и Протасия, когда помимо обычных церемоний устраивались и скачки². Такой же порядок был установлен и для крепости Чембало с ее двумя замками. В постановлении Статута 1449 г. о Чембало примечателен пункт об уплате пенсий шести воинам, потерявшим зрение при защите города. Они все названы поименно, и все они либо греки, либо армяне. В Чембало, как и в Каффе, предусматривалось иметь переводчиков с греческого и татарского языков и, что примечательно, пушкаря-бомбардиря. Консул Чембало также был подчинен консулу Каффы, которому можно было апеллировать на его действия. Над городом поднимались два флага: коммуны Генуи и генуэзского дожа, что симптоматично, учитывая пограничное положение города и вечные споры с соседним княжеством Феодоро. Особое значение в экономике Чембало играла рыбная ловля, детально регламентированная в статутах, и это не удивительно, учитывая расположение фактории над прекрасным и глубоким заливом³.

Закрепившись в Солдаёе, генуэзцы не стали создавать торгового аналога Каффе. Они желали переместить прежнюю роль Солдайи как главного порта для ордынского Солхата в Каффу, а также поставить барьер венецианской конкуренции после получения венецианцами привилегий от хана Бердибека. Географическое положение города на высоком холме и наличие хорошо защищаемой бухты предопределили превращение его в главный оборонительный форпост Генуэзской

¹ *Saraceno P. L'amministrazione...* P. 241.

² Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 766–783.

³ Там же. С. 783–796.

Газарии. Солдайю генуэзцы строили прежде всего как неприступную крепость. Первоначально в 1365–1380 гг., как и в Каффе, был сооружен высокий земляной вал с палисадом, а затем на вершине Крепостной горы начали строить цитадель (замок Святого Ильи) с большой дозорной башней на ее высшей точке. Вслед за цитаделью воздвигались каменные крепостные стены внешнего периметра с башнями. Башни были трехстенными и четырехъярусными. В восточной части цитадели были еще одно мощное укрепление и жилой комплекс, одновременно консульский замок. Мощные укрепления с двумя привратными башнями и барбаканом были воздвигнуты у главных ворот города¹. Сразу за городскими стенами находилась центральная площадь с кафедральным собором Девы Марии, лоджией коммуны и рынком. На террасах по склону горы располагались усадьбы горожан.

Главным опорным пунктом генуэзцев в Восточном Крыму с 60-х гг. XIV в. была крепость Воспоро (Керчь), контролировавшая вход в Азовское море и пути к Тане и другим портам Приазовья (Кабарди, Порто Пизано, Копе и т. д.), местам закупки зерна, рыбы, икры, кож. Крепостной ров и мощные фортификации с цитаделью и поясом стен с башнями были сооружены там в 80–90-е гг. XIV в. Фортификация продолжалась и в XV столетии. Необходимость сооружения столь мощного крепостного ансамбля для обороны сравнительно малого города объясняется его стратегическим расположением на берегу Керченского залива².

Укрепленными поселениями были Луста, Гурзуф, многие небольшие крепости-исары³, часть из которых возникла в византийское время и была перестроена генуэзцами для нужд обороны в то время, когда с XIV в. уже начало появляться и применяться огнестрельное оружие, а с XV в. — пороховые бомбарды, а вслед за ними и пушки. В 20-е гг. XV в. для военно-административного контроля над побережьем и ближайшей округой Генуэзской Газарии была создана специальная официя — капитанство Готии. Капитан Готии был подчинен консулу Каффы и обладал ограниченной юрисдикцией. Он не имел права, например, взыскивать с провинившихся штрафы на сумму свыше 40 аспров, это отдавалось целиком на усмотрение консула Каффы и его викария⁴. Некоторые генуэзские владения, например округа Лусты, находились в кондоминиуме (совладении) с местными правителями⁵.

Помимо территорий генуэзской коммуны, в Крыму и на Тамани существовали и частные владения генуэзских знатных родов Гримальди, Гизольфи и др. К их числу, например, относится сеньория рода Гуаско с замком в селении Тасили (ныне с. Морское) и несколькими деревнями. Возведение замка было прямым на-

¹ Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. С. 81–97.

² Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро в XIV–XV вв. // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М., 2015. Вып. 9. С. 127–147.

³ Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990; Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 726.

⁵ Мыц В. Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 139–189.

рушением постановления 1441 г., запрещавшего частным лицам возводить укрепления на территории Генуэзской Газарии¹. Гуаско установили в своих владениях к западу от Солдайи режим чисто феодальной сеньории, взыскивая с населения все виды ренты, присвоили себе право высшей юрисдикции, жестоко притесняя и эксплуатируя местное население. В деревне Скути они установили даже виселицы и позорные столбы, которые консул Солдайи в 1474 г. повелел убрать. Братья Гуаско оказали вооруженное сопротивление отряду консула Солдайи, апеллируя к консулу Каффы и его администрации, подкупив их. Дело было перенесено в Геную, где следы расследования затерялись².

§ 10. Экономика Генуэзской Газарии

Экономика всей Генуэзской Газарии в значительной мере была ориентирована как на внутрирегиональную³, так и на посредническую торговлю с Западом (откуда привозились экспортные товары и серебро) и Востоком, прежде всего владениями Золотой Орды (затем Крымского ханства), землями русских княжеств.

В дальней торговле, ориентированной в основном на Иран, Китай, Индию, Среднюю Азию и процветавшей до середины XIV в., главными приоритетами были пряности (перец, корица, имбирь, гвоздика и пр.), красители, шелк, хлопок, драгоценные камни и т. д. Все это в деталях описывалось и в торговых книгах, начиная с трактата Пеголотти⁴, и в нотариальных актах, и в других деловых и нарративных источниках⁵. Пути этой торговли проходили через Сарай, Хаджи-Тархан (Астрахань), Тану и Каффу, и она приносила большие прибыли итальянским купцам, но была сопряжена и со значительными рисками. Наибольшие инвестиции отдельных компаний генуэзцев в торгов-

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 752–753.

² *Vigna A.* Codice diplomatico... // ASLSP. 1871. Т. VII, parte I. P. 292–324; *Секиринский С. А.* Очерки истории Сурожа... С. 38–41; Приложение 2. Дело братьев Гуаско. С. 73–94; *Секиринский С. А., Секиринский Д. С.* Феодальные владения генуэзцев в Восточном Крыму во второй половине XV века // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на Дону, 1989. С. 9–24; *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке... С. 245–289.

³ См. о ней: *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 2. P. 701–784; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции... С. 98–124; *Карнов С. П.* Итальянские морские республики... С. 109–172.

⁴ *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura / ed. A. Evans. Cambridge, MA, 1936. См. также: *Brunello Franco.* Marco Polo e le merci dell'Oriente. Vicenza, 1986.

⁵ О торговле Каффы и городов Генуэзской Газарии существует большое количество литературы. См.: *Heyd W.* Histoire du commerce... P. 156–215; *Balard M.* La Romanie Génoise... Т. 2; *Бадян В. В., Чуперис А. М.* Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 174–189; *Di Cosmo N.* Mongols and merchants on the Black Sea frontier in the Thirteenth and Fourteenth centuries: Convergences and conflicts // *Mongols, Turks and others. Eurasian nomads and the Sedentary World* / eds. R. Amitai, M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 391–424.

лю с Китаем зафиксированы в 1333 г., и они составляли 4313 генуэзских лир, или чуть более 44 тыс. золотых венецианских дукатов. Максимально известные инвестиции венецианских компаний в торговлю с Дели в 1338 г. равнялись 1260 лирам гроссов, или 12 600 дукатам¹. Разумеется, средние инвестиции были значительно скромнее, но доходность могла составлять многие десятки, а то и сотни процентов. Кризис середины XIV в. изменил ситуацию, но постепенно с 60-х гг. XIV в. началась медленная стабилизация при более низком уровне прибыльности и сокращении числа самих трансакций, требовавших все больше посредников при нерегулярности дальней торговли в конце XIV — первой половине XV в.

Во внутрирегиональной торговле, значение которой возрастало, особенно после кризиса середины XIV в., основное значение имели три вектора: товарообмен между Севером и Югом Причерноморья, коммерция с окрестными территориями, подчиненными Орде, и снабжение самих городов и сел Генуэзской Газарии. Каффа и другие города Генуэзской Газарии были важными сырьевыми рынками.

Аграрная периферия Газарии производила зерно, мясо, овощи, фрукты, бахчевые, мед и воск, иные продукты, необходимые для снабжения городов. Зерно², соль³, рыба⁴, икра⁵ в значительных масштабах (как для внутреннего потребления, так и для экспорта) привозились из Приазовья и Западного Кавказа. Солеварни существовали в разных селениях Газарии.

Производству вина и выращиванию виноградников уделялось особое внимание. В те годы крымское вино еще не отличалось высоким качеством: лучшие сорта вин привозились из Южного Причерноморья, Греции и других мест Латинской Романии⁶. Но это были дорогие товары. Для повседневного потребления нужно было производить свое вино, недостаток в котором постоянно ощущался. Придавая значение выращиванию винограда и развитию виноделия, Статут Каффы 1449 г. определил сроки вендемии (сбора ягод) с 15 сентября по 15 октября и запретил в это время даже судопроизводство в Каффе⁷.

¹ Lopez R. S. L'importance de la Mer Noire dans l'histoire de Gênes // Colloquio Romeno-Italiano «I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV». P. 27; *Idem*. Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 83–159.

² Balard M. Le commerce du blé en Mer Noire (XIIIe—XVe ss.) // Balard M. La Mer Noire et la Romanie Génoise... № 6. P. 64–80.

³ Gioffrè D. Il commercio genovese del sale e il monopolio fiscale nel secolo XIV // Bollettino Ligustico per la storia e cultura regionale. 1958. T. X. P. 3–32; Hocquet J.-Cl. Le Sel et la fortune de Venise. 2e éd. Lille, 1982. T. 1: Production et monopole. P. 100–101; *Idem*. Venise et le monopole du sel. Production, commerce et finance d'une République marchande. Venise; Paris, 2012. T. 48–49.

⁴ Balleto L. Il «milliarium» nel commercio del pesce nel Mar Nero // Byzantino Bulgarica. 1981. T. 7. P. 205–213; *Idem*. Pesca e pescatori nella Crimea genovese del secolo XV // Atti dell'Accademia Ligure di scienze e lettere, an. 1986. Genova, 1988. T. XLIII. P. 189–199.

⁵ Jacoby D. Caviar trading in Byzantium // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 349–364.

⁶ См.: Карпов С. П. Итальянские морские республики... С. 126–129.

⁷ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 727.

В некоторых случаях власти Генуи и самой Каффы устанавливали монополии на ведение определенного вида деятельности. Кроме уже отмеченного запрета частным лицам строить замки монополия существовала на разработку соли в салинах Северного Причерноморья: соль считалась стратегическим товаром¹.

Интенсивной была торговля с ордынскими владениями Крыма, где большую роль играли как продовольственные товары, так и кожи. Роль торговли с Русью, особенно в XV столетии, возрастала. Зерно, лес, лен, пенька, киноварь, охотничьи птицы (кречеты и соколы), моржовые бивни и особенно пушнина (меха соболя, горностая, песца, белки, куницы, лисы, рыси) занимали в ней большое место². С другой стороны, Каффа и другие центры Генуэзской Газарии играли важнейшую роль в снабжении Московской Руси, как и Польско-Литовского государства, западноевропейским текстилем (различными шелковыми тканями и сукном), стеклом, серебром и золотом, медью, ртутью, оловом и железом, затем огнестрельным оружием (пороховыми бомбардами, пушками-тюфяками и т. д.), предметами роскоши, специями, винами, бумагой и пр.³ Через Каффу на Русь приходили знаменитые мастера: архитекторы, строители, иконописцы. Осуществлялись интенсивный товарообмен и обмен знаниями и опытом. Связь с ганзейским ареалом торговли шла через Львов и Краков, роль которых в отношениях с Каффой возросла в XV в.⁴ Через Каффу проходила также торговля с Византией, Молдовой и Южным Причерноморьем.

РАБОТОРГОВЛЯ

Была и еще одна сторона в истории Каффы: процветающая в ней торговля людьми⁵. Желая ее контролировать во всем Причерноморье, Генуя ввела в 1351 г. закон,

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 756–757.

² *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции... С. 22–34.

³ *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции... С. 34–59.

⁴ *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925; *Małowist M.* Kaffa — kolonia genueńska... S. 65–75; *Котляр Н. Ф.* Левантийская торговля Львова XIV–XV вв. по нумизматическим данным // НЭ. 1966. Т. 6. С. 135–148; *Лесников М. П.* Проблемы балтийско-черноморской торговли XIV–XV вв. // УЗ МГПИ. 1969. № 294. С. 71–86; *Hryszko R. Z.* Genui nad Morze Czarne. Z kart genueńskiej obecności gospodarczej na północno — zachodnich wybrzeżach Morza Czarnego u schyłku średniowiecza. Kraków, 2004. S. 178–180.

⁵ О работорговле в Причерноморье см.: *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Gent, 1977. Т. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. P. 914–963; *Idem.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // *Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen.* Bruxelles; Paris, 1947. P. 287–298; *Balard M.* Esclavage en Crimée et sources fiscales Génoises au XIVe siècle // ВФ. 1996. Т. 22. P. 9–17; *Карпов С. П.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ. 1986. Т. 46. С. 139–145; *Karpov S. P.* Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc. XI–XVIII // *Schiavitù e servaggio nell'economia europea.* Secc. XI–XVIII. Serfdom and

что вывоз рабов должен производиться исключительно через каффинский порт¹. В дальнейшем это ограничение ослаблялось под влиянием коррупции чиновничества и действий купечества, но правительство Генуи и администрация Каффы всегда старались сосредотачивать ее в Каффе, хотя бы из-за фискальных целей.

Рабы составляли особую категорию населения Каффы. Небольшая их часть постоянно проживала в Каффе как домашние слуги местного городского патрициата, но большинство предназначалось для продажи и экспорта. Счетная книга города Каффы за 1386 г. точно фиксирует общее количество рабов в городе. Их было 530², но вообще число их значительно колебалось в зависимости от спроса и возможностей рынка. Естественно, некоторые рабы пытались бежать. Их сыском в пределах городской черты занимались капитан бургов и его стража, получавшие за каждого пойманного ими раба «гонорар» в 50 аспров³.

Рабы были разного происхождения: значительная часть — продаваемый ордынцами полон, некоторая часть — жертвы долгового рабства, и, наконец, среди рабов были дети, продаваемые в рабство их родственниками, особенно в голодные годы, когда семья не могла их прокормить⁴. Каффинская казна получала большие дивиденды от специального налога (*cabella capitum*) на сделки с рабами. В Каффе действовал запрет продавать рабов-христиан неверным, и для контроля за этой торговлей и для ее организации существовала специальная Оффиция Святого Антония. Более того, перед продажей или перед отправкой рабов из Каффы на рынок или на борт корабля приходил священник и спрашивал, есть ли среди рабов-язычников или мусульман желающие креститься, и если таковые находились, то продать их могли после обряда крещения только христианам. Иногда рабы бежали под защиту епископа, который статутами Каффы обязывался передать их, крестив, через три дня синдикам, которые, в свою очередь, отправляли их на продажу, но теперь уже только христианам. Действовало и еще одно правило: с территории Орды рабы могли бежать в Каффу, и там, если хозяин не находил их, они объявлялись свободными⁵. И это был, пусть и небольшой, шлюз к освобождению захваченного татарами полона. Строжайше запрещалось продавать в рабство жителей самой Каффы⁶.

В целом же среди покупателей рабов было много мусульман, и значительная часть рабов предназначалась для отправки в Египет и пополнения армии мамлюков. Поэтому купцы стремились обходить запреты и покупать рабов не в Каффе,

Slavery in the European Economy 11th–18th Centuries. Atti della «Quarantacinquesima Settimana di Studi» 14–18 aprile 2013. Fondazione Istituto Intern. di storia economica «F. Datini», Prato. Firenze, 2014. P. 3–10.

¹ *Belgrano L. T.* Cinque documenti genovesi-orientali // ASLSP. 1885. T. XVII. P. 249–250–26. V. 1351.

² *Balard M.* La Mer Noire et la Romanie Génoise... № XII. P. 82–83.

³ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 714.

⁴ *Heyd W.* Histoire du commerce... Т. 2. P. 178.

⁵ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 737.

⁶ Там же. С. 738–739.

а в других городах Крыма и всего Причерноморья, где этот контроль был слабее или отсутствовал вовсе. Кроме того, и сами генуэзские предприниматели мощно лоббировали отмену Оффиции Святого Антония и добились-таки этого в 1449 г. на фоне общего сокращения торговых оборотов в Каффе и активизации там мусульманского купечества. С середины XIV по середину XV в. продажа рабов, вывозимых из Причерноморья в самой Генуе, сократилась в среднем с 3200 до 600 человек в год¹.

Рабов (пленников) захватывали и сами генуэзцы, и охота за живым товаром разворачивалась на степных просторах, прилегавших к Крыму или Приазовью. Характерные примеры описаны у венецианского путешественника Иосафата Барбаро² и в документальных источниках³. Цена и этнический состав рабов значительно изменялись во времени. В целом рабы в городах Причерноморья стоили в разы дешевле, чем в Венеции или Египте, поэтому значительная часть западноевропейских купцов приезжала именно ради покупки рабов, а султан Египта для этого регулярно посылал в Каффу своих агентов⁴.

Предварительный анализ доступных и проанализированных нотариальных и финансовых документов показывает, что в конце XIII в. на рынках Крыма продавались мужчины и женщины со средним возрастом от 11 до 16 лет. Такие показатели указывают на желание покупателей дольше эксплуатировать рабов и на достаточность этой категории невольников на рынке. К концу XIV в. средний возраст существенно возрос, и на рынке стало появляться все больше рабов старших возрастных категорий — от 30 до 40 лет. Ощущался явный дефицит рабов, и увеличивалась цена на них. В Генуе, например, она возросла за век, с 1300 до 1400 г., примерно на 430%⁵. В черноморской работоторговле первой половины XIV в. явно (около 80% сделок) преобладали татаро-монгольские рабы, а затем, значительно уступая им по численности, шли рабы кавказского происхождения (черкесы, осетины-аланы, абхазы, мингрелы), славяне (русские, болгары) и греки.

Были два переломных момента в истории работоторговли. Первый пришелся на кризис середины XIV в., «черную смерть» и значительную убыль населения почти во всей Евразии. Поиск недостающей рабочей силы значительно, кое-где вдвое, поднял цены на рабов. «Замятня» в Орде и, как следствие, интенсификация неконтролируемых набегов на земли русских княжеств и польско-литовского государства резко увеличили долю славянских рабов в общем потоке продаваемых в городах Крыма невольников. Второй этап связан с османскими завоеваниями середины — конца XV в. Если до этого времени из генуэзских факторий Крыма че-

¹ *Balard M.* Esclavage en Crimée... P. 9–17.

² Барбаро и Контарини о России. С. 122–123, 471; *I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M. F. Tiepolo.* Roma, 1973. P. 81–82.

³ *Карпов С. П.* Охота за людьми. Черноморское пиратство в XIV–XV вв. // Карпов С. П. Латинская Романия. С. 173–183.

⁴ *Balard M.* La Romanie Génoise... T. 2. P. 785–833.

⁵ *Ibid.* T. 1. P. 290–302; T. 2. P. 810–811.

рез Каффу вывозились сотни рабов ежегодно (в среднем от 600 до 3000 человек¹), то в XVI–XVII вв. их число измерялось многими тысячами².

БЮДЖЕТ КАФФЫ

Деловая жизнь Каффы всегда была активной. Источники сохранили имена работавших в Каффе банкиров и нотариев, купцов и ремесленников, имевших в городе свои лавки и конторы³.

Городской бюджет Каффы, отраженный в приходно-расходных книгах (массариях), формировался за счет разных источников. К прямым налогам можно отнести подушный налог с местных жителей и «с головы» рабов, налоги на городскую недвижимость и землю (*terraticum*⁴). Некоторые налоги носили экстраординарный характер и вводились в случае войн и конфликтов. Иные касались уплаты с трансакций в определенных местах (например, в Трапезунде или Симиссо-Самсуне). Они шли в основном на покрытие расходов этих факторий⁵. Гораздо распространеннее были косвенные налоги — на потребление, на производство вина и рыбную ловлю, рыночные, портовые и корабельные сборы (включая якорные, за стоянку судов и вес груза) и особенно коммеркии — торговые сборы: рыночные, налог с оборота, на ввоз и вывоз товара, за маклерские услуги. Большое значение для Каффы имела торговля ввозимым зерном.

Налоги на работоторговлю были одной из наиболее доходных статей бюджета наряду с коммеркиями и габеллами на продажу вина. К примеру, при продаже рабов платили сбор (*cabella capitum*) в 33 аспра со сделки, 8 аспров с «голо-

¹ Например, при весьма благоприятной торговой конъюнктуре в 1410 г. по массариям Каффы можно определить общее число рабов, вывезенных из Крыма в Южное Причерноморье, в 1350 человек, в 1423–1442 гг. это число колебалось от 563 до 729 человек ежегодно (Карпов С. П. Работоторговля в Южном Причерноморье... С. 141). Разумеется, здесь учтено только одно, пусть и важнейшее, направление торговли. Значительный поток рабов, примерно четверть от указанного, направлялся через Перу/Константинополь (Там же. С. 142–143). Учитывая все возрастающую активность турецких работоторговцев в Крыму, М. Балар оценивает общий ежегодный вывоз рабов в благоприятные годы торговой конъюнктуры, 1410–1420, в 3000 человек ежегодно. Две трети из них направлялись тогда на рынки мамлюкского Египта: Balard M. Esclavage en Crimée... P. 16–17.

² Kizilov M. B. The Black sea and the slave trade: the role of Crimean maritime towns in the trade in slaves and captives in the Fifteenth to Eighteenth centuries // International Journal of Maritime History. 2005. Т. XVII, № 1. P. 217–219.

³ Они упоминаются уже в нотариальных актах Каффы с середины XIV в.: Balbi G., Raiteri S. Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Bordighera, 1973; Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. P. 231–245; Basso E. Gli atti di Giovanni de Labaino (1410–1412): note su una fonte inedita per la storia di Caffa e del Mar Nero // Море и берега... С. 501–518.

⁴ Этот налог был значительным и мог быть сокращен на срок не более 10 лет при перестройке строения и по решению консула и Оффиции попечения (Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 736).

⁵ См., напр.: Buongiorno M. L'amministrazione... P. 203–204.

вы», плату за содержание рабов в специальных помещениях перед их отправкой из Каффы, налог Оффиции Святого Антония на рабов из восточных областей Причерноморья¹.

В бюджет поступали многочисленные штрафы, судебные взыскания по приговорам и налоги на зарплаты высших должностных лиц, так называемые сталии². Помимо сталий был и другой механизм пополнения казны. Срок службы консула и других магистратов Каффы в середине XV в. был увеличен с 12 до 13 месяцев, однако жалованье за дополнительный месяц они не получали. Эти деньги тратились на приобретение продовольствия. Повышение налогообложения магистратов приводило либо к отказам избранных консулов и массариев соглашаться на это избрание, либо к росту коррупционности.

Право брать определенные налоги продавалось откупщикам с аукциона. Победителем считался тот, кто предлагал большую сумму, рассчитывая, естественно, свою прибыль. А цель для коммуны заключалась в быстром получении авансируемой суммы для покрытия все возрастающих расходов и долгов. При этом максимальная сумма платежа, которую взимал откупщик, особенно на продажу продовольствия, дров, угля, была ограничена³.

В условиях постоянного дефицита бюджета коммуна Каффы практиковала объявление займов (иногда принудительных) и выпуск облигаций под фиксированный процент доходности. Кредиторы коммуны, получавшие дивиденды в процентах в зависимости от инвестированных сумм — как в самой Генуе, так и в Каффе — объединялись в специальные организации, называемые *compere*, для контроля и обеспечения гарантий выплат. В Каффе это были *Comperae Capuae*.

В конце XIV в. казна пополнилась также доходами от продажи участков земли приобретенных казалий южного берега.

Несмотря на это, расходы на строительство и ремонт укреплений и общественных зданий, оборону, закупку вооружения, содержание воинских контингентов, флота и городской инфраструктуры, выплаты ханам и самой метрополии, погашение займов и кредитов, финансирование праздников и общественной благотворительности в условиях сокращения товарооборота делали бюджет Каффы, да и всей Генуэзской Газарии остродефицитным. Этот дефицит усугубляла коррупционность чиновников. Можно с уверенностью утверждать, что с конца XIV в. Каффа была бедным, испытывавшим постоянные финансовые трудности городом с богатым купеческим населением⁴.

¹ *Balard M. La Romanie Génoise...* Т. 1. Р. 412.

² *Buongiorno M. L'amministrazione...* Р. 121–186.

³ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 759–762.

⁴ См. таблицы приходов и расходов Каффы в кн.: *Balard M. La Romanie Génoise...* Т. 1. Р. 421, 429–430.

§ 11. Вера и церковь в Генуэзской Газарии

Каффа была городом, где уживались люди, принадлежавшие к пяти разным конфессиям: римско-католической, православной, армяно-григорианской, иудейской и мусульманской, притом что господствующее положение принадлежало католикам.

Активная миссионерская деятельность францисканского и доминиканского орденов в Крыму прослеживается с 70–80-х гг. XIII вв. Францисканцам удалось получить ярлыки от трех ханов: Менгу-Тимура, Тохты и Узбека. Опираясь на них, они основали свои монастыри в Солдае в 1280-х гг., в Каффе — ранее 1287 г. Доминиканцы сделали то же в 1298 г.¹ Каффа вошла в состав кустодии Газарии францисканского викариата Северной Татарии. Позднее, в 1430 г., она стала столицей всей Восточной провинции ордена францисканцев и резиденцией генерального викария ордена. Хотя францисканец Иероним (Джироламо) ди Каталонья именовался епископом Каффы еще в 1316 г., официальное учреждение епископства Каффы и предоставление ей городского статуса было санкционировано папской буллой *Ad universales* 26 февраля 1318 г. В его церковную юрисдикцию были включены территории от Варны до Сарая и от Черного моря до русских земель². В 1333 г. папа Иоанн XXII учреждает митрополию в Воспоро (Керчи) и католическое епископство в Херсоне. Тем самым была создана новая черноморская провинция римско-католической церкви с диоцезами Херсон, Каффа, Севастополь (Сухуми), Трапезунд и Пера³. Ранее 1364 г. католическое епископство было учреждено в Чембало, а до 1393 г. и в Солдае.

В конце XIV в. в Каффе было не менее 22 католических храмов, и в дальнейшем их число росло, два францисканских (Святой Марии и Святого Франциска) и доминиканский монастыри, обитель бегинов, госпиталь иоаннитов.

Хотя католические прелаты занимали более высокое положение, чем священники иных конфессий, и нередко выступили арбитрами, например в спорах между «латинянами» и армянами, отношения епископов Каффы и местной администрации города были далеко не всегда безоблачными. Статут Каффы 1449 г. упоминает факты притеснения епископом Каффы местных жителей — греков, армян и иудеев, посягательств на их собственность, в частности при передаче имущества по завещаниям. Это грозило депопуляцией Каффы, было угрозой для нее и наносило ей ущерб, что прямо отмечено в тексте. Поэтому генуэзские законодатели довольно жестко ограничили функции католического епископа пределами только его конфессии и предписали консулу и его совету принимать меры по пресечению таких эксцессов⁴. Епископы Бартоломео Вентура (1391–1398), Джакомо Кампора (1441–1455),

¹ Loenertz R.-J. La Société des frères pèrègrinants. Études sur l'Orient dominicain, I. Roma, 1937. P. 92–94; Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au moyen âge (XIIIe — XVe siècles). 2e éd. Rome, 1998. P. 92–93.

² Acta Ioannis XXII... № 8. P. 12–13; Golubovich G. Biblioteca Biobibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese. Quaracchi, Firenze, 1919. T. III: Dal 1300 al 1332. P. 38–44.

³ Acta Ioannis XXII... № 134. P. 249–251; Richard J. La Papauté... P. 230–236.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 730–731.

Джироламо Паниссари (1459–1475) вступали в прямой конфликт с консулами и их окружением. Первый из них по настоянию властей Каффы вообще был удален из Каффы в Солдайю в 1398 г. Второй (доминиканец, видный теолог и полиглот) обвинял администрацию Каффы перед протекторами банка Святого Георгия в недостойном поведении и даже в измене в пользу татар. Консулы в свою очередь обвиняли его в чудовищном лихоимстве и подстрекательстве армян к выступлению против властей. Он оставил свой диоцез на попечение епископа Чембало и уехал на запад (около 1455 г.). Назад он уже не вернулся. Третий из них конфликтовал с властями Каффы по вопросу брачного права и вмешивался в споры между армянами Каффы¹.

Желая сохранить Каффу как оплот католицизма на Востоке, папы неоднократно объявляли о сборе индульгенций, средства от которых должны были пойти на оборону города. Однако дебаты о правильности их сбора и расходования возникали неоднократно².

Центром православия на территории Генуэзской Газарии была не Каффа, а Солдайя-Сугдея, имевшая статус митрополии. В управлении митрополита Сугдеи находились Херсонская и Готская епархии. В XIII–XV вв. митрополии Сугдеи и Фулл неоднократно соединялись и разъединялись по решениям Константинопольского патриархата. Впрочем, в XV–XVII вв. и Каффа была центром диоцеза Константинопольского патриархата. В Каффе было не менее 13 православных храмов, включая уже упомянутую в 1316 г. «церковь русских»³. Православные храмы, как правило, небольшие по размерам, но многочисленные, существовали на всей территории Генуэзской Газарии.

С 1318 г. в Каффе была армянская архиепископия. Школа под руководством архимандрита Саргиса в Каффе в XV в. стала известным центром армянской культуры. Активная проповедническая деятельность доминиканцев и других орденов привела к тому, что среди армянской общины важную роль стали играть армяно-католики (оплотом армян-августинцев был монастырь Святого Николая Мирликийского). В 1440 г. армяне присоединились к заключенной во Флоренции унии с папским Римом. Это отчасти позволило генуэзским светским и церковным властям Каффы активнее вмешиваться во внутренние дела армянской диаспоры, где отношения были и без того сложными: шло противоборство группировок за замещение кафедры армянского епископа в Каффе и другие споры. Генуэзской администрации, неудачно

¹ Loenertz R.-J. *La Société...* P. 114–119; Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. С. 213–214.

² Kressel R. *Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio*. The Univ. of Wisconsin Ph.D. Univ. Microfilms Inc. Ann Arbor, MI, 1966; La vente des Indulgences pour la Croisade à Gênes et en Lunigiana en 1456 // Heers J. *Société et économie à Gênes (XIVe — XVe siècles)*. London, 1979. № XII. P. 73–78; Origone S. *Fonti Genovesi per il soccorso di Caffa nel Quattrocento* // *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. Sofia, 1992. Vol. 3. P. 89–93.

³ Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Греческие церкви средневековой Каффы // *Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии)*. Киев, 2002. С. 159–168.

выступавшей арбитром, предлагались взятки, возрастало недовольство армянского населения как раз накануне османского завоевания. Отчасти это и облегчило его¹.

Еврейская община состояла из караимов и талмудистов². В Каффе были синагога и кинасса.

Положение Каффы на периферии и на территории ордынских земель делало неминуемыми ее тесные связи с татарами и ханской администрацией. Это способствовало известной торговой интеграции Северного Причерноморья со Средиземноморским миром, но при этом содержало постоянную угрозу военных конфликтов, столкновений и опасностей для городов Генуэзской Газарии. Генуэзские власти с недоверием относились к контактам жителей фактории с ханами и их чиновниками, опасаясь шпионажа и коррупции. Статуты Каффы прямо запрещали жителям Каффы получать какие-либо дары от «императора татар», его подданных и эмиров, по традиции именуемых «баронами», а также предоставлять им свои жилища для проживания внутри стен крепости, общаться с послами ханов без ведения и позволения консула и анцианов, участвовать в деятельности татарских сборщиков податей³.

§ 12. Культура Генуэзской Газарии

Полиэтничность, интенсивный обмен не только товарами, но и духовными ценностями превращали Каффу в крупный культурный центр. Там сложилась уникальная языковая среда со своим *lingua franca*, и около 1303 г. был создан знаменитый *Codex Cumanicus* — латинско-персидско-куманский словарь⁴. Важнейшие объявления и предписания оглашались в Каффе в лоджии, на базаре и иных определенных местах на двух языках: латинском и татарском, дабы никто не мог сослаться на неведение⁵. В Каффе существовали значительные библиотеки и скриптории, где создавались латинские⁶, греческие⁷ или армянские⁸ рукописи, нередко оформленные замечательными миниатюрами. Рукописи продавались, притом в значительных

¹ См.: *Balard M. Les controverses politico-religieuses à Caffa (1473–1475) // L'Église-arménienne entre Grecs et Latins fin XIe — milieu XVe siècle / éd. I. Augé, G. Dédeyan. Paris, 2009. P. 183–192.*

² *Кизилов М. Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.*

³ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 739–741.

⁴ *Kiun G. Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini, 1880; Drimba V. Codex Cumanicus. Édition diplomatique avec fac-similés. Bucarest, 2000; Il Codice Cumanico e il suo mondo. Atti del Colloquio Intern. Venezia, 6–7 dicembre 2002 / a cura di F. Schmedler e P. Schreiner. Roma, 2005.*

⁵ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 719.

⁶ *Petti Balbi G. Il notaio genovese nel Quattrocento // Tra Siviglia e Genova: notaio, documento e commercio nell'eta' colombiana / a cura di V. Piervigiani. Milano, 1994. P. 96.*

⁷ См.: *Schreiner P. L'importance culturelle des colonies occidentales en territoire Byzantin // Coloniser au moyen âge. P. 288–293, 295–297.*

⁸ Армянская миниатюра. Альбом. Ереван, 1969.

количествах и на большие суммы, как свидетельствует нотариальный акт 1467 г., оформивший подобную сделку на 1000 аспров¹.

Через Каффу итальянские мастера — скульпторы, художники, ювелиры — попадали на Русь и в другие государства Центральной и Восточной Европы. В частности, налаженным маршрутом были пути из Каффы во Львов и Москву. Известную роль в этом играли так называемые гости-сурожане, купцы-левантийцы, обретавшиеся в Крыму, среди которых было немало армян². К середине XIV в. гости-сурожане стали богатейшей привилегированной корпорацией и самого московского купечества, выполнявшей коммерческие, а иногда и дипломатические поручения великих князей и родовитого боярства, а также занимавшейся ростовщичеством. Московские сурожане и итальянские купцы (фрязины) тесно взаимодействовали и находились под покровительством властей, вмешивавшихся в случае споров и конфликтов для их защиты, не останавливаясь и перед введением санкций (конфискации товаров купцов стороны-обидчика) для возмещения коммерческих потерь³.

Храмы и стены башен и крепостей Каффы, Солдайи и других городов украшались каменной резьбой, армянские памятники — хачкарами, генуэзские строения — гербами и закладными плитами с именами дожей, консулов и даже массариев⁴. Интересными памятниками истории являются средневековые рисунки-граффити, обнаруживаемые на стенах крымских церквей и крепостных сооружений. Так, например, по граффити на штукатурке Судакской крепости реконструируются облики кораблей того времени⁵.

Из созданных непосредственно в Каффе художественных произведений заслуживает упоминания поэма «Огдоас» (что значит восемь глав, сцен или диалогов), написанная на латыни около 1421 г. преподавателем грамматики, ломбардцем по происхождению, но генуэзским гражданином Альберто Альфьери. Именно в ней автор живописует Каффу⁶, но не она является предметом его рассказа. Следуя за дантовской традицией, он переносит действие на небеса, где душа сына герцога Миланского, 22-летнего Габриэле Висконти, казненного в 1408 г. французским

¹ *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero... P. 286–290.

² *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935; *Хачикян Л. С.* «Гости-сурожане» в русских летописях и сказании о Мамаевом побоище (К вопросу об их национальной принадлежности) // *Русская и армянская средневековые литературы.* Л., 1982. С. 333–357.

³ См.: *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 405–407.

⁴ *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Genova, 1928. (ASLSP; Т. LVI); *Скржинская Е. Ч.* Судакская крепость. История. Археология. Эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006; *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы...; *Яровая Е. А.* Гербовика генуэзского Крыма. СПб., 2010; *Вальков Д. В.* Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

⁵ *Тур В. Г.* К вопросу о черноморском судоходстве в XV–XVI вв. // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* С. 216–221.

⁶ *L'Ogdoas di Alberto Alfieri.* Episodii di storia genovese nei primordii del sec. XV / a cura di A. Ceruti // ASLSP. 1885. Т. XVII. P. 314–318.

губернатором Генуи маршалом Бусико, беседует с отцом, могущественным герцогом Джангалеаццо и бывшим дожем Генуи Антониотто Адорно. Все они пророчествуют о судьбах Генуи и Милана, рассуждают об этических проблемах, о доброте и правосудии, милосердии и жестокости. Почему же Генуя и Милан и история их сложных отношений оказываются в центре событий? Ответ на этот вопрос очевиден: как раз с 1421 по 1435 г. Генуя находилась под властью Милана, а следовательно, и Каффа была ему формально подчинена. И Альфьери создает, по сути, политический трактат, где противопоставляет (не без очевидных преувеличений) миланскую династию Висконти тираническому правлению в Генуе французского губернатора (1401–1409 гг.). Но в этом произведении интересно другое: хорошая осведомленность автора в античной истории и литературе. Он с легкостью и часто цитирует Платона, Валерия Максима и Цицерона. Языческая мифология перемежается у него с топосами церковного красноречия того времени. И все же он хорошо владеет классической латынью, пишет в духе раннего итальянского Возрождения, дыхание которого не обошло стороной и далекую Каффу¹.

Альфьери не был единственным профессором грамматики в Каффе. С 1453 по 1455 г. там преподавал Винченцо Мерлани, с 1455 по 1475 г. — Костанцо Сарра, известный как составитель официальных документов в канцелярии консула. Когда Сарра на время уехал в Геную, ему тотчас же был найден заместитель, что указывает на непрерывность работы школы².

§ 13. Повседневная жизнь Генуэзской Каффы

Разнообразной была повседневная жизнь горожан. Много о ней мы узнаем из нотариальных источников и городских статутот Каффы.

Весьма оживленной была работа городского рынка. Там не только заключались крупные сделки, но и концентрировалась вся розничная торговля: привоз и продажа зелени, арбузов, дынь, огурцов, сахара, каштанов, мяса, особенно свинины, осетровых и иных рыб (стерляди, кефали, камбалы), устриц, хлеба, вина, фруктов, винограда, лука, капусты, чеснока, а также дров. Именно эти категории товаров специально оговаривались Статутом 1449 г. и находились под надзором администратора рынка — министрاليا³. Впрочем, товары распродавались также и на аукционах, нотариальные акты содержат описания продаваемых там предметов быта и одежды⁴.

После вечернего колокольного звона ворота города закрывались. Горожане должны были (под угрозой штрафов) гасить свет в восемь часов летом и в девять зимой. Жителям запрещалось выходить за пределы города, а пристав со слугами не могли выходить и за ворота крепости. Ночная стража в городе вне стен цитадели поручалась капитанам бургов. Ночью воспрещалось открывать и освещать тавер-

¹ L'Ogdoas di Alberto Alfieri... P. 253–320.

² Balleto L. Genova Mediterraneo Mar Nero... P. 286–287.

³ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 720–722.

⁴ Balleto L. Genova Mediterraneo Mar Nero... P. 197–267.

ны (только две из них могли работать в ночное время). Жители бургов (но не крепости) могли перемещаться по городу после «отбоя», наступления сумерек и звона колокола, только со светильниками (факелами или иными). Если их обнаруживали без оных далее восьми домов от собственного жилища, то подвергали высокому штрафу и сажали под арест. Штрафы взыскивались судебным приставом или капитаном бургов. Помимо таверн и других питейных заведений в Каффе были и публичные дома, расположенные в бургах, содержатели и посетители которых также обязывались строго соблюдать установленный порядок¹. Впрочем, в таком большом портовом городе, как Каффа, нередко бывали ссоры и драки обитателей. Разнимать дерущихся и наводить порядок должен был капитан бургов с его подчиненными².

Отличаясь некоторой толерантностью к верованиям и обычаям местного населения³, администрация Генуэзской Газарии тем не менее ориентировалась на системы ценностей, выработанные римско-католической церковью, и стремилась утверждать их через праздники и иные публичные торжества, внедрение моды, вкусов и привычек правящей элиты. В Каффе, например, существовал календарь общеобязательных праздников с фиксацией нерабочих дней. В постановлении дожа Генуи 1440 г. указывалось, что в Пере и Каффе проживают латиняне, греки, армяне, евреи и всем им надлежит знать, какие дни для адептов любой конфессии являются выходными. В прилагаемый список, помимо всех воскресений, попал 51 католический праздник. В эти дни всем жителям Каффы, любого вероисповедания, запрещалось трудиться, открывать лавки, в то время как в остальные дни жители сами определяли, отмечать ли им или нет те или иные праздники, и никто не мог принуждать их к этому. На устройство праздников ассигновывались немалые деньги. На праздники Рождества Христова и в канун Рождества Иоанна Предтечи (24 июня) в Каффе устраивались иллюминация и фейерверк. Они проходили на площади близ дворца консула и на набережных. На площади большое бревно ставилось в центре костра, привозили воз дров и все необходимое для фейерверка. Во дворце в сочельник устраивался прием, на котором гостям подавали как сухие вина, так и ароматную крепкую мальвазию, изюм и миндаль, конфеты. На площади раздавался звук труб, выходил консул со свитой, воинским и полицейским отрядами, слугами и принимал участие в церемонии, всех действующих лиц которой угощали за счет казначейства вином, другими (видимо, горячими, по сезону) напитками, хлебцами, яблоками и виноградом. 500 аспров выделялось на Рождество для раздачи милостыни.

Богоявление отмечалось иначе. Звонили колокола. Греки приходили во дворец консула и пели там *калимерас*, желая многие лета праздновавшим. Во внутреннем дворе *аллилуйю* пели и католические священники. Существовал также один интересный обычай: мальчики, получив благословение греческих священников, бросались в море. Так как Богоявление приходилось на 6 января, купание

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 697–698, 712–715, 718.

² Там же. С. 715–716.

³ Напр.: *Airaldi G.* Etnie e strati soclali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero // *Byzantino Bulgarica*. 1981. Т. 7. Р. 249–252; *Idem.* Genova e la Liguria nel Medioevo. Torino, 1986. Р. 42–44.

происходило в холодной воде и вознаграждалось небольшими денежными подарками. Праздник венчался пиром во дворце консула. Разумеется, совершались и торжественные богослужения, а на праздники всем главным храмам за счет казны покупались большие свечи¹.

На Пасху широко раздавалась милостыня, торжественный колокольный звон плыл над городом, свои *laudes* пел хор священников во дворе консульского дворца. В день Святого Георгия 23 апреля в алтаре дворцовой церкви зажигались большие восковые свечи. На приеме подавались вино, изюм, миндаль и зелень. В июне, в канун Рождества Иоанна Предтечи, меню менялось: к вину на десерт подавали вишни или изюм и шербет.

На всех праздниках гремела музыка. В свите консула состоял целый оркестр из музыкантов, играющих на литаврах, гусях, цитре (*salterio*), волынке, не считая трубачей-горнистов. Они играли во дворце и на площади в определенные дни и состояли на жаловании казначейства².

Есть упоминания и о чисто светских праздниках, для которых шили из дорогих тканей попоны для лошадей, рисовали гербы, украшали атласом небольшие суда-барки, устраивали скачки, регаты и театрализованные представления³. Впрочем, казначейство ограничивало траты на проведение праздников. В 1449 г. лимит трат составлял сравнительно малую сумму — от 1 тыс. до 2 тыс. аспров⁴.

В Каффе строго следили за поддержанием чистоты и порядка. За ее санитарным состоянием следила Оффиция попечения. Жителям Каффы запрещалось, например, выливать воду и нечистоты на улицу (как это делалось в большинстве средневековых городов Европы того времени). Для отвода нечистот вырывали специальные канавы, и за их состоянием и починкой должны были следить владельцы домов⁵.

§ 14. Венецианцы в Крыму

Венецианцам, в отличие от генуэзцев, не удалось прочно закрепиться на крымских берегах. Их фактория в Солдае была оставлена, видимо, еще в начале XIV в.⁶, и в дальнейшем она не стала причалом для знаменитых торговых галей «линии», посещавших черноморские порты, в основном Трапезунд и Тану⁷. Кризис середины XIV в. и война с Ордой (1343–1347 гг.) привели к тому, что венецианцы были временно изгнаны

¹ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 704–707.

² Там же. С. 702–703.

³ Карпов С. П. Что и как праздновали в Каффе в XV в.? // СВ. 1993. Т. 56. С. 226–232; Balard M. C'est la fête à Caffa (XIIIe — XVe s.) // Море и берега... С. 493–500.

⁴ Устав для генуэзских колоний в Черном море... С. 755.

⁵ Там же. С. 677–678.

⁶ Nystazopoulou-Pélékidis M. Venise et la Mer Noire... P. 27.

⁷ См.: Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; Stöckly D. Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe — milieu XVe siècle). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 111.

не только из Крыма, но и из Таны. Им пришлось заключить союзный договор с генуэзцами и вести свои торговые дела в подконтрольной генуэзцам Каффе. Договор не выдержал испытания на прочность. Конфликты возникали уже во время пребывания в Каффе венецианских купцов и послов Республики Святого Марка. После долгих и мучительных переговоров с ханом Джанибеком венецианцы смогли получить от него ярлык на право вернуться в Тану (1347 г.)¹. Но вскоре разразилась война Венеции с Генуей, желавшей установить свою торговую монополию в Причерноморье. Она закончилась компромиссом, и Миланский договор Венеции с Генуей (1355 г.) воспретил обоим морским республикам до 1358 г. осуществлять навигацию в Азовском море². При этом у генуэзцев оставались Каффа и Газария, а у венецианцев никаких опорных пунктов в Северном Причерноморье не было. Они пожелали вновь закрепиться в Солдае, находившейся тогда под управлением эмира Зайн-ад-дина Рамадана, но эта попытка не увенчалась успехом. В 1356 г. Рамадан предложил Венеции гавань Провато (Двужорная бухта). Соответствующее соглашение о ее передаче было заключено венецианским послом Андреа Веньером и Рамаданом и утверждено ярлыком хана Джанибека³.

В 1358 г. новый хан Бердибек дал ярлык венецианцам, утвердив прежнее пожалование Рамадана, разрешившее им посещать порты Провато, Солдае и Калитра (Калиера) и обосноваться в Провато⁴. Провато было менее выгодным для венецианцев местом, так как оно примыкало к границам Генуэзской Газарии. Тем не менее венецианские галеи осуществляли заход туда в 1356–1357 и 1382 гг., как и к близлежащему мысу Святого Иоанна (в Тихой бухте) в 1396–1399, 1433 гг., в основном когда навигация в Танае отсутствовала или была затруднена⁵. Правда, причал в гавани Провато не был безопасным: капитану галей категорически запрещалось покидать суда и разрешать сходить на берег более чем 25–30 матросам. Кроме того, и товары разрешалось сгружать небольшими порциями⁶. Словом, это была стоянка на чужой и часто недружественной земле, по соседству с сильным соперником и конкурентом — Каффой. После окончания Солхатской войны в 1387 г. Провато, как и все

¹ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 9. С. 8–43.

² Liber Iurium Reipublicae Genuensis / publ. M. Ercole Ricotti. Torino, 1857. (HPM; T. IX). Т. 2. P. 617–627.

³ Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia / ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. Т. 2: а. 1351–1454. № 14–15. P. 24–26; Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов... С. 168–184.

⁴ Diplomatarium... Т. 2. № 25–26. P. 51–52–20/IX.1358; Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов... С. 192–195; Бочаров С. Г. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато // Stratum Plus. 2015. № 6. С. 305–317; *Он же*. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV — первая половина XV в.) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 6 (30). С. 703–708; *Он же*. Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда... С. 47–97.

⁵ См.: Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов... С. 64–65.

⁶ Venezia-Senato. Deliberazioni miste. Registro XXVIII (1357–1359) / a cura di E. Orlando. Venezia, 2009. № 79. P. 85–18–29/VII.1357.

южнобережье, перешло под власть генуэзцев. Удержаться в Крыму венецианцам не удалось, и они довольствовались укреплением и усилением своей фактории Тана в устье Дона и поддержкой врагов генуэзцев в Крыму — князей Феодоро (Мангупа)¹.

Таким образом, оценивая роль и значение Каффы, надо со всей определенностью отметить, что генуэзцы (и власти Республики, и сам патрициат, купцы и предприниматели) настойчиво и упрямо стремились превратить ее в главный центр всей черноморской торговли, исключая и подавляя соперников, ограничивая их возможности своим жестким контролем и, если не получалось, вводя закрытые для них зоны торговли, например в Азовском море и прежде всего в Танае, главном опорном пункте венецианцев, на Южном побережье Крыма, и даже в Западном Причерноморье. Именно это было причиной их многочисленных войн с Венецией (1261–1270, 1294–1299, 1328, 1351–1355, 1377–1381 гг.), конфликтов с Византией (1264–1267, 1349–1352 гг.) и Болгарией (1315–1387 гг.), решительного подавления ими пиратского гнезда и конкурента на юге — мусульманского Синопа (1340 г.)².

Итогом итальянской колонизации Северного Причерноморья стала интеграция этой обширной территории в систему экономических и политических связей всего Средиземноморья. Развитая техника коммерческого делопроизводства, банки, страховые компании, купеческие корпорации, флот создали прочную и современную для того времени экономическую систему. В ней, однако, власть и лидирующие позиции принадлежали генуэзцам и отчасти венецианцам, а местным жителям доставалась в лучшем случае роль их младших партнеров. Полиэтническое население факторий Крыма пользовалось определенными юридическими и политическими правами, защитой властей перед лицом ордынских правителей, но оно не обладало теми правами и привилегиями, какие имели генуэзские граждане. Синтез культур, о котором говорилось выше, начинался, но не достиг зрелых форм, будучи прерванным османскими завоеваниями. Тем не менее крымские города стали важнейшим посредником в торговле между Западом и Востоком и играли значительную роль в обмене культурными ценностями и достижениями между Севером (Русью) и Югом (Константинополем, Анатолией). Они также производили товары и изделия, востребованные окружающим их миром.

В более тяжелом положении, чем горожане, находились жители генуэзской кампании, так именовалась сельская округа. Отчасти они эксплуатирова-

¹ *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке... С. 207–208.

² *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. // ЗООИД. 1860. Т. IV. С. 151–236; *Heyd W.* Histoire du commerce... 1885. Т. 1. P. 502–509; 1886. Т. 2. P. 187–291; *Sorbelli A.* La lotta tra Genova e Venezia per il predominio del Mediterraneo // Memorie della R. Accademia delle scienze dell' Istituto di Bologna. Classe di scienze morali, serie I, Sezione di scienze storico-filologiche. Bologna, 1910–1911. Т. 5. P. 87–157; *Papacostea Ș.* «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979. Т. XVII, № 2. P. 201–217; *Cristea O.* Genoa's struggle for hegemony in the Black sea (Thirteenth-Fourteenth centuries) // Historical Yearbook. București, 2005. Т. 2. P. 117–132; *Карпов С. П.* Superbia генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов // ВО. СПб., 2016. С. 75–86.

лись городскими коммунами Генуэзской Газарии, отчасти попадали под власть возникавших феодальных сеньорий патрицианских семейств Генуи. Надо, однако, отметить, что сами эти сеньории находились под контролем консульств Каффы, Солдайи, капитанства Готии, и число их было еще сравнительно невелико, а структура вотчин не вполне сформировалась. Золотая Орда и затем Крымское ханство сохраняли верховный сюзеренитет над землями Генуэзской Газарии, сопрягая его, в соответствии с договорами, с широкой автономией факторий и сохранением в их внутреннем управлении правовых норм генуэзского законодательства. В ряде случаев (например, в Лусте или на Тамани) поселения какое-то время находились под двойной властью — местного правителя и генуэзского магистрата. Но это было скорее исключением, чем правилом.

История Генуэзской Газарии заканчивается в 1475 году. Однако память о генуэзцах и само их присутствие на крымских берегах не ограничиваются этой датой. Генуэзцам по традиции приписывали и не относившиеся к их присутствию памятники, а сами они пытались не раз вернуться на облюбованные берега Крыма¹.

В заключение надо отметить и еще одно важнейшее обстоятельство. Благодаря обширной и сохранившейся документации итальянских факторий в архивах Генуи и Венеции (финансовых, нотариальных, законодательных, нарративных и других источниках) мы можем реконструировать многие пока еще малоизвестные события и явления в истории нашей Родины в XIII–XV вв.²

¹ *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. P. 459–488; *Andreescu Ș.* Giovanni Antonio Spinola et les survivances génoises en Crimée au XVIe siècle // *Coloniser au moyen âge*. P. 386–394.

² *Карпов С. П.* Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 1994. № 1. С. 3–16.

РАЗДЕЛ III

КРЫМСКОЕ
ХАНСТВО

1441–1783

Глава 14

Образование Крымского ханства

И. В. Зайцев

§ 1. Происхождение династии Гиреев.

Хаджи-Гирей и его деятельность

Как и в других золотоордынских ханствах, в Крыму правили представители одного рода — Джучидов (потомков сына Чингиза Джучи). Позднее джучидская традиция, в том числе и историографическая, связывала Крым с потомством Тохтамыша, и полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом»¹.

В ханстве правила династия Гиреев² — потомков золотоордынского хана Хаджи-Гирея. Приходится признать, что ни этимология династийного имени ханов Крыма, ни исторический контекст его происхождения нам до конца не ясны. Наконец, для первых двух поколений крымских ханов не совсем понятна логика присвоения приставки Гирей представителям династии.

Отцом Хаджи-Гирея, по свидетельствам источников, был Гийас-ад-Дин ибн Таш-Тимур ибн Джанай ибн Тула-Тимур ибн Кунджек ибн Рук-Темур ибн Тука Тимур ибн Джучи ибн Чингиз³. Отец Хаджи-Гирея ханский престол не занимал.

¹ Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 49; Трепавлов В. В. Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // ТС 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 375.

² Придерживаемся утвердившегося к настоящему времени написания фамильного имени крымской династии в форме *Гирей* (а не *Гирай* или *Герай*, как это принято в украинской, западной и турецкой литературе, а иной раз проскакивает и в современной русской, так или иначе зависящей от западной). Причины этого написания изложены Н. И. Веселовским в рецензии на кн.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 (ЖМНП. 1889. Ч. 261. Январь. Отд. 2. С. 176).

³ *Halim Giray. Gülbün-ü Hânân* (Kırım Hanları Tarihi). Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım/ed. B. Günay. Yayına Hazırlayanlar A. Başer, A. Günaydın. İstanbul, 2013. S. 31. См., например, список «Ассеб ас-Сейар» в собрании библиотеки Сюлеймание (Reşid Efendi 664), в котором, правда, допущены две описки: пропущено слово *ибн* между именами Гийас ад-Дин и Таш-Тимур (описка из-за схожести написания концовки имени и слова *ибн*), и допущено искажение Джатай (вместо Джанай). Подробнее см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т. М., 2005. Т. 1: До начала XVIII века. С. 183 и след. См. также: *Гайворонский А.* Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003. С. 10.

Правил только дед Таш-Тимур и то очень короткое время, в 1395–1396 гг., после чего был свергнут Тохтамышем. Впрочем, имя его осталось в источниках, даже литературных. Много позже, в 1485 г., великий Алишер Навои закончил написание своей поэмы «Стена Искандара». Один из героев поэмы царь Дара собирает бесчисленное войско со всех концов света, чтобы идти войной на Искандара (Александра Македонского). В составе этого войска, как пишет А. Навои, «был Тимур-Таш — орды кипчакской хан»¹.

Имени матери Хаджи-Гирея мы не знаем. Достоверно известно о брате Хаджи-Гирея Джанай-оглане². Согласно «Му‘изз ал-ансәб» его звали Джан-Гирей³. В «Ассеб ас-Сейар» и сокращенных редакциях этого труда упомянут и племянник («сын брата») Хаджи-Гирея Джанай-оглан⁴. Возможно, что у Хаджи-Гирея было и прозвище — Малик (ملك; «Царь»)⁵. Так называют его османские историки круга Ташкенди-Али⁶, а также крымские авторы⁷.

Независимое государство (ханство) в Крыму, согласно традиционной точке зрения, было основано Хаджи-Гиреем при поддержке Польско-Литовского государства в начале 40-х годов XV в.⁸ Причем эта роль Польши и Литвы в становлении ханства и судьбе Хаджи-Гирея потом не только подчеркивалась польско-литовскими средневековыми авторами, но и отмечалась крымскими текстами, адресованными в Литву, например ярлыками Менгли-Гирея и Сахиб-Гирея⁹. Однако, как выяснилось в результате изучения счетов генуэзского казначейства Каффы, сепар-

¹ *Навои А.* Сочинения: в 10 т. Ташкент, 1968. Т. VII: Стена Искандара / пер. В. Державина. С. 71.

² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 186.

³ Му‘изз ал-ансәб (Прославляющие генеалогии). Алматы, 2006. Т. III: История Казахстана в персидских источниках. С. 45.

⁴ Ассеб о-ссейар, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (Es-Seb’ us-Seuyar fi ahbar-i muluk-i Tatar, араб. шрифт). С. 72; Краткая история крымских ханов. Рукопись ИР НБУ. Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3805. Л. 26; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 188; *Ortekin H.* Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938. S. 8.

⁵ Теоретически с другими огласовками можно прочитать и как «малак», т. е. «ангел».

⁶ *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк (Исправление истории царей). Рукопись МГИМО (У) МИД России. № 257. Л. 29.

⁷ *Halim-Geray Sultan.* Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1327/1909 (араб. шрифт). 2-е изд. С. 11; *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân... S. 31.

⁸ *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 49.

⁹ Например, в ярлыке Менгли-Гирея 1514 г.: «Што ж явно чиним, тым то нашим листом, иж здавна предков наших царей и отца нашего Ачжигирея, царя, кони коли потны были, тогды к великому князю Витовту, к королю и великому князю Казимеру, в Литовскую землю гостем приходили и честь великую и доброту видевши...» (цит. по: *Шабильдо Ф.* Чи існував ярлик Мамай на українській землі // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 106). Несмотря на то что сами эти крымские ярлыки на русских землях, по мнению историков, не имели большого практического значения для тех, кто их получал (*Kolankowski L.* Problem Krymu w

ратизм Крыма был оформлен в 1419 г. избранием ханом Бек Суфи и появлением на троне новорожденного ханства собственной династии — ветви крымских Ту-катимуридов¹.

Исследователями предлагается несколько дат воцарения Хаджи-Гирея: 1441 г. (по монете 845 года Хиджры)², или даже еще более точно: март — апрель 1442 г.³; 1443 г.⁴ Если принять последнюю датировку, то придется признать первым крымским ханом Улуг-Мухаммеда, поскольку в 847 г. х. (май 1443 г. — апрель 1444 г.) именно он правил в Крыму⁵. Ряд ученых относит начало правления Хаджи-Гирея в Крыму и, таким образом, начало существования Крымского ханства к 1449 г.⁶

А. В. Якушечкин считает, что призыв Хаджи-Гирея на правление беями Крыма прежде всего преследовал цель борьбы с Саид-Ахмадом. Решение о направлении послов к Казимиру с просьбой отпустить Хаджи-Гирея в Крым было принято вскоре после смерти Айдара (мы увидим в дальнейшем, что это не так). Посольство к Казимиру вышло из Крыма в районе декабря 1441 г. — января 1442 г. Провозглашение Хаджи-Гирея ханом произошло не позже марта 1442 г. Сразу после избрания ханом Хаджи-Гирей отправился с военным походом на Сеид-Ахмада за пределы Крыма. Компания продолжалась по крайней мере до середины лета и закончилась победой Хаджи-Гирея. В мае 1442 г. в Массариях Каффы упомянут брат Хаджи-Гирея. Судя по всему, это известный по многим источникам Джанай (Джанай-оглан). Кроме того, подтверждаются данные источников о том, что к Хаджи-Гирею прибыл воспитатель (атабек) его отца Гийас-ад-Дина — Девлет-Кельди⁷.

---

dziejach jagiellońskich // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1935. Vol. 49. S. 290), ярлыки говорят о претензиях крымских ханов на золотоордынское наследие.

¹ Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма... С. 158–190.

² Ürekli M. Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş (1441–1569). Ankara, 1989. S. 13; Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2007. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. С. 19; Kołodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania. International diplomacy on the European periphery (15th–18th century). A study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden; Boston, 2011. P. 11.

³ Гулевич В. П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // ЗО. 2013. № 1. С. 128–129.

⁴ Сахаров А. М. Крымское ханство // СИЭ. М., 1965. Т. 8: Кошала—Мальта. Стб. 208.

⁵ Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 500–502, 533–534.

⁶ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. S. 264–266; *Idem*. Problem Krymu w dziejach jagiellońskich. S. 288; Vásáry I. The Crimean khanate and the Great Horde (1440s–1500s). A fight for primacy // The Crimean khanate between East and West (15th–18th century) / ed. D. Klein. Wiesbaden, 2012. P. 15–16; Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт Эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 50.

⁷ Якушечкин А. В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // ЗО. 2016. Т. 4, № 3. С. 580–601.

В эпоху становления Крымского ханства (в 30–50-е гг. XV в.) сохранялось разделение полуострова на разные по статусу государственно-административные единицы. Унаследовав всю полноту власти главы тумена, однако уже в другом качестве — полноправных независимых владык, территориально ханы довольствовались Степным Крымом с его столицей в Солхате.

Границей ханства на юге были Крымские горы. На севере ханские рубежи выходили за пределы полуострова и простирались примерно до района Конских Вод; на северо-западе — до реки Синяя Вода; на востоке, со стороны Астрахани и ногаев, какое-то время границей был Миус (Молочная Вода). Западная граница простиралась за Очаков к османскому Аккерману¹.

Еще Ф. Хартахай предположил, что столицей татар в Крыму сначала был Эски-Крым, «потом, в эпоху междоусобий, перед династией Гиреев, — Карасубазар и, наконец, при Менгли-Гирее — Бахчисарай, ставший вместе и центром татарской цивилизации»². Эта точка зрения поддержана и другими учеными: «Есть основание думать, что при Хаджи-Гирее столица из г. Крыма была перенесена не в Бахчисарай, которого тогда еще не было, а в существовавший к этому времени г. Кырк, причем укрепленной цитаделью его была крепость Кырк-Йери»³.

Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из золотоордынского Солхата (Крыма) в Кырк-Йер, ставший столицей независимого «юрта», являются монетные эмиссии. Самая ранняя несомненная монета Хаджи-Гирея, чеканенная в г. Крыме (Солхате), относится к 845 (1441/1442) г.⁴ В 858 (1454) г. Хаджи-Гирей бьет монету уже в Кырк-Йере⁵. Там же чеканена и монета, видимо, датированная 867 (1462/1463) г. Однако к этому же году, скорее всего, относится монета Хаджи-Гирея, битая все еще в Солхате⁶. Таким образом, начиная с 858 (1454) г. и по меньшей мере вплоть до 867 (1462/1463) г. хан чеканил монеты параллельно в двух городах: в старой ставке — г. Крыме (Солхате) и в новой — Кырк-Йере.

Значение Солхата как старой столицы, очевидно, сохранялось и в 868 (1463/1464) г. Именно тогда умер, видимо, отец основателя ханства Гийас-ад-Дин. Похоронен он был в Солхате⁷.

Между тем последующие представители династии погребались уже у подножия плато, которое ныне носит название Чуфут-Кале, а некоторые, возможно,

¹ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. СПб., 1866. Т. II. Июнь. С. 189–190.

² Хартахай Ф. Христианство в Крыму. М., 2003. С. 22.

³ Боданинский В. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–1929 гг.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 181.

⁴ Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. 1893. № 18 (год седьмой). С. 76–77; Ürekli M. Kıym Hanlığının Kuruluşu... S. 13.

⁵ Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев. С. 79 и след. См. также: Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки // ЗО. 2014. № 1 (3). С. 128–162; № 2 (4). С. 191–225.

⁶ Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев. С. 86–88.

⁷ Зайцев И. В. Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2014. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. С. 130–146.

и на самом плато. Высказывалась точка зрения, что Кырк-Йер был местом первоначального захоронения Хаджи-Гирея¹. Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там: «В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад». Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в., безусловно, существовали и другие захоронения². Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь.

Тарханный ярлык Хаджи-Гирея, датированный сафара 857 / марта 1453 г., когда ставка хана находилась «во дворце» в Кырк-Йере³, заставляет нас отодвинуть перенос столицы ханства из Солхата в Кырк-Йер именно на период не позднее весны 1453 г. (как мы помним, в 858 (1454) г. в Кырк-Йере уже били монету).

Перенос столицы из Эски-Крыма, скорее всего, был связан с попыткой избежать влияния могущественного клана Ширинов⁴. Однако почему был выбран именно Кырк-Йер?

Впервые Кырк-Йер/Киркор упоминается у сирийца Абу-л-Фиды (1273–1331) в форме Киркир (قرقر) и размещается в стране асов (من بلاد الأصب), т. е. аланов⁵. Баварский солдат Иоганнес Шильтпергер, посетивший между 1394 и 1427 гг. Крым, отмечал: «Затем один город называется Каркери и имеет хорошую землю, и называется Сутти, а язычники называют его Тат»⁶.

Крепость была взята Шибаном уже в 1238 г. и, видимо, представляла собой полуавтономное аланское владение с ханским наместником-даругой, обложенное выходом (на манер русских княжеств и итальянских колоний Южного

¹ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. С. 64.

² Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Акчокьракьлы О. Эсерлер топламы. Акьмесджит, 2006. С. 263–268, 273.

³ Kurat A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarıllık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S. 64–65. Несмотря на то что тарханный ярлык Хаджи-Гирея не является подлинником, а представляет собой, по определению М. А. Усманова, вольную, местами искаженную копию-версию, составленную в Турции на основе нескольких подобных актов и объединяющую индивидуальные качества разных документов в одном образце-шаблоне (Усманов М. А. К истории джучидо-османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 129), дата этого шаблона особых сомнений не вызывает (хотя, как заметил еще Акдес Нимет Курат, число месяца в дате не совпадает с днем недели и нуждается в исправлении).

⁴ Brian Glyn W. The Crimean Tatars: the Diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 45.

⁵ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М., 2009. С. 101, 121.

⁶ Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб., 2011. С. 78.

берега), который поступал лично ханам. Эта зависимость сохранялась и к середине XV в.¹

С большой долей вероятности можно предположить, что Менгли-Гирей, родившийся около 850 (1446/7) г., был сыном Хаджи-Гирея от аланской княжны, дочери князя Индиаву. О происхождении своей матери Менгли-Гирей писал так: «...моей матери царицин отец Индиаву князь»². Умерла мать Менгли-Гирея, скорее всего, в 1484 или 1485 г.³

Таким образом, татарско-аланский союз, скрепленный династическим браком, был оформлен незадолго до рождения Менгли-Гирея, в 850 г. х., т. е. в начале 1440-х гг.⁴

Часть города принадлежала Яшлавским беям и была заселена мусульманами. Старейший ханский ярлык этому роду датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр-Гиреем. В нем беи названы «древними владельцами города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В. Д. Смирнов, «таких вещей просто не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты»⁵. Сами Яшлавские, однако, жили не в крепости, а лишь обладали правом сбора налогов с ее населения. Кроме того, значительную часть населения Кырк-Йера в XIV–XV вв. составляли армяне. Ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи-Гирея от 864 г. х. (1459 г.) и его сына Нур-Девлета от 872 (1467) г., а также договор горожан с Менгли-Гиреем 883 (1478/1479) г. ясно свидетельствуют о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи⁶.

Видимо, ко времени переезда Хаджи-Гирея в новую резиденцию относится и строительство мавзолея Джанике-ханум, останки которой перенесли из другой усыпальницы. На Кырк-Йере, рядом с существовавшей к тому времени мечетью Хаджи-Гирей основал медресе. В результате раскопок в 20-х гг. XX в. в шести метрах от северо-западного угла мечети был найден осколок каменной плиты с остатками надписи, в которой угадывается имя хана Хаджи-Гирея, сына Гийас-ад-Дина⁷.

¹ Не случайно Лаоник Халкокондил (жил между 1432 или 1423 и 1490 гг.) писал между 1480–1490 гг., что Ἀτζίερής, т. е. Хаджи-Гирей, склонил к выплате дани народы, в том числе крымских готов и генуэзцев Кафы, а также часть сармат (русских). Сведения его восходят к середине XV в. (*Ditten H.* Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. Berlin, 1968. S. 13–14).

² Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 270.

³ Там же. С. 47–48, 51.

⁴ *Зайцев И. В.* Семья Хаджи-Гирея // *Altaica* XII. М., 2007. С. 64–71.

⁵ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 126–127. О легендах, связывающих Чуфут-Кале и Яшлавских, см.: *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

⁶ *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале. С. 269; *Vásáry I.* A contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the inhabitants of Qırq-yer from 1478/79 // *CAJ*. 1982. Vol. 26. № 3–4. С. 289–300.

⁷ *Акчокраклы О.* Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 185. № 1; *Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н.* Чуфут-Кале... С. 181. Рис. 15.

На мысе Бурунчак, видимо, еще первые ханы создали заповедник — своего рода заповедник для облавных охот, принадлежавший лично ханам и содержавшийся из средств казны¹. В центре мыса были вырублены два бассейна для дождевой воды (в 1970-х гг. они были исследованы археологами), а сам мыс отгорожен от жилых кварталов стеной². Охотиться в этом зоопарке могли только члены правящего дома. После присоединения полуострова к империи российская администрация еще долго не знала, что делать с оставшимися там оленями.

Долгое время Кырк-Йер служил местом, где находился монетный двор Гиреев и хранилась казна династии³. Причем там же хранились и военные трофеи ханов. По словам хана Шейх-Ахмеда (около 1527 г.), его имущество и казна Большой Орды (которые татары захватили в 1502 г.) содержались в неприкосновенности именно там: «...базар мой в Перекопи в Киркели загнан в твердое местцо, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчизны базару не доставал под царем Перекопским»⁴.

Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центрально-азиатский курук (запретное место, заповедник). Учитывая роль Кырк-Йера как классического курука (ханского заповедника/некрополя), можно осторожно предложить еще одну вероятную этимологию названия: «корык/кырык-йер» — «заповедное, святое место»⁵.

С переносом в XVI в. ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер потерял свое значение, но остался местом заповедных ханских охот, а долина у подножия

¹ *Паллас Петр Симон*. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999. С. 33.

² *Герцен А. Г., Мозаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей... С. 30.

³ *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. История. М., 1940. Вып. 61. т. 2. С. 5, 23. Еще Девлет-Гирей I чеканил там монету (*Муралевич В. С.* К нумизматике Гиреев: заметка о монетах Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея IV и Адиль-Гирея из Феодосийского археологического музея // ИТОИАЭ. 1928. Т. II. С. 141).

⁴ Цит. по: *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт Эли... С. 34; *Он же.* Золотая Орда после распада... С. 378. Отголосок столичного статуса Кырк-Йера можно найти и в хронике Матая Стрыйковского (1582 г.), где говорится о том, что Витовт, который, как считал В. Д. Смирнов, имел к возвышению Улуг-Мухаммеда хана прямое отношение, дал перекопским татарам двух султанов. Одного из них, Мухаммеда, — в Кырк-Йер: «на царство Киркельское»; другим же был Девлет-Гирей (*Смирнов В. Д.* Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 178–179). Правда, воспоминания о столичном статусе Солхата-Крыма еще долго жили в умах и сердцах его уроженцев. Много позже, в 1581 г., в сочинении османского историка Мустафы Али Гелиболулу встречается своего рода нравоучительный плач о разорении и упадке г. Крыма, который вложен в уста османского падишаха Мехмеда II и его собеседника — солхатского уроженца знаменитого Мевляны Сейида Ахмеда ибн Абдуллы Кырыми (ум. в 879 (1474/1475)) (*Mustafā ‘Ālī’s Counsel for Sultans of 1581/ed., trans., notes by A. Tietze.* Wien, 1979. P. 101–103, 25–26).

⁵ *Зайцев И. В.* Кырк-Йер/Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Оюна к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. С. 494–503.

Бурунчака стала местом последнего пристанища первых четырех поколений династии Гиреев¹. Вскоре город целиком был отдан в качестве держания беям Яшлавским и заселен караимами.

Однако и в 1540-е гг. Кырк-Йер считался престольным городом ханства. По крайней мере панегирист Сахиб-Гирея Нидаи Реммал-ходжа в 950 (1543) г., закончив в Кырк-Йере свою суфийскую поэму «Гендж-и Эсрар-и Мани», в ее колофоне прямо назвал этот город крымской столицей (тахтгях)².

Правление Хаджи-Гирея на короткий срок прервалось летом 1456 г., когда к власти на полуострове, видимо, пришел Айдар (Хайдар) ибн Хаджи-Гирей. Однако удержаться на престоле ему не удалось: после ноября он бежал в Литву, а на трон вернулся его отец³. Впрочем, как справедливо замечал А. М. Некрасов, связывать «царский» титул Айдара именно с событиями 1456 г. можно только предположительно⁴. Например, в армянских источниках смещение Хаджи-Гирея в 1456 г. связывается с неким султаном Махмудеком, которого Т. Э. Саргсян отождествляет с золотоордынским ханом Махмудом⁵.

Айдар еще был жив в начале 80-х гг. XV в. В русском переводе сохранилось его письмо от марта 1483 г. из Москвы в Крым к жене Бараш-султан, которая жила там вместе с сыном Даниялом. Айдар звал жену и сына к себе. В тексте посольской книги Айдар назван царем, это означает, что он действительно занимал ханский престол (скорее всего, в Крыму) до этого⁶. Иногда в русских документах этот хан писался как Айдар-Газы (т. е. имел приставку «Газы» — «борец за веру»). Вскоре Айдар скончался. В ноябре 1491 г. в Москву были доставлены письма Менгли-Гирея, в одном из которых он просил Ивана III прислать ему доспех Айдара («Айдаров пансырь»)⁷. Другая жена Айдара по имени Девлет-султан принимала участие в воспитании будущих казанских ханов Абд ал-Латыфа и Мухаммед-Эмина и их сестры Гаухаршад. Девлет-султан, видимо, разделила судьбу мужа и переехала в Московское государство (она пережила супруга и была еще жива в 1498 г., когда даже собиралась в хадж). В 1498 г. Нурсултан писала Ивану III

¹ Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи-Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010.

² Şen F. M. Nidâî ve Kırım Tarihi Hakkında Yeni Bir Eseri: Nusret-i Gazâ-yî Sâhib Gerây Hân, Hikâyet-i Boğdan // *Türkiyat Mecmuası*. Cilt 23/Güz. İstanbul, 2013. S. 152.

³ Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV в. // ИТУАК. 1913. № 50. С. 132–135.

⁴ Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 50.

⁵ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / сост., пер. и примеч. Т. Э. Саргсян. Симферополь, 2008. С. 45, 251–253. См. также: Сабитов Ж. М., Якушечкин А. В. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // КИО. 2015. № 2. С. 175–185. Это весьма вероятно, но можно предположить, что Махмудеком звали сына Улуг-Мухаммеда, который в то время правил в Казани.

⁶ Сб. РИО. Т. 41. С. 37.

⁷ Там же. С. 124.

в Москву: «...сам гораздо знаешь, Айдар-Газы моего сына кормил, его жена Довлет-салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мяжке ехати обрелклася; жаловавши к нам пришлешь; а мы человека прикошевав к Мяжке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...»¹

Согласно сведениям «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллы ибн Ризвана, «Исправления истории царей» Хюсейна Хезарфенна и анонимного сборника В. Д. Смирнова, хан скончался в 880 г. х.², т. е. в промежутке между 7 мая 1475 г. и 25 апреля 1476 г. Эта дата османских авторов сомнительна. Ее появление является опиской из 870 г. х. (24 августа 1465 г. — 12 августа 1466 г.)³. Согласно «Ассеб ас-Сейар» и ее редакциям-сокращениям, а также труду Халим-Гирея, Хаджи-Гирей умер в 871 г. х.⁴ Однако, как указывал М. Урекли, этим годом хиджры датирована монета, битая от имени хана⁵. Сведения о смерти Хаджи-Гирея пришли в Каффу в конце августа 1466 г.⁶, это значит, что хан умер незадолго до этого (в середине месяца или ближе к его концу, т. е. после 12 августа, поскольку успели отчеканить монету с датой 871 г. х.). Основателя Крымского государства похоронили в Салачике, рядом с ханской столицей, у подножия Кырк-Йера⁷. Дюрбе (мавзолей) Хаджи-Гирея в Салачике, ставший местом последнего упокоения четырех поколений ханов и султанов, сохранился до наших дней⁸.

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 273.

² Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В. Д. Смирнов. СПб., 1881. С. 12; *Zajęczkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle.* Warszawa, 1966. S. 32 (fol. 5v); *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк (Исправление истории царей). Л. 29.

³ Несмотря на то что в ряде текстов (например, у Хезарфенна) эта дата написана не цифрами, а словами.

⁴ Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 73; Краткая история крымских ханов. Л. 27; *Halim Giray. Gülbün-ü Hânân...* S. 31. По С. Шарафутдинову, Хаджи-Гирей на престол вступил в 841 (1437/1438) г., а умер в 871 (1466/1467) г. (*Шарафутдинов С. Шеджере-и Чингизийе.* Казань, 1906 (араб. шрифт)).

⁵ *Ürekli M. Kırım Hanlığının Kuruluşu...* S. 13.

⁶ *Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика...* С. 137; *Он же.* Падение Каффы // ИТУАК. 1918. № 54. С. 129.

⁷ *Halim Giray. Gülbün-ü Hânân...* S. 31.

⁸ *Боданинский У.* «Дурбе» — мавзолей в Крыму (из истории искусства крымских татар) // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58). С. 198–199; *Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М.* Тюрбе хана Хаджи-Герая...

§ 2. Преемники Хаджи-Гирея и утверждение Менгли-Гирея

Османские и крымские хроники едины во мнении, что после смерти Хаджи-Гирея на власть претендовали двенадцать его сыновей. Так пишет Мустафа Али-эфенди¹. В «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллы ибн Ризвана также указывается, что после смерти Хаджи остались двенадцать его сыновей, «годных на ханство»². Анонимная «История Крыма» (сборник, опубликованный В. Д. Смирновым) также упоминает двенадцать сыновей, «годных на ханство»³. Хюсейн Хезарфенн, близкий текстually этим источникам, также пишет о двенадцати сыновьях⁴.

«Теварих-и гузида — Нусрат-наме» свидетельствует о восьми сыновьях Хаджи-Гирея, называя при этом только семерых: Даулат-Йар, Наур-Даулат-хан, Кутлук-хан, Келдиш, Менгли-Кирай, Йамгурчи, Уз-Тимур. В других источниках встречаются имена всех восьмерых (правившие выделены)⁵: **Менгли-Гирей**; **Айдар**⁶; Ямгурчи; **Нурдевлет**⁷; Оздемир⁸; Девлетъяр; Кутлук-Заман; **Кильдиш** (Килдибай).

¹ Рукопись Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. MS454. Л. 87 об.

² *Zajaczkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak... S. 32 (fol. 5v); *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 17.

³ Сборник некоторых важных известий и официальных документов... С. 12.

⁴ *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк (Исправление истории царей). Л. 29.

⁵ Об их сыновьях см.: *Zaytsev I.* The structure of the Giray dynasty (15th–16th centuries): Matrimonial and kinship relations of the Crimean Khans // Kinship in the Altaic world. Proceedings of the 48th Permanent International Altaic Conference, Moscow. 10–15 July, 2005 / eds. E. V. Voikova, R. B. Rybakov. Wiesbaden, 2006. P. 342–353.

⁶ Правил, по С. Шарафутдинову, в 873 (1468/1469) г. (*Шарафутдинов С.* Шеджере-и Чингизийе).

⁷ Правил, по Шарафутдинову, с 871 (1466/1467) по 873 (1468/1469) г. В 1478 г. Нурдевлет с братом Айдаром прибыл в Литву (*Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 108). Осенью 1479 г. вместе с братом Айдаром и собственным сыном Бир-Девлетом выехал в Москву из Литвы. Литовский посол в Крыму должен был в 1479 г. говорить хану от имени польского короля и великого князя литовского: «А Нурдывлат а Ойдар пришли до его милости земли и его милости Господарь наш им хлеба и соли не боронил, и как добровольно пришли, так добровольно и отошли и тепере живут где им любо» (Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 25). Вскоре Нурдевлет был помещен на Мещере (Касимов) (*Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 57). Весной 1480 г. Айдар был сослан в Вологду.

⁸ И Оздемир, и его племянник Девлеш покинули Крым и женились в Литве еще в начале 1490-х. Там им было дано от короля, по сведениям посольской книги, «поместие» (Сб. РИО. Т. 41. С. 151, 167; *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском... С. 108).

Особняком стоят данные краткой рукописной заметки по истории Крымского ханства, опубликованной Н. С. Сейтягьяевым по рукописи НБУВ им. В. Вернадского (рук. 3780). В ней указано, что у Хаджи-Гирея было восемь сыновей, причем из восьми упомянутых пятеро названы ханами (Нурдевлет, Айдар, Менгли и, как ни странно, Ягмурчи и Озтимур), а трое (Девлетъяр, Кельдиш и «Токълюкъ Заман», т. е., видимо, Кутлуг-Заман) этой приставки в имени не имеют¹.

Очевидно, что Менгли-Гирей не был старшим из сыновей Хаджи-Гирея. Так, в источниках он называет Нурдевлета «большим», т. е. старшим братом². Менгли-Гирей был вроде бы шестым сыном Хаджи³. В год смерти (921 г. х.) Менгли-Гирею был 71 год от роду⁴. Значит, родился он в 850 г. х. (29 марта 1446 г. — 18 марта 1447 г.). Как писал А. М. Некрасов, Менгли, вероятно, был четвертым сыном Хаджи-Гирея. Он мог им оказаться, если двое из пяти старших сыновей умерли при жизни отца. Тогда и получение Менгли отцовского родового прозвища Гирей могло быть связано с древней монгольской традицией наследования «коренного юрта» четвертым сыном и получением им в этой связи наименования «эджен»⁵.

Имелась у Хаджи-Гирея и дочь. Менгли-Гирей упоминал о ее замужестве, однако имени ее избранника мы не знаем (в подарок к свадьбе сестры от османского султана Баязида хан получил серебряную посуду). В июле 1494 г. Менгли-Гирей писал московскому великому князю: «Да ещо прошенье наше то: сестру твою царевну свадьбу чиним, чтобы еси близко был, и мы бы то дело доброе с тобою вместе видели. А в сю сторону есми к салтану приказывал, и мы ся его добру взрадовали, с добрым своим послом на свадьбу в пособ прислал, молвил, и денег и суды серебряные и блюда да портища с золотом прислал»⁶.

Девлетъяр (отец уехавшего в Литву Девлеша) и Кутлуг-Заман, скорее всего, умерли еще при жизни отца⁷. Кильдиш упоминается еще в 1470-х гг. в генуэзских

¹ *Сейтягьяев Н. С.* В. Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунгъан кырымтатар ве тюрк тарихлары, тиллери ве эдебиятлары боюнджа мальземелер // Труды Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Симферополь, 2011. Т. 1. С. 344.

² Сб. РИО. Т. 41. С. 278.

³ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 330.

⁴ Эту цифру дают списки анонимной истории крымских ханов: Рукопись ИВР РАН. С. 861. Л. 5; ИР НБУ. Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3804. Л. 3 об. См. также французский перевод по списку BNF (Supplément Turc 515. Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. А. Жобером) (Précis de l'Histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire / traduit du turc par M. M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert // Nouveau Journal Asiatique. Paris, 1833. Т. XII. P. 359).

⁵ *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 50–51.

⁶ Сб. РИО. Т. 41. С. 211.

⁷ *Колли Л. П.* Падение Каффы. С. 130; *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 50.

документах в связи с Каффой¹. Кильдиш (Кильдибай)², или Йани Киди-хан (так его называет Марджани, считая при этом двоюродным братом Менгли, как, впрочем, и Нурдевлета)³, возможно, на короткий срок занял крымский трон в 878 г. х. (1473/1474)⁴. Хроника Давида Лехно свидетельствует, что Кильдиша действительно убили мансурь⁵, т. е. крымские ногаи. В так называемой «Краткой истории» различаются Бай-Гельди (Кельдиш-Кельдибай) и Бай-Девлет (Девлет-яр?). Бай-Девлета вместе с его сыновьями убил при вступлении на престол Нурдевлет, однако его в свою очередь убил (?) другой брат — Бай-Гельди, который ханствовал всего 15 дней и вскоре бежал, при этом все его приверженцы были истреблены, а ставка на Днепре захвачена⁶.

Согласно А. П. Григорьеву, хронология правлений крымских ханов в 50–70-х гг. XV в. выглядит так. Разгромивший Ахмета в 1465 г. Хаджи-Гирей скончался в 1466 г. Ему наследовал Менгли-Гирей, однако престол у него отобрал его брат Нурдевлет, который и правил между 1466 и 1468 гг. Точнее время его правления позволяют определить монеты. От Нурдевлета сохранилось серебряное акче, битое в г. Крыме в 871 г. х. (1466/1467)⁷. В сентябре 1467 г. он шертовал польскому королю Казимиру⁸.

Нурдевлета сверг Менгли-Гирей, царствовавший до весны 1475 г., когда он снова уступил трон Нурдевлету и Айдару. Сам же Менгли-Гирей в самом конце 1475 г. или начале 1476 г. был вывезен в Турцию, где проживал до конца 1478 г. Нурдевлет и Айдар остались на полуострове соправителями. К июню 1476 г. в ханстве вспыхнула гражданская война. Одну из противоборствующих сторон поддерживал и номинально возглавлял чингизид Джанибек. Эта группировка в конце июня 1476 г. осадила в крепости Крым (Солхат) главу рода Ширин Эминака и его сторонников, но взять город штурмом не удалось. Нурдевлет и Айдар вынуждены

¹ Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. С. 103.

² Асеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 74.

³ Очерки Марджани о восточных народах / коммент., пер. и примеч. А. Н. Юзеева. Казань, 2003. С. 125.

⁴ Шарафутдинов С. Шеджере-и Чингизийе.

⁵ Гаркави А. Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 2–3.

⁶ Негри А. Ф. Извлечения из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 382; Рукопись ИР НБУ. Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3805. Л. 27 об.

⁷ Эта монета встречается в кладах далеко за пределами Крыма. В кладе 1930 г. из Московского Кремля (возможно, он связан с торговлей купцов-«сурожан» в Москве в правление Ивана III) имелись монеты Хаджи-Гирея, битые в Кырк-Йере в 858 г. х. (1 января — 21 декабря 1454 г.), в Крыму в 867 г. х. (26 сентября 1462 г. — 14 сентября 1463 г.), а также монеты Нурдевлета (Крым, 871 г. х. — 13 августа 1466 г. — 1 августа 1467 г.) (Зверев С. В. Клад золотоордынских и крымских монет XIII–XV вв. из Московского Кремля // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М., 2006. С. 208).

⁸ *Kołodziejchyk D. The Crimean khanate...* P. 536–537.

были бежать, и осенью 1476 г. власть в Крыму перешла в руки Джанибека¹. Краткий период его правления фактически означал объединение Крымского ханства и Большой Орды в единый политический организм².

Кто был Джанибек, который на короткое время овладел Крымом в середине 70-х гг. XV в.? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос. Вероятнее всего, он был сыном Махмуда ибн Кучук-Мухаммеда и впоследствии (с 1514 г.) занимал астраханский престол. «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» называет одного хана по имени Джанибек из потомков Тимур-Кутлука. Последний, по этой версии, имел четверых сыновей: Пулада, Тимура, Насира и Йадгара. Сыном Тимура был Мухаммед-хан (хорошо известный Кучук-Мухаммед), также имевший четверых сыновей: Касим-хана, Боз-Торгая, Абд ал-Карима и Кельдибека. Его сыновья — Ак-Бобай, Меде-Мамадж, Ак-Будал и Музаффар. Сыном Музаффара и был хан Джанибек³. Но, во-первых, из этого текста неясно, чьим сыном был Музаффар, во-вторых, генеалогия потомков Кучук-Мухаммеда, скорее всего, сильно спутана.

В 1478 г. на какое-то время власть в ханстве снова захватил Нурдевлет. Именно в этом году в Польшу к Казимиру в сопровождении османского дипломата прибыл его посол⁴. Однако уже в следующем году на троне сидел Менгли-Гирей. В списке *шерт-наме* между мусульманской, караимской и армянской общинами Кырк-Йера и Менгли-Гиреем, который был составлен между январем и концом марта 1479 г., было оговорено условие, по которому жители Кырк-Йера обязывались не давать убежище («впускать в крепость») сыновьям Хаджи-Гирея или Сейд-Ахмеда. И. Вашари в первом видел Нурдевлета, а во втором Джанибека⁵. Хотя под сыном Хаджи-Гирея мог подразумеваться любой из живых на то время сыновей хана, кроме самого Менгли-Гирея.

Важно отметить, что вплоть до конца XV в. (а возможно, и позже) в Крыму жили представители боковой ветви потомков Гийас ад-Дина ибн Таш-Тимура — братья и племянники Хаджи-Гирея по мужской линии⁶. Как известно, у Гийас ад-Дина был сын Мустафа, который, вероятно, довольно короткий срок бил от своего имени монеты в Хаджи-Тархане: в нашем распоряжении имеются оттиски экземпляра монеты, отчеканенной в Хаджи-Тархане Мустафой, сыном Гийас ад-Дина, без обозначения года⁷. Вероятно, его сыном был царевич Мамышак, или Мамышек

¹ Григорьев А. П. Время написания ярлыка Ахмата // ИИИСАА. 1987. Вып. X. С. 77–78.

² Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт Эли... С. 69.

³ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969. С. 40.

⁴ Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М., 2004. С. 93.

⁵ Vásáry I. A contract of the Crimean Khan Mängli Giräy... P. 294, 298–299; Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом... С. 93.

⁶ Согласно «Му'изз ал-ансāб» у Хаджи-Гирея были еще и сестры — Султан-насаб и Шах-насаб (Му'изз ал-ансāб (Прославляющие генеалогии). С. 45). Об их судьбе и возможных потомках ничего не известно.

⁷ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 29; Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. Киев, 2007. С. 143, 156, 164.

(«Мустофин царев сын»), попавшийся в руки московских казаков¹. В 1489 г. по просьбе Менгли-Гирея, который направлял об этом специальное письмо в Москву, его вроде бы отпустили в Крым², но в 1492 г. он все еще был в Москве. Его младший брат Мухаммед в том же 1492 г. вместе с женой был у Менгли-Гирея («...малой брат его Маамедъ царевичъ съ женою съ всемъ у меня», — писал Менгли-Гирей)³. Менгли вновь просил отпустить Мамышека, а Мухаммеда прислать в Москву: для него он просил у Ивана III Каширу (она была до этого у Нурдевлета): «...моим недругом и твоим недругом велми недружбу доведет, таков молодец»⁴. Хотя в том же 1492 г. И. А. Лобанов-Кольчев сообщал в Москву: «А Мамышека, государь, царевича царь послал под Орду; и которой человек приехал ко царю с вестми, и тот, сказывают, что Мамышек под Ордою, а ждет, сказывает, поры, чтобы ему улус взяти»⁵.

В 1493 г. и Мухаммед, и Мамыш были в Крыму (упомянуты в числе тех, кому не доходят «поминки»)⁶. Вскоре Мамыш снова принял участие в военных действиях, на этот раз у Аккермана (Белгорода) против литовцев⁷. Исходя из косвенного упоминания его сына («Да киркорского наместника сын Мамышев»)⁸, можно осторожно предположить, что Мамыш был наместником родового гнезда Гиреев — Кырк-Йера (нынешней крепости Чуфут-Кале недалеко от Бахчисарая), в долине возле которого нашли свой последний приют Хаджи-Гирей и Менгли-Гирей. В 1496 г. сын Мамыша ограбил людей московского великого князя, а вскоре в Москве передавали слова Менгли-Гирея: «А что в киркорского наместника да в Муртозине бакшеее деле, и царь отвечал: пришли те москвичи Нахир с жидовы с кеевскими с выбитыми, кои выбиты и с женами и с детми, оне против их приехали, и оне им дали «поминка» по десятку стрел, да колпак, да саблю; и оне того воли ищут»⁹.

¹ В посольских книгах упоминается еще и некий царевич Мустофар, не называемый ни братом, ни сыном Менгли-Гирея, однако названный в документе 1486 г. «своим царевичем» по отношению к Менгли-Гирею (Сб. РИО. Т. 41. С. 47). Мустафу и Мустофара, видимо, не следует считать одним персонажем (как предполагалось ранее). Во-первых, у них разный статус: Мустофар — царевич (т. е. султан), а Мустафа — царь (хан, успевший где-то поцарствовать). Во-вторых, и формы имени у них все же разные. Мустофара можно осторожно причислить к потомкам Кичи-Мухаммеда и отождествить с неким Музаффаром из их числа (Материалы по истории казахских ханств. С. 40).

² Сб. РИО. Т. 41. С. 76, 79.

³ Там же. С. 151.

⁴ «И которые села дашь ему»; «на мое дело и на твое дело велми пригож молодец» (Там же).

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 173.

⁷ Там же. С. 209.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 255. По-видимому, вместо «Нахир» в тексте надо читать «на Хир [хор или кор]», т. е. в Кыркор. Все дело выглядело, возможно, так: московские купцы приехали в Кырк-Йер вместе с еврейями, изгнанными из Киева вместе с семьями. Последние дали наместнику крепости (скорее всего, за право поселиться) «поминоку»

Если Мустафа был дядей Менгли-Гирея и наше отождествление верно, то Мамышек и Мухаммед — его двоюродные братья. Скорее всего, оба рано ушли из жизни и не оставили потомства, так как их имена более в источниках не встречаются¹. Между прочим, именно то, что брат Хаджи-Гирея владел Астраханью (а не только завоевание этого города Мухаммед-Гиреем в 1523 г.), и послужило для последующих Гиреев правовым основанием считать, будто «тот юрт изстари прародителей наших»². Кроме того, это обстоятельство многое объясняет и в легенде о юности Хаджи-Гирея, в частности стремление сыновей Гийас ад-Дина попасть именно в Астрахань³.

Хан Менгли-Гирей умер «в великую субботу» (8 апреля) перед Пасхой 1515 г.⁴ Как справедливо пишет А. В. Виноградов, 36-летнее правление Менгли-Гирея можно охарактеризовать как период создания Крымского государства в том виде, в котором оно просуществовало на протяжении всего XVI в. Именно в годы его правления были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части этого века⁵.

§ 3. Османское завоевание Южного берега Крыма в 1475 г. Османские владения в Крыму

Османское завоевание Южного берега Крыма определило всю последующую жизнь региона, оказав огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства. Планы османов по покорению северных берегов Черного моря сформировались еще к середине XV в. Летом 1454 г. османский флот из 56 кораблей под командовани-

---

(стрелы, саблю и колпак). Вероятно, вместе с этими дарами с евреев и москвичей взяли еще и побор.

¹ В 1501 г. Мамышек ибн Мустафа был еще жив. Вместе с ним упоминается некий Абач-салтан «братанич Мамышеков» (племянник; вероятно, сын его брата Мухаммеда) (Сб. РИО. Т. 41. С. 360).

² Ср.: *Трепавлов В. В.* Золотая Орда после распада... С. 376.

³ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 186–187.

⁴ Это установил А. Ф. Малиновский (*Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 198). Во всяком случае, это произошло не в январе 1515 г., как полагал А. В. Виноградов (*Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 60). По Марджани, это произошло в зульхидже 919 г. х. (Очерки Марджани о восточных народах. С. 124). Х. Иналджик смерть Менгли и восшествие на престол Мухаммеда датировал началом 1514 г., что, как видим, неверно (*İnalçik H. Giray // İslâm Ansiklopedisi. Cüz 38. İstanbul, 1948. S. 355. № 20*). В краткой рукописной заметке по истории Крымского ханства, опубликованной Н. С. Сейтягьяевым по рукописи ИР НБУ (№ 3780), смерть Менгли-Гирея датирована 920 г. х. (7 марта 1514 г. — 24 февраля 1515 г.) (*Сейтягьяев Н. С. В.* Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунган кырымтатар... С. 344).

⁵ *Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке. С. 60.

ем адмирала Демир-Кяхьи, возвращаясь с кавказского побережья, встал на рейде в Керченском проливе у берегов генуэзской крепости Воспоро. Там произошла встреча адмирала с гонцом крымского хана. 11 июля эскадра вошла в каффинскую бухту, причем по сведениям генуэзцев между ханом и адмиралом был заключен договор о совместных действиях. Осада 1454 г. не привела к взятию города и имела скорее характер военной демонстрации¹. Планам турок суждено было осуществиться уже через 20 лет. К этому времени, как писал турецкий историк Х. Иналджик, «для османов сложилась подходящая ситуация для завоевания господства на Черном море, а захват богатых крымских портов, столь важных с экономической точки зрения, был необходим для империи»².

Специальное рассмотрение истории завоевания в 1475 г. с успехом выполнено Ю. Озтюром³. Османское завоевание Южного берега изучено еще явно недостаточно (в том числе и в источниковедческом плане)⁴.

Почти все источники единодушны в указании на количество османских кораблей, участвовавших в походе, называя 300 кадырг⁵.

В османских источниках сам ход завоевания описан довольно скупо. Так, у Ашик-паши-заде завоевание Мангупа не выделено в тексте рассказа о взятии Каффы, а у Нешри представляет собой самостоятельный *хикайат* под тем же 880 г. х., но завершающийся *тарихом* о взятии Каффы. В «Тарих-и Нешри» в рассказе о Мангупе по сравнению с «Летописями Дома Османа» действительно немного нового: оба автора пишут о том, что Гедик-Ахмед, выдвинувшись к Мангупу, окружил город и приготовил пушки. Поначалу *текфур/текур* хотел сдать Мангуп, однако в крепости оказался некто, не согласный с этим решением, который уговорил народ начать сопротивление, затворив ворота. Гедик-Ахмед пошел на хитрость, сделав вид, что отошел от крепости, оставив небольшие силы для осады. Между тем была устроена засада. Крепость была переполнена людьми⁶. Осажденные устроили вылазку, но *газиц*, сидевшие в засаде, ударили со стороны, и твердыня пала. *Текюра*, его казну, а также захваченную добычу вывезли в Стамбул. После падения Мангупа дочерей и жен защитников османы обратили в рабынь, в крепости прочли *хутбу*, церкви обратили в мечети. В город был назначен *кади*. Дела неверных пришел конец. «Область неверия стала областью ислама», — философски подводит итог Нешри.

¹ Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом... С. 82.

² Иналджик Х. Крым под властью осман и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов // ЗО. 2013. № 1–2. С. 117.

³ Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara, 2000.

⁴ Веселовский Н. И. Рецензия на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство... С. 183; Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция... С. 93–95; Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь, 2014.

⁵ Только в армянской хронике Григора Даранагци сообщается, что флот Гедика Ахмед-паши насчитывал 700 кадырг. См.: Свод армянских памятных записей... С. 266.

⁶ Возможно, это косвенное указание на то, что в ней спрятались жители близлежащих деревень.

Решающую роль в осаде Мангупа сыграл Загарджи Якуб-бей¹. Он упомянут в письме Леонарда Арте венецианскому дожу от 4 июля 1475 г. под именем Диагарж Якуб, флабуларио города Гариполя. Якуб-бей был старый морской волк: еще в 1461 г. он принимал участие в кампании против Трапезунда, а потом занимал должность *санджак-бея* Гелиболу и командующего османским флотом. Будучи капудан-пашой, он принимал участие в османском набеге на Крым в 1469 г. Ибн Кемаль пишет о нем в рассказе об осаде Мангупа. После нескольких осад Гедик-Ахмед-паша оставил его осаждать город, а сам вернулся в Стамбул². Далее Ибн Кемаль пишет, что после назначения Якуб-бея первым *диздаром* (комендантом) Мангупа согласно высочайшему фирману в Стамбул было выслано 100 семей жителей крепости³. В армянской хронике Григора Даранагци падение Мангупа отнесено к осени 1475 г.⁴

После завоевания земли Южного берега полуострова находились под прямым управлением падишаха. Земли эти делились по османской системе управления на судебно-административные округа — *кадылыки* (Кефе, Мангуп, Судак, Керчь, Тамань, Азов), к которым позднее добавились еще три (крепость Тат, Балаклава, которая первоначально относилась к мангупскому *кадылыку*, и Темрюк), а также восемь административных единиц, к ним относящихся. *Каза* (*када*) в свою очередь делились на *нахие* — сельскую округу.

Стоит отметить, что османское завоевание Южного берега не было разрушительным нашествием, как это иногда представляется⁵. Вряд ли захват Каффы сопровождался массовой убылью населения и поголовной резней: источники нам об этом не сообщают⁶. В большинстве случаев жизнь в крепостях и прилегающей округе продолжалась, причем не произошло резкой смены населения этой округи: лишь в самих крепостях появились османские гарнизоны. Так было, например, в Судак⁷.

Согласно сведениям папского протонотария Доминика, полученным им при дворе воеводы Стефана⁸, добыча турок после взятия города составила 1011 кожаных мешков денег, не считая остального (мешок вмещал 600 дукатов). Вся знать

¹ *Загарджи* — значит «псарь»: так называлась одна из категорий янычарского корпуса.

² *Ibn Kemal. Tenvârih-i Âli-i Osman* (Tenkidli transkripsiyon). Hazırlayan Şerefettin Turan. Ankara, 1991. S. 387.

³ *Ibid.* S. 388. См. подробнее: *Рувев В. Л.* Турецкое вторжение в Крым в 1475 году; *Зайцев И. В.* Рецензия на кн.: *Рувев В. Л.* Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Под научной редакцией А. Г. Герцена. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с., ил. // Восток (Oriens). 2016. № 2. С. 200–206.

⁴ Свод армянских памятных записей... С. 266.

⁵ *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья вторая). С. 201.

⁶ *Мыц В.* Армянские источники о завоевании Каффы турками-османами в 1475 г. // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь, 2009. С. 250.

⁷ *Джанов А. В.* Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История. Археология. Эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006. С. 328.

⁸ Доминик был членом посольства венгерского короля Матфея к Стефану.

была увезена в Стамбул, а в городе оставлены простой народ и гарнизон в 10 тыс. пехоты во главе с «каким-то греком из Трапезунда»¹.

Первоначально в завоеванной провинции была введена тимарная система². Однако уже в XVI в. тимары были упразднены. Вот как об этом писал османский чиновник Али Чауш в середине XVII в.: «*Эйалет Кафа*. В этом *эйалете зеаметов* и *тимаров* не имеется. Но имеются отряды султанских войск. Деревни и пашни [*эйалета*] являются *хассами* султана. Они управляются казною»³.

С 1475 г. Крымское ханство оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость.

Это положение было зафиксировано каким-то соглашением (рода *шерти*). Впрочем, со времен В. Д. Смирнова отечественные историки в существовании такого договора сомневаются⁴. Датировать заключение этого соглашения трудно. Возможно, что в своей первоначальной форме оно было заверено новым крымским ханом Менгли-Гиреем и завоевателем Каффы Ахмед-Гедик-пашой (от лица Мехмеда II). Текст этого соглашения дошел до нас в форме, вероятно, довольно близкой к первоначальной⁵. Очень вероятно, что позже, после выработки дополнительных условий, могла быть подписана еще одна его версия.

В труде Мехмед-Гирея об этих событиях было сказано так: «После того как его (Менгли-Гирея. — *Авт.*) облекли в пышные царские одежды, они заключили между собою договор. Султан сказал: «Не станем мы, в противность чистому закону, при всяком удобном случае воевать друг с другом и наносить друг другу вред, а будем во всех делах оказывать взаимную помощь и, ведя брань с врагами веры, сквернообычными гяурами, будем мстить им. Впредь пусть род твой присягает мне, и на хутбе сперва пусть поминается мое имя, а потом имя того, кто будет ханом. Эти условия не должны выходить из рамок письменных договоров и должны быть соблюдаемы с обеих сторон». Хан тоже согласился на это и, удостоившись чести поцеловать руку (султана), получил знамя, барабан и литавры, и таким образом Менгли-Герай-султан был назначен ханом в область

¹ Письмо настоятеля церкви в Alba-lulia Доминика, протонотария папского, с донесением в 1475 г., что Каффа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валахский принесли присягу на верность королю Венгерскому. Сообщил В. Юргевич // ЗООИД. 1894. Т. XVII. С. 1–2.

² Доходы с этих владений могли идти на нужды богоугодных заведений за пределами Крыма. Так, мечеть Мехмед-паши — сына Гедика Ахмед-паши и мужа второй дочери султана Баязида — в Серезе (Греция) была построена в 898 (1492/1493) г. и содержалась, как утверждает традиция, за счет доходов с земельных владений Гедика Ахмед-паши в Крыму (*Konuk N. Yunanistan'da Osmanlı Mimarisi. Ottoman Architecture in Greece. Η Οθωμανική Αρχιτεκτονική στην Ελλάδα*. Ankara, 2010. P. 300–302).

³ Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи // Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М., 1963. С. 95.

⁴ Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 53.

⁵ Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция... С. 142–157.

Крымскую. Договоры обеих сторон были написаны, и он (Менгли-Герай) благополучно и с почестями отправился в пределы Крыма»¹. Сообщение Мехмед-Гирея ясно дает понять, что договор был подписан в Стамбуле. Наиболее подходящее время для этого — 1478 г., когда Менгли-Гирея утверждали на престол. Неспроста некоторые османские авторы (например, Мустафа Али Гелиболулу в «Кюнх ал-ахбар») датируют «спасение крымской династии» и установление османского суверенитета над ханами 1478 г.², т. е. временем окончательного утверждения Менгли-Гирея на троне³.

Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами⁴.

Отечественная литература о Крымском ханстве до сих пор находится под сильным, если не сказать тотальным влиянием выдающегося двухтомного исследования Василия Дмитриевича Смирнова⁵. Его концепция о вассалитете и полной подчиненности ханства Османскому государству безраздельно господствует не только в трудах по русско-крымским и русско-османским отношениям, которые написаны специалистами по внешней политике России, но и в отечественной тюркологии, вернее, в немногочисленных статьях по Крыму, написанных тюркологами. Попытки взглянуть на Крым как самостоятельный политический организм, пожалуй, если и присутствуют (например, иногда в книге А. Л. Хорошкевич), то в конечном итоге все равно выливаются в выводы о полной зависимости ханства⁶. Так, А. Л. Хорошкевич пишет, что ханство существовало очень недолго: видимо, весь период после 1475 г., вплоть до 1774 г., это политическое образование ханством было считать нельзя. Правда, согласно такой логике, и с 1774 г., когда на престоле независимого от османов Крыма утвердился русский ставленник Шахин-Гирей, по 1783 г. никакого ханства также не было. Но по иронии судьбы этот период как раз и называют независимостью. Для В. Д. Смирнова все было ясно:

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 239.

² Schmidt J. Pure water for Thirsty Muslims. A study of Mustafâ 'Âli of Gallipoli's *Künhü l-Ahbâr*. Leiden, 1991. P. 149.

³ Иналджик Х. Крым под властью осман... С. 118–119.

⁴ Зайцев И. В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 288–296; Zaytsev I. The Crimean Khanate between empires: Independence or submission // Empires and peninsulas. Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829 / eds. P. Mitev, M. Baramova, V. Racheva. Münster, 2010. P. 25–27. См. также: Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 53–55.

⁵ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887; Он же. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. Переизд. см.: Он же. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. М., 2005.

⁶ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2000.

«...ханская власть в Крыму представляется только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику... При таких обстоятельствах вся дальнейшая политическая история Крымского ханства со времени утверждения над ним верховенства Оттоманской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал — местного, национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства».

«Даже на основании документальных памятников, — писал далее В. Д. Смирнов, — иногда трудно разобраться... и с точностью указать в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской и где этот авторитет опирается еще на другой, высший авторитет власти султанской»¹. Кстати, почти с теми же проблемами определения степени самостоятельности или зависимости Крымского ханства от Османской династии мы сталкиваемся, говоря о статусе Касимовского ханства по отношению к Московскому государству. В полном соответствии с логикой тех, кто отрицает за Крымским юртом статус ханства, в последнее время пишут, что и Касимовского царства, или в тюркской терминологии — ханства, не было, потому что ханы в Касимове смещались из Москвы, получали оттуда денежную помощь, наделялись властью и землями. Думается, что усвоенный В. Д. Смирновым, а вслед за ним и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма, как это ни парадоксально, имеет своим источником османский взгляд на крымских татар. Действительно, В. Д. Смирнов никогда не скрывал, что его труд написан исключительно на основе османских исторических трудов: «...исследование не претендует представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными»². На это обратил внимание Н. И. Веселовский (автор рецензии на труд В. Д. Смирнова): «Турецкие историки, выставляя татар народом грубым, третируют их свысока; стремление унижить татар перед турками, показать, какое великое преимущество имеет султан пред крымским ханом, проглядывает у этих историков постоянно. Оттого и события, описываемые турками, приобретают особенную окраску...»³

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 245.

² Там же. С. 29.

³ Веселовский Н. И. Рецензия на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство... С. 171.

Есть ли какая-либо иная перспектива, исходя из которой мы могли бы посмотреть на статус Крымского ханства в международных делах? Тот же В. Д. Смирнов, как нам кажется, смог неявно предложить принципиально иной взгляд на роль Крыма в восточноевропейской политике XVI–XVIII вв.¹ Попытку развить идею В. Д. Смирнова о роли Крыма как гаранта европейского равновесия не так давно предпринял польский исследователь Дариуш Колодзейчик. Он обратил внимание, что отдельные места в некоторых крымских текстах весьма близки современным политическим идеям о европейском равновесии², а политико-географический горизонт крымских политиков включал такие страны, как Венеция, Австрия, Дания и Швеция³. Сюда можно было бы добавить (в 1760-х гг.) и Пруссию. Действительно, крымские ханы довольно часто действовали если не вопреки инструкциям из Стамбула, то по крайней мере игнорировали их⁴. Так, по мнению французских исследователей А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Кельеже, «вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, “узы вассальной зависимости” между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления их княжеством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи. В XV и начале XVI века ханы еще могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Ближательной Порты»⁵.

Так, в начале 1476 г. хан Нурдевет, приглашенный Мехмедом II присоединиться к османским войскам в Молдавии, отклонил его под предлогом нападения на Крым хана Большой Орды Ахмеда. Он вел себя, таким образом, не как его вассал, а, скорее, как непостоянный союзник, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской империи. В 1521 г. Мухаммед-Гирей также ответил лишь слегка вежливым отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии⁶. Эта самостоятельная политическая линия ханства приводит нас к теме сущности отношений османских

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 555; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 50.

² Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы // Украина и соседние государства в XVII в. Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 83–89.

³ Там же. С. 84–85.

⁴ Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 53.

⁵ Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVI siècle. De la tradition Mongole à la suzeraineté Ottomane d'après un document inédit des archives ottomanes // CMRS. 1972. Vol. XIII, № 3. P. 321–337.

⁶ Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVI siècle...; Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı. Paris, 1978. P. 95–97. № E. 1301. Примеры такого самостоятельного поведения крымских ханов см.: Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 53–54.

падишахов и крымских ханов. По рангу крымский хан был приравнен к румелийским бейлербеям и ежегодно получал от султана содержание (сальяне), выделявшееся из доходов каффинской таможни и равнявшееся в XVI в. примерно 1,5 миллиона акче¹. По случаю восшествия на престол каждый хан получал от османского двора так называемые *теширифат акчеси*, единовременную выплату, которая в XVII в. также могла достигать почти 1 миллиона акче². Кроме того, хан получал из Стамбула еще и *секбан акчеси* — сумму, выплачиваемую на финансирование корпуса секбанов — личной гвардии, стражи хана, которых также присылали из Стамбула (первым, кто получил эти деньги, был Сахиб-Гирей³). Наконец, при каждом приглашении участвовать в походах османской армии крымским ханам посылалась значительная сумма, которая называлась *туркеш бехасы* («колчанье»)⁴, деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии). Инвеститура хана султаном включала непременно высочайший прием хана султаном, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами — знаменем (санджак), саблей⁵, мехом соболя, барабаном, а также особым головным убором с так называемым соргучем (кисточка-султан, эгретка), украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также и кафтан с султанского плеча⁶.

Принятие пера и сабли традиционно трактуется как знак вассалитета⁷. Полномочный представитель на переговорах с Крымским ханством Е. А. Щербинин в 1772 г. разработал церемониал принятия ханом Сахиб-Гиреем грамоты Екатерины II, провозглашавшей независимость Крыма. Согласно этому церемониалу, хан должен был выступить на девять шагов со своего места, принять грамоту стоя и поцеловать ее. Кроме грамот он должен был принять в дар от русского правительства перо и саблю. Хан отказывался от пера и сабли, ссылаясь на то, что эти дары были всегда знаками подчинения Порте. Е. А. Щербинин не стал

¹ Эта сумма неуклонно росла и в XVII–XVIII вв. достигала размеров от 2,5 до 9,5 миллиона акче (Fisher A. Crimean separatism in the Ottoman empire // Nationalism in a non-national state. The dissolution of the Ottoman empire / eds. W. W. Haddad and W. Ochsenwald. Columbus, OH, 1977. P. 62).

² Ibid.

³ Kellner-Heinkele B. Şahib Girây Khān I // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Leiden, 1995. Vol. VIII. P. 832.

⁴ Иногда сумма, выплачиваемая Портой крымским ханам за участие в совместных военных действиях, в источниках называется *чизме беха* или *чизме бехасы* («сапожные деньги», «на сапоги»), т. е. средства на расходы.

⁵ Этим знакам власти целый раздел своей «Истории» посвятил Джевдет-паша. См.: Тарих-и Джевдет. Стамбул, 1309 (1891/1892) (араб. шрифт). Т. I. С. 30–33.

⁶ Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. 2003. № 2 (13). С. 87–88.

⁷ Присылка султаном хану сабли и кафтана осуществлялась и в случае приказа выступить в военный поход. См.: Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством... С. 55.

настаивать, и 4 июля хан принял грамоту Екатерины II, стоя, но без даров¹. Между тем крымский хан имел все атрибуты независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (сикке). Персидское выражение — «с его именем была вычеканена монета и прочтена хутба» — отражает роль этих атрибутов в теории независимой власти в исламе². Правда, «персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства... был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Насколько Сельджукидам вначале было чуждо понятие о единоличном правителе, показывает факт, что хутба одновременно читалась в некоторых хорасанских городах на имя Тогрула, в других — на имя его брата Давуда»³.

В Крыму реликты такого взгляда на государственную власть проявлялись в практике наследования престола старшим в роду, но случаи провозглашения хутбы сразу на двух представителей династии неизвестны. Важнейшим условием чтения хутбы на имя османского падишаха было принятие его статуса как халифа. В Крыму мы этого не видим. В Крымском ханстве как минимум до середины XVII в. османский халифат, видимо, не признавался (ведь и в самой Османской империи в то время идея халифата падишахов еще только зрела)⁴. Более того, некоторые крымские ханы даже присваивали этот титул себе. В послании царю Михаилу Федоровичу, датированном 28 зулькада 1033 г. х. (11 сентября 1624 г.), Мухаммед-Гирей III прямо назвал себя халифом. Халифский титул признает за Ислам-Гиреем III его панегирист Хаджи Мехмед Сенаи. Наконец, запись последовательности правлений ханов, находящаяся в составе рукописи из коллекции Лейденского университета, составленная в Крыму в конце XVII в., все царствования ханов вводит словом «халифат»⁵. Безусловно, что в османских владениях Южного берега Крыма хутба читалась на имя османского падишаха. Скажем, по сообщению Ибн Кемала, в Ман-

¹ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 169.

² См.: Бартольд В. В. Халиф и Султан // Сочинения. М., 1966. Т. 6: Работы по истории ислама и Арабского халифата. С. 26–27; Wensinck A. J. *Khuṭba* // E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1913–1936. Leiden; New York; København; Köln, 1987. Vol. IV: 'Itḳ—Kwaṭṭa. P. 983; *Baktır M. Hutbe* // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt 18. İstanbul, 1998. S. 425–428.

³ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 369.

⁴ Очевидно, что легенда о том, как Селим I принял халифат в мечети Айя-София из рук халифа Мутаваккиля, возникла лишь в XVIII в., и в более ранних источниках данных об этом нет (История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1. С. 26).

⁵ Leiden University Library. Cod. Or. 1548; *Зайцев И. В.* Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток (Oriens). 2008. № 4. С. 28–36.

гупе первая хутба была прочтена сразу же после завоевания крепости¹. Имам-хатыбов в мечети там назначал лично султан².

Относительно же собственно крымской хутбы источники противоречат друг другу. Автор «Истории хана Сахиб-Гирея» Нидаи-эфенди (Реммал-ходжа) совершенно ясно свидетельствует: «Крымские ханы не отставлялись и из поколения в поколение являются падишахами — господами государства (şāhib-i şaltanat), господами хутбы и господами монеты»³. Описывая пир в Бахчисарайском дворце после возвращения хана из астраханского похода, Реммал пишет: «Через три дня был приготовлен прием и угощение. Прибыли улемы и благочестивцы, богатые и нищие, горожане и иноземцы, странники и хатибы. Получив аудиенцию, весь народ возносил за хана молитвы»⁴. Присутствие хатыбов на высочайшем приеме говорит о том, что, скорее всего, на нем произносилась хутба с упоминанием царствующего монарха⁵. Абдулла ибн Ризван, повествуя о пожаловании султаном Мехмедом Менгли-Гирею знамени и барабана, упоминает и право последнего на хутбу и чеканку монеты⁶. Хюсейн Хезарфенн в своем «Изложении сути законов османской династии» (не ранее 1683 г.) также указывал: «Крымские ханы [происходят] из рода Чингисхана. Являясь мусульманскими правителями, имеющими право хутбы и чеканки монет, они подчинились и повиновались роду Османа. Их низложение и назначение и [всякие] замены и перемещения производятся великими султанами»⁷. Мехмед-Гирей, как мы видели, относил упоминание имени османского падишаха в хутбе впереди имени крымского хана уже к 1475 г. Эвлия Челеби в обзоре мусульманских династий пишет о крымских ханах, что в своих хутбах они сперва читают имя османского падишаха, причем время установления такого обычая не указывает⁸. Однако в приписке к одному из пяти списков (сокращенному) труда Эвлии Челеби изложена другая версия, по которой упоминание османского падишаха в крымской хутбе стало произноситься только с султана Селима (1512–1520):

¹ *Зайцев И. В.* Крымское ханство в XV–XVI веках // *Очерки истории исламской цивилизации.* М., 2008. Т. 2. С. 144.

² Отчет Императорской публичной библиотеки за 1881 год. СПб., 1883. С. 48. № 8.

³ *Tarih-i Sahib Giray Han* (Neşr. Ö. Gökbilgin). Ankara, 1973. S. 20.

⁴ *Ibid.* S. 105.

⁵ Помимо пышного богослужения, хутба могла произноситься также на праздниках и торжествах (а также при каких-либо экстраординарных событиях, например затмениях и прочем). Правда, в одном месте «Истории хана Сахиб-Гирея» можно усмотреть намек на хутбу с упоминанием османского падишаха. Хан сам всегда, пишет Реммал, «молился о благополучии его светлости падишаха и повиновался ему душой и сердцем, считая, что Хюнкар есть величайший государь в мире, а те, кто противятся ему, заслуживают кары как в этом мире, так и в загробном. В настоящее время именно он является столпом Ислама» (*Ibid.* S. 119).

⁶ *Zajaczkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak... S. 34.

⁷ *Орешкова С. Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура.* М., 1990. С. 265. См. также: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 243.

⁸ *Evliya Çelebi Seyahatnamesi.* Cilt 9–10. İstanbul, 1984. S. 331.

«Из поколения в поколение крымские ханы были властителями, в прославление которых читали особую хутбу и которые чеканили свою монету. Но когда падишахом стал победитель Египта султан Селим-хан, они подчинились ему и передали чтение хутбы на имя дома Османова»¹. Наконец, третью версию предлагал Сейид Мухаммед Риза (сокращенная версия его труда), а за ним и Халим-Гирей: первенство имени султана на хутбе было установлено только после утверждения ханом Ислам-Гиреем II (1584–1588), «вследствие его раболепства и легкомысленной трусости»². Вторгнувшись в область Богдан (или Кара-Богдан, как османы называли Молдавию)³, которая была вассальным владением падишаха, и не зная, чем загладить свой проступок, он, чтобы умиловить султана, добровольно распорядился в своих владениях произносить на хутбе свое имя после имени султана, чего прежде не было и чем унизил ханское достоинство. Отменять нововведение впоследствии было уже неудобно, и «последующие ханы продолжали соблюдать этот похвальный обычай»⁴. Последнюю версию разделяют и позднейшие османские историки, пользовавшиеся крымскими источниками (прежде всего трудом Халим-Гирея), вроде Джебдет-паши⁵, а также специалисты по средневековой истории полуострова (правда, некоторые весьма осторожно)⁶. Вероятно, ближе всего к истине «Краткая история» (сокращенная и отредактированная версия «Семи планет»), которая сообщает, что из-за недовольства падишаха молдавскими событиями хан ввел хутбу в тех городках и местечках, которые принадлежали лично ему⁷, т. е. в своем личном домене, а не на территории всего Крымского ханства. Халим-Гирей не связывает это нововведение с походом на Молдавию, а просто пишет, что до Ислам-Гирея с минбаров молитва читалась на имя крымских ханов, а потом последовал указ падишаха, согласно которому в молитве сначала упоминалось имя падишаха, а потом имя хана⁸. Стоит отметить, что у Абдуллы ибн Ризвана, который, казалось бы, должен был знать об этом событии (хотя бы в силу того, что был почти его современником), в кратком описании правления Ислам-Гирея о перемене хутбы ничего не сказано⁹. Судя по действиям предшественника Ислам-Гирея Мухаммед-Гирея Толстого, право хутбы в его время всецело принадлежало ханам. Так, в своей переписке с Ризван-пашой он прямо заявлял: «...какое касательство имеет

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). М., 1961. С. 217.

² Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 240–241; Асеев о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 106–107.

³ См.: Decei A. Boğdan // İslâm Ansiklopedisi. İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lûgati. 2. Cilt. 'Atbara-Büzürgümmîd. İstanbul, 1944. S. 697–705.

⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 331.

⁵ Джебдет-паша. Кырым ве Кафкас тарихчеси. Стамбул, 1307 (1889/1890) (араб. шрифт). С. 29; Тарих-и Джебдет. Т. 1. С. 266.

⁶ İnalçık H. Giray. S. 784–785; Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства... С. 53.

⁷ Рукопись ИР НБУ. Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3805. Л. 42.

⁸ Halim-Geray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. S. 58.

⁹ Zajaczkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak... S. 38.

род Османов к государству Дешт-и Қипчак, чтобы я получал от них назначение?»¹ Уже будучи у власти, он гордо отвечал на султанские фирманы: «Что же, разве мы османские беи, что ли?! Я падишах, господин хутбы и монеты, кто может смещать и назначать меня?»²

Случаи произнесения хутбы сразу на нескольких правителей широко известны. Например, Ибн Джубайр упоминает, что в Мекке в 1183 г. в хутбе сначала упоминали аббасидского халифа, затем мекканского эмира, а потом султана Салах ад-Дина и его брата Абу Бекра³. С другой стороны, введение в хутбу имени другого государя наряду с чеканкой монеты от его имени, безусловно, означало политическое подчинение⁴. Связь *сикке* с хутбой очевидна, и на всем протяжении истории Крымского ханства мы не встречаем монет, битых от имени османских падишахов. Сразу же после смерти Ислам-Гирея в Гёзлеве чеканится акче с датой 996 (1588) г. и именем его преемника на престоле Гази-Гирея, причем на одной из четырех групп этих монет появился термин «ханлык». В свое время это обстоятельство позволило О. Ретовскому предположить, что Гёзлев был уделом внутри Крымского ханства, который, вероятно, уступили брату Гази-Гирея Фетх-Гирею⁵. Более логичным выглядит предположение, что Гёзлев тогда был доменом хана — *ханлыком*. Хорошо известно, что в Крымском ханстве утвердилось несколько форм землевладения, среди которых выделяются так называемые земли *мирийе* — казенные земли и личный домен ханской семьи⁶. Эти земли включали в себя, как установил Ф. Ф. Лашков, соляные озера и прилегавшие к ним селения, лесные угодья с селениями и резиденциями ханов по рекам Альме, Качи и Салгиру, а также пустопорожные земли⁷. Город Гёзлев с округой не входил в состав ливы Кефе — османских владений в Крыму⁸, а стало быть, относился как раз к *эз мирийе*

¹ *Zajaczkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak... S. 44; *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи»... С. 19.

² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 328.

³ *Бартольд В. В.* Халиф и Султан. С. 34; *Ибн Джубайр.* Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада ибн Ахмада ибн Джубайра ал-Кинани ал-Андалуси ал-Баланси, да будет милосерден к нему Аллах! Аминь. М., 1984. С. 57–58.

⁴ Османский султан Селим, например, перед завоеванием Египта прислал к Туманбаю послов с требованием согласиться на чтение хутбы и чеканку монеты с его именем и при соблюдении этих условий соглашался оставить Туманбая наместником Египта (*Бартольд В. В.* Халиф и Султан. С. 64).

⁵ *Ретовский О.* Монеты Гази-Герая Хана II, бен Девлет // ИТУАК. 1889. № 8. С. 90–98.

⁶ *Лашков Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22. С. 61–62, 79–81.

⁷ То же. // ИТУАК. 1895. № 23. С. 71–76.

⁸ *То же // ИТУАК.* 1896. № 24. С. 41–46; *Fisher A.* Ottoman sources for a study of Kefe Vilayet: The Mahiyeden Müdevver Fond in the Başbakanlık Arşivi in İstanbul // CMRS. 1978. Vol. XIX, № 1–2. P. 195–205; *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. Ankara, 2000. Хюсейн Хезарфенн прямо писал: «В черте владычества их (крымских ханов) есть четыре крепости — Гёзлев, Ор, Рабат и крепость, известная под названием Ягуд-Калэси. В подведомстве их насчитывается 1300 больших и малых деревень...

и именно поэтому получил на монете определение *ханлык*. Распределение упомянутых источников, содержащих версии о введении на полуострове османской хутбы, по времени их создания дает любопытную картину. Тексты, созданные как минимум до середины XVII в. (т. е. до того, как появилась идея об османском халифате), не содержат каких-либо упоминаний о произнесении в хутбе имени правящего османского падишаха перед крымским ханом. Как бы то ни было, оставляя в стороне политическую практику (о которой говорилось выше), с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Очевидно, что хутба в Крыму всегда включала упоминание имени правившего хана, которое в какой-то момент (впервые на короткий срок не ранее 80-х годов XVI в., а вторично, скорее всего, значительно позже) стало произноситься после имени падишаха. Весьма вероятно, что первый раз введение имени падишаха в крымскую хутбу так и осталось личной инициативой Ислам-Гирея, которая при последующих ханах могла быть отменена. Когда произошло вторичное введение имени падишаха в крымскую хутбу, еще предстоит выяснить.

Все управляемые ими деревни и округа составляют двадцать четыре казылыка» (цит. по: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 261).

Глава 15

Крымское ханство во второй половине XV—XVII в. Политическая история и международные отношения

§ 1. Политическая история Крымского ханства в XVI—XVII вв.

И. В. Зайцев

Менгли-Гирей скончался в апреле 1515 г. На крымском престоле утвердился его сын Мухаммед-Гирей. Смерть Менгли-Гирея нарушила сложившиеся мирные отношения Московского государства с Крымом. Хан отныне был озабочен собиранием земель улуса Джучи.

Для Крыма главным вопросом в решении этой задачи оставалась борьба с Астраханью, «и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве»¹. Уже летом 1515 г. (вероятно, в июне—июле) Мухаммед-Гирей организовал большой поход на ногаев и Астрахань. В письме от 3 августа он писал Василию III: «...сего году на своего недруга на Асторохань были есмь пошли... да сами есмь до Дону были дошли, и встретили нас люди, кони гонят, и те нам сказали, что деи послышев про нас весть, астороханский царь да Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли. И мы с уланы и со князми подумали, и уланы и князи говорили: ныне они хотя и полезли за Волгу, а на зиме на сей стороне будут, а у нас тогды кони тучны будут, а сами мы опочинем»². Мухаммед-Гирей решил отложить поход до конца осени. Уже 30 августа в Москве получили новые письма из Крыма. Посол хана сообщал, что в результате похода ногаи ушли на другую сторону Волги (левую), но в доставленном тогда же письме приближенного Мухаммед-Гирея Аппака сообщалось, что ногайский мирза «Шыгим на ону сторону перелез, и Асторохань на ону сторону перелезла»³.

Москва продолжала изворотливо избегать заключения союза с Крымом против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собствен-

¹ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 50, 70.

² Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турцией. Т. 2: 1508–1521. С. 150.

³ Там же. С. 151, 169.

ными — литовскими. Главной задачей было ни в коем случае не связывать себя обязательствами войны с Астраханью и пытаться сначала обратить Крым на Литву. В наказе послу И. Г. Мамонову (покинул Москву 15 ноября 1515 г.) строжайше запрещалось вписывать Астрахань в качестве общего врага в шерть.

5 декабря 1515 г. в Москву прибыли гонцы из Каффы с грамотой азовского *диздера* (коменданта), в которой он сообщал, что «Магмед-Кирей царь на Ногаи ходил; близко был Азова; до Миюша¹ доходил и Ногаи за Волгу пошли, и он ся воротил»². В феврале 1516 г. в Москве получили грамоту Аппака, написанную в январе, где снова говорилось о намерении хана идти с войском на Астрахань: «А цареве слово то: на Асторохань хочет итти»³.

Отказ от похода на Астрахань был причиной охлаждения отношений Крыма и Москвы в 1517 г. Мухаммед-Гирей после смерти в Крыму И. Г. Мамонова говорил Д. Иванову: «А сего лета добре докучали хастороканцы, яз их не замал, а они меня зазамали... нынеча от меня побежал Ал-Чагир мурза с братьею и с детьми; почув то, был у меня сего лета тайно от Шыгим-мурзы человек, с тем чтоб яз к нему прислал хоти одново своего сына⁴, и он мне ялся Азторокань взяти. И Ал-Чагир, почюв того Шыгимова человека, да от меня побежал, того не ведаю, чего заблюлся, а у меня здумано взяти мне Азторокань с братом своим с великим князем обема нам Хасторокань надобе»⁵.

В июне 1517 г. (923 г. х.) в Москву была доставлена грамота Мухаммед-Гирея, написанная 10 мая того же года. В ней хан вновь предлагал Василию III совершить совместный поход к низовьям Волги и сообщал: «А в преидуший год и с братом своим и с сыном со многуо своею ратью и с пушками и с пицалми на Асторохань пошел есми»⁶. Следовательно, хан совершил поход на Хаджи-Тархан в 922 г. х. (5 февраля 1516 г. — 23 января 1517 г.). Это означает, что планировавшаяся экспедиция на город, о которой в январе 1516 г. писал в Москву Аппак, а весной с его слов Ив. Мамонов, все-таки состоялась.

В сентябре 1517 г. Мухаммед-Гирей писал в Москву, что казанцы присылали в Крым делегацию для разрешения вопроса престолонаследия в Казани: тяжело больной Мухаммед-Амин не имел сыновей и братьев. «И ты б знал, — писали казанцы крымскому хану, — а мы в Асторокань пошлем, да одново царевича возмем, да царем его учиним, а опричь того у нас надежи нет»⁷. Возможно, план казанцев взять царя в Астрахани был своего рода провокацией против Мухаммед-Гирея, чтобы ускорить его решение и прислать крымского царевича. Во всяком случае, идея пригласить в Казань астраханца не могла не задеть крымского хана. Не случайно

¹ Река Миус (современные Донецкая и Луганская области Украины и Ростовская область России).

² Сб. РИО. Т. 95. С. 230.

³ Там же. С. 243.

⁴ В помощь или, что менее вероятно, в качестве заложника.

⁵ Сб. РИО. Т. 95. С. 377–378.

⁶ Там же. С. 444.

⁷ Там же. С. 388.

Мухаммед-Гирей хотел привлечь к походу против Астрахани и Казань. Таким образом, Мухаммед-Гирей разработал план широкой коалиции (Крым — Москва — Казань) против Астрахани, причем этот план предусматривал и обсуждение «полусвоенного» статуса Хаджи-Тархана. Хан говорил Д. Иванову, что после взятия города в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищалми, и рыба и соль, что надобное, то брату моему великому князю, а моя толко бы слава была»¹. Вряд ли эти обещания впоследствии были бы осуществлены: Мухаммед-Гирей прекрасно понимал стратегическое и торговое значение города и никогда не согласился бы потерять его.

В 1518 г. Мухаммед-Гирей и его сын царевич «Багатырь» вновь дали шерть Москве на условиях помощи Василия Крыму против Астрахани, а также передачи хану трех окраинных городов и ежегодных «поминок»².

В это время астраханско-крымские и астраханско-ногайские отношения начали испытывать на себе влияние экспансии казахов в Юго-Восточное Поволжье. Ногайско-казахский конфликт поначалу развивался для казахов успешно. В 1519 г. ногайские мирзы под натиском хана Касима были вытеснены из Западного Казахстана, вынуждены оставить междуречье Волги и Яика и уйти на правый берег Волги³. До этого, в промежутке между 1509 и 1515 гг., крымские татары трижды совершали крупные походы на ногайские улусы, заставив ногаев уйти на левый берег Волги. Это не могло не сказаться на крымско-ногайских и крымско-астраханских отношениях.

По свидетельству «Владимирского летописца», в 7028 г. (1520 г.) в Москву приходили послы Мухаммед-Гирея, который «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помощь, ходил на Астрахань. И князь великий дал ему в помощь 7 городов силы судовой»⁴.

Поход Мухаммед-Гирея на Москву летом 1521 г., который он начал «советом посла своего беззаконного Апака-мурзы»⁵, означал окончательный поворот крымской политики в сторону большего сближения с Литвой. Военные действия хана закончились в августе. Между тем военные конфликты Крыма и Астрахани не прекращались: астраханцы воспользовались незащищенностью полуострова. Летом 1521 г. им хватило всего лишь 580 человек, чтобы в отсутствие основных военных сил Мухаммед-Гирея, занятого походом на Русь, произвести на полуострове погром. Был угнан крымский скот и захвачено множество пленных. Спасаясь от нашествия, татары бежали в Каффу. По возвращении из похода на Русь Мухаммед-Гирей решил отомстить Астрахани за причиненный ущерб.

¹ Сб. РИО. Т. 95. С. 377.

² Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 28–29.

³ Исин А. И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 43–44.

⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 145.

⁵ Недавнего сторонника Москвы, сменившего ориентацию на пролитовскую (Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 52).

Между тем в апреле 1521 г. в Казани произошел переворот, и на престоле вместо русского ставленника Шах-Али оказался брат Мухаммед-Гирей — Сахиб¹. Мухаммед-Гирей уведомил султана специальным письмом о посольстве из Казани в Крым с просьбой прислать нового хана, отъезде Сахиб-Гирея в Казань и занятии им престола в 1521 г. Это письмо содержит ряд выпадов против великого князя и его политики по отношению к Казани. Хан сообщал султану и о политике Астрахани по отношению к Крыму. «На земле, которая была населена племенем ногаев и которую мы недавно завоевали, обосновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли как изгнанники и расположились там и смотрят на нас с алчностью. Если мы предпримем войну против короля Польши, они объединятся с ханом Хаджи-Тархана, который также наш старый враг, и разрушат нашу страну»².

Такое же уведомительное письмо Мухаммед-Гирей послал и в Астрахань хану Джанибеку, о чем мы узнаем из донесения некоего Зани Васильева Зудова, пробывшего, по его собственным словам, в плену в Астрахани четыре месяца. 10 мая 1521 г. в Москву прибыло его письмо, в котором Зудов писал: «Ино при мне, государь, приходил посол ис Крыма к Азстороканскому царю. А молил так Зяныбеку царю: меж собою есмь брат[ь], что был есми в дружбе с Московским, и он передо мною изменил: Казан[ь] была юрт наш, и ныне он посадил салтана из своей руки, а Казанская земля не хотели того, опроч[ь] одного сеитя, да прислали ко мне человека просити у меня салтана, и яз им салтана и отпустил на Казан[ь], а сам иду на Московского со всею своею силою. А хочеш[ь] со мною дружбы и братство держати, и ты б сам пошел на Московского или салтанов послал. И азстороканской, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы»³. И. И. Смирнов оценивал это сообщение как свидетельство крутого поворота, произошедшего в 1519–1520 гг. в отношениях Крыма с Астраханью, который заключался в «переходе от резко враждебных отношений и многолетней борьбы за захват Астрахани к попытке втянуть Астрахань во враждебный Русскому государству блок и использовать ее для борьбы против Русского государства... Эта попытка союза между Крымом и Астраханью, однако, не увенчалась успехом и не отразилась ни на отношениях между Астраханью и Русским государством, ни на крымско-астраханских отношениях»⁴.

Крымский хан явно хотел собрать разрозненные части улуса Джучи (Крым, Казань, Астрахань, ногаев) в руках одной династии. Османы вряд ли могли поощрять территориальные притязания Мухаммед-Гирея, который вел достаточно независимую от Стамбула политику, склоняясь к чингизидским традициям своелюбия, с одной стороны, а с другой — симпатизируя заклятым врагам турок —

¹ Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Изд. М.; Л., 1948. Т. 27. С. 38.

² *Lemercier-Quelquejay Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521* // CMRS. 1971. Vol. XII, № 4. P. 489.

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 141–141 об.; Сб. РИО. Т. 95. С. 678–679.

⁴ Смирнов И. И. Восточная политика Василия III. С. 36.

кызылбашам. В 1523 г. Мухаммед-Гирей захватил Астрахань, однако ногайские мирзы во время пира после победы убили его, его сына и калгу Бахадыр-Гирея. Инициаторами расправы над Мухаммед-Гиреем и его калгой были хаджитарханские *мангыты* — один из *илей* ногаев, представители которого жили в Астрахани. «Интеграционный проект» хана рухнул.

Уцелевшие сыновья Мухаммед-Гирея — Гази-Гирей и Бибей, преследуемые ногаями, бежали назад к Перекопу, но в разыгравшейся на подступах к нему битве потерпели поражение. Ногаи осадили Солхат и Кырк-Йер, а полуостров подвергли разорению: почти месяц они угоняли людей и скот.

Астраханская катастрофа 1523 г. и смерть хана на некоторое время погасили амбиции Крыма в отношении ногаев и Астрахани. Внутренние неурядицы и борьба за власть на полуострове мешали проводить активную политику: Крым на время перешел к обороне.

В начале августа 1523 г. Саадет-Гирей, назначенный преемником Мухаммед-Гирея, прибыл из Стамбула в Каффу. Его сопровождали около 200 янычар. Для начала новый хан решил устранить своего племянника Казы (Гази-Гирея), после смерти отца Мухаммед-Гирея провозгласившего себя ханом (он был задушен), и царевича Бибея, ставшего при Гази калгой (посажен в тюрьму, а потом отослан в Стамбул). Расправившись с соперниками, Саадет через десять дней приехал в Перекоп.

При нем турецкое влияние в ханстве сильно возросло. «А тому нашему царю счастливой хандикер (худаведигяр — титул османского падишаха. — Авт.) как бы родной отец. Там у него жил и выросл, и что тамо видел, которой у турского обычай, и у него тот же обычай», — писал один из крымских вельмож Девлет Бахты¹. Однако никакого поворота во внешней политике Турции по отношению к Московскому великому княжеству не произошло. Более того, Саадету был, видимо, дан наказ поддерживать дружбу с Москвой. Он сам пытался помирить Москву с Казанью. Имела место и попытка реставрации союза Московского государства и Крыма по образцу договора Ивана III с Менгли-Гиреем. Основой этого соглашения должны были стать два условия: московский займ Крыму в размере 60 000 алтын и осуществление общей враждебной политики по отношению к Польско-Литовскому государству².

Едва вступив на престол, Саадет-Гирей отправил великому московскому князю письмо, в котором поделился с Василием планами похода на ногаев: «И яз ныне и землю свою и рат[ь] свою в руки взял, на своего недруга на нагаев борзо хочю идти»³. Саадет-Гирей вновь, как до этого Менгли-Гирей и Мухаммед-Гирей, пытался заручиться поддержкой Москвы в войне с Астраханью и ногаями.

В начале октября 1524 г. Саадет-Гирей задумал устранить Ислам-Гирея. Тот, предупрежденный о замысле хана, бежал «на поле». В этой распре крымские «уланы, мырзы и князья» отступились от Саадета и встали на сторону Ислама: вскоре его объявили ханом в г. Крыме (Солхат; уже из этого факта становится

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 60 об.

² Там же. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 8 об.

очевидным, что его поддерживали Ширины), а Саадет-Гирей в Перекопе оказался в осаде. Вместе с ним осаждены были турки (вероятно, чиновники окружения Саадета, прибывшие с ним из Стамбула), а также янычары. Однако ситуация в корне изменилась после того, как в игру вступил Сахиб-Гирей. Обманув Ислам-Гирея, Сахиб-Гирей поддержал Саадет-Гирея, который учредил его калгой. Ислам-Гирей вновь вынужден был бежать «на поле»¹, зиму он провел с несколькими крымскими князьями Ширинами в Тюмени².

В условиях внутренней нестабильности, ногайской опасности и угрозы со стороны Ислам-Гирея Саадет-Гирей решил заключить союз с ногаями. В Ногайскую орду отправился крымский посол Кулдай Шукур, его целью было сватовство хана к дочери мирзы Кошума³. Ситуация в Крыму вызывала резкую обеспокоенность в Стамбуле. По информации М. В. Мясного, московского посла в Крыму, «приходил... посол Чеуш⁴ от турецкого Кундукеря мирити царя с Ысламом да не помирил. Меж собя не веритца и не виделися. А на то... посол Ислама привел: куда цар[ь] пошлет, и Исламу слушат[ь]»⁵. Помирить Ислама с Саадетом не удалось: в марте 1528 г. вернувшийся из Крыма Н. В. Мясной сообщил, что Саадет-Гирей разбил Ширинов, которые поддерживали Ислама. Сам Ислам в очередной раз был вынужден бежать из Перекопа, с ним вместе удалось уйти лишь 20 соратникам⁶. Однако и положение Саадет-Гирея оставалось крайне неустойчивым. Он не доверял крымскому окружению и боялся его⁷.

В результате ожесточенной борьбы Саадет-Гирею удалось обескровить брата и выдавить его в Очаков. Ислама сопровождал Евстафий Дашкович. Об этом Саадет писал в письме в Москву в 1529 г.⁸ В конце концов, как писал Саадет, Ислам «повинился», и «мы ему Днепрской свой город дали, а он нам и сыном и холопом ся учинил»⁹. В 1529 г. Ислам находился в Очакове, что подтверждают польские источники. В конце концов Исламу удалось захватить власть в Крыму: это произошло в 1532 г., однако Ислам вскоре уступил престол Сахиб-Гирею, а сам стал калгой при хане¹⁰.

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 80 об., 82.

² Там же. Л. 132, 135. Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша (Там же. Л. 164 об.).

³ Там же. Л. 84.

⁴ На самом деле речь идет о должности: *чауш* — чин личной гвардии падишаха и янычар; чауши часто выполняли роль посланников.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 158 об.

⁶ Там же. Л. 164 об.

⁷ Там же. Л. 166.

⁸ Там же. Л. 200 об.

⁹ Там же. Л. 202 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1 об. — 5 об. Согласно анонимной истории крымских ханов Ислам-Гирей правил в Крыму в 938 г. х. (1531/1532) всего пять месяцев (Рукопись ИВР РАН. С. 861 (П. 6. 40). Л. 7–8). По Ибрахиму Печеву, Ислам-Гирей пришел к власти в Крыму 10 Раби' II 939 г. х. (9 ноября 1532 г.), после смещения Саадет-Гирея (*Peçevi İbrahim Tarih-i Peçevi*. Cild I. İstanbul, [t. s.] (араб. шрифт). S. 171).

Впрочем, противостояние Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея закончилось только со смертью последнего в 1537 г. (Ислам-Гирей был убит мангытом Баки). Борьба двух членов царствующей фамилии была для ханства столь опасной, что представители крымской знати даже направляли в конце 1533 или начале 1534 г. в Стамбул специальное письмо, в котором говорилось, что их противостояние угрожает государству. В письме содержалась просьба прислать нового хана вместо Сахиб-Гирея. Смерть Ислама развязала хану руки для внешнеполитических действий. В 1538 г. он принял участие в османском походе на Молдавию, в 1539 и 1542 гг. безуспешно воевал с черкесами. Зимой 1539–1540 гг. его сын и калга Эмин-Гирей предпринял поход на Москву, а зимой следующего года хан лично руководил набегом на Русь. В 1545 г. хан совершил два похода на кавказские земли — на западных адыгов и кабардинцев¹.

Эпоха правления Сахиб-Гирея (1532–1551) отмечена рядом важнейших событий. Хан всячески способствовал оседанию кочевников-ногайцев, населявших крымские степи, на землю. Он по османскому образцу учредил корпус капы-кулу — дворцовых рабов, которые несли охрану государя. Сахиб-Гирей много строил, были перестроены перекопские укрепления, а также порт в Гёзлеве. Хан основал Бахчисарайский дворец и перенес туда свою резиденцию (1533 г.). Вот как об этом писал ханский панегирист Реммал-ходжи: «...посреди прелестного сада он соорудил жилище, подобное райскому, при виде которого все восхищались. Там были дворцы, арки, киоски, залы, наполненные мальчиками, прекрасными, как гурии, повсюду текли ручьи воды, виднелись луга, тополи, цвели жасмины, подобные улыбающимся красавицам, разливающие аромат нарциссы, гиацинты, похожие на локоны очаровательных женщин. Словом, это было место, напоминающее собою райский сад. Близ этого дворца он построил такую дивную мечеть, что со всех сторон стекались люди любоваться ею. Он и здесь назначил преподавателя, а около мечети выстроил приобретенные всюду известность бани. Против дворца беки выстроили себе павильоны, и в несколько месяцев возник красивый город, устроились два ряда лавок, и началась торговля»².

Во время царствования Сахиб-Гирея обострились отношения с Москвой (причиной была политика Москвы по отношению к Казани, где Сахиб-Гирей побывал ханом), конфликт Крыма с Астраханью и ногаями усилился. В 1546 г. хан совершил победоносный поход на Астрахань. В результате крымского набега город был разорен, а жители угнаны в Крым. Сахиб-Гирей в письме Ивану IV (получено в Москве в декабре 1547 г.) писал: «А ныне на недруга своего на Астраханского ходили есмь, и Бог милосердье свое учинил, взяли есмь юрты его, хотели есмь держати, да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов их там не оставили, все пригнали к себе. Ож даст Бог, хотим тот юрт устроить и держати его. Коли есмь Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати»³. Согласно

¹ Некрасов А. М. Избранные труды. Нальчик, 2015. С. 131.

² Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin).

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 57.

турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, Сахиб-Гирей, «победив астраханского хана Ямгурджи, рассеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин со всем имуществом и богатствами переселил в Крым»¹.

Разгром Астрахани вызвал недовольство ногаев. В декабре 1547 г. из Крыма в Москву пришли вести, посланные еще в ноябре. Ногайские мирзы посылали к Сахиб-Гирею гонца с упреками в адрес крымского хана: «Про што деи еси Астрохан[ь] разорил? Мы деи и преж тебе Астрохан[ь] взяли, да не разорили»².

Ногаи, однако, не ограничились словесными упреками, но предприняли ответные меры: через некоторое время по возвращении Сахиб-Гирея в Крым они, как сообщает Реммал-ходжа, совершили большой военный поход на полуостров, но были отбиты³. Этот конфликт произошел зимой 1548–1549 гг.

Вмешательство Ширинов спровоцировало в Стамбуле подозрения в отношении хана, и в 1551 г. в результате интриги он погиб. Под предлогом смены хана в Казани на полуостров был прислан Девлет-Гирей (внук Менгли-Гирея и сын султана Мюбарека), который и занял крымский престол (в сентябре 1551 г.). Сахиб бежал на Тамань, где вскоре был убит вместе со своими сыновьями.

Занявший престол Девлет-Гирей по праву может считаться наиболее сильным ханом Крыма. Именно в его правление ханство достигло пика своего могущества. Ему удалось погасить раздоры между беями и стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в ханстве.

Начало его правления ознаменовалось резким усилением Москвы: собирателями золотоордынского наследия стали не крымские ханы, а московские великие князья. Взятие Казани в 1552 г. и подчинение Астрахани (в два этапа) не остановили московское правительство. На очереди стоял Крым⁴. Проект царского правительства предусматривал смещение хана и замену его московским ставленником Янтемиром (сыном астраханского хана Дервиш-Али). Однако столкновение с Крымским ханством было чревато конфликтом с Турцией. Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась и в 1550-е гг. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты. В 1554 г. Иван IV официально отклонил просьбу черкесских князей дать им помощь против султана, так как «турской салтан в миру с царем»⁵. После удачного

¹ *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи... С. 384.

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 53.

³ *Tarih-i Sahib Giray Han* (Негр. Ö. Gökbilgin). S. 106–113; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990. С. 109.

⁴ Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. 1. Стб. 238–240; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 196–198.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13: 1-я пол. С. 259.

набега на Крым А. Ф. Адашев освободил всех захваченных турок, потому что «с Турским государь в дружбе и воевати его не велел»¹.

Завоевание Казани и Астрахани вызвало крайне негативную реакцию в Крыму, однако реальная реакция Турции на эти события нам неизвестна. Никаких враждебных Русскому государству действий Стамбул не предпринял. Османская империя осталась абсолютно безучастной к судьбе этих государств. С другой стороны, в Крыму, видимо, были склонны винить Стамбул в том, что его позиция не позволила и крымским ханам противопоставить что-то русским завоеваниям. Данных об этом для 50-х гг. XVI в. у нас нет, но и значительно позже, в XVIII в., настроения, отражающие стремление Крыма к гегемонии среди джучидских государств, существовали. В так называемой исторической справке последнего крымского хана Шахин-Гирея русскому резиденту А. Д. Константинову, источником для которой послужили какие-то крымские исторические сочинения, не дошедшие до нас, было сказано: «И как заведение и низложение ханов крымских зависимо стало от Порты Оттоманской, то сие принесло великий ущерб татарским делам и умаление их силам, почему в 960 г. царь Василий Иванович Гаджи Тархан городом завладел, а в 970 царь² казанскую крепость присоединил к российскому государству»³. Несмотря на неправильную хронологию и имя русского «царя», это сообщение, видимо, отражало реальную позицию ханов по отношению к завоеваниям Москвы и недовольство Крыма турецкой позицией в этом вопросе.

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию — надбавки к наибольшей сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это⁴.

Крымские ханы еще в середине XVII в. были уверены в том, что ханства удастся отвоевать (или надеялись на это). Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, после завоевания Астрахани московскими войсками Девлет-Гирей «пошел и освободил этот город, но когда возвращался назад, предводительствуя 90-тысячным войском», на него напал «поселившийся в России и славный отважностью между неверными выкрест из персидских армян Шир-Мердун, ошибочно называемый Шир-Медом»⁵. Хан в ожесточенной битве победил врага и вернулся в Крым⁶. Возможно, что это свидетельство — отражение событий астраханского похода крымских и османских войск в 1569 г. Даже после поражения 1572 г. (Молодинская битва) Девлет-Гирей продолжал настаивать на своих требованиях посадить царем на Казани

¹ ПСРЛ. Т. 13: 1-я пол. С. 318.

² Имя в подлиннике пропущено.

³ *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1–4. СПб., 1885–1889. Т. 3: 1779–1780 гг. 1887. С. 482.

⁴ *Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 53.

⁵ Речь идет о Шереметьеве.

⁶ *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи... С. 384.

и Астрахани Адиль-Гирея (сына Девлет-Гирея). В какой-то момент московская дипломатия согласилась на уступку Астрахани в обмен на обязательства Девлет-Гирея выступить на московской стороне в борьбе за Украину. При этом в Москве не строили иллюзий относительно действенности этих обязательств. Один из сановников в Крыму так говорил московскому дипломату: «А хотя ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманский хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати ж»¹. Османская дипломатия также вынашивала определенные планы относительно низовьев Волги — удобного стратегического плацдарма для удара на сефевидский Иран, заклятого врага османов на востоке. Известный осmano-крымский поход на Астрахань 1569 г. — лишь один из эпизодов политики султанов на Северном Кавказе и в Причерноморье. Селим II в начале 1570-х гг. в связи с московским походом Девлет-Гирея пытался решить астраханскую (и казанскую) проблему в пользу Крыма, однако решительных шагов предпринято все же не было². В конце мая 1593 г. один из крымских вельмож, приближенных хана, аталык Ямгурчи сообщал московскому посланнику С. Безобразову о планах султана: «Одноконечно на зиму турецкой хочет итти к Терке, и наряд весь у него готов в Каффе, а ийти... ему на Ливну, да с Ливны поворотить к Астарахани и к Терке». Причиной готовящегося похода были грабительские набеги терских казаков³.

За годы правления Девлет-Гирея было совершено множество набегов на Русь, один из которых закончился сожжением Москвы (1571 г.), а поход 1572 г. — сокрушительным поражением под Молодями. Хан умер от чумы в 1577 г.

После смерти в июне 1577 г. Девлет-Гирея престол занял его сын Мехмед-Гирей II, получивший прозвище Жирный (он был настолько толст, что не мог сидеть на коне, а передвигался в упряжке, запряженной волами). Несмотря на тучность, хан был весьма активным человеком. Он принимал участие в нескольких успешных походах османов на Иран в ходе осmano-сефевидской войны. Однако отказ принять участие в походе 1582 г. в конечном счете стоил ему престола. Султан попытался сместить Мехмед-Гирея, но хан, поддерживаемый аристократией, не покорился и даже осадил Каффу. В мае 1584 г. его брат Ислам-Гирей на турецких кораблях в сопровождении янычар высадился в Крыму. Знать сразу же изменила Мехмед-Гирею II, он был схвачен и задушен. Ислам-Гирею, однако, не удалось занять престол сразу же. Сын Мехмед-Гирея II, поддержанный ногайцами, объявил

¹ Цит. по: *Бурдей Г. Д.* Молодинская битва 1572 г. // Из истории межславянских культурных связей: К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. (Ученые записки Института славяноведения АН СССР; т. XXVI). С. 50, 63–64.

² *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // CMRS. 1967. Vol. III, № 3. P. 443; *Lemercier-Quejeyay Ch.* Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des archives ottomanes // CMRS. 1972. Vol. XIII, № 4. P. 556–558.

³ Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // ИТУАК. 1892. № 15. С. 81.

в Бахчисарае ханом себя, Ислам-Гирей вынужден был бежать в Каффу, обратившись в Стамбул за военной поддержкой. Вскоре брат и калга хана Алп-Гирей разбил ногайцев и восстановил Ислам-Гирея на троне. Вероятно, именно к его правлению относится инициатива упоминания имени османского падишаха в хутбе.

В 1588 г., после смерти Ислам-Гирея, османы в обход его старших братьев Алпа и Мюбарека, утвердили на троне младшего брата — Гази-Гирея, который незадолго до этого бежал из персидского плена. Гази-Гирей, известный под прозвищем Бора (что означает «Буря»), вошел в историю не только как сильный правитель и полководец, но и как выдающийся поэт, писавший под поэтическим псевдонимом Газаи. В 1591 г. он совершил неудачный поход на Москву, а в 1592 г. снова разорил московские укреплённые территории. Неудачи походов и попытка наладить отношения с Москвой привели к заключению в 1594 г. мирного соглашения. Это развязывало хану руки для участия в военных походах турок на Балканах (1594, 1595, 1598 гг.). В 1596 г. Гази ненадолго потерял власть, которую в результате заговора захватил его брат Фетх-Гирей. В декабре 1607 г. во время похода на Кавказ Гази-Гирей умер (скорее всего, от заражения чумой).

Власть в ханстве перешла к его сыну Тохтамыш-Гирею, который через несколько месяцев в ходе очередного заговора был убит. В 1608 г. престол занял присланный из Стамбула Селямет-Гирей I (правил до 1610 г.). Следующим ханом стал его приемный сын калга Джанибек-Гирей (внук Девлет-Гирея I и сын Мюбарек-Гирея)¹. Этот хан проявил себя как преданный союзник Османского государства. Он принимал участие в нескольких турецких походах. Катастрофой закончилась кампания 1617–1619 гг. против Ирана, но в 1620 г. крымские войска разбили поляков под Цецорой.

В 1623 г. Джанибек-Гирей был смещен и заменен Мехмед-Гиреем (сыном Саадет-Гирея II, который недолго правил ханством в 1584 г.). Этот хан сразу же занял враждебную османам позицию, ориентируясь на сефевидский Иран. Хан неоднократно отказывался принимать участие в военных экспедициях против Ирана. В Стамбуле решили сменить его на престоле, назначив вновь отставленного Джанибека. В 1624 г. Джанибек был назначен, однако трона достичь не смог. Мехмед и Шахин, опираясь на недовольных османами крымских беев, призвали на помощь запорожских казаков и отказались покинуть полуостров. Это не помогло удержаться на троне, и Мехмед-Гирей бежал с полуострова, а в 1629 г. погиб при попытке восстановить свою власть. Ханом в Крыму снова стал Джанибек-Гирей (второе правление — 1628–1635 гг.). Очередная смута привела в 1635 г. к его отставке и высылке на Родос.

Новый хан Инает-Гирей был сыном Гази-Гирея II и правил недолго (1635–1637). Он также стремился ограничить османское влияние, отказался от похода на Иран и активно искал союзников за пределами полуострова, заключив

¹ Мать Джанибека, которая была, по-видимому, кабардинкой, после смерти мужа по обычаю левирата последовательно становилась женой его братьев — сначала хана Фетх-Гирея, а затем Селямет-Гирея.

мирные соглашения с Польшей и Москвой. В 1637 г. он заключил союз с казаками. Эта независимая политика привела к новой отставке. В надежде примириться с султаном Инает-Гирей отправился в Стамбул, но был убит там по приказу султана.

Его преемником стал сын Селямет-Гирея I по имени Бахадыр-Гирей (1637–1641). В его правление в 1638 г. донскими казаками был захвачен османский Азак (Азов). Хан долгое время уклонялся от участия в возврате крепости, но в конце концов отправился в поход вместе с войском. На обратном пути он заболел чумой и скончался.

Мехмед-Гирей IV, сын Селямет-Гирея, правил дважды. Первое правление было довольно кратким. Он взошел на престол в 1641 г., однако после ряда просчетов во внутренней и внешней политике был в 1644 г. смещен османами и отправлен на остров Родос, традиционное место ссылки смещенных ханов. На его место был прислан Ислам-Гирей III (правил в 1644–1654 гг.). Хан добился мира в отношениях с родовой элитой и проявил себя как способный правитель. Во внешней политике его правление было отмечено крымско-казацким союзом, заключенным с Богданом Хмельницким и направленным против Польши.

Вторично Мехмед-Гирей правил с 1654 по 1666 г. В это время Крымское ханство, верное политике соблюдения баланса сил в Восточной Европе, поменяло союзника и снова стало поддерживать Польшу, а также гетмана Выговского в его противостоянии с Москвой. В 1666 г. Мехмед-Гирей был смещен османами с престола за отказ участвовать в войне с Габсбургами. Хан удалился на Кавказ, где предался отшельнической жизни суфия.

На его место был прислан Адиль-Гирей, принадлежность которого к династии крымских ханов подвергалась современниками сомнению. Дело в том, что еще в конце XVI в. образовалась особая ветвь династии, так называемые Чобаниды — от Чобана Мустафы, т. е. Мустафы Пастуха, сына Фетх-Гирея ибн Девлет-Гирея, и пленной польки. Фетх-Гирей не признал сына своим, и он был отдан в пастухи, а потом под именем Девлет-Гирея возвращен в Крым¹.

Вскоре Девлет-Гирей погиб в битве под Кафзой, сражаясь в рядах мятежных братьев Мухаммед-Гирея и Шахин-Гирея против турок, которые пришли их усмирять (1627 г.). Сыновья же Девлет-Гирея Адиль-Гирей и Фетх-Гирей удалились в родовое гнездо гирейской фамилии Ямболу. Однако родственники псевдо-Гиреев упростили османские власти устранить их оттуда, и братья переселились в Визе.

¹ О существовании особой ветви Гиреев были, естественно, хорошо информированы и в России. Много позже ходил слух, что даже последний крымский хан Шахин-Гирей также был из Чобанидов. Князь В. М. Долгоруков-Крымский в одном из писем (1774 г.) отмечал, что он происходил из этого рода: «...или проклятых султанов, коим и въезд в Крым воспрещен» (Из дел Московского отделения Общего архива Главного штаба. Письма кн. В. М. Долгорукова-Крымского кн. Г. А. Потемкину и др. С предисловием Ф. Ф. Лашкова. Сообщил Н. Н. Поликарпов // ИТУАК. 1914. № 51. С. 33).

Адиль-Гирей был единственным представителем ветви на троне. Правил он в 1666–1671 гг. и был признан полновластным правителем: имел право чеканить монету, на аверсе которой стояло «Адиль-Гирей ибн Девлет-Гирей»¹. Его происхождение вызвало резкое неприятие крымской элиты, прежде всего Ширинов, возмущение которых хан подавил силой. Автор «Розового куста ханов», другой представитель династии Халим-Гирей так закончил биографию Адиль-Гирея: «Это был глупый, наивный, склонный к низостям и равнодушный к человеческим достоинствам, черный дурак. После него никто из его детей и внучат до наших дней (автор умер в 1239 г. х., который начался 7 сентября 1823 г. — *Авт.*) не достиг никакого возвышения из ряда султанов крымских: довольствуясь одним лишь прозвищем Герай при именах своих, они иногда разве посредством брачных связей приобретали известность»². В области внешней политики хан запомнился войной с Польшей, в которой его союзником был гетман П. Дорошенко, а также мирным договором с Москвой, заключенным в 1670 г.

Свои дни Адиль-Гирей закончил в 1672 г. в городке Каринабад (Карнобад, в центре одноименной *казы*) на востоке тогдашней Румелии (в современной Болгарии, недалеко от Бургаса).

Адия на крымском троне сменил хан Селим-Гирей. Это, пожалуй, один из самых известных и уважаемых современниками и потомками крымских ханов. Хаджи Селим-Гирей (1636–1704) был последователем ордена *мевлеви*. Четырежды всходил он на ханский трон и правил с перерывами с 1671 по 1704 г.³ Ханами стали и шестеро его сыновей, находившиеся на престоле в общей сложности 41 год. *Тахаллус* (или *махлас*, т. е. поэтический псевдоним) Селим-Гирея — Ремзи (от арабского «знак, символ») — означает «символический». Сам он был сыном поэтов Бехадыр-Гирея (писавшего под *тахаллусом* Резми) и Хан-заде Хани (дочери Га-

¹ Муралевич В. С. К нумизматике Гиреев... С. 142.

² Смирнов В. Д. Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 417; *Halim-Geray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Kıym tarihi. İstanbul, 1287/1870* (араб. шрифт). S. 62–63. Во втором издании своего труда Халим-Гирей несколько смягчил свою резкую оценку Адилья. См.: *Halim-Geray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Kıym tarihi. İstanbul, 1327/1909*. S. 107.

³ По Хасану Ортекину — 1081–1088 г. х. (1670–1677), 1095–1102 г. х. (1684–1691), 1103–1109 г. х. (1692–1698), 1114–1116 г. х. (1702–1704). См.: *Ortekin H. Kıym Hanlarının Şeceresi*. S. 11–12. Однако имеется свидетельство, что вторично хан вступил на престол 12 ноября 1683 г. (см.: События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азарья, сыном Или) / пер. А. С. Фирковича // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. М., 1856. Кн. 24. С. 132). Согласно Хусам Гираву, первый раз Селим правил семь лет, второй — шесть лет и 11 месяцев, третий — шесть лет и восемь месяцев, четвертый — два года и 11 месяцев. Полная родословная хана такова: Селим-Гирей ибн Бехадыр-Гирей ибн Селямет-Гирей ибн Девлет-Гирей ибн Мубарек-Гирей ибн Менгли-Гирей ибн Хаджи-Гирей.

зи-Гирея II)¹, прославился как *хафиз*, т. е. человек, знающий Коран наизусть, композитор и поэт². Умным и талантливым называл его академик А. Крымский³. Хан покровительствовал наукам. Выдающийся отечественный тюрколог В. Д. Смирнов писал о нем так: «Личность Селим-Герая очень замечательна. Уже важно то, что все решительно историки, и крымские, и османские, в один голос превозносят его и как умного правителя, и как хорошего человека. Прежде всего он не был так властолюбив, как остальные предшествовавшие ему и следовавшие за ним его родичи, и не один раз он добровольно порывался сложить с себя ханское достоинство, сопряженное с великими трудностями управления... Скитальческая жизнь с самой юности выработала в Селиме практическую сметливость и крайне гуманную снисходительность к людям»⁴.

Причиной первой отставки Селима была неудачная осада Чигирина. Он был заменен на Мурад-Гирея (1678–1683). При этом хане в 1681 г. в Бахчисарае был подписан мирный договор Крымского ханства и Османской империи с Москвой, завершивший войну 1678–1681 гг.

§ 2. Внешняя политика Крымского ханства во второй половине XV — XVI в.

И. В. Зайцев

Главным соперником крымских ханов на заре существования ханства являлась Большая Орда. В 1480-е — начале 1490-х гг. внешняя политика Менгли-Гирея определялась противостоянием с этим государством, а также сближением с Москвой с целью создания коалиции против Большой Орды и Ягеллонов. В 1490-х гг. между Крымом и большеордынскими чингизидами не утихала война, которая завершилась разгромом Орды в 1502 г. В результате этой победы крымские ханы включили титул ханов Большой Орды в свою титулатуру и начали выступать как преемники былого могущества Золотой Орды. Следствием этой преемственности стали претензии на постзолотоордынские престолы Астрахани и Казани (причина крылась не только в абстрактной борьбе за гегемонию на этом пространстве, но и в род-

¹ Хотя крымский историк начала XVIII в. Ибрахим ибн Али специально пояснил в примечании к своему труду, что мать Селима происходила из черкесов Темир-Куя и была дочкой Хамзы Сады-оглу.

² *Kellner-Heinkele B.* Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sulţān. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Freiburg im Breisgau, 1975. S. 20.

³ *Крымский А.* Сторінки з історії Крима та кримських татар // Студії з Криму. I–IX. Київ, 1930. (Відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської академії наук; № 89). С. 5.

⁴ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 587. Дело в том, что хан еще ребенком был отдан на воспитание аталыку в деревню Айлан, после вынужден был скрываться от недоброжелателей, жил подолгу в Янболу, недалеко от Адрианополя, и в других местах Османской империи. Подробнее см.: Там же. С. 585 и след.

ственных связях: один из крымских ханов стал основателем Казанского ханства, а брат Хаджи-Гирея занимал некоторое время астраханский престол).

Именно в эпоху Менгли-Гирея I проявилась важная роль Крыма в международных отношениях в Восточной Европе. При Менгли-Гирее установился регулярный дипломатический обмен ханства с Москвой, Краковом, Вильно и рядом других европейских столиц, выработалась практика заключения межгосударственных союзных договоров (шертей). Крымские ханы вырабатывали во внешней политике собственную линию, сознательно не нарушая восточноевропейское политическое равновесие и последовательно поддерживая союз со слабейшим из пары: Москва — Речь Посполитая¹. В XVII в., когда украинское казачество стало активной политической силой, татары предпочли налаживать союзы с ним против Москвы, Варшавы или обеих.

Основным источником для реконструкции московско-крымских отношений служат посольские книги. Крымская посольская книга открывается посольством Никиты Беклемишева в марте 1474 г. к Менгли-Гирею. Московское посольство было ответным на миссию Ази-Бабы (Хаджи-Бабы) с предложением братства, дружбы и любви. Сам текст посольской книги говорит о том, что эти контакты были к тому времени традиционными. Н. Беклемишеву следовало говорить крымским князьям: «Издавна наши передние с вашими передними же меж себя правду и дружбу держивали»². Инициатива поддержания московско-крымских контактов, как свидетельствует посольство Н. Беклемишева, принадлежала видному представителю каффинского купечества иудею Ходже Кокосу (как он назван в русских документах)³. Именно он прислал в Москву перед миссией Хаджи-Бабы своего шурина Исупа (Юсуфа) с ярлыком царевым «верующим», а также грамоту ширинского князя Мамака⁴.

Ходжа Кокос (Гёкгёз, т. е. «Голубоглазый») был, вероятно, крайне влиятельным финансистом, поскольку сам Менгли-Гирей не раз прибегал к его услугам. В 1484 г. великий князь Иван наказывал Василию Ивановичу Ноздроватому, посланному к Менгли-Гирею: «Кокосу... говорит от великого князя, чтобы купил великому князю лалы да яхонты, да зерна жемчужные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того еще своим жалованием пожалует»⁵.

Н. Беклемишев вернулся 13 ноября 6983 (1474) г. «А того же дни пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менли Гирея, Ачи Гереева сына Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки.

¹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство... СПб., 1887. С. 555; *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством... С. 50.

² Сб. РИО. Т. 41. С. 6.

³ В Таможенном регистре Каффы конца 1480-х гг. сын Гёкгёза (Кокоса) назван иудеем (*йахуди*). Исходя из того, что сам Кокос писал в Москву «жидовским письмом», также можно сделать вывод, что он, безусловно, был иудеем.

⁴ Сб. РИО. Т. 41. С. 6–7.

⁵ Там же. С. 40.

А правил посольство того же месяца 16: «Великому князю от царя любовь и братство. И кто будет тебе, великому князю, друг, тот и мне, царю, друг; а кто тебе недруг, той и мне недруг. Также и дети наши и внучата на той любви и братстве да будут»¹.

Следующее московское посольство Алексея Старкова датируется мартом 1475 г. Ходжа Кокос снова оказывал посреднические услуги, на этот раз по сватовству сына московского великого князя к дочери мангупского князя Исайи². Таким образом, посредниками в установлении московско-крымских отношений были представители каффинского купечества — высшего его слоя, задействованного в торговых операциях с Москвой.

В сентябре 1477 г. из Москвы в Крым планировалось посольство к хану Джанибеку. Однако османское завоевание и гражданская война на полуострове сильно затянули дело. Это посольство с татаринцом Темешом также было ответным (миссия Яфар Бердея с просьбой оказать Джанибеку услугу и предоставить ему «опочив» в случае бегства из Крыма).

К апрелю 1479 г., когда Менгли-Гирей окончательно утвердился на престоле, относится посольство Иванчи Белого в ответ на присылку Алача и Сырпяка.

Интенсивный обмен посольствами между двумя государствами привел к появлению в их столицах особых мест проживания дипломатов. В конце XV и начале XVI в. в Москве крымских послов поначалу ставили в Кремле, а начиная с 1530-х гг. — поблизости от исконного места пребывания московских мусульман — Замоскворечья. В Крыму москвичей определяли на жительство в христианские села³. И в том и в другом случае определяющим, видимо, было наличие поблизости мечети и храма⁴. В Москве это были, вероятно, мечеть на самом Крымском дворе, а также существовавшая к тому времени мечеть в Замоскворечье, в Крыму это были храмы в селах Шури и Качи-Кальоне, недалеко от современного Бахчисарая. В XVII в. стан русских посольств был перенесен в деревню Бююк-Яшлав, но и тогда связь русских посольств с христианским населением близлежащих деревень в окрестностях Бахчисарая сохранялась⁵.

¹ Иосафовская летопись. М., 1957. С. 89.

² Другая дочь мангупского князя Мария, согласно Бистрицкой летописи, была с сентября 1471 г. замужем за молдавским воеводой Стефаном Великим. Она умерла в декабре 1476 г. Молдавско-немецкая летопись 1457–1499 гг. называет ее княжной из Мангупа (furstyn auss Maugor) и почему-то черкешенкой (ein Zerkassin) (Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. С. 27, 39, 49, 64). Часть беженцев, уцелевших после взятия османами Каффы и Мангупа, осела именно в молдавской столице Сучаве.

³ Лишь иногда, под разными предлогами (например, эпидемия), московских дипломатов могли поставить в Эски-Юрте или на Мангупе.

⁴ Возможно, что в выборе места для временного проживания христиан-русских в Крыму руководствовались также и шариатскими нормами самоуправления общин «людей писания» — христиан в греческих деревнях и караимов на Мангупе.

⁵ Зайцев И. В. Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI веке // КИО. 2016. № 2. С. 35–51.

Помимо Московского великого княжества крымские ханы поддерживали дипломатические отношения и с другими русскими княжествами до момента их поглощения Москвой. К ним относится прежде всего Рязанское княжество. В ноябре 1491 г. на Русь приехали крымские гонцы с письмами, в одном из которых Менгли-Гирей уведомлял Ивана III о своих связях с Рязанью, куда он отправил своего человека Шемердена¹. В материалах московского посольства в Крым от марта 1492 г. (И. А. Лобана-Колычева) упоминается о миссии ханского человека Шемердена к великому князю рязанскому, «сестричию» московского великого князя². Это посольство относится, таким образом, к 1491 г. Скорее всего, оно было не первым. В ряде случаев московские великие князья обращались к рязанским для оказания помощи в проводах послов и гонцов в Крым через рязанские земли³.

В начале XVI в., после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой Орды, началось медленное усиление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х гг. сложился союз ханства с Великим княжеством Литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг.

Крымские ханы зачастую вели достаточно независимую от османов политику, поддерживая дипломатические и торговые отношения с государствами — противниками Османской империи⁴.

Например, в конце XV — XVI в. важным внешнеполитическим партнером ханства был мамлюкский Египет. Крымские связи с Египтом, безусловно, имели своим истоком тесные отношения Египта с Золотой Ордой. В конце апреля 1491 г. в Москву прибыл некий молла Багаутдин с грамотой Менгли-Гирея, в которой хан писал Ивану III: «Мисюрской салтан⁵ ко мне, к брату к твоему, прислал с своим человеком: яз у отца у твоего Ази-Гирея царя лице есми его видел и хлеб есми его ел; Бог нас так на Мисюри салтаном учинил. Отец твой царь прежним салтаном с добрым с своим человеком добрые поминки присылывал; и мы, что у нас добрых коней и доброво товару и добрых сабель с золотом посылавали, есмя беспрестанно. И ты бы ко мне прислал своего доброго человека борзо, безпереводно. Какова поминка мы хотим от него, и он к нам хочет послати. Что, брат мой, нынеча ко мне прислал поминки, и яз те поминки послал к салтан Баязыту с Ямгурчеем с царевичем.

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 125–126.

² Там же. С. 139. Речь идет о племяннике Ивана III Иване Васильевиче (1467–1500) великом князе рязанском (1483–1500). Он был сыном великого князя рязанского Василия Ивановича от брака с сестрой Ивана III Анной.

³ Там же. С. 365–366. Например, в 1501 г. из Москвы для этого писали в Рязань княгине Аграфене Васильевне (жене рязанского князя Ивана Васильевича и матери последнего рязанского князя Ивана, она была дочерью друцкого князя Василия Бабиича) и дяде Ивана Ивановича князю Федору Васильевичу.

⁴ *Matuz J.* Les relations étrangères du Khanat de Crimée (XVe — XVIIIe siècles) // *Revue d'Histoire Diplomatique.* 1988. Vol. 3–4. P. 233–249.

⁵ Т. е. египетский султан (от арабского *Мыср* — Египет). Им был тогда Каит-бей (1468–1496).

И нынеча мисюрскому салтану меня брата своего в сороме не учинишь, сего Багавадын, богомолца моего, к мисюрскому салтану которые пригожие поминки от соболя, от рыбьих зубов пришлешь, ино братство свое свыше учинишь; пошлого своего молну богомолца Багавадына, того же хочю послати к мисюрскому салтану. Тебе брату моему в той стороне, что ти будет надобно, прикажешь; Бог донесет, ты брат мой, как накажешь, по твоему приказу может добыти; тот человек, мисюрского салтана человек, пришед в Кафе стоит»¹. Ясно, что активные дипломатические и торговые контакты между Крымским ханством и мамлюкским Египтом установились еще при Хаджи-Гирее. Кое-что можно сказать и о характере товарооборота: из Египта в Крым вывозились кони и оружие. Крымские купцы-«ордобазарцы», как писал в Москву Менгли-Гирей, «и в Аземе, и в Мисюр, и в Шам, и в Рим (т. е. в Иран-Аджем, Египет, Сирию (Дамаск) и в Рум—Европейскую Турцию. — *Авт.*) ходят»². Египетские посланцы и купцы прибывали в османское Кефе, а значит, крымско-египетские связи были хорошо известны османам. Некоторые крымцы покупали в Египте товары по заказу из Москвы: так, некий Чабак купил для московского великого князя Василия аргамака за 100 золотых³. Менгли-Гирей предлагал Ивану в обмен на «поминки» для египетского султана (соболя и рыбий зуб, т. е. моржовый клык) заказать что-либо в Египте молле Багаутдину. В мае 1491 г. Менгли-Гирей просит отпустить Багаутдина из Москвы в Египет побыстрее, ибо «товарищи его борзо едут»⁴.

Следствием посольства Багаутдина была ответная египетская миссия в Крым. Менгли-Гирей 5 октября 1495 г. писал в Москву следующее: «...а ныне от мисюрского салтана человек приехал, кречатов да рыба зубья просить». Для их покупки хан послал в Москву деньги через своего человека Касыма. В другой грамоте (от 8 октября) хан сообщал, что «мисюрской салтан писан и шит узорчат шатер прислал»⁵. Присылка шатров — неотъемлемая часть дипломатического этикета, дань уважения правителю. В шатрах хан устраивал пиршества и приемы, в летнее время шатер — место почти постоянного его пребывания. У крымского хана Сахиб-Гирея, например, был шатер, вероятно, присланный в подарок сефевидским шахом Исмаилом. Последний подарил Сахибу и расшитые шелком ковры, которые расстилали в торжественных случаях и на пирах перед золотым троном хана⁶.

Вероятно, вследствие крымско-египетского дипломатического обмена в библиотеке крымских ханов оказались каирские рукописи середины XV в. (сейчас они хранятся в Бахчисарайском собрании РНБ). Эти посольства совершались на фоне серьезного осmano-египетского конфликта.

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 107.

² Там же. Т. 95. С. 28, 74.

³ Там же. С. 41.

⁴ Сб. РИО. Т. 41. С. 111.

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin). S. 55.

При последнем мамлюкском султানে ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури (1501–1517) контакты продолжались. В 1508 г. брат Менгли-Гирея Ямгурчи (которого после совершенного хаджа стали называть Хаджи) просил у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет. Египетский поход Селима Явуза (1517 г.) положил конец связям двух государств¹.

Другим заклятым врагом османов, с которым тем не менее крымские ханы поддерживали тесные контакты, был сефевидский Иран.

Уже Менгли-Гирей имел дипломатические отношения с предшественниками сефевидов — государством Ак-Коюнлу: имеются сведения о крымском посольстве (не позднее 1490 г.) в Тебриз к султану Якубу ибн Узун-Хасану (1478–1490)². Тебриз и в целом Восточный Азербайджан еще в XIV в. были яблоком раздора между Золотой Ордой и ильханами.

Возможно, что именно под влиянием сефевидской канцелярии в крымской делопроизводственной практике появилась миндалевидная печать³. Отношения с Ираном в Крыму всегда были окрашены в антиосманские тона, поэтому иранские симпатии особенно хорошо заметны у тех ханов, которые старались вести независимую политику и отделяли себя от османского влияния как в политическом, так и культурном смысле. Так, уже сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей, по отзывам окружения, явно испытывал наклонности к общению с шиитами.

До начала в 1578 г. осmano-сефевидской войны Крымское ханство и сефевидский Иран в европейской дипломатии рассматривались как потенциальные союзники антиосманской лиги христианских государств. Насколько реальны были эти представления, мы пока не знаем. Вскоре персидская сторона с помощью возможных династических союзов с Гиреями стала стремиться ослабить зависимость ханства от Османской империи. Во время войны в руки персов попал калга Адиль-Гирей, а потом и его младший брат Гази-Гирей. Шах готов был отпустить Адиля в обмен на заключение с Крымом союза, скрепленного брачными узами, однако вследствие интриг калга был казнен. Гази-Гирея готовили в Иране к династическому браку и даже хотели назначить правителем Ширвана. Этот план также не удался, Гази-Гирей бежал из плена, а в 1588 г. занял крымский престол. Наконец, в 1620-х гг. в крымской политике снова проявилась ориентация на сефевидский Иран как противовес усиливавшейся зависимости от Стамбула. Представители династии братья Мехмед-Гирей и Шахин-Гирей принимали участие

¹ *Зайцев И. В.* К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV — начало XVI в.) // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII в. Третья междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. Москва, 19–21 октября 2006 г.: Тезисы докл. М., 2006. С. 49–51.

² Сб. РИО. Т. 41. С. 106.

³ *Иваникс М.* Крымско-татарско-иранские связи в XVI–XVII вв. // Великий Волжский путь. Материалы III этапа Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь». Казань, 3–14 августа 2003 г. Казань, 2004. Ч. II. С. 28.

в анатолийском восстании против османов в начале XVII в., но были прощены в 1610 г. и заняли в ханстве высокие посты. Проиграв борьбу за власть, Шахин-Гирей вскоре бежал к Аббасу I и сражался на его стороне против османов и своих же собратьев, которые принимали участие в османо-сефевидской войне. В 1623 г. Мехмед-Гирей стал ханом и назначил брата на пост калги. Шахин-Гирей вел открытую антиосманскую политику и даже на время захватил Каффу, а в 1625 г. отказался от участия в османском походе на Иран. Впрочем, этот эпизод так и остался эпизодом, и вскоре империя продолжила использовать крымских татар в войнах против Ирана в Закавказье. Так, например, в 1638 г. султан Мурад послал из Каффы в Эрзурум к Кенан-паше 500 крымских татар для участия в походе на Ереван¹.

Таким образом, после падения Большой Орды вплоть до середины XVI в. отношения между тюрко-татарскими государствами определялись в основном борьбой между Крымским ханством и Ногайской ордой, в сферу влияния которой попала Астрахань. Крым и ногаи боролись за влияние и в Казани, где их соперником выступала Москва. Однако ситуация резко изменилась после падения Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского в 1556 г. Крымское ханство и Московское государство, которое, воспользовавшись крымско-ногайскими противоречиями, привлекло на свою сторону ногаев, остались главными и основными игроками за передел золотоордынского наследия. После присоединения Нижнего и Среднего Поволжья к Русскому государству начался новый период русско-крымских отношений, приобретающий формы открытой военной конфронтации (вторжения 1571, 1572, 1592 гг.). Однако династический кризис в Крыму 1577–1588 гг. позволил Русскому государству усилить свои позиции в Дешт-и Кипчаке и на Кавказе и создавать непосредственную угрозу Крымскому ханству, что нашло свое отражение в пребывании претендентов на крымский престол в Русском государстве. В этих условиях после завершения династического кризиса в Крыму хан Гази-Гирей II вынужден был перейти к курсу на мирное соглашение с Москвой, что было закреплено в договоре 1594 г.

§ 3. Русско-крымские отношения в XVI в.

А. В. Виноградов

Отношения с Крымом являлись важной составляющей внешней политики Русского государства с последней четверти XV столетия. Первоначально эти отношения носили характер военно-политического союза, однако он не имел долговременной перспективы. Интересы Крымского ханства, выступавшего в качестве основного претендента на собирание «осколков» Золотой Орды, т. е. на господство в восточной (заволжской) части Дешт-и Кипчака, и Русского государства, утверждавшего

¹ *Канакерци З.* Хроника / пер. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969. С. 119–120, 123. Едва ли сотня из них в результате спаслась.

свое господство в том же регионе, неизбежно должны были прийти в столкновение. После ухода в начале XVI в. с исторической арены основного общего геополитического противника — Большой Орды наступил период русско-крымской конфронтации, продолжавшийся в разных формах почти три столетия. Конфронтация нарастала постепенно, но приняла острые формы в начале 20-х гг. XVI в. Это был период наибольшего усиления Крыма, апофеозом которого стал кратковременный захват Астрахани ханом Мухаммед-Гиреем I.

В дальнейшем на протяжении всего XVI в. всплески военно-политической активности Крыма сменялись периодами ее спада, что было связано как с внутриполитической нестабильностью, так и с политикой Порты, в орбите политического влияния которой Крым находился с 70-х гг. XV в. Тем не менее при всех поворотах крымской политики отношения с Русским государством оставались неизменно враждебными. Намечавшееся время от времени сближение сторон не носило долговременного характера, а было продиктовано складывающейся в тот момент в Восточной Европе геополитической ситуацией.

Прежде всего для Русского государства Крым являлся фактором перманентной военной угрозы, поскольку Крымское ханство на протяжении всего XVI в. проводило политику так называемой «набеговой агрессии»¹. Это выражалось в практически ежегодных крымских нападениях на южные территории Русского государства. Нападения имели целью захват военной добычи, в первую очередь, «полоняников», доходы от торговли которыми являлись одним из средств существования крымских татар. При этом формально между двумя государствами сохранялись «мирные» отношения и осуществлялись регулярные дипломатические связи. Это объяснялось тем, что помимо военной добычи вторым источником доходов и для крымских ханов из династии Гиреев, и для всей крымской знати являлось регулярное поступление из Москвы так называемых «поминок» и «жалований» — формально добровольных «посольских даров» и «жалований за службу». Они имели своей целью установление «доброего дела» между двумя государствами, что выражалось в присылке денег, оружия, доспехов, драгоценностей и особенно шуб в качестве компенсации за отказ от крупномасштабных нападений и удержание подданных от самостоятельных набегов (так называемых беш-башей) на Русское государство. Интенсивность нападений была различной и зависела как от изменений в системе межгосударственных отношений в Восточной Европе, так и от многочисленных династических кризисов в Крыму. Большинство крымских нападений осуществлялось в периоды многочисленных русско-литовских, затем русско-польско-литовских войн XV–XVII вв. Между Крымом и Польско-Литовским государством (с 1569 г. — Речь Посполитая) с начала XVI в. существовали союзнические отношения, что не исключало крымских нападений на польско-литовские «украины». При этом отказ от нападений на Польско-Литовское государство

¹ Точка зрения автора о крымских набеггах изложена в ряде работ, напр.: *Виноградов А. В., Санин Г. А.* Крымских ханов набегги // БРЭ. М., 2010. Т. 16. С. 163–165.

обуславливался присылкой польскими королями крымским ханам «упоминок» — «добровольных посольских даров», аналогичных присылаемым из Москвы. По определению С. М. Соловьева, речь шла о своеобразном «крымском аукционе». Предполагалось, что хан пойдет на ту страну, которая пришлет меньшее количество «подарков».

С 20-х гг. XVI в. Крым стал проявлять беспокойство из-за усиления позиций Москвы в Восточной Европе, поэтому наряду с ежегодными нападениями начались крупноформатные походы во главе с правящими ханами в центральные области Русского государства с требованиями материального (резкое увеличение «поминок») и политического (отказ от борьбы за установление политического контроля над Казанью и Астраханью) характера. Это были походы 1521, 1541, 1552 гг.

Следует подчеркнуть, что реальной целью крымских походов в течение XVI столетия было не «установление нового ига» — полного политического контроля над Русским государством, а водворение представителей династии Гиреев в Астрахани и Казани¹. Таким образом, Крым претендовал на роль «законного наследника» Золотой Орды, что влекло за собой резкое увеличение «материальных требований» к Москве уже не в форме «добровольных посольских даров», а ежегодной присылки так называемых «запросных денег», по оценке русских дипломатических представителей в Крыму — фактического ордынского «выхода». По мере усиления Русского государства возрастала заинтересованность Османской империи в крымских нападениях на Россию как в основной форме военно-политического давления. С возобновлением в начале 60-х гг. XVI в. в ходе Ливонской войны открытой военной конфронтации между Русским и Польско-Литовским государствами произошла активизация усилий польско-литовской дипломатии по ориентированию крымских нападений на Россию. Тем не менее обострение русско-крымской конфронтации с 50-х гг. XVI в. было вызвано прежде всего геополитическими причинами — переходом под контроль Москвы Среднего и Нижнего Поволжья, что повлекло за собой резкое усиление русских позиций в западной части Дешт-и Кипчака.

В целом первая половина XVI в. ознаменовалась неуклонным ростом крымских нападений на Русское государство. Регулярные набеги начались в последние годы третьего правления хана Менгли-Гирея I (1478/1479 — 1515) и были связаны с изменением геополитической ситуации в Восточной Европе: окончательным падением Большой Орды и обозначившимся стремлением хана к захвату Астраханского ханства, что вело к постепенному отказу от добрососедских отношений с Москвой. Первый крымский набег на южные области Русского государства состоялся летом 1507 г. В 1512 г. произошло первое крупноформатное нападение под предводительством ханских сыновей, затронувшее практически весь юг Русского государства (города Белёв, Брянск, Воротыньск, Одоев, Путивль, Рязань, Стародуб).

¹ Гиреи имели неоспоримые династические права на оба этих «юрта».

В правление Мухаммед-Гирея I (1515–1521), после непродолжительного периода относительно мирных отношений с Москвой (до 1520 г.), крымские нападения возобновились. Толчком к конфронтации стал отказ Москвы поддерживать планы хана по захвату Астраханского ханства и водворению Гиреев на казанском престоле. В 1520 г. Мухаммед-Гирей I заключил союзный договор с Великим княжеством Литовским и Польшей. В 1521 г., после водворения брата Мухаммед-Гирея I Сахиб-Гирея на казанском престоле, последовал грандиозный крымский поход на Москву с участием казанцев, так называемый «крымский смерч», который привел к разорению центральных областей Русского государства (в том числе посадов Тулы, Коломны и др.). Татары, преодолев Оку, не дошли около 2 км до Москвы и, разорив село Воробьево, повернули назад. Мухаммед-Гирей I предъявил Василию III ультиматум, содержащий требования не только ежегодной присылки «поминок» как фактического ордынского «выхода», но и согласия на подчинение Крыму Казанского и Астраханского ханств. В 1522–1523 гг. Мухаммед-Гирей I захватил Хаджи-Тархан, но это привело к образованию антикрымской коалиции ногайских мурз при активной поддержке московской дипломатии. Хан был убит около Хаджи-Тархана вместе с сыном Бахадур-Гиреем, провозглашенным им астраханским ханом, в ходе успешного нападения ногаев на его ставку. Татары были разгромлены, уцелевшие ханские сыновья бежали в Крым, преследуемые ногаями. В 1524 г. ногаи опустошили Крымский полуостров. Эти события на время снизили внешнеполитическую активность его ханов и усилили турецкое господство над Крымским ханством¹.

В правление хана Сеадет-Гирея I (1524–1532) в связи с ослаблением Крымского ханства набеговая активность татар снизилась. Однако в 1530 г. было совершено крупное нападение на «рязанские места».

В 1532–1537 гг., после отречения Сеадет-Гирея, в Крыму началась длительная борьба за престол между ханами Ислам-Гиреем I и Сахиб-Гиреем I². Оба Гирея стремились в равной степени заручиться поддержкой Москвы и Польско-Литовского государства. Первоначально Москва признала ханом Сахиб-Гирея, следствием чего явился крупный поход Ислам-Гирея I на Русское государство в 1533 г. Татары нанесли серьезный урон многим областям, но не смогли преодолеть Оку. В 1534 г. русскому правительству удалось достигнуть мирного соглашения с Ислам-Гиреем I, однако уже в августе 1534 г., в разгар русско-литовской войны 1534–1537 гг., последовал крымский набег на Переяславль-Рязанский. И Ислам-Гирей I, и Сахиб-Гирей I в условиях русско-литовской войны нападали как на территорию Русского государства, так и на литовскую территорию, перекаладывая ответственность за эти нападения друг на друга.

В 1537 г., после гибели Ислам-Гирея I, Сахиб-Гирей окончательно утвердился на крымском престоле (до 1551 г.). В этот период его отношения с Москвой

¹ О событиях 1523–1524 гг. см.: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 90–97; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13: 2-я пол. С. 43; М., 1965. Т. 20. С. 146.

² О борьбе Сеадет-Гирея и Ислам-Гирея см.: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 106.

оставались резко враждебными. Кульминацией русско-крымской конфронтации стал поход под предводительством хана на Москву в 1541 г., когда татары с большим трудом были остановлены на реке Оке. Несмотря на временное урегулирование русско-крымских отношений в 1542 г., набеги продолжались в течение всех 1540-х гг., причем главным образом на «рязанские места». Однако крупных походов непосредственно в центральные области Русского государства во главе с ханом не было, так как Сахиб-Гирей предпринял в 1546 г. очередную попытку захвата Астраханского ханства, вылившуюся в затяжной военный конфликт Крыма с Ногайской ордой (до 1549 г.).

По мере усиления русско-крымской конфронтации Москва, наряду с принятием военных мер по обороне южных рубежей страны, стремилась предотвратить крымские нападения дипломатическим путем, но эти меры не приносили ощутимого результата. Традиция заключения русско-крымских договоров, формально устанавливающих союзнические отношения между двумя государствами и закрепленных принесением шерти крымскими ханами и крестоцелованием московских государей, сохранялась на протяжении всего XVI в. Однако ни один из многочисленных договорных актов, разрабатываемых обеими сторонами, так и не был введен в действие. Русско-крымский договор 1518 г., утвержденный шертью хана Мухаммед-Гирея I, был сорван уже в 1519–1520 гг., после отказа Москвы предоставить военную помощь в походе на Астрахань, следствием чего явилось крымское нападение на Русское государство в 1521 г. Хан Сеадет-Гирей I шертовал два раза: 18 февраля 1525 г. перед послом И. Колычевым, в ноябре 1530 г. перед послом С. Злобиным. Оба договорных акта не были введены в действие. В период «двоецарствия» 1532–1537 гг. о заключении договора велись переговоры с ханом Ислам-Гиреем I, но до принесения им шерти дело так и не дошло. Хан Сахиб-Гирей после долгих и изнурительных переговоров с различными московскими посольствами шертовал в 1539 г. перед послом И. Б. Федцовым, но с изменением согласованного сторонами текста противней. Крымский текст содержал обязательства Москвы по ежегодным выплатам «поминок» в Крым и распространению выплат на казанского хана Сафа-Гирея. В результате договор был сорван. Десятилетний период после крымского нападения 1541 г., вплоть до смещения Портой хана Сахиб-Гирея в начале 1551 г., ознаменовался фактическим отказом обеих сторон от заключения договорных актов.

Восшествие на престол Девлет-Гирея I (1551–1577) в разгар борьбы Русского государства за овладение Казанским ханством, как известно, сделало нейтрализацию военно-политической угрозы со стороны Крыма одной из главнейших задач дипломатии царя Ивана Грозного.

50-е гг. XVI в. стали очередным поворотным моментом истории русско-крымских отношений. Обозначившееся проникновение Москвы на Северный Кавказ и установление фактического протектората над Большой Ногайской ордой создавали серьезную угрозу зоне геополитической безопасности Крымского ханства. Падение Казанского, а затем Астраханского ханств сделало новый виток русско-крымской конфронтации необратимым.

Крупномасштабные крымские нападения имели место уже на завершающем этапе казанских походов царя Ивана Грозного. В частности, казанский поход 1552 г. происходил в условиях крупного крымского нападения, сорванного благодаря своевременному сосредоточению русских военных сил на южных рубежах.

После водворения Москвы в низовьях Волги ситуация в русско-крымских отношениях еще более обострилась. Помимо установления контроля над торговыми путями из Крыма в Среднюю Азию и резко возросших возможностей влияния на ситуацию в Большой Ногайской орде, Москва захватила государственное образование, давно являвшееся объектом крымской экспансии. От претензий на «астраханский юрт» крымские ханы не отказывались на протяжении всего XVI в.

В середине 1550-х гг. военно-политическая конфронтация Москвы и Бахчисарая приняла характер крупномасштабных военных действий. Летом 1555 г. Иван Грозный двинул непосредственно «под Крым» рать под командованием И. В. Шереметева, Л. А. Салтыкова и А. Д. Басманова. Предполагалось разорение мангытского улуса в «промыслити над стада крымские»¹. В походе участвовали значительные силы — до 16 тыс. человек. Русская рать столкнулась сдвигающейся ей навстречу ордой во главе с ханом Девлет-Гиреем I. 3–4 июля 1555 г. произошло сражение при Судьбищах, одно из самых крупных в XVI в. наряду с Молодинским сражением 1572 г. и битвой под Москвой 1591 г. Хотя русская рать и потерпела поражение, она сумела избежать полного разгрома. К этому времени было произведено сосредоточение военных сил во главе с царем Иваном Грозным, и Девлет-Гирей I вынужден был повернуть назад.

Для борьбы с крымскими нападениями правительство царя Ивана Грозного с 60-х гг. XVI в., помимо традиционного ежегодного сбора войск на рубежах реки Оки, начало строительство так называемых засечных черт — фортификационных сооружений в местах традиционного движения татар в центральные области Русского государства. Кроме того, Москва сама начала политику военно-политического давления на Крым. В 1556–1559 гг. осуществлялись скоординированные наступательные действия против Крымского ханства приднепровских казаков и русских военных отрядов, главным образом со стороны Днепра. Однако необходимость сосредоточить военные силы на театре Ливонской войны 1558–1583 гг. заставила Ивана Грозного отказаться от конфронтации с Крымом. Это открывало перед Девлет-Гиреем I возможность реванша.

Тем не менее хан с готовностью пошел на переговоры с Москвой. Кризис в русско-крымских отношениях, начавшийся еще в начале 40-х гг. XVI в. и обострившийся после 1551 г., привел к фактическому прекращению русско-крымских дипломатических связей на рубеже 1550–1560-х гг. Это вело к сокращению поступления из Москвы «поминок» и «жалований», которые в значительном объеме отправлялись только с большими послами, перед которыми ставилась задача заключения очередного мирного договора. Восстановление в полном объеме дипломатических связей отвечало интересам и хана, и крымской знати. Между тем по

мере отказа правительства Ивана IV от конфронтации с Крымом, в условиях неизбежного вступления в Ливонскую войну Польско-Литовского государства, все больше внимание царя привлекала мысль обезопасить южные рубежи страны от крымских нападений заключением очередного «докончания» с крымским ханом.

Такая задача была поставлена перед посольством А. Ф. Нагого, двинувшимся в Крым из Путивля в мае 1563 г., и была частично им реализована. Процесс подготовки договора с ханом Девлет-Гиреем I в 1563–1567 гг. проистекал в условиях непрерывного военно-политического давления Крыма на Русское государство, и в конечном итоге договор «в лучших традициях» двусторонних связей, утвержденный шертью хана 2 января 1564 г., не был введен в действие. 18 марта 1564 г. в Москве Иван Грозный целовал крест на русском противне договора. Сразу выяснилось, что договор нуждается в повторном принесении шерти ханом с учетом несовпадения формулировок относительно союза против «литовского короля». Отправленный с этой целью в Крым посланник Ф. А. Писемский вместе с А. Ф. Нагим эту задачу выполнить не смогли, и процесс доработки договора к 1565 г. был приостановлен. В дальнейшем хан пытался навязать несогласованный текст силой, причем стремился придать ему окончательный характер. Это имело место на аудиенции русским послам 16 июля 1566 г. В конечном итоге договор 1564 г., даже в урезанном варианте, фактически был отменен крымской стороной в конце 1567 г. — начале 1568 г., хотя формально и в посланиях к Ивану Грозному, и при аудиенциях русских послов речь шла только о «порушении доброго дела». Переговоры с А. Ф. Нагим и Ф. А. Писемским в Крыму прерывались на время выступления хана в очередной поход против Русского государства, когда послы брались под фактический арест.

С начала 1560-х гг. крымские нападения приняли характер крупномасштабных вторжений, охватывавших значительные территории южных областей Русского государства и угрожавших непосредственно Москве, что в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта с Польско-Литовским государством могло иметь крайне тяжелые последствия. Крымские нападения под непосредственным командованием хана Девлет-Гирея I имели место в 1562, 1564 и 1565 гг. Затем, после непродолжительного затишья, вызванного участием татар в войне османов с Габсбургами, в конце 1560-х гг. наступил период военно-политической конфронтации Крыма и Русского государства.

На рубеже 60–70-х гг. XVI столетия противоречия между Москвой и Бахчисараем вновь резко усилились. Хан Девлет-Гирей I, который и так был обеспокоен переходом под контроль Москвы всего Волжского пути, столкнулся с усилением русского влияния на Кавказе. Серьезную проблему для крымского хана создала постройка по просьбе тестя Ивана Грозного, кабардинского князя Темрюка Идарова, в 1567 г. так называемого русского городка на Тереке (точнее, в устье реки Сунжи — притока Терека) — опорного пункта Москвы на Кавказе. Он перекрывал пути сообщений Крыма через Северный Кавказ со Средней Азией. Союзные отношения Москвы с Кабардой давно уже вызвали раздражение в Бахчисарае. После 1567 г. начались регулярные походы крымцев на князя Темрюка и его союзников,

кульминацией которых стало нашествие ханского сына Адиль-Гирея 1570 г., завершившееся поражением Темрюка в битве на реке Ахуспе.

Ситуация в русско-крымских отношениях осложнялась тем, что обеспокоенность усилением Москвы на Кавказе проявила и Османская Порта, следствием чего явилась Астраханская экспедиция 1569 г., в которой участвовал и крымский хан. Провал похода не исключал возможности его повтора, следствием чего неизбежно стало бы ужесточение османского контроля над Крымом. Содействие крымских ханов организации нового похода было необходимо османам, но в то же время Порта исключала возможность водворения Гиреев «на астраханском юрте». Отсюда явное нежелание хана перехода Астрахани в руки османов, что проявилось в походе 1569 г. Стремясь избежать конфликта с султаном, что могло повлечь за собой его смещение с престола, хан Девлет-Гирей I предложил Порте организовать крупномасштабный поход в центральные области Русского государства, чему должно было предшествовать выдвижение ультимативных требований Ивану Грозному.

Дипломатическим путем предотвратить угрозу крымского нападения было уже невозможно, к 1567 г. были окончательно прекращены шедшие с 1563 г. переговоры русского посла А. Ф. Нагого с крымцами о возможности русско-крымского мирного соглашения. Крымская сторона помимо «уступки» Астрахани и Казани выдвинула требование сноса городка на Тереке, которое было отвергнуто. Иван Грозный проявил принципиальность, так как в 1570 г. было достигнуто русско-польско-литовское соглашение о перемирии, что лишило возможности Девлет-Гирея I шантажировать Москву угрозой заключения союза Крыма с Речью Посполитой в случае начала крупноформатных вооруженных действий в Ливонии и на западных рубежах Русского государства. Однако отклонение ультимативных крымских требований не сопровождалось в полной мере подготовкой к отражению неизбежного крымского нападения.

В 1571 г. Девлет-Гирей I совершил крупномасштабный поход на Русское государство, ознаменовавшийся прорывом крымцев непосредственно к Москве. Это нашествие повлекло за собой, помимо страшного пожара Москвы (24 мая 1571 г.) и разорения центральных областей государства, серьезные внешнеполитические последствия. Успешные действия крымской орды дали возможность хану предъявить фактический ультиматум Ивану Грозному в июне 1571 г., суть которого заключалась в принципиальном признании Русским государством крымских претензий на Казань и Астрахань. Тем самым перечеркивались достижения всех лет правления Ивана Грозного на восточном направлении внешней политики Русского государства.

Иван Грозный согласился признать крымские притязания на территорию бывшего Астраханского ханства, проигнорировав претензии на Казань. Однако реальные условия и сроки передачи Астрахани Иван Грозный затягивал на неопределенный срок — до нового «посольского размена». При этом с передачей Астрахани Иван Васильевич увязывал заключение долговременного военного русско-крымского союза, направленного против Речи Посполитой. Кроме того, саму передачу Астрахани крымским Гиреям Иван Грозный представлял как создание некоего

полностью подконтрольного Москве государственного образования, аналогичного Касимовскому царству. Предполагалось, что правитель восстановленного «астроханского юрта» будет назначен московским государем по представлению крымского хана. В Астрахани по-прежнему находились бы русские воеводы со «служилыми людьми». Но для Девлет-Гирея I это было абсолютно неприемлемо. Хан рассчитывал получить согласие Порты на водворение в Астрахани одного из своих сыновей, естественно, при условии создания там сильной османской крепости, контролирующей устье Волги, что по понятным причинам было также абсолютно неприемлемо для Ивана IV. Тем не менее осенью 1571 г. хан в своем послании султану представил дело как безусловное согласие Ивана Грозного «на уступку Астрахани».

Недостаточность уступок Ивана Грозного, с точки зрения крымской стороны, и эскалация новых ханских требований проявились в фактическом провале русско-крымских переговоров в декабре 1571 г. — феврале 1572 г. Ответом крымской стороны неизбежно должен был стать новый поход Девлет-Гирея I на Москву. Летом 1572 г. произошло самое крупное в XVI в. полевое сражение вооруженных сил Русского государства с крымцами — битва при Молодях¹.

Разгром крымской орды 2–3 августа 1572 г. при Молодях имел серьезные последствия не только для русско-крымских отношений, но и для общего внешнеполитического положения Русского государства. Крымское ханство, понесшее серьезные потери, было выведено из активного участия в военно-политических конфликтах в Восточной Европе, в первую очередь в дальнейшем ходе Ливонской войны. Поражение при Молодях в значительной степени ослабило авторитет хана Девлет-Гирея и стимулировало начавшуюся после его смерти в 1577 г. «ссору великую в Крымском юрте» (династический кризис Гиреев 1577–1588 гг.) — борьбу за престол между его сыновьями и внуками, которая была активно использована московской дипломатией. Были созданы благоприятные условия для окончательного закрепления присоединения территорий Среднего Поволжья. Крым не имел возможности оказывать военно-политическую поддержку начавшемуся там восстанию — «второй черемисской войне». Наконец, создались условия для окончательного установления протектората Русского государства над Большой Ногайской ордой.

В правление хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) русско-крымские отношения стабилизировались. Крым отказался от союза с Речью Посполитой, и в самые тяжелые для Русского государства годы Ливонской войны (1579–1582) крымские татары были заняты в военных действиях османов против Сефевидов на Кавказе.

После смещения и убийства в начале 1584 г. хана Мухаммед-Гирея II на крымский престол был посажен Ислам-Гирей II (до 1588 г.). Однако уже через несколько месяцев он был изгнан из Бахчисарая сыновьями погибшего хана — Сеа-

дет-Гиреем, Мурад-Гиреем и Сафа-Гиреем. Сеадет-Гирей II удерживал престол

¹ О битве при Молодях: *Виноградов А. В., Малов А. В.* Сошлись две рати. Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // *Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени.* М., 2011. Вып. 2. С. 194–244.

только полтора месяца, а затем был изгнан османскими войсками. Однако мятежные Гирейи, отступив со своими сторонниками из Крыма, намеревались продолжать борьбу за престол при поддержке Москвы. Сеадет-Гирей II по инициативе Б. Ф. Годунова стал «законным царем», для чего в Москву был послан его брат Мурад-Гирей. В июле 1586 г. он был отправлен русским правительством в Астрахань, где предполагалось создать базу для его вторжения в Крым¹.

С началом реализации в 1586 г. «астраханского проекта» — отправления в Астрахань Мурад-Гирея и последовавшего за этим восстановления «городка на Терек» — позиции Москвы на Кавказе усилились. Одновременно было осуществлено приведение к шерти царевичем мурз Большой Ногайской орды и частично «Казыева улуса». Это уже явилось созданием условий для организации вторжения непосредственно в Крым сил, находящихся под контролем русского правительства.

Для хана Ислам-Гирея II ситуация усложнялась невозможностью противопоставить военно-политическому давлению на Крым со стороны Русского государства антимосковское соглашение с Речью Посполитой в условиях «третьего бескоролья» 1586–1588 гг., что подкреплялось, помимо всего прочего, новым периодом усиления антикрымских операций приднепровского казачества.

Однако после смерти в 1587 г. «законного» хана Сеадет-Гирея II Б. Ф. Годунов от планов поддержки вторжения его братьев в Крым, судя по всему, отказался. Мурад-Гирей оставался в Астрахани.

В начале 1588 г., после внезапной смерти хана Ислам-Гирея II, в Крыму водворился прибывший туда из Стамбула Гази-Гирей. Его целями были консолидация Крымского ханства и восстановление политического влияния Бахчисарая в причерноморской степной зоне. Частично это было достигнуто уже весной 1588 г., когда в Крым вернулся Сафа-Гирей с большой группой сторонников из числа крымской знати. Однако Мурад-Гирей в Крым возвращаться отказался.

Все это побудило хана Гази-Гирея II взять курс на установление добрососедских отношений с Москвой, по крайней мере на период достижения им консолидации «Крымского юрта». Курс на восстановление военно-политического контроля Крыма над «Казыевым улусом» и частично Кавказом изначально натолкнулся на серьезное препятствие — пребывание в Астрахани Мурад-Гирея. Отказавшись от амбициозных планов посадить «царевича» на крымский престол, Москва видела в нем постоянный фактор давления на Бахчисарай. Провал в 1588–1590 гг. планов «отпуска» Мурад-Гирея в Крым побудил Гази-Гирея II прибегнуть к политике «контрдавления» — угрозой примкнуть к антимосковской коалиции Речи Посполитой и Швеции. Фактический провал этих планов, обозначившийся после заключения в Москве договора в начале 1591 г. о продлении перемирия между Русским государством и Речью Посполитой, оставлял для Гази-Гирея II только одну воз-

можность сохранения своей легитимности как правителя Крыма в условиях не-

¹ *Беляков А. В., Виноградов А. В.* Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // ТС 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 11–59.

простой династической ситуации: организацию нового крупномасштабного похода на Русское государство. Из этого не следует, что хан планировал его именно на лето 1591 г., к решению его подтолкнули стремительные изменения в династической ситуации — «потрава» в Астрахани Мурад-Гирея и угроза смещения с престола и замены одним из бежавших к султану (Алп-Гиреем или Селамет-Гиреем).

Правительство царя Федора Ивановича, возглавляемое энергичным, честолюбивым и амбициозным Борисом Федоровичем Годуновым, видевшим в ослаблении Крыма одну из своих главных внешнеполитических задач, в целом достаточно ясно представляло себе ситуацию, сложившуюся в это время в русско-крымских отношениях. Подготовка к отражению возможного крымского нападения началась весной 1591 г., причем еще до получения известий о смерти в Астрахани Мурад-Гирея, что и явилось непосредственным поводом к нападению.

Татары, преодолев Оку, были остановлены у Москвы, где русские войска заняли укрепленные позиции в районе современного Данилова монастыря. Татары вышли к Москве 4 июля 1591 г., а 5 июля состоялось ожесточенное сражение. Отбив все атаки татар, русские войска ночью атаковали ханскую ставку в районе с. Коломенское, после чего 6 июля татары беспорядочно отступили. Их арьергард был разгромлен при переправе через Оку.

Фактический провал этого самого крупного после 1572 г. нападения привел к очередному повороту крымской политики в сторону улучшения отношений с Русским государством. С осени 1591 г. по весну 1593 г. последовал ряд дипломатических маневров (двоекратный приезд в Москву личного эмиссара хана Ямгурчея-аталыка, отправление в Крым посланника С. Безобразова), которые завершились проведением осенью 1593 г. посольского съезда-размена на реке Сосне под Ливнами¹. Его проводил бек Ахмед-паша Янлавский, который шертовал перед русскими разменными послами — князьями Ф. И. Хворостининым и Б. Я. Бельским. Шерть принесли также представители основных крымских кланов. После этого посольство князя М. А. Щербатова отправилось в Крым для ведения переговоров о заключении очередного «докончания».

В апреле 1594 г. в Бахчисарае был заключен русско-крымский мирный договор. Силы Крымской орды по приказу Порты были брошены в Центральную Европу и приняли активное участие в войне с австрийскими Габсбургами. «Мирная передышка» была использована Москвой для укрепления южных рубежей страны. В течение 1590-х гг. по указам царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова были построены крепости Елец (1592 г.), Белгород и Оскол (ныне г. Старый Оскол, 1596 г.) и Царёв Борисов (1599 г.). Устраивались также новые засечные черты.

В 1596–1597 гг. в Крыму разразился очередной династический кризис: хан Гази-Гирей II был смещен Портой с престола и заменен братом Фетх-Гиреем. После

повторного захвата Гази-Гиреем II власти в Крыму в 1597 г. для поддержания сво-

¹ *Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 18–50.

его престижа в Стамбуле хан стал готовить новый поход на Москву. Однако готовящееся в 1598 г. нападение не состоялось благодаря своевременным мерам царя Бориса Годунова (так называемый Серпуховский поход 1598 г.).

Гази-Гирей II уже в 1598 г. пошел на возобновление дипломатических переговоров с Москвой на условиях регулярной присылки «поминок» и «запросных денег». В 1602 г., после очередного посольского съезда, на этот раз у Царёва-Борисова, стороны продлили действие договора 1594 г.

Вплоть до начала Смуты в Русском государстве крымские татары крупных нападений на него не осуществляли.

Достигнутое к концу XVI в. военно-политическое «равновесие» между Крымским ханством и Русским государством в западном Дешт-и Кипчаке и вообще в Восточной Европе, причем с тенденцией к установлению союзнических отношений, носило временный характер. Оно определялось необходимостью достижения внутривосточной стабильности для обеих сторон. Последовавший после вторжения в пределы Русского государства Лжедмитрия I поток событий, совпавший с началом в Крыму очередного витка династических распрей после смерти Гази-Гирея II (1607/1608 гг.), привел к новому конфронтационному периоду в русско-крымских отношениях. Период Смуты ознаменовался очередным взлетом набеговой агрессии Крымского ханства, что имело тяжелейшие последствия для Русского государства.

§ 4. Русско-крымские отношения в Смутное время

Д. В. Лисейцев

К началу XVII в. отношения между Москвой и Бахчисараем стабилизировались, набеги татар на русские рубежи почти прекратились. Причиной тому стало усиление позиций Московского царства на степных границах при одновременном осложнении положения хана Гази-Гирея II, находившегося в конфронтации с Османской империей. В 1602 г. посольство князя Г. К. Волконского приняло шерт хана царю Борису. Более того, велись тайные трехсторонние переговоры о заключении союза между Московским государством, Крымским ханством и Священной Римской империей против Турции¹. Однако осложнение внутривосточного положения России в связи с начинавшейся Смутой вносило в отношения между Москвой и Бахчисараем серьезные коррективы. Посольство князя Ф. П. Барятинского весной 1604 г. выдворили из Крыма «без дела», возникла угроза набега

¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 37–42; РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымским ханством). Оп. 1. Д. 2 (1604 г.). Л. 27; Лисейцев Д. В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // ТС 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 240–245.

крымских татар, началась концентрация русских войск на южном рубеже. Находившийся в Речи Посполитой Лжедмитрий I при поддержке польско-литовской дипломатии предпринимал попытки осложнить отношения между Москвой и Бахчисараем¹. В сложившейся ситуации Гази-Гирей предпочел занять нейтральную позицию. Летом 1604 г. он отправил в Москву гонца Ян-Ахмет-челибея (задержанного в России на два года); присланного к нему в начале 1605 г. гонца от Лжедмитрия Константина Ширкова хан также задержал, отпустив его в Москву только после воцарения самозванца².

Правительство Лжедмитрия I, вопреки бытующему в историографии мнению, не собиралось менять внешнеполитический курс в отношениях с Гази-Гиреем. Сообщения ряда источников о намерении Лжедмитрия завоевать Крым и отправлении им в Бахчисарай оскорбительных даров из свиных шкур³ действительности не соответствуют. Новый царь стремился сохранить мирные отношения с Крымским ханством, что неоднократно подчеркивалось на переговорах с гонцом Ян-Ахмет-челибеем и нашло отражение в наказе посланнику в Крым Афанасию Мелентьеву (ездил в Крым дважды — в сентябре 1605 г. и апреле 1606 г.). Достоинно приняли в Москве в январе 1606 г. и ханского гонца Аллаша Богатыря. Целью военных приготовлений самозванца на южных рубежах было не Крымское ханство, а турецкая крепость Азов⁴.

Гибель Лжедмитрия I и последовавшее за ней углубление внутривосточного кризиса сказались на отношениях Москвы и Бахчисарая. О совместных действиях против Османской империи речи идти уже не могло. Приходилось учитывать и предпринимавшие польским и шведским правительствами попытки во-

влечь крымских татар в борьбу против Русского государства. Впрочем, до конца

¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 26. Л. 77–77 об.; Сб. РИО. М., 1912 г. Т. 137. С. 179.

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1604 г.). Л. 1, 2, 5, 6, 27, 40; Д. 2 (1606 г.). Л. 3; Biblioteka Czartoryskich. Teki Naruszewicza. T. 100. № 40. S. 220.

³ *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 53, 56, 105; *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 20; Новый летописец // Там же. С. 307; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 113–114; см. также: *Floria B. Rokosz Sandomierski a Dymitr Samozwaniec // Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1981. Т. XXVI. S. 69–81; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 48–49; *Лаврентьев А. В.* Царевич-Царь-Цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 21–23, 120, 124, 125, 128; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 2. С. 27.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1606 г.). Л. 2, 5, 8, 10–11; Д. 2 (1606 г.). Л. 1, 9, 10; *Лисейцев Д. В.* Северное Причерноморье в геостратегических планах Московского государства начала XVII в.: собирался ли Дмитрий Самозванец завоевывать Крым? // Проблемы истории Новороссии. М., 2015. С. 36–44.

1607 г. татарские отряды в большей степени разоряли владения Речи Посполитой, нежели русские земли¹. Правительство же Василия Шуйского на первых порах ставило задачей обеспечить невмешательство Крыма в ход гражданской войны в России. Летом 1606 г. в Бахчисарай отбыло посольство А. Воейкова, принятое Газигиреем «любительно». Получив официальное уведомление о воцарении Василия Шуйского, хан отпустил в Москву миссию А. Мелентьева в сопровождении гонца Хедир-улана, предложившего царю Василию военный союз против царских недругов. Эти дипломаты благополучно добрались до Москвы. Посольству А. Воейкова повезло меньше — на обратном пути под Валушкой его уничтожили люди самозваного царевича Петра. В плену оказались и ханские гонцы Сеит-гази и Ахмет-калифа². Узнав о гибели посольства А. Воейкова, в Москве подготовили новую миссию в Крым. Весной 1607 г. в Бахчисарай отбыл гонец Степан Ушаков, имевший предписание препятствовать выступлению крымских отрядов на стороне противников Василия Шуйского. Одновременно следовало отклонить и возможное предложение хана отправить своих людей на помощь Русскому государству. С. Ушаков вернулся в Москву, вероятно, в сентябре 1607 г. в сопровождении ханского посланника Сефери, в конце того же года в Москве оказались гонцы Сеит-гази и Ахмет-калифа³.

Осложнение положения правительства Василия IV из-за появления на политической арене Лжедмитрия II заставило Посольский приказ изменить политическую линию в отношениях с Крымским ханством: направленный в 1608 г. в Крым посланник Степан Звягин просил у хана помощи в борьбе со сторонниками Тушинского вора, и уже летом 1608 г. крымские отряды действовали в рязанских землях против врагов царя Василия. Летом 1609 г. на помощь Василию Шуйскому явились более крупные татарские отряды под предводительством Богатырь-Гирея Дивеева. На переговоры к нему отправили боярина князя И. М. Воротынского; стороны договорились об уплате татарской стороне 30 тыс. рублей одномоментно и по 20 тыс. рублей в год в дальнейшем. Впрочем, реальной помощи Василию Шуйскому татары не оказали, уйдя восвояси, когда до таборов Лжедмитрия II оставались четыре версты⁴. Московское правительство, однако, нуждалось в помощи крымских татар,

¹ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 48; *Horn M. Skutki ekonomiczne najazdów tatarskich z lat 1605–1633 na Ruś Czerwoną.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 12; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты... С. 20.

² Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. Л. 325–325 об.; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Л. 468 об.; РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. Д. 1 (1613–1617 гг.). Л. 44; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1607 г.). Л. 77; Д. 1 (1607 г.). Л. 6, 9, 20–21.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1607 г.). Л. 7, 14, 20–24, 29, 31–33, 37, 60; Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 43–43 об.; Описи... Л. 172 об., 325 об.

⁴ Описи... Л. 587 об.–588, 469–470; *Захарьина Н. С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинев, 1980. С. 134; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 98–99; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1614 г.). Л. 154–164.

и осенью 1609 г. (после вторжения в пределы страны войск Речи Посполитой) к хану Селамет-Гирею направили гонца Воина Пургасова с предложением вступить в войну против польско-литовских войск в союзе с Московским государством, Швецией и Ногайской ордой. Василий IV согласился даже пропустить крымских посланников в Швецию (они вернулись из Стокгольма в Москву в начале 1610 г.). Хан принял предложение царя Василия¹. Одновременно, впрочем, он отправил к королю Сигизмунду III посланника с заверениями в дружеских намерениях².

Весной 1610 г. Василий Шуйский отправил в Крым свое последнее посольство, возглавленное Артемием Шеншиным. Оно, в соответствии с договором 1609 г., везло в Бахчисарай денежную казну. Добраться до Крыма эта миссия не сумела — ее разгромили и ограбили ногайцы³. Тем не менее крымские отряды численностью до 40 тыс. человек под командой калги Джанибек-Гирея, Арсланмурзы Сулешева и Богатырь-Гирея Дивеева пришли в пределы России и лишь немного не успели соединиться с русско-шведской ратью под Клушино. Источники зафиксировали их столкновения с тушинцами в июле 1610 г.⁴ Низложение Василия Шуйского и заключение правительством «семибоярщины» договора с польско-литовской стороной об избрании на российский престол королевича Владислава разрушили так и не оформившуюся до конца русско-крымско-шведскую коалицию против Речи Посполитой. Контакты между Москвой и Бахчисараем прервались, и лишь предводители II Ополчения предприняли попытку восстановить союзнические отношения с Крымом⁵. Эту политическую линию продолжило в марте 1613 г. правительство Михаила Федоровича Романова, что в немалой степени способствовало выходу Русского государства из сопровождавшего Смуту внешнеполитического кризиса.

¹ Описи... Л. 326; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 1 (1610 г.). Л. 15–18; *Лисейцев Д. В.* Русско-ногайские отношения в эпоху Смуты // *Orientalistica Iuvenile*. Сборник работ молодых сотрудников и аспирантов / ИВ РАН. М., 2002. Вып. III. С. 133; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 100, 111, 580.

² *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... 62, 70–71; *Захарьина Н. С.* Русско-крымские отношения... С. 136; *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI—начале XVII в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М., 1998. Ч. 1: Главные тенденции политических взаимоотношений. С. 57.

³ Описи... Л. 326; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1611 г.). Л. 7 об.

⁴ Описи... Л. 326; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. С. 256; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 19, 55; *Новый летописец*. С. 343; *Polak W.* O Kreml i Smolenszynie. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Torun, 1995. S. 153; *Andrusiewicz A.* Dzieje wielkiej smuty. Katowice, 1999. S. 288; *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. S. 67.

⁵ РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 1. Д. 45. Л. 32–32 об.

§ 5. Крымское ханство, Речь Посполитая, украинское казачество и Русское государство в XVII в.

И. В. Зайцев

После Смуты одной из главных задач московского правительства стали обеспечение безопасности южных границ от крымских набегов и восстановление оборонительной системы на южных рубежах. Не проходило года, который не был бы отмечен нападениями татар на русские уkraine. В 1618 г. был отбит набег татар на Курск и Белгород. В 1622 г. татары разорили окрестности Тулы, Одоева, Мценска и Белёва, но под Курском вновь были разбиты. В следующем году крымские войска были разгромлены курянами под командованием И. А. Анненкова и белгородским отрядом воеводы В. Торбина. В 1624 и 1625 гг. татары совершали набеги на Белгород и оба раза были разбиты. В 1628 г. между Курском и Белгородом И. Анненков нанес татарам еще одно поражение.

С началом Смоленской войны между Россией и Польшей (1632–1634 гг.) татарские набеги еще сильнее активизировались, поскольку основная часть русских сил была задействована на западном направлении. Еще в апреле 1631 г. татары разорили окрестности Воронежа, Курска, Ельца и Рязани, а уже весной и летом 1632 г. их отряды пришли под Ливны, Мценск, Рыльск и Новосиль. В конце августа многочисленный татарский отряд был разбит воеводой И. Скорняковым-Писаревым под Лебедяню. Эти нападения, осуществляемые крымцами без одобрения Стамбула, нанесли огромный ущерб прежде всего потому, что оборона южной границы из-за боевых действий на западе была ослаблена.

В 1633 г. южные окраины Руси подверглись удару 30-тысячной крымско-ногайской армии, причем отдельным отрядам даже удалось перейти Оку и разорить окраины Московского уезда. Татары находились в пределах Русского государства около месяца и, потерпев поражение под Пронском и Тулой, отступили в степи, захватив за время нашествия около 6 тыс. пленных. Это нападение, по оценке А. А. Новосельского, было едва ли не самым крупным за всю первую половину XVII в.¹

В 1634 г. И. Анненков вновь разбил татар под Курском, а под Орлом поражение крымцам нанес воевода Д. Колтовский. В 1636 г. татары были разбиты под Мценском. После Смоленской войны 1632–1634 гг. усилия страны сосредоточились на строительстве сплошной линии оборонительных укреплений, направленных против набегов с юга. В 1636 г. московское правительство начало возведение нового рубежа обороны против набегов: позднее эта линия получила название Белгородской засечной черты. Эта оборонительная линия протянулась на 800 км от Ахтырки до Тамбова, а ее центром (местом расположения Большого полка) стал Белгород. Строились новые крепости, а те, что были возведены ранее, модернизировались.

¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 214–216.

Возводилось множество небольших острогов, а также сплошная линия валов и рвов между ними. К середине 50-х гг. XVII в. строительство Белгородской черты в основном было завершено.

1620-е гг. характеризуются сближением Крыма с запорожским казачеством. Исторические связи запорожских казаков с Крымским ханством (а также через его посредство с Османской империей) зародились едва ли не с момента возникновения крымского юрта, причем далеко не всегда эти взаимоотношения были враждебными. В XVII в. казацкая история особенно тесно соприкасалась с историей ханства, причем войны, противостояние и взаимные набеги и грабеж с уводом пленных все чаще уступали место союзам и совместным операциям против соседей, а уже в начале следующего столетия Филипп Орлик в своей «Конституции» назвал Крымское ханство гарантом Украинского государства.

По словам Б. Н. Флоры, уже на протяжении второй половины 20-х гг. XVII в. «отношения между запорожским казачеством и Крымом приобрели сложный, неоднозначный характер, столкновения и конфликты стали перемежаться моментами сотрудничества, склонность к которому у казаков проявлялась особенно заметно в периоды открытых столкновений с властью, уже в это время часть казаков стала рассматривать Крым как убежище, где можно укрыться в случае поражения казацкого восстания».

Крымско-казацкое сближение поначалу возникло на антиосманской почве. Зимой 1624–1625 гг. Шахин-Гирей побывал в Запорожье, где заключил договор с казаками о взаимопомощи. Брат хана планировал вместе с запорожцами осуществить совместный поход в Молдавию с целью посадить там крымского ставленника. Дальнейшие планы распространялись и на османские владения за Дунаем¹.

В ноябре 1628 г. при очередной попытке османов сменить Мехмед-Гирея на престоле на помощь хану пришли запорожцы во главе с гетманом Михаилом Дорошенко (хан заключил союз с запорожскими казаками). Джанибеку и поддерживавшим его туркам с трудом удалось не допустить вторжения казаков на полуостров. В апреле 1629 г. казаки повторили поход, причем с моря Крым подвергся нападению казачьих судов — «чаек».

В это время Крымское ханство пытались привлечь к антигабсбургской коалиции, вернее, к участию крымских татар в военных действиях против Речи Посполитой, которая не участвовала в Тридцатилетней войне, но явно сочувствовала Габсбургам. В конце 1620-х гг. установились прямые шведско-крымские дипломатические контакты².

В 1640-е гг. совместные действия татар и запорожцев все более были направлены в сторону московского пограничья³.

¹ Османская империя... Ч. 1. С. 97.

² Там же. С. 105.

³ Флоря Б. Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // *Ucrainica et Belorossica. Исследования по истории Украины и Белоруссии.* М., 1995. Вып. 1. С. 53, 57.

В конце 1647 или начале 1648 г. в Москве состоялся специальный Собор, посвященный взаимоотношениям с ханством. А в сентябре 1647 г. между Московским государством и Речью Посполитой был подписан так называемый «договор А. Киселя», который предполагал координацию дипломатических действий двух стран для предотвращения татарских набегов на русские и польские земли и военные меры против них¹. В этих условиях Ислам-Гирей заключил союз с казаками Б. Хмельницкого и совершил ряд совместных с ними нападений на польские земли. В конечном счете именно участие крымских татар в боевых действиях предопределило успех казачьего восстания и привело к возникновению на землях Восточной Украины нового государства — Гетманщины. Это немедленно изменило расстановку сил в регионе, и линия на московско-польское сближение на основе общности антикрымских интересов была вскоре оставлена. В планах Б. Хмельницкого и Россия, и Крым виделись союзниками в решении главной задачи — борьбы с Польшей. В Москве эти позиции не разделяли, усматривая в союзе гетмана с ханством серьезную опасность для России. В Москве справедливо подозревали, что крымские войска могут обратить оружие против России, а часть казачества примкнет к ним. Татаро-казачий союз продемонстрировал свою эффективность в Збараже и под Збровом, но крымцы, верные стратегии поддержания равновесия, фактически не допустили разгрома польской армии, в результате чего в августе 1649 г. был заключен Зборовский договор.

Опасения Москвы не были напрасными. «Большая война с Россией была стержнем всех планов крымских политиков в эти годы. Вовлечение в такую войну Речи Посполитой, по их расчетам, обеспечило бы ведущую роль ханства в восточноевропейских делах»². Вновь активизировались затихшие было крымско-шведские контакты, крымско-казачий союз получил поддержку в Стамбуле. Несмотря на то что готовившийся большой поход на Россию в 1650 г. был сорван, русско-крымские отношения резко осложнились, сохранялась угроза нападения с юга, причем не исключались и совместные крымско-казачьи набеги.

События января 1654 г. (Переяславская Рада) на короткое время поставили на повестку дня даже вопрос о русско-крымском сближении на основе объединения гетманщины с Москвой. В Бахчисарае переяславские договоренности, видимо, поначалу недооценили, но уже в апреле 1654 г. Ислам-Гирей выдвинул Б. Хмельницкому ультиматум: либо гетман пойдет на соглашение с королем, либо Украина подвергнется нападению польской и крымской армий. Смерть Ислам-Гирея в июле 1654 г. и назначение Мехмед-Гирея IV вернули к жизни идею возобновления крымско-казачьего союза, направленного против Польши. Однако добиться разрыва казачества с Москвой и возвращения его в орбиту крымской политики тогда не удалось. В этих условиях Мехмед-Гирей заключил в ноябре 1654 г. союз с Речью Посполитой. Расстановка сил приобрела определенные очертания: антипольский союз Гетманщины и Крымского ханства уступил место альянсу Крыма и Польши, направленному против России и Украины. «Договор пред-

¹ Османская империя... Ч. 1. С. 192.

² Там же. С. 206–207.

усматривал восстановление доперечаяславского положения в гетманате и раздел захваченных русских земель (с передачей крымцам территорий бывших татарских ханств в России)»¹.

Последовавшее в 1654 г. воссоединение Украины с Россией сблизило границы последней с ханством. «До 1654 г. в русско-крымских отношениях речь шла в основном о предотвращении татарских набегов на русские приграничные земли, о признании ханами за русским царем титула «самодержца всея Руси», наконец, о пресечении золотоордынских претензий ханов на подвластные России районы Северного Кавказа и Поволжья и т. д. Воссоединение Украины с Россией привело к расширению почти в два раза района военных действий против Крымского ханства. Теперь приходилось защищать не только русские земли в районе Белгородской засечной черты, но и земли Украины, да и споры шли уже не о титуле самодержца, а о Малой, а с 1656 г. и о Белой России»². Еще в 1640-х гг. титул самодержца по отношению к московскому царю в Крыму наконец получил признание. С этого времени одной из задач внешней политики России стало признание ханом воссоединения, а также привлечение ханства к войне против Речи Посполитой. Несмотря на то что эти усилия имели под собой реальную почву и базировались на существовании крымско-казацкого союза, заключить военный союз с ханством, на котором настаивали дипломаты Б. Хмельницкого, не удалось. На первый план вышла идея сохранения нейтралитета хана в русско-польской войне.

Это территориальное сближение стало одной из предпосылок активного наступления на ханство в конце XVII и начале XVIII в. Уже в 1656 г. русское правительство планировало совместный русско-украинско-калмыцкий поход на Крым. Участились казацкие и калмыцкие набеги на полуостров. Значительно расширилась территория военных действий. Они теперь опирались на хорошо укрепленную Белгородскую оборонительную черту с постоянно несущим службу войском, а украинские земли, где организовалась сеть опорных пунктов, как бы включились в систему предполья Белгородской черты³.

Другим следствием стало перерастание антикрымской борьбы русского правительства в борьбу антиосманскую. В 1657 г. в сражении под Очаковым приняли участие османские войска.

В 1656 г. было отражено нападение татар в районе Шацка. В ноябре 1657 г. Крымское ханство начало полномасштабную открытую войну. С осени этого года против России фактически действовала коалиция Крыма и Варшавы, к которой присоединились и казаки.

После смерти 6 августа 1657 г. Б. Хмельницкого гетманом был избран бывший генеральный писарь Иван Выговский, который перешел на сторону Польши (что означало потерю Украины для России), а затем разбил приверженцев Москвы

¹ Османская империя... Ч. 1. С. 218–219.

² Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством... С. 232.

³ Там же. С. 236–237.

на Левобережье, взяв Полтаву, Лубны, Гадяч и Конотоп. В сентябре 1658 г. крымские войска несколько раз пытались прорваться через засечную черту под Воронежем, но успеха не имели. 29 апреля 1659 г. Крымское ханство разорвало с Россией дипломатические отношения. Восстановлены они были только весной 1666 г., когда польско-татарский союз фактически распался и начались переговоры о мире между Россией и Речью Посполитой. Измена И. Выговского и поражение под Конотопом ослабили всю систему обороны южных границ России — Белгородской оборонительной черты¹. В 1659 г. нападению подверглись Елецкий, Ливенский, Курский, Новосильский и Воронежский уезды, причем татарам удалось в отдельных местах даже прорваться за Белгородскую черту. В 1660 г. под Усманью был отражен еще один татарский набег.

Объявленный царским правительством изменником И. Выговский решил разделаться с русским гарнизоном в Киеве (под командованием В. Б. Шереметева) и передовым отрядом русской армии в 20 тыс. человек под началом Г. Г. Ромодановского, до того как на Украину придут основные русские силы — армия А. Н. Трубецкого. Только к осени 1659 г. русские войска, оставшиеся в Киеве, используя изменение политической обстановки на Украине (избрание гетманом вместо И. Выговского Юрия Хмельницкого и переговоры с ним командующего русским войском А. Н. Трубецкого, в результате которых Москва признала Юрия Хмельницкого гетманом обеих частей Украины — Лео- и Правобережья), сделали попытку активизировать свои действия против Польши. В 1660 г. был достигнут договор о совместных действиях В. Б. Шереметева (19 тыс. русских и 20 тыс. казаков) и Ю. Хмельницкого (35 тыс. казаков) против польской армии Потоцкого (30 тыс. поляков и 40 тыс. крымцев) между Киевом и Староконстантиновом. После измены Ю. Хмельницкого (он не подошел к месту боя со своими частями, а затем даже участвовал в блокировании русских войск) окруженный отряд В. Б. Шереметева попытался прорваться, потерпел неудачу и с согласия В. Б. Шереметева сдался (битва при Слободицах 4 (14) октября 1660 г.). Несмотря на сдачу, отряд В. Б. Шереметева был вероломно истреблен, а сам командующий пленен 23 октября 1660 г. За 200 тыс. ефимков он позже был продан в Крым. Интересно, что во время заключения боярина на Чуфут-Кале под Бахчисараем с ним встречался османский путешественник Эвлия Челеби. По его словам, Василий Борисович «не говорил ничего, кроме как: «Когда я отсюда освобожусь, я Крымскую страну сравню с землей»².

Активность боевых действий снизилась в 1664 г., когда Мехмед-Гирей IV вынужден был по приказу султана принимать со своими войсками участие в войне османов против Габсбургов в Венгрии. В 1663 и 1664 гг. московско-запорожские войска под командованием воеводы Г. Косагова и запорожского атамана И. Сирко доходили до Перекопа. И. Сирко совершил еще ряд успешных походов на Крым:

¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 54–62.

² Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер., коммент. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 37–38.

в 1666, 1667, 1670, 1673 и 1675 гг. Снижение накала борьбы привело к началу сближения России и Речи Посполитой: польско-крымский союз начал разваливаться. 20 (30) января 1667 г. в деревне Андрусово между Россией и Польшей было подписано перемирие сроком на 13 лет и три месяца. Перемирие положило конец четвертой регулярной русско-польской войне (1658–1667) за обладание Украиной. После избрания 9 июня 1669 г. польским королем князя Михаила Вишневецкого договор о перемирии был перезаключен 7 (17) марта 1670 г.

Период правления гетмана Петра Дорошенка (1666–1676) характеризуется активизацией крымско-османского направления внешней политики казаков. Тесные связи с османами нужны были гетману и для того, чтобы пытаться влиять на Крым. Все это время П. Дорошенко чрезвычайно активно сносился с Крымским ханством. 26 августа 1669 г. был подписан договор между Крымом (крымскими беками, агами, мирзами и пр.) и Запорожским казачьим войском, который предусматривал совместные военные операции против соседей — Москвы и Речи Посполитой. Не только Крымское ханство было гарантом Украинского государства, но и для Крыма существование независимой казачьей Украины было гарантом собственного спокойствия.

Османская точка зрения на развитие крымско-казачьих отношений была выражена в письме великого везира Ахмета Кёпрюлю коронному подканцлеру А. Ольшовскому, написанном из Эдирне (3 октября 1671 г.), в котором были строки, ярко характеризующие официальную позицию Стамбула: «Козацкий народ с давних пор соединялся и обращался к панам крымским, через которых издавна оказывал двери убежища цесарю целого света повинование и долг. Что же касается упомянутого Дорошенка, то щедростью цесарской он одарен санджаком и кафтаном и по приказанию цесарскому поставлен в тех краях гетманом, а сам он стал наивысшим из слуг»¹. Между тем развитие добрососедских связей казаков с османами и крымцами сопровождалось экспансией Османской империи на север. В 1672 г. турки захватили у Речи Посполитой Каменец-Подольский и всю Подолию, которая до 1699 г. стала Каменецким эялетом Османской империи — бастионом ислама в Восточной Европе². Крушение казацко-крымско-османского союза означало неизбежность падения Сечи.

Несмотря на заключенный в 1670 г. мирный договор между Москвой и Крымом, в 1673 г. ханские войска совершили поход на русское приграничье и были остановлены на укреплениях Белгородской черты. В 1674 г. воевода И. Леонтьев и атаман И. Сирко совершили ответный поход на Крым.

Мурад-Гирей, сменивший Селим-Гирея на крымском престоле, в марте 1678 г. совершил набег на Переяславль. В июне того же года 100-тысячное турецко-татарское войско вновь осадило Чигирин. Русским войскам отстоять Чигирин

¹ *Woliński J.* Materiały do Dziejów Wojny Polsko-Tureckiej 1672–1676 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości.* Warszawa, 1964. Т. X, cz. I. S. 230.

² *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. Warszawa, 1994.

не удалось, в ходе штурма крепость была сожжена, гарнизон вынужден был ее покинуть и соединиться с армией Г. Г. Ромодановского. Однако, несмотря на победу Чигирина, Москве удалось отстоять недавно присоединенные Киев и Левобережную Украину. В 1681 г. в Бахчисарае был подписан мирный договор Крымского ханства и Османской империи с Москвой, завершивший войну 1678–1681 гг. Договор был заключен сроком на 20 лет. По его условиям границей между Россией и Османской империей стал Днепр. Россия сохраняла на правом берегу только Киев с округой. Султан и хан обязались не помогать врагам России, однако османы так и не согласились оставить в договоре пункт, по которому Запорожье считалось принадлежащим московскому царю и формально независимым. Запорожские казаки получили право на рыбную ловлю, добычу соли и свободное плавание по Днепру и его притокам вплоть до Черного моря. Провалилось и предложение превратить правобережье от Буга до Днепра в нейтральную зону, где запрещалось бы строить поселения и крепости. Подолия превратилась в турецкую провинцию. Несмотря на договор, до 1685 г. Москва выплачивала крымским ханам ежегодную дань («поминки»), размер которой достигал 14 715 рублей. Окончательно «поминки» были отменены отдельной статьей Константинопольского мира 1700 г.

Апогеем османской экспансии в Европе была осада в 1683 г. Вены. Австрия, Польша, Венеция и германские княжества объединились в Священную лигу и начали с османами войну. Россия стала воевать с османами в 1686 г., сразу же после заключения «Вечного мира», гарантирующего Москве Левобережье Днепра: решение украинского вопроса вплотную подвинуло Москву к решению вопроса о выходе к морю (одним из возможных путей достижения этой цели была война с турками).

Таким образом, продвижение Московского царства на юг толкнуло Запорожскую Сечь к союзу с Крымом и османами и в условиях османской экспансии практически лишило казаков союзников в Европе. Москва же, решив на время украинский вопрос, обратилась вплотную к решению задачи относительно выхода к черноморским берегам.

§ 6. Крымские походы В. В. Голицына 1687 и 1689 гг.

И. В. Зайцев

В 1684 г. для борьбы с Османской империей ряд европейских государств создал так называемую Священную лигу, в которую вошли Австрия, Речь Посполитая и Венеция. Российское государство, для которого и Османская империя, и Крымское ханство являлись серьезной угрозой с юга, присоединилось к странам Лиги. Однако основным условием присоединения Москвы к коалиции было урегулирование отношений с Польшей. После двухлетних переговоров польский король Ян Собеский, испытывавший трудности в борьбе с турками, согласился подписать с Россией

«Вечный мир» (1686 г.). Он означал признание Польшей границ, обозначенных Андрусовским перемирием, а также закрепление за Россией Киева и Запорожья.

Таким образом, оба похода на Крым 1687 и 1689 гг. стоит рассматривать как часть крупной коалиционной войны европейских держав против Османского государства (1684–1699 гг.), а участие в них Москвы определялось в значительной мере интересами поддержания отношений с Польшей.

ПЕРВЫЙ КРЫМСКИЙ ПОХОД состоялся в мае 1687 г. Участие в нем приняли русско-украинские войска под командованием князя Василия Голицына и гетмана Ивана Самойловича. В походе приняли участие и донские казаки атамана Ф. Минаева. Общая численность войск достигала 100 тыс. человек. Московская армия более чем наполовину состояла из полков нового строя. Это количество само по себе было весьма значительным. Однако В. В. Голицын не придавал должного значения организации снабжения армии в безлюдной и выжженной солнцем степи, что и предопределило неудачу кампании 1687 г.

Войска соединились в районе Конских Вод. По мере приближения к полуострову в войсках стал ощущаться недостаток продовольствия и фуража. К 13 июля армия достигла урочища Большой Лог, где войска союзников столкнулись с новой бедой — степными пожарами. По мнению некоторых участников похода (генерала П. Гордона), гетман сам инициировал поджог степи, поскольку не желал поражения крымского хана, который, по его мнению, служил естественным противовесом Москве. В. В. Голицын, видя, что его армия может погибнуть прежде, чем встретится с неприятелем, велел возвращаться назад.

Первый поход в самом Крыму не вызвал почти никакой реакции, если не считать ряда набегов крымских войск на Украину. Основным его результатом стало смещение гетмана И. Самойловича. Новым гетманом казаки избрали Мазепу.

ВТОРОЙ КРЫМСКИЙ ПОХОД начался в феврале 1689 г. Армия на этот раз достигала 112 тыс. человек. Крымские историки, явно преувеличивая, оценивали количество русского войска в 200 тыс. и 1000 пушек. В. В. Голицын, имея в виду прошлый неудачный опыт, выступил в степь накануне весны, чтобы не иметь недостатка в воде и траве и избежать степных пожаров. Путь огромной армии до Перекопа длился почти три месяца, и к Крыму войска подошли к началу мая. Весть о приходе русского войска застала хана Селим-Гирея в Килии, где он пребывал в ожидании приказа из Стамбула отправиться в западный поход, однако, получив из Крыма письмо калги и эмиров, 18 мая 1689 г. хан выступил из Килии в Крым¹.

К этому времени В. В. Голицын уже встретился с передовыми татарскими отрядами на подходах к Перекопу. 20 мая русская армия подошла вплотную к перекопским укреплениям, но штурмовать их В. В. Голицын не решился, испугавшись, что на территории полуострова армия окажется в ловушке, без воды, продовольствия

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 439–440.

и подкреплений. Крымскому хану было предложено заключить мир на условиях выдачи всех пленников, захваченных на Украине и в России, отказа от набегов на русские земли и претензий на получение дани. Татары, однако, переговоры не начинали.

По сведениям османского историка Фундуклулу, 25 мая Селим-Гирей с калгой дал В. В. Голицыну бой, который закончился поражением русских. Неблагоприятное положение, как и в 1687 г., усугублялось отсутствием воды и фуража (гнилую сивашскую воду пить было нельзя: начались болезни и падеж скота). Тем временем к хану на помощь спешили азовский комендант Шехбаз-Гирей с почти 50 тыс. войска, собранными в Предкавказье. Османское правительство одновременно дало указание и очаковскому паше Мустафе с буджакскими татарами и ногайцами двинуться на помощь Селим-Гирею.

Впрочем, положение крымского войска тоже не было блестящим. Как писал Фундуклулу, на военном совете хан плакал: решено было или победить, или умереть.

В этих условиях В. В. Голицын решил начать переговоры. С крымской стороны в них участвовал уполномоченный ханом яшлавский бей Кемаль-мурза. Итогов этих переговоров мы не знаем, но В. В. Голицын отступил, а Селим-Гирей преследовал его, уводя в плен отставших русских и отбивая обозы.

При почти полном отсутствии военных столкновений походы сопровождались громадными небоевыми потерями. Несмотря на огромные затраты на организацию походов, к каким-либо реальным последствиям в русско-крымских отношениях они не привели. Основным итогом кампаний 1687 и 1689 гг. были прежде всего демонстрация возросшей военной силы Русского государства, а также отвлечение крымских войск с европейского театра военных действий (хан был вынужден покинуть Килию и вернуться для обороны в Крым). Тем не менее в Москве царевна Софья старалась изобразить оба похода как серьезные победы. Неудачный исход голицынских операций во многом способствовал падению ее правительства.

§ 7. Крымское ханство и народы Кавказа

И. В. Зайцев

Важным направлением внешней политики Крымского ханства были отношения с адыгами, как «ближними», так и «дальними», т. е. с Западной Черкесией (*Жанией*) и Восточной Черкесией (*Кабардой*). Жания уже при Менгли-Гирее I прочно вошла в зону крымского влияния. При Менгли-Гирее I начались регулярные походы на Кабарду, возглавлявшиеся либо самим ханом, либо его сыновьями (самый крупный состоялся в 1518 г.). Это направление внешней политики сохраняло свое значение вплоть до конца существования ханства.

Крымских ханов с народами Кавказа связывали особые отношения: кабардинские князья издавна рождались с ханами, получая земли и доходы с крымских

земель. Адыгское племя *бесленей* «монополизировало» право воспитания ханских отпрысков. Именно уроженцы Западного Кавказа были ханскими *атальками*, т. е. воспитателями. Хан Гази-Гирей, например, вырос у бесленевских черкесов. Главной женой Девлет-Гирея (матерью калги Мехмед-Гирея) была черкешенка — дочь Тарзатык-мирзы и сестра Татар-мирзы, который в июне 1557 г. выехал служить в Москву¹. Младшей женой Девлет-Гирея также была черкешенка². Братья Гази-Гирея тоже чрезвычайно тесно были связаны с черкесами. У Мюбарек-Гирея жена была из племени *жане*. Более того, как показал в своей работе А. В. Виноградов, чрезвычайно важную роль при дворе крымского хана в 70–80-х гг. XVI в. играли черкесские беи, которых русские источники называют «Аврементьевыми» детьми.

Вместе с тем с середины 70-х гг. XV в. военное давление Крыма на народы Западного Кавказа постоянно нарастало, превратившись к середине XVI в. в широкомасштабное наступление³. Политика крымских ханов по отношению к черкесам была тесно связана с османскими интересами на Кавказе.

В «Сообщении о подчиненности беев черкесских государств Кефе» османский автор XVII в. Эвлия Челеби пишет: «В эпоху Селим-хана Второго Осман-паша, сын Оздемира, в 991 году пошел на Ширван и Шемаху через Черкесстан и подчинил местных *беев* Кефинскому *эйялету*, взяв у них заложников. И сам он оставил в залог кабардинскому *бею* своего сына с рабыней, взял [в жены] девушку из Кабарды и за месяц стал добрым родственником в Черкесстане. С семьюдесятью тысячами черкесских богатырей он завоевал Гянджу и Ширван, Шемаху и Тифлис, Туманис и Демир-капу, Ширван и город Серир-Алани, город Араши и город Ниязабад, и город Шабурни. Короче говоря, он взял семьдесят шесть великих городов вместе с черкесскими *беями* и *беями падишаха* Дагестана. Он сделал Искендер-бея из *беев* Кабарды *пашой* Кефе, заселил остров Тамань черкесским народом, и казаки азовские неверные потеряли возможность выходить в Черное море. Всего от острова Тамань на восток, на семьдесят дней пути, вплоть до горы Эль-Бурз, [располагаются владения] черкесских *беев* с ежегодным жалованьем. Если род Османов идет в поход, они идут в поход с кефинским *пашой*. Вместо ежегодного жалованья они берут одежду и войлок, луки и ружья, порох и свинец, *астар*⁴, парчу и саржу. Они под рукой османцев. Их назначение и отстранение во власти Османов. Если какой-нибудь *бей* умрет, его место занимает его сын или кто-нибудь достойный из

¹ «О приезде князей черкасских служить государю. Того же месяца приехали князя черкасские служить государю и о устрое бити челом в прокы себе, Маашук-князь Канунов да Себок-князь Кансауков да Чюгук-мурза да Тохта-мурза да Татар-мурза — служил у Крымского, царю крымскому шурина, царя Девлит-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы, да с ними люди их. И идучи ко государю, приходили на беглых мурз улусы нагайских на Дону и взяли у них Бечи-мурзу, Биерючева мурзина сына, и государю привели. И царь и государь их пожаловал и устроил их» (ПСРЛ. Т. 13: 1-я пол. С. 283, 284).

² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией... С. 151.

³ Некрасов А. М. Из истории Крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XVI веках // Избранные труды. С. 139.

⁴ Коричневая ткань, наматывающаяся на головной убор офицера.

его родственников. Но у них нет *бунчуков, санджака, байрака* и барабана со знаменем. Хотя барабанщики имеются. Со времен Осман-паши, сына Оздемира, они очень послушны и покорны роду Османов.

В 1031 г.¹ во время похода на Хотин султана Османа² из рода Османов вышеупомянутым черкесским беям кефинские *дефтердары* прекратили выплачивать жалованье. С тех пор они хотя и не бунтуют, но и не проявляют покорности, службы военной не несут, но иногда приходят к крымским ханам и по некоторым делам обращаются. Однако по доброй памяти это войско Черкесстана без фуража следовало бы содержать. Они не принадлежат к мусульманской и ни к какой другой вере. Но да сделает Бог их многочисленными, ибо эти горцы обладают прекрасными сердцами. Они не знают, что такое мусульманство и что такое неверие, однако не препятствуют распространению [мусульманства]. Вот такие это странные люди»³.

Многие санджак-беи Каффы 60–80-х гг. XVI в. (во всяком случае те, происхождение которых мы знаем) — это, по османской терминологии, черкесы. В орбиту османской политики черкесские беи попали, видимо, еще задолго до кавказских походов Оздемироглу (недаром русские документы называют черкесов, которые служили «турскому» еще в 60-е гг. XVI в.). Черкесом был знаменитый Касым, управлявший Каффой с 1568 по 1578 г. Эвлия Челеби упоминает еще и некоего черкесского бея Искендера, назначенного в Каффу после похода Осман-паши. Два санджак-бея Каффы — Шевки Арслан и сменивший его в 1590 г. Мехмед — также были черкесами. Думается, что черкесское происхождение губернаторов не было случайностью. Учитывая тесные родственные связи крымской династии с северокавказскими племенами, можно предполагать, что именно это стало причиной военной службы черкесов в кавказских походах Османской империи, а потом и на должностях каффинских санджак-беев⁴.

Крымское давление на Северо-Западном Кавказе привело в конечном счете к обращению адыгов к Русскому государству в 50-х гг. XVI в. Кабарда на долгие годы стала территорией русско-крымско-османского противостояния. Наиболее напряженный период в этих отношениях, связанный с событиями в Кабарде, выпал на время правления хана Арслан-Гирея (1748–1756)⁵. В 1739 г. между Российской и Османской империями был заключен так называемый Белградский мир,

¹ 1621/1622 г. от Р. Х.

² Турецкий султан Осман II (1618–1622).

³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Симферополь, 2008. С. 174–175.

⁴ Зайцев И. В. Брат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его санджак-беем Кафы и эмиром черкесских земель (1590 г.). О происхождении и хронологии назначений некоторых каффинских санджак-беев 1560–1590-х гг. // Средневековый Восток. Проблемы историографии и источниковедения. Памяти Героя Советского Союза академика З. М. Бунятова. Баку, 2015. С. 72–86.

⁵ Смирнов В. Д. Крымское ханство... М., 2005. Т. 2. С. 70–73.

одна из статей которого касалась непосредственно Кабарды и ее независимого международного статуса: «Об обеих Кабардах, т. е. Большой и Малой, кабардинском народе, с обеих сторон соглашенность, чтоб быть тем Кабардам вольными и не быть под влиянием ни одной, ни другой империи, но токмо за бариеру между обеими империями служить имеют; и что другой стороны, Блистательной Порты, туркам и татарам во оные не вступаться, и оных не беспокоивать, також де и от Всероссийской империи оные в покое оставлены будут». Стороны согласились, что «по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от тех кабардинцев для спокойного их пребывания аманаты; и Оттоманской Порте також позволяется, для такой же причины, брать от них таких же аманатов». В случае, «ежели... кабардинцы причины жалобы подадут одной и другой державе, каждой позволяется наказать»¹. Арслан-Гирей жаловался русским властям, «что кабардинцы не в силу благопоставленного трактата поступают». После жалоб крымского хана на кабардинцев в Кабарду из Астрахани неоднократно направлялся майор Барковский. Как писал Н. А. Смирнов, в 1750 г. (и вторично в 1753 г.) он был послан в Кабарду вместе с майором Татаровым с поручением прекратить междоусобную борьбу князей и выдать князю Атажукину рода Бамату Кургокину 1 тыс. рублей. Майоры «сумели примирить враждующих и развели их на прежние места: Жамбулатов род поселился в Кашкатау и при реках Шалухе и Нальчике, а роды Атажукин и Мисостов расположились по рекам Малке, Баксану и Чегему (1753 г.). Это снова послужило для турок поводом упрекать Россию в том, что она склоняет кабардинцев в свое подданство и готовит их к войне против Швеции и Пруссии. В свою очередь Россия обращала внимание Турции на то, что крымский хан не только привлекает кабардинцев в свое подданство, но и притесняет их, принуждая кабардинских князей к уплате денежного вознаграждения за убийство в 1729 г. Бахты-Гирея, которого сама Порта объявила бунтовщиком»².

Основной задачей майора было склонить кабардинцев к прекращению притеснений черкесов и абазинцев, которых крымские ханы считали своими подданными. Упомянутые земли для крымских ханов были не просто рядовыми подвластными территориями. По старинному обычаю именно там (в частности, среди бесленейцев) получали воспитание ханские отпрыски. Дети Арслан-Гирея также провели там немало времени. В 1747 г. владельцы кашкатавской партии Кайтукины и Бекмурзины³ приняли к себе сыновей Арслан-Гирея — Казы-Гирея и Шабаз-Гирея. Именно судьба бесленейцев стала одной из причин напряженности. Так, в письме государственного канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина кабардинским владельцам кашкатавской группы, в котором канцлер требовал прекратить самовольные действия, грозящие срывом мира с Турцией, и предлагал переселиться с Баксана в Кашкатав, говорилось (23 марта 1753 г.): «Но оной майор Барковской, а притом так же и майор Татаров, незадолго пред ним в Кабарду же

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 10. № 7900. С. 899–901.

² Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 81–82.

³ Они придерживались крымско-османской ориентации, в отличие от так называемой баксанской партии, которая была прорусской.

посланной, оба сюда доносили, что вы, кашкатовской партии владельцы, и подлинно более трехсот дворов бесленейцов турецких подданных к себе приняли и поныне держите у себя, и хотя майоры оные о возвращении их и многократно вам предлагали, но вы того не слушаете»¹. Крымский хан для предотвращения кабардинских набегов на своих кавказских подданных (бесленейцев, абазинцев и др.) направлял в Кабарду поверенных, которые принадлежали к высшей крымской аристократии (ширинским беям) и занимали должности аги при калге — наследнике престола.

В конечном счете ослабление Крымского ханства стало одной из предпосылок неуклонного сближения народов Северо-Западного Кавказа с Россией.

Глава 16

Государственный строй, общественные структуры, экономика

И. В. Зайцев

§ 1. Государственный строй

Государственное устройство ханства характеризуется сочетанием золотоордынской и османской структур государственной власти. Вхождение ханства в политическую орбиту Османской империи не могло не повлиять на развитие крымских политических институтов. Ярче всего эта борьба двух начал — чингизидского и османского — проявилась в государственном делопроизводстве ханства. Как отмечал М. А. Усманов, в Крыму «после установления в 1475 г. турецкой протекции над ханством медленно, но по восходящей линии усиливается влияние османско-турецкого делопроизводства, что в определенной степени соответствовало изменениям и внутри общества. Однако эти изменения в делопроизводстве происходили неравномерно: они сначала касались документов крымско-турецкой переписки; почти до середины XVI в., судя по ярлыкам, мало затрагивали внутреннее делопроизводство, в котором во второй половине столетия идет борьба двух начал — золотоордынско-крымского и турецко-крымского. Победа последнего приходится на начало XVII в., хотя отдельные реликты традиционного делопроизводства встречаются и позднее, в документах, назначенных как для внутреннего, так и для внешнего потребления, например в посланиях, адресованных русским царям... Поэтому формирование и развитие собственно крымского делопроизводства, полностью отличающегося от традиционного золотоордынско-джучидского, падает в целом на XVII–XVIII вв., на период, когда завершилось формирование крымско-татарской народности, оформился собственно крымско-татарский деловой язык, существенно отличающийся от языка письменности XV и первой половины XVI в.»¹.

Какое-то время при Мухаммад-Гирее в канцелярской документации Крыма происходило возрождение золотоордынских традиций. Документы его времени еще свободны от арабизмов и османизмов, но вскоре (особенно с воцарением

¹ Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XV–XVII вв. Казань, 1979. С. 82.

Саадет-Гирея, а затем и Сахиб-Гирея) образцом для ханов стала канцелярия османских султанов. Полный переход от тюркской к арабской удостоверительной статье формуляра (т. е. от традиционной золотоордынской к османской, заимствованной в османской канцелярии) произошел в крымской канцелярии после 1524 г. (930 г. х.), но не позднее 1549 г. (956 г. х.). Новая формула удостоверительной статьи начиналась на османский манер словами *тахриран фи* («написано в...»), а заканчивалась *би макам* («в ставке»)¹.

Вместе с тем в начале XVII в. в крымской канцелярии наблюдается попытка воссоздать некоторые чингизидские образцы в оформлении актов и внедрении титулатуры, которая напрямую апеллировала к древней терминологии, не связанной с османской традицией².

Верховным правителем государства и номинальным собственником земли был хан. Однако власть хана не была абсолютной, а временами весьма сильно зависела от настроений клановой аристократии. Польскому исследователю Д. Колодзейчику это даже дало повод назвать крымское государственное устройство «разделенным суверенитетом»³. При хане существовал совет знати — диван, решавший главным образом внешнеполитические вопросы. Первоначально ведущую роль в диване, помимо членов ханской семьи, играли карачи-беки четырех (с середины XVI в. — пяти) кланов: Аргынов, Барынов, Кипчаков, Ширинов, Седжиутов. Затем важную роль стали играть представители знати, выдвинутые ханами. В состав дивана входили главы фамилий, являвшиеся наследственными «амиятами», т. е. посредниками в дипломатических отношениях ханства с Русским государством (род Аппака-мурзы, в дальнейшем беки, на русской службе — князя Сулешевы), а также Польшей и Великим княжеством Литовским, объединившимися в 1569 г. в Речь Посполитую (род Кулюка-мурзы, в дальнейшем беки Куликовы (Кулюковы)). Представители этих родов и их родственники, как правило, назначались послами в Москву, Краков и Вильно. Кроме того, в состав дивана входили карачи-беки крымских мангытов (ногаев, признавших власть крымского хана) — беки Дивеевы (род одного из потомков Едигея, мурзы Тимура бин Мансура).

В правление Менгли-Гирея I наибольшим влиянием в диване обладали карачи-беки Ширинов — Эминек и его сын Девлетек. Преобладание Ширинов (претендовавших на происхождение от Чингизидов) в диване в целом сохранялось на протяжении всего XVI в.⁴

¹ Григорьев А. П. Дата выдачи ярлыка Токтамыша. С. 183.

² Колодзейчик Д. Попытки восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII века: байса, тат ве тавгач // ЗО. 2015. № 3. С. 91–98.

³ Kolodziejczyk D. Divided sovereignty in the Genghisid states as exemplified by the Crimean khanate: «Oriental Despotism» à rebours? // Acta Slavica Iaponica (Acta Slavica Iaponica). 2012. Iss. 32. P. 1–21.

⁴ Виноградов В., Фаизов С. Крымское ханство [Электрон. ресурс] // БРЭ. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2638448 (дата обращения: 25.03.2017).

В начале XVI в. в политической структуре ханства появился титул *калга* (наследник), который обычно занимал брат или сын хана. В конце века крымцы по ногайскому образцу ввели титул *нуреддин*.

Эти институты известны на крымском материале достаточно хорошо¹.

По свидетельству Мартина Броневского, который дважды был посланником Стефана Батория к крымскому хану Мухаммад-Гирею в 1578 г., *калга* (*halga*), «или наследник престола из братьев или старших сыновей, самых способных к делу, в руках которых во время мира и войны находится высшая власть», в Крыму избирался «по древнейшему обычаю народа»².

Османский дидактик второй половины XVII в. Хюсейн Хезарфенн в своем трактате «Изложение сути законов Османской династии» дал весьма точное определение поста *калги* в современном ему Крымском ханстве: «Брат, который младше самого хана, является *калгой*. Он наследник престола. Тот, который младше *калги-султана*, — *нуреддин*. Каждый из них имеет свою резиденцию. *Калга-султан* пребывает в *касаба*, называемой *Акмесджит*... *Нуреддин-султан* обитает вблизи от деревни, называемой *Качи*... У каждого из них имеется свой *везир*, *дефтердар*, *кадий*. Их распоряжения по значимости не отличаются друг от друга. Однако право *хутбы* и *чеканки монет* имеет только его величество хан. Если *калга* и *нуреддин* становятся *сераскерами* (командирами войск), то они из военных трофеев получают одну десятую... Каждый из них самостоятелен в проведении своей политики, и на своих приказах, которые называются «*ярлыки*», они ставят свою *тугру* и *миндалевидную печать*. Во время трапезы, как другие правители, вкушают еду в одиночестве. Если только появится какое-либо значительное лицо из султанской семьи или прибудет *муфтий Кафы*, то тогда сидят вместе»³.

Османский путешественник и писатель Эвлия Челеби, лично побывавший в Крыму, также описывает схожую картину (1666 г.): *калга-султан* назывался *sağ vezîrî*, т. е. «правым» *везиром* (*везиром правой руки*), и управлял восточной частью Крыма, а *нуреддин-султан* являлся *везиром левой руки* и осуществлял власть над левой (западной частью) полуострова. В походе *калга* и *нуреддин* с *беями* также занимали соответственно правую и левую позиции относительно центра войска⁴.

Так или иначе, связь *калги* с престолонаследием выступает во всех источниках, на основе которых можно судить об этой должности. Можно предполагать, что пост *калги* в кризисные моменты позволял сгладить противоречия внутри правящей верхушки, являлся своего рода компромиссом, который часто

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 350–361.

² Описание Крыма (*Tartariae Descriptio*) Мартина Броневского. С. 353.

³ Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти... С. 266; *Matuz J. Qalga // Turcica. Revue d'Etudes Turques*, Paris, 1970. Т. 2. P. 102; *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи»... С. 20.

⁴ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 44, 45, 16–17.

предлагали правящие ханы своим оппонентам. Так было, например, в случае назначения на должность калги Ислам-Гирея в момент восшествия на престол Сахиб-Гирея: Ислам получил титул калги в Перекопе¹. Трудно судить о реальных властных функциях, которые осуществлял калга, о полномочиях, которыми он обладал.

В утвердительных грамотах, которыми султаны подтверждали вступление того или иного калги в должность, говорилось, чтобы «калга, исполняя и осуществляя то, что относится к священным обязанностям службы, не уклонялся от твердого пути закона и не сбивался с истинной дороги... исполнял обязанности службы по усмотрению хана, и чтобы они с полным единодушием тщательно пеклись о делах веры и державы и усердствовали в истреблении врагов государства и народа»². Эпитеты, применявшиеся к калге, также мало что дают для уяснения его полномочий: «Наследник великих султанов, слава почтенных хаканов» (халиф ас-салатин ал-ассам, шараф ал-хавакин ал-акрам).

Доход калги в Крыму состоял из части поступлений с каффинского порта (540 тыс. акче в год). Калга и нуреддин (а также хан) получали также части *uluğ hazine*, т. е. «великой казны», ежегодных «поминков» в их пользу, состоявших из ценных мехов и денег (4000 рублей для хана, 500 рублей для калги, 100–200 рублей для нуреддина). В 1633 г. общая стоимость мехов и денежных средств составила для хана 4935 рублей, для калги 903 рубля, 115,5 рубля для нуреддина³.

Османские историки XIX в. Халим-Герай в «Гюльбун-и Ханан» и Джебдет-паша в «Тарих-и Джебдет», так или иначе имевшие достаточно подробную информацию о крымских порядках, связывали возникновение должности калги с Менгли-Гиреем: «Когда Менгли-Гирей отправлялся на войну и в набег на страны гяуров, и его спрашивали о том, кого же он оставляет своим наместником для охраны Крыма, то он выражал свою волю, отвечая на татарском языке: «Пусть останется... сын мой Мухаммед-Герай». Таким образом, Мухаммед-Герай до благополучного возвращения своего отца из похода вкушал от сладости владительства. А потом, по возвращении, уже отцу казалось неловким, несправедливым испортить вкус этой сладости солью отставки: он вместе с его титулом калги-султана учредил новую должность, отчислив на нее определенный оклад из доходов с таможен и соляных озер, указал город Ак-Мечеть и местности, принадлежавшие к его округе. А с падишаховой стороны ему дана была грамота на бытие его наследником престола»⁴. В. Д. Смирнов также связывал возникновение должности с Менгли-Гиреем: хан, «убедившись в ненадежности коренного тюркского порядка престолонаследия, для прочности строя решил изменить

¹ Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin). S. 21.

² Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 351.

³ Ivanics M. Entstehung und Quellenwert der krimtatarischen *tiyiş defters* // Acta Orientalia. Budapest, 1994. T. XLVII (1–2). S. 109.

⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 353; *Cevdet Paşa. Kırım ve Kafkas Tarihçesi*. Qustantiniya (İstanbul), 1307 (1889/90) (араб. шрифт). S. 15–16.

его» — передать право наследования власти не старшему в роду, а старшему сыну властвующего хана. Менгли-Гирей ввел сан калги, «которым он думал, вероятно, гарантировать правильную после себя преемственность верховной власти в Крымском ханстве»¹.

Представление об учреждении поста именно Менгли-Гиреем кажется не более чем легендой, родившейся в самой гирейской среде. Титул калги существовал и ранее, причем не только в Крыму. В. В. Вельяминов-Зернов указывал, что у бухарских шибанидов это звание отмечено в 1512 г., причем как старинное². Первое время при Менгли эту должность занимал его брат Ямгурчи, потом — сын Мухаммед-Гирей, который и стал впоследствии ханом. Его смерть (вместе с калгой Бахадыр-Гиреем) вывела на арену Саадет-Гирея. Саадет не стеснял себя сменой родственников на посту калги. Так, пойдя на некоторый компромисс с Ислам-Гиреем, калгой он сделал Сахиб-Гирея (брата), однако и тот был смещен, сослан за море, т. е. в Стамбул, а должность занял Девлет-Гирей (племянник).

Должность калги (впрочем, как и должность нуреддина) существовала не только при ханах, но и при главах наиболее влиятельных крымских родов: ширинском³ и мангытском⁴. Сами Ширины, по всей видимости, пытались придать этим должностям право принадлежать исключительно ханским родам и собственному роду. Так, по крайней мере, утверждается в родословной Ширинов («О дворянстве мурз Ширинских», 1862 г.) из архива Таврического дворянского собрания, опубликованной Ф. Ф. Лашковым⁵.

Для осуществления управления ханы собирали советы, существовали малый и большой диваны — советы узкого круга знати и собрание «всей земли», когда в нем принимали участие вообще все мурзы и представители «лучших» черных людей. Важную роль в принятии политических решений играли съезды-советы хана с его детьми, родовой аристократией, сейидами. Чаще всего такие съезды устраивались у Ак-Кая под Карасубазаром (Белогорск) или в других местах. Например, один из таких съездов устроен был в Кырк-Йере «о царевице Менгли-Гирееве године»⁶. Сильное влияние на политику оказывал шариат.

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 353, 350.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2. С. 416–417; *Matuz J. Qalga*. P. 103.

³ Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1889. Т. IV. С. 98.

⁴ *Matuz J. Qalga*. P. 103; Некрасов А. М. О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. // Базы данных по истории Евразии в средние века. М., 1997. Вып. 4–5. С. 98.

⁵ Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. С. 98; Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // ИТУАК. 1895. № 23. С. 124.

⁶ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герей и его вассалы. С. 40.

§ 2. Социальные отношения

Основной опорой ханской власти были кланы — влиятельные роды знати: Ширины, Барыны, Аргыны, Кипчаки, Седжиуты, Кунграты. В 80-х гг. XV в. к ним добавился клан Мангыт. Представители четырех кланов занимали должности так называемых карачи-беев, столпов государства¹.

Влияние клановой аристократии на ханов осуществлялось прежде всего с помощью брачной политики. И ханы, и их сыновья были связаны с родовой аристократией Крыма и Большой Орды крепкими брачными и кровными узами. Именно браки ханов (или султанов, которые впоследствии становились ханами) с представителями клановой знати стали основой династии, кровно соединив Гиреев с Кунгратами, Мангытами, Ширинами, Седжиутами и др. По сути, представители Гирейской фамилии были не только Чингизидами, но и потомками разных золотоордынских крымских кланов².

Крепко связан с Ширинами (в частности, с беем Тегене) был еще Улуг-Мухаммед. Его постельничим был племянник Тегене. Зятем Улуг-Мухаммеда был кунгратский князь Айдар³. Женой Нурдевлета была представительница клана *Курат* (Кунграт), дочь Джумадыка (Юмадыка)⁴. Старшей женой Менгли-Гирея поначалу была дочь седжиутского князя Едигера⁵. Однако в августе — сентябре 1486 г. старшей женой хана (потеснив с этого места седжиутку) стала Нурсултан — дочь мангытского бека Темира ибн Мансура ибн Едиге и жена казанских ханов Халиля ибн Махмуда (с 1466 г.) и Ибрагима ибн Махмуда (умер в 1479 г.)⁶.

Сыновья и дочери Менгли-Гирея также роднились с кланами ханства. Например, его второй сын Ахмет-Гирей был женат на дочери старшего ширинского князя Бараша (Байраш, или Бураш, сын знаменитого Эминека ибн Тегене)⁷. Он занял это место после смерти Азики (Хаджике ибн Тегене) в июне — августе 1486 г.⁸

¹ *Inalcik H.* The Khan and the tribal aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students Harvard, 1979–1980.* Cambridge, MA, 1980. (HUS; Vol. III/IV). P. 445–466.

² *Zaytsev I.* The structure of the Giray dynasty... P. 342–353.

³ *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 58; *Акчурина М. М.* Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове // *ТС* 2011–2012. С. 6–7.

⁴ Сб. РИО. Т. 41. С. 544.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ От Ибрагима ибн Махмуда Нурсултан имела двух сыновей, также казанских ханов Абд-ал-Латыфа (правил в 1497–1502 гг., умер в 1517 г.) и Мухаммед-Эмина (правил в 1484–1485, 1487–1496, 1502–1518 гг.; умер в 1518 г.) и дочь Гаухаршад (умерла не ранее 1546 г.). Нурсултан — весьма заметная фигура не только в истории Казанского и Крымского ханств, но в целом в истории Восточной Европы той эпохи. В 900 г. х. (лето — осень 1495 г.) она вместе с братом Хусейном совершила хадж. В июле 1510–1511 г. вместе с пасынком (сыном Менгли-Гирея Сахиб-Гиреем) посетила Москву и Казань. Умерла в 1519 г. или вскоре после.

⁷ Сб. РИО. Т. 41. С. 274, 49, 68.

⁸ Там же. С. 54, 56.

Одна дочь Менгли-Гирея была замужем за мангытом Хусейном ибн Темиром (брат Нурсултан)¹.

В ноябре 1491 г. калга Менгли-Гирея и его брат Ямгурчи женился на дочери мангыта Янкувата (племянника Темира), а сына (Япанчи) женил на дочери Кудайяра, сына карачмирзы².

Экономической основой могущества ханской власти и бейских родов было землевладение. В действительности в ханстве сложилось довольно сложная система землевладения, которая делилась на государственное (ханское), княжеское (бейское), землевладение духовных лиц, мурзинское и общинное. В Крымском ханстве, как заметили исследователи, изучавшие земельно-правовые отношения этой эпохи, зачастую смешивались права государственное и частное³, что особенно хорошо заметно при анализе сущности ханской собственности.

С формальной точки зрения именно хан был верховным собственником всех земель государства, распределяя особыми актами право на пользование даже *бейликами* (княжествами) внутри полуострова. Так, например, берат последнего хана Шагин-Гирея, выданный в 1778 г. представителю рода Ширин, гласил: «...повелеваем быть Маметше-мурзе владельтельным Ширинского княжества беem и в том выдаем ему, Меметше-мурзе, сей высокий бераат наш в 27 день Реби-эль-Эввеля 1196 года, а по российскому исчислению 1778 года. По получении онаго, приняв княжество, по примеру своих предшественников исправно исполнял бы свою обязанность и разрешал бы дела жителей Ширин как по части гражданской, так и духовной». Такая практика не означала, что хан мог по своему усмотрению отнимать бейские земли, он лишь на правах верховной власти утверждал сложившийся порядок вещей.

Хотя хану как частному лицу могли принадлежать личные угодья (*мюльк*), больших земельных наделов, которые переходили бы по наследству от хана к хану, мы не видим. В основном это дома, мельницы, лавки, сады, ханы (постоялые дворы), чаиры (лесные сенокосы) и т. д., но не земля. Более того, нередко хан утверждал особыми актами (*мюльк-наме*) покупки и мены земельной собственности, которая не имела отношения к его личным владениям.

В целом же к государственному (ханскому) имуществу относились согласно шариату собственно коронные земли (*мирийе*): соляные озера и прилегающие к ним селения (жители которых были заняты вывочкой соли), леса по течению рек Кача, Альма и Салгир (в основном предназначенные для ханских охот) и зем-

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 256.

² Там же. С. 122. Это, безусловно, внук Тегене — ширин Кудайяр (*Акчури*н М. М. Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове. С. 7). У Ямгурчи жен было как минимум две, что следует не только из количества его сыновей, но и из прямого указания источника: «...царь [Менгли-Гирей] хочет ехать с сего байрама к тому к новому городу; а емлет... с собою брата своего Ямгурчея царевичя и с женами, и с детьми, и с его людьми» (Сб. РИО. Т. 41. С. 166).

³ *Лашков Ф. Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве; Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения...

ли, лежавшие без обработки (*меват*). При этом хан мог наделять крымскую знать доходами с соляных озер, это осуществлялось с помощью пожалований — ярлыков. Пустопорожня же земля (*меват*) могла в силу шариатских установлений об «оживлении мертвой природы» переходить в общинную собственность и становиться *мюльком*, с которого платился десятинный налог.

Собственные наделы имел в ханстве калга. Этот надел, выделенный, видимо, первоначально из фонда мирийе, назывался калгалык и простирался по течению реки Альма до Чатырдага. Как часть земель государственных этот удел не мог дробиться и продаваться, однако калга мог давать часть этих земель в условное пользование частным лицам или общинам за ту же десятую долю урожая.

Княжеское землевладение (*бейлик*) представляло собой земельный фонд шести основных княжеских родов ханства — Ширинов, Барынов, Мангытов (Мансуров), Аргынов, Яшлавских и Седжиутов. Это было родовое землевладение, принадлежавшее именно роду целиком, а не отдельным его представителям. Оно переходило к старшему в роду, который мог перераспределять ее между членами рода. Границы владений родов не всегда удается установить достаточно четко, к тому же географически они могли быть распределены по территории полуострова и не представлять единого целого. Основные земли бейлика Ширинов находились в районе Феодосии, бейлик Мангытов находился в степях, прилегавших к Перекопу и в районе нынешней Евпатории, аргинские земли (аргинский кадылык) находились возле г. Старый Крым, где соседствовали с владениями Ширинов и Барынов. Яшлавские занимали земли между Кырк-Йером и Альмой. О владениях Седжиутов, которые были меньше других, сведений недостаточно.

В пределах бейликов в поздние времена существования ханства при разложении традиционного порядка вещей могла складываться частная собственность отдельных представителей рода.

Главной особенностью бейликской собственности было право суда на его территории, для чего у некоторых бейских родов имелись шариатские суды и кадиаскеры. В XVIII в. бейлики на османский манер даже назывались *каймаканствами*, т. е. судебно-административными округами. Впрочем, поскольку высшим уголовным судом в ханстве был ханский суд, иногда бей обращались к ханскому кадиаскеру для разрешения, например, поземельных споров.

Другой категорией земель в ханстве был так называемый *ходжалык*, т. е. собственность духовенства — нескольких родов духовных лиц, *ходжей*. Эта собственность имела много общего с бейским землевладением, составляя собственность не частную, а родовую. Глава рода и ее распорядитель также получал ее по ханским ярлыкам, имел право суда и обязан был выставлять в случае военных действий особое ополчение из деревенских жителей своей территории.

Позднее других сложилась в ханстве категория служилых землевладельцев (*мурз*, а также ханских чиновников), получавших по ханским ярлыкам земельную собственность в условное владение за службу. Подобно русской поместной системе служилое землевладение в Крыму прошло путь от поместий к вотчине. Произо-

шло это, видимо, довольно быстро: уже в XVII в. есть случаи передачи пожалованной ханом земли по наследству.

Основой крымского общества были лично свободные крестьяне, составлявшие крестьянскую общину — *джемаат*. Именно они обрабатывали поля беев, казны или мурз, возделывали их виноградники и сады, доставляли лес и прочее (т. е. отбывали повинность, своего рода барщину). На своих участках они вели собственное хозяйство, уплачивая за право пользования землей налог — десятину (*ашр*, или *ушур*). Подать эту собирали особые чиновники — *дуваны*. Таким образом, члены джемаата трудились на собственно общинных землях, а также на земле казны, беев, ходжей или мурз. Джемаат был отдельным юридическим лицом, а его собственность (будь то выгон, пахота, сад или сенокос) — собственностью всей общины¹.

Еще одно категорией крымского населения были рабы. Следует отметить, что в экономике ханства рабский труд занимал весьма скромное место и ограничивался масштабами домашнего рабства. Существовала практика отпуска рабов на волю после отработки ими известного срока (6–7 лет). Переход раба в ислам автоматически означал свободу, поскольку мусульманин не может быть рабом².

Гораздо существеннее был вклад работорговли в экономику ханства. Кроме того, огромные деньги тратились на выкуп рабов ими самими, их родственниками или государством. В Московском государстве значительная часть бюджета тратилась именно на государственный выкуп пленных в Крыму.

§ 3. Военная организация

В Крымском ханстве не было регулярного войска (кроме введенной по османскому образцу в XVI в. гвардии — телохранителей ханов), а в военных походах принимали участие все мужчины, способные носить оружие³. Фактически это было феодальное ополчение. Османский автор второй половины XVII в. Хюсейн Хезарфенн отмечал, что когда крымский хан собирался в поход, «то [каждые] семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей»⁴.

По оценке литовского дипломата XVI в. Михалона Литвина, максимальное число крымских воинов, мобилизованных на войну, не превышало 30 тыс.⁵ Соглас-

¹ Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения...

² См. подробнее: *Зайцев И. В.* «Вольная грамота» турецкого султана некоему русину // ТС 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 231–232.

³ Там же. С. 210–228.

⁴ *Хезарфенн Хюсейн.* Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 269.

⁵ *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65–66.

но Эвлию Челеби, в середине XVII в. в Крыму годных к войне татар мужского пола проживало не более 126 тыс.¹

В военном деле у крымских татар можно выделить два вида походной организации — боевой поход, когда крымское войско во главе с ханом или калгой принимало участие в боевых действиях воюющих сторон, и грабительский набег — *беш-баш* (дословно «пять голов» — маленький татарский отряд), который осуществлялся зачастую отдельными мурзами и беями со сравнительно небольшими воинскими отрядами с целью получения добычи и захвата пленных.

Крымское войско состояло из личной ханской гвардии, в которую входили как османские гвардейцы, так и рекрутированные из жителей Крыма отряды стрелков и артиллерия; дружин беев и ополчения, созываемого в случае большого похода из числа рядовых татар-мужчин в возрасте от 15 до 70 лет. К собственно татарскому войску могли добавиться подразделения, выставяемые вассалами хана. В походном строю эти части двигались обособленно. Бейские ополчения двигались своими отдельными отрядами — *байраками* («знаменами»), которые были различны по численности (исходя из могущественности рода) и составляли от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Скажем, при переправе через Керченский пролив во время одного из походов Сахиб-Гирея на черкесов на таманский берег сначала переправился отряд Ширинов, за ним — кипчакский байрак, потом «мангытские молодцы», а уже затем — конвой хана и сам хан со своей свитой².

Общая численность крымской армии для второй половины XVI — первой половины XVII в. может быть определена в 40–60 тыс. бойцов.

Крымское войско обыкновенно выступало за пределы полуострова после окончания жатвы. Нужно было закончить полевые работы. Вот как, например, передает это в тексте своей «Истории» Реммал-ходжа, повествуя о походе Сахиб-Гирея с османским войском против Молдавии: «В это самое время от падишаха приехал чауш, поцеловал руку хана, вручил ему высочайшее повеление и ждал ответа. Ему указали место и посадили. Повеление было прочтено, в нем заключалось следующее: «Брат мой великий хан, да будет Вам известно, что молдаване, неверные и беспокойные, начинают выказывать измену и, возмечтав о себе, подобно проклятому сатане, притесняют некоторых мусульман. Я вознамерился пойти и, очистив молдавскую землю от нечистого неверия, наказать их. По этому случаю приходите и вы с татарским войском, мы будем очень почтены вашим товариществом, потому что очень желаем вас видеть. Конечно, вы не преминете прийти». Хан очень был обрадован этим повелением, сейчас же приказал написать ответный ярлык, а чауша наградил почетной одеждой. Ответ был такой: «Во 2-м месяце жатвенного времени мы с войском, переправясь через Днепр, направимся к Аккерману, потом оттуда я с вами уговорюсь. Если же пойти в пору жатвы, то войска будут терпеть лишения»³.

¹ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 45.

² Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin).

³ Ibid.

Обычно ханский ярлык повелевал подданным собираться к Перекопу в недельный срок. Так, Реммал-ходжа пишет: «Тотчас же отдано было приказание, чтобы от каждого дома, сколько их есть, было выставлено по повозке... чтобы каждый запасся на месяц провизией, и в недельный срок все собрались бы к Перекопу. В шесть дней все прибыли к Перекопу, одним словом, повинуюсь приказу падишаха, никто не уклонился от его исполнения»¹.

Военная тактика ханства была в основе своей традиционной, восходящей еще к ордынским временам², однако эта тактика была обогащена османским влиянием. В конце XV в. в ханском войске появилась легкая полевая артиллерия — *зарбузаны* (*зарбзены*), которые перевозили на лошадях или верблюдах. В 1502 г., снаряжаясь в поход против хана Большой Орды, Менгли-Гирей, по сообщению московского посла И. Г. Мамонова, «взяв с собою и пушки». Во второй четверти XVI в. крымские татары переняли классический османский *дестур-и руми* — боевой порядок, ядром которого был вагенбург-табор из повозок (*зарбузан арабалары*), оснащенных легкой артиллерией (фальконетами — *зарбузан*), внутри которого находились стрелки — *тюфенгчи*³.

Все современники подчеркивали легкость вооружения рядового татарского воина. «Оружие их состоит в луке и стрелах; копье у них редкость», — писал в начале XVI в. имперский посол С. Герберштейн и далее подчеркивал, что татары уклоняются от ближнего боя, не выдерживая его, «не имея ни щита, ни копья, ни шлема». Спустя несколько десятилетий после С. Герберштейна Михалон Литвин, следуя античной традиции, в полемическом задоре еще более заострил эту черту татарского воина. Он сообщал своим читателям, что они «снаряженные по обычаю своему, а именно — многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни, по крайней мере, были вооружены костяными, другие — деревянными палками, третьи — с пустыми ножнами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают». Интересно, что примерно в том же духе высказывался много ранее о вооружении воинов Большой Орды итальянец А. Контарини. Прошло еще несколько лет, и англичанин Дж. Флетчер писал: «Они... все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой... Некоторые кроме другого оружия берут с собой пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды... Но мурзы, или дворяне,

¹ Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin).

² Иценко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 138.

³ Остапчук В. Хроника Реммала Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 402–403, 405–406.

подражают туркам и в одежде, и в вооружении». Наконец, спустя еще полвека француз Г. Л. де Боплан, описывая облик татарских воинов, отмечал, что «вооружены они саблей, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож... Только самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну [считай] голыми»¹.

Уже при Сахиб-Гирее в состав ханской гвардии были включены отряды пехотинцев-тюфенгчи, набираемых из рабов-черкесов и местного оседлого населения, общей численностью от 200 до 1000 человек. Они были вооружены и обучены по образцу и подобию турецких янычар. Подразделения наемных стрелков с этого времени стали обязательным компонентом войска крымских ханов².

Ручное огнестрельное оружие начало распространяться на Крымском полуострове в XVII в. Однако поначалу собственного производства в Крыму не было. Основным источником для характеристики производства вооружения в Крыму этого времени является Эвлия Челеби. Описывая «высокий дворец правосудия» в Салачике, он упоминает, что у ханов была там особая оружейная: «Теперь в этом дворце нет ничего, кроме оружейной. Там много вещей, некогда принадлежавших ханам»³. «Основным славным ремеслом людей этого города, — пишет Эвлия Челеби о Бахчисарае, — является изготовление разнообразных седел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером коршуна»⁴.

В Крыму в то время существовали целые деревни, занимавшиеся оружейным промыслом. Так, Эвлия Челеби описывает деревню Яйшили: «Народ здесь зовется яйшили, т. е. лучники, потому что с удивительным мастерством они делают татарские луки. Затем селение Шанике. Затем стоянка-селение Бузьяйши. И здесь делают странные луки»⁵.

Интересно, что, говоря о ручном огнестрельном оружии в Крыму, Эвлия Челеби почти всегда упоминает крымских христиан. Описывая крепость Ор, он замечает: «Там есть начальник крепости и 500 стражников-секбанов с ружьями. Но все они — греческие джигиты (Rûm yigitler). Потому что татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «Мылтык коп», и туда не идут. Татарский народ называет ружье *мылтык*». Комментатор Эвлии Челеби справедливо сравнил эту фразу (видимо, часть поговорки) с сообщением Андрея Лызлова: «[Татары] к приступам городов не суть способны. Ибо пушек и пищалей не имеют. Боящихся оныя своя приповести: «Алтур пок, душа йок», яко бы души нет»⁶. В XVIII в. Бахчисарай стал уже крупным центром производства огнестрельного оружия, прежде всего ружейных стволов, которые

¹ Цит. по: Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 59–60.

² Остапчук В. Хроника Реммала Ходжи... С. 391–422.

³ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 39.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 12.

получили название «крымских» и распространились широко, в частности на Северо-Западном и Центральном Кавказе¹.

Впрочем, по другим данным, в самом Крыму ружья все еще были редки. И. Тунманн (1777 г.) прямо пишет о крымских татарах: «Сабля, ружье и пара пистолетов составляют вооружение богатых, но большинство имеют только луки и стрелы или деревянную пику, закаленную или заостренную при помощи огня»².

«Основанное саблей Крымское ханство поддерживало свое существование саблей же. Однако была ли воинственность крымских татар их врожденным качеством или же необходимым условием существования их общества и государства?» — задается вопросом В. В. Пенской. И справедливо отвечает на него: «Крымским татарам... удалось создать эффективную военную машину, которая вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для соседей. И только после того, как в результате военной революции в странах Европы появились массовые регулярные армии, прекрасно оснащенные модернизированным огнестрельным оружием и великолепно обученные, военная мощь Крымского ханства оказалась сломленной, а само ханство утратило свою независимость»³.

§ 4. Исламские государственно-религиозные институты

Крымское ханство на пике своего развития вне всякого сомнения являло собой пример высокоразвитого исламского общества, где на государственном уровне действовал шариат. Если применительно к Казанскому или Астраханскому ханствам, поглощенным Москвой в середине XVI в., немного можно сказать об особенностях влияния исламской концепции государства на политику этих джучидских юртов, то относительно Крыма ситуация совершенно иная. Чингизидская концепция наследственного права, доминировавшая в XV–XVI вв. в джучидских государствах, в XVII–XVIII вв. в Крыму уступила место исламским государственным идеям.

Социально-политическая доктрина ислама не предполагает каких-либо границ между сакральным и мирским, светским и религиозным. Это положение имеет чрезвычайно важное следствие в понимании сути государства. Идеальное исламское государство — это община верующих, следующих божественному закону — шариату, который одновременно есть абсолютный государственный закон.

В Крымском ханстве мы встречаем все институты развитого исламского государства: систему учебных заведений (*мектебов и медресе*), класс религиозно образованных людей (*улема*), собственную школу богословия и *фикха* (юриспруденции), богатую традицию исламской книжности.

¹ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004.

² Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 23.

³ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... С. 64.

Одним из старейших образовательных учреждений ханства было медресе, получившее позднее название «Зынджирлы» — учебное заведение, учрежденное и построенное ханом Менгли-Гиреем I около 1500 г. в предместье Бахчисарая — Салачике. Оно получило свое современное название от слова «зынджир» — цепь, подвешенная над входной, открывавшейся внутрь дверью, эта железная цепь заставляла каждого, кто входил в храм мудрости, почтительно склонять голову. Это название является поздним и возникло, скорее всего, не ранее начала XIX в. (документы XVII–XVIII вв., в том числе и реестр 1200 (1785/6) г. называют медресе по имени его основателя — «медресе Менгли-Гирея»).

Здание медресе, безусловно, было построено не на пустом месте: ему предшествовало какое-то иное строение или даже их группа, т. е. поселение, возможно, относящееся еще ко времени Золотой Орды. В стене здания сохранилась плита с трехстрочной арабской надписью, очевидно, переиспользованная. С архитектурной точки зрения Зынджирлы — близкое к квадратному плану каменное здание. По периметру большого четырехугольного внутреннего двора идет галерея, перекрытая 10 полусферическими куполами, которые опираются на стрельчатые арки и столбы. С трех сторон расположены 13 комнат (*худжра*, или *ода*) для студентов (*сохта*).

Тарих над входом в здание гласит: «Приказал построить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли-Гирей-хан, сын Хаджи-Гирей-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 906». Зынджирлы было едва ли не единственным исламским учебным заведением на территории европейской части Золотой Орды, где преподавание не прерывалось на протяжении 400 с лишним лет, вплоть до начала XX в.

Основой экономического благосостояния крымских медресе (содержание преподавателей-*мюдеррисов*, а также поддержание самих учебных заведений) были, как правило, *вакфы* (*вакуфы*), т. е. движимое и недвижимое имущество, отчуждаемое частными лицами в пользу богоугодных заведений. Так, в начале XVII в. хан Гази-Гирей передал в вакф лавку, дом и кофейню в Гёзлеве, доход от которых предназначался для мюдерриса медресе Менгли-Гирея, т. е. Зынджирлы¹. Основой финансового благосостояния медресе были вакуфные земли (около 5000 десятин) при деревне Улукул, в 25 верстах от Бахчисарая, на западном побережье. По преданию, в *вакф-наме* Зынджирлы было оговорено, что муфтии Крыма одновременно являлись бы и мюдеррисами этого медресе.

Имам-хатыбы в мечетях османских владений назначались лично султаном (например, в начале августа 1742 г. султан Махмуд I специальным бератом назначил хатыба во вновь построенную усердием моллы Мухаммеда на Мангупе мечеть Мухаммеда-Кальфы). Новый султан подтверждал назначение (в первой половине июня 1757 г. Мустафа III, например, подтвердил упомянутому Мустафе его право

¹ Туран А. Н. Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // КНП. 2002. № 30. С. 91.

быть хатыбом в мангупской мечети)¹. Вообще должности в османских владениях утверждались падишахом, хотя крымский хан мог хлопотать за отдельных персон. Например, до 1486 г. *кадием* в каффинском кадылыке был кади Хюсам, которого, вероятно, сместили, и Менгли-Гирей специальным письмом султану Баязиду снова просил его назначить².

Исторически сложилось так, что столичное бахчисарайское духовенство кормилось с денег таможи Гёзлева — единственного порта Крымского ханства до 1774 г. Каффинское духовенство, относившееся до 1774 г. к османской *ливе* Кефе, получало доходы соответственно с каффинской османской таможи. Возможно, что после того как Каффа вошла в территорию ханства, часть портовых денег была перераспределена в пользу Бахчисарая³. Так, согласно Камеральному описанию Крыма 1784 г., при хане Шахин-Гирее ханская мечеть в Бахчисарае имела двух *мухадзызов* — Абд ар-Рахим-эфенди и Сами-эфенди («Абдул Ибрагим Эфенди» и «Сали Эфенди»), которые получали за свои библиотечные обязанности по полтора рубля в месяц из доходов таможи Каффы. Оба хранителя совмещали библиотечную работу с другими должностями. Первый при той же мечети служил учителем богословия, а второй — *тюрбедаром* (хранителем двух мавзолеев — *тюрбе*). Эта служба оплачивалась из доходов таможи порта Гёзлев⁴.

Собственно крымских кадиев, которые жили на территории ханства, если они неправильно судили, мог смещать муфтий, живший в Бахчисарае. После соглашения 1775 г. (т. е. после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.) он, как и все крымские кадии, определялся на должность стамбульскими кадиаскерами⁵.

Важной чертой исламской организации в Крыму были так называемые *дёрт оджах* (درت اوچاق) — «четыре очага». Так назывались четыре суфийских братства, в форме которых было организовано ученое сословие — *улама* и земельные владения, принадлежащие ей в Крымском ханстве⁶. Четыре группы *уламы*, которые назывались *ташлы*, *колеч*, *качи* и *чоюнчу*, упоминаются еще Эвлией Челеби. В тексте «Семи планет» Мухаммеда Ризы очаги именуются «четырьмя столпами государственного трона и блюстителями окна правительственных дел Крымской области»⁷.

Судя по всему, три очага были по происхождению чисто крымскими, а очаг *качи* был халватийским (суннитский тарикат *халватийа* возник в Северо-Запад-

¹ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1881 год. СПб., 1883. С. 48. № 8.

² Григорьев А. П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // Востокведение: филологические исследования. Л., 1987. Вып. 13. С. 129.

³ Зайцев И. В. К истории библиотеки Большой мечети Бахчисарайского дворца // IV научные чтения памяти Усейна Боданинского. 17–19 октября 2012 г. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 17.

⁴ Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. 1897. № 3. С. 58, 62, 63.

⁵ Тунманн И. Крымское ханство. С. 26.

⁶ Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. 1913. № 50. С. 144, 154; Он же. Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 463; Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая). С. 189.

⁷ Асеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 232–233, 295.

ном Иране в XIV в. среди тюркского населения и достиг своего расцвета в XVI в. в Османской империи)¹.

Эвлия Челеби гостил в Качи в *текке* святого Хызра Шаха-эфенди. По его словам, «это азиз, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени как аскет, так и муджахед, великий султан святых нищих суфиев». Рядом с *текке* были похоронены отец Хызра-эфенди Мухаммед-эфенди и его дед Хусейн-эфенди. Последний был родом из Сиваса, его наставником являлся шейх тариката халвати Якуб-эфенди, похороненный, по словам Эвлии Челеби, в пригороде Инкермана. Судя по сведениям Эвлии Челеби и тексту «Семи планет», должность главы очага (*шейха*, или *седджеде нишина*) была наследственной.

Четыре очага перечисляются французским консулом в Крыму Шарлем де Пейссонелем (1727–1790) в середине XVIII в.: «Они обладают землями, на которых находятся монастыри дервишей — *теккэ* и могилы некоторых лиц, считающихся святыми и которых татары посещают из набожности. Среди этих четырех родов самый старший делается шейхом или архимандритом монастыря, принадлежащего его роду, и пользуется доходами с него, завещанного богоугодным делам, со всех складов и со всех земель, образующих имущество монастыря... Остальные *теккэ* Крыма им подчинены, их земли — неприкосновенные убежища для всякого рода лиц, и они пользуются с незапамятных времен очень большими привилегиями»².

Названия очагов соответствуют названиям деревень, в которых жили шейхи очагов. Так, Эвлия Челеби описывает деревни Колец (Коледж), где «жил шейх — святой Ахмед-эфенди... предсказатель и великий султан. Теперь у него 40 тысяч мюридов с бритыми усами, он их предводитель на [мистическом] Пути». В деревне Чююнчу во времена Эвлии жил Мехмед-эфенди, «первый среди тех, чья молитва услышана»³.

Представители четырех очагов играли выдающуюся роль в жизни ханства, сильно влияя на судьбу ханов, принимая участие в дипломатических миссиях и прочем.

Весьма распространено в Крымском ханстве было почитание шейхов. Многие из них пользовались покровительством ханского двора и участвовали в политической жизни. В сочинении Реммала-ходжи «История хана Сахиб-Гирея» (середина XVI в.) рассказывается об одном из таких крымских шейхов по имени Абу Бекр-эфенди Кефеви (т. е. уроженце или жителе Каффы), которого автор называет «средоточием эпохи». Последний, по словам Реммала, «чистый душою, как Иисус», «был в послушничестве у нескольких шейхов, видел многих великих людей, бесчетное число раз припадал лицом к порогу [османского] султана, провел в чужих странах, в пещерах Иерусалимских гор много сорокадневных молитвенных бдений, несколько дней провел в служении Богу

¹ Акимушкин О. Ф. Халватийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 267.

² Пейссонель Ш. Записка о Малой Татари. Днепропетровск, 2009. С. 30.

³ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 25, 27, 69, 124.

в Медине, многократно был на поклонении у священной Каабы... Ему там было указание свыше, чтобы он пошел и в окрестностях Каффы направлял народ на путь истины»¹. Возвращаясь из Мекки, Абу Бекр-эфенди говорил окружающим, что Сахиб-Гирею будто бы Богом надлежит совершить три похода, в двух из которых — на Кабарду и Астрахань — шейх будет сопровождать хана. Позже самому Сахиб-Гирею, который получил известие о пророчестве шейха, он сообщил, что это предписание было ниспослано ему самим пророком Мухаммедом. В астраханском походе Абу Бекр-кальфа находился при хане, и, как пишет Реммал, дней за пять пути до города, «в то время как (хан) занимался перечислением войск, шейх отправился прямо на могилу одного святого и до возвращения войск предавался там молитве и чтению Корана. Когда же он уходил, то принес с собою бывший в головах у него (святого) посох [ʿāsā], так как этот посох, по преданию, остался от друга Божия (Мухаммеда)»².

За свои заслуги шейхи получали от ханов всевозможные льготы (прежде всего финансового характера), многие шейхи становились воспитателями-аталками ханских отпрысков. Так, в 1577 г. Мухаммед-Гирей выдал ярлык на имя Абдураззак-шейха об освобождении его от податей и сборов за его подвиги на поприще веры³. В 1584 г. Ислам-Гирей выдал ярлык об освобождении аталыка Абдурахман-шейха из рода Ясеви от податей. В следующем году тот же хан назначил того же шейха наставником своего наследника Девлет-Гирея⁴. Религиозные деятели (муллы-богомольцы) часто становились доверенными лицами ханов, выполнявшими дипломатические и торговые поручения. Например, у Менгли-Гирея был доверенный человек-богомолец мулла Бахауддин (*молна Багавадын*), выполнявший поручения хана в Москве и других странах (Менгли-Гирей, например, посылал его в Египет)⁵.

Одним из наиболее почитавшихся был шейх Кемаль-ата, основатель дервишского текке в Старом Крыму⁶. Кемаль-ата (كمال آتة) — шейх дервишского монастыря, живший в эпоху сложения Крымского ханства. Его имя занимает значительное место в житийном памятнике Эбуль-Хайра Руми «Салтук-наме». Рассказы о Баба-Салтуке были сведены в цикл около 1480 г., но дополнялись и обрастали новыми эпизодами и позже. В этом памятнике Кемаль-ата предстает вместе с Кара-Даудом и Чобан-атой (который был будто бы братом Кемаль-аты) как один

¹ Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты. С. 145; Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin). S. 83.

² Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin). S. 83–86, 102; Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты. С. 145–147.

³ Акчокраклы О. Крымско-татарские и турецкие исторические документы XVI–XIX вв., вновь поступившие в Крымский центрархив // Бюллетень Центрального архивного управления Крымской АССР. Симферополь, 1932. № 2 (8). С. 13. № 10.

⁴ Там же. С. 13. № 12, 13.

⁵ Сб. РИО. Т. 41. С. 107; Зайцев И. В. К истории дипломатических связей... С. 49–50.

⁶ Асеев о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 78–79.

из главных сподвижников Сары-Салтука в Крыму, могучий предводитель *газиев*, который борется с неверными, в том числе с русскими. В частности, говорится, что он выводит на бой 1400 дервишей, а его дервишам принадлежат 400 мечетей и т. д. Несмотря на совершенно фантастические сюжеты и анахронизмы в тексте «Салтукнаме», историчность Кемаль-аты сомнений не вызывает¹. Его как «великого святого и обладателя мистического экстаза» (*сахиб-э хал*), а также его дервишей в Старом Крыму упоминает в своем сочинении Абдулла ибн Ризван (около 1638 г.)². Мухаммед Риза в «Семи планетах» упоминает *ханака* Кемаль-аты в Солхате, называя его совершенным *асхабом* и избранным шейхом³.

Именем Кемаль-аты (Кемаль-Бабы) был назван холм на северной окраине Старого Крыма. Эвлия Челеби видел в городе возле Кефинских ворот зиярет Кемаль-аты, где «на рынке, возле благородной могилы святого Кемаль Ата-султана, *тарих* на источнике живой воды: «Из воды — все живое». А также: «Для души Кемаль Ата-фатиха, год 1057» (1647 г.)⁴. «Остатки развалин монастыря» были видны еще в 1884 г., как писал В. Д. Смирнов, «в довольно рельефных очертаниях». По словам В. Д. Смирнова, холм «слывет за могилу знаменитого Мамая, но это очень сомнительно»⁵.

Весьма высокое место при ханском дворе занимали сейиды — потомки пророка Мухаммеда. Например, в июне 1486 г. Иван III посылал «Кирей-Сииту, цтю цареву», т. е. сейиду по имени Гирей, которым был чтецом у Менгли-Гирея, золотой. Такая же сумма была послана ему и в августе⁶. Судя по месту, на котором он был перечислен среди тех, кому полагались «поминки», сейид этот занимал очень высокое положение при дворе: он упомянут сразу же после родственников

¹ *Ebül-Hayri-Rumi. Saltuknamə, I Cild. Toplayan və tərtib edəən Prof. Dr. Şükrü Haluk Akalın. Bakı, 2007. S. 111–125.*

² *Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи»... С. 16; Zajaczkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak... S. 29–30.*

³ *Асеев о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов... С. 78–79.*

⁴ *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 82–84.*

⁵ *А. Маркевичу могилу Мамаю показывали не на холме Кемаль-ата, а в другом месте. «Впрочем, — как писал А. Маркевич, — слово “Мамай” сделалось в Старом Крыму почти нарицательным именем, и многие курганы называются здесь Мамаями. По словам В. Д. Смирнова, в 1886 г. на холме были «видны лишь немногие надгробные памятники с именами шейхов, остатки фундаментов прежних зданий дервишского текье да, может быть, погребальных тюрбе». Уже в это время склепы были разорены, а западный склон распахан под табачную плантацию. См. также: *Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // КНП. 2006. № 79. С. 144; Крамаровский М. Г. Где могила Мамаю? // Родина. 2005. № 9. С. 77–78; Маркевич А. Поездка в г. Старый Крым // ИТУАК. 1888. № 6. С. 71–72; Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОРАО. СПб., 1886. Т. 1, вып. IV. С. 278–279; Он же. Крымско-ханские грамоты. С. 143–144; Он же. Крымское ханство... М., 2005. Т. 1. С. 91.**

⁶ *Сб. РИО. Т. 41. С. 54, 56–57.*

хана и беков-карачи. В шертных грамотах при принесении присяги сейиды всегда упоминаются непосредственно вслед за ханами и султанами, выступая гарантами клятвенных обязательств¹. Высокое положение сейидов при крымском дворе и в целом в ханстве отразилось в их родственных связях как с правящей династией, так и с влиятельными крымскими кланами. Есть данные и о «меньших» сейидах, которые существовали при дворах царевичей вместе с уланами, слугами и князьями.

§ 5. Экономика

В российской и западноевропейской историографии долгое время господствовали превратные представления о низком, примитивном уровне развития экономики в Крымском ханстве. Ханство представлялось паразитическим государством, где отсутствовали земледелие и ремесло, а все доходы сводились к транзитной торговле рабами, захваченными в грабительских походах на русские, польские и кавказские земли. Как справедливо замечает А. М. Некрасов, «в исторической литературе неоднократно указывалось на такой аспект экономической жизни ханства, как постоянное поступление военной добычи, а также русских, литовских «поминков» (дани). Немаловажное значение имела и работоторговля. Одна из точек зрения, наиболее полно сформулированная А. А. Новосельским, абсолютизирует этот момент. Разумеется, в основе агрессивных претензий крымских ханов к соседям лежали старые золотоордынские амбиции (особенно в XV–XVI вв.). Однако сводить экономику ханства к паразитическому потреблению награбленного — это слишком упрощенно»².

Причиной этих представлений в значительной степени были сведения европейских авторов XVI–XVII вв., которые часто рисовали тенденциозную картину экономической жизни на полуострове. Так, например, в начале XVI в. Матвей Меховский писал о полном отсутствии у татар ремесел, культуры производства пшеницы и овощей, отмечая при этом, что татарское земледелие ограничивается лишь двумя-тремя короткими бороздами засеянного проса³. Мартин Броневский в 1578 г. писал о существовании у татар зимовников и земледелия в Очаковской степи. Татары обычно выходили на кочевание в апреле, а возвращались для сбора хлеба в конце лета и оставались там на зимовку. Лишь теперь, писал он, «очень многие из них обрабатывают поля и часто собирают сено»⁴.

¹ Каралюс Л. Несколько замечаний по поводу исламской терминологии в книгах Литовской метрики XV–XVI вв.: русское *сеит*, литовское *sajidas*, английское *sayuid*, польское *sejjid*, русское *сейид* (*саййид*) — «потомки Мухаммеда и семьи халифа Али» // Новости Литовской метрики. 2010. Vilnius, 2011. № 12. С. 33.

² Некрасов А. М. Из истории Крымского ханства... С. 157–158.

³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 59.

⁴ Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. С. 337–338, 339.

Уже В. Е. Сыроечковский на основе анализа источников поставил под сомнение неразвитость земледелия, придя к справедливому выводу о его важности для Крыма¹.

В начале своей истории Крымское ханство действительно имело все признаки кочевого улуса². Маршруты сезонных перекочевок были традиционно организованы по меридианальному принципу: весной — на север (за пределы полуострова), осенью — на юг. Это, кстати, стало одной из причин столкновения молодого Крымского ханства с Большой Ордой. Скорее всего, это земледелие поначалу было нерегулярным, что свойственно кочевому хозяйству, которое по большей части было натуральным и самодостаточным. Земледелие при этом играло вспомогательную роль.

Тем не менее не подлежит сомнению, что татарские общины занимались хлебопашеством уже в XV в. Так, в 1454 г. каффинцы закупили татарский хлеб с целью последующей перепродажи его в Трапезунд³. Роль земледелия в экономике ханства с момента его основания, видимо, неуклонно росла параллельно процессу оседания татар на землю. Уже в ярлыке Улуг-Мухаммеда мы встречаем такие категории населения, как «оседлые и юртные»⁴. Верховная власть, по всей вероятности, была заинтересована в процессе седентаризации, недаром в одном крымско-татарском источнике мы встречаем сведения, что хан Сахиб-Гирей в XVI в. повелел уничтожить телеги кочевников, на которых они перевозили свое хозяйство⁵. В XVII–XVIII вв. земледелие практиковалось в основном в южной части полуострова (основными возделываемыми культурами были просо и пшеница). Крым довольно часто, особенно в кризисные годы неурожаев на южных берегах Черного моря, служил источником поступления зерна в регионы Османской империи (Трабзон, Джаник и др.).

Ведущее положение в экономике, безусловно, занимало мясное и молочное животноводство. Судя по ханским ярлыкам, весьма развиты были также виноградарство и виноделие, садоводство и огородничество. Большие доходы ханскому двору приносила добыча соли.

Крымское ханство имело собственную денежную систему. Но уже в конце XVI — начале XVII в. установились практика одновременного хождения османских, русских, литовских и польских денег при чеканке крымскими ханами своих монет, а также традиции торгового обмена с сопредельными странами, порядок взимания пошлин ханами и т. д.

¹ *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 11–12.

² *Ракушин А. И.* Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XV вв.) // *Археология Восточно-Европейской степи.* Саратов, 2007. Вып. 4. С. 214–239.

³ *Карпов С. П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // *ВВ.* 1989. Т. 50. С. 32.

⁴ *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // *Востоковедение: филологические исследования.* Л., 1984. Вып. 10. С. 136.

⁵ *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи... С. 384.

Ремесленное производство в Крымском ханстве, как и во многих других исламских землях, было организовано по цеховому принципу. Основной ячейкой организации были так называемые *эснафы* (اصناف — множественное число от арабского صنف — «словие», «цех», «разряд»), ремесленно-религиозные объединения — цехи, получившие распространение на территории Османской империи и в Крыму¹. Этот принцип пережил в Крыму падение ханства, просуществовав до начала XX в.

Происхождение ремесла связывалось с ранней историей ислама и имело, по сути, божественный характер. По распространенному в Крыму преданию, пророк послал своего зятя Али с 32 джигитами на врагов. Джигиты одержали победу, причем отличился храбростью знаменосец Шейх-Мухаммед, за которого Али отдал единственную дочь. По случаю свадьбы устроили пир, для которого были зарезаны 33 барана, 33 козла и 33 быка. Оставшиеся шкуры были отданы Шейх-Мухаммеду, который выделал из них цветную кожу и стал, таким образом, родоначальником кожевенного промысла. «Али, взяв одну из выделенных кож на жезл, стал ее гладить рукояткой своей плети, отчего кожа получила блеск. «Теперь усовершенствовалось ремесло», — воскликнули джигиты, и каждый из них избрал для себя ту или иную его отрасль, став вместе с тем и ее родоначальниками, или изобретателями (пирами). Вот почему все виды татарской промышленности должны относиться к этим 33 ее родам»². «Татарское предание рассказывает, что этот Шейх Мухаммед, сподвижник и родственник по жене одноименного с ним основателя ислама, впервые выработал цветные кожи, а Али — его тесть — при помощи рукоятки своего кнута придал им глянец. Тогда их джигиты, в числе тридцати двух, выбрали себе каждый какое-либо ремесло, став его основателями и покровителями (пирами)»³.

В Крыму сформировались цехи земледельцев, пастухов, кожевников, плотников, кузнецов, литейщиков, медников-лудильщиков, горшечников, сапожников-сафьянщиков, золотых дел мастеров, пекарей, каменщиков, штукатуров, портных, *хаттатов* (каллиграфов), бакалейщиков, мануфактуристов, ткачей и пр. По одному из списков число цехов доходило до 50. Каждый цех имел свой устав — «Селеф-наме», «согласованный с шариатом».

В наибольшей степени, довольно подробно описана цеховая организация в двух крымских городах: Бахчисарае и Карасубазаре. Одно из первых упоминаний цехов принадлежит Эвлии Челеби: в его время в Бахчисарае в семи местах были комнаты для холостяков. «В каждой из них — мастера различных искусств, холостяки из других стран, живут здесь и занимаются ремеслами. В основном это башмачники, тубетеечники и портные. У них есть старшины, а жилища обеспечиваются вакуфами»⁴.

¹ История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1.

² *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья вторая). С. 168.

³ *Никольский П. В.* Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь, 1924.

⁴ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме...

Каждый цех имел своего патрона — *пира*. Например, у дубильщиков это был Ахи Эврен, у *куркчи* (меховщиков) таким пиром был Абдалла ал-Асвад (как записал это у *уста-баши* цеха Османа Куркчи У. Боданинский). Устройство цеха было таково: во главе стоял уста-баши, первым его помощником был *игит-баши* (глава джигитов), второй помощник — *чауш*, который исполнял роль информатора и глашатая (*хаберджи*). Главой цехов города был *накыб* (уважаемый шейх), должность которого чаще всего передавалась по наследству. Например, бахчисарайскими *накыбами* долгое время были шейхи Азиса (последним был современник У. Боданинского Селямет-Эфенди Шейх-заде). Потомки этих *накыбов*, как свидетельствовал У. Боданинский, еще в 20-х гг. XX в. проживали в деревне Аиргуль.

Регулярно устраивались цеховые празднества — *теферудж*, во время которых происходило посвящение новичков, так называемые *раван* (*реван*)¹. После церемонии вновь поступившие становились *дестурли* (т. е. обладали полными правами членов цеха). Раван кожевников, происходивший в Бахчисарае с 28 мая по 1 июня 1827 г., описан Е. Булатовым в специальном очерке. Теферудж был признаком благосостояния цеха, ибо являлся мероприятием весьма затратным. По сведениям И. Гаспринского, большие празднества цехов происходили раз в 25 лет, в течение которых собирались деньги на них. Праздник обычно длился три дня. Начиналась церемония с общей молитвы за основателя цеха, покойных мастеров и общее благополучие. Далее в цех принимали новых учеников, которых во время церемонии обвязывали через плечо платком или шалью. Первый день завершался танцами и борьбой (*куреш*). Второй день был посвящен чтению правил цехового устройства, производств и торговли и поучениям на эти темы. Завершался он также танцами и борьбой. В третий день происходило торжественное посвящение будущих учеников: посвящаемый целовал руку посвящавшего его мастера, получал от него легкий подзатыльник, а его имя заносилось в цеховой список. Третий день завершался общей трапезой (в первые два дня из угощений были только чай и кофе). Такие праздники были весьма многолюдны. По подсчетам И. Гаспринского, в 1894 г. на празднике решетников и музыкантов в Бахчисарае угощались около 4000 человек, а на угощении кожевников присутствовали 5000 участников.

Каждый цех имел почетный значок («в форме раскрашенных палок»). Знамя цеха кожевников описывает Е. Булатов: «Древко, обтянутое зеленой бурметью (грубою бумажною тканью), перевязанною тесьмою; наверху древка была укреплена зеленая дощечка, и на ней изображено слово Аллах (Бог) вырезанными насквозь буквами величиною в два вершка. Это знамя дано право иметь одному кожевнику цеху». Каждая мастерская имела вывеску (*левха*). Текст одной из

¹ Булатов Е. Реван, или Торжественный обряд татар ремесленников в Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. М., 1840. Кн. III. С. 139–154; Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар (из поездки в Карасубазар) // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Симферополь, 2005. Ч. 1: Мусульмане. Крымские татары. Крымские цыгане. С. 378–388.

них приводит П. В. Никольский: «Каждое утро моя мастерская открывается именем Бога, и Шейх-Мухаммед мой пир и учитель».

Сохранившийся список «Селеф-наме дикичийа»¹, датированный 9 Раби I 1298²/24 января 1881 г., начинается с фразы: «Скажи, прибегаю к Аллаху от шайтана проклятого» и басмалы. Далее после вступления («Хвала Аллаху, который сотворил растения и деревья») в «Селеф-наме» перечисляются 33 шейха и учителя (*машаих ве устазлар*). Среди них мы встречаем всех 12 шиитских имамов, т. е. самого Али и его сыновей, Зейн ал-Абидина и далее до Мухаммад ал-Махди. Потом перечислены культовые персонажи раннеисламской истории, такие как Салман Фариси, Сулайман ал-Амаш ал-Куфи, Джафар ибн Абу Талиб ат-Тайяр, Канбар ибн Хамдан, Хасан ал-Басри и др.

Короткую выдержку из «Селеф-наме» опубликовал в 1894 г. И. Гаспринский: «Любите и берегите своих учеников больше, чем своих детей, ибо за них вы более ответственны перед Аллахом и людьми, они не ваши, они доверены вам»; «Любите и слушайте ваших учителей и мастеров более, чем родителей, ибо если первые обеспечили первые годы вашей жизни, мастера и хозяева, научая вас ремеслу, обеспечивают все продолжение вашей жизни посредством самостоятельного и прочного заработка»³.

Членство в *эснафе* означало и членство в мистическом братстве *футувва*, т. е. следование мистическому пути и четко прописанным в уставе правилам и принципам. Среди них особенно высоко ценились честность, верность слову, щедрость и гостеприимство. Однако в цехах могли работать и немусульмане (в упомянутом «Селеф-наме» 1881 г. оговаривалось участие в ремесленной деятельности «сапожников» русских и иудеев, для чего требовалось составление особого договора о присоединении)⁴.

Некоторые цехи (например, музыкантов) формировались из крымских цыган. В месяце мухаррам накыб посылал цыган (*чингине*) — членов цеха музыкантов по всему полуострову славить Хасана и Хусейна. В подобных процессиях ярко проявлялся шиитский характер цеховой организации. По данным А. Н. Самойловича, в Бахчисарае также в месяце мухаррам подобные процессии устраивали и туркмены-гурбеты⁵. Возможно, что родовое деление крымских цыган (кэмэнчи, аюджу, гурбэт и т. д.) было связано с цеховым делением.

По словам П. В. Никольского, бахчисарайские цехи представляли собой замкнутые организации, внутренняя жизнь которых регламентировалась

¹ В данном случае это, видимо, не портные, а сапожники, занимающиеся починкой обуви.

² В действительности дата соответствует 8 февраля 1881 г.

³ Гаспринский И. Из нашей жизни. Цеховые праздники в Бахчисарае // Переводчик. 1894. 26 мая.

⁴ Селеф-наме сапожников, 1881 г. // Архив БИКАМЗ. Кп. 11028–417.

⁵ Самойлович А. Н. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла Керем // ИТУАК. 1913. № 50. С. 205–221; *Он же*. Новое о туркменах // Живая старина. СПб., 1910. Вып. III. С. 276.

хорошо разработанным уставом («Селеф-наме»). Стремясь предупредить скопление работы в руках отдельного мастера, он подробно регулировал все хозяйственные отношения и определял технические правила работы: заработную плату, время открытия и закрытия мастерских, самое качество продукта. Наряду с этим устав заключал в себе правила поведения членов цеха, налагаемая за уклонение от них соответствующие наказания, начиная от штрафа и до закрытия мастерской (*ёлсус*) и высылки из города. Раскаявшийся нарушитель этих постановлений должен был принести публичное покаяние в мечети.

В состав цеха входили: мастер (*уста*), подмастерья (*калфа*) и ученики-мальчики (*шергим*); во главе стоял главный мастер — уста-башы, имевший двух помощников: по административной части — гигит-башы¹ и нечто вроде курьера — чауш. Спустя три года новопоступивший ученик переводился в разряд подмастерьев. Сделаться мастером он мог, только выдержав соответствующее испытание, что приурочивалось ко времени женитьбы. Посвящение в мастера и избрание администрации происходили на особых празднествах в честь пиров-покровителей ремесел (теферучах). В прежнее время, до 1827 г., они носили грандиозный характер общецеховых собраний, происходивших в шести верстах от города, в долине реки Качи. Сюда стекалось все ремесленное население Бахчисарая под знаменем своих цехов (санджак). Позднее теферучи были перенесены в Бахчисарай и собирались на вакуфных землях, в глубине ущелья, около Орта-Медресе. Здесь при большом стечении народа, под любопытными взорами женщин, покрывавших уступы соседних скал яркими пятнами своих цветных нарядов, происходила торжественная религиозная церемония, руководимая духовным покровителем цехов накыбом и его помощником сер-чешлие. Эти два лица могли принадлежать только к роду сеитов, потомков Мухаммеда через его дочь Фатиме и зятя Али. Среди толпы выделялись ищущие звания мастера с белыми перевязями через плечо, такие же перевязи были и у детей, приносимых сюда отцами-ремесленниками для зачисления в цехи. Вслед за религиозной церемонией происходили избрание уста-башы и их помощников и посвящение в звание мастера. Собственно выборов не было, а звание уста-башы вместе с присвоенными ему почетным посохом (*сырлы-таяк*) и парадной одеждой — желтыми сапогами и нарядным халатом и кушаком — покупалось за деньги. Их получал тот из мастеров, кто вносил больше денег в общественную кассу цеха, служившую для удовлетворения потребностей корпорации и целей взаимопомощи. Обряд посвящения мастеров носил оригинальную форму прохождения через ворота (*капу*), которые образовывали стоящие друг против друга накыб и серчешлие. Пропуская мимо себя длинную вереницу посвящаемых, накыб ударял каждого по спине и произносил следующие слова: «Не запирай никогда своих дверей, не открывай дверей своего ближнего (не воруй) и работай столько, сколько это необходимо для твоей жизни». Последняя фраза этой формулы, выражая пожелание быть довольным своей судьбой и не стремиться к лучшей доле,

¹ Здесь и далее в описании цехового праздника даются термины в транскрипции П. В. Никольского.

очень характерно передает основную черту современной ей психологии, типичной для средневекового общества, которое было разбито на ряд отдельных, изолированных друг от друга слоев и состояло из различных цехов, гильдий, сословий с прочно определенными правами и обязанностями каждого, со своей собственной корпоративной честью. Тефериuchi заканчивались обыкновенно общественной пирушкой, играми и борьбой¹.

Доходы крымских ханов складывались в том числе благодаря большому количеству налогов и податей. Уже в ханских ярлыках конца XIV — начала XV в. мы встречаем такие их виды, как *салык* — подушная подать, *тамга* и *тартнак* — налог на торговые операции, *ясак* и *калан* — натуральные и денежные подати, *курут* — с молочного скота, *гуменный* и *амбарный кисмет* — с разных хозяйственных объектов зависимых людей, а также налоги с собранного урожая, поземельный налог, с мелкого скота, ремесленников². Ярлыки эпохи раннего Крымского ханства (1453, 1459, 1467, 1468 гг.) перечисляют такие налоги: поземельный, за кошение, на скот, мостовое, перевозное, *ясак*, *калан*, *алуфа*, *сюсюн*, *подымный*, *тамга*, *весовое*, *военный*, изготовление стрел, на хлеб, муку, доски, кил, соль, мед, краску, ткани, рабов и др.³ Исходя из ханской (государственной) собственности на соляные озера, можно сделать вывод о налоге на соль. В более позднее время по источникам известны нерегулярные налоги: на наследство (*бейту-ль-мал*) и «дыхание ветра» (*бад-и гава*), т. е. на невест, а также разного вида штрафы. Существовали повинности и налоги для поддержки функционирования власти и государства: *черик* — военная повинность, *бадж* и *харадж* — дорожные сборы, *подводы*, *фуражи*, *постои*, *чрезвычайные налоги*.

В XVIII в. буджацкий сераскир, подчинявшийся крымскому хану, получал «по одному пиастру с каждого дома его орды и по одному барашку с каждого поселения; сверх того, орда должна была дать пятьсот быков, если он идет на службу»⁴.

¹ В последний раз такое собрание происходило в 1914 г. (*Никольский П. В.* Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии).

² *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Тохтамышы // Востокведение: филологические исследования. Л., 1981. Вып. 8. С. 125–136; *Он же.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востокведение: филологические исследования. Л., 1984. Вып. 9. С. 124–142; *Он же.* Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востокведение: филологические исследования. Л., 1984. Вып. 10. С. 122–142.

³ *Березин И.* Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 1–9; *Он же.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Там же. С. 10–23; *Смирнов В.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1918. № 54. С. 1–19; *Кураш А. Н.* Собрание сочинений. Казань, 2014. Кн. 1: Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы; *Зайцев И.* Алкоголь в Золотой Орде и Крыму (XIV–XVIII вв.) // Orientalistica Iuvenile: Сборник работ молодых сотрудников и аспирантов / ИВ РАН. М., 2001. Вып. I. С. 100–137.

⁴ *Пейсонель Ш.* Записка о Малой Татарии. Киев, 2013. С. 35.

Ряд земель за пределами Крымского ханства платил в ханскую казну ясак натурой или деньгами. Так, из Молдавии в Крым поступал в этом качестве мед¹. С момента образования ханства вплоть до 1530-х гг. (как минимум)² значительная сумма (поначалу 2000, а потом 1000 алтын) выплачивалась в Крым с Одоевского княжества³. Хан эти деньги жаловал своему сокольничему. Ислам-Гирей в 1530-х гг. писал об этом в Москву так: «Твоею казны к нам поминки по обычею идут. А с казною с твоею нам идет с Оदेва тысеца алтын московскими денгами. А мы их даем соколничему своему Кудояру-князю — его то взимок. И ныне есми его к своему послу прикошевал, послал к тебе, брату своему, и ты б ему велел дати. Да еще еси посылывал к нам ястреб белой поминок от себя. И ты б ныне однолично с ним ястреб послал к нам»⁴. Возможно, в этом случае мы имеем дело с реликтом ордынской дани, на часть которой, как на наследие предков, крымские ханы претендовали (не зря Менгли-Гирей заявлял, что Одоев и другие 35 городов «из старины деда нашего [Таш-Тимура] были»).

Весьма развита в Крыму была и торговля. По словам Эвлии Челеби, в его время (в середине XVII в.) в Бахчисарае насчитывалось 1100 лавок. «В каменном, крытом куполом здании безестана есть бесконечное множество разнообразных товаров. Там очень много [лавок] портных, сапожников, москательщиков, а также кофеен и буза-хане»⁵. Эта торговля прежде всего была ориентирована на внутренний спрос и осуществлялась самими производителями товаров. В Османскую империю из Крымского ханства вывозились зерно, мед, кил (мыльная глина) и соль.

Крым в силу географического положения был одним из крупных центров транзитной торговли. Крымские порты, торговые операции через которые были обложены государственным налогом, являлись одним из самых важных источников поступления доходов в казну. Это положение изменилось после 1475 г., когда все они, кроме Гёзлеве (Евпатории), стали османскими. Впрочем, с 1484 г. османы начали выплачивать ханам *сальяне* — регулярную выплату с портовых доходов, которая должна была возместить потерю ханом дохода. По подсчетам А. Галенко, почти через сто лет после захвата турками Южного берега Крыма, в 1570 г. прибыль с османских портов полуострова в два раза превышала поступления с подушного налога и сельского хозяйства⁶.

¹ Зайцев И. В. «Пропавшая грамота» (ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафаге 1693 г.) // ТС 2006. М., 2007. С. 174–182.

² Возможно, до 1547 г., когда княжество перестало существовать.

³ Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 215–234.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 145.

⁵ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме... С. 50.

⁶ Галенко О. Економічне життя в османському Надчорномор'ї: між царством ісламу та краєм війни // Економічна історія України. Історико-економічне дослідження: в 2 т. Київ, 2011. Т. 1. С. 480.

Работорговле в Крымском ханстве посвящено значительное количество трудов¹. Этот вид деятельности действительно играл важную роль в экономике региона, но для подавляющей массы татар, по всей видимости, не был основным, затрагивая лишь правящие слои.

Налогообложение ханской властью мусульман, а также христиан и иудеев полуострова, по всей видимости, никогда не обеспечивало государственные потребности. Это толкало крымских ханов, не чуждых к тому же идеям священной войны (*джихада*), к грабительским походам за пределы Крыма с целью захвата пленных и их последующей продажи в Османскую империю.

В XVII–XVIII вв. в экономике ханства происходили важные структурные изменения: неуклонно сокращалась доля доходов от военной добычи, а с конца XVII в. уменьшились доходы от работорговли, что наложило отпечаток на экономическое положение ханства, резко его ухудшив. В конечном счете это стало одной из причин падения экономической и военной мощи государства.

---

¹ *Quirini-Popławska D.* Włoski gandel czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu. Kraków, 2002; *Карпов С. П.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ. 1986. Т. 46. С. 139–145; *Зайцев И. В.* «Вольная грамота» турецкого султана...; *Kizilov M. B.* The Black sea and the slave trade...

Глава 17

Народы и религии, культура

И. В. Зайцев

§ 1. Тюркские народы. Ислам. Культура ислама

Крымское ханство на всем протяжении его истории не было моноэтническим и моноконфессиональным государством. Его населяли народы, говорившие на тюркских языках, греческом, армянском и итальянском, которые исповедовали ислам, различные формы христианства и иудаизма.

Большинство населения ханства составляли крымские татары — тюркоязычный народ, сформировавшийся на территории Крымского полуострова на основе смешения местных тюркских западно-кыпчакских племен (половцев), остатков иных (в том числе тюркоязычных) кочевых групп, индоевропейского населения (аланы, греки, готы и др.), а также тюркских и монгольских племен, заселивших Крым после монгольского завоевания Восточной Европы. Формирование крымско-татарской этнической общности началось, видимо, в XIII в., когда большая часть полуострова (Степной Крым и часть земель в горах) была включена в золотоордынские владения. Византийский историк Пахимер, повествуя о набеге на Крым Ногай в конце XIII в., пишет о населении завоеванных татарами (т. е. монголами) стран: «С течением времени, смешавшись с ними (тата́рами. — *Авт.*), народы, обитавшие внутри тех стран, я разумею: аланы, зикхи и готы, и различные с ними народы, научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками»¹.

Вхождение крымских земель в состав золотоордынского государства привело к переделу степных владений на полуострове в пользу пришлых монгольских и тюркских кланов (Ширинов, Барынов, Аргынов, Седжиутов, Кипчаков и др.). Именно эти кланы составили ядро крымско-татарской родовой знати.

Ключевыми моментами в этногенезе крымских татар стали образование Крымского ханства (после 1441 г.), османское завоевание южного берега полуост-

¹ Цит. по: *Герцен А. Г.* Крымские татары // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре... Ч. 1.

рова (1475 г.), а также утверждение ислама в качестве государственной религии. Образование ханства и исламизация стали двигателями в процессе этнического сплочения, в то время как существование османской административной единицы на южном берегу (с преимущественно христианским населением и османскими военными гарнизонами в крепостях), наоборот, отодвинуло ассимиляцию его жителей до XVIII в.

В начале XVI в., после разгрома Большой Орды ханом Менгли-Гиреем, наблюдается значительный приток на полуостров золотоордынского населения.

Уже в конце XVI в. в европейской литературе («Описание Татари» Мартина Броневского) употребляется эпитет «крымский» по отношению к татарскому населению полуострова (по названию города Солхата-Крыма). Таким образом, мы можем говорить, что сложение крымско-татарского этноса следует отнести именно к XVI в. Проходил этот процесс в степной части полуострова на основе групп, говоривших на кипчакских диалектах. Вместе с тем высокая культура ханства характеризуется распространением арабского и персидского языков как языков религии, науки и литературы, а также мощным влиянием староосманского (в литературе и языке канцелярии).

Крымские исторические сочинения и канцелярские документы этого времени применительно к населению ханства предпочитают использовать не этнические, а конфессиональные определения (называя основную массу населения мусульманами), хотя уже в XVI в. мы встречаем в текстах определение «татарский» применительно к крымскому войску¹, Саадет-Гирей называл татарами свое крымское окружение².

В то же самое время, по данным османских переписей, Южный берег Крыма оставался в большей степени населен христианами (потомками греков, итальянцев и армян, объединенных общим крымско-османским термином *tam*³). На этой территории до сих пор не обнаружено ранних исламских памятников, что говорит о христианской принадлежности большинства населения⁴. Османское военное присутствие на Южном берегу Крыма (в виде крепостных гарнизонов) обусловило преобладание на этой территории огузского диалекта (фактически староосманского) как *lingua franca* его жителей.

Процесс этнической консолидации крымско-татарского народа продолжался вплоть до конца XVIII в., когда в его состав включились ассимилированные

¹ История хана Сахиб-Гирея. Рукопись Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 488. С. 3.

² См.: Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция... С. 20. Впрочем, не исключено, что в обоих случаях мы имеем не внутреннюю самоидентификацию, а взгляд на этническую картину в Крыму со стороны (в данном случае османской).

³ Происхождение его уходит корнями еще в древнетюркское время — сам этноним упоминается в памятниках древнетюркской рунической письменности.

⁴ Герцен А. Г. Крымские татары. С. 17.

группы населения Южного берега Крыма (после 1774 г.), разговорным языком которых был огузский диалект тюрки.

Наблюдения тюркологов-лингвистов (В. Радлова, А. Самойловича, Б. Чобан-заде) говорят о том, что с языковой точки зрения Крым оказался разделенным на три ареала: степной (фактически кипчакский), с южной границей по линии Евпатория, Бююк-Онлар (Октябрьское), Феодосия, Керченский полуостров; южный — фактически огузский (в прибрежной и горной полосе, примерно от Байдарских ворот до Феодосии) и средний, характеризующийся переплетением огузских и кипчакских черт с тяготением к южному диалекту¹. Средний диалект в силу своего компромиссного положения стал основой крымско-татарского литературного языка.

Эти лингвистические данные хорошо подкрепляются антропологически: у прибрежных и горных татар преобладает южноевропеоидный компонент, а у степных отчетливо заметна монголоидная примесь².

Пика численности крымские татары, видимо, достигли к середине XVIII в. Согласно Камеральному описанию Крыма, к 1784 г. число мужского населения полуострова «магометанского» вероисповедания (включая немногочисленных иудеев) немногим превышало 55 тыс. человек. Дальнейшие волны эмиграции в малоазиатские и европейские провинции Османской империи заложили основы крымско-татарских общин в современной Турции, Румынии и Болгарии.

Тюркское население Крымского ханства (крымские татары и ногайцы) исповедовало ислам. Как писал выдающийся отечественный востоковед В. В. Бартольд, «ислам пришел на Черное море поздно, когда его лучшие времена были уже позади. Область Черного моря знала только тюркский, не арабско-персидский ислам»³. На северные берега Черного моря эту религию принесли в XIII в. турки-сельджуки. Во время правления сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкубада (1219–1236) эмир Хусам ад-Дин Чопан во главе флотилии совершил поход против города Сугдак, покорив его жителей. В городе была сооружена мечеть, на постройку которой ушло всего две недели, и оставлены кади, муэдзин и хатиб. До этого на Южном берегу Крыма мусульман, вероятно, в массе не было, если не считать мусульманских купцов. Знаменитый арабский путешественник первой половины XIV в. Ибн Баттута упоминает в Каффе мечеть с минаретом и пишет о существовании должности кади у местных мусульман. К 1362 г. относится рукопись тюркского перевода Корана, выполненная в Золотой Орде, где-то в ее западной части⁴, возможно, в Крыму.

¹ Севортыан Э. В. Крымско-татарский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки. С. 257.

² Хить Г. Л., Долинова Н. А. Дерматоглифика татар Евразии // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 174–191.

³ Бартольд В. В. Ислам на Черном море // Сочинения. Т. 6. С. 659.

⁴ Тюрки были знакомы с текстом Корана по его переводам на тюркские языки еще в саманидское время (X в.).

Как писал В. В. Бартольд «исламизация нынешней Южной России (т. е. современных Украины и Крыма. — *Авт.*) произошла только в монгольское время... За господство над портовыми городами на северном берегу Черного моря в XIII и XIV вв. христиане и мусульмане боролись с переменным успехом; лишь во второй половине XV в. исход этой борьбы благодаря победам османов был решен в пользу ислама и тюрок»¹. На северное побережье Черного моря влияние исламской культуры шло с двух сторон: с востока (из бассейна Волги и Средней Азии) и с юга (благодаря связям по морю).

Господствующей правовой школой (*мазхаб*) в Крыму стала ханифитская. Этот мазхаб был в наибольшей степени распространен в Золотой Орде, Крымском ханстве, а также считался официальным в Османской империи.

Вероятно, вплоть до османского завоевания Южного берега Крыма в 1475 г. весьма значительное влияние на характер ислама в Крыму оказывали традиционные и новые городские центры Средней Азии, а также старые исламские города Малой Азии и Ближнего Востока. Эвлия Челеби зимой 1665–1666 гг. видел в Старом Крыму возле рынка квартальную мечеть, основанную в 1263 г. неким выходцем из Бухары. Нумизматические находки ясно демонстрируют нам, что в течение первой половины XIV в. между регионами Золотой Орды к западу от Волги и ее среднеазиатскими областями существовали тесные связи. Связи эти имели не только торговый, но и миграционный характер. Это единое пространство помимо общности государственной территории связывалось и исламской традицией, в частности обращением общих ходовых религиозных текстов (например, хадисов в эпитафиях XIII–XIV вв. в Крыму и Поволжье), а также миграцией религиозных авторитетов — шейхов в рамках единой страны (из Средней Азии) и из-за ее пределов (Малая Азия) в Крым и Среднее Поволжье. Прекрасная иллюстрация этого — география *нисб*, погребенных на кладбищах Солхата и Отузов: Халерб, Токат, Тебриз, Конья, Сивас, Дженд, Ахлат, Кастамону, Барчкенд². Приведем несколько примеров. Плита с датой 760 г. х. (1358 г.) и надписью (вероятно, строительной — об устройстве колодца неким Идрисом ибн Хаджи-Яхья ибн Мухаммед Ираки), найденная О. Акчокраклы в Отузах, свидетельствует о том, что в Крым в XIV в. переселялись выходцы из таких исламских регионов, как Ирак. Из Отузов происходит и надмогильный камень шейха Якуба Конийского (эль-Коневи), датированный 729 (1328/1329) г. Среди надгробий Эски-Юрта мы видим эпитафию 793 (1390/1391) г. мавляны Ахмада ибн Махмуда, который, судя по его *нисбе* (Барджинлыгы), был связан происхождением с городом Барджинлык-на-Сырдарье. Возможно, что эти связи были следствием установившихся маршрутов хаджа: часть паломников из Средней Азии ходила в Мекку и обратно именно через Крым. Таким образом, религиозные связи Крыма со Средней Азией, видимо, были достаточно тесными.

¹ Бартольд В. В. Ислам на Черном море. С. 662–663.

² Акчокраклы О. Старокрымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 2, 6, 7; *Он же*. Старо-крымские и отузские надписи XIII–XV вв. // Акчокъраклы О. Эсерлер топلامы. С. 224, 239.

Перенос Хаджи-Гиреем столицы в Кырк-Йер привел к строительству там мечети и медресе. Построена она была, судя по сообщению Эвлии Челеби и материалам раскопок 1928 г., в 859 (1455) г.¹

Строительство мечетей и, скорее всего, медресе (которые часто помещались при мечетях) осуществлялось не только членами правящей династии, но и крупными крымскими сановниками. Например, Эвлия Челеби в XVII в. упоминает о строительной надписи 914 (1508/1509) г. на мечети Абдаррахман-бея в Акмечети (современный Симферополь)².

Мы видим иногда, что крымские мечети основывают женщины. Например, сохранившаяся до наших дней в Бахчисарае мечеть Тахталы, согласно строительной надписи на портале, построена дочерью хана ал-хадж Селим-Гирея, которую звали Бек-хан-Султан-ханум, в 1125 (1713) г.

Часто при мечетях и медресе существовали большие библиотеки. Весьма крупной была библиотека медресе Зынджирлы³.

В 1156 г. х. (25 февраля 1743 — 14 февраля 1744 г.) ханом Селямет-Гиреем II (1740—1743) в Бахчисарайском дворце была построена новая мечеть, сейчас известная под именем Большой, или Ханской. При мечети была организована обширная библиотека, причем ее основу составили рукописи, присланные Селямет-Гирею османским султаном Махмудом I (1730—1754). Для вновь образованной библиотеки хан учредил специальную должность *китапхане мухафызы* (хранитель библиотеки). Как сообщает так называемая «Краткая история крымских ханов», «было совершено утверждение хатыба и имама благородной мечети, а также муэдзинов и их заместителей. А книги, присланные падишахом, были, запечатанными и закрытыми для их сохранности, размещены в библиотеке благородной мечети»⁴. Большая часть этого дара — около двух десятков рукописей с печатями Махмуда I и Селямет-Гирея — хранится ныне в собрании Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Другая часть собрания — в Санкт-Петербурге в составе так называемого Бахчисарайского собрания Российской национальной библиотеки (поступила в отдел рукописей в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея). В двух рукописях юридического содержания на первых листах имеются печати турецкого султана Махмуда I, а на последних — Селямет-Гирея.

Безусловно, существовали в ханстве и передвижные походные мечети, развешиваемые во время временных военных экспедиций, дальних перекочевок за

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). С. 83; Акчокраклы О. Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 185, 181; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей... С. 72.

² Григорьев А. П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII—XVII вв. // ИИИСАА. 1974. Вып. III. С. 24.

³ Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция... С. 42.

⁴ Там же. С. 34.

пределами полуострова, за Перекопом (Ором), в периоды деятельности кочующего «посада» (ордабазара), где жили купцы, их семьи, ремесленники¹.

Строительство мечетей регулярно осуществлялось и в османских владениях на полуострове. Соборная мечеть Каффы, как сообщает Эвлия Челеби, построена была в правление шахзаде Сулеймана, т. е. до 1520 г.² Постройка связывается с именем знаменитого зодчего Синана (около 1489–1588 гг.) — автора мечетей Шах-заде и Сулейманийе в Стамбуле и Селимийе в Эдирне. Ему же приписывают и авторство сохранившейся до наших дней мечети в Гёзлеве (Евпатории).

Помимо Бахчисарая, Карасубазара, Солхата и Ак-Мечети крупным городским центром ханства был Гёзлев (единственный порт ханства). Эвлия Челеби отмечал в городе два мусульманских квартала, безукоризненный каменный минарет у красивой соборной мечети, а также квартальную мечеть в мусульманском предместье за воротами Топрак (Земляными) со стороны северо-востока. Всего в городе, по его подсчетам, было 24 михраба (т. е. мечети, не считая квартальных), 12 из которых были султанскими соборными, остальные построены на частные средства «благородных людей». В Гёзлеве насчитывалось 12 каменных минаретов. Самой красивой и вместительной мечетью была мечеть Бехадыр-Гирея I³.

Несмотря на то что крымский ислам испытал на себе сильное влияние османских традиций и институтов, он сохранил и многие оригинальные черты. К числу их относится традиция почитания азисов⁴. К ним приходили либо в определенный месяц или же день (рождения святого) или в любое время. Существовало мнение, что посещение азисов приравнивалось к малому паломничеству в Мекку (*умра*). Страждущие читали у могил Коран (в особенности *суру ал-Фатиха*), молитвы с просьбами к святому, совершали обход вокруг могилы, ритуальное омовение, брали с собой землю, считавшуюся целебной, освящали детские бусы от сглаза. На высоких местах рядом с кладбищем (*мазар*) на растущих неподалеку деревьях и кустах оставляли цветные лоскутки. При некоторых азисах существовали *медресе* и обители дервишей (текке), служители которых ухаживали за могилой. П. И. Кеппен в 30-х гг. XIX в. описывал татарскую святыню Кырк-Азис, «где в пещере, имеющей в длину и ширину по осьми шагов, находится гроб красного цвета, к которому из ближних и дальних мест стекаются татары, страждущие разными недугами и тут ищущие себе исцеления». Некоторые из этих азисов связывались с персонажами первого века хиджры, такими как Малик Аштер, Гази Мансур Медини, причем открывателями этих могил были среднеазиатские шейхи⁵.

¹ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 17.

² *Celebi Evliya. Seyahatnamesi. Cilt 7. İstanbul, 1928. S. 673.*

³ Бахревский Е. В. Отрывок из «Книги путешествия» Эвлии Челеби. Перевод и комментарии // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 193–194.

⁴ Гаспринский И. Крымские Азисы // Восточный сборник. Издание общества русских ориенталистов. СПб., 1913. Кн. 1. С. 214–217; Зайцев И. В. Гази-Мансур // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 2012. Вып. 5. С. 61.

⁵ Зайцев И. В. Гази-Мансур. С. 61–62.

Относительная веротерпимость в Крыму нарушалась иногда выпадами мусульман против христиан и иудеев. Чаще всего дело касалось недвижимого имущества. Так, Хачатур Кафаеци сообщает, как в 1647 г. «проклятый» муфтий просил у Ислам-Гирея отнять монастырь Сурб-Хач у армян. Хан устранился от этого, позволив ему самому отнять монастырь, чего муфтий сделать не смог¹.

Ханы были всерьез озабочены исполнением религиозных предписаний, и это даже могло становиться темой правительственных ханских постановлений. Абляким-эфенди Куламет-оглу, одним из первых анализировавший книги казийских решений по Магубскому кадылыку (принадлежали бахчисарайскому шейху Селями), упоминал о решении ханов о строгом исполнении обрядов, хождении в мечеть и нравственном воспитании ханских детей, в частности Девлет-Гирея, сына Хаджи-Селим-Гирея, в III г. х.² Ханские жены и матери в крымских дипломатических посланиях сравнивались с женой самого пророка Хадиджей (своего рода рифма «Хадиджа-и деверан, бэхиджа-и джихан» — «Хадиджа своего времени, краса вселенной»).

Религиозная ситуация в Крымском ханстве, судя по источникам, отличалась сравнительной толерантностью. Мы почти не встречаем случаев религиозных гонений. Хотя иногда ханы были всерьез увлечены теорией джихада: известно, например, письмо Менгли-Гирея османскому султану Баязиду II с призывом к священной войне против неверных³. Во времена правлений Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея в титуле ханов появилось слово «гази» (борец за веру). В русских переводах это передавалось словом «победитель». Вообще в 1530–1540-х гг., во времена правления воспитанного в Османской империи Сахиб-Гирея, исламская лексика в дипломатической переписке с Москвой резко увеличилась. Так, Реммал-ходжа в своей истории хана Сахиб-Гирея упоминает, что последний по возвращении из счастливого астраханского похода устроил пир и приказал улемам и хафизам прочитать весь Коран десять раз. Однажды хан возложил на шейхов обязанность читать Коран 1001 раз и сам назначил, кому читать ту или иную суру⁴.

Ту же картину видим и в военном стане хана Ислам-Гирея: «Утром улемы и праведники, бывшие в стане исламского войска, собрались в султанском шатре, а после молитв и восхвалений [Аллаха] славный, как Дарий и Искандер, Его светлость султан самолично сел на своего быстрого коня, и люди, знающие наизусть Коран: имам Мехмед-эфенди и Бабай-эфенди-заде, и кадий Мехмед-эфенди, и несколько других лиц, молитвы которых могут быть приняты, стоя перед луче-

¹ Senai. Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971. S. 157–158.

² Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1899. № 29. С. 91.

³ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 389; Rieu Ch. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888. P. 83 a.

⁴ Tarih-i Sahib Giray Han (Neşr. Ö. Gökbilgin). S. 105; Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты. С. 148, 152.

зарным султанским бунчуком и победоносным сахибкирановым знаменем, прочитали нараспев суры «Фатх» и «Ихлас»¹.

Однако традиции чингизидского своеволия, дух «старой» доисламской свободы всегда были сильны среди крымской аристократии, особенно во времена хана Мухаммед-Гирея (1515–1523), сына Менгли-Гирея. Мухаммед-Гирей, судя по дошедшим источникам, являл собой пример настоящего степного рыцаря, воинственного, пылкого человека, жизненные интересы которого сосредотачивались на битвах и пирах. Хан был, по всей видимости, склонен к винопитию и не скрывал этого. К источникам, которые помогают нам узнать эту сторону жизни ханов, относится письмо представителей влиятельнейшего крымского клана Ширинов, возможно, адресованное принцу Саадет-Гирею, заложнику в Стамбуле, написанное, скорее всего, в начале 1523 г., незадолго до рокового астраханского похода Мухаммед-Гирея. Главы рода Ширин писали царевичу: «Он (Мухаммед-Гирей. — Авт.) проводит дни и ночи в компании персидских еретиков, их отношения обратились к разврату, и он не прекращает пьянствовать»². Под персидскими еретиками авторы письма, очевидно, подразумевали шиитов. Персидский шиизм был более терпим к потреблению вина, чем суннитский толк, исповедуемый большинством крымчан.

Из мусульманских праздников в Крыму наиболее почитался *курбан-байрам*. По умершим ханам устраивались поминки, например, один из съездов хана (совет его с детьми, князьями, сейидами и т. д.) устроен был в Киркоре «о царевице Менгли-Гиреевине»³. В июне 1633 г. Джанибек-Гирей издал приказ о праздновании байрама с забоем баранов, а в 1647 г. Ислам-Гирей устроил в городе иллюминацию (*donanma*) по случаю рождения сына и женитьбы на его дочери султана Ибрагима⁴.

На всем протяжении истории Крымского ханства крымские мусульмане весьма активно совершали *хадж*⁵. Для XV и XVI вв. наши данные в основном касаются членов правящего дома и их приближенных. Сами ханы хадж не совершали, поскольку для правящего монарха это было равносильно отречению от власти. Однако за них это делали упомянутые уже богомольцы. Например, в январе 1493 г. в Москву прибыли грамоты Менгли-Гирея, в одной из которых он писал: «Что сесь ярлык повез к тебе Абдыла Афыз наш пошлой богомольец стоит, что к нам должил идти ему к Мяке, два кречета ему надобе; того деля кречета купити на Москву поехал нас деля».

Ямгурчи, брат Менгли-Гирея, некоторое время бывший его калгой, несколько раз писал о своем намерении совершить главный в жизни мусульма-

¹ Schütz E. Eine Armenische Chronik von Kaffa aus der Ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // Acta Orientalia. Budapest, 1975. Tomus XXIX (2). S. 35–36, 115–116.

² Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au debut du XVI siècle... P. 335; Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı. P. 108.

³ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 40.

⁴ Senai. Hadzy Mehmed Senai z Krymu... S. 153, 157.

⁵ Сб. РИО. Т. 41. С. 174.

нина обряд — отправиться к святым местам ислама. В 1498 г. он сообщал в Москву великому князю Ивану III: «Яз сам даст Бог к Мяке хочю ийти мысль есть... Слышал еси, люди твои езживали к Мякке, белый кречат да шуба рысья велми тамо дорого стоит»¹. После совершенного в 1502 г. хаджа Ямгурчи стал в русских источниках (переводах с татарского) называться «Ази-царевич»², т. е. хаджи-султан.

Ездил в паломничество знаменитая Нурсултан (дочь мангитского бека Темира ибн Дин-суфи и жена казанского хана Ибрагима, а потом крымского Менгли-Гирея). В 1495 г. она писала Ивану III: «Мысль наша была ити к Меке; и мы на ту дорогу пошли, где мы ни будем»³. После совершения хаджа и Нурсултан в 1497 г. также стала подписываться как «Ази-царица», т. е. хаджи⁴. В 1498 г. она послала Ивану III иноходца, на котором ездил в Мекку: «Сухой бы поклон не был, молвя, к Мякке на котором иноходце сама ездил, с Ахчюрюю к тебе послала»⁵. Между прочим, эта царевна хлопотала и за членов своей семьи, своих родных-мусульман, живших в Москве. В 1498 г. она просила Ивана III отпустить в хадж Девлет-салтан (жену Айдара-Хайдара ибн Хаджи-Гирея): «Сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил; его жена Довлет салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мякке ехати обреллася; жаловавши к нам пришлешь, и мы человека прикошевав к Мякке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет»⁶. Из этого текста видно, что хадж мог совершаться по обету. В августе 1515 г. вступивший незадолго до того на крымский престол Мухаммед-Гирей писал в Москву, прося отпустить сына Нурсултан Абд ал-Латыфа вместе с ней в Мекку: «...и мы б его к Меке отпустили, а он бы с матерью шел, да там им у Меки и жыти»⁷.

Совершали хадж и приближенные ханов. В памяти боярину И. А. Лобану-Колычеву, отправленному в Крым в марте 1492 г., предписывалось говорить ширинскому мирзе Девлетеку ибн Эминеку: «Да писал еси к нам в своей грамоте, что хочешь ити к Мекке, и нам бы к тебе что послати, и мы к тебе послали. Да поминки явити по списку»⁸. В январе 1493 г. в Москве была получена грамота самого Девлетека, в которой он писал: «...аж даст Бог самому ми к Мяке ийти, надею држу, нынеча которой твой посол к нам придет, что пожалуешь пришлешь, ты ведаешь»⁹.

В целом ислам в Крыму до 1783 г. прошел в своем историческом развитии по меньшей мере два этапа. Первый был связан с влиянием восточных земель Золотой Орды, в состав которых входил Крымский улус, а также мамлюкского Египта. Второй этап начался в 1475 г., когда после османского завоевания

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 274.

² Там же. С. 421; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 18.

³ Сб. РИО. Т. 41. С. 222.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ *Веселовский Н. И.* Рецензия на кн.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... С. 185.

⁸ Сб. РИО. Т. 41. С. 144.

⁹ Там же. С. 179.

Южного берега Крыма ханство испытывало сильнейший османский культурный и религиозный импульс. Однако среднеазиатское влияние, сильно ослабев, все же полностью не исчезло, ибо османский Крым находился на пути среднеазиатских паломников. С конца XV в. мы видим представителей уламы, сеидов и почитаемых шейхов на самом верху иерархической лестницы, среди непосредственного окружения ханов. Процесс исламизации ханского двора и канцелярии на османский манер, видимо, был в основном завершен к периоду правления Сахиб-Гирея, который предстает в описании его панегириста как чрезвычайно набожный правитель. Вместе с тем крымский ислам породил и такое специфическое местное явление, как поклонение азисам — могилам почитаемых персонажей всемирной и местной исламской истории.

§ 2. Христианские народы. Православие и инославие. Культура крымских христиан

После падения Константинополя в 1453 г. и Феодоро в 1475 г. в Готии турки сохранили все христианские церковные институты, в том числе и Готскую митрополию. В надписи 1587 г. из деревни Бия-Сала (современное Верхоречье) сообщается о том, что митрополит Готии Константин возвел и украсил церковь Иоанна Предтечи. Ф. Хартахай выявил и опубликовал сохранившийся на татарском языке список иерархов Готии с 1639 г.¹ В 1678 г. Готскую митрополию объединили с Каффской². В 1725–1769 гг. престол митрополита Гедеона располагался в Мариамполе, в предместье Бахчисарая, резиденции крымских ханов. Последним митрополитом Готии и Каффы был Игнатий (1771–1786). Он организовал и возглавил в 1778 г. инициированное графом П. А. Румянцевым переселение христиан из Крыма в Приазовье³. Христиане формально в рамках общин обладали правами самоуправления, которые гарантировал хан. На практике эти права могли нарушаться.

Совершенно очевидно, что жизнь и имущественное положение крымских христиан зависели от тех же шариатских установлений, которыми была определена вообще жизнь немусульман в средневековых исламских землях. Поначалу проживавшие в *Дар уль-ислам* немусульмане должны были либо покинуть страну, либо заключить с властью договор — *зиммет*. Заключившие договор становились *зимми*: обязывались платить подушный налог *джизью* (взамен несения военной службы) и подчинялись в целом исламскому праву⁴. Государство в ответ брало под защиту их имущество и жизнь и позволяло жить в соответствии с их верой, предо-

¹ Хартахай Ф. Христианство в Крыму. Симферополь, 1867. С. 36.

² Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, MA, 1936. P. 279.

³ Айбабин А. И. Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 217.

⁴ Права христиан на Востоке по мусульманским законам: Дис. канд. факультета восточных языков Владимира Гиргаса на степень магистра арабской словесности. СПб., 1865. С. 9, 17.

ставляя внутреннюю правовую автономию. Пределы этой автономии постоянно колебались, в целом неуклонно двигаясь в сторону сокращения.

В политическом отношении христиане Крыма в зависимости от места жительства подчинялись разным управленческим структурам двух государств: жители Степного и Предгорного Крыма были подданными ханов, жители Южного берега (*эйалета* Кефе) входили в юрисдикцию османских падишахов. Граница между этими землями была весьма прозрачной. Так, в сборнике решений кадиаскера Мустафы, служившего при хане Джанибек-Гирее (дефтеры 1608/1609 — 1613 гг.), читаем: «...каждый из нас имеет известное количество овец, и ходят они... а иногда переходят и на землю худавендигяр, и никогда за это никто со времен отцов и дедов не брал платы»¹. Под этим названием разумелась османская территория (от персидского «худавендигяр» — титул османского падишаха).

Понятно, что между османской землей и владениями крымских ханов постоянно осуществлялся обмен населением, и существенную долю в этом обмене составляли христиане. Например, согласно налоговой переписи немусульман *ливь* Кефе за 1044 (1634/1635) г., в которой дана детальная картина перемещений крымских немусульман — османских подданных в пределах османских владений на полуострове и их выходе в границы Крымского ханства, село Качи-Кельян под Бахчисараем² имело десять иноверческих дворов, из которых девять принадлежали переселившимся из Мангупского кадылыка ливь Кефе. Эти переселенцы ранее жили в селе Йени-Сала, ханском селе Керменчик, селах Черкез-Кермен, Папа-Никола и Отар³.

Под именем Кельян это небольшое село в конце 1560-х гг. упоминается Московской мосольской книгой по связям с Крымским ханством. Мы знаем, что в Крымском ханстве доходы с отдельных христианских селений были расписаны вполне определенным лицам из ханского окружения. Так, со слов Клода-Шарля де Пейсонеля нам известно, что подушная подать, собиравшаяся с бахчисарайских христиан, а также с пяти христианских деревень (и иудеев «Замка», т. е. Чуфут-кале), составляла доход Улу-Хани (старшей сестры или старшей дочери хана)⁴. Порядок этот был установлен, видимо, в эпоху создания ханства. Московская посольская книга по связям с Крымом в описании событий декабря 1566 г. сообщает, что, когда московского посланника Луку Новосильцова хотели «поставить»

¹ Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897. С. 28.

² Село Качи-Кельян (Качи-Кальон) находилось рядом с небезызвестным археологическим памятником Качи-Кальон («Корабль Креста», как его иногда называют) к югу от Бахчисарая, между современными селами Баштановка (крымско-татарское название Пычки) и Предущельное (крымско-татарское Кош-Дегермен).

³ Ефимов А. В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2013. № 9 (110). С. 141.

⁴ De Peyssonel. Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris, 1787. Т. 2. Р. 259; Кенпен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 74.

(определить на жительство) в селе Кельян под Бахчисараем вместе с московским послом в Крыму А. Ф. Нагим и его «товарищами» Ф. А. Писемским и Н. В. Свечниковым, это натолкнулось на сопротивление местных жителей-христиан: «...царева деи мать и царицы отказали, что им с Офонасьем и с Федором Луки поставити не мочно для крестьянские тесноты, что село царицыно и хрестьяне били челом царице»¹. Значит, село принадлежало царице — матери хана и царицам («царева мать и царицы»). Речь идет о матери Девлет-Гирея, женах хана и, возможно, его сыновей, поскольку «царицами» московские документы часто называли не только жен хана, но и жен «царевичей»².

Как писал некогда Ф. Хартахай, «крымские христиане после их подчинения двум мусульманским государствам, татарскому и турецкому, обременены были тягостными податями и налогами и подвергались сверх того нападениям и грабёжам со стороны господствующего населения»³. Вместе с тем он же замечал: «Плачевное состояние христиан в Крыму, под гнетом татар, вообще преувеличено в рассказах духовенства, которое старалось возбудить сострадание путешественников и ревнителей христианства. Таким образом, рассказывали, что окаянные резали языки христианам, говорившим на своем наречии, жгли их храмы и книги церковные, для того чтобы уничтожить их религию. В действительности ничего подобного не было»⁴.

Шариатские нормы служили основанием существования христиан и в османских казах Южного берега, и в областях Крымского ханства, законом, на основании которого был определен их юридический статус. Эти нормы воплощались в государственных постановлениях — указах османского падишаха Крымскому митрополиту. В Крыму, как писал некогда Ф. Хартахай, в лице митрополита была сосредоточена гражданская и духовная власть: «Как в Византии патриарх есть полноправный властелин христиан, так точно и митрополит в Крыму, с той разницей, что митрополит Крымский состоит под контролем патриарха»⁵. Именно поэтому основанием для выдачи такого указа верховной власти митрополиту было обычно ходатайство Константинопольского патриарха⁶.

В нашем распоряжении есть несколько указов османских падишахов, касающихся положения общины крымских христиан. Указы кадиям касались судьбы всех крымских христиан, как живущих на османской территории (в Кефе, Керчи, Судаке, Мангупе), так и Крымского ханства (в Бахчисарае, Гёзлеве, Карасу). Фирман Гедону касался только христиан на османской территории (в Кефе, Мангупе,

¹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения с Крымом). Оп. 1. Кн. 13. Л. 21 об. — 22.

² Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI веках // Избранные труды. С. 244.

³ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая). С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Речь здесь идет о православных, прежде всего греках. На полуострове проживали и весьма многочисленные армянские общины, не имевшие отношения к Константинопольскому патриарху.

Балаклаве, Судак и Азове). Причина кроется в том, что кадии в крымских городах были представителями общеимперской системы судебной власти, вне зависимости от того, были эти города османскими или ханскими¹.

Православные христиане Крыма с точки зрения церковной иерархии подчинялись митрополиту Каффскому и Готскому и представляли собой единую общину, но, как уже указывалось, разделенную между двумя государствами.

Казалось бы, что на землях Крымского ханства шариатское право по отношению к христианам должно было находить отражение в ханских актах, которые по старой, еще золотоордынской традиции именовались ярлыками. Юридическая природа ярлыка предполагала его возобновление или отмену с переменой хана. Уже в ранний период существования ханства ярлыки выдавались христианским и иудейским общинам. Нам известны ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи-Гирея от 1 сафара 864 г. х. (27 ноября 1459 г.) и его сына Менгли-Гирея (или Нур-Девлета, как считал В. Д. Смирнов) от 20 зуль-хидджа 872 г. х. (11 июля 1468 г.)². Ханы даже могли вступать с этими общинами в договорные отношения: нам известен договор горожан с Менгли-Гиреем 1478–1479 гг., который ясно свидетельствует о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи. Однако эти ярлыки были адресованы всем горожанам, без различия их вероисповедания, и являлись тарханскими, т. е. предоставляли льготы их адресатам, освобождая их от ряда налогов и повинностей. Крымские ханы выдавали также ярлыки и караимской общине, однако и они были льготными.

Чрезвычайно велика была роль христиан различных исповеданий (греков, католиков и армян), а также иудеев (караимов и раббанитов) в экономической жизни ханства. Кроме того, велики были и суммы, выплачиваемые ими хану. Когда в 1778 г. в русских правящих кругах возник замысел переселения крымских христиан за пределы полуострова, это вызвало резко отрицательное отношение крымских властей, а хан Шахин-Гирей, по словам российского представителя при крымском дворе Константинова, плакал.

¹ Российская сторона признавала это на международном уровне даже после 1774 г., когда ханство получило так называемую независимость по Кючук-Кайнарджийскому миру. В актах конвенции, подписанной 10 марта 1779 г. в летнем дворце султана Айналы-Кавак, был образец письма (*мураселе*) румелийского кадиаскера о назначении крымских кадиев: «После приветствий и похвал обыкновенных дружественно уведомляетеесь вы, что препоручается и относится премудрой вашей персоне надзирательство дел, закона касающихся, в диоцезах Кафейской, Таманской, Мангутской и Судацкой, состоящих под почтеннейшим правлением и властью его светлости великолепного, славного и высокого хана. Вследствие чего нужно и надеемся, чтоб от стороны вашей честнейшей особы приложено было старание в избрании от первого луны Ребиуль-Эвель сего 1193 года в каждую из помянутых диоцезий одного справедливого законника для исправления в народе предписаний святые веры» (*Дубровин Н. Ф.* Присоединение Крыма к России... Т. 3. С. 98).

² *Смирнов В. Д.* Тагарско-ханские ярлыки... С. 7–11; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса... С. 32, 33. № 5, 7.

На первых порах существования ханства именно православные христиане Крыма (греки и армяне) нередко были посредниками при дипломатических и торговых контактах крымских ханов с Московским государством. В то же время торговые и дипломатические отношения Менгли-Гирея с Литвой и Польшей развивались при участии итальянцев. Послами Менгли-Гирея в Литве в разные годы были итальянцы Августин Гарибальди, Ян Баптист, Винченци Зугульфи, сын Захарии Гвизольфи, носивший в Крыму титул мурзы, Патесплен Фряжин¹. По словам В. Е. Сыроечковского, посредничество итальянцев в сношениях хана с Литвой было столь значительно, что в 1513 г. свой «присяжный лист» с Менгли-Гиреем король Сигизмунд I написал по-русски и «по-фряжски»², т. е. по-итальянски. Итальянцы, работавшие во внешнеполитической канцелярии Менгли-Гирея, видимо, полностью отвечали за осуществление связей хана с Польшей. Сохранился список письма Менгли-Гирея польскому королю Яну Ольбрахту, датируемый (не по хиджре, а по христианскому летосчислению) 10 февраля 1500 г. Анализ списка показывает, что перед нами не перевод послания хана на латынь, а оригинальный латинский текст, составленный в канцелярии Менгли-Гирея в Кыркоре, скорее всего, каким-то христианином-итальянцем на ханской службе³. 29 ноября 1514 г. в Кыркоре незадолго до своей смерти Менгли-Гирей подписал «перемирный лист» с королем Сигизмундом I. Оригинал этого документа, хранящийся ныне в Главном архиве древних актов в Варшаве, крайне интересен с точки зрения роли западных христиан при дворе Менгли-Гирея. Приемы оформления «листа» сочетают в себе традиции европейской дипломатики с сильным золотоордынским влиянием⁴. Создается впечатление, что латинский язык наряду с татарским и, видимо, русским (в меньшей степени) был принят в канцелярии крымского хана в качестве языка для дипломатических контактов с христианскими странами.

Латынь в официальной переписке использовалась и на Тамани: таманский князь Захария летом 1487 г. написал Ивану III послание «латынским писмом»⁵. Что касается использования русского языка как средства официальной межгосударственной переписки в Крымском ханстве и участия русских людей на службе в канцелярии Менгли-Гирея, то дело, видимо, обстояло не так, как с латынью и представителями западной культуры. Московские великие князья на первых порах дипломатических сношений с Крымом достаточно часто использовали русский язык для переписки, однако, видимо, уже в последние годы правления Менгли-

¹ Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. // ИТУАК. 1898. № 28. С. 47, 55, 60, 84, 85.

² *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 26.

³ *Hamm J.* Altpolnisches aus kroatischen Archiven // Wiener slavistisches Jahrbuch / Herausgegeben vom Seminar für slavische Philologie an der Universität Wien. Wien, 1952. Bd. 2. S. 171–174; *Materiały do dziejów Dyplomacji Polskiej z lat 1486–1516.* (Kodeks Zagrebski). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. S. 89–91. № 29.

⁴ *Abrahamowicz Z.* Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich // Przegląd Orientalistyczny. 1954. № 2 (10). S. 142–143. Tab. 1.

⁵ Сб. РИО. Т. 41. С. 72.

Гирея грамоты, написанные по-русски, в Крыму мало кто читал. Послания Менгли-Гирея, выполненные «руским писмом» (например, грамота Ивану III от 1492 г.), весьма немногочисленны. Как правило, эти документы (например, два ярлыка 1500 г.) были снабжены таким указанием хана: «Сесь есми ярлык велел твоему подьячему писать лихих дея людей», т. е. написаны они были не чиновниками ханской канцелярии, а подьячими Ивана III, работавшими в составе его посольской миссии в Крыму¹. «Сказывают нам здесь, — писал Василий III князю Аппаку, — что у царя наши грамоты переводят молодые люди, и они нечто в той грамоте которое дело не сполна переведут, и нечто в том будет поруха цареву делу и нашему делу, и яз того для писал ко царю свои грамоты по-татарски, чтобы царю наши дела все сполна ведомы были»². Несколько позже, в 1515 г., прочесть послание на русском языке при дворе хана уже стало проблемой. Жена хана Нурсултан просила Василия III писать ей послания по-татарски: «...и ты к нам прислал, хрестьянским письмом написав, и мы не добыли здесь, кому ее прочесть, и что еси в ней написал, и мы ничего твоего дела не ведаем»³. В крымской канцелярии, видимо, почти совсем не было выходцев из Московского великого княжества. Нам известно лишь, что уже при Мухаммед-Гирее переводчиком при дворе крымского хана работал житель Калуги Потап Сабельников, читавший литовские и волошские грамоты и вскоре бежавший из Крыма. Его службу у хана В. Е. Сыроечковский считал случайностью⁴. Однако прецеденты использования русского языка в ханской канцелярии случались и позже.

Саадет-Гирей в конце февраля 1528 г. составил в Кыркоре письмо московскому великому князю, которое было написано по-русски и прислано не с крымским гонцом, а через московского дипломата Никиту Мясного (он уже в марте того года вернулся в Москву). Хан, по его собственным словам, не верил татарам и поэтому писал по-русски: «А сю есми грамоту того дея по-русски написал, оприч бы тебя да меня иной ништо не ведал, и коли будет тебе, брату нашему, такие слова надобе к нам писати, и ты б ко мне, так же написав, прислал по-русски: прочести такову грамоту у меня есть таков человек». Послание было вручено Н. Мясному ханом наедине, без «своих татар», как замечает источник. Вот что хан писал великому князю Василию Ивановичу: «И ты б татаром не верил их правде: татарове Бога ся не блюдут и правды в них нет. На правде не стоят, коли бы ся они Бога блюли да на правде стояли, яз сам Божию милостию на царстве стал, и ты то гораздо слышали, что они на меня трижды и четьыржи (sic!) войско подымали... Божею милостию и хандыкеревым салтан Сюлюменевым здоровем то перво есми стал на царстве на отца своего месте ново». Эта точка зрения не должна нас удивлять: Саадет-Гирей воспитывался в Стамбуле и был в очень сильной степени подвержен влиянию османской культуры (во всех почти областях —

¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 321, 330.

² Там же. Т. 95. С. 184.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 678–679; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 26.

от умственного настроения до бытовых деталей — османализирован, как бы сейчас сказали), отсюда его османская спесь по отношению к соплеменникам (эта выучка хорошо видна в письме: хан благодарит Бога и затем худавендигяра — Сулеймана)¹. И позже Саадет-Гирей писал свои послания в Москву по-русски: «...по вашему языку написав, грамоты... дал есми», — было указано в грамоте 936 (1530) г.² Интересно, что со смертью Менгли-Гирея и воцарением его сына Мухаммед-Гирея во внешнеполитической переписке Крымского ханства с Польшей и Литвой итальянский язык и западноевропейские приемы оформления документации перестали употребляться: Мухаммед-Гирей подтвердил в 1520 г. упомянутый «перемирный лист» своего отца с Сигизмундом I, однако тот же текст был написан уже на тюркском языке без каких-либо европейских, христианских черт во внешнем оформлении. Видимо, смерть Менгли-Гирея, достаточно терпимо относившегося к иноверцам, положила конец участию христиан в деятельности внешнеполитического аппарата ханства. Это не означает, что христиане были физически истреблены: государству были необходимы услуги переводчиков и знатоков европейских языков. Однако их роль в собственно канцелярском оформлении внешнеполитической документации неизбежно должна была минимизироваться.

Итальянцы, армяне и греки играли важную роль и в культурной жизни ханства в эпоху Менгли-Гирея³. Приведем лишь один пример. Известно, что итальянец Алевиз Новый, один из строителей Московского Кремля, провел в Крыму при дворе Менгли-Гирея два года (1502–1503 гг.), в течение которых строил по заказу хана его резиденции. На портале так называемых Железных ворот Бахчисарайского дворца сохранилась надпись зодчего с датой 1503 г. При Сахиб-Гирее какое-то число итальянцев-христиан (или бывших христиан, перешедших в ислам) еще участвовало в работе крымского внешнеполитического аппарата. Например, в 1542 г. гонцом хана к польскому королю Сигизмунду был «Шимъка Фряжин», т. е. итальянец⁴. Но именно этот хан был инициатором введения новых налогов на христиан в Крыму. Вернувшись из похода на Черкесию в 946 (1539/40) г., он отправил посланца к султану с ценными подарками и отчетом о своих действиях. Сахиб-Гирей просил у султана позволения сделать Гёзлев портовым городом и утвердить новый налог на торговцев-немусульман: с каждого горшка масла по 1 акче, а с каждого дома по 2 акче и за каждый ярлык по 4 акче. Согласие султана было получено⁵.

Среди других ветвей христианства в Крыму в эпоху ханства были широко представлены армянская церковь и католицизм (через францисканских миссионеров в XVIII в.).

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 166–166 об.

² Там же. Л. 268.

³ Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki z Polska w XV–XVIII w. Warszawa, 1987. S. 76.

⁴ РИБ. Т. XXX: Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3: Книги публичных дел. Юрьев, 1914. Т. 1. Стб. 85–87.

⁵ Смирнов В. Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 415.

§ 3. Караимы, евреи, цыгане. Иудаизм. Культура караимов и цыган

Крымский полуостров является одним из древнейших мест расселения иудеев в Восточной Европе, об этом свидетельствуют надгробия II–IX вв. н. э. с еврейскими надписями с территории самого Крыма и Таманского полуострова.

Караимы известны с IX в. как религиозное течение в рамках иудаизма. Однако впоследствии Национальный съезд караимов в Евпатории в 1917 г. дал такое определение названию «караим»: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохраняющую неразрывную духовную связь со своими константинопольскими, иерусалимскими и египетскими единоверцами».

Есть несколько противоречащих друг другу теорий появления караимов в Крыму. Скорее всего, в Крым караимы попали в монгольскую эпоху из Северного Ирана, с Нижней Волги и с византийской территории (в особенности после падения Константинополя в 1453 г.). Первое свидетельство о существовании в Крыму караимской общины относится, видимо, к 1278 г. «В этом году в Солхате побывал византийский караим Аарон ибн Иосиф а-Рофе (около 1250–1320 гг.). В своей книге «Сэфер а-мивхар» («Книга избранных трудов») ученый сообщает, что в 1278 г. между караимской и раббанитской общинами Солхата состоялся календарный спор. Не менее древней является караимская община Каффы (современная Феодосия): данные косвенных источников позволяют исследователям считать 1292 годом основания караимской синагоги в Каффе¹. В 1309 г. в Каффе построили синагогу в сельджукском стиле. С начала XV в. караимы упоминаются многими путешественниками, посетившими полуостров. Главным центром караимов Крыма был древний Кырк-Йер, который благодаря этому получил свое второе татарское название — Чуфут-Кале, т. е. «Еврейская крепость». Еще в XIX в. его население состояло почти исключительно из представителей этого народа.

В эпоху крымского ханства основными занятиями караимов были торговля (в том числе и посреднические операции в торговле рабами), ростовщичество (ссудный процент в исламе запрещен), караимы также обслуживали ханский монетный двор.

Отдельные представители иудейских общин Крыма были столь авторитетны и сильны, что оказывали серьезное влияние на ход международной политики в регионе. Например, инициатива поддержания московско-крымских контактов, как свидетельствует посольство Никиты Беклемишева к Менгли-Гирею в марте 1474 г., принадлежала видному представителю каффинского купечества Ходже Кокосу (как он назван в русских документах).

¹ *Щеголева Т.* Караимы Крыма: история и современное состояние общины // Евреи Евразии. 2005. Январь — март. № 1 (8). С. 151–163.

Крым был единственным местом в Восточной Европе, где одновременно проживали караимы, крымчаки, ашкенази и субботники, причем спецификой было преобладание (до 75%) караимских общин.

Крымчакская община была уникальной смешанной этнической группой, состоявшей из византийских, европейских и восточных евреев, молившихся по особому каффинскому ритуалу и использовавших тюркский этнолект как язык повседневного общения.

По данным армянских источников, в XIV в. на полуострове насчитывалось около 150 тыс. армян, что составляло 35% населения. Крупнейшим местом расселения армян в Крыму была Каффа. К 1475 г. армяне составляли там порядка 65% населения города. Крымские армяне оставили богатейшую письменную традицию, в основном представленную текстами религиозного характера¹. В середине XVII в. в Каффе Хачатуром Кафаеци была написана хроника, весьма важная в историческом отношении². В 1778 г. крымские армяне разделили судьбу крымских христиан, выведенных с полуострова. В отличие от греков армяне были расселены в низовьях Дона, возле крепости Дмитрия Ростовского, где они основали город Нахичевань-на-Дону и ряд селений вокруг него.

Другим этносом, издавна проживавшем в Крыму, были цыгане (чингине)³. Время их появления в Крыму до конца выяснить пока не удалось. Ряд исследователей датирует его концом XV — началом XVI в. Одно из первых упоминаний цыган относится к 1578 г., когда о них пишет Мартин Броневский⁴. В XVII в. цыгане уже несколько раз упоминаются Эвлией Челеби среди мусульман-жителей в Кефе и Гёзлеве. Цыгане Крыма разделялись на ряд цеховых подразделений (кеменчи, элекчи, демерджи, кумушчи, халайджи, даудджи, аюджу и др.). Еще одним подразделением цыган были так называемые гурбеты. Они жили в районе Карасубазара и Перекопа (позже часть поселилась в Симферополе и Армянском базаре), а в Бахчисарае населяли кварталы Азиз и Салачик. До депортации 1944 г. с территории Крыма гурбеты занимались в основном коневодством. Перекопские гурбеты считались лучшими знатоками лошадей и были самыми известными и богатыми торговцами ими. Обычно они закупали значительные партии лошадей на Дону и на ярмарках в Днепровском, Бердянском и Мелитопольском уездах, сбывая потом их в Балте и Бердичеве. К началу XX в. многие гурбеты были ломовыми извозчиками, старьевщиками и менялами. Так называемая Цыганская слободка в Симферополе была местом компактного проживания гурбетов в Крыму.

Достоинно пристального внимания, что у части гурбетов сохранились представления о своем туркменском происхождении. Причем родоплеменное деление сочеталось у них с религиозно-цеховым, традиционным османским

¹ Свод армянских памятных записей...

² Schütz E. Eine Armenische Chronik von Kaffa...

³ Чингине — это экзоэтноним. Так крымских цыган называли татары.

⁴ Броневский М. Описание Татари // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре... Ч. 1. С. 104.

делением (братство *ахи*). Религиозные верования гурбетов известны плохо. Однако ясно, что суннитский ислам сочетался у них с шиитскими представлениями. В Бахчисарае в месяце мухарраме туркмены-гурбеты ходили по улицам со священным знаменем (оно хранилось у накыба — духовного главы ремесленных цехов) и пели *илахи*. Процессия эта была, безусловно, шиитского происхождения. Гурбеты, которых также отождествляют с цыганами, живут не только в Крыму, но, например, на Северном Кипре, где они имеют свой собственный тайный язык (тюркский по происхождению).

В. Филоненко отмечал, что самоназвание «туркмены» сами гурбеты объясняли как «турк мен» («турок я»)¹. Крымские татары тем не менее к гурбетам относились весьма пренебрежительно, называя их *чингине* или бранно *фрауни*. Крымские гурбеты иногда применяли и самоназвание *караманы*. Покойников-гурбетов не дозволялось хоронить на татарских кладбищах.

Гурбеты сильно отличались от крымских цыган и антропологически: были по описаниям длинноты, с продолговатым черепом, т. е. долихокранами. Не вступали в брачные союзы с членами других цыганских профессиональных групп и вообще сторонились их. Все эти данные, возможно, позволяют в крымских гурбетах видеть не собственно цыган, а, скорее, остатки переселенных на территорию османского Крыма и Крымского ханства кочевых туркмен Анатолии, возможно, с земель Караманского бейлика. Политика переселений кочевников в оседлые европейские провинции империи практиковалась османами постоянно (так, на Балканы переселяли юрюков), и переселение анатолийских туркмен в Крым, видимо, было примером такой политики. Датировать это переселение очень осторожно можно XVII или даже началом XVIII в.

Создание в евразийских степях мультинациональной и мультикультурной монгольской империи, основанной на принципах чингизидской толерантности (экономической, этнической и религиозной), создавало уникальные условия для языковых и культурных контактов. Не будет преувеличением утверждать, что расцвет золотоордынской культуры был во многом обязан именно этому обстоятельству.

Крымское ханство стало наследником многих золотоордынских традиций. Его роль в развитии цивилизационного взаимодействия в Евразии в XV–XVII вв. еще не получила должной оценки. В истории средневекового Крыма чрезвычайно важное место занимали представители этнических и религиозных меньшинств, которые играли существенную роль в развитии экономики и культуры. Православные христиане Крыма (греки и армяне), а также иудеи, как мы видели, нередко были посредниками при дипломатических и торговых контактах крымских ханов с Русским государством, а торговые и дипломатические отношения Менгли-Гирея с Литвой и Польшей развивались при участии итальянцев. Языками дипломатических контактов с христианскими странами в канцелярии крымского хана долгое время служили русский и латинский (несмотря на преобладающую роль татарского языка).

¹ Филоненко В. И. Крымские цыгане // ЗКВ. Л., 1930. № 5. С. 80–85.

Глава 18

Крымское ханство от Константинопольского мира до присоединения к России. 1700–1783 гг.

Р. Т. Дейников

§ 1. Крымское ханство в первой трети XVIII в.

Рубеж XVII–XVIII вв. стал во многом определяющим для Османской империи и ее сателлитов. Карловацкое перемирие 1699 г. являлось той вехой, после которой «состоялся переход от прежней экспансии, освященной джихадом, к оборонительной стратегии, элементами которой стали строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и четко установленные границы»¹. Естественно, изменение политики Стамбула коренным образом повлияло на многочисленных участников и представителей *Pax Ottomana*, особенно расположенных в контактных зонах с усиливающимися европейскими державами. Не стало исключением и Крымское ханство. Для него знаковым внешнеполитическим событием стал заключенный в 1700 г. российско-османский Константинопольский мир². Мало того что в результате этого договора Крымское ханство теряло субъектность в своих внешнеполитических связях с Россией, а новые русские владения (Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра) напрямую угрожали обширным степным районам ханства между Доном и рекой Молочной, так еще и был нанесен сильнейший удар по сложноорганизованной набеговой политико-экономической системе государства Гиреев.

Крымское ханство в то время представляло собой довольно архаичное государственное образование, сочетающее в себе как признаки традиционной для начала XVIII в. мусульманской деспотии, так и элементы кочевнической политической организации. Зависимость ногайцев Бужака, Перекопской и Очаковской степей от Бахчисарая долгое время не могла идти дальше обыкновенного данничества.

¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. М., 2004. С. 58.

² См.: ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 4. № 1804. С. 66–72. Достаточно подробный разбор Константинопольского трактата дан в исследовании: Павленко Н. И. Петр I. М., 1976. С. 84–86.

Россия и Османская империя в Константинопольском трактате попытались упорядочить и формализовать пограничные отношения, что потребовало проведения четко обозначенных границ, обеспечения их неприкосновенности и приведения пограничных обществ в соответствие с новой моделью межгосударственных отношений. Сокращение военной активности крымско-татарского и ногайского населения (а набеги с территории Крымского ханства имели не только так называемую грабительскую, но и внутривнутриполитическую обусловленность) в значительной степени подорвало престиж ханской власти и осложнило положение крымских ханов как предводителей своих подданных. Это с неизбежностью привело к более жесткому административно-политическому контролю со стороны Стамбула за Крымским ханством и, соответственно, со стороны Бахчисарая за своими фронтальными степными владениями.

Начало «охранительной» политики Османской империи в регионе и вынужденная переориентация крымского военного давления на слабо развитые земли Приазовья, Кабарды и Черкесии вызывали серьезное недовольство широких масс крымско-татарской элиты, которое иногда перерастало в прямые мятежи¹. В свою очередь, попытки крымских ханов больше контролировать зависимые от них общества на окраинах государства приводили к встречному серьезному сопротивлению². Все это в конечном счете вело к ослаблению военно-административного и хозяйственного единства различных районов ханства и кубанскому сепаратизму. Результатом системного кризиса и распрей внутри крымско-татарской знати стала частая смена ханов: так, с 1699 по 1730 г. ханы менялись 10 раз, сменились семь ханов, из них Девлет II Гирей побывал на престоле дважды, а Каплан I Гирей — трижды.

Отношение к Константинопольскому миру в Османской империи было двойственным, султан колебался между придворными группировками, одна из которых жаждала реванша, а другая искала мира. Крымское ханство, в свою очередь, вело однозначно агрессивную антироссийскую политику как на дипломатическом поприще (подготовка крымско-шведского военного союза, деятельная поддержка сепаратистских настроений в Запорожской Сечи³ и Башкирии⁴), так и в военно-диверсионном плане (крупные набеги на Поволжье⁵, украинские земли⁶ и на признающих сюзеренитет России горцев Северного

¹ Санин А. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 275–279.

² Грибовський В. Ногайські орди у політичній системі Кримського ханства // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2008. Вип. 8. С. 139–171.

³ Санин А. Г. Антисултанская борьба... С. 277.

⁴ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 229.

⁵ См. подробнее: Тенкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.). М., 2005. С. 28.

⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1705 г. Д. 1384. Л. 1 об.

Кавказа¹, военная поддержка мятежа К. Булавина, а после его подавления — принятие на своей территории нескольких тысяч мятежников во главе с атаманом И. Некрасовым²).

Противостояние со Швецией, а также предоставление Османской империей убежища после Полтавской битвы королю Карлу XII и опальному гетману И. Мазепе, а чуть позже и стороннику Швеции польскому королю Станиславу I Лещинскому стали причиной очень жестких военно-политических демаршей России, приведших к российско-османской войне. В результате просчетов военного командования и лично Петра I Россия потерпела военное поражение (Прутская кампания), утратив Азов и Таганрог. По Андрианопольскому миру 1713 г. к Османской империи отошла вся территория Запорожья, и южная граница России отодвинулась далеко на север от берегов Черного моря: она теперь проходила посередине между реками Самара и Орель³. Таким образом, практически победив в борьбе за Балтику, Россия полностью проиграла борьбу за контроль над Северным Причерноморьем.

На некоторое время Северное Причерноморье и Крымское ханство оказались как бы на задворках большой европейской политики. После окончания военного конфликта 1711–1713 гг. с Россией Османская империя вовлеклась в войну с Венецией и империей Габсбургов (последняя нанесла ряд тяжелейших поражений османам в Европе). На Западе Россия продолжала войну со Швецией, которая затянулась благодаря финансовой и дипломатической поддержке Карла XII французами, весьма недружественным к России действиям морских держав (Англия, Нидерланды), а также существенным разногласиям между членами Северного союза (особенно между Россией и Данией).

В Северном Причерноморье сложился своеобразный статус-кво, который, безусловно, учитывая стратегическую и экономическую важность региона, был временным явлением. Крымское ханство оказалось предоставлено само себе. Как отмечал Дж. Хостинг, «России оставалось надеяться только на цепь крепостей, воздвигнутых далеко в степи и связанных сложной сигнализационной системой с резервными воинскими частями, расположенными возле Киева. Но даже четверть армии, прикрывавшей это направление, не могла гарантировать безопасность центральных районов страны от набегов конницы»⁴. За двадцатилетний период, последовавший после подписания в 1713 г. мира, состоялось не менее 35 набегов со стороны крымских татар и их вассалов на русские и малороссийские земли. Одновременно от непрерывных набегов со стороны крымских татар и ногайцев страдала Кабарда. Из-за военной активности Крымского ханства на Северном Кавказе Россия в начале 20-х гг. XVIII столетия была вынуждена признать Кабарду в сфере

¹ См. подробнее: *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с народами Кавказа, Поволжья и Крымским ханством (середина XVI — конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 203.

² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 12.

³ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 5. № 2834. С. 119–121.

⁴ *Хостинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. С. 35.

влияния Бахчисарая¹. Еще более дестабилизировало обстановку то, что после начала междоусобицы в Калмыцком ханстве и указа императора Петра I о ликвидации племенной общности едисанцев и джебуйлуковцев и расселении их «врозь по всем колмыцким улусам»² основная масса ногайцев, до того кочевавших в низовьях Волги и административно подчинявшихся вассальному России Калмыцкому ханству, откочевала в Причерноморские степи, приняв сюзеренитет крымских ханов.

Тем не менее Бахчисарай не воспользовался временной передышкой для глубокой модернизации страны. Ханство продолжало архаично управляться, внутри элиты и между отдельными районами не было единства, нарастали кризисные настроения в широких слоях населения Крымского ханства и Османской империи в отношении друг друга. Так, в середине 20-х гг. XVIII в. произошла серьезная дестабилизация ситуации в Крыму, вызванная мятежом ширинских беев во главе с Джан-Темиром и Бахты-Гиреем, что спровоцировало волнения на Кубани. Только вмешательство Порты, отказавшейся от поддержки сепаратизма, и энергичные меры, предпринятые вновь назначенным ханом Менгли-Гиреем (1724–1730), предотвратили отложение Кубанской орды от Бахчисарая³. Все это происходило на фоне осложняющейся внешнеполитической обстановки, в которой Крымское ханство более не было субъектом отношений, а постепенно превращалось в пешку на геополитической шахматной доске.

§ 2. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и ее последствия для Крымского ханства

В первой половине 30-х гг. XVIII в. нарастали и принимали все более острую форму противоречия между Османской и Российской империями. Основной узел этих противоречий сосредоточился в Кавказском регионе, где присутствовали интересы великих региональных держав (Российской, Османской и Персидской империй), подогреваемые действиями фронтальных образований (прежде всего Крымского и Калмыцкого ханств). В 1732 г. после долгого периода смуты и безвременья к власти в Персидской державе пришел сильный лидер — Надир-хан Ашраф. С целью нейтрализации возможного антироссийского союза между двумя мусульманскими государствами Россия в этом же году заключила с Персией Рештский договор, предусматривающий с ее стороны важные территориальные уступки в Закавказье в случае, если Надир-хан возвратит себе отнятые ранее Турцией территории

¹ *Сотавов М. Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях 1700–1783 гг. в свете влияния их на Дагестан. Махачкала, 2010. С. 39.

² АВПРИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

³ *Приймак Ю. В.* Крымско-османо-российские противоречия в контексте обострения «калмыцкого», «ногайского» (кубанского) и «черкесского» вопросов 1722–1730 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 8. С. 42.

в Ширване, Армении и Грузии¹. Этот договор привел к очередной ирано-турецкой войне и обострению отношений между Петербургом и Стамбулом. Летом 1733 г. по приказу Стамбула 25-тысячный крымский корпус под командованием калги-султана Фетхи-Гирея форсировал Кубань и двинулся в сторону Терека². Разорив владения принявших в 1732 г. российское подданство кабардинских князей, Фетхи-Гирей был остановлен русскими войсками в Чечне, где призывал жителей Дагестана и Чечни «к бунту, чтобы они с Фети-Гиреем-Султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали»³. Однако привлечь значительную часть северокавказских правителей на свою сторону калге-султану не удалось. Этот демарш чуть было не привел к очередной русско-турецкой войне, и лишь поражение османских войск под Багдадом и начавшаяся в Европе борьба за «польское наследство» удержали Россию от начала боевых действий. Тем не менее уже тогда киевский генерал-губернатор граф Иоганн фон Вейсбах разработал подробный план военной экспедиции против Крымского ханства⁴, который на тот момент остался нереализованным.

В то же время крымский хан Каплан-Гирей, несмотря на формальное османское указание, «чтобы он никаких предвосприятий к российской стороне... не чинил, но паче в покое жил»⁵, продолжал проводить крайне провокационную по отношению к России политику. Так, он деятельно поддерживал французского претендента на польский престол Станислава Лещинского, против которого боролась коалиция в составе России, империи Габсбургов и Саксонии⁶. А уже в январе 1735 г. крымский хан вел активные переговоры с посланцами калмыцкого нойона⁷ Дондук-Омбо (формально российского подданного) о совместном военном выступлении против России⁸. Это становилось возможным благодаря фактическому покровительству такой политике со стороны Стамбула, обеспокоенного появлением персидских войск в Закавказье и укреплением России в Польше.

Очевидно, что напряженность, которую создала на южных рубежах России своей политикой Турция, а также враждебная и подчас волюнтаристская политика крымских ханов фактически заставили Российскую империю готовиться к войне. Создание же благоприятных внешнеполитических факторов повышало шансы на успешный исход военной кампании. В этих условиях не стоит удивляться

¹ Подробнее см.: Договоры России с Востоком, политические и торговые / сост. Т. Д. Юзефович. СПб., 1869. С. 194–200.

² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1733 г. Д. 106. Л. 11, 13, 17, 18, 35, 37 об.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.: в 3 ч. СПб., 1869. Ч. 1. С. 119–120.

⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 4. Л. 87.

⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1733 г. Д. 7. Л. 595 об.

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1–6. Т. I–XXIX; Кн. 4. Т. XX. Стб. 1265–1266.

⁷ Князь у монголов, ойратов и калмыков.

⁸ Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Волгоград, 2007. С. 254.

заклучению Гянджинского русско-персидского договора 1735 г.¹, который изменил расклад сил на Кавказе в пользу Персии и носил откровенно антиосманский характер. После этого османский султан приказал хану Каплан-Гирею немедленно выступить в поход с 60-тысячным войском, набрать в Дагестане еще 66 тыс. и, согласовав свои действия с сераскиром² Закавказья Абдуллах-пашой, наступать на иранцев с двух сторон, чтобы обескровить их силы³. В случае противодействия этому походу со стороны русских войск хану однозначно предлагалось «поступать с ними как с неприятелями и стараться пройти насильно»⁴. В мае 1735 г. ханские войска начали очередной кавказский поход, игнорируя предупреждения российского командования и усмиряя непокорных горцев жестокими мерами. Этот поход, в очередной раз нарушивший Константинопольский русско-турецкий договор 1724 г., стал в итоге ключевым поводом к войне.

Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии и в Стамбуле, и в Санкт-Петербурге большого желания наладить добрососедские отношения друг с другом (из-за соперничества держав за гегемонию в тогдашних регионах-фронтах) и постоянного балансирования на грани войны именно жесткая и агрессивная политика крымско-татарского истеблишмента стала причиной регионального конфликта второй половины 30-х гг. XVIII столетия.

23 июля 1735 г. командующий русскими войсками в Польше генерал-фельдмаршал Б. К. Миних получил указание из Санкт-Петербурга открыть военные действия против Османской империи и Крымского ханства.

Для того чтобы начать полноценную войну против Турции, России необходимо было нейтрализовать Крымское ханство, которое прикрывало северные границы Османской империи. Война Турции в 1735 г. не была объявлена в связи с тем, что на первом этапе предполагалось вести боевые действия только против Крыма, а параллельное движение со стороны Дона вдоль Днепра (против Азова) являлось второстепенным направлением⁵. Для Турции на первом этапе, по мнению официального Петербурга, вполне достаточно было незатухающего военного противостояния с союзницей России — Персидской державой. Кроме того, перед самой войной российские власти смогли убедить главу калмыцких сепаратистов Дондук-Омбо, который в начале 30-х гг. XVIII в. с 30 тыс. кибиток откочевал на Кубань, вернуться в российское подданство. Уже в самом начале войны российской дипломатии без единого выстрела удалось обеспечить стратегический перевес над крымско-татарским влиянием в Кубанско-Северокавказском регионе.

1 октября 1735 г. в поход на Крым выступила 39-тысячная армия под командованием генерала М. И. Леонтьева. Быстро и без особых потерь армия М. И. Леонтьева преодолела расстояние от реки Орель до Конских Вод. Здесь русские войска

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 9. № 6707. С. 492–496.

² Командующий турецкими войсками.

³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 1–7 об.

⁴ Там же. Ф. 103. Оп. 1. 1724–1735 гг. Д. 3. Л. 10.

⁵ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997. С. 91.

разбили разрозненные отряды ногайских татар и выжгли приграничные аулы. Но уже с 13 октября пошли проливные дожди, а по ночам начались заморозки. В войсках начались болезни людей и падеж скота, а впереди армию ждал 10-дневный переход до Перекопа по частично выжженной татарами степи. Поэтому от урочища Горькие Воды М. И. Леонтьев приказал войскам возвращаться на Украину. В результате этого неудачного похода русская армия потеряла около 9 тыс. человек.

В середине июля 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставив капитулировать их гарнизоны в Тбилиси, Ереване, Гяндже и Тебризе, а у крымского хана не оказалось ожидаемой поддержки в Чечне и Дагестане. Получив сведения об этих событиях, султан отправил Каплан-Гирею указ, чтобы он «в Персию не ходил и от того походу удержался»¹. Но прежде чем отступить из Дагестана, Каплан-Гирей все же предпринял некоторые меры, чтобы сохранить здесь влияние Османской империи и Крымского ханства: выделил для раздачи влиятельным старшинам 2500 туманов² и многие подарки, а также сделал кумыка Эльдар-Гирея шамхалом³ и назначил своих союзников Сурхая и Ахмед-хана Каракайтского соответственно губернаторами Ширвана и Дербента⁴. Только после этого хан вернулся в Крым.

План российского командования на 1736 г. предусматривал одновременное проведение двух крупных самостоятельных операций — против Азова (силами Донской армии под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси) и Крыма (Днепровская армия под командованием генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха). Их захват разрывал кольцо османских владений на азово-черноморском побережье. Предполагалось нанести отвлекающие удары по Очакову и иррегулярными конными отрядами — по селениям кубанских ногайцев. Весной 1736 г. Россия официально объявила войну Турции, и уже в конце марта российские войска начали осаду Азова. 10 мая к Азову прибыла эскадра контр-адмирала П. П. Бределя, которая привезла осадную артиллерию и блокировала Азов с моря. Ежедневная бомбардировка русской артиллерией Азова привела к капитуляции крепости 19 июня 1736 г.

Одновременно с целью прикрытия Донской армии на Кубани действовали отряд терских и гребенских казаков во главе со старшиной И. Краснощекковым, а также кабардинские отряды и калмыцкая орда Дондук-Омбо. Эти иррегулярные части в крупном сражении разбили основные силы наврузовских ногайцев и полностью сковали действия неприятельских сил в регионе⁵. В результате указан-

¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1735 г. Д. 3. Л. 66.

² Персидская золотая монета.

³ Титул правителей Дагестана.

⁴ *Lockart L. The fall of the Safavi Dynasty and the Afghan occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 98.*

⁵ Подробнее см.: *Кидирнязов Д. С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2001. С. 474–476.*

ных действий российское подданство приняли салтанаульские ногайцы, которые в дальнейшем были переведены на кочевья между реками Терек и Кума¹.

20 апреля 1736 г. русская армия под командованием Б. К. Миниха выступила из Царицынки в поход на Крым. Авангард русской армии успешно отбил нападение 20-тысячной татарской конницы в урочище Черная долина², и к 18 мая армия Б. К. Миниха подошла к Перекопским укреплениям. Несмотря на сосредоточение в Перекопе значительных крымско-татарских сил во главе с ханом, русская армия с удивительной легкостью захватила Перекоп (после получасовой атаки) и чуть позже Ор-Капи с османским гарнизоном и Кинбурн. Очевидно, свою роль сыграло то, что в самом ханстве произошел раскол элиты — часть политического истеблишмента Крыма уже тогда желала поменять сюзеренитет Османской империи на Россию³. Кроме того, Каплан-Гирей оказался совершенно несостоятелен как военачальник и, по мнению османского историка Мехмеда Субхи, «показывал ко всем презрение и чрез это отвратил от себя султанов и мурз и озлобил их... Вследствие этого большинство их вышло из повиновения и послушания, и всякий из них стал склонен к высокомерию и бунту»⁴.

Таким образом, русская армия впервые в истории вторглась вглубь Крымского полуострова. Крымские татары, не имея сил сопротивляться регулярным частям российской армии, вели настоящую партизанскую войну⁵. Несмотря на все это, за месяц пребывания русской армии в Крыму ею были взяты Гёзлев (Козлов), ханская столица Бахчисарай (возле которой русские войска дважды отбили сильные татарские атаки) и резиденция калги-султана Ак-Мечеть. По свидетельству Христофора Германа фон Манштейна (после геройского штурма Ор-Капи произведенного в секунд-майоры русской армии), российские войска разграбили и сожгли большую часть Бахчисарая (включая ханский дворец и библиотеку), а также уничтожили покинутую жителями Ак-Мечеть⁶. Это полностью укладывалось в план Б. К. Миниха, который предлагал императрице аннексировать Крымское ханство, вывести вглубь России недовольных татар, а на их место направить русских переселенцев⁷. А если не получится «утвердиться прочно в Крыму, то [необходимо] возможно сильнее разорить татар»⁸. Любопытно, что подобный расклад сил устраивал и часть османского политического истеблишмента. Так, российский посланник в Стамбуле А. А. Вешняков со ссылкой на «турецких министров» докладывал императрице, что эти самые «министры» не будут возражать, если Россия

¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 47. Л. 15–16 об.; АВПРИ. Ф. 127. Оп. 1. 1743 г. Д. 1. Л. 11.

² Баюв А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг.: в 2 т. СПб., 1906. Т. I. С. 246–247.

³ Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 140.

⁴ Цит. по: Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 59.

⁵ Подробнее см.: Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах. / изд. С. С. Одесса, 1836. С. 3–4; Баюв А. Русская армия... Т. I. С. 265, 268–269.

⁶ Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875. С. 84–85.

⁷ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi*. Ankara, 1956. Vol. IV, part 1. P. 257–263.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Д. 121. Л. 60.

«татар крымских разорит... и Крым весь... под высочайшую Вашего императорского Величества державу покорить повелеть изволит». После этого указанные представители османского правительства предполагали, что «мир учинится, который справедливо вечным быть... может», так как «татар же посреде не будет»¹.

Тем не менее сложности со снабжением армии и маневр турецких войск на Дунае, которые могли запереть русских в Крыму, заставили Б. К. Миниха отступить к Перекопу. Российская армия оказалась осаждена в крепости татарами, которые практически полностью прервали ее коммуникации с Украинской линией. На состоявшемся 26 июля военном совете российское командование приняло решение отступить к Днепру, не оставляя в Перекопе гарнизона, а крепость взорвать. Генерал М. И. Леонтьев должен был также оставить Кинбурн, предварительно взорвав его, и возможно скорее присоединиться к армии².

Таким образом, крымский поход закончился неудачей, так как ни одна из целей этого похода (уничтожение основных вооруженных сил татар и оккупация Крымского ханства) не была достигнута. Однако и все крупные диверсии на Украину османов и крымских татар в конце лета — осенью 1736 г. были довольно успешно пресечены российскими войсками.

В августе 1736 г. калмыцкий правитель Дондук-Омбо получил указ о выступлении в поход против кубанских подданных крымского хана. Крупное сражение калмыков с 20-тысячным ногайским войском произошло 20 ноября в междуречье Кубани и Лабы. Ногайцы были уничтожены в полном смысле этого слова (в сражении погибли до 15 тыс. человек, а остальные были загнаны в реку Кубань и большей частью утонули³). Опрокинув ногайцев, Дондук-Омбо продолжил поход по Кубани, разорив Едисанскую и Едичкульскую орды, размещавшиеся на территории Мултанского полуострова от Копыла до Черного и Азовского морей. К середине декабря калмыки взяли ставку сераскир-султана (крымский правитель Кубани) город Копыл. В результате этих действий 10 тыс. ногайцев улуса Солтанулу приняли подданство России⁴, а часть калмыцкой конницы была направлена в состав армии генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, который готовился в следующем году к атаке на Крымский полуостров.

То, что русские войска вторглись на территорию Крыма, а также неудачи Каплан-Гирея на Кавказе вызвали волну возмущения политикой хана среди всего крымского общества и крайнее недовольство в Стамбуле. Он был смещен, и в начале 1737 г. новым ханом стал старший сын Девлет-Гирея II и командующий крымскими войсками в войне с Персией Фетхи-Гирей II⁵. Новый хан приказал восстановить и даже усилить разрушенные по приказу Б. К. Миниха Перекопские укрепления, а уже в феврале 1737 г. совершил успешный набег на Украину через Днепр у Переволочны, убив русского генерала Ю. Ф. Лесли и взяв много пленных.

¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 31 об. — 32.

² Подробнее см.: *Баиов А.* Русская армия... Т. I. С. 283–286, 289.

³ *Тепкеев В. Т.* Калмыцко-крымские отношения... С. 98.

⁴ *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России... С. 257.

⁵ *Андреев А. Р.* История Крыма. М., 2000. С. 211.

Лишь в бою с отрядом генерал-майора Радинга крымско-татарский набег был отражен¹. 16 февраля хан отошел за Днепр, опасаясь вскрытия реки из-за рано наступившей оттепели.

Весной 1737 г. российское командование возобновило наступательные действия. Теперь основной удар предполагалось нанести по ключевому пункту Турции в Северном Причерноморье — крепости Очаков. Взяв ее, русские отрезали бы Крымское ханство от османских владений на суше и получили бы контроль над устьем Днепра и открытый выход в Черное море. Вспомогательный удар армией под командованием П. П. Ласси планировался по Крыму через Арабатскую стрелку.

Начало кампании 1737 г. пришлось на существенное изменение внешнеполитической обстановки. При деятельном участии английской и французской дипломатии в сентябре 1736 г. был подписан ирано-турецкий мирный договор. Возвращая Персии по этому договору Грузию, Армению и Азербайджан, Порта добивалась нейтрализации русско-иранского союзного Гянджинского договора 1735 г., что значительно осложняло положение России в период войны². С конца 1736 г., чтобы не оказаться в одиночестве против Османской империи и Крымского ханства, Санкт-Петербург предпринимал титанические усилия для того, чтобы империя Габсбургов в силу союзного договора от 1726 г. вступила в военные действия против Турции. Эти усилия увенчались успехом, и Вена объявила войну Османской империи, что существенно облегчило российским войскам кампанию 1737 г.

30 июня войска под командованием Б. К. Миниха практически с ходу взяли Очаков. Оставив в крепости сильный гарнизон, Б. К. Миних начал отступать на Украину, хотя должен был идти к Бендерам. Однако сильная жара, выжженная татарами степь и, как следствие, падеж скота, неприбытие основного обоза на судах делали возможное движение к Бендерам почти самоубийственным. Армия, подвергаемая постоянным нападениям татар³, оставив большую часть осадной артиллерии при урочище Андреевском, сначала находилась в районе Днепровско-Бугского лимана (в нескольких десятках километров от Очакова), а к сентябрю 1737 г. вернулась на Украину.

3 мая 1737 г., почти одновременно с Б. Х. Минихом, из Азова в Крым выступила армия генерал-фельдмаршала П. П. Ласси. Хан с основными силами (45 тыс. человек) поджидал ее у Перекопа. Но П. П. Ласси в соответствии с предварительным планом кампании 7 июля форсировал озеро Сиваш и двинулся в Крым по Арабатской стрелке. Здесь российский полководец показал себя блестящим тактиком. Его войска шли по довольно узкому месту, зажатые Азовским морем, и хан, укре-

¹ Записки Манштейна о России... С. 101–102; *Баиов А.* Русская армия... Т. I. С. 346–347.

² *Саламова Н. А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.). Махачкала, 2007. С. 73.

³ Записки Манштейна о России... С. 118, 120.

пив линию в конце косы, решил, что армия П. П. Ласси попала в ловушку. Однако войска, найдя удобное место, на плотках и вброд переправились через залив на полуостров¹.

Выйдя в тыл группировки хана, П. П. Ласси 12 июля атаковал у реки Салгир 15-тысячный отряд крымских войск и нанес ему полное поражение. Затем авангард русской армии под командованием генерала Г. О. Дугласа 14 июля разбил крымцев под Карасубазаром². Город был разграблен и сожжен. Опасаясь удара в тыл, хан Фетхи-Гирей отступил в горы. Несмотря на достигнутый успех, русские войска 16 июля начали отступление из Крыма. Это было связано с сильной жарой, недостатком кормов и воды, к тому же мелкие татарские отряды постоянно беспокоили армию. 23 июля у реки Шунгар русская армия столкнулась с основными татарскими войсками, усиленными турецкой пехотой и полевой артиллерией из Каффы. Однако до серьезного сражения дело не дошло, и русская армия покинула пределы полуострова³, остановившись у Молочных Вод. Лишь поздней осенью армия ушла на зимние квартиры в пределы России.

Регулярная русская армия не достигла особых успехов в Крыму. Однако в составе войск было до 15 тыс. казаков и калмыков, которые за неполный месяц пребывания на полуострове сожгли и разграбили около тысячи мелких крымских населенных пунктов, захватили много пленных и огромное количество скота⁴. По поводу второго русского похода в Крым современник событий представитель крымско-татарской знати Сейид-Мухаммед Риза писал: «...проклятые московы опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма и вдругорядь дерзнули предать разрушению и опустошению город Кара-Су... Все от мала до велика повергнуты были в смущение и потеряли голову»⁵.

Вторжение П. П. Ласси в Крым было однозначно оценено в Стамбуле как следствие оплошности хана Фетхи-Гирея, и он был отстранен от власти. Новым был назначен Менгли-Гирей II, который уже был крымским ханом в 1723–1730 гг., являлся сторонником турецкого султана Ахмеда III и был смещен новым султаном сразу после свержения Ахмеда III.

С 16 августа по 11 ноября в украинском местечке Немирово состоялся конгресс русских, турецких и австрийских представителей при посредничестве Франции⁶. Здесь российские дипломаты, окрыленные опустошением Крыма, взятием Очакова и вступлением в войну Австрии, выдвинули чрезмерные для Османской империи требования — отмена всех прежних русско-турецких договоров и замена их новыми; переход к России Кубани, Крыма и земель между устьями

¹ Записки Манштейна о России... С. 124–125.

² Шефов Н. А. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. // Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000.

³ Буганов В. И., Буганов А. В. Полководцы. XVIII в. М., 1992. С. 231.

⁴ См.: Записки Манштейна о России... С. 127.

⁵ Цит. по: Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 62.

⁶ См.: Уляницкий В. А. Из документов Немировского конгресса // Чтения ОИДР. 1894. Кн. 2. Смесь. С. 1–32.

Дона и Дуная в целях обеспечения спокойствия Российского государства; провозглашение Молдавии и Валахии независимыми княжествами под протекторатом России, предназначенными стать барьером, предохраняющим Россию и Турцию от взаимных конфликтов; признание Турцией императорского титула русского самодержца; свободное плавание русских торговых кораблей по Черному морю; добросовестное выполнение Турцией условий Карловицкого конгресса 1698–1699 гг. относительно неприкосновенности Речи Посполитой¹. Естественно, требования России, а также Австрии, которая претендовала на Молдавию и Валахию, были отвергнуты турецкой стороной, и военные действия возобновились.

На западе турецкая армия вторглась в Боснию, а на востоке уже 15 октября к Очакову подошла османско-татарская армия в 40 тыс. человек под командованием Иентш-Али-паши и нового крымского хана Менгли-Гирея². После 14-дневной энергичной осады османы, узнав о том, что к осажденным идет подкрепление, поспешно отступили к Бендерам, не успев даже забрать все свои орудия.

Менее успешными для россиян были оборонительные действия в Кабарде, на Дону и Украине. 30 июля кубанские ногайцы, темиргоевцы и некрасовские казаки во главе с сераскиром Селим-Гиреем совершили опустошительный набег на станицы Донского казачьего войска и, взяв полон (около 1 тыс. человек) и отогнав 36 тыс. голов скота, удалились восвояси³. Ногайские отряды Мусы-мурзы и Навруз-Улу всю осень терроризировали Большую и Малую Кабарду⁴. А сразу после своего восстановления на ханском престоле Менгли-Гирей совершил опустошительный набег на украинские земли, вернувшись назад с богатой добычей⁵. Лишь в ноябре отряд донских казаков атамана И. Фролова и сборное войско Дондук-Омбо с калмыками, терскими казаками и регулярными частями А. И. Лопухина начали действовать на Кубани. Этот корпус захватил и сжег город Темрюк, уничтожив янычарский гарнизон и разорив все близлежащие окрестности. Подобная участь постигла и город Ачу. Жертв среди закубанцев было бы еще больше, если бы предупрежденные заранее едичкульцы вместе с кубанским сераскиром Селим-Гиреем не успели укрыться в горах⁶.

В кампанию 1738 г. Османская империя вела успешные активные военные действия против Австрии в Сербии и Боснии⁷. Аккерманские татары при этом разоряли приграничные районы империи Габсбургов⁸. На русском театре военных действий турки избрали тактику активной обороны, беспокоя российские пределы

¹ *Мачанов А. Е.* Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 44.

² РГВИА. Ф. 846. Д. 121. Л. 117.

³ *Баюв А.* Русская армия... Т. I. С. 434.

⁴ *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России... С. 212.

⁵ *Кащенко А.* Оповідання про славне війско Запорозьке Низове. Київ, 1992. С. 11.

⁶ *Алиева С. И.* Ногайцы Северо-Западного Кавказа в исторических процессах XVIII—начала XX в. Армавир, 2000. С. 66–67.

⁷ *Кирросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 419.

⁸ *Баюв А.* Русская армия... Т. I. С. 458.

лишь силами крымских татар. Так, крымский хан в феврале 1738 г. с 40-тысячным войском направился к левому флангу Украинской линии, намереваясь проникнуть дальше в страну. Однако, посчитав это опасным предприятием, хан повернул к Изюму, и его войска осадили форт Спеваковку. При этом мелкие татарские отряды разошлись по округе с целью грабежа. Но быстрые действия российских войск, прикрывающих границы, заставили крымских татар поспешно отступить, потеряв до 400 человек, всех пленных и захваченный скот¹.

Главной целью кампании 1738 г. для российского командования стал опорный турецкий пункт на реке Днестр — крепость Бендеры. Владая ею и Очаковом, русские могли полностью вытеснить турок за Днестр. Вспомогательный удар вновь планировалось нанести по Крыму. Главная цель достигнута не была. Более того, в 1738 г. в степях разразилась чума, в результате чего российские войска оставили Очаков и Кинбурн.

В таких условиях проходил новый крымский поход генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, чтобы, по меткому выражению Б. Х. Миниха, «его (Крым. — *Авт.*) в ящее чувство и последнее искоренение привести»². 19 мая русские войска подошли к реке Берда, где к ним присоединились Донская флотилия вице-адмирала П. П. Бредая, около 5 тыс. донских казаков и примерно столько же украинских. П. П. Ласси предполагал, что поход должен быть несколько легче прошлогоднего, учитывая, что, по сообщениям конфиденентов, «Крым совершенно разорен, и в нем ужасный голод, что татары находятся в полном разорении и крайней слабости... что в Еникале, Кафе и Перекопе находятся очень маленькие гарнизоны, которые... не ожидают ниоткуда и никаких подкреплений»³. Кроме того, калмыцкие отряды хана Дондук-Омбо для прикрытия с фланга армии П. П. Ласси в апреле — мае 1738 г. при поддержке сил кабардинского князя М. Кургокина совершили набег на кубанские земли. В 20-х числах апреля были разбиты два улуса кубанцев — Навруз-улу Селебека, сына Бахта-Гирей-султана. Калмыки взяли в плен 7 тыс. человек и отогнали более 10 тыс. голов скота. Следующей жертвой Дондук-Омбо стали абазины. Калмыки разбили их и переселили на реку Бургусту⁴.

Крымские войска ожидали лобовой атаки на Перекопские укрепления со стороны русской армии. Однако П. П. Ласси помог случай. Сильный ветер выгнал воду из Сиваша в Азовское море, и основная часть русской армии переправилась на полуостров вброд 26 июня⁵. Хан, узнав о переходе П. П. Ласси через Сиваш, увел свои войска вглубь полуострова. Поэтому русская армия легко с тыла овладела Перекопскими укреплениями после двухдневных бомбардировок крепости. Гарнизон из 2 тыс. янычар сдался⁶.

¹ Баиов А. Русская армия... Т. I. С. 467.

² Цит. по: Там же. С. 543.

³ Там же. С. 485.

⁴ Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения... С. 102.

⁵ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 97.

⁶ Записки Манштейна о России... С. 152.

После этого русские войска двинулись вглубь Крыма, к крупнейшему на полуострове городу Каффе. Однако сразу по выступлении из Перекопа у русских войск начались серьезные трудности с водой, фуражом и продовольствием. Кроме того, флотилия П. П. Бредаля (с припасами для армии) была блокирована османским флотом у Генчи и сожжена русскими моряками, так как шансов вырваться из блокады морским путем не имелось¹. Без поддержки с моря взять Каффу было невозможно, поэтому терялся всякий смысл операции. На военном совете 6 июля русское командование приняло решение отступить к Перекопу².

При отступлении к Перекопу 9 июля арьергард русской армии был смят 20-тысячным крымским корпусом. И лишь подход основных частей с большим трудом и потерями позволил отбить атаку крымцев³. Серьезное столкновение произошло также 13 августа у местечка Ялынгыз-Агач. Русская армия в этом бою потеряла свыше 1200 человек и 2000 голов скота. В конце августа П. П. Ласси приказал сровнять с землей Перекопские укрепления и вернуться на зимние квартиры на Украину.

Таким образом, кампания 1738 г. была для России крайне неудачной, она привела к большим потерям людских и материальных ресурсов при полном отсутствии достижения хоть одной цели. Россия потеряла завоевания прошлого года — Очаков и Кинбурн, становилось ясно, что продолжения войны не избежать. Более того, в конце 1738 г. — начале 1739 г. крымцами были совершены несколько больших набегов на Украину, в результате которых татары чуть было не прорвались вглубь Придонецкого края и с большим трудом были отбиты⁴.

Кабинет министров прекрасно осознавал все сложности новой кампании и тяжелое положение своего союзника — империи Габсбургов. Поэтому главный удар предполагалось нанести по Хотину, а вспомогательными силами осуществлять диверсии против Крыма и Кубани. Тем более что в сообщениях разведки относительно Крыма отмечалось, что он «в великой слабости», так что «без малейшей опасности противу их действия производить (можно)». А чуть позже Б. Х. Миних получил сведения о том, что крымские татары, крайне недовольные османами, «не веря обещаниям Порты, повторяемым уже три года, оказать им помощь как людям, так и провиантом, заявили, что если в нынешнем году русская армия вступит в Крым, то они подчинятся России»⁵. Так после трех с лишним лет войны многовековой союз двух мусульманских государств под давлением России дал серьезную трещину.

Форсировав Днестр, русская армия под командованием Б. Х. Миниха 17 августа 1739 г. разбила осmano-татарские войска в сражении у села Ставучаны близ Хотина. В результате эта мощнейшая крепость была взята уже на следующий день

¹ См.: Донесение Бредаля в кабинет Ея И. В. из Азова, 1738 года июля 6 // Материалы для истории русского флота. СПб., 1877. Ч. VI. С. 219–227.

² Буганов В. И., Буганов А. В. Полководцы... С. 232–233.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 121. Л. 155.

⁴ Баюв А. Русская армия... Т. II. С. 40–42.

⁵ Там же. С. 109, 111.

без боя. Далее русские войска вступили в Яссы, в которых правительство княжества (диван) изъявило покорность России¹. Иррегулярные части российской армии — запорожцы и отряды молдаван подвергли Буджак страшному разорению, одновременно перерезав коммуникации Бендер и других османских крепостей в регионе². Но добиться покорения местных татар в то время не удалось.

Блестящие победы русского оружия в кампанию 1739 г. резко контрастировали с несчастьями австрийских союзников, которые потерпели сокрушительное поражение под Белградом. В результате империя Габсбургов заключила с османами сепаратный мир, уступив им Белград с Сербией и «императорскую» Валахию, во многом перечеркнув военные успехи России.

В ходе этой кампании фельдмаршал П. П. Ласси ограничился военными демонстрациями в районе Генчи и Перекопа. В то же время летом 1739 г. крымские и кубанские татары во главе с Фетх-Гирей-султаном и Кази-Гирей-султаном совершили крупный набег на Кабарду, взяв много пленных и угнав большое количество скота³. Объединенные силы кабардинцев и пришедших им на помощь калмыков во главе с Асламбеком Кайтукиным настигли татар у реки Лаба. В ожесточенном бою крымско-кубанские войска были разбиты, Кази-Гирей погиб⁴.

Выход Австрии из войны с Османской империей и демонстративная подготовка Швеции к войне с Россией привели к тому, что 18 сентября 1739 г. был подписан русско-турецкий мирный трактат. Согласно его условиям Россия возвратила себе Азов (должна была скрыть все укрепления) и получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Турция — в устье Кубани; Большая и Малая Кабарда становились «нейтральными». Запорожье перешло в подданство России. При этом Таганрог не мог быть восстановлен, Россия не имела право на собственный флот (включая торговый) в Азовском и Черном морях⁵.

Эта война считается одной из наименее удачных войн России в XVIII столетии⁶. Однако для истории Крымского ханства она имела все же определяющее значение. Так, впервые вражеские войска вторглись непосредственно на территорию полуострова. При этом не только татары не могли сами себя защитить, но, что более важно, их не могли защитить османы. Таким образом, после 1739 г. и так рыхлая политическая структура ханства с его неэффективным государственным аппаратом столкнулась с резким возрастанием внешней угрозы со стороны северного соседа. Кроме того, в Крымском ханстве возникла огромная внутренняя проблема — ногайская. К 20-м гг. XVIII в. завершился процесс откочевки основной массы ногайцев с Нижней Волги и южноуральских степей в Приазовье и Северное Причерноморье. Причерноморские степи имели мень-

¹ Записки Манштейна о России... С. 167.

² Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. С. 492–494.

³ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1739 г. Д. 1. Л. 15.

⁴ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России... С. 212.

⁵ ПСЗ-I. Т. 10. № 7900. С. 899–904.

⁶ Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea (1772–1783). New York, 1970. P. 24; Андреев А. Р. История Крыма. С. 212.

ше пастбищных площадей по сравнению со степными просторами Нижней Волги и Северо-Западного Казахстана. Однако участие в крымских набегах и работорговле обеспечило ногайцев тем необходимым продуктом, который сделал возможным пребывание большого количества кочевников на ограниченной территории без расширения пастбищных площадей и при сохранении экстенсивного характера скотоводства. Как справедливо заметил В. В. Грибовский, «урегулирование отношений между Портой и Россией, их обоюдная заинтересованность в существовании стабильных границ лишали ногайцев возможности самостоятельно осуществлять миграции и по своему усмотрению менять подданство. Категорическое требование Порты прекратить набеги создавало необходимость усиления административного контроля Крымского ханства над ногайцами»¹. Все это привело к кризису традиционных общественно-экономических отношений в ордах, что выливалось в дальнейшем в ухудшение условий жизни и частые волнения в ногайских улусах. Эта новая ситуация поставила перед Крымским ханством такие задачи, решение которых, как показала история, оказалось для него непосильным.

§ 3. Крымское ханство между двумя русско-турецкими войнами

После заключения Белградского мира 1739 г. система русско-турецких договоренностей, с одной стороны, стабилизировала границы ханства на севере, а с другой стороны, четко фиксировала подданство ногайцев и других причерноморских кочевников, препятствуя их самовольным миграциям и устраняя ситуацию перманентной войны между запорожским казачеством и подданными крымских ханов. Таким образом, у Крымского ханства едва ли не впервые за всю историю появилась возможность провести модернизацию собственной политической и экономической системы, а также создать стабильные и постоянно действующие институты управления ногаями. Особенность Крымского ханства заключалась в наличии как традиционно восточной политико-административной системы, охватывавшей районы с сельскохозяйственной экономикой (Горный Крым и предгорья), так и архаичной модели, связанной с кочевническими политическими традициями в Буджаке, Очаковской и Перекопской степях. Ранее любые попытки крымских ханов установить стабильное налогообложение или усмирить строптивую ногайскую знать имели следствием миграцию ногайцев за пределы ханства — на Северный Кавказ и в Поволжье.

Экономика ханства была весьма зависима от внешних факторов. Это было связано как с ярко выраженной экспортоориентированностью производства,

¹ *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // ТС 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 71.

так и с его архаичностью. Ремесленники работали по цеховому принципу и не были ориентированы на удовлетворение всех внутренних потребностей государства. Сельское хозяйство помимо скотоводства во многом основывалось на ограниченном числе зерновых культур и слабо учитывало основы сельскохозяйственного районирования, следствием чего была крайняя зависимость от погодных условий, а экономика в целом зависела от рабов и военной добычи. Крымские ханы приобрели некоторые черты служебной аристократии благодаря тому, что турецкие султаны часто возводили их на крымский престол и смещали с него. Власть же самого хана была весьма ограничена. По словам французского консула в Крыму Шарля Пейсонеля, «он (хан. — *Авт.*) не получает никаких доходов с земель или от своих подданных и не может изменить что-либо в привилегиях знати; он не смог бы даже изгнать какого-нибудь аристократа без ведома беев». Доходы хана «очень посредственны и едва доставляют ему необходимое для поддержания звания императора», составляя порядка 4 млн ливров¹ (около 1,07 млн рублей по курсу середины XVIII в.). Недостаточный уровень производительных сил, низкий уровень доходов казны и слабость власти ханов, многократно усиленные мощным внешним фактором в виде российской экспансии, привели к глубокому системному кризису крымско-татарского государства, для выхода из которого требовались колоссальные модернизационные усилия в условиях острого дефицита времени.

Вскоре после заключения Белградского мира неожиданно скончался хан Менгли-Гирей. Его приемником стал Селямет-Гирей II — почитаемый среди татар пожилой и опытный политик. Он сосредоточился на восстановлении разрушенных во время войны городов и поселений на полуострове. В то же время озлобленное и обнищавшее, воинственное по преимуществу население ханства не очень-то стремилось к соблюдению условий мира. Татары противились выдаче русских пленников, нападали с целью грабежа на казаков, приехавших за солью, и т. д.² К тому же в 1740 г. умерли главы двух союзных государств — австрийский император Карл VI и российская императрица Анна Иоанновна. Это существенно нарушило политическое равновесие в Европе. Империя Габсбургов начала тяжелую войну с Францией и ее союзниками, а в июле 1741 г. Швеция, субсидируемая все той же Францией, объявила войну России. Французская и шведская дипломатия, понимая отсутствие перспектив втягивания Османской империи в новую войну с Россией с учетом осложнения отношений с Персией, решила спровоцировать на конфликт крымского хана. Переговоры татар со шведами шли в 1741–1742 гг. в Бахчисарае. Но крымский хан не решился заключить военный союз с находящейся в состоянии войны с Россией Швецией без санкции Стамбула. Тем не менее крымско-татарское государство в это время усилило враждебную политику по отношению к России на приграничных территориях. Так, летом 1742 г. были получены известия, что кубанский

¹ Пейсонель Ш. Записка о Малой Татарии. Днепропетровск, 2009. С. 14, 16–17.

² Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 70.

сераскир подстрекает против России салтанаульских ногайцев, кочующих между Терекком и Кизляром¹, а Шарль Пейсонель отмечал, что, «воспользовавшись Белградским договором, ограничившим действия России на Северном Кавказе, крымские ханы взимали дань пленниками и лошадьми, стремились к полному покорению адыгов»², что нарушало букву указанного трактата.

Успешная для России война со Швецией завершилась летом 1743 г. Або-ским миром и приходом к власти в Швеции нового короля. Эта ситуация заставила Османскую империю сместить Селямет-Гирея и назначить ханом калгу-султана — Селима-Гирея II, считавшего необходимой полную согласованность крымской внешней политики с османской. Хан снискал себе уважение в Крыму и Стамбуле успешной экспедицией в Персию, которая во многом изменила ход ирано-турецкой войны, и усилиями по закреплению мира с Россией (ханом была осуществлена выдача русских пленных, также он старался удерживать подвластных ногайцев от набегов).

После смерти в 1748 г. Селим-Гирея его преемником стал Арслан-Гирей, который сосредоточился на реформах внутри страны. В период его власти были отремонтированы и вновь введены в строй пограничные крепости Ор-Капи (Перекоп) и Арабат, укрепленные пункты на Уч-Обе, Чонгаре и Сиваше. По приказу хана была восстановлена разрушенная Б. Х. Минихом знаменитая мечеть Девлет-Гирея I в Гёзлеве, а также сооружены школы, медресе, общественные фонтаны в Ак-Месджиде, Гёзлеве и других населенных пунктах.

Кроме того, резко усилилась централизация административного управления ногайцами со стороны Бахчисарая, хану даже удалось назначить на важнейшие посты ор-бея и сераскеров Буджакской и Эдисанской орд своих сыновей, а также снизить градус напряженности внутри рода Гиреев, дав привилегии многим близким и дальним родственникам. Все это существенно снизило напряженность как в самом ханстве, так и на крымско-украинской и крымско-польской границе, что было с удовлетворением отмечено в Стамбуле³.

Безусловно, набеги подданных хана (в основном ногайцев) на российские и польские земли присутствовали, но они уже не носили системного характера и совершались отдельными феодалами собственными силами (как правило, в несколько десятков человек). Справедливости ради стоит отметить, что точно такие же набеги на крымские земли осуществляли запорожские и донские казаки, подвластные России калмыки. Эта постоянная угроза набега приводила к тому, что обширнейшие территории, принадлежавшие Запорожской Сечи, очень медленно заселялись. Османские же и крымские территории, примыкавшие к русским и украинским землям, вообще являлись полосой отчуждения. Так, территория

¹ Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях... С. 84.

² Пейсонель Ш. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 199.

³ Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 76–77.

Приднестровья и Херсонщина фактически не были заселены¹. Земли, лежащие между Бугом и Днестром, а также между Бугом и Днестром не осваивались ни Турцией, ни Крымским ханством и административно даже не входили в их состав. С середины XVIII в. здесь стали появляться украинско-молдавские селения, платившие дань крымскому хану.

Несколько по-другому проводилась политика Бахчисарая в отношении кавказских народов. Традиционно крымские ханы считали своими подданными кабардинцев. Согласно Белградскому договору 1739 г. Кабарда признавалась независимой, «буферной» территорией. Вопреки этому договору Крым вмешивался во внутренние дела Кабарды, требовал (и иногда добивался) от нее присылки дани людьми и скотом². В 1750 г. из Петербурга был направлен в адрес турецкого правительства официальный протест в связи с постоянным вмешательством кубанского сераскира в кабардинские дела³.

Правда, и Россия активно вмешивалась в дела Кабарды. В 1744 г. геодезист С. Чичагов составил первую подробную карту Большой и Малой Кабарды⁴ как одного из важнейших театров военных действий в случае войны с Турцией или Ираном. А когда в 1753 г. русским эмиссарам в Кабарде удалось на некоторое время примирить враждующие группировки, то Османская империя официально обвинила Россию во вмешательстве в дела региона и в ведении агитации с целью склонения кабардинцев вступить в российское подданство⁵.

Касаясь общей ситуации, необходимо отметить, что к середине XVIII столетия для Крымского ханства фактор давления с севера существенно усилился. С 40-х гг. XVIII в. Россия начала активные мероприятия по заселению так называемых Заднепровских мест (территорий, расположенных южнее Днепровских порогов). Во многом этому способствовало окончание строительства Украинской оборонительной линии, которое велось с 1731 г. на границе Малороссии и запорожских земель⁶. С появлением Украинской линии Крымское ханство становилось более уязвимым для российских войск с чисто военной точки зрения, так как все прежние походы на Крым заканчивались неудачей, во многом из-за огромного удаления армии от баз снабжения, магазинов и госпиталей. Велась и активная разведывательная деятельность. Так, например, киевский вице-губернатор Г. М. Костюрин призывал кошевого атамана запорожцев «особливо стараться чрез посланных под приличным претекстом надежных и бывалых людей в Крым и Очаков разведывать о тамошних

¹ Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII—первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 52, 100.

² Цеева З. А. Отношения Черкесии с Османской империей и Крымским ханством: военный и социокультурный аспекты. Майкоп, 2004. С. 65–66.

³ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1750 г. Д. 3. Л. 21 об.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1. С. 168.

⁵ Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 122–123.

⁶ РГВИА. Ф. 14. Оп. 41. Д. 6. Ч. 5. Л. 269.

обращениях и о том почаще доносить, ибо того высочайший его императорского величества интерес требует»¹.

В начале 50-х гг. XVIII в. царские власти еще более усилили попытки заселения и освоения Новороссии. Причем в значительной степени это делалось с помощью иностранных переселенцев, которых размещали на северных границах Запорожской Сечи. Было решено «пришедших и впредь приходящих... сербов и прочих тамошних народов (имелись в виду православные подданные империи Габсбургов, которых Австрия согласилась отпустить в Россию. — *Авт.*) селить в Заднепрских местах, а именно: начав от устья реки Каварлыка прямою линиею до верховья реки Тура на устье реки Каменки, от устья реки Каменки на вершину реки Омельника и по оной вниз даже до устья ее, где она в Днепр впадает, отступя от польской границы по 20 верст»². 11 января 1752 г. было решено построить там крепость Святой Елизаветы³, что вызвало живое беспокойство и в Османской империи, и в Крымском ханстве. В результате энергичных обсуждений и переговоров между правительствами империй русские власти в 1756 г. были вынуждены скрыть укрепления крепости Святой Елизаветы⁴.

В декабре 1754 г. к власти в Османской империи пришел 55-летний султан Осман III, взбалмошный и непоследовательный правитель (за неполных три года его правления семь раз по его воле менялись великие визири государства). Эта непоследовательность проявилась и во внешней политике. Османская империя резко сменила внешнеполитические ориентиры и в 1756 г. начала переговоры о военно-политическом союзе с Пруссией⁵ — противницей традиционного турецкого союзника Франции в ходе идущей в Европе Семилетней войны. Судя по всему, эта смена ориентиров Стамбула и стала причиной отставки в том же 1756 г. хана Арслан-Гирея.

Ставший новым ханом престарелый и болезненный 67-летний Халим-Гирей умудрился очень быстро разрушить хрупкое равновесие внутривосточного состояния Крымского ханства, созданное предшественниками. Его неумелые действия, крайне неудачная кадровая политика и проведение радикальной налоговой реформы привели к страшному по последствиям ногайскому восстанию⁶, в результате которого в 1758 г. ханом стал глава мятежников и ярый русофоб⁷ Кырым-

¹ Письмо киевского вице-губернатора Г. М. Костюрина кошевому Григорию Федорову от 9 февраля 1755 г. / публ. А. Скальковский // Киевская старина. 1886. № 2. С. 329.

² ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 13. № 9921. С. 572.

³ Там же. № 9924. С. 581–585.

⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1756 г. Д. 1. Л. 123.

⁵ Подробнее см.: Донесения российского резидента А. М. Обрескова // Там же. Д. 4. Л. 73 об. — 74 об., 164 об., 165 об.

⁶ Подробнее о мятеже см.: Отчет о восстании ногайцев Иедсана, послужившего причиной свержения Алим-Герая-хана и восшествия на престол Крым-Герая-хана, в 1758 г., посланный в 1759 г. министром короля господином де Пейсонель // Пейсонель Ш. Записка о Малой Татарии. Днепропетровск, 2009. С. 54–66.

⁷ *Остерман В.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией Теодора Мундта // ИТУАК. 1909. № 43. С. 1–87.

Гирей. Он перевел часть Едисанской орды (до 8 тыс. кибиток) в перекопские степи, а в 1759 г. сформировал отдельную Едичкульскую орду, переселив из Бессарабии и Прикубанья остатки Больших Ногаев на левобережье Нижнего Днепра¹. Этот последний шаг привел к череде постоянных пограничных конфликтов с Запорожской Сечью, на чьи земли начались спорадические мелкие набегивания². В 1758–1759 гг. Крым-Гирей проводил активную политику и в Кабарде, пытаясь (правда, не очень успешно) привлечь ее князей к выступлению против России. Более того, в рамках заключенного осmano-прусского договора в Крыму велись переговоры между Крым-Гиреем и представителем прусского короля о конкретных военных акциях крымских татар против России и Австрии. Однако выход России из войны с Пруссией поставил на планах совместных действий двух стран крест³. Тем не менее даже после окончания русско-прусской войны Крым-Гирей решил привлечь на свою сторону Польшу, что являлось грубейшим нарушением Белградского трактата, посредником в заключении которого выступала Франция. В этой связи не выглядит странным решение султана в 1764 г. о смещении Крым-Гирея. Его агрессивная политика, за которую ему дали прозвище Дели-хан («Шальной (сумасбродный) хан»), неминуемо бы привела ханство, а вслед за ним и Османскую империю к войне с Россией и союзной с ней империей Габсбургов. В тех внешнеполитических условиях война совершенно не входила в планы Стамбула.

Во внутренней политике Крым-Гирей сделал огромный вклад в развитие экономической и культурной жизни страны. Поощрял развитие сельского хозяйства (прежде всего производство пшеницы и виноградарство). В поисках путей к экономической независимости ханства приказал произвести геологические изыскания в Крымских и Кавказских горах с целью поиска полезных ископаемых. На время правления хана пришелся расцвет так называемого «крымского рококо» — для украшения ханского дворца были приглашены лучшие художники и архитекторы своего времени, а в столице появились новые фонтаны и здания, самыми известными из которых стали Фонтан слез, мавзолей Диляры-Бикеч, мечеть Ешиль-Джами.

Приход к власти в Крыму Селим-Гирея III уже не мог существенно изменить ситуацию — градус напряженности между всеми участниками Восточноевропейского и Северокавказского политических пасьянсов был слишком велик. Не случайно новый хан, являясь одним из основателей крымско-татарской политики мирного сосуществования с Россией в середине XVIII в. (был калгой-султаном при Арслан-Гирее), первым делом потребовал убрать из Крыма русского консула

¹ Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья... С. 89.

² Подробнее о пограничной ситуации накануне войны 1768–1774 гг. см.: Доношение киевского губернатора Воейкова о запорожских козаках с подробным изъяснением окружности их земли, состояния и претензии их на татар от 1766 года, декабря 14 дня // Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских козаков. Владимир, 1903. Т. II. С. 1852–1867.

³ Подробнее о ходе переговоров см.: Югош П. Н. К вопросу о прусско-крымских переговорах 1761–1762 гг. // КНП. 1998. № 3. С. 296–300.

Никифорова, который занимался в Крыму, говоря современным языком, «деятельностью, несовместимой с дипломатической». Кроме того, Селим-Гирей в 1765 г. принял деятельное участие в попытке вовлечения Османской империи на стороне Франции и Австрии в антирусскую борьбу за польский престол¹. Представляется, что в то время сама мысль о союзе с извечным врагом, империей Габсбургов, казалась в Стамбуле противоестественной, и это могло послужить причиной отставки Селим-Гирея в начале 1767 г. Тем не менее война стояла на пороге, и уже стало очевидно, что Крымское ханство не смогло воспользоваться в полной мере почти 30-летним периодом относительного затишья для модернизации своего государственно-административного и экономического устройства, окончательно превратившись лишь в инструмент османской политики в регионе.

§ 4. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и независимость Крымского ханства

Восшествие на российский престол императора Петра III изменило финал Семилетней войны и лишило Россию результатов ее военных побед, что осложнило для России общий фон решения южного вопроса. А этот вопрос назрел, судя по аналитической записке, поданной канцлером М. И. Воронцовым в 1762 г., в которой савонник отмечал, что «полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом Российских и Турецких владений; доколе он останется в Турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротиву того, когда бы находился под Российской Державою или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находились бы Азовское и Черное моря под ее властью»². Таким образом, Крымское ханство впервые с XV в. стало конкретным объектом экспансионистских планов огромной империи. Не случайно пришедшая к власти в 1762 г. Екатерина II со свойственной ей немецкой педантичностью начала усиливать давление на Крымское ханство. С начала 60-х гг. XVIII в. велось активное укрепление линии между Бугом и границей Украины с Крымским ханством в Новой Сербии, несмотря на то что по Белградскому договору данная территория объявлялась нейтральной зоной. В 1763 г. в устье реки Темерник Россия начала постройку крепости Святого Дмитрия Ростовского (Ростова-на-Дону), которая позволяла контролировать сообщение и торговлю Крымского полуострова и Кубани.

Весьма активными были действия России и на Кавказе. Весной 1763 г. в урочище Моздок началось возведение одноименной крепости, куда переселился со своим родом крестившийся и получивший чин подполковника кабардинский

¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 98, 101.

² О Малой Татарии. Доклад императрице Екатерине II по вступлении ее на престол, изображающий систему крымских татар, их опасность для России и претензию на них // ИТУАК. 1916. № 53. С. 191.

князь К. Кончокин. Строящаяся крепость благодаря своему расположению, во-первых, полностью контролировала наиболее богатые пастбищные земли князей Большой Кабарды, а во-вторых, по словам Кырым-Гирея, на таком месте находится, которое «есть единое полному проезду и сообщению дагистанов с кубанцами и крымцами»¹. В связи с этим ряд князей Большой Кабарды в конце 1764 г. обратился к крымскому хану с просьбой разрушить крымско-татарскими силами Моздокскую крепость² (напомним, что она была построена на территории Российской империи и формально не нарушала букву российско-турецких пограничных соглашений). В июне 1765 г. кубанский сераскир совершил крупную военную диверсию в районе Кизляра и был отбит с большим трудом³.

В это же время Османская империя при активной помощи Франции модернизировала армию и флот, усиливала укрепления и гарнизоны своих северочерноморских и кавказских оборонительных линий. Более того, с 1767 г. при Бахчисарайском дворе находились французский консул барон де Тотт с целой группой военных советников, их основной целью была подготовка Крымского ханства к войне против России⁴.

Обе стороны готовились к войне, и она все с большей очевидностью становилась неизбежна, нужен был лишь повод. В 1764 г. России при поддержке Пруссии удалось посадить на польский престол своего ставленника. В 1768 г. из недовольной «исконно польской» шляхты составила Барская конфедерация, которая официально обратилась к Османской империи с просьбой о военной помощи⁵. А тут еще, преследуя разбитых конфедератов, польские гайдамаки и поддержавшие их запорожцы захватили и сожгли приграничный город Балту, а затем вторглись на территорию Крымского ханства, активно поддерживавшего конфедератов. Турции и ее союзнице Франции показалось, что настал благоприятный момент для войны с Россией. Последовал ультиматум турецкого правительства с требованием очистить Польшу от русских войск, отказаться от гарантий польской конституции и защиты польских некаатоликов (диссидентов)⁶, вслед за которым и началась война.

Глубинные причины нового российско-османского военного конфликта лежали прежде всего в нерешенности проблем Причерноморского и Кавказского регионов, которые с начала XVIII в. превратились фактически в зоны проникновения и освоения для обеих держав. Эта ситуация приводила к бесконечному нагнетанию напряженности в приграничных областях, что заставляло обе державы проводить антагонистическую друг другу внешнюю политику. Очевидно, что укрепления связей Венского и Версальского дворов позволило занять империи Габсбургов

¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1763 г. Д. 336. Л. 91, 104–104 об.

² *Сотавов М. Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях... С. 150.

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 743. Ч. 1. Л. 49.

⁴ *Fisher A. W.* The Russian annexation of the Crimea... P. 29–31.

⁵ *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Т. 1–5. СПб., 1866–1874. Т. I: Год 1769. 1866. С. 56–57.

⁶ *Valloton H.* Catherine II. Paris, 1953. P. 192.

доминирующее положение в Центральной Европе и частично на Балканах. Победа же в Семилетней войне, «польские дела», фактическое создание Северной политической системы, относительно успешные действия на Северном Кавказе сделали Россию доминирующей силой в Восточной Европе. Таким образом, Османская империя оказалась фактически выброшенной с европейской политической арены, что было неприемлемо для державы с амбициями лидера. Поэтому Стамбул должен был для себя решить проблему Северочерноморского и Кавказского регионов, а заодно получить рычаги влияния в Речи Посполитой как ключевом государстве для противодействия прямым антиосманским мероприятиям как со стороны России, так и со стороны империи Габсбургов. Крымское же ханство в данной ситуации перестало играть самостоятельную роль, т. е. стратегически превратилось для обеих держав в такой же фронт, как, например, Кабарда или Дагестан (конечно, с учетом целого ряда нюансов этих территорий). Это означало, что при любом раскладе созданная за 300 лет структура государственного управления и внешнеполитическая система, характерная для Крымского ханства, оказались перед самым большим вызовом в своей истории. Вектор же грядущих перемен теперь зависел в бо́льшей степени не от крымско-татарской элиты, а от внешнеполитических тенденций, определяющих политику Санкт-Петербурга и Стамбула.

Особенности внешнеполитической обстановки существенно повлияли на планы сторон в войне. Для российского правительства речь не шла о статусе Крымского ханства или территориальных приобретениях — лишь о свободном мореплавании в Черном и Азовском морях. Руководство же Османской империи предполагало добиться ухода России с Прикаспия, Северного Кавказа, Приазовья и из Польши (точнее, с Юго-Западной Украины). Любопытно, что эмиссары крымского хана еще до официального объявления Османской империей войны России с целью привлечения на свою сторону жителей Северного Кавказа прибыли в Большую Кабарду с обращением султана Мустафы III, требовавшего повиновения крымскому хану, объединения с кубанцами, ногайцами и черкесами «против разрушителей вечного трактата» — «московских кяфиров»¹.

Конец 1768 г. прошел относительно спокойно, в связи с чем султаном был отставлен не предпринимавший активных военных действий недавно назначенный хан Максуд-Гирей. К власти в Бахчисарае вновь пришел «Дели-хан» Кырым-Гирей, который уже в январе 1769 г. вторгся на Украину с опустошительным грабительским набегом². Затем основные силы крымского хана вступили в польскую Уманщину (нынешняя Черкасская область Украины), разорили множество селений и монастырей, отступили к Бугу и направились к Дубоссарам.

Практически одновременно с этим набегом вспомогательные крымско-татарские отряды калги-султана и нурредин-султана разоряли запорожские зимовья в районе Волчьих Вод (в настоящее время река Волчья, приток Северского

¹ *Сотавов М. Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях... С. 158.

² Подробнее см.: Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 года на Ново-Сербию // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.

Донца) и пытались взять Бахмут, но были отбиты. Запорожцы вторглись после этого в крымско-татарские земли и разорили аулы в урочищах Янчокрак, Кара Чокрак, Маячка, Росачик и у реки Белозерка, пригнав большое количество отбитого скота в Сечь¹.

Поход 1769 г. стал последним крымским набегом в истории России. По разным оценкам отряды крымского хана в ходе этого набега пригнали к Перекопу от 2 до 16 тыс. пленных (в значительной степени из невоевавшей формально Польши). Любопытно, что сразу вскоре после этого успеха Крым-Гирей скоропостижно скончался, вероятно, в результате отравления. По замечанию В. Д. Смирнова, «Крым-Герай-хан I был последний крымский хан, сколько-нибудь серьезно смотревший на свое властное положение и энергетически пользовавшийся им... С его смертью наступила и политическая смерть Крымского ханства, в возможность существования которого никто теперь больше не верил... Вследствие этого все ханы после Крым-Герая по своей политической роли ничтожны, по индивидуальным свойствам безразличны и по историческому своему значению едва заслуживают перечисления, тем более что они беспрестанно менялись один за другим, большей частью не пробывши и одного года в ханском звании»².

После набега крымцев генерал-аншеф П. А. Румянцев спешно занял войсками так называемые «барьерные» земли и приступил к восстановлению Азова и Таганрога. Одновременно в устье Дона развернулось строительство военной флотилии, а сводный корпус генерал-поручика Берга, усиленный 16 тыс. калмыков, далеко вторгся на территорию Крымского ханства, заняв линию Молочные Воды — Кальмиус. Это не только блокировало все попытки набега на Новороссию, но и привело к откочевке основных ногайских масс со скотом под защиту Перекопа, что способствовало огромному падежу скота из-за крайней стесненности на полуострове³. Все эти мероприятия с очевидностью свидетельствовали о предстоящем широкомасштабном наступлении на Крым.

Тем временем новый крымско-татарский правитель Девлет-Гирей IV направился с основными войсками на Дунайский театр военных действий. Здесь после серии поражений османские войска были вынуждены оставить Хотин и Яссы. Девлет-Гирей остался в Каушанах. Однако зимой 1769–1770 гг. русский корпус генерала Х. Ф. Штофельна занял Бухарест и разорил крымско-татарские земли между Кишиневом и Каушанами при полном бездействии хана, который не смог собрать войска из-за нежелания татарских и ногайских мурз воевать против России без крупномасштабной османской поддержки⁴.

В том же году Россия полностью перехватила стратегическую инициативу на Кавказе. К июню 1769 г. основная масса кабардинских владетелей покорилась

¹ Подробнее см.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией... Т. I. С. 138, 296.

² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 103.

³ *Петров А. Н.* Война России с Турцией... Т. I. С. 300, 304–307, 306–307.

⁴ Подробнее см.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией... 1866. Т. II: Год 1770. С. 45–46.

России, и лишь небольшая их часть откочевала к верховьям реки Кумы¹. Кроме того, генерал И. Ф. Медем принял подданство от абазин, башилбаевцев и салтанавских ногайцев, которые были переведены на левый берег Терека².

Все это привело к тому, что уже к исходу 1769 г. в Крымском ханстве некоторые беи и мурзы начали вести активные консультации с русскими агентами о переходе под российский протекторат. Так, в начале октября П. А. Румянцев сообщал в Санкт-Петербург о желании части ногайцев перейти в российское подданство³, а новый командующий 2-й армией П. И. Панин 12 октября 1769 г. поручил запорожскому кошевому атаману П. Калнышевскому командировать нескольких казаков в ногайские кочевья, чтобы они под видом дезертиров распространяли нарекания на турок, агитировали за переход в российское подданство и уверяли ногайцев, что они «на все будущие времена будут свободны от турецкого ига и останутся во всей своей воле и свободности особым народом под особливими собственными законами и управлениями»⁴.

15 марта 1770 г. прошло заседание Государственного совета Российской империи, который предопределил дальнейшую судьбу крымско-татарской государственности, постановив «не класть оружия, хотя бы то нам излишнюю войны кампанию стоить могло, пока Порты не признает торжественно в своем с нами мирном договоре независимую область Крым с принадлежащими к нему татарами... Для дальнейшей нам способности и нашей им (татарам. — Авт.) навсегда противу турок защиты, в силу постановляемых с ними обязательств, приняли они наш гарнизон в некоторые свои крепости по удобности и ближайшему усмотрению нужды и отдали бы нам одну морскую гавань на крымском берегу, где бы наша флотилия могла их всегда защищать от турецких десантов... Не менее нам необходимо... иметь в своих руках проход из Азовского в Черное море. И для того об нем домогаться надлежит»⁵.

В этих условиях начиналась неудачная для Османской империи кампания 1770 г., ознаменовавшаяся поражением крымско-татарских и молдавских войск под командованием нового хана Каплан-Гирея II у Ларги, страшным разгромом войсками П. А. Румянцева основных османских сил у Кагула и сокрушительным военно-морским поражением Турции при Чесме.

После занятия русскими войсками Килии и Измаила хан был вынужден оставить Буджак и с войсками сначала отступил к Очакову и Перекопу, а после

¹ Запись сообщения Ш. Чопалова, посланного кабардинского владельца Джанхота Татарханова в Кизлярской секретной экспедиции о присяге большинства кабардинских владельцев на верность России и о приведении генералом де Модемом остальных владельцев в покорность силою от 19 июня 1769 г. // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 274–275.

² Подробнее о походе см.: Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях... С. 130.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 1847. 1769. Л. 36 об.

⁴ ЦГИАУ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 251. 1769–1772 гг. Л. 3 об., 24–24 об.

⁵ АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 44–45.

разгрома его отрядов — на Крымский полуостров. Война фактически перешла на территорию ханства, где разорались ногайские поселения и кочевья, а Крымский полуостров оказался блокирован с суши. Все это в конечном итоге привело к брожению среди населения ханства. И первым разрушительным элементом в крымско-татарском государстве оказались ногайцы, у которых еще до текущего конфликта возникло множество проблем, а после прихода войны на их землю эти проблемы усилились многократно. В начале августа 1770 г. представители ногайской знати привезли подписанный 25 мурзами прелиминарный (предварительный) договор об «утверждаемой между сими двумя знаменитыми ордами (Едисанской и Бужакской. — *Авт.*) и Российской империею вечной дружбе и союзе, под протекциею и ручательством Российской Самодержицы, с отторжением их на вечные времена от подданства Оттоманской Порты»⁶. В конце октября были получены сведения о том, что едичкульцы и джамбайлуки, кочующие на севере Крымского полуострова, также выразили желание выйти из османского подданства и заключить союз с Россией⁷.

Столь взрывоопасная ситуация внутри ханства заставила османов пойти на смещение недавно назначенного Каплан-Гирея и вторичное назначение ханом Селим-Гирея III. Однако этот человек уже не был способен изменить положение в государстве. 20 февраля 1771 г. прибывшая в Санкт-Петербург представительная делегация наиболее многочисленных Бужакской и Едисанской ногайских орд в торжественной обстановке официально оформила отделение своих народов от Османской империи и независимость под протекцией Российской империи⁸. После этого Россия стала ведущей силой и в Северном Причерноморье, а нахождение остальной части Крымского ханства под сюзеренитетом Османской империи со всей очевидностью становилось анахронизмом прежних времен.

Таким образом, к началу 1771 г. сложившаяся ситуация поставила Крымское ханство не только на грань военного поражения (как и Османскую империю), но и на грань распада государства как социально-этнической и политической целостности. Отделение ногайских орд, обеспечивающих влияние ханства в причерноморских, азовских и кубанских землях, со всей очевидностью обрекло ханство в будущем на вынужденную смену политической ориентации.

Основная задача российских войск в кампанию 1771 г. состояла в оккупации Крыма с целью последующего склонения османского правительства к признанию независимости крымско-татарского государства. В преддверии войсковой операции Россия резко усилила подрывную деятельность среди крымско-татарской знати. Уже к началу 1771 г. значительная часть едичкульских и джембойлуковских ногайцев покинула Крымский полуостров и соединилась с бужакцами и едисанцами⁹,

⁶ Из бумаг графа Н. И. Панина 1770 г. // Русский архив. 1878. Кн. 3, вып. 12. С. 474.

⁷ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 120.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Лобжанидзе Ф. А. Ногайцы Северо-Западного Кавказа во внешней политике России во второй половине XVIII—20-х гг. XIX в. Махачкала, 2006. С. 71–72.

принявшими протекцию России. Не оставались без внимания и сами татары. Было выделено 43 тыс. рублей для одаривания сторонников российской ориентации среди правящей элиты Крыма¹. Поэтому не должна удивлять та относительная легкость, с которой прошла оккупация российскими войсками Крыма. Части 2-й армии в июне взяли Перекопскую линию штурмом, а Азовская флотилия полностью блокировала северо-восточное побережье полуострова. Операция на самом полуострове была молниеносна: все береговые крепости Крыма были захвачены за 10 дней — с 18 до 29 июня, что не позволило Турции высадить десант для поддержки ханского войска². Крымские же татары не имели желания сражаться. По сообщению османского историка Ахмеда Васыф-эфенди, после взятия русскими войсками Ор-Капи и Арабата «бывшие под его (хана. — *Авт.*) началом султаны и мурзы рассеялись и разбрелись в разные стороны, а сам он с весьма немногими людьми остался. С мрачными мыслями пришел и он в Бакче-Сарай; но как подумал о конечном-то результате — о том, что со всех сторон нагрянут неприятели... поскорее с несколькими человеками сел на корабль да и бежал к Порогу. Вследствие бегства хана среди крымских жителей произошло смятение». В результате оставшийся в Крыму османский сераскир Ибрагим-паша был вынужден собрать свои войска в районе Карасубазара, так как крепости не были приспособлены для обороны, и попытался предотвратить соединение частей русской армии, однако, по сообщениям все того же Васыф-эфенди, «явился орский бей (будущий хан Сахиб-Гирей. — *Авт.*) и, объяснив существование у них договора с московцами, поверг войско в уныние, вернул народ в Кафу»³. 29 июня османский оплот в Крыму — Каффа был взят штурмом.

После этого командующий 2-й армией князь В. М. Долгоруков уже официально вступил в переговоры с крымско-татарской правящей элитой, представленной каймакамом (правителем санджака/округа) Эмир-ханом. Получив от русских гарантии своей «независимости», 25 июля 1771 г. в Карасубазаре крымско-татарская знать совершила переворот, избрав на ханский трон Сахиб-Гирея. Его брат Шагин-Гирей (фактический глава прорусской партии крымско-татарского нобилитета) занял вторую по значимости должность калги-султана. В присяжном листе объявлялась политическая независимость Крымского ханства от Османской империи и декларировалось, что «по подписании сего надлежит из всех крепостей выгнать турецкое войско и занять все крепости и пристани российскими гарнизонами»⁴.

В августе 1771 г. Екатерина II направила своим эмиссарам инструкции о дальнейших действиях в Крымском ханстве. Кроме вопроса о передаче России крепостей Керчь и Еникале, а также гавани в Каффе, татары должны были подписать акт отречения от подданства Порте и обязательство более никогда ей

¹ Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях... С. 137.

² Лупанова М. Е. Крымская проблема в политике Екатерины II. Рязань, 2006. С. 77.

³ Цит. по: Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 120.

⁴ Цит. по: Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 124.

не подчиняться. Кроме того, Россия была заинтересована в том, чтобы именно она представляла интересы ханства в предстоящих переговорах с Османской империей, а также выступила гарантом его независимости¹. Хан отверг большинство российских предложений, послав тем не менее в конце августа 1771 г. посольство во главе с калгой Шагин-Гиреем в Санкт-Петербург для уведомления российской императрицы о своем избрании и отложении от Османской империи. Так начались российско-крымско-татарские переговоры, которые должны были закончиться подписанием договора между двумя государствами. Одновременно с этими событиями армия князя В. М. Долгорукова покинула Крым, оставив на полуострове незначительные войска под командованием Ф. Щербатова².

На остальных театрах военных действий Россия вела активную оборону при неспособности османских войск на фоне экономического кризиса и общей деморализации улучшить свое положение. Успехи русского оружия привели к крайнему раздражению Венский двор, в результате чего геополитическая ситуация для России могла в любой момент резко осложниться. В условиях сложившейся патовой ситуации, когда Россия не собиралась уступать своих завоеваний на Кавказе, в Северном Причерноморье и Приазовье, обширном Днепровско-Придунайском бассейне, императрица Екатерина II была вынуждена пойти на фактический раздел Речи Посполитой между Россией, Пруссией и империей Габсбургов. Так была решена судьба Польши, которая стала разменной монетой в будущем российско-османском мире.

Летом 1772 г. при посредничестве Пруссии открылся мирный конгресс в Фокшанах³ с целью завершения русско-турецкой войны. Однако российской дипломатии не удалось склонить османов к миру на Фокшанском конгрессе. Совершенно очевидно, что камнем преткновения являлся вопрос о независимости Крымского ханства. Существенно укрепить риторику российского посольства мог бы уже заключенный с крымским ханом российско-крымско-татарский договор. Однако переговоры с крымско-татарским правительством во время конгресса еще только шли, причем с неожиданными затруднениями.

Крымско-татарское правительство, возглавляемое ханом, в условиях начавшихся мирных российско-османских переговоров решило взять паузу в отношениях с Санкт-Петербургом, боясь возможных османских репрессий в случае, если Россия не сможет добиться поставленных целей в ходе переговоров. Тем более что «из Константинополя крымская знать получала сообщения, что турецкий султан готов скорее отдать самую столицу Оттоманской империи, чем отказаться от Крыма»⁴. Конечно, это существенно сказывалось и на внутривосточной обстановке в Крыму. Так, по сообщениям конфиденентов, «мурзы и дворянство собирают вооруженных людей... Татары рассчитывают на малочисленность русских войск и на перемирие

¹ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 124–125.

² Петров А. Н. Война России с Турцией... 1874. Т. III: Год 1771. С. 190–191.

³ Анализ Фокшанского конгресса см.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 149–182.

⁴ Там же. С. 169.

для сопротивления требованиям России»¹. Поэтому вместе с отправкой в Бахчисарай посольства Е. А. Щербинина и с одновременной посылкой кавалерии к Перекопу вошла в Крым дивизия генерал-майора князя А. А. Прозоровского, которая сосредоточилась на реке Булзык, фактически закрыв всю линию от Керчи до Каффы. Основные же силы 2-й армии во главе с князем В. М. Долгоруковым выдвинулись на реку Самару, как бы нависнув над полуостровом. Части А. А. Прозоровского 19–21 сентября военными демонстрациями и пушечной пальбой рассеяли армию крымского хана (более 20 тыс. человек) при реке Бештерек², собранную после фактического срыва переговоров с российской делегацией об условиях союза.

Этот факт, а также дипломатическое искусство Е. А. Щербинина, жесткая пророссийская позиция ногайских старшин, которые обратились от своего имени к России с просьбой принять крепости Керчь и Еникале для защиты кубанской стороны от османов³, в целом лояльное отношение простых жителей Крыма к России⁴, наличие в крымско-татарском правительстве пророссийской партии в конечном итоге и определили успех российской дипломатической миссии. 1 августа 1772 г. Российская империя официально признала «Хана Крымского независимым владетелем, а область Татарскую в равном достоинстве с прочими подобными свободными и под собственным правительством состоящими областями»⁵. 1 ноября 1772 г. в Карасубазаре был заключен союзный договор с Крымским ханством (ратифицирован 29 января 1773 г.)⁶.

Карасубазарским договором завершился длительный этап московско/российско-крымско-татарского противостояния. Крымское ханство оказалось оторвано от Османской империи политически, и, как справедливо отмечала С. Ф. Орешкова, «складывались новые условия существования крымско-татарской государственности — не как вассала османов, а как самостоятельного государства, хотя и находящегося в сфере влияния Российской империи»⁷.

¹ Письма Щербинина к гр. Г. Г. Орлову 1772 с приложениями // Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. Прил. 46. С. СXXXIX.

² *Прозоровский А. А.* Журнал генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. 1769–1776 гг. // Прозоровский А. А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского, 1756–1776. М., 2004. С. 461–462.

³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 1709 г. Л. 50–52.

⁴ См.: Письма Щербинина к гр. Г. Г. Орлову 1772 с приложениями.

⁵ Цит. по: *Лупанова М. Е.* Крымская проблема в политике Екатерины II. С. 82.

⁶ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 19. № 13943. С. 708–712.

⁷ *Орешкова С. Ф.* Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 123.

§ 5. Конец турецкого сюзеренитета над Крымским ханством и попытка османского реванша в регионе

С августа 1772 г. Крымское ханство было признано официальным Санкт-Петербургом независимым государством, а с ноября того же года Россия стала гарантом этой независимости и получила на территории ханства ряд крепостей. Геополитические изменения в Причерноморье совпали с проведением очередного российско-османского мирного конгресса — Бухарестского. На конгрессе Россия согласилась на наличие формальной султанской инвеституры над крымскими ханами, которая выражалась в обязательной процедуре признания султаном любого избранного хана. Однако взамен Россия хотела принять на себя ручательство за «вольность и независимость татарского народа» и получить Керчь и Еникале «ее (Турции. — *Авт.*) уступкою, а не татарскою»⁸. Переговоры шли трудно, и к марту 1773 г. стало ясно, что мир заключен не будет. Российские войска начали активные действия на Дунайском театре, однако умелая оборона османских войск и недостаток резерва не позволили России в кампанию 1773 г. закрепиться на правом берегу Дуная.

Как отмечал В. Д. Смирнов, «ободренные уступчивостью России на Букурештском конгрессе... а также и некоторыми последовавшими за тем успехами османского оружия, крымские татары, т. е. собственно партия, желавшая возвратиться в турецкое подданство... стали опять заискивать у Порога Счастья, начав присылать одно за другим письма»⁹.

Тревожные сведения, поступающие из Крыма (а в феврале — марте из разных источников стало известно о предстоящих османских десантах в Крыму и на Кубани, а также готовящихся восстаниях крымцев и ногайцев¹⁰), заставили российское правительство принимать превентивные меры. Рескриптом от 2 апреля 1773 г. князю В. М. Долгорукову предписывалось ввести войска его армии на территорию Крыма и Кубани, обставив этот шаг в послании к хану как акт защиты от возможного османского вторжения на полуостров¹¹. Почти одновременно бывший крымский хан Девлет-Гирей при поддержке османского десанта высадился в Суджук-Кале (полуостров Тамань)¹². После этого вся Кубань оказалась охвачена восстанием, направленным против хана Сахиб-Гирея и российского присутствия.

⁸ Высочайший рескрипт тайному советнику Обрезкову от 10 сентября 1772 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 1713 г. Л. 5. Кратко основные пункты рескрипта изложены в протоколе заседания Государственного совета России от 10 сентября 1772 г. (АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 201).

⁹ Смирнов В. Д. Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 145–146.

¹⁰ Прозоровский А. А. Журнал генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского... С. 480–481, 526.

¹¹ Рескрипт императрицы № 4 князю В. М. Долгорукову от 2 апреля 1773 г. // Сб. РИО. СПб., 1904. Т. 118: Политическая переписка императрицы Екатерины II. Ч. 7: 1772–1773 гг. С. 383–384.

¹² Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 132.

Ногайцы избрали своим сераскиром бывшего румелийского изгнанника Казы-Гирей-султана и объявили о своем непризнании Карасубазарского договора и власти легитимного крымского хана. В этих условиях находящемуся в Крыму Е. А. Щербинину было поручено изучить возможности склонения нового кубанского сераскира на сторону хана, а князю В. М. Долгорукому — всеми способами предотвратить распад Крымского ханства¹.

Кубань была умиротворена отрядом подполковника Бухвостова, которому удалось овладеть столицей сераскир-султана — Копылом². Также весной — летом того же года российская эскадра смогла сорвать планы турок по высадке десантов на Крымском полуострове и в устье реки Кубань.

Между тем в Крым прибыл после годичного пребывания в Санкт-Петербурге султан Шагин-Гирей. Посещение российской столицы оказало огромное влияние на калгу-султана. Вернулся домой он уже ярким сторонником российской императрицы. Не случайно дворец Шагин-Гирея в Ак-Мечети стал своеобразным опорным пунктом для распространения русского влияния на полуострове. А в Крыму тем временем было неспокойно, власть хана была номинальной. В 1773 г. — начале 1774 г. в Крымском ханстве сложилась очень опасная политическая ситуация, грозившая расколом и гражданской войной. В среде политической элиты четко сформировались две противоборствующие партии — русской и турецкой ориентации. Первая группа, выступавшая за модернизацию страны по европейскому образцу, группировалась вокруг брата хана — калги-султана Шагин-Гирея. Эта группа имела мощную поддержку в лице во многом ориентированной на Россию ногайской знати³. Идейным и, судя по всему, финансовым вдохновителем протурецкой партии, готовившей мятеж, считался бывший хан Девлет-Гирей. Крымский же правитель Сахиб-Гирей колебался, находясь под давлением двух сторон, и никак не противодействовал мятежникам⁴. Эта ситуация приводила к нарастанию антироссийских настроений на полуострове, убийствам отдельных военнослужащих и повсеместному угону лошадей. Дошло до того, что весной 1774 г. во многих мечетях Крыма муллами читались молитвы об избавлении Крыма «от рук неверных»⁵.

В то же время в России полным ходом шла подготовка к военной кампании 1774 г. После неудач 1773 г., когда только слабость противника не позволила ему перейти в наступление, в новой кампании необходимо было действовать более взвешенно и умело. Уже в мае 1774 г. крупные российские соединения

¹ АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 207, 259.

² Хоменок О. С. Русская дипломатия в Крыму (1771–1774) // Крымский музей. Симферополь, 1996. С. 54.

³ Рескрипт Екатерины Второй генерал-аншефу князю Долгорукову от 26 февраля 1774 г. // Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским: Из семейного архива графа В. Н. Панина. М., 1872. Ч. 2. С. 3.

⁴ Мальгин А. В., Кротов А. И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768–1774 годов // Историческое наследие Крыма. 2009. № 24. С. 78–105.

⁵ ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 861. Л. 24.

перешли на правый берег Дуная, имея целью нарушить коммуникации османских войск в регионе. После блестящей победы при Козлуджи 9 июня основные русские силы при деятельной поддержке запорожской флотилии осадили Силистрию, корпус графа И. П. Салтыкова — Рушук, а войска генералов М. Ф. Каменского и А. В. Суворова оказались в окрестностях Шумлы. С этого времени положение турецкой армии в Болгарии стало почти безнадежным, и было понятно, что кампания османами проиграна. Посланные великим визирем уполномоченные на заключение мира нишанджи (глава султанской канцелярии, хранитель государственной печати) Ресми-Ахмет-эфенди и реис-эфенди Ибрагим-Мюниб заставили ставку П. А. Румянцева в деревне Кючук-Кайнарджи. В результате уже 10 июля был подписан знаменитый Кючук-Кайнарджийский мирный договор¹.

Основными приобретениями России по условиям мира можно считать:

1. Признание независимости татар крымских, кубанских и других, остающихся в ведении султана только по делам вероисповедным;
2. Удержание Россией за собой Керчи, Еникале, Азова и Кинбурна с округой;
3. Признание российского сюзеренитета над Большой и Малой Кабардой;
4. Признание за Россией права защиты и покровительства христиан в Дунайских княжествах, которые, в свою очередь, получили значительные права автономии;
5. Отсутствие запрета на пребывание российского военного флота в Черном море;
6. Официальное признание Стамбулом императорского титула российских государей (т. е. признание равенства статуса российского государя статусу османского султана).

Таким образом, на момент заключения Кючук-Кайнарджийского мира в Санкт-Петербурге полагали возможным получить в лице Крымского ханства небольшое союзное государство на границе с Османской империей, находящееся под влиянием России. О другом статусе ханства в то время речи не шло. Но главное — Россия получила свободный выход в Черное море и формальную ликвидацию угрозы своим интересам в Азовско-Причерноморском регионе путем избавления от военно-политической зависимости Крымского ханства от Османской империи, что явилось важнейшим элементом в борьбе за влияние в регионе.

Тем не менее одновременно с событиями, разворачивающимися в болгарском местечке Кючук-Кайнарджи, ситуация в самом Крыму начала выходить из-под контроля. Хан Сахиб-Гирей не пользовался авторитетом в стране. Еще более накалило обстановку то, что в мае 1774 г. ширинский бей передал крымским улмам информацию о назначении в Стамбуле новым крымским ханом Девлет-Гирея,

¹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 78–92. Анализ статей договора и его значение см.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 278–307.

в помощь которому в ближайшее время должен был появиться на полуострове сильный турецкий отряд¹. При этом было известно, что Девлет-Гирей, добываясь поддержки Порты в борьбе за трон, выражал готовность ликвидировать независимость ханства². В указанной обстановке в июле 1774 г. князь В. М. Долгоруков начал ввод российских войск в Крым. 24 июля 1774 г. в Крыму высадился с войсками турецкий сераскир Хаджи Али-паша³. Правда, продвинуться вглубь полуострова османский отряд не смог, так как его передовые части были разбиты российским авангардом во главе с генерал-поручиком графом В. П. Мусиным-Пушкиным у деревни Шумы. Но ситуацию осложняло то, что практически сразу с высадкой османского десанта вспыхнул мощный антироссийский мятеж в Старом Крыму и на Керченском полуострове. В результате отдельные части 2-й русской армии были вынуждены вести кровопролитные бои в отрыве от командующего, основных сил и баз снабжения⁴.

Усматривая в самом факте высадки турецкого десанта восстановление османской власти над Крымом, хан Сахиб-Гирей арестовал русского резидента в Крыму П. П. Веселицкого. Российский дипломатический представитель был отвезен под конвоем из Бахчисарая в Алушту, где находилась ставка Али-паши. «В самое то время весь дом его разграблен и восемь человек собственных его служителей порублены»⁵. Правда, как только до османского сераскира дошли сведения о заключении российско-османского мира, он был вынужден освободить российского резидента⁶.

Итак, лишь известие о мире развело противоборствующие силы. Но было ясно, что новый российский «союзник» в лице Крымского ханства весьма нестойк и склонен к антироссийским выступлениям. Конечно, по итогам мира Россия получила эффективные инструменты воздействия на крымскую политику — крепости Керчь и Еникале, новые государственные границы, благодаря которым Крымское ханство оказалось с трех сторон окруженным русскими землями; возрастающее могущество России, которое ставило ее в более выгодное положение относительно Крыма сравнительно с Турцией. Но не стоит забывать, что Кючук-Кайнарджийский мир сохранил религиозную зависимость татар от турецкого султана — халифа «всех правоверных». За Турцией сохранялся мощный центр влияния в регионе — крепость Очаков. Кроме того, производство и внешняя торговля ханства были ориентированы в основном на турецкий рынок⁷. Таким образом, в идеологическом

¹ ВOA. Cevdet Hariciye Tasnifi. № 3912, 4437.

² Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... СПб., 1885. Т. 1: 1775–1777 гг. С. 3, 30.

³ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 134.

⁴ См.: Копия с реляции генерала князя Долгорукова из лагеря в Крыму, при урочище Сарабузды, от 28 июля 1774 г. // Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II... Ч. 2. С. 21–26.

⁵ Подробнее об аресте российского резидента в Крыму см.: АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/2. 1774–1782 гг. Д. 37. Л. 522–530.

⁶ Хоменок О. С. Русская дипломатия в Крыму... С. 55.

⁷ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 110–113.

и экономическом отношении Крымское ханство продолжало оставаться зависимым от Османской империи.

Вышеупомянутые факторы, ослаблявшие русское влияние в Причерноморском регионе, хотя бы частично могли быть нейтрализованы присутствием российских войск на полуострове. Однако российское правительство, заинтересованное в быстрой ратификации выгодного мирного договора 1774 г., начало вывод своих войск из Крыма сразу после освобождения П. П. Веселицкого и не дожидаясь вывода османских частей. 20 октября 1774 г. В. М. Долгоруков доложил в Санкт-Петербург о выводе войск из всех городов Крыма кроме Перекопа. В Керчи и Еникале остался расквартированным лишь Тамбовский пехотный полк¹.

Тем не менее поначалу ситуация развивалась так, как и предполагали сторонники мира в России. Сразу после заключения Кючук-Кайнарджийского трактата в Стамбуле возобладали настроения реформаторства и самоизоляции (правда, на очень короткое время), которые не способствовали реваншистским идеям в османском правительстве². Не случайно практически сразу после заключения договора великий визирь направил в Крым Сахиб-Гирею подтверждение османского правительства его ханского достоинства³. В этих условиях раздражать бывшего противника не стоило. Вероятно, с этим связан и отказ российского правительства от своего первоначального плана по возведению на ханский престол вместо Сахиб-Гирея своего ставленника. Дело в том, что еще осенью 1774 г. калга-султан Шагин-Гирей обратился к российской стороне с просьбой об оказании ему военной и финансовой помощи с целью захвата силой крымского трона⁴. Однако Е. А. Щербинину, занимавшемуся крымскими делами, в декабре 1774 г. было предписано не оказывать Шагин-Гирею помощи в его плане⁵.

Уже через несколько месяцев политический курс османского правительства, а с ним и обстановка в Крыму кардинально изменились. Это было связано с приходом к власти нового великого визиря — Мехмета Дервиш-паши. В самом конце 1774 г. Девлет-Гирей со своей «повстанческой» армией занял Каффу при полном попустительстве коменданта крепости сераскира Каникли Али-паши⁶, который получил указание на подобный шаг со стороны ближайшего окружения нового великого визиря⁷. Уже в начале 1775 г. Девлет-Гирей официально был «избран» в Гёзлеве крымским ханом, а его сторонники посадили Сахиб-Гирея под домашний арест. Посыльный с султанским фирманом на утверждение в ханском

¹ Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. С. 141.

² Подробнее см.: Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea... P. 58.

³ Nuri Paşa Mustafa. Netayic Ül-Vukuat Kurumları ve Örgütleriyle Osmanlı Tarihi. 4 vols. Istanbul, 1909. Vol. IV. S. 8–9.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXIX. Стб. 988.

⁵ Протокол заседания Государственного совета России от 15 декабря 1774 г. // АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 298.

⁶ BOA. Cevdet Hariciye Tasnifi. № 4767, 6084.

⁷ Nuri Paşa Mustafa. Netayic Ül-Vukuat Kurumları... Vol. IV. S. 9.

достоинстве Сахиб-Гирея странным образом очень сильно опоздал и прибыл в Бахчисарай как раз в то время, когда уже произошел переворот. И султанский фирман, дающий юридические основания на ханский престол, был сразу вручен Девлет-Гирею¹.

Таким образом, уже в конце 1774 г. — начале 1775 г. Османская империя грубо нарушила статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора в части независимости Крымского ханства. Кроме того, как резонно замечала российская императрица, «выбор Девлет-Гирея сделан только одними крымцами, без соучастия нагайских орд, как равно с ними корпус вольной и независимой области Татарской составлять должны»². Проще говоря, приход Девлет-Гирея к власти был нелегитимен с юридической точки зрения. Безусловно, все это уже в то время давало России право силой восстановить порядок в Крыму (тем более что по российско-крымскому договору 1772 г. Россия выступала гарантом независимости ханства). Однако сделано это не было. В ответ на переворот Девлет-Гирея Россия привела в боевую готовность все свои войска в регионе и выступила с дипломатическими демаршами. Более жестких шагов не предпринималось, так как российское правительство в то время полагало, что «течение времени преподаст вскоре вящий свет (на ситуацию в Крымском ханстве. — *Авт.*), а тогда уже и можно будет с надежностью предположить другия, ближе к обстоятельствам присвоаемыя меры»³.

Между тем в ханстве быстрыми темпами происходила ревизия договоров 1772 и 1774 гг. Османская империя возобновила назначение крымских судей и таможенных чиновников. Поступали сведения о действиях Девлет-Гирея: он готовил лодки для предполагаемых десантов в Еникале и Керчь с таманской стороны. Новый хан отказался признать заключенный с Россией в 1772 г. договор и объявил кабардинцев своими подданными⁴. При этом Девлет-Гирей направил в Стамбул представительную делегацию из 16 мурз с требованием аннулирования условий Кючук-Кайнарджийского договора как противоречащего законам ислама⁵.

В этих условиях в Османской империи возобладали реваншистские настроения. Прекратился вывод османских войск из Крымского ханства⁶, военноморской флот Турции и войска Румелийского эяялета (европейские владения Османской империи на Балканах) были приведены в мобилизационную готов-

¹ Подробно вся указанная ситуация с османским посланником описана: Перевод с письма Капиджи-Паши, Магомет-Бея, отправленного в Крым с повелениями от Порты Верховному Везиру, от Магометова побега 1189 год в 17-й день луны Зефирь // Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II... Ч. 2. С. 122–126.

² Екатерина Вторая генерал-поручику Щербинину от 7 июня 1775 г. // Там же. С. 112.

³ Там же. С. 114.

⁴ *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 55, 74.

⁵ Бумаги князя Николая Васильевича Репнина. Сообщено из семейного архива князем Н. В. Репниным // Сб. РИО. 1875. Т. 15. С. 492.

⁶ Копия рескрипта императрицы Екатерины II, данного на имя князя Ник. Вас. Репнина, 9 августа 1775 г. // Сб. РИО. 1871. Т. 6. С. 337.

ность¹, а выплаты контрибуции приостановлены. Одновременно Стамбул потребовал от российского правительства «отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман»².

Следствием всех этих действий стало то, что над Крымским ханством фактически была восстановлена власть турецкого султана, апогеем чего стало вручение в мае 1776 г. Девлет-Гирею прежних атрибутов инвеституры султана по утверждению в ханском достоинстве — кафтана и сабли³.

После прихода к власти Девлет-Гирея российское правительство начало активную работу по подготовке отторжения ногайских кланов от Крымского ханства, рассчитывая таким образом воздействовать на Бахчисарай. Весной 1775 г. все ногайские орды (практически все правобережье Кубани), находящиеся под властью лояльного России Джан-Мамбет-бея, подчинились Шагин-Гирею⁴. Однако военное поражение Шагин-Гирея от ханских войск под Копылом и смерть Джан-Мамбет-бея привели к фактическому восстановлению (хоть и ненадолго) власти крымского хана над основными ногайскими кланами⁵. Кроме того, стало известно, что «крымские татары к военным действиям имеют все в готовности и разглашают меж собою, что будто обещано им возвратить крепости Керчь и Ениколь... ежели иначе не удастся, войною»⁶. Ситуация начала выходить из-под контроля. Российское правительство в этих условиях приняло решение о выводе войск на полуостров с одновременной всесторонней помощью Шагин-Гирей-султану для захвата последним ханского престола. По сути, в конце лета 1776 г. в Санкт-Петербурге решили поставить в Крыму марионеточное правительство с установлением фактического протектората России над ханством.

Надо сказать, что внутренняя политика, проводимая Девлет-Гиреем, весьма облегчала задачи Шагин-Гирея и поддерживающей его России по установлению контроля над ханством. Так, Девлет-Гирей сделал ставку на крайне реакционное крыло в крымско-татарском политическом истеблишменте, назначив кадиаскером лидера консервативно-воинственной части духовенства Фейзуллу-эфенди. Это привело не только к расколу среди крымско-татарской элиты (по данным А. Фишера, с января по июль 1775 г. полуостров покинули сотни султанов и мурз со своими близкими и слугами, эмигрировав в Турцию⁷), но и, вероятно,

¹ Девять писем кн. Н. В. Репнина гр. Н. И. Панину от 27 декабря 1775 г. из Перы. № 2 // Сб. РИО. Т. 15. С. 600–601.

² Протокол заседания Государственного совета России от 19 ноября 1775 г. // АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 324.

³ Рапорт Еникольского коменданта генерал-майора Борзова графу П. А. Румянцеву-Задунайскому от 16 мая 1776 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 66.

⁴ Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea... P. 66.

⁵ Письмо графа Н. И. Панина графу П. А. Румянцеву-Задунайскому от 26 февраля 1776 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 50.

⁶ Рапорт полковника Репнинского генерал-поручику Текелли от 24 апреля 1776 г. // Там же. С. 54.

⁷ Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea... P. 62.

к раздражению действиями нового хана в официальном Стамбуле, значительная часть трезвомыслящих представителей которого опасалась, что политика Девлет-Гирея способна спровоцировать эскалацию напряженности в регионе или даже привести к новому военному столкновению между Россией и Османской империей.

Заигрывая с беями крупнейших крымских кланов, новый хан в то же время совершенно исключил из новой политической конфигурации не только ногайцев, но и черкесов с абазинами, которые помогли ему получить престол. Интересно, что после поражения при Копыле Шагин-Гирея спасли от ханского пленения именно абазинские владетели. Такая позиция хана привела к фактической потере контроля над периферийными (с точки зрения Крыма) территориями ханства¹.

К углублению противоречий между крымскими татарами и другими мусульманскими народами этого государства стоит добавить и резкое ухудшение отношения внутри полуострова к немусульманским подданным хана — райя, которые поддержали русских в период оккупации Крыма. После вывода российских войск с полуострова имели место стихийные грабежи и насилия христиан. После же назначения крымским кадиаскером (верховным судьей) одного из наиболее ярких представителей реакционного крыла мусульманского духовенства ханства положение христиан лишь ухудшилось. Так, например, современник событий караим Рабби-Азарья (иудей) свидетельствовал о вопиющем случае беззакония, устроенного Девлет-Гиреем, по распоряжению которого под вымышленным предлогом «жители монастырской обители (Успенского монастыря. — *Авт.*) были схвачены и, скованные, брошены в заключение, и мучимы разными истязаниями... Монахи... должны были внести 1000 груш (вероятно, речь идет о куруше (турецком пиастре). — *Авт.*), после чего были освобождены из заточения»².

Итак, Шагин-Гирей и его российские покровители вступили в борьбу за ханский престол. Тем временем ситуация на Кубани накалилась до предела. В мае 1776 г. Едичкульская орда откочевала на Тамань и намеревалась вернуться в Крым. А уже в июне на Тамани появились османские войска *орду-агаси* (командира янычарского отряда) Сулейман-аги, после чего едисанцы и джембойлуковцы также начали откочевку к пограничной реке Кубань³. Правда, выделение Россией значительных финансовых ресурсов, вооружения и обмундирования Шагин-Гирею позволило последнему набрать горцев-наемников и вновь привлечь на свою сторону значительную часть ногайской знати. Да и в самом Крыму, по данным российских конфиденгов, получением Девлет-Гиреем знаков султанской инвеституры и просьбой от хана к Стамбулу принять Крым вновь под власть султана «многие из крымских чиновников... недовольны»⁴, а «партия хана Девлет-Гирея токмо в малом

¹ Подробнее см.: Лобжанидзе Ф. А. Ногайцы Северо-Западного Кавказа... С. 89–90.

² События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирея-хана. С. 101–102.

³ Лобжанидзе Ф. А. Ногайцы Северо-Западного Кавказа... С. 89–90.

⁴ Прозоровский А. А. Журнал генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского... С. 635.

числе мурз состоит и признается маловажной; прочие же чиновники без исключения усердно желают в сие достоинство принять Шагин-Гирея Калгу-султана»¹.

23 ноября 1776 г. войска князя А. А. Прозоровского без сопротивления заняли Перекопскую линию (а чуть позже и Арабат). Одновременно кубанский корпус бригадира И. Ф. Бринка и отряды Шагин-Гирея пересекли российско-крымскую границу и вышли к реке Кубань. В Крыму тем временем происходила полная неразбериха, приближающаяся к анархии. Хан метался, не зная, то ли ему бежать, то ли собирать войска; крымско-татарская знать была расколота, деятельность правительства парализована; простые татары с неохотой реагировали на призывы взяться за оружие; Османская империя заняла весьма двусмысленную позицию, вроде бы не реагируя жестко на российские демарши, но тем не менее давая «тайное дозволение Хаджи-Али-паше быть наготове с войском и при первом удобном случае отплыть к Тамани и Крыму, отважившись на это за свой страх и якобы без дозволения»².

В результате этих метаний в Крыму обнаружилась уже открытая прошагингиреевская оппозиция, возглавляемая беями мощнейших крымско-татарских родов — Ширин и Мансур. Представители оппозиции сконцентрировались в Карасубазаре и призывали Шагин-Гирея быстрее прибыть в Кинбурн с целью облегчения дальнейших действий по возведению его на крымско-татарский престол³.

Между тем в декабре 1776 г. Шагин-Гирей был провозглашен ханом в Ачуево⁴ (Едичкульская орда), а османский гарнизон, чтобы избежать столкновений с российскими войсками, эвакуировался с Таманского полуострова⁵. В дальнейшем ситуация развивалась стремительно и без серьезных осложнений. Четко понимая тонкую грань между «содействием» «независимому хану» Шагин-Гирею и непосредственным навязыванием его крымскому обществу российской военной силой, командующий 2-й армией генерал-поручик А. А. Прозоровский со своими войсками фактически лишь сопровождал Шагин-Гирея в качестве союзника⁶. Российские военные представители старались всячески соблюсти формальную «независимость» избрания Шагин-Гирея ханом со стороны «крымского общества».

10 марта 1777 г. Шагин-Гирей прибыл в Еникале. Тем временем основные части 2-й армии выдвинулись на линию реки Булзык (Чурук-Су) близ Бахчисарая, а авангард дивизии генерал-поручика А. В. Суворова занял Каффу. Необходимо отметить, что какое-либо вооруженное сопротивление отрядам Шагин-Гирея и рос-

¹ Рапорт Еникольского коменданта генерал-майора Борзова графу П. А. Румянцеву-Задунайскому от 8 октября 1776 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 110.

² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 165.

³ См. подробнее: Приложение № 7, 8 к рапорту князя Прозоровского графу Румянцеву-Задунайскому от 22 декабря 1776 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 203–204.

⁴ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 166.

⁵ *Лобжанидзе Ф. А.* Ногайцы Северо-Западного Кавказа... С. 92.

⁶ Ордер князя Прозоровского генерал-майору Борзову от 11 февраля 1777 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 339–340.

сийским войскам не оказывалось. По большей части встречались войска в татарских селениях доброжелательно, порой даже хлебом. Наконец, после того как в Крыму стало известно о том, что Османская империя на данном этапе не собирается вмешиваться в крымские дела¹, 29 марта 1777 г. «здесьние чиновники» (крымское правительство) «свергнули с себя иго подданства Порте, отказались письменно [от] Девлет-Гиреевой власти и зависимости, открыв ему свободный на Балаклаву выезд из сего полуострова и выбрав четырех депутатов из лучших мурз в 30-й день, представили светлейшему хану Шагин-Гирею, прося единым гласом всего народа, чтоб принял он генеральное владычество над всеми племенами татар»². Бывший хан с небольшой свитой направился в Балаклаву, из которой и отбыл 3 апреля в Турцию³. 22 апреля 1777 г. представители крымско-татарской знати и духовенства торжественно присягнули на верность Шагин-Гирею.

Таким образом, Россия ликвидировала элементы фактической реставрации османской власти в ханстве и посадила на крымский престол своего ставленника. Шагин-Гирей, воспитанный в западноевропейских традициях, пожалуй, единственный из тогдашних Гиреев, кто был способен на модернизацию крымско-татарской государственности в новых геополитических условиях. Именно поэтому с приходом его к власти в истории Крымского ханства начался новый период — юридической независимости под контролем России.

§ 6. Политика «модернизации» Шагин-Гирея и падение Крымского ханства

После этого успешного переворота в Санкт-Петербурге было решено предоставить новому хану полную самостоятельность во внутренних делах, в то время как внешняя политика государства должна была согласовываться с российским посланником⁴. Именно с этого времени можно говорить об оформлении неких элементов российского протектората над Крымским ханством, поскольку важнейшим признаком двусторонних межгосударственных отношений, основанных на договоре о покровительстве, считается делегирование государству-протектору внешнеполитических прав опекаемого им государства при формальном сохранении признаков государственности.

¹ Князю Прозоровскому об этом стало известно еще в начале марта из письма очаковского топчи-баши (начальник артиллерии) Мустафы-аги бывшему ханскому переводчику и российскому confidentу Якуб-аге (*Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 420).

² Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву-Задунайскому от 1 апреля 1777 г. // Там же. С. 481–482.

³ Журнал князя Прозоровского, веденный следующим происшествиям в Крыму с 26 марта по 23 апреля 1777 г. // Там же. С. 506.

⁴ *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 325.

Итак, Шагин-Гирей был возведен на престол силой российского оружия, в связи с чем его изначально отказался признать турецкий султан. В этих условиях новый хан не мог даже думать о проведении самостоятельной политики. Он был вынужден полностью ориентироваться на Россию как экономически¹, так и политически². Кроме того, в Крыму по просьбе крымско-татарского правительства находились русские войска, взявшие под контроль побережье от Козлова (Евпатория) до Балаклавы и степную часть Крыма в районе Ак-Мечети³. Правда, командующий российским экспедиционным корпусом в Крыму князь А. А. Прозоровский, следуя ранее полученным инструкциям, старался не вмешиваться в действия Шагин-Гирея по управлению ханством. Однако при необходимости эти войска, кроме охраны собственных складов, осуществляли еще и полицейские функции⁴.

После своего воцарения Шагин-Гирей решился на проведение в Крыму довольно радикальных реформ. Дело в том, что в XVIII–XIX вв. в странах Востока однозначно прослеживался «европейский вызов» — понимание государственным деятелями отставания своих стран от Европы и желание поправить положение. Крымский хан начал вводить новую систему управления, определив каждому органу круг его обязанностей. При этом чиновники были четко разбиты по иерархической структуре с установлением им ежемесячного жалованья. Из беев и мурз Шагин-Гирей попытался создать служилое сословие, определив их в ханский совет или поставив во главе правительственных учреждений. Произошло четкое разграничение между придворными и административными должностями. Была также

¹ «Его светлости (Шагин-Гирей-хан. — *Авт.*) отдаст в откуп соль и все пошлинные сборы при Кефе, Козлове и Перекопе за сто девяносто пять тысяч рублей полтавским и прочих городов (российских. — *Авт.*) купцам... Чрез сие в приморских городах будут уже назирями (которые с привозимых товаров сей сбор делают) из поверенных сказанных откупщиков; а из татар, кроме судьи... никто касаться к приходящим и отходящим судам не может» (Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву-Задунайскому от 4 мая 1777 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 597).

² Наиболее показательными являются следующие моменты. Во внутренней политике Шагин-Гирей согласовывал состав нового правительства с российским командованием (см.: Список новоизбранным его светлостью Шагин-Гирей-ханом чиновникам, приложенный при рапорте князя Прозоровского графу Румянцеву-Задунайскому от 4 мая 1777 г. // Там же. С. 599) или принимал предложение генерал-поручика А. Прозоровского о принудительной депортации турок и записавшихся в янычары татар из Тамани, Каффы и Судака с отписыванием их недвижимого имущества в ханский домен (Там же. С. 598). Во внешней политике показательным является то, что российские представители «рекомендовали» хану содержание дипломатических депеш и адресатов для их отправления в Османской империи (Там же. С. 600–603) и полностью финансировали расходы по приему дипломатических посланников в Бахчисарае (Переписка обер-коменданта крепости Керчь и Еникале полковника М. Д. Булдакова с резидентом в Крыму титулярным советником А. Д. Константиновым об отправлении крымскому хану денег на расходы по приему представителей Оттоманской Порты (между 30 июня 1779 и 5 апреля 1780 г.) // РГВИА. Ф. 52. Д. 195).

³ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 325.

⁴ Дейников Р. Т. От вассального ханства Османской империи до Таврической губернии в составе России // Отечественная история. 1999. № 2. С. 83.

проведена административно-территориальная реформа с разделением ханства на новые каймаканства (области) и кадилыки (административно-судебные округа, районы). Одновременно была создана четкая организация с полицейскими функциями во главе с *вели-агой*. В финансовой сфере была введена строгая отчетность, и начала чеканиться новая монета с определенным весом и содержанием серебра. Проводилась перепись населения, появился пороховой завод, и планировалось строительство собственного литейного производства. Даже столицу хан планировал перевести из ортодоксального Бахчисарая в портовую Каффу¹.

Очевидно, что большинство этих преобразований было необходимо для развития страны. Но хан был нетерпелив. Так, он пожелал ввести наследственное право на ханский престол (что противоречило русско-турецкому мирному договору и лишало крымскую знать возможности влиять на выбор ханов), произвел «уравнение греков и армян его (крымского хана. — *Авт.*) области в податях и прочих преимуществах с магометанами». Это посчиталось среди татар «за наибольшую обиду и к роду своему презрение, чрез что и возрастает между народом молва и роптание, а между чиновниками неудовольствие и огорчение»². Помимо этого, «что более всего возбуждало правоверных, это немусульманский образ жизни хана. Он в постоянных общениях с неверными, мало того — он предан им; он вернейший союзник России, голосу которой внимает, с которой советуется. У него во дворце большая часть прислуги из христиан... Хан не ездит верхом, как то делали прежние ханы, а ездит в карете, ест сидя за парадным столом, сервированным по-европейски, и если не решается бриться, то по крайней мере прячет концы своей бороды под широкий галстук»³.

Самым же тяжелым для крымцев было то, что хан решил создать регулярную армию по российскому образцу. С этой целью был проведен рекрутский набор (один человек с пяти дворов). Создание регулярной армии было последней каплей, переполнившей чашу терпения татар, первое восстание против Шагин-Гирея началось именно в армии.

Масло в огонь дестабилизации в Крыму подливали деструктивные действия османских властей⁴, что привело к глубокому международному кризису, грозившему перерасти в полномасштабную войну между Россией и Османской

¹ См. подробнее: *Лашков Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан. Киев, 1886. С. 21–26.

² *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 690, 691.

³ *Лашков Ф.* Шагин-Гирей... С. 26.

⁴ С подачи османов велась активная подрывная работа на территории Крыма. Турецкие корабли постоянно курсировали у берегов полуострова, султан не признавал Шагин-Гирея ханом, а главный муфтий (Шейх-уль-ислам, глава османского мусульманского духовенства) позволял себе по отношению к Шагин-Гирею страшные для мусульманина оскорбления, называя крымского хана «свиньей и собакой» (Из оперативных донесений, приложенных к письму посланника А. Стахиева графу Н. Панину от 22 января 1778 г. // *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... СПб., 1885. Т. 2: 1778 г. С. 107).

империей. Так, в момент крымского восстания Блистательная Порта присоединила к своей территории крымские земли в Бессарабии, создав новый пашалык с включением в него Каушан, Балты, Дубоссар и прочих земель до реки Буг. Это было тем более легко, учитывая, что указанные крымские земли оказались оторваны от остальной территории ханства благодаря территориальным приобретениям России по условиям мирного трактата. Также проосманской партией при непосредственном участии османских военнослужащих были проведены перевороты в Дунайских княжествах¹ с одновременным выдвижением османских войск к границам княжеств.

Однако внешние влияния на ситуацию в Крыму были хоть и сильны, но вряд ли имели определяющую роль. Как справедливо отмечал крымский краевед и историк XIX в. Ф. Ф. Лашков, «жизнь показала, что ему (Шагин-Гирею. — *Авт.*) недоставало того могущественного средства, которое заключается в подготовленности общества к восприятию вводимых в его быт начал, короче говоря, ему недоставало общественной симпатии. Первые шаги его деятельности были встречены с немым равнодушием, через которое можно было видеть начало глубокого недоброжелательства. Мало-помалу общественное настроение выяснилось. Масса ничего другого не видела в его деятельности, кроме попраiania веры... А тяжесть нового правления, строгого и требовательного, только вооружила население, привыкшее жить в патриархальной простоте, делая его главным противником затеянных реформ. Дворянство видело в деятельности хана одну лишь угодливость России, и только небольшой кружок людей, связанных интересами с новым правительством, был на стороне Шагина. Обстоятельства показывали, что одряхлевшее ханство не способно возродиться»². Можно сказать, что ханство было не готово ни к независимости, ни к модернизации своего общества. И личность хана, наверное, вторична.

А тем временем бунт в Крыму все разрастался. Коммуникации русского корпуса в Крыму оказались перерезанными, и князь А. А. Прозоровский, запаниковав, перевел антиханский мятеж в межконфессиональный конфликт. Сначала, осадив Карасубазар и узнав, что мятежники в горы «увезли своих жен и детей... послал вооруженных албанцев (в данном случае албанцами называли греков с архипелага, активно поддерживавших российские войска в войне 1768–1774 гг. и эвакуированных в Россию после снятия русским флотом морской блокады Проливов. — *Авт.*), требуя оных из Ениколя... с тем, чтобы они там грабили и истребляли бунтовщиков»³. Затем митрополит Готфейский и Каффайский Игнатий⁴ по просьбе А. Прозоровского выступил с призывом «о соглашении всех христиан поднять противу их (бунтовщиков. — *Авт.*) оружие». А. А. Прозоровский докладывал П. А. Румянцеву, что «обнадежил их (христиан. — *Авт.*) по благополучном успехе отменным

¹ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 326–327.

² Лашков Ф. Шагин-Гирей... С. 26–27.

³ Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву от 29 октября 1777 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 807.

⁴ Глава греческой православной церкви в Крымском ханстве.

вашего сиятельства и чрез ходатайство ваше высочайшим ея императорского величества покровительством»¹.

Между тем в начале 1778 г., согласно докладу российского резидента в Османской империи А. Стахиева, в Стамбуле была арестована вся крымско-татарская делегация от Шагин-Гирея, и «Порта... через Очаков отправила в Крым салахора Хаджи-бея к Селим-Гирей-хану (очередной османский кандидат на крымско-татарский престол. — *Авт.*) с обыкновенною инвеститурою его на ханство»². Российское командование сумело предотвратить высадку турецкого десанта, однако сам Селим-Гирей все же оказался в Каффе, но вскоре под ударами верных Шагин-Гирею отрядов ему пришлось бежать в Балаклаву, а затем обратно в Турцию.

Совершенно очевидно, что несмотря на подавление острой стадии бунта, со дня на день можно было ожидать прямого военного вмешательства Османской империи в крымские дела. А тут еще и активное участие местных христиан и «албанцев» в карательных походах ханских войск против бунтовщиков³. Рабби-Азарья отмечал, что «греки и армяне... грабили и убивали мусульман и издевались над их религиею, и потому с восстановлением мира и порядка они боялись, чтобы татары не отомстили им за претерпенные от них гонения во время войны»⁴.

В этой связи Крымское ханство в нынешнем его состоянии скорее являлось препятствием для России в возможном новом ее военном столкновении с Османской империей. Еще в октябре 1777 г., когда бунт только начинался, генерал А. А. Прозоровский писал П. А. Румянцеву-Задунайскому: «Я осмелюсь вашему сиятельству доложить, что на таком основании, как ныне, никогда татары покойны не будут и Империи нашей больше вреда, нежели пользы, принесут... Разве когда большая часть их истребится и другое правление здесь сделано будет»⁵. Таким образом, А. А. Прозоровский подводил своего патрона к мысли о необходимости полной аннексии Крыма Россией. Сам же П. А. Румянцев-Задунайский также полагал, что сохранять далее независимость Крыма невозможно, но придерживался по вопросу о дальнейшей судьбе ханства диаметрально противоположного со своим подчиненным взгляда: «...сии нелюди (крымские татары. — *Авт.*) по врожденной к нам неприязни, из всякаго к ним Вашего Императорскаго Величества благоотворения, не одново уже делали явное злоупотребление, а потому... желательно положить им иной предел, ежели не конец... По таковым соображениям не удобнее ли бы было, оградясь от Татар лучшим образом, в рассуждении беспечности (незащищенности. — *Авт.*) прикосновенных к ним наших земель, оставить их в за-

¹ Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву от 29 октября 1777 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 810, 811.

² Из письма А. Стахиева графу Н. И. Панину от 17 февраля 1778 г. // Там же. Т. 2. С. 201, 202.

³ Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea... P. 100; События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирея-хана. С. 109–111.

⁴ События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирея-хана. С. 226.

⁵ Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву от 29 октября 1777 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 1. С. 811.

висимости от Порты, а в замену одержать в прибавок некоторой выгоды для торговли нашей на Черном море или гавань, способнейшую от оной?»¹

В российском же правительстве не собирались аннексировать Крымское ханство, но и отдавать его османам также не собирались. В Санкт-Петербурге предполагали, что в случае войны может возникнуть вероятность отступления из Крыма, так как при слабости российской черноморской эскадры и враждебности значительной части местного населения удержать полуостров при высадке сильного османского десанта проблематично. В таком случае предполагалось разыграть «кубанскую карту»: ногайские орды отделяются от Крыма с созданием «независимого» ханства под протекцией России. На заседании Государственного совета России от 6 ноября 1777 г. было принято решение поручить фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому «убедить хана собственными поступками его к перемене поведения и сколь нужно ему держаться здешних наставлений, соединить ногайские народы ласкою и деньгами под его послушание, перевести его самого, в случае объявления войны, на Кубанскую сторону и разорить Крым как вину распрей и дабы турки не имели более способов там утвердиться»².

Вслед за подавлением татарского мятежа последовало решение склонить крымских христиан, активно поддерживавших российские войска, к выходу из Крыма на российскую территорию³. Для Екатерины II и ее соратников, в условиях, когда, во-первых, неизвестно, можно ли удержать на крымском престоле Шагин-Гирея, во-вторых, когда страна находится на пороге новой войны, одним из театров военных действий в которой будет, несомненно, Крымский полуостров, совершенно обоснованной мерой выглядела эвакуация поддержавшего Россию единоверного населения, которому к тому же официально были даны гарантии «покровительства». В Санкт-Петербурге предполагали, что месть крымским христианам со стороны антироссийски настроенных крымских татар при попустительстве османов в случае неблагоприятного развития ситуации может перерасти в широкомасштабную резню. В этой связи нельзя забывать и о важнейшей парадигме в «восточной» политике Российской империи XVIII–XIX вв. — религиозной (защита христианского мира). Очевидно, что эта направленность соответствовала самой логике российского имперского строительства и не могла игнорироваться во внешней политике государства. Также отметим, что вероятная выгода переселения крымских христиан для развития пограничных и малозаселенных российских губерний не могла сравниться по важности задачи с религиозно-этической составляющей эвакуации христиан из потенциально враждебного им мусульманского государства⁴.

¹ П. А. Румянцев-Задунайский Екатерине II от 30 октября 1777 г. // Чтения ОИДР. 1875. Кн. 4. С. 18.

² АГС. Т. 1, ч. 1. Стб. 332.

³ Рескрипт императрицы графу Румянцеву от 9 марта 1778 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 2. С. 317.

⁴ Подробно причины, ход и следствия эвакуации христианского населения Крыма в 1778 г. рассмотрены в работе: Дейников Р. Т. К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 153–168.

Так или иначе, но 17 июля 1778 г. российскому правительству было представлено постановление крымских христиан с просьбой о выходе из Крыма¹. После этого крымский хан более чем на месяц фактически удалился от дел и даже выехал из столицы. Российским должностным лицам стоило большого труда вернуть его обратно. Как отмечал граф П. А. Румянцев, «по случаю переселения христиан из Крыма в Россию примечено крайнее в Шагин-Гирей-хане противу нас негодование»².

Подготовка к переселению крымских христиан проходила на фоне резкой эскалации напряженности в регионе. Так, после фактической ликвидации автономии Дунайских княжеств, оккупации части крымских территорий и приведения в боевую готовность румелийских войск Стамбул провел мобилизацию своего флота, который вышел 9 июня 1778 г. под командованием самого капудан-баши к берегам Крыма³. Только своевременное военное укрепление всех гаваней ханства и удачное маневрирование российско-крымско-татарских войск помешало османскому флоту высадить крупный десант на полуострове⁴.

Эти военные приготовления, подкрепленные очередным отказом Османской империи от контрибуционных выплат России по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, воинственной риторикой и даже оскорбительными антихристианскими действиями⁵ привели к подаче 28 июня 1778 г. российским министром при Османском дворе (полномочным послом) А. Стахиевым мемориала (ноты) с просьбой о разрешении российской дипломатической миссии выезда на родину, что означало разрыв дипломатических отношений, т. е. войну.

Помимо этого, назревал военный конфликт и ведущих западноевропейских держав между собой. В конце 1777 г. скоростижно скончался баварский курфюрст, и император Иосиф II навязал наследнику баварского престола соглашение, по которому империя Габсбургов фактически аннексировала Баварию. Это привело к кризису в отношениях между Веной и Берлином, закончившемуся объявлением в июле 1778 г. Пруссией войны своей сопернице. Данный конфликт был осложнен наличием военных союзов империи Габсбургов с Францией и Пруссией с Россией соответственно. Кроме того, 6 февраля 1778 г. Франция признала Соединенные Штаты Америки и заключила с ними союзный и торговый договоры, что привело в июне того же года к началу войны между Францией и Англией.

¹ Постановление крымских христиан приложено: Рапорт генерал-поручика Суворова графу Румянцеву-Задунайскому от 17 июля 1778 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 2. С. 556–557.

² Письмо графа Румянцева А. Стахиеву от 19 сентября 1778 г. // Там же. С. 718.

³ Письмо А. Стахиева графу Румянцеву от 21 июня 1778 г. // Там же. С. 498.

⁴ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 2. С. 544–545.

⁵ Российский посол в Османской империи А. Стахиев сообщает графу Н. И. Панину в своем письме от 6 июля 1778 г. о том, что 27 июня «нынешний топчи-баши Ахмет-бей на Перском христианском кладбище обучал канониров производить скорострельную пальбу из пяти или шести вновь вылитых пушек» (Там же. С. 544).

Таким образом, Россия и Османская империя оказались буквально в полушаге от войны, грозившей перерасти в общеевропейский конфликт. Российско-османская война не случилась, однако маховик переселения христиан был уже запущен. Конечно, термин «депортация» (изгнание, принудительная высылка) неприменим к ситуации с крымскими христианами в 1778 г., так как отсутствуют факты использования военной силы, а сами новые подданные Российской империи получили беспрецедентные финансово-экономические и гражданско-религиозные преференции¹. При этом очевидно, что многие христиане покидали свою Родину неохотно и вынужденно. Однако инициированные Россией юридические решения, возбужденная Россией же (с помощью увещаний и прямого финансирования) активность греческих и армянских религиозных лидеров в желании эмигрировать в Россию, а также нарушенное в Крымском ханстве этноконфессиональное равновесие и постоянная угроза войны практически вынудили подавляющую часть христианского населения Крыма покинуть обжитые места. Вероятно, с некоторой натяжкой переселение крымских христиан в Россию в 1778 г. можно считать вынужденной эмиграцией. С другой стороны, этот процесс ничем существенно не отличался от эвакуации в 1773–1774 гг. албанцев («архипелагских» греков) и в 1774–1775 гг. многочисленных жителей Молдавии и Валахии в Россию.

Итак, к октябрю 1778 г. был завершен вывод христианского населения. Из Крыма вышли 31 098 человек², которые все были поселены в Приазовье. Огромная и пустынная территория Новороссии заселялась в то время недостаточными темпами. В этой связи организованное переселение греков и грузин в Александровский уезд, а армян — в Ростовский уезд резко увеличило население этих крайне малонаселенных районов³. Кроме того, значительная часть переселяемых были торговцами, ремесленниками и ростовщиками. В короткое время они смогли переориентировать внешнеэкономические связи Крымского ханства с Османской империи на Россию (чему, безусловно, в наибольшей степени способствовали все же

¹ См.: Рапорт генерал-поручика Суворова графу Румянцеву-Задунайскому от 17 июля 1778 г. с приложениями // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 2. С. 555–557; Жалованная грамота императрицы Екатерины II крымским христианам от 21 мая 1779 г., основные пункты которой приведены в исследовании архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила; Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфийской и Кафийской епархии // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 198–200; Отвод земли грекам, переселявшимся из Крыма к Азовскому морю (извлечено из архива крепости Св. Дмитрия Ростовского Мурзакевичем) // ЗООИД. 1858. Т. IV. С. 360–362; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 604–605.

² Рапорт генерал-поручика Суворова графу Румянцеву-Задунайскому от 18 сентября 1778 г. с приложенной ведомостью, учиненной с показанием, сколько разного рода из Крымской земли, каких городов и деревень отправлено в Россию христиан обоего пола мужеского и женского, из оных коликое число оставших для торговли, зимующих тож, за своими расправами по домам о том значится ниже сего // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 2. С. 710–714.

³ Подробнее см.: *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии... С. 132–135.

политические меры, предпринимаемые официальным Санкт-Петербургом в отношении Крыма).

После всех указанных мероприятий внешнеполитическая активность России была направлена на решение вопросов исполнения Турцией Кючук-Кайнарджийского договора и признания султаном ханского достоинства Шагин-Гирея. Время было выбрано весьма удачно в связи со спадом напряжения в российско-османских отношениях из-за событий в Европе, описанных выше. Было оказано общее дипломатическое давление на Стамбул, которое и вынудило последний быть более сговорчивым в вопросе ратификации статей Кючук-Кайнарджийского договора и признания Шагин-Гирея ханом Крыма. Всего этого удалось добиться от Турции в марте 1779 г. в так называемой разъяснительной Айналы-Кавакской конвенции¹. Конвенция подтвердила основные пункты Кючук-Кайнарджийского договора. Султан оставался духовным главой татар и должен был утверждать хана. Однако в конвенции говорилось, что избранного татарами хана султан должен утвердить в любом случае. Кроме того, по условиям конвенции Россия обязалась вывести свои войска из Крыма, что и было сделано к концу лета 1779 г.

В документе была зафиксирована еще одна интересная деталь, характеризующая действительный статус Крыма. Россия обязалась передать Османской империи земли между Днестром и Бугом, которые принадлежали Крымскому ханству и были зимой 1777/1778 гг. оккупированы османскими войсками. Для соблюдения внешнего декорума в конвенции объявлялось, что Порты с ханом сами договорятся об уступке этих земель. Современный одесский исследователь А. И. Третьяк, анализируя результаты Айналы-Кавакской конвенции, пришел к выводу, что «Россия де-факто, а в 1779 г. и де-юре признала протекторат Турции над Буджаком и Едисаном, ограничивая свои устремления только Крымским полуостровом и Кинбурном». Автор достаточно логично предположил, что в дальнейшем «как политико-правовые документы, так и ход последующих исторических событий позволяют сделать вывод не об одностороннем поглощении Крымского ханства, но о его разделе между Россией и Турцией»². Этот момент важен чрезвычайно. Дело в том, что Крымское ханство в марте 1779 г. уже де-юре из субъекта политики превратилось в ее объект. Таким образом, после раздела Крымского ханства между Россией и Турцией в результате Айналы-Кавакской конвенции дни этого государственного образования были сочтены. И хотя в российском правительстве еще не задумывались о ликвидации ханства³, но сама логика событий уже предопределила судьбу крымско-татарской государственности. Это чувствовал и Шагин-Гирей. Сначала Россия, не спрашивая его мнения, эвакуировала из Крыма христианских подданных хана, что нанесло ему обиду как правителю и существенно ослабило ханское

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 20. № 14851. С. 800–805.

² Третьяк А. И. Северное Причерноморье в политико-правовом пространстве Европы конца XVIII века. Одесса, 2004. Гл. 1.

³ Подробнее см.: Дейников Р. Т. Российские военные и дипломаты о статусе Крыма в период правления Шагин-Гирея // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. 2002. Вып. 4. С. 50–59.

влияние в крымско-татарском обществе. После этого, также не спрашивая его, Россия принялась распоряжаться крымско-татарскими землями. А еще, не считаясь с его возражениями, подтвердила документально спорное положение о духовном главенстве османского султана над жителями Крымского ханства. В результате Шагин-Гирей писал резиденту Константинову: «Я, усердственник ваш, по скудости разумения принужденным себя нашел спросить у вас: татарских народов прежнего рабства с ныне утвержденным вольным состоянием какая разница?»¹

После признания независимого крымского хана и вывода российских войск с полуострова Османская империя уже не могла открыто поддерживать протурецкую группировку в ханстве. Это, конечно, не означало, что Стамбул решил отказаться от своих планов возврата Крымского ханства в сферу турецкого влияния. Просто изменились методы. Порта активно начала проводить подрывную деятельность на Таманском полуострове и Кубани, где сепаратизм издавна был очень силен. Так, в феврале 1780 г. Шагин-Гирей отправил официальные запросы Османской империи об уступке татарам Суджук-Кале и «Абазехских урочищ»² (земель абазинов), не указанных в Айналы-Кавакской конвенции и занятых в 1779 г. османами. Однако получил отказ³. При этом османский комендант Суджук-Кале успешно проводил антиханскую агитацию среди ногайцев и черкесов, утверждая, что они не являются подданными крымского хана, и склоняя их к переселению во внутренние области Османской империи⁴. Ко всем этим неприятностям добавился и еще один чувствительный для престижа хана момент. Его послы, отправленные в Стамбул за халифской грамотой для хана, не были удостоены аудиенции у султана⁵. Это означало, что Османская империя не признает в международных отношениях Крымское ханство на правах суверенного независимого государства.

Также усилилась работа по дискредитации хана в глазах народа через мусульманское духовенство и дервишей⁶. Это было тем более легко, что ужесточение налогового бремени и произвол откупщиков, введение в обиход медных денег и европеизированные манеры не способствовали популярности хана. Но, вероятно, наибольшее возмущение татар, особенно знати и духовенства, вызывало стремление хана поступить на службу к российской императрице. В то время в Европе считалось обычным явлением получение чинов государями небольших стран от опекавших их могущественных государств. Поэтому Шагин-Гирею, получивше-

¹ Обзор дипломатических сношений русского двора с Турцией и Крымом от Кючук-Кайнарджийского мира по 1780 г. // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXIX. Стб. 1162.

² Подробнее см.: *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... Т. 3. С. 534, 547, 579, 586.

³ Реляция посланника Стахиева из Перы февраля 21 дня, 1780 года; Письмо А. Стахиева П. Румянцеву-Задунайскому из Перы от марта 6 дня, 1780 года // Чтения ОИДР. 1876. Кн. 1. С. 191, 195.

⁴ Всеподданнейшее донесение П. Веселицкого от 10 октября 1780 г. // *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России... Т. 3. С. 693–694.

⁵ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство... Одесса, 1889. С. 210.

⁶ Орден нищих проповедников, почитаемых у мусульман.

му европейское образование, подобная его прихоть казалась, судя по всему, вполне естественной. Но для народа и мусульманского духовенства это было непонятно и унижительно. В Санкт-Петербурге же ошибочно посчитали, что при удовлетворении просьбы хана влияние России в регионе еще более усилится. Просьба хана была удовлетворена в октябре 1781 г.: «И как многие из владетельных князей и их фамилий в службах коронованных глав находятся, то ея императорское величество в сем уважении и в удовлетворении желанию ханскому всемиловитейше пожаловала сему владетелю чин капитана гвардии Преображенского полка...»¹ В результате и без того всегда недовольная знать посчитала, что раз Шагин-Гирей удостоился чина в русской армии, то он в силу уже одного этого не может далее оставаться крымским ханом и поэтому должен перейти на русскую службу.

Первые волнения начались на Кубани. Дело дошло до того, что ногайские орды стали нападать на русские пограничные посты. Командующий российскими войсками на Кубани Ф. Фабрициан в своем письме резиденту в Бахчисарае П. П. Веселицкому призвал последнего воздействовать на хана для удержания этих орд в границах ханства. В противном случае он обещал принять военные меры к усмирению ногайцев².

Османская империя официально заняла в ходе этого бунта выжидательную позицию, хотя по неофициальным каналам оказывала финансовую и военную поддержку бунтовщикам. Из доклада подполковника И. М. Лешкевича, который в начале 1780-х гг. командовал российской пограничной линией на реке Ея, ясно, что к лету 1781 г. почти все ногайские орды перестали признавать свою зависимость от Крыма³. В ответ российские войска переправились через реку Кубань и начали силой оружия принуждать ногайцев к покорности хану. Обескровленная область практически не оказывала сопротивления. Большая часть ногайцев предпочла покориться, некоторые ушли в горы. Однако российская политика в Крыму на данном этапе (лето 1781 г.) продолжала строиться по принципам, сформированным еще в 1777–1778 гг.: Крымское ханство, являясь официально независимым государством, на самом деле в экономической, внешнеполитической и военной областях должно подчиняться Российской империи (протекторат).

Но в начале 1782 г. случилось событие, которое изменило судьбу и Шагин-Гирея, и Крыма в целом. Недовольная правлением хана крымская элита решила воздействовать на Шагин-Гирея через муфтия. Последний просил хана более бережно относиться к традициям и законам ислама. На следующий день ханом было совершено страшное с точки зрения мусульман преступление — муфтий был повешен⁴. Весной 1782 г. на полуострове Тамань вспыхнуло восстание. Его возглавили братья хана — султаны Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Очень скоро у Шагин-Гирея не осталось защитников. Братья чуть было не захватили его в собственной рези-

¹ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... СПб., 1889. Т. 4: 1781–1782 гг. С. 16.

² Письмо Федора Фабрициана П. Веселицкому от 10 апреля 1781 г. // Там же. С. 22–23.

³ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 4. С. 110.

⁴ Самойлов А. Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина Таврического // Русский архив. 1867. Кн. 10. Стб. 1220.

денции. С небольшой свитой хан бежал к границе с Россией. Становилось ясно, что без российских войск подавить восстание не удастся.

Случившееся в Крыму и готовящееся к подписанию очень выгодное российско-турецкое торговое соглашение по логике международных отношений требовали от России осторожного подхода к решению крымской проблемы. Но события на полуострове заставили Санкт-Петербург действовать решительно. После того как Батыр-Гирей был провозглашен ханом, российские войска вступили в Крым. Нет смысла описывать эту кампанию, так как сопротивления татары почти не оказывали, мятежные султаны быстро были схвачены, а Османская империя предпочла дипломатические демарши вместо военной помощи мятежникам. С этого момента можно говорить о деятельной подготовке присоединения ханства к России. Тем более что и внешнеполитическая ситуация этому способствовала. Так, в мае 1781 г. Россия заключила союзный договор с империей Габсбургов, согласно которому в случае нарушения турками их договорных обязательств или объявления ими войны одной из договаривающихся сторон другая сторона должна прийти на помощь в течение трех месяцев¹. Да и в других европейских делах России отводилась важная роль.

Уже в сентябре 1782 г. князь Г. А. Потемкин дал командующему русским экспедиционным корпусом А. Б. де Бальмену следующую инструкцию: «Если б паче чаяний жители отозвались, что они лучше желают войти в подданство ея императорскому величеству, отвечайте, что вы кроме споможения хану ничем другим не уполномочены, однако ж мне о таком происшествии донесите»². Тогда же Г. А. Потемкин послал в Крым специального чиновника — Я. Рудзевича (крымского татарина на русской службе). Официально он был помощником резидента в Крыму П. П. Веселицкого. Однако его секретная миссия заключалась в разведывании настроений народа и ведении работы по привлечению симпатий крымских татар к России³. Судя по всему, деятельность Я. Рудзевича увенчалась успехом, и крымцы уже были готовы к потере собственной государственности. 14 декабря 1782 г. появился рескрипт императрицы Екатерины II князю Г. А. Потемкину, в котором, в частности, указывалось, «что одним из главнейших поводов к распрям нашим с турками от давняго времени служил полуостров Крымский, из недр коего неоднократно обезпокоены были границы наши. Преобразование его в вольную и независимую область обратило только в новья для нас заботы со знатными издержками. В следствии того волю нашу на присвоение того полуострова и на присоединение его к Российской Империи объявляем вам с полною нашею доверенностию и с совершенным удостоверением, что вы к исполнению сего не упустите ни вре-

¹ Текст российско-австрийских соглашений см.: *Arnoth A. von. Joseph II und Katharina von Russland: Ihr Briefwechsel.* Wien, 1867. S. 67 und dann.

² Ордер князя Потемкина генерал-поручику графу де Бальмену от 27 сентября 1782 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 4. С. 837.

³ *Дейников Р. Т.* Российские военные и дипломаты... С. 58.

мени удобного, ни способов, от вас зависящих»¹. По мнению Исабель де Мадариага², российскую императрицу к окончательному решению о лишении протекции крымского хана могло подтолкнуть то, что, вернувшись на ханский престол на «русских штыках», Шагин-Гирей проявил поистине средневековую жестокость по отношению к своим противникам³, чем еще более оттолкнул от себя народ и истеблишмент ханства⁴.

Российское правительство, используя как предлог нарушение османскими частями границы в районе Тамани⁵, манифестом от 8 апреля 1783 г.⁶ ликвидировало Крымское ханство путем включения его в состав Российской империи. Сам Шагин-Гирей, по данным Ф. Ф. Лашкова, еще в конце февраля 1783 г. согласился отречься от престола в пользу России в обмен на ежегодное содержание в 200 тыс. рублей и получение в дальнейшем престола в Персии⁷.

Османская империя в условиях 1783 г. не могла противостоять решению России по ликвидации Крымского ханства, сложившаяся к тому времени внешнеполитическая ситуация делала любые жесткие шаги османов изначально проигрышными. В результате 28 декабря 1783 г. Османская империя пошла на подписание с Россией договора, подтвердившего основные статьи трактата 1774 г. и конвенции 1779 г., а также весьма выгодные для России торговые соглашения⁸. Любопытно, что все пункты договоров 1774 и 1779 гг., касающиеся Крымского ханства, были исключены из российско-османского акта 1783 г. Как верно было подмечено тогдашним государственным канцлером империи Габсбургов В. А. Кауницем, от Оттоманской Порты более не требовалось признания включения Крыма и Тамани в состав России, так как она просто потеряла право на инвестицию крымского хана и молча приняла ликвидацию независимости ханства⁹. Акт 28 дека-

¹ Подписанный имп. Екатериною II рескрипт кн. Г. А. Потемкину о необходимости присоединить к России Крым при первом к тому поводе; в случае же мирного поведения Турции ограничиться впредь до времени овладением Ахтиарской гавани (Севастополя) от 14 декабря 1782 г. // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч. 4. С. 222–223.

² Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 617.

³ Подробнее см.: Fisher A. W. The Russian annexation of the Crimea... P. 132–133; Подписанный имп. Екатериною II рескрипт кн. Г. А. Потемкину о необходимости прекращения жестокие казни, производимые Шагин-Гиреем по укрощении бунта в Крыму от 7 февраля 1783 г. // Сб. РИО. Т. 27. С. 231–233.

⁴ Донесение г. надворного советника Рудзевича князю Г. А. Потемкину от 6 декабря 1782 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России... Т. 4. С. 930–933.

⁵ О попытке османской оккупации Тамани в декабре 1782 г. см.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 289. Л. 19 об.

⁶ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 21. № 15708. С. 897–898.

⁷ Лашков Ф. Шагин-Гирей... С. 33.

⁸ См.: ПСЗ-I. Т. 21. № 15757. С. 939–956; № 15901. С. 1082–1083.

⁹ Kaunitz — Merci Argenteau, 2 août 1784 // Arneth A. von, Flammermont J. Correspondence secrète de Comte de Merci Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kauniz. Paris, 1889. P. 275. Remarque 3.

бря 1783 г. завершил раздел Крымского ханства между Российской и Османской империями, начатый в 1779 г., поскольку статьи 2 и 3 договора прямо предполагали передачу османской стороне Суджук-кале с окрестностями и левобережье Кубани.

При присоединении Крыма российским войскам было приказано обращаться с местными жителями дружелюбно, не оскорблять религиозных чувств мусульман¹. Татары были освобождены от постоя и рекрутской повинности, мусульманскому духовенству назначено денежное содержание. Во многом в связи с этим манифест 19 апреля 1783 г. был встречен на полуострове спокойно.

Конечно, это вовсе не означало того, что Османская империя смирилась с потерей контроля над основной частью Северного Причерноморья, Прикубанья и Тамани. Просто в сложных внешнеполитических условиях позволить себе войну турки не могли и действовали исключительно подстрекательско-идеологическими и диверсионными методами. И если на территории собственно Крыма подобные действия османских агентов в большей степени приводили к эмиграции крымско-татарского населения (т. е. пассивному неприятию новых реалий), то на Кубани это зачастую выливалось в конфликты и даже вооруженное противостояние. Так, в ходе принятия присяги на верность российской императрице ногайцами Прикубанья и Тамани несогласным было предложено беспрепятственно откочевать на левый берег Кубани², что многие и сделали. В дальнейшем с целью укрепления новой российской границы было принято решение переселить ногайцев в южноуральские степи. Конечно, это вызвало недовольство значительной части ногайцев, которое подогревалось проосмански настроенными агентами. А тут еще бывший хан Шагин-Гирей прибыл со своей ставкой на Тамань и в обращении к ногайцам призывал их отказаться от переселения вглубь России. Начались волнения, переросшие в перманентные военные столкновения с российскими регулярными частями и казаками. В результате значительная часть ногайцев прорвалась за Кубань и оттуда продолжала совершать набеги на российские приграничные области. В октябре 1783 г. российские войска под общим командованием А. В. Суворова перешли Кубань (т. е. российско-османскую границу) и, с молчаливого согласия турок, разорили левобережную часть Прикубанья, а также земли адыгов. Это «принуждение к миру» в дальнейшем привело к тому, что именно ногайцы и черкесы стали основой антироссийского движения народов Северного Кавказа и Прикубанья, возглавляемого шейхом Мансуром (1785–1791).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Манифестом 1783 г., последовавшими затем «Актом, заключенным в Константинополе между Ее Императорским Величеством и Портою Оттоманскою о мире, торговле и границах обеих Государств от 28 декабря 1783 г.» и присягой на верность российской императрице

¹ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 265, 272.

² *Лобжанидзе Ф. А.* Ногайцы Северо-Западного Кавказа... С. 130–131.

народов бывшего Крымского ханства завершилась более чем 300-летняя история этого государства, а также наиболее важные и динамичные этапы в процессе борьбы России за контроль над Северным Причерноморьем.

Касаясь периода независимости Крымского ханства, отметим, что он не принес этому государственному образованию благоденствия. Очевидно, что в условиях противостояния Российской и Османской империй в регионе нельзя было рассчитывать на то, что государство, занимающее столь важное геостратегическое положение, сохранит свою независимость.

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации
- АГС — Архив Государственного совета. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1869
- АДСВ — Античная древность и средние века
- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ
- Архив БИКАМЗ — Архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БС — Боспорский сборник
- БРЭ — Большая российская энциклопедия
- ВВ — Византийский временник
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВО — Византийские очерки
- ГАОО — Государственный архив Одесской области
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАРК — Государственный архив Республики Крым
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР):
Материалы и исследования
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
- ЗИАН — Записки Императорской Академии наук
- ЗКВ — Записки коллегии востоковедов
- ЗО — Золотоордынское обозрение
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества
- ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук
- ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- ИЗ — Исторические записки
- ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ИИИСАА — Историография и источниковедение стран Азии и Африки
- ИКОГО СССР — Известия Крымского отдела Географического общества СССР
- ИРГО — Известия Русского географического общества

- ИР НБУ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
- КДУ — Київський державний університет
- КИО — Крымское историческое обозрение
- КИПУ — Крымский инженерно-педагогический университет
- КНП — Культура народов Причерноморья. Симферополь
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук (Академии наук СССР)
- КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАПП — Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса
- МАР — Материалы по археологии России
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИС — *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231-312.
- МГИМО (У) МИД — Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- НЭПХ — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т. I; 1972. Т. II
- ОАИБ — Очерки археологии и истории Боспора / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М., 1992
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
- ПСЗ-1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РА — Российская археология
- РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГИА — Российский государственный исторический архив
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
СВ — Средние века
СГ — Средневековый город. Саратов
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
ТС — Тюркологический сборник
УЗ МГПИ — Ученые записки Московского городского педагогического института
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГАВО Украины — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины
ЦГАООУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины
ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины
Чтения ОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- ABAW — Abhandlungen der Bayerische Akademie der Wissenschaften
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
ASI — Archivio Storico Italiano
ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova
ASV, MC — Archivio di Stato di Venezia, Maggior Consiglio
BF — Byzantinische Forschungen
BOA — Basbakanlik Osmanli Arsivi
CAJ — Central Asiatic Journal
CMRS — Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris
DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington, DC
HPM — Historiae Patriae Monumenta
HUS — Harvard Ukrainian Studies
IG I² — Inscriptiones Graecae I: Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores. Vol. I. Ed. altera / ed. F. Hiller de Gaertringen. Berlin, 1924.
IG II² — Inscriptiones Graecae II: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Vol. II. Ed. altera / ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940.
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / ed. V. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
MHP — Monumenta Historiae Patriae
PE — Préhistoire Européenne
RESEE — Revue des études sud-est européennes
RIS — Rerum Italicarum scriptores / ed. L. Muratori

- SV — Studi Veneziani
Syll.³ — Dittenberger W. (ed.). Sylloge inscriptionum Graecarum. Vols. 1–4.
3rd ed. Leipzig, 1915–1924

Указатель имен

А

- Аарон бен Иосиф а-Рофе — 482
Абага — 297
Абач-салтан «братанич Мамышеков» — 379
Аббас I — 411
Абд ал-Карим — 377
Абд ал-Латыф — 372, 444, 474
Абд ар-рахим-эфенди ("Абдул Ибрагим Эфенди") — 453
Абдалла ал-Асвад — 460
Абдаррахман-бей — 470
Абдулла ибн Ризван — 373, 374, 388, 389, 456
Абдулла, хан — 303
Абдуллах-паша — 490
Абдураззак-шейх — 455
Абдурахман-шейх — 455
Абдыла Афыз — 473
Абляким-эфенди
Куламет-оглу — 472
Абросимов Э. Н. — 93
Абу Бекр — см. *Аль-Адилъ I*
Абу Бекр-эфенди Кефеви — 454
Абу-л-Гази — 301
Абу-л-Фида — 369
Август Октавиан — 83, 110, 111, 115
Аврелиан — 153
Агамемнон — 126
Агар — 68, 139
Агасикл — 103, 104
Агафий Миринейский (Схоластик) — 184, 234, 235
Агафодор — 180
Агаэт — 60
Агбунов М. В. — 169
Агеполис Тит Флавий — 114
Аграфена Васильевна — 408
Агриппа Марк Випсаний — 83
Адаксина С. Б. — 279
Адашев А. Ф. — 400
Адилъ-Гирей (Адилъ Чобан-Герей) — 403, 404
Адилъ-Гирей бен Девлет-Гирей — 401, 410, 418
Адорно А. — 357
Адриан — 86, 115
Ази-Баба (Хаджи-Баба) — 406
Ази-Гирей — см. *Хаджи-Гирей I*
Азика (Хаджике бен Тегене) — 444
Айбабин А. И. — 151, 152, 157, 158, 160–162, 165–175, 177, 178, 182, 183, 186, 187, 189–194, 196–198, 200–210, 212, 216, 218–221, 223–227, 230–235, 237–247, 252, 253, 255–258, 260, 261, 263, 273, 276–280, 288–291, 293, 297, 298, 475
Айбабина Е. А. — 330, 333, 354, 356
Айдар (Хайдар) ибн Хаджи-Гирей — 367, 369, 372–377, 474
Айдар — 444
Айдар-Газы — см. *Айдар (Хайдар) бен Хаджи-Гирей*
Айналов Д. В. — 197, 205, 264
Ак-Бобай — 377
Ак-Будал — 377
Акимушкин О. Ф. — 454
Акия — 67
Аккага — 231
Ак-Хусейн — 300
Акчокраклы
(Акъчокъракълы) О. — 300, 302, 369, 370, 371, 455, 469, 470
Акчурин М. М. — 444
Ала ад-Дин Кейкубад — 468
Алач — 407
ал-Ашраф Кансух ал-Гури — 410
Алевиз Новый — 481
Александр Великий
(Македонский) (Искандер) — 70, 186, 366, 472
Александр (Скиндер), мангупский князь — 313
Алексенко Н. А. — 201, 227, 253, 254, 265, 272, 274, 276, 277, 280, 281, 285
Алексей I Комнин — 286, 287
Алексей I, князь Феодоро — 309–310, 325
Алексий, митрополит — 300
Али Чауш — 382
Али, зять пророка Мухаммеда — 459, 461
Алиат Лев — 274
ал-Идриси — 279, 286, 290
Алиева С. И. — 496
ал-Калкашанди — 296, 303
Алкан Ф. — 180
Алквиад Аррий — 118
Аллаш Богатырь — 420
ал-Мухибби — 303
Алп-Гирей — 402, 421
Ал-Чагир — 393
Аль-Адилъ I — 390
Альфьери Альберто — 356
Амага — 105
Амброз А. К. — 166, 184, 185, 216, 233
Амеличев Г. Н. — 29
Аминий — 112
Аммиан Марцеллин — 152, 153, 162, 177, 179, 183, 184, 235
Анагей — 231, 232
Анастас — 271
Анастасий I — 201
Анастасий Библиотекарь — 160, 207, 258, 264
Анастасий, патриарх — 250
Анастасия, княгиня — 312
Анастась — 247
Ангулат — 229
Андреев А. Р. — 14, 493, 499
Андроник II Палеолог — 306
Андрух С. И. — 131
Аникович М. В. — 37
Анисимов А. И. — 157
Анна Васильевна — 408
Анна Византийская — 270–272
Анна Иоанновна, российская императрица — 501
Анна Комнина — 273, 290
Анненков И. А. — 426
Анохин В. А. — 72, 80, 92, 112, 115, 116, 148, 154–156, 158, 161, 175, 201, 208
Анохин В. В. — 291

- Антоний Марк — 83, 110
 Антоний Римлянин — 280
 Антоний, сын Йолбоги — 334
 Антонин, архимандрит — 248, 284
 Антонин Пий — 90, 116, 117, 148
 Антонова И. А. — 118, 175–178, 204, 252
 Апатурий — 133
 Аполлон — 59, 92
 Аполлоний Тит Флавий — 114
 Аполлоний, приближенный *Птолемея II* — 75
 Аполлоний, сын *Евфрона* — 106
 Аполлоний, сын *Левкона I* — 67
 Аппак — 392, 393, 440, 480
 Аппиан — 80, 145
 Арвейлер Э. — 203, 253, 262
 Аргот — 73, 77, 137, 140–143
 Аргыны — 440, 444, 446, 466
 Аристон, отец *Савага* — 189
 Аристон, херсонесит — 114, 116
 Аристотель — 66
 Арифарн — 68
 Аркадий, византийский император — 178, 186
 Аркадий, стратег Боспора — 285
 Арриан Флавий — 169
 Арсений, архиепископ — 283
 Арсеньева Т. М. — 152, 170
 Арсила (Арслан Тобохан, Таспар-каган, Татпар-каган) — 204, 232
 Арсиноя II — 75
 Арсиноя III — 75
 Арслан-Гирей, калга — 535
 Арслан-Гирей, хан — 436, 437, 502, 504, 505
 Артамонов М. И. — 138, 193, 203, 231, 232, 237, 239, 242, 288, 289
 Арге Леонард — 381
 Артемида — 126
 Археанактиды — 61, 62
 Асандр — 82–84, 110, 144
 Асени (Асаны) — 310, 312
 Асклепиад, епископ — 196
 Асклепиодор — 107
 Аспарух — 236, 237
 Аствацатурян Э. Г. — 451
 Атавин А. Г. — 238
 Атаджи — 298
 Атажукины — 438
 Аттила — 192, 193
 Аттина — 114, 116
 Афина — 67, 142
 Афиней — 66
 Афиноген, св. — 158, 165
 Афродита — 72, 73, 75, 140, 180, 233
 Ахи Эврен — 460
 Ахилл — 142
 Ахмад ибн Махмуд ал-Барджинлыгы — 469
 Ахмед III — 495
 Ахмед-паша Янлавский — 421
 Ахмед-хан Каракайтский — 491
 Ахмед-эфенди — 454
 Ахмет (Ахмад) — 376, 385
 Ахмет-бей — 530
 Ахмет-Гирей — 444
 Ахмет-калифа — 424
 Ахсикенти Нур-Мухаммад — 300
 Ахсикенти Сайф ад-Дин — 300
 Ахчюра — 474
 Ачжикгирей — см. *Хаджи-Гирей I*
 Ачкинази И. В. — 192
 Ашик А. Б. — 163
 Ашик-паша-заде — 380

Б
 Баба-Туклес — 299
 Бабай-эфенди-заде — 472
 Багаутдин (Багавадын, Бахауддин) — 408, 409, 455
 Бадурий — 229
 Бадян В. В. — 314, 346
 Баюов А. — 492–494, 496–498
 Бай-Гельди (Кельдиш, Кельдибай, Кильдиш, Кильдибай, Йани Киди-хан) — 374–376
 Бай-Девлет — 376
 Байер Х.-Ф. — 307
 Бакры — 398
 Балабанов И. П. — 30
 Балар М. — 333, 351
 Балгиц — 240
 Бальмен А. Б. де — 535
 Баптист Ян — 479
 Баранов И. А. — 242, 243, 246, 281, 345
 Бараш (Байраш, Бураш) — 444
 Бараш-султан — 372
 Барбаро И. — 350
 Барковский — 437
 Бартольд В. В. — 297, 468, 469
 Барыны — 440, 444, 446, 466
 Барятинский Ф. П. — 422
 Басманов А. Д. — 416
 Батбаян — 236, 242
 Баторий С. — 441
 Бату (Батый) — 295, 299
 Батыр-Гирей-султан (Бахадыр II Герай, Батыр-Гирей) — 535
 Бахадур-Гирей — 396, 414, 443
 Бахадыр-Гирей I — 370, 403, 404
 Бахматова М. Н. — 315
 Бахрах Б. С. — 153, 168
 Бахты Девлет — 396
 Бахты-Гирей — 437, 488
 Башкиров А. С. — 239
 Баязид I — 375, 382, 408
 Баязид II — 453, 472
 Беван Б. — 136
 Безобразов С. — 401, 421
 Безуглов С. И. — 152, 170
 Бейбарс I — 297, 298
 Бейбарс Рукнеддин (Бейбарс аль-Мансури) — 298
 Бейлин Д. В. — 287
 Бек Суфи — 305, 306, 367
 Бек-Булат — 324
 Беклемишев Н. В. — 312, 406, 482
 Бекмурзины — 437
 Бек-Хаджи (Хаджи-бек, Бек-Ходжай) — 304
 Бек-хан-Султан-ханум — 470
 Белов Г. Д. — 95, 179, 208
 Белова Н. С. — 64, 67
 Белова О. Р. — 252
 Белокуров С. А. — 424, 425
 Белый И. — 407
 Бельский Б. Я. — 421
 Беляков А. В. — 374, 420
 Беннигсен А. — 385
 Берг — 509
 Бердибек — 301–303, 344, 360

- Березин И. — 463
 Берке-хан — 297, 298, 316
 Бертъе-Делагард А. Л. — 210, 264, 271
 Бескаравайный М. М. — 27
 Беспалов Р. А. — 464
 Бестужев-Рюмин А. П. — 437
 Бечи-мурза — 435
 Бибииков М. В. — 281
 Бибииков С. Н. — 41, 43
 Биерючев, мурза — 435
 Бир-Девлет — 374
 Блаватская Т. В. — 77, 79
 Блаватский В. Д. — 86, 155, 159, 162, 163, 172, 174, 187, 188
 Бларамберг И. П. — 163
 Богатырь-Гирей Дивеев — 424–425
 Богданова Н. А. — 171, 172
 Богданова Н. М. — 267, 268, 270, 271, 273, 274, 276
 Боданинский У. А. — 368, 371, 373, 460
 Божиков И. — 237
 Божорад Валахский — 382
 Бозоян А. — 249
 Боз-Торгай — 377
 Болтунова А. И. — 159
 Бонч-Осмоловский Г. А. — 33, 35, 38, 127
 Боплан Г. Л. де — 450
 Бора — см. *Гази-Гирей II*
 Борисова В. В. — 176
 Бородин О. Р. — 211, 212, 220
 Бохан — 232
 Бочаров С. Г. — 324, 330, 345, 354, 360
 Бравлин — 249
 Бредаль П. П. — 491, 497, 498
 Бриллиантов И. — 311
 Бринк И. Ф. — 523
 Броневский М. — 313, 329, 441, 457, 467, 483
 Брун Ф. К. — 166, 214
 Бруяко И. В. — 121
 Буганов А. В. — 495, 498
 Буганов В. И. — 495, 498
 Буйских А. В. — 93
 Булавин К. А. — 487
 Булагов Е. — 460
 Бурдей Г. Д. — 401
 Буров Г. М. — 46
 Бусико (Жан II ле Менгр) — 357
 Буссов К. — 423
 Бутков П. Г. — 489
 Бухвостов И. — 516
- В**
- Ваклинова М. — 199
 Валент Антоний — 118
 Валент Флавий — 177, 178, 179, 181, 183, 184
 Валентин, посол — 203, 207, 231, 232
 Валентиниан I Флавий — 178
 Валериан, римский император — 155, 156
 Валерий Максим — 357
 Вальков Д. В. — 356
 Варда Фока Младший — 270
 Вардан Армянин — см. *Филипп Вардан*
 Василий, епископ — 180
 Василий I, великий князь московский — 309
 Василий II Булгароктон (Болгаробойца) — 247, 270, 271, 284
 Василий II Тёмный — 312
 Василий III, государь всея Руси — 313, 392–396, 400, 409, 410, 414, 480
 Василий IV Шуйский — 424, 425
 Василий Бабич, князь друцкой — 408
 Василий Иванович, великий князь Рязанский — 408
 Васильев А. А. — 160–162, 165, 184, 193, 207, 212, 215, 216, 220, 221, 234, 241, 245, 255, 259, 273, 277, 295, 297, 302, 303, 306–308, 311, 312, 475
 Васильевский В. Г. — 154, 155, 156, 157
 Васыф-эфенди А. — 512
 Вахрушев Б. А. — 29
 Вахрушева Л. П. — 25
 Вахтина М. Ю. — 130
 Вашари И. — 377
 Веймарн Е. В. — 221
 Вейсбах И. фон — 489
 Великие Комнины — 273, 310
 Вельяминов-Зернов В. В. — 443
 Вентура Б. — 353
 Веньер А. — 360
 Вернадский В. И. — 375
 Вернер И. — 184, 185
 Веселицкий П. П. — 518, 533, 534
 Веселовский Н. И. — 297, 298, 365, 380, 385, 474
 Вешняков А. А. — 492
 Видекинд Ю. — 425
 Виноградов А. В. — 379, 419–421, 435
 Виноградов А. Ю. — 260
 Виноградов В. — 440
 Виноградов Ю. А. — 74, 158
 Виноградов Ю. Г. — 64, 77, 92, 103, 115, 117, 131, 140, 141, 143, 159, 168, 175, 187–190
 Винья А. — 331
 Висконти Г. — 356
 Висконти Д. — 357
 Висконти, династия — 357
 Вит Флавий — 178
 Витовт — 304, 305, 366, 371
 Вишнякова А. Ф. — 254
 Владимир I Святославич — 266, 270–272
 Владислав IV Ваза — 425
 Влчек Е. — 35
 Воейков А. — 424
 Возгрин В. Е. — 14
 Волков М. — 327, 361
 Волконский Г. К. — 422
 Волошинов А. А. — 170
 Волузиан — 154, 155, 167
 Вольфрам X. — 156
 Воронцов М. И. — 506
 Воротынский И. М. — 424
 Выговский И. Е. — 403, 429, 430
 Высотская Т. Н. — 138, 146, 147, 167, 170, 171, 175
- Г**
- Габсбурги — 403, 417, 421, 427, 430, 487, 489, 494, 496, 498, 499, 505–508, 513, 530, 535, 536
 Габуев Т. А. — 170
 Гаврасы (Гаврады) — 308–310

- Гаврилов А. В. — 122, 134, 144
 Гаврилюк Н. А. — 372, 373
 Гадло А. В. — 203, 231, 233, 239, 242, 243, 246, 247, 266, 268, 272
 Газаи — см. *Гази-Гирей II*
 Газе К. Б. — 216
 Гази Мансур Медини — 471
 Гази-Гирей I — 396
 Гази-Гирей II (Бора) — 390, 402, 405, 410, 411, 420–424, 435, 452
 Гайворонский А. — 365
 Гайворонский О. — 367, 376
 Гайдар-хан — см. *Айдар (Хайдар) бен Хаджи-Гирей*
 Гайдукевич В. Ф. — 155–158, 162–164, 185, 186, 231–233, 238, 239
 Галенко А. — 464
 Галл Требониан — 154, 155, 167, 175
 Галла А. — 320
 Галиен — 157, 175
 Ганина Н. А. — 369
 Гарибальди А. — 479
 Гаркави А. Я. — 279, 280, 286, 376
 Гарпократион — 60
 Гаспринский И. — 460, 461, 471
 Гатал — 76, 105
 Гаудерих — 264
 Гаухаршад — 372, 444
 Гвизольфи З. — 479
 Гедеон — 475, 478
 Гедик Ахмед-паша — 328, 329
 Гей А. Н. — 51
 Геката — 180
 Гекатей Милетский — 98
 Гекатей — 63
 Гёкгёз — см. *Кокос Ходжа*
 Гелиболулу Мустафа Али — 371, 383
 Георг, пушечный мастер — 311
 Георгий Синкелл — 154, 155
 Георгий Сириец — 251, 252
 Георгий Цула — 266, 272, 285
 Георгий, архиепископ — 274
 Георгий, епископ Амастриды — 257
 Георгий, епископ Херсона — 207, 214, 226, 256
 Гепепирия — 85
 Гера — 163
 Геракл — 100, 130
 Герасимов М. М. — 34
 Герасимова М. М. — 152
 Герберштейн С. фон — 449
 Герман I — 250
 Германарих (Эрманарих) — 153, 183
 Гермон, епископ — 180
 Геродот — 59, 60, 98, 122, 125, 126, 129, 130, 133, 135, 136
 Герцен А. Г. — 170, 216, 221, 222, 225, 227, 256, 259, 277, 307, 312, 313, 369, 371, 466, 467, 470
 Гизольфи — 345
 Гийан Р. — 203
 Гийас ад-Дин бен Таш-Тимур — 365, 367, 368, 370–371, 377–379
 Гиндин Л. А. — 217, 218
 Гипподам — 93
 Гладиллин В. Н. — 33
 Глеб Святославич — 285
 Гней Помпей — 82
 Годила — 229
 Годунов Б. Ф. — 420–422
 Голб Н. — 266, 268
 Голден П. — 237
 Голенко К. В. — 156
 Голицын В. В. — 432–434
 Головин Г. С. — 309
 Головин И. В. — 312
 Головин С. В. — 309, 312–313
 Голофаст Л. А. — 179, 198–200, 204–206, 208, 239, 241, 275
 Голубев В. Н. — 25
 Гольдшмидт И. А. — 336
 Гомер — 93, 122
 Гонорий Флавий — 186, 196
 Гончаров Е. Ю. — 300
 Горгипп, сын Перисада I — 67
 Горгипп, царь Боспора — 63, 64, 67
 Горд — 228
 Гордиан III — 154
 Гордлевский В. А. — 460
 Гордон П. И. — 433
 Городцов В. А. — 43
 Горончаровский В. А. — 89, 151, 158, 159
 Горянов В. Г. — 310
 Готфин — 282
 Граков Б. Н. — 117, 138
 Грациан Флавий — 178
 Греков Б. Д. — 271
 Грибовский В. В. — 486, 500, 505
 Григорий Тавматург — 154, 156
 Григорьев А. П. — 301, 303, 360, 376, 377, 440, 453, 458, 463, 470
 Григорьев В. П. — 301, 360
 Гримальди — 345
 Гуаско, братья — 329, 345, 346
 Гущина И. И. — 170–172
- Д**
- Давуд — 387
 Дагрон Ж. — 181
 Дамиан — 257
 Данилова Е. И. — 53
 Даниял — 372
 Данышин Д. И. — 164, 165
 Даранагци Григор — 380, 381
 Дарий I — 125, 131
 Дарий III — 366, 472
 Дасхуранци М. — 237
 Дашевская О. Д. — 191
 Дашкович (Дашкевич) Е. — 397
 де Мусси Г. — 322
 Девлет Бахты — 396
 Девлет-Берди — 305, 306
 Девлет-Гирей I — 371, 399–403, 415–419, 435, 443, 477, 502
 Девлет-Гирей II — 473, 486, 493
 Девлет-Гирей IV — 509, 515–524
 Девлетек (Девлетек бен Эминек) — 406, 440, 474
 Девлет-Кельди — 367
 Девлет-султан — 372, 474
 Девлетъяр (Даулат-Йар) — 374, 375
 Девлеш — 374, 375
 Деи Б. — 333, 334
 Дейников Р. Т. — 525, 529, 532, 535

- Дексипп Публий Геренний — 154
- Дели-хан — см. *Кырым-Гирей*
- дель Орто А. — 317
- Деметра — 140, 180
- Демиденко Ю. Э. — 33–37
- Демир-Кяхья — 380
- Демосфен — 66
- Демьянчук С. Г. — 94
- Дервиш-Али — 399
- Дервянко Е. И. — 238
- Деций Траян — 153
- Джалал ад-дин — 304
- Джанай (Джанай-оглан, Джан-Гирей) — 365–367
- Джанай-оглан — 368
- Джанибек, золотоордынский хан — 300, 301, 322, 360
- Джанибек, крымский хан — 376, 377, 395, 407
- Джанибек-Гирей — 402, 425, 427, 473, 476
- Джанике-ханум — 369, 370
- Джан-Мамбет-бей — 521
- Джанов А. В. — 382
- Джан-Темир — 488
- Джафар ибн Абу Талиб ат-Тайяр — 461
- Джевдет-паша А. — 386, 389, 442
- Джир-Кутлу — 303
- Джонс А. Х. М. — 177, 230
- Джумадык (Юмадык) — 444
- Джустиниани А. — 323
- Джучи — 297, 365
- Джучиды — 294, 305, 365
- Дзамихов К. Ф. — 485, 496, 499
- Дзенс-Литовский А. И. — 22
- Диагарж Я. — см. *Загарджи Якуб-бей*
- Дивеевы — 440
- Дидий Галл Авл — 85, 112
- Диллер А. — 169
- Диляра-Бикеч — 505
- Димитрий Солунский, св. — 196
- Димитрий, правитель Феодоро — 304
- Димитров Х. — 237
- Динамия — 82–84, 112
- Диоген, епископ — 207
- Диоген, комит — 195, 196
- Диодор Сицилийский — 61, 68, 70, 71, 139
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий — 160, 161, 176–178, 180, 195, 202
- Дион Кассий — 82
- Дионис — 64, 103
- Дионисий Периегет — 152
- Дионисий Тельмахрский — 228
- Диофант — 77, 78, 107, 108, 126, 137, 141, 143, 144
- Дмитриев С. В. — 447
- Дмитрий (Дмитр), монлопский хан — 303, 307
- Дмитрий Иванович Донской — 304
- Долгоруков В. С. — 239
- Долгоруков-Крымский В. М. — 403, 512–516, 518, 519
- Долинова Н. А. — 468
- Домбровский О. И. — 197, 213, 214, 218
- Доминик, папский протонотарий — 382
- Домициан Тит Флавий — 115
- Домиций Модест — 178
- Дондук-Омбо — 490, 491, 493, 496, 497
- Дориа Б. — 317
- Дорофей — 227
- Дорошенко М. — 427, 431
- Дорошенко П. Д. — 404
- Дружинина Е. И. — 387, 513, 517, 518, 524, 525, 527
- Дублянская Г. Н. — 23
- Дублянский В. Н. — 23
- Дубовская О. Р. — 121
- Дубровин Н. — 400, 478, 518, 520, 521, 523–531, 533–536
- Дуглас Г. О. — 495
- Дулицкий А. И. — 27
- Думин С. В. — 374
- Дунаев Б. И. — 311
- Дуптун — 187–189
- Души — см. *Джучи*
- Дьюинг Г. Б. — 213, 217
- Дюбуа де Монпере Ф. — 127, 213
- Дюличев В. П. — 14
- Е**
- Евгений, епископ — 180
- Евгений, митрополит — 283
- Евдокия Оленьковна — 312
- Евдоксий — 190
- Евмел — 68–71
- Евнапий — 180
- Евпатерий — 204, 232
- Евпрепий — 207, 220
- Евсевий — 189
- Евстратий — 287
- Евтих — 161
- Евтушенко А. И. — 34
- Евфимий — 283
- Евфирий — 178
- Евфрон — 106
- Едигей — 299, 304, 305, 324, 440
- Едигер — 444
- Екатерина II — 12, 387, 506, 512–516, 520, 529, 531, 535, 536
- Елена «Волошанка» — 312
- Елпидий — 180
- Еманов А. Г. — 314, 338, 346, 348
- Ена А. В. — 25
- Ефимов А. В. — 476
- Ж**
- Жебелев С. А. — 78, 102, 159
- Жеребцов Е. Н. — 200
- Жуков Б. С. — 41, 44
- З**
- Завадская И. А. — 198–200, 206, 209
- Завойкин А. А. — 62–65, 71
- Завойкина Н. В. — 73
- Загарджи Якуб-бей — 381
- Зайбт В. — 247, 263
- Зайбт Н. — 263
- Зайн-ад дин Рамадан — 360
- Зайончковский А. — 374, 390, 441, 456
- Зайцев И. В. — 300, 368, 370, 371, 377, 378, 380, 382, 383, 386, 388, 407, 410, 414, 436, 444, 447, 453, 455, 463, 464, 465, 467, 470
- Зайцев Ю. П. — 135, 138–145, 147, 148, 167, 169, 170, 191

Залеская В. Н. — 181, 197
 Замятнин С. Н. — 34
 Засецкая И. П. — 161, 170, 184, 185, 190
 Засыпкин Б. Н. — 368, 371
 Захарий, архиепископ — 283
 Захария Ритор (Захария Схолластик) — 199, 200, 227, 234
 Захария, таманский князь — 479
 Захарына Н. С. — 424, 425
 Звягин С. — 424
 Зевс — 142, 163, 164, 180
 Зейн ал-Абидин — 461
 Зейн-эд-Дин Рамазан — 301, 303
 Зеленко С. М. — 279, 281
 Зенон, управляющий — 75
 Зимовец Р. В. — 126
 Зенон (Зинон), император — 195, 196, 201, 202
 Зинько А. В. — 163, 232, 234
 Зинько В. Н. — 231, 232, 242
 Злобин С. — 415
 Зограф А. Н. — 73, 115
 Зоил (Зоила) — 251–253, 263
 Золотарев М. И. — 92
 Зонара И. — 154, 158, 167
 Зосим — 153–156, 158, 161, 167, 177, 183, 184
 Зубарев В. Г. — 161
 Зубарь В. М. — 86, 87, 91, 97, 104, 112, 118, 119, 142, 148, 160, 161, 175–177, 181, 198, 199
 Зугульфи В. — 479
 Зудов З. В. — 395

И

Ибн аль-Асир — 292, 294
 Ибн Баттута — 321, 332, 468
 Ибн Джубайр — 390
 Ибн Дукмак — 299, 300
 Ибн Кемаль — 381, 388
 Ибн Муфаддаль — 298
 Ибн Абд аз-Захыр — 298
 Ибн-ал-Биби — 282, 292
 Ибрагим, султан — 473
 Ибрагим, хан казанский — 474
 Ибрагим бен Махмуд — 368, 444
 Ибрагим-Мюниб — 517

Ибрагимова А. М. — 372, 373
 Ибрагим-паша — 512
 Ибрахим бен Али — 405
 Иван III Васильевич — 309, 311–313, 372, 373, 376, 378, 396, 406, 408, 409, 456, 474, 479, 480
 Иван IV Грозный — 398, 399, 415–419
 Иван Васильевич, великий князь Рязанский — 408
 Иван Иванович, князь — 408
 Иван Молодой — 312
 Иваникс М. — 410
 Иванов Д. — 393, 394
 Иванов С. А. — 249
 Иванчик А. И. — 168
 Идант (Идантемид) — 141
 Идаров Темрюк — 417
 Идрис бен Хаджи-Яхья бен Мухаммед Ираки — 302, 469
 Идриси — см. *ал-Идриси*
 Иентш-Али-паша — 496
 Иероним (Джироламо) ди Калтафонья — 353
 Иероним Стридонский — 186
 Иешу Стилит — 186
 Изз-ад-дин Кайкавус — 297
 Измайлов И. Л. — 303
 Измайлов Я. А. — 30
 Икономидис Н. — 281
 Илья, архонт Херсона — 251, 252
 Ильяс-бег — 324
 Инает-Гирей — 402, 403
 Иналджик Х. — 379, 380, 383
 Индиаву — 370
 Инифимей — 91
 Иоанн XXII, папа римский — 353
 Иоанн, епископ Готии — 255–259, 279
 Иоанн Грамматик — 262
 Иоанн Златоуст — 162, 249
 Иоанн Комнин — 280, 309
 Иоанн Малала — 229, 234
 Иоанн Мосх — 249
 Иоанн Никиусский — 228
 Иоанн Психаит — 253
 Иоанн Скилица — 269, 285
 Иоанн Цимисхий — 269, 281, 284

Иоанн Эфесский — 228, 234
 Иоанн, апоипат — 229
 Иоанн, ипат, коммерциарий — 247
 Иоанн, эпарх Херсона — 251–252
 Иордан — 153, 157, 174, 184, 192–194, 207, 215, 234, 235
 Иосиф II Габсбург — 530
 Иосиф Флавий — 152
 Иосиф, хазарский царь — 237
 Ирина (Чичак) — 249
 Иса (Куркуз) — 300
 Исаак, правитель Феодоро — 312, 407
 Исаак, эпарх Херсона — 254
 Исанф — 73
 Исатай — 303
 Игудий — 188
 Исида — 180
 Исин А. И. — 394
 Искендер-бей — 435–436
 Ислам-Гирей I — 396–398, 414, 415, 442, 443, 464
 Ислам-Гирей II — 389–391, 401, 402, 419, 420, 455
 Ислам-Гирей III — 387, 403, 428, 472, 473
 Исмаил, сефевидский шах — 409
 Исократ — 62
 Исуп (Юсуф) — 406
 Исхаков Д. М. — 303
 Ищенко С. А. — 451

Й

Йадгар — 377
 Йолбога — 334

К

Кабелла Антониотто — 328
 Кабузан В. М. — 503, 531
 Кадеев В. И. — 112, 116, 117
 Кадм — 165
 Кадыр-Берди — 305
 Каждан А. П. — 286
 Казанский М. М. — 162, 173
 Кази-Гирей-султан — 499
 Казимир IV Ягеллончик — 327, 367, 376, 377
 Казы-Гирей — 437
 Казы-Гирей-султан — 516

- Каит-бей — 408
 Кайтукин Асламбек — 499
 Кайтукины — 437
 Калнышевский П. — 510
 Калокир — 269
 Кальпурниан Аполлонид, Тит Аврелий — 118
 Камал Феодорит — 313
 Камасария (Камасаре Филотекнос), жена Перисада III — 73, 75, 140, 141
 Камасария, жена Перисада I — 67
 Каменский М. Ф. — 517
 Кампора Д. — 353
 Канбар ибн Хамдан — 461
 Канзауков Себок — 435
 Каникли Али-паша — 519
 Канунов Машук — 435
 Капитон, епископ — 181, 198
 Каплан-Гирей I — 486, 489–493
 Каплан-Гирей II — 510, 511
 Кара-Дауд — 455
 Каракалла Марк Аврелий Антонин — 166
 Каралос Л. — 457
 Караулов Г. — 214
 Карл VI Габсбург — 501
 Карл XII — 487
 Карпов С. П. — 315, 317, 321, 323, 334, 342, 346–348, 350, 351, 359–362, 458, 465
 Касим-хан — 377, 394
 Кассиан — см. *Константин Мангуп*
 Касым, посланник — 409
 Касым, правитель Каффы — 436
 Кауниц В. А. — 536
 Кафаеци Хачатур (Хачгроз) — 472, 483
 Кац В. И. — 101, 136
 Кашпар А. О. — 43
 Кашенко А. — 496
 Кедрин Георгий — 228, 240, 285
 Кельдибек — 377
 Кемаль-ата (Кемаль Ага-султан, Кемаль Ата-фатих, Кемаль-Баба) — 455, 456
 Кемаль-мурза — 434
 Кенан-паша — 411
 Кеппен П. И. — 12, 213, 214, 217, 221, 471
 Кёпрулю Фазыл Ахмед-паша — 431
 Кибела — 140
 Кидирниязов Д. С. — 491
 Кизилов М. Б. — 351, 355, 465
 Кинросс Л. — 496
 Кипчаки — 440, 444, 466
 Кирей-Сиит — 456
 Кириак — 247
 Кирилко В. П. — 310
 Кирилл (Константин Философ), св. — 246, 264
 Кирилл, монах — 255, 257, 258
 Кисель А. — 428
 Кислый А. Е. — 44
 Климент I, папа римский — 263, 264
 Климент VI, папа римский — 322
 Климент Охридский — 246, 264
 Климент, архиепископ — 283
 Клюкин А. А. — 32
 Кляшторный С. Г. — 183, 231, 236
 Книпович Т. Н. — 164
 Ковалюх М. М. — 33
 Ковнурко Г. М. — 244
 Коджа Алибек бен Иса бен Тулук-Тимур — 301, 303
 Коковцов П. К. — 237, 268
 Колесникова Л. Г. — 197
 Коли Л. П. — 372, 373, 375
 Колодзейчик Д. — 385, 440
 Колосов Ю. Г. — 34
 Колотухин В. А. — 49, 54–57, 124, 126, 127, 234
 Колтовский Д. — 426
 Колтухов С. Г. — 45
 Кольчев И. — 418
 Комар А. В. — 260
 Коммод — 119
 Коновалова И. Г. — 290, 369
 Кононов А. Н. — 301
 Констант II — 209, 220, 237, 240
 Константин I Великий — 161, 177, 178, 180, 188, 202
 Константин II — 176
 Константин IX Мономах — 290
 Константин V Копроним — 244, 247–250, 254, 256
 Константин VII Багрянородный — 83, 160, 177, 254, 262, 269, 284, 287–289, 317
 Константин XI — 310, 311
 Константин Мангуп — 311
 Константин, архиепископ Сугдеи — 283
 Константин, митрополит Готии — 475
 Константин, спафарий — 263
 Константин, херсонский архиепископ — 274
 Константинов А. Д. — 400, 478, 525, 533
 Констанций I Хлор, римский император — 177
 Констанций II — 161, 190
 Контарини А. — 449
 Контны Б. — 169
 Кончокин К. — 507
 Копылов В. П. — 170
 Корбулон — 114
 Корженевский С. Н. — 50
 Корженевский В. В. — 32
 Корпусова В. Н. — 53, 130, 132, 134
 Косагов Г. — 430
 Костин Ю. В. — 27
 Костюрин Г. М. — 503
 Косцюшко-Валожич К. К. — 209
 Косьма, комит — 253, 254
 Котис I — 85
 Котис II — 86, 90, 115, 116
 Котис III — 91
 Котляр Н. Ф. — 348
 Кочубинский А. — 492, 499
 Кошеленко Г. А. — 69
 Кравченко С. А. — 125
 Крайнов Д. А. — 41, 44
 Крамаровский М. Г. — 296, 297, 299, 333, 336, 337, 456
 Крапивина В. В. — 64
 Краснощёков И. — 491
 Крис Х. И. — 127
 Крисаченко В. С. — 14
 Кропоткин В. В. — 283
 Кропотов В. В. — 139
 Кротов А. И. — 516
 Кругликова И. Т. — 70, 152
 Крым-Гирей I — см. *Кырым-Гирей*

- Крымский А. Е. — 405
 Ксенофонт — 60
 Кубарев В. Д. — 238
 Кубрат (Куврат) — 236–238, 245
 Кудайяр — 445
 Кудояр-князь — 464
 Кузнецов В. Д. — 159, 239, 241
 Кулаковский Ю. А. — 43, 153, 168
 Кудай Шукур — 397
 Куликовы (Кулюковы) — 440
 Кулюк-мурза — 440
 Кунграты — 444
 Курат А. Н. — 369, 463
 Курбатов Г. Л. — 180
 Кургокин (Атажукин) Б. — 437
 Кургокин (Атажукин) М. — 497
 Кутайсов В. А. — 99, 106, 107, 131, 208
 Кутлуг-буга (Кутлу-Буга, Кутлуг-буга) — 303, 324
 Кутлуг-Заман (Токълукъ Заман) — 374, 375
 Кутлуг-Тимур — 299, 300, 302, 304, 324
 Кучук-Мухаммед (Кичи-Мухаммед, Мухаммед-хан) — 305, 377, 378
 Кушева Е. Н. — 399, 435
 Кызласов Л. Р. — 238
 Кырым-Гирей — 504–509
 Кырыми Мевляна Сейид Ахмед бен Абдулла — 371
- Л**
- Лаврентьев А. В. — 423
 Лавров В. В. — 156
 Ладынин И. А. — 76
 Ламберц Э. — 258
 Ландульф Миланский — 228
 Ласси П. П. — 491, 494, 495, 497–499
 Латышев В. В. — 152, 158, 159, 163–165, 169, 174, 178, 180, 187, 190, 195, 198, 202–204, 209, 210, 212, 229, 232, 257, 274, 282
 Лашков Ф. Ф. — 390, 391, 403, 443, 445, 476, 526, 527, 536
 Лев I Макелла — 200
 Лев III Исавр — 244, 248–250, 254, 256
 Лев IV Хазар — 253, 257
 Лев V Армянин — 248
 Лев VI Философ, византийский император — 287
 Лев Диакон — 269, 270
 Лев Диоген — 272
 Лев, спафарий — 268
 Лев, кардинал-епископ Остии — 263
 Левинская И. А. — 164
 Левкон I — 61–67, 99
 Левкон II — 73
 Левконида — 66
 Левченко М. В. — 270, 271
 Лемерсье-Кельеже Ш. — 385
 Леонтий, византийский император — 250, 251
 Леонтъев И. — 431
 Леонтъев М. И. — 490, 491, 493
 Лесков А. М. — 44
 Лесли Ю. Ф. — 493
 Лехно Давид — 376
 Лешкевич И. М. — 538
 Лжедмитрий I — 422, 423
 Лжедмитрий II — 424
 Ливия — 83
 Лисейцев Д. В. — 422, 423, 425
 Лисий — 62
 Лисимах — 69
 Литвин Михалон — 447, 449
 Лициний Валерий Лициниан — 181
 Лициний II — 177
 Лобан-Колычев (Лобанов-Колычов) И. А. — 378, 408, 474
 Лобжанидзе Ф. А. — 511, 522, 523, 537
 Лобода И. И. — 170, 172, 193
 Ломеллини К. — 325, 326
 Лопухин А. И. — 496
 Лукиан Самосатский — 74, 152
 Луп (Лупп) Солунский, св. — 196
 Лупанова М. Е. — 512, 514
 Лызлов А. И. — 450
 Лысенко А. В. — 172
- М**
- Магмед-Кирей — см. Мухаммед-Гирей I
 Магомедов Б. В. — 173
 Мадариага И. де — 531, 536
 Мазепа И. С. — 433, 487
 Майко В. В. — 282, 283, 292, 378
 Макаров И. А. — 114, 118
 Макарова Т. И. — 187, 230, 239, 241, 246, 285–287
 Максимиан Геркуллий — 176
 Максуд-Гирей — 508
 Малашев В. Ю. — 170
 Малик Аштер — 471
 Малиновский А. Ф. — 379
 Малицкий Н. В. — 302, 306, 307
 Малов А. В. — 419
 Мальбахов Б. К. — 487, 469, 499
 Мальгин А. В. — 516
 Мамай — 300, 302–304, 324
 Мамак — 406
 Маметша-мурза (Меметша-мурза) — 445
 Мамонов И. Г. — 393, 449
 Мамышак (Мамыш, Мамышек бен Мустафа, «Мустофин царев сын») — 378, 379
 Мангыт (Мангыты, Мансуры) — 444, 446, 523
 Мансур, шейх — 537
 Мануил II Палеолог — 310
 Мануил II, константинопольский патриарх — 274
 Манштейн Х. Г. фон — 492
 Манько В. А. — 38, 40, 42
 Манько В. О. — 40–42, 44
 Марджани Ш. — 376, 379
 Мариан — 207
 Маринович Л. П. — 69
 Мария Борисовна — 312
 Мария Мангупская — 312, 407
 Мария Асанина Палеологиня Цимбалаконины — 309
 Марк Аврелий Антонин — 118, 148, 166
 Маркевич А. И. — 456
 Мартин I, римский папа — 211, 212, 220, 239, 313
 Масаев М. В. — 490, 497, 511–513, 515, 518, 519

- Масленников А. А. — 66, 68–70, 84, 87, 122, 132, 134, 139, 152, 165, 171, 187, 189
- Масса И. — 423
- Масягин В. В. — 170
- Матвей I Корвин (Матьяш Хуньяди) — 382
- Матфей, иеромонах — 307
- Махар — 80, 81, 109
- Махмуд I — 452, 470
- Махмуд бен Кучук-Мухаммед — 377
- Махмуд, хан Золотой Орды — 372
- Махмудек — 368, 372
- Махнева О. А. — 170
- Махортых С. В. — 121
- Мацкевой Л. Г. — 44
- Мацулевич Л. А. — 161, 185
- Мачанов А. Е. — 496
- Мачинский Д. А. — 148
- Мегакл из Нимфея — 64
- Медведев И. П. — 216
- Меде-Мамадж — 377
- Медынцева А. А. — 285
- Мелентьев А. — 423, 424
- Мелик-Тимур — 301
- Мемеш — 497
- Мемнон — 79
- Менаандр Протектор — 231, 234, 235
- Менгли-Гирей I (Бенглы-Герай-султан) — 312, 328, 366, 368, 370, 372, 374–379, 382, 383, 388, 392, 396, 399, 405–410, 413, 434, 440, 442–445, 449, 452, 453, 455, 456, 464, 467, 472, 473, 478–482, 484
- Менгли-Гирей II — 488, 495, 496, 501
- Менгу-Тимур (Менгутемир) — 299, 317, 353
- Мережковский К. С. — 37
- Мерлани В. — 357
- Мерперг Н. Я. — 47
- Мехмед II Фатих — 326, 328, 371, 382, 385, 388
- Мехмед Субхи — 495
- Мехмед, санджак-бей — 436
- Мехмед-Гирей (Мухаммед-Герай, Мухаммед Герай бин Мубарек Герай Дженгизи) — 382, 383
- Мехмед-Гирей, калга — 435
- Мехмед-паша — 382
- Мехмед-эфенди, имам — 472
- Мехмед-эфенди, кадий — 472
- Мехмед-эфенди, шейх — 454
- Мехмед Дервиш-паша Яглык-джызаде — 519
- Меховский М. — 313, 457
- Микаелян В. А. — 335
- Миллер В. Ф. — 261
- Миних (Мюнних) Б. К. — 490–494, 497, 498, 502
- Мирза — 336
- Мисостовы — 437
- Митридат VI Евпатор — 73–75, 77–83, 89, 107–110, 126, 144, 145
- Митридат VIII — 85, 86, 112
- Митридат Младший (Филопатор) — 79, 80
- Митридат Пергамский — 82
- Митридагиды — 79
- Михаил I Кируларий — 274
- Михаил IV Пафлагон — 180
- Михаил VIII Палеолог — 316, 318
- Михаил Вишневецкий — 431
- Михаил Матарх — 286
- Михаил Пселл — 270
- Михаил Сириец — 228, 235
- Михаил Федорович, русский царь — 387, 425
- Могаричев Ю. М. — 225, 307, 369, 371, 470
- Могильников В. А. — 238
- Мозолевский Б. М. — 135
- Молев Е. А. — 72, 74, 76, 187
- Молчанов Н. Н. — 486
- Мольпагор — 75
- Моммзен Т. — 160
- Монахов С. Ю. — 93
- Моравчик Д. — 245
- Мордвинцева В. И. — 139, 145, 169
- Мстислав Тмутараканский (Мстислав Владимирович Храбрый) — 266
- Муагерий — 229
- Музаффар — 377, 378
- Мурад IV — 411
- Мурад-Гирей, крымский хан — 405, 431
- Мурад-Гирей, царевич — 420, 421
- Муралевич В. С. — 404
- Муса-мурза — 496
- Мусин-Пушкин В. П. — 518
- Мусси Г. де — 322
- Мустакимов И. А. — 300
- Мустафа III — 452, 508
- Мустафа, кадиаскер — 476
- Мустафа, очаковский паша — 434
- Мустафа, сын *Гийас ад-Дина* — 377, 378
- Мустафа, хатыб — 452
- Мустафа-ага, очаковский топчи-баши — 524
- Мустофар — 378
- Мутаввакиль — 387
- Мухаммад ибн аль-Хасан аль-Махди — 461
- Мухаммед Риза (Сейид Мухаммед Риза ал-Кырыми) — 366, 453, 456, 495
- Мухаммед, молла — 452
- Мухаммед, пророк — 455, 456, 457, 459, 462
- Мухаммед, султан — 371
- Мухаммед, сын *Мустафы*, сына *Гийас ад-Дина* — 378, 379
- Мухаммед-Гирей (Мехмед-Гирей) I — 378, 379, 386, 392–396, 410, 412, 414, 415, 439, 441–443, 473, 474, 480, 481
- Мухаммед-Гирей (Мехмед-Гирей) II Толстый (Жирный) — 390, 401, 419
- Мухаммед-Гирей (Мехмед-Гирей) III — 387, 402, 410, 411, 428
- Мухаммед-Гирей (Мехмед-Гирей) IV — 403, 427, 428, 430
- Мухаммед-Эмин — 444
- Мухаммед-эфенди — 454
- Мыц В. Л. — 135, 172, 277, 279, 280, 311, 324, 326–328, 333, 345, 346, 361, 381
- Мюбарек, султан — 399

Мюбарек-Гирей (Шакай Мюбарек-Гирей), крымский ну-рэддин — 402, 435
Мясной Н. В. — 397, 483

Н

Навои Алишер — 366
Навруз-улу Селебек — 496, 497
Нагой А. Ф. — 417, 418, 477
Надинский П. Н. — 13, 14
Надир-хан Ашраф — 488
Нарушевич А. — 12
Насир — 377
Науменко В. Е. — 268, 277, 283, 307
Негри А. Ф. — 376, 399, 400, 458
Некрасов А. М. — 365, 366, 372, 375, 382, 383, 385, 386, 389, 398, 399, 435, 443, 457, 477
Некрасов И. Ф. — 487
Неневоля И. И. — 167, 169, 170, 191
Неоптолем — 78
Нерон Клавдий Цезарь — 113
Нессель В. А. — 94
Нечитайло А. Л. — 45
Нешри — 380
Нидаи Реммал-ходжа (Мухаммед Нидаи Кайсуни-заде) — 372, 388, 398, 399, 448, 449, 454, 455, 472
Никоандр Колофонский — 126
Никита, епископ — 258
Никитина Г. Ф. — 172, 173
Никифор Алан — 272
Никифор Григора — 321
Никифор Ксантопул — 283
Никифор Фока — 269
Никифор, кесарь — 253
Никифор, патриарх Константинопольский — 160, 207, 216, 220, 235–238, 240, 250–252, 255, 260
Никифор, стратиг Херсона — 263
Никифоров — 505
Николаева Э. Я. — 230, 233
Николаенко Г. М. — 93, 95, 97, 104, 113
Николай I Мистик — 268, 274, 282

Никольский П. В. — 461, 462
Нил Доксопатр — 279
Нистазопуло М. — 283
Новирос — 336
Новиченкова Н. Г. — 86
Новосельский А. А. — 422–426, 457
Новосельцев А. П. — 183, 192, 284
Новосильцов Л. З. — 477
Ногай — 273, 280, 297–299, 307, 466
Ноздроватый-Звенигородский В. И. — 406
Нужный Д. Ю. — 42
Нур-Девлет (Нурдевлет) — 374–378, 385, 444, 478
Нурсултан («Ази-царица») — 373, 444, 445, 474, 480

О

Оболенский Д. Д. — 237, 262
Овидий — 71, 73, 75
Овчаров Д. — 199
Оздемир (Озтимур), сын Хаджи-Гирея I — 374, 375
Оздемир, отец Осман-паша — 435, 436
Озепи М.-Ф. — 248, 258, 259
Озтюрк Ю. — 380
Олег-Михаил, тмутараканский князь — 286
Олиферов А. Н. — 22, 23
Ольгерд — 302, 303, 307
Ольховский В. С. — 123, 132, 138
Ольшовский А. — 431
Орешкова С. Ф. — 388, 441, 514
Орешников А. В. — 210
Орлик Ф. С. — 427
Ортекин Х. — 404, см. также Ortekin H.
Осман II — 436
Осман III — 504
Осман Куркчи — 460
Осман-паша Оздемироглу — 435, 436
Османы — 388, 389, 395, 435, 436
Остапчук В. — 449, 450
Остерман В. — 504
Островский А. Б. — 30
Отрощенко В. В. — 52

П

Павел IV (Павел Новый, патриарх константинопольский) — 257, 258
Павел Орозий — 81, 183
Павленко Н. И. — 485
Павличенко Н. А. — 64
Пагано Н. — 320
Палак — 74, 77, 107, 108, 126, 142, 143
Палеологи — 309–312
Палиенко В. П. — 29
Паллас П. С. — 176
Пальцева Л. А. — 110
Панин П. И. — 510
Паниссари Д. — 354
Папац — 240
Паромов Я. М. — 239
Парфенов В. Н. — 168
Парфенокл Тит Флавий — 114
Патесплен Фряжин — 479
Патканов К. — 236
Пашу Ф. — 154, 161
Пашолотти Ф. Б. — 346
Пейсонель К.-Ш., де — 454, 463, 476, 501, 502, 504
Пенской В. В. — 450
Перикл — 61, 98
Перисад I — 67, 68, 74, 89, 139
Перисад II — 73, 75
Перисад III — 73, 75, 140
Перисад IV Филометор — 73, 75, 140
Перисад V — 73, 77, 78
Перисад, царевич — 68, 139
Перхавко В. Б. — 356
Песах — 266, 268
Петр I — 487, 488
Петр III — 506
Петр, архиепископ Сугдеи — 283
Петр, митрополит Киевский — 249
Петр, царевич-самозванец (Корвин И. И.) — 424
Петров А. Н. — 507, 509, 513
Петрона Каматир — 254, 262, 264
Петруня В. Ф. — 34
Печеви Ибрахим — 397
Пигулевская Н. В. — 186
Пий II, папа римский — 328

- Писемский Ф. А. — 417, 477
 Плано Карпини Д. дель — 282, 292, 295
 Платон — 357
 Плетнева С. А. — 184, 234, 239, 241–243, 288–291, 308
 Плихт Й. ван дер — 33
 Плутарх — 61, 63, 66, 78, 79, 81, 137
 Подгородецкий П. Д. — 22, 31
 Полемон I — 83, 84, 112
 Полемон II — 113
 Полибий — 70
 Полиен — 63, 68
 Полиен С. В. — 134
 Поло М. — 316
 Поло Н. — 316
 Пономарев А. Л. — 305, 322, 324, 330, 333, 334, 335, 367, 368
 Пономарев Л. Ю. — 287
 Посидей — 106, 142
 Посидоний — 79
 Потемкин-Таврический Г. А. — 535
 Потоцкий С. Р. — 430
 Почекаев Р. Ю. — 298
 Приднев С. В. — 291
 Приймак Ю. В. — 488
 Приммиан Аттилий — 118
 Приск Панийский — 186, 191
 Присциан из Кесарии — 212, 215, 216, 220, 222
 Притан — 68
 Прицак О. Й. — 237
 Проб — 227
 Прозоровский А. А. — 514, 515, 523–525, 527, 528
 Прокопий Кесарийский — 184, 192–194, 202, 204, 212–215, 217–222, 227–229, 234, 235
 Прокопий Узурпатор — 177–179
 Прохоров Д. А. — 14
 Птолеми — 75, 76
 Птолемей II Филадельф — 75
 Птолемей III Еввергет — 75
 Птолемей IV Филопатор — 75
 Птолемей Клавдий — 152
 Пудет Корнелий — 111
 Пуэдровский А. Е. — 138, 144, 146–148, 167, 169, 170, 191
 Пулад — 377
 Пургасов В. — 425
 Пустовалов С. Ж. — 52
- Р**
- Рабиб-Азарья — 404, 502, 528
 Рабиновиц А. — 274
 Равеннский Аноним — 215
 Радамсад — 161
 Радинг Ю.-Г. — 494
 Радлов В. — 468
 Раевский Д. С. — 136
 Ракушин А. И. — 458
 Ратибор — 286
 Регино Прюмский — 288
 Рековец Л. И. — 32, 33
 Реметалк I — 90, 116
 Репников Н. И. — 216, 222, 257, 279
 Ресми-Ахмет-эфенди — 517
 Ретовский О. Ф. — 337, 368, 390
 Рибер А. — 485
 Ризван-паша — 390
 Рискупорид I Аспург — 84, 85, 88, 112, 144, 146
 Рискупорид III — 166
 Рискупорид IV — 155, 156, 166
 Рискупорид V — 157, 161
 Робер Ж. — 156
 Робер Л. — 156
 Рогачев А. Н. — 37
 Рогинский Я. Я. — 36
 Рогов Е. Я. — 99, 100
 Родос (Рода) — 142
 Розен В. Р. — 270, 271
 Романчук А. И. — 179, 197, 206, 210, 211, 252, 261, 275, 276
 Ромм Ж. — 369
 Ромодановский Г. Г. — 430, 432
 Ростислав Владимирович — 272
 Ростовцев М. И. — 75, 76, 83, 151–153, 158–160, 163, 164, 166, 168, 175–178, 198
 Рохлин Д. Г. — 33
 Рубрук Г. де — 294, 295
 Рудзевич Я. — 535
 Руев В. Л. — 380, 381
 Румянцев-Задунайский П. А. — 475, 509, 510, 517, 521, 523–525, 527–531, 533
- С**
- Саадет-Гирей (Сеадет-Гирей) I — 396, 397, 414, 415, 440, 443, 467, 473, 480, 481
 Саадет-Гирей II — 402, 419, 420
 Сабазий — 164
 Сабельников П. — 480
 Саваг — 187–189
 Савеля Д. Ю. — 169
 Савеля О. Я. — 96, 118, 175, 193
 Савинов Д. Г. — 231
 Савмак — 77, 78
 Савостина Е. А. — 175
 Савромат I — 168
 Савромат II — 87, 90, 120
 Савромат III — 168
 Савромат IV — 160
 Садибей — 334
 Сазанов А. В. — 211
 Сайид-Ахмад (Сеит-Ахмет) I — 305, 326, 367, 377
 Саламова Н. А. — 494, 502, 510, 512
 Саламон М. — 156
 Салах ад-Дин Юсуф (Саладин) — 390
 Салман Фариси (Абу Абдуллах Салман аль-Фариси) — 461
 Салтыков Л. А. — 416
 Самбучето Л. ди — 317, 318
 Сами-эфенди («Сали Эфенди») — 453
 Самойлов А. Н. — 534
 Самойлович А. Н. — 461, 468
 Самойлович И. С. — 433
 Санин А. Г. — 486
 Санин Г. А. — 15, 385, 386, 406, 412, 429
 Сапрыкин С. Ю. — 78, 79, 82, 85, 90, 93, 97, 98, 100, 101, 110, 114, 143, 144, 159, 168
 Саргис, архимандрит — 354
 Саргсян Т. Э. — 249, 303, 372
 Сарновский Т. — 118, 119, 175–177
 Сарра К. — 357
 Сары-Салтук — 456
 Сатир I — 61–63, 66, 99
 Сатир II — 67, 68, 139
 Сатир III — 73
 Сатир Гай Юлий — 110

- Сафа-Гирей, крымский калга и нурэддин — 420, 472
 Сафа-Гирей, хан Казани — 415
 Сахаров А. М. — 367
 Сахиб-Гирей I — 366, 372, 386, 387, 395, 397–399, 409, 414, 415, 440, 442–444, 448, 450, 455, 458, 472, 475, 481
 Сахиб-Гирей II — 512, 515–520
 Свечников Н. В. — 477
 Святослав Игоревич — 269, 270, 288
 Севоргян Э. В. — 468
 Седжиуты — 440, 444, 446, 466
 Седикова Л. В. — 198, 210, 264, 274
 Сеит-гази — 424
 Сейтягьяев Н. С. — 375, 379
 Секиринский Д. С. — 346
 Секиринский С. А. — 282, 292, 346
 Секст Веттулен Керялис — 115
 Секст Фронтон — 115
 Селамет-Гирей I — 402, 403, 421, 425
 Селамет-Гирей II — 470, 501, 502
 Селим I Явуз — 313, 387, 389, 390, 410
 Селим II (Селим Блондин, Селим Пьяница) — 401, 435
 Селим-Гирей I — 404, 405, 410, 431, 433, 434, 470, 472
 Селим-Гирей II — 502
 Селим-Гирей III — 505, 506, 511
 Селим-Гирей, кубанский сераскир — 496
 Селим-Гирей-хан — 528
 Сельджукиды — 387
 Селямет-Эфенди Шейх-заде — 460
 Селями — 472
 Семён Олелькович — 312
 Сенаторов С. Н. — 125, 131–133
 Серапис — 180
 Сергийчук В. — 14
 Серко (Сирко) И. Д. — 430, 431
 Сесиний — 219
 Сестренич-Богущ С. — 12
 Сефевиды — 419
 Сеферь — 424
 Сигизмунд I — 479, 481
 Сигизмунд III — 425
 Сидоренко В. А. — 154, 161, 202, 204, 207–210, 214, 216, 217, 233, 240, 256, 259, 337
 Сильван Тиберий Плавтий — 113
 Сильзибул (Синджибу) — 203, 231
 Симмах Юлий — 91
 Симоненко А. В. — 147
 Синан — 471
 Сириск — 76
 Скаффа Д. ди — 321
 Скварчафико Оберто — 328
 Скилур — 74, 107, 126, 137, 141–144
 Скимн Хиосский — 126
 Скорняков-Писарев И. — 426
 Скорый С. А. — 121, 126
 Скржинская Е. Ч. — 193, 356, 382
 Скржинская М. В. — 169
 Скрибоний — 83
 Смекалова Т. Н. — 136, 145, 148
 Смирнов В. Д. — 365, 366, 370, 371, 373–375, 379, 380, 382–385, 388–390, 404–406, 433, 436, 441–443, 453, 455, 456, 463, 472, 474, 478, 481, 487, 492, 495, 501, 502, 506, 509, 512, 515, 523, 533
 Смирнов И. И. — 395
 Смирнов Н. А. — 437
 Смокотина А. В. — 230–232
 Сог Аврелий Валерий — 160, 164
 Созомен Саламан Ермий — 165, 184
 Соколова И. В. — 201, 207, 208, 211, 253, 254, 263
 Соколова О. Ю. — 64
 Соловьев С. М. — 413
 Соломон — 219
 Соломоник Э. И. (С. I.) — 103, 104, 125, 133, 175–178, 180–182, 202, 213, 214, 218, 244
 Соранцо Д. — 319
 Сорочан С. Б. — 116, 268
 Сосибий Флавий Сергиан — 118
 Сотавов М. Н. — 488, 507, 508
 София, жена Юстина II — 202, 203
 Софья Алексеевна, царевна — 434
 Софья Палеолог — 309, 311
 Спадин — 187–189
 Спарток I — 61
 Спарток II — 66, 67
 Спарток III — 69–73, 75
 Спарток IV — 73, 75
 Спарток V — 73, 140
 Спартокиды — 58, 61, 62, 64–67, 71–78, 84, 88, 89, 98, 163
 Спицын А. А. — 43
 Станислав I Лещинский — 487, 489
 Старков Алексей — 407
 Старокадомская М. К. — 334
 Стахийев А. — 528, 530
 Стелла Д. — 322
 Степаненко В. П. — 281, 309
 Степанова Е. В. — 247, 281, 283, 285, 286
 Степанчук В. Н. — 32–34
 Стефан III Великий — 312, 384, 410
 Стефан Асмикт — 251
 Стефан Византийский — 60
 Стефан Новый — 248, 259
 Стефан Урош II Милутин Неманич — 306
 Стефан, ипат — 207
 Стефан, князь Новгорода — 249
 Стефан, херсонский епископ — 207
 Стефан-Исповедник, архиепископ Сугдейский (Сурожский) — 248–250
 Стоянов Р. В. — 93
 Страбон — 60, 66, 68, 77, 78, 122, 126, 140, 193
 Стржелецкий С. Ф. — 179, 196, 205
 Струков Д. М. — 257
 Стрыйковский М. — 371
 Суворов А. В. — 204, 229, 517, 524, 537

- Сукексиан — 155, 156
 Сулайман ал-Амаш ал-Куфи — 461
 Сулейман I Великолепный (Сулейман Мухтесем) — 386, 471, 481
 Сулейман-ага — 522
 Сулешев Арслан-мурза — 425
 Сулешевы (Сулешовы) — 440
 Султанов Т. И. — 183
 Сурхай — 491
 Сыроечковский В. Е. — 356, 371, 392, 394, 443, 458, 471, 473, 474, 479, 480
 Сырпак — 407
- Т**
- Тайдула — 300, 301
 Талис Д. Л. — 221, 224
 Тамерлан (Тимур) — 304, 307, 324
 Таргитай — 129
 Тард — 232
 Тарзатык-мирза — 435
 Тасий — 107
 Татар-мирза — 435
 Татаров — 437
 Тацит, историк — 86
 Тацит, римский император — 158
 Ташкенди-Али — 368
 Таш-Тимур (Тимур-Таш) — 304, 366, 464
 Тегене-бей — 444
 Тейран I (Тиберий Юлий Тейран) — 88, 158, 159, 161, 163, 174
 Телегин Д. Я. — 40, 41, 43
 Темеш — 407
 Темир бен Мансур бен Едиге — 444, 445
 Темир-Кая — 329
 Темир-Бука — 296
 Темир ибн Дин-суфи — 474
 Тенгиз-Буга — 303
 Теодорих Великий — 194, 213, 217
 Теопронид — 64
 Тепкеев В. Т. — 486, 493, 497
 Тервель — 245, 251
 Тереножкин А. И. — 121
 Тиберию-Юлии — 158, 187, 189
- Тиберий I Клавдий Нерон — 111, 115
 Тиберий (Тиберий) II Константин — 201, 203, 229, 231
 Тиберий III Аписимар — 253
 Тиберий, сын Юстиниана II — 254
 Тизенгаузен В. Т. — 282, 292, 294, 297–300, 303, 319, 321, 332, 367
 Тимофей Элур — 199
 Тимур бин Мансур — 440
 Тимур-Кутлуг-бек — 302
 Тимур-Кутлуг (Тимур-Кутлук) — 304, 377
 Тимур-хан (Темир-хан) — 304, 305
 Тимур-Ходжа — 303
 Тимченко З. В. — 22
 Тинибек — 301
 Тиханова М. А. — 215
 Тогрул I — 387
 Тогрул (Тогрылджи) — 299
 Толочко И. В. — 152, 170
 Толстиков В. П. — 59, 61, 68, 131, 141
 Томанбей — 334
 Томашек В. — 213, 214
 Торбин В. — 426
 Тотт де — 507
 Тохта (Токта), хан Золотой Орды — 297–299, 319, 353
 Тохта-мурза — 435
 Тохтамыш — 303–305, 307, 324, 366
 Тохтамыш-Гирей — 402
 Тохтасьев С. Р. — 63, 72, 93
 Тощев Г. Н. — 53, 54
 Траян Марк Ульпий — 86
 Трепавлов В. В. — 296, 303, 365, 367, 371, 377, 379
 Третьяк А. И. — 532
 Трубецкой А. Н. — 430
 Труфанов А. А. — 170
 Тукатимуриды — 367
 Тулук-Тимур (Тюлек-Тимур) — 301, 302
 Туман-бай II аль-Ашраф — 390
 Тункина И. В. — 314
 Тунманн И. — 11–13, 451, 453
 Тур В. Г. — 356
- Туран А. Н. — 452
 Турксанф (Тянь-Хань-хан) — 203, 231–232
 Турова Н. П. — 193, 279
- У**
- Уженцев В. Б. — 99, 106
 Узбек (Султан Гийас ад-Дин Мухаммед) — 299–301, 303, 319, 353
 Уз-Тимур — 374
 Узун-Хасан — 328
 Уилис М. — 322
 Улуг-Мухаммед — 305, 306, 367, 371, 372, 444, 458
 Ульяновский В. И. — 424
 Уляницкий В. А. — 495, 517
 Урекли М. — 373
 Усманов М. А. — 369, 439
 Успенский Ф. И. — 269
 Утемиш-хаджи — 301, 303
 Ушаков С. — 424
 Ушаков С. В. — 192
- Ф**
- Фабрициан Ф. И. — 534
 Фаизов С. Ф. — 404, 440
 Фарнак I — 76, 105, 107
 Фарнак II — 82, 110, 144
 Фарсанз — 155, 156
 Фатиме (Фатима) — 462
 Феаген (Феоген) — 110, 202, 203
 Федор Васильевич Третной — 408
 Федор Иванович — 421
 Федоров-Давыдов Г. А. — 288
 Федосеев Н. Ф. — 217
 Федцов И. Б. — 415
 Фейзулла-эффенди — 521
 Фемистий — 163, 179
 Федор Спандунис — 306
 Федор Студит, св. — 255, 259, 260
 Федор, епископ Никейский — 273, 280, 286
 Федор, монах — 207, 220
 Феодосий I Великий Флавий — 178, 181, 195, 196, 198, 200
 Феодосий II Флавий — 196
 Феодосий III Андрамандин — 248, 250

Феофан Исповедник — 220,
227–229, 236, 237, 240,
249, 251, 252, 255
Феофил — 254, 262, 264
Феррунтий Тиберий Плавтий
Феликс — 118
Фетхи-Гирей I — 390, 402,
403, 421
Фетхи-Гирей II — 489, 493,
495, 499
Филарет — 259
Филипп I Араб — 153
Филиппенко А. А. — 192
Филиппик Вардан — 252
Филоненко В. И. — 484
Филоних — 75
Филосторгий — 186
Фирсов Л. В. — 217, 218, 310, 345
Фиссель Д. — 179, 229
Фишер А. — 521
Флави — 114, 115, 178
Флегонт Тралльский — 86
Флетчер Дж. — 449
Флориан Марк Анний — 158
Флоря Б. Н. — 425
Формозов А. А. — 34
Форнари Баттиста, де — 325
Фофорс — 161
Фролов И. — 496
Фролова Н. А. — 83, 155, 156
Фундуклулу — 434

Х

Хаджи Али-паша — 518, 523
Хаджи Мехмед Сенаи — 387
Хаджи-бей — 528
Хаджи-Гирей (Ази-Гирей) I —
305, 325, 326, 365–370,
372–379, 406, 408, 452, 470
Хадиджа — 472
Хайрединава Э. А. — 154, 155,
158, 165, 187, 193, 194, 206,
209, 218, 219, 226, 278
Халиль бен Махмуд — 444
Халим-Гирей, крымский хан —
504

Халим-Гирей, турецкий исто-
рик — 373, 389, 404, 442
Халкокондил Лаоник — 372
Хамза Сады-оглу — 405
Хан В. — 202, 209, см. также
Hahn W.

Хан-заде Хани — 404
Хартахай Ф. — 368, 381, 453,
459, 475, 477
Хасан ал-Басри — 461
Хасан, внук
    пророка Мухаммеда — 461
Хасдай ибн Шафрут — 237
Хачебей — 303
Хачикян Л. С. — 356
Хворостинин Ф. И. — 421
Хедир-улан — 424
Хезарфенн Хюсейн — 366, 373,
374, 388, 391, 441, 447
Хеллер К. — 301
Хельгу — 268
Хеннеберг Р. — 274
Хить Г. Л. — 468
Хмельницкий Богдан — 403,
428, 429
Хмельницкий Юрий — 430
Ховрины-Головины — 309, 310,
312, см. также Головин
    Г. С., Головин С. В.
Ходжа Кокос (Гёкгёз) — 406,
407, 482
Ходжа-Алибек — 301
Хоменок О. С. — 516, 518
Хорошкевич А. Л. — 383, 384
Хостинг Дж. — 487
Храпунов И. Н. — 56, 138, 167,
168, 170
Храпунов Н. И. — 14, 178, 188,
189, 202, 204, 284
Хрисипп — 66
Хромов К. К. — 306
Худяков Ю. С. — 238
Хулагу — 297
Хусам ад-Дин Чопан — 468
Хусам Гирай — 404
Хусейн бен Темир — 445
Хусейн, внук
    пророка Мухаммеда — 461
Хусейн-эфенди — 454
Хызр Шах-эфенди — 454
Хюсам — 453

Ц

Цветаева Г. А. — 151, 152, 158,
166, 171
Цеева З. А. — 503
Цезарь Гай Юлий — 82, 110,
111

Цепков Ю. А. — 272
Цицерон — 357
Цукерман К. — 160, 175–178,
180, 195, 196, 202, 236, 237,
240, 244–246, 248, 258,
259, 263, 268
Цюрюмов А. В. — 489, 493

Ч

Чабай В. П. — 33, 34, 37
Чабак — 409
Черепанова Е. Н. — 46
Черкасов А. В. — 36
Черкес-бег — 324
Чингизиды — 440, 444
Чингиз-хан (Чингисхан) —
299, 304, 365, 388
Чиперис А. М. — 326, 327, 346
Чичуров И. С. — 160, 215, 235,
240, 241, 244, 251, 253, 256
Чобан Мустафа (Мустафа
    Пастух) — 403
Чобан-ата — 455
Чобан-заде Б. — 468
Чудин А. В. — 136
Чхаидзе В. Н. — 289
Чюгук-мурза — 435

Ш

Шабаз-Гирей — 437
Шабульдо Ф. — 366
Шагин-Гирей — 400, 403, 404,
445, 453, 478, 512, 513, 516,
519, 521–530, 532–537
Шалыга Д. А. — 217
Шангин М. А. — 160
Шандровская В. С. — 247
Шарафутдинов С. — 373, 374,
376
Шаров О. В. — 172
Шах-Али — 395
Шахин-Гирей — 402, 403, 410,
411, 427
Шахматов А. А. — 271
Шевки Арслан — 436
Шевченко А. В. — 93
Шевченко И. И. — 216
Шейх-Ахмед — 371
Шейх-Мухаммед — 459, 461
Шелов Д. Б. — 81, 152, 157, 171
Шелов-Коведяев Ф. В. — 63,
65–67, 131

Шемердень — 408
 Шене Ж. К. — 252, 253, 263
 Шеншин А. — 425
 Шереметев В. Б. — 430
 Шестаков С. А. — 115, 168, 180,
 198
 Шефов Н. А. — 495
 Шехбаз-Гирей — 434
 Шильтбергер И. — 333, 369
 Шимька Фряжин — 481
 Ширакаци А. — 236, 237
 Ширины — 369, 377, 397, 399,
 404, 440, 443–446, 448,
 466, 473, 523
 Ширков К. — 423
 Шир-Мердун (Шир-Мед,
 Шереметев
 (Большой) И. В.) — 400
 Ших-Мамай — 398
 Шмит Ф. И. — 225
 Штерн Э. Р. — 185
 Штофельн Х. Ф. фон — 509
 Шульц П. Н. — 127, 141, 291

Щ

Щеглов А. Н. — 101, 136, 138,
 142
 Щеголева Т. — 482
 Щелинский В. Е. — 32
 Щепинский А. А. — 32, 44–46,
 48, 49, 126, 127
 Щербатов М. А. — 421
 Щербатов Ф. Ф. — 513
 Щербинин Е. А. — 387, 514,
 516, 519
 Щукин М. Б. — 172

Э

Эбуль-Хайр Руми — 455
 Эварницкий Д. И. — 505
 Эвлия Челеби — 388, 389, 430,
 435, 436, 441, 448, 450,
 453, 454, 456, 459, 464,
 469–471, 483
 Эльбасар — 319
 Эльдар-Гирей — 491
 Эль-Макин — 270
 Эль-Омари — 292
 Эмин-Гирей — 398
 Эминек бен Тегене (Эминек-
 мурза) — 328, 377, 440,
 444

Эмир-хан — 512
 Эрнст Н. Л. — 13
 Эсхил — 122

Ю

Югош Р. Н. — 505
 Юлиан Отступник (Флавий
 Клавдий) — 162, 177
 Юргевич В. Н. — 331, 341
 Юрий (Георгий) Тархан — 250
 Юстин I — 201, 227, 228
 Юстин II — 203, 204
 Юстин Марк Юниан — 78
 Юстиниан I — 189, 201–205,
 210, 212–215, 218–222, 225,
 228–230
 Юстиниан II — 215, 220, 240,
 250–252, 255, 256
 Юсуф — 34

Я

Ягеллоны — 405
 Яйленко В. П. — 65–67, 79, 104,
 118
 Якобсон А. Л. — 179, 185, 193,
 196, 197, 205–211, 214, 216,
 218, 221, 225, 239, 244,
 252, 259, 261, 264, 269,
 271, 275, 279, 309
 Яковенко С. В. — 132, 134
 Якуб бен Узун-Хасан — 410
 Якуб эль-Коневи (Коний-
 ский) — 469
 Якуб-ага — 524
 Якубовский А. Ю. — 282, 292
 Якуб-эфенди — 454
 Якушечкин А. В. — 367
 Ямгурджи — 399
 Ямгурчи (Ямгурчей), аталык —
 401, 421
 Ямгурчи (Йамгурчи), крым-
 ский калга — 374, 375, 408,
 409, 443, 445, 473, 474
 Ян Собеский — 432
 Ян-Али — 296
 Ян-Ахмет-челибей — 423
 Яневич А. А. — 39, 40, 42
 Янкуват — 445
 Янтемир — 399
 Япанчи — 445
 Яровая Е. А. — 356
 Яфар Бердей — 407

Яхья Антиохийский — 270, 271
 Яценко С. А. — 155

А

Abrahamowicz Z. — 472, 479
 Agosto A. — 326
 Ahrweiler H. — 203, 229, 246,
 253, 262
 Airdi G. — 334, 358
 Andreescu Ş. — 326, 362
 Andrusiewicz A. — 425
 Anonimo Genovese — 329
 Aprosio S. — 341
 Arneth A. von — 535, 536
 Augé I. — 355
 Auzépy M.-F. — 247, 251, 245,
 248, 255–258
 Avraméa A. — 209

В

Bachrach B. S. — 152, 153, 168
 Baktır M. — 387
 Balard M. — 304, 317, 318, 323,
 324, 330–333, 335, 336,
 338, 341–343, 346–352,
 355, 359
 Balbi G. — 314, 351
 Balletto L. — 314, 319, 336, 339,
 347, 356, 357
 Barnwell P. S. — 194
 Basso E. — 324, 327, 351
 Battolini F. — 11
 Bennigsen A. — 385, 386, 401,
 473
 Bibikov M. — 332
 Bisconti F. — 199
 Blockley R. C. — 183, 186, 192,
 203, 204, 231, 232, 234
 Bouras Ch. — 226
 Bozoyan A. — 249
 Brătianu G. — 317
 Brian Glyn W. — 369
 Brooks E. W. — 200
 Buongiorno M. — 338, 340, 351
 Burke A. — 36
 Büsching Anton Friedrich — 11
 C
 Cameron A. — 193, 212
 Chabai V. P. — 33
 Charewiczowa Ł. — 348

Ciocoltan V. — 324
 Courtois C. — 193
 Crepin L. — 38
 Crippa M. A. — 199

D

Dagron G. — 163, 179, 181, 231
 Darrouzès J. — 244–246, 248,
 255, 259, 274, 276, 283
 De Peyssonel — 476
 Decei A. — 389
 Dei Benedetto — 333, 334
 Delehaye H. — 245
 Desimoni C. — 324
 Devos P. — 263
 Di Cosmo N. — 346
 Diller A. — 169
 Dimitrov D. P. — 199
 Dölger F. — 316
 Drimba V. — 355
 Dubois de Montpéreux F. — 214
 Dunlop D. M. — 241, 242

E

Ebül-Hayri-Rumi — 456

F

Feissel D. — 179, 229
 Ferring C. R. — 36
 Ferrua A. — 199
 Fiocchi Nicolai V. — 199
 Fisher A. — 386, 391
 Fisher A. W. — 499, 507, 519,
 521, 522, 528, 536
 Flammermont J. — 536
 Floria B. — 426
 Forcheri G. — 320
 Foss C. — 223, 263

G

Gelzer H. — 276, 283
 Gioffrè D. — 347
 Giustiniani Agostino — 317, 323
 Godlowsky K. — 167
 Golb N. — 241, 250
 Golden P. — 236, 237
 Grierson Ph. — 240
 Guillaud R. — 188

H

Hahn W. — 201, 202, 208, 209
 Halim Giray — 365, 366, 373

Halim-Geray Sultan — 366, 389,
 404
 Halkin F. — 180
 Hamilton F. J. — 199, 200
 Hamm J. — 479
 Hayes J. W. — 240
 Heather P. J. — 183
 Hercen A. G. — 167
 Hewsen R. H. — 236, 237, 240
 Heyd W. — 317, 319, 346, 349,
 361
 Hocquet J.-Cl. — 347
 Horn M. — 424
 Hryszko R. — 348

I

Inalcik H. — 379, 389, 444
 Ivanics M. — 442

J

Jacoby D. — 347
 Jakubczyk I. — 192
 Jones A. H. M. — 177, 180, 188,
 195, 202, 203, 212, 230

K

Kellner-Heinkele B. — 386, 405
 Kolankowski L. — 367
 Konuk N. — 382
 Kressel R. Ph. — 354
 Kunina N. — 232
 Kurat A. N. — 369
 Kuun G. — 355

L

Lamberz E. — 255, 258
 Lassus J. — 223
 Lawrence A. W. — 223
 Laznickova-Galetova M. — 38
 Le Quien M. — 190
 Lemerrier-Quellejay Ch. —
 385, 386, 395, 401, 473
 Loboda I. I. — 146
 Lockart L. — 491
 Loenertz R.-J. — 319, 353, 354
 Lombardo A. — 315
 Lopez R. S. — 347
 Lunardi G. — 337

M

Mączyńska M. — 192
 Maenchen-Helfen O. — 192

Magocsi P. R. — 15
 Małowist M. — 327, 328, 348
 Mansi J. D. — 250, 257, 260
 Maraval P. — 158, 165
 Marks A. E. — 36
 Martin J. — 350
 Matthews J. — 183
 Matuz J. — 408, 441, 443
 Mazzoleni D. — 199
 McKinney C. — 36
 Meyvaert P. — 263
 Migne J. P. — 154, 162, 165, 207,
 220, 234, 255, 259, 260
 Mommsen T. — 160
 Monigal K. — 36
 Moravcsik Gy. — 231, 232, 241,
 245, 254
 Morozzo Della Rocca R. — 315,
 350
 Morrisson C. — 179
 Musso G. G. — 327, 328

N

Nadel B. — 161
 Nesbitt J. — 253
 Nicephori Gregorae — 321
 Nuri Paşa Mustafa — 519
 Nystazopoulou-Pélékidis M.
 (Νυσταζοπούλου Μ. Γ.) —
 168, 196, 247, 248, 283, 294,
 298, 318, 359

O

Ohme H. — 207, 215, 226, 256
 Oikonomidès N. — 253, 263,
 281, 284
 Origone S. — 322, 342, 354
 Ortekin H. — 366, 404
 Ousterhout R. G. — 226
 Öztürk Y. — 380, 391

P

Paschoud F. — 154
 Pean S. — 38
 Peçevi İbrahim Tarih-i Peçevi —
 397
 Petti Balbi G. — 314, 355
 Pistarino G. — 328, 338, 339,
 342, 351, 362
 Podhorodecki L. — 481
 Polak W. — 425
 Polo Marco — 316

Prat S. — 38
 Pritsak O. — 237, 241, 250
 Prysajnyuk V. — 38

Q

Quirini-Popławska D. — 465
 Quirini-Popławski R. — 314

R

Raiteri S. — 351
 Richard J. — 353
 Richter J. — 33
 Rieu Ch. — 472
 Riley J. A. — 235
 Rink J. — 36
 Robert J. — 156
 Rossi G. — 340

S

Salamon M. — 156
 Salin B. — 185
 Saraceno P. — 320, 338, 339,
 344
 Schiltberger J. — 333
 Schmidt J. — 383
 Schreiner P. — 355
 Schütz E. — 473, 483
 Schwarcz A. — 154–157
 Ščukin M. B. — 167
 Seibt W. — 247, 252
 Şen F. M. — 372
 Serdjuk N. — 146
 Ševčenko I. — 216, 249, 255, 259
 Skrzinska E. — 356
 Sodini J.-P. — 233
 Sorbelli A. — 361
 Stella, Giorgio — 317, 323
 Stella, Giovanni — 317, 323

T

Thiriet F. — 316, 318
 Thompson E. A. — 183, 186, 192
 Tietze A. — 371
 Tomaschek W. — 162, 213, 214
 Tononi A. G. — 322
 Treadgold W. — 202, 252, 253,
 262, 270
 Tunmann J. E. — 11

U

Urbaniak A. — 192
 Ürekli M. — 367, 368, 373

Usik V. I. — 36
 Uthmeier T. — 33
 Uzunçarşılı I. H. — 492

V

Valloton H. — 507
 Vásáry I. — 367, 370, 377
 Verlinden Ch. — 348
 Vigna A. — 328, 331, 333, 336,
 346

W

Walter C. — 196
 Wensinck A. J. — 387
 Werner J. — 184, 185
 Wheelis M. — 322
 Winfield D. — 223, 263
 Wolfram H. — 151, 153, 156,
 157, 194
 Woliński J. — 431

Y

Yanevich A. — 38

Z

Zarnitz M.-L. — 247
 Zibawi M. — 199
 Żółkiewski S. — 425
 Zuckerman C. — 161, 178, 180,
 181, 198, 238, 241, 246, 253,
 262, 263
 Zuk S. — 32

Научное издание

История Крыма

В двух томах

Том 1

Редакторы *Е. И. Рычкова, Е. Р. Ароян*
Корректор *Е. Р. Цегельник*
Компьютерная верстка *В. Г. Курочкин*
Допечатная подготовка *М. А. Рогова*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
E-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 05.12.2017
Формат 165 × 235 мм
Усл. печ. л. 45, 96;
усл. печ. л. ил. 3,06;
усл. печ. л. цв. ил. 1, 29
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-9950-0871-2

